

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ
ФАКУЛЬТЕТ АРХИВНОГО ДЕЛА
КАФЕДРА АРХИВОВЕДЕНИЯ
ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ДОКУМЕНТ. АРХИВ. ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

Материалы IV Международной
научно-практической конференции

Москва, Российский государственный
гуманитарный университет, 3 октября 2019 г.

Пушкино, Московский областной
архивный центр, 4 октября 2019 г.

Москва
ООО «ТЕРМИКА.РУ»
2020

УДК 930.25(08)

ББК 79.3я43

Конференция проведена при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований,
проект № 19-09-20049 «Научные мероприятия»

Д63 Документ. Архив. Информационное общество: сборник материалов
IV Международной научно-практической конференции / сост.: Е. М. Бурова,
О. Е. Антонова. — М.: ООО «ТЕРМИКА.РУ», 2020. — 636 с.
ISBN 978-5-6042890-6-8

В сборник включены материалы IV Международной научно-практической конференции «Документ. Архив. Информационное общество», состоявшейся 3–4 октября 2019 г. в Российском государственном гуманитарном университете. В опубликованных докладах авторы проанализировали современные теоретико-методические, терминологические, правовые и организационные проблемы отечественного архивоведения по направлениям: общие вопросы архивоведения и смежных дисциплин; отечественная история и архивы; архивы и архивное образование в условиях цифровой экономики; научно-технические и аудиовизуальные архивы в информационном обществе; обеспечение сохранности и реставрация архивных документов; семейная история в контексте истории страны.

Вопросы источниковой базы по истории Московской губернии и Московской области, преимущественно конца XIX — первой половины XX в. стали темой круглого стола «История Подмосковья в архивных документах (к 90-летию Московской области)», проходившего в Московском областном архивном центре (Пушкино, мкр. Мамонтовка).

В конференции приняли участие ученые, ведущие специалисты научных организаций, руководители и специалисты архивных учреждений, преподаватели, аспиранты и магистранты вузов, а также участники из ближнего и дальнего зарубежья.

УДК 930.25(08)

ББК 79.3я43

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-6042890-6-8

© ООО «ТЕРМИКА.РУ», 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ	13
СПИСОК ОРГАНИЗАЦИЙ, ПРЕДСТАВИТЕЛИ КОТОРЫХ ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ В КОНФЕРЕНЦИИ	25
 РАЗДЕЛ I	
ОБЩИЕ ВОПРОСЫ АРХИВОВЕДЕНИЯ И СМЕЖНЫХ ДИСЦИПЛИН	29
Документальный источник в документальном источниковедении <i>Козлов Владимир Петрович</i>	30
Тенденция развития частных архивов во Вьетнаме <i>Чан Хоанг, Чан Вьет Ха</i>	46
Структура технотронных документов и архивов в информационном обществе <i>Ланской Григорий Николаевич</i>	51
Проблемы нормативного обеспечения архивного дела в современных условиях <i>Ларин Михаил Васильевич</i>	62
Архивы в системе социальной и исторической памяти. Новые аспекты <i>Илизаров Борис Семенович</i>	74
Предпосылки ревизии принципа недробимости архивного фонда <i>Бурова Елена Михайловна</i>	82
«Технические требования по оцифровке архивных документов» — первый официальный документ по стандартизации процессов оцифровки в Российской Федерации <i>Юмашева Юлия Юрьевна</i>	97
 РАЗДЕЛ II	
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ И АРХИВЫ	105
Архивные разыскания в трудах Комиссии по истории знаний АН СССР (1926–1932) <i>Илизаров Симон Семенович</i>	106
Преобразование управления таможенным делом в Царстве Польском в 1850–1867 гг. <i>Артур Горак</i>	116
Образовательные практики российской военно-поселенной организации: аграрные учебные заведения (по материалам отчетной и статистической документации) <i>Кандаурова Татьяна Николаевна</i>	124
Документальные свидетельства о пребывании русской армии в Царстве Польском в XIX–XX вв. <i>Мариуш Кулик</i>	138
Источники по истории служащих в органах земского самоуправления дореволюционной России <i>Чернышева Елена Викторовна</i>	146

Деятельность польской делегатуры в годы войны в рассекреченных документах Алма-Аты и Семипалатинска <i>Губайдуллина М. Ш., Исова Л. Т.</i>	153
«Прошу зачислить меня в штат сотрудников...»: кадровый состав Екатеринбургского губархива в 1919 — начале 1920-х гг. <i>Цемленкова Светлана Ивановна</i>	168
Новые архивные документы о деятельности военной разведки на территории Подмосковья (30 сентября 1941 — 20 апреля 1942 г.) <i>Каримов Олег Владимирович</i>	179
Массовые источники по истории засухи и голода 1946–1947 гг. в Курской области <i>Аргунов Олег Николаевич</i>	187
Из истории эвакуации политэмигрантов в Казахстан (по документам Архива Президента Республики Казахстан) <i>Кабдулова Куралай Дауренбековна</i>	196
Германский вопрос в дипломатии Н. С. Хрущева в 1961 г. (по материалам РГАНИ) <i>Журкина Анастасия Александровна</i>	205
Новые факты о гибели министра внутренних дел В. К. Плеве: о возможностях архивной эвристики на современном этапе развития электронных информационно- поисковых систем <i>Лебедев Владимир Дмитриевич</i>	213
Подмосковье времен гражданской войны глазами его правителей <i>Аксютин Юрий Васильевич</i>	221
К. К. Злобин и вопрос о систематизации документов государственного архива Министерства иностранных дел во второй половине XIX в. <i>Санин Олег Геннадиевич</i>	243
Объявление как вид военного документа в период гражданской войны в России (по материалам Российского государственного военного архива) <i>Париева Лада Руслановна</i>	254
Дети и война в архивных документах рассекреченных фондов Казахстана <i>Кульбаева Алмагуль Тлеуовна</i>	264
Барон А. Х. Люберас и его роль в учреждении архива в России <i>Мустафин Артур Рашидович</i>	276
Документы по истории крымского отделения ВАРНИТСО в фондах Российского государственного архива экономики <i>Акимченков Виктор Владимирович</i>	282
Основные проблемы выявления уникальных и особо ценных документов <i>Химина Нина Ивановна</i>	292
Воронежские архивисты первых лет советской власти: судьба на фоне эпохи (к 100-летию ГАВО) <i>Алленова Валерия Алексеевна</i>	303
Обзор коллекции материалов отдела игры Московского городского Дома-Дворца пионеров в фондах Музея истории детского движения ГБПОУ города Москвы «Воробьевы горы» <i>Ефимова Елена Алексеевна</i>	314

Роль документов из личных архивных фондов в информационном обеспечении современной исторической науки: об одной телеграмме принца А. П. Ольденбургского профессору Б. В. Никольскому <i>Сафронова Ольга Николаевна</i>	324
Об опыте формирования архивных коллекций в Центре документации общественных организаций Свердловской области <i>Каплюков Владимир Владимирович, Яркова Елена Ивановна</i>	332
Использование документов государственных архивов Южного Урала в народнохозяйственных целях в 1930-е гг. <i>Бурангулов Байрас Вакилович</i>	342
Женский взгляд на события 1917 г. (по материалам личных фондов РГАЭ) <i>Альтман Мария Михайловна</i>	352
РАЗДЕЛ III	
АРХИВЫ И АРХИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ	361
Электронные документы личного происхождения: проблемы понятия, классификации, ценности и сохранности <i>Двоеносова Галина Александровна</i>	362
Организация хранения кадровой документации в условиях цифровой экономики <i>Глотова Светлана Александровна</i>	370
Онлайн-публикации исторических источников как фактор расширения доступа к информации в современном цифровом обществе: на примере публикации средневековых «Хроник» Ж. Фруассара <i>Калашиников Александр Михайлович</i>	378
Классификация архивных интернет-ресурсов и онлайн-представление архивных справочников <i>Муравьева Наталья Александровна</i>	384
Конверсия информации электронных документов в современном делопроизводстве <i>Славко Татьяна Ивановна</i>	398
К вопросу о сроках передачи электронных документов в архив <i>Суровцева Наталия Геннадиевна</i>	404
Представление аудиовизуальных архивов в сети Интернет <i>Юмашева Юлия Юрьевна</i>	414
К вопросу стандартизации профессиональных требований подготовки работников архивов организаций <i>Ромашин Игорь Евгеньевич</i>	423
Электронный научно-справочный аппарат архивов: итоги и перспективы развития <i>Афанасьева Лада Павловна</i>	430
Актуальные проекты международных стандартов и технических отчетов ИСО, регламентирующих вопросы сохранности и хранения электронных документов <i>Варламова Людмила Николаевна</i>	441

РАЗДЕЛ IV

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ И АУДИОВИЗУАЛЬНЫЕ АРХИВЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ. ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОХРАННОСТИ И РЕСТАВРАЦИЯ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ... 450

Фотографические материалы: проблемы оцифровки и использования <i>Томислав Гергель</i>	451
Проблема трактовки понятия «Научно-техническая документация» <i>Кюнг Павел Алексеевич</i>	462
Цифровые видеоматериалы как источник изучения общественного ролевого движения в России <i>Славко Маргарита Андреевна</i>	468
«Хранить нельзя уничтожить»: поиск и восстановление фонодокументов Всесоюзного радио периода Великой Отечественной войны в 1960-е гг. <i>Жукова Мария Михайловна</i>	475
Взаимодействие Центрального государственного исторического архива Санкт- Петербурга и лабораторий обеспечения сохранности документов: актуальные вопросы и перспективы <i>Исакова Елена Валерьевна</i>	481

РАЗДЕЛ V

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ СТРАНЫ..... 490

История крестьянской семьи в XX в. в архивных документах <i>Мазур Людмила Николаевна</i>	491
Архивные документы личного происхождения: научная ценность и специфика работы с ними <i>Лёвин Сергей Владимирович</i>	508
Архивные материалы о роли членов императорской фамилии в деятельности Министерства императорского двора по созданию великокняжеских резиденций <i>Ефимов Андрей Александрович</i>	516
Судьба человека в истории России XX в. <i>Будченко Лидия Ивановна, Филиппова Антонина Петровна</i>	522
Архивы русских эмигрантов: письма А. И. Коновалова и В. М. Зензинова в фонде А. Ф. Керенского 1939–1948 гг. <i>Леонтьева Ольга Геннадьевна</i>	531
Письма инженера-гидротехника профессора А. С. Аксамитного (1884–1931) <i>Чичуга Марина Алексеевна</i>	541
Документы по истории строительства храма Христа Спасителя в Москве 1839– 1883 гг. (по материалам личного фонда С. В. Дмитриева в РГБ) <i>Антонова Оксана Евгеньевна</i>	547
Институт семьи в России в контексте истории рода Самойловых-Масловых <i>Самойлов Василий Дмитриевич</i>	553

РАЗДЕЛ VI**ИСТОРИЯ ПОДМОСКОВЬЯ В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ
(К 90-ЛЕТИЮ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)..... 562**

Проблемы достоверности статистических материалов в изучении экономического развития пореформенных городов Московской губернии (по документам ЦГА Москвы)

Соза Лилия Нисоновна..... 563

Справочники по Звенигородскому и Подольскому уездам: опыт структуризации и атрибутирования генеалогических источников

Максимова Татьяна Викторовна..... 572

Роль низовых профсоюзных организаций Московской области в ликвидации неграмотности 1920–1930 гг. по документам МОАЦ

Суржик Ольга Сергеевна..... 580

Военная пропаганда 1920–1930 гг. по материалам МОАЦ

Бочаров Владимир Юрьевич..... 589

Школьное образование в Московской губернии в 1919–1920 учебном году. Обзор фонда Московского отдела народного образования (ЦГАМО)

Шевченко Валерий Анатольевич..... 598

РАЗДЕЛ VII**УЧАСТНИКИ ДИСКУССИЙ..... 602**

Печатные доски династии Нгуен — всемирное документальное наследие

Доан Тхи Хоа..... 603

Проблемы подготовки специалистов в области архивного дела на современном этапе во Вьетнаме и перспективное сотрудничество с Российским государственным гуманитарным университетом

Ву Тхи Фунг..... 616

Влияние бывшего советского и российского архивоведения на развитие вьетнамского архивоведения

Нгуен Ван Тхам..... 627

CONTENTS

INTRODUCTION.....	13
LIST OF ORGANIZATIONS WHOSE REPRESENTATIVES ATTENDED THE CONFERENCE.....	25

SECTION I

GENERAL QUESTIONS OF ARCHIVAL SCIENCE AND RELATED DISCIPLINES.....	29
Documentary source in documentary source studies <i>Kozlov Vladimir Petrovich.....</i>	30
Trend in the development of private archives in Vietnam <i>Chang Hoang, Chan Viet Ha.....</i>	46
Structure of technotronic documents and archives in informational society <i>Lanskoy Grigoriy Nikolaevich.....</i>	51
Problems of normative support of archiving in modern conditions <i>Larin Mikhail Vasilyevich.....</i>	62
Archives in the system of social and historical memory (new aspect) <i>Ilizarov Boris Semyonovich.....</i>	74
Prerequisites for revision of the principle of indivisibility of the archival fund <i>Burova Elena Mikhailovna.....</i>	82
«Technical requirements for digitalisation of archive documents» — the first official document for standardizing digitalisation processes in Russian Federation <i>Yumasheva Julia Yuryevna.....</i>	97

SECTION II

RUSSIAN HISTORY AND ARCHIVES.....	105
Archival findings in the proceedings of the commission on the history of knowledge of the USSR Academy of Sciences (1926–1932) <i>Ilizarov Simon Semyonovich.....</i>	106
Transformation of the management of customs affairs in the Kingdom of Poland in 1850–1867 <i>Artur Górak.....</i>	116
Educational practices of the russian military settlement organization: agricultural educational institutions (on materials of reporting and statistical documentation) <i>Kandaurova Tatyana Nikolaevna.....</i>	124
Documentation of the arrival of the russian army in the Kingdom of Poland in the XIX–XX centuries <i>Mariusz Kulik.....</i>	138

Sources on the history of zemstvo self-government bodies employees of pre-revolutionary Russia	
<i>Chernysheva Elena Viktorovna</i>	146
Activities of the polish delegation during the war in declassified documents of Alma-Ata and Semipalatinsk	
<i>Gubaidullina M. Sh., Isova L. T.</i>	153
«I please enter me in the staff of the employees...»: human resources staff of the Yekaterinburg provincial administration of the archival fund in 1919 – the beginning of the 1920 s.	
<i>Tsemenkova Svetlana Ivanovna</i>	168
New archival documents on the activities of military intelligence in the Moscow region (30 september 1941 — 20 april 1942)	
<i>Karimov Oleg Vladimirovich</i>	179
Mass sources on the history of drought and famine 1946–1947 in the Kursk region	
<i>Argunov Oleg Nikolaevich</i>	187
From the history of the evacuation of political emigrants to Kazakhstan (according to the documents of the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan)	
<i>Kabdulova Kuralai Daurenbekovna</i>	196
German question in the diplomacy N. S. Khrushchev in 1961 (by the materials of RHANI)	
<i>Zhurkina Anastasia Aleksandrovna</i>	205
New facts about the death of the minister of internal affairs V. K. Pleve: about possibilities of archival heuristics at the modern stage of development of electronic information and search systems	
<i>Lebedev Vladimir Dmitrievich</i>	213
Moscow region times of civil war by the eyes of its rules	
<i>Aksyutin Yurii Vasil'evich</i>	221
K. K. Zlobin and the question of question of systematization of documents of the state archive of the Ministry of Foreign Affairs in the second half of the XIX century	
<i>Sanin Oleg Gennadiyevich</i>	243
Declaration as a type of military document during the civil war in Russia (based on the materials of the Russian state military archive)	
<i>Parieva Lada Ruslanovna</i>	254
Children and war in archival documents declassified funds of Kazakhstan	
<i>Kulbayeva Almagul Tleuovna</i>	264
Baron A. Ch. Luberis and his role in the establishing of Russian archives	
<i>Mustafin Artur Rashidovich</i>	276
Documents on the history of the crimean branch varnitsa in the Russian State Archive of Economy	
<i>Akimenkov Victor Vladimirovich</i>	282
The main problems of identification of unique and especially valuable documents	
<i>Himina Nina Ivanovna</i>	292
Voronezh archivists in the first years of the soviet authority: fate on the background of the epoch (on the 100-th anniversary of GAVO)	
<i>Allenova Valeria Alekseevna</i>	303

Review of collection of materials of Department of games of the Moscow City Palace-House of Pioneers in the Museum of history of children's movement of State budget professional educational institutions «Vorobyovy Gory»

Efimova Elena Alekseevna..... 314

The role of documents from personal archival funds in the information support of modern historical science: one telegram of prince A. P. Oldenburgsky to professor B. V. Nikolsky

Safronova Olga Nikolaevna..... 324

About the experience of forming archival collections at the Center for documentation of public organizations of the Sverdlovsk region

Kaplyukov Vladimir Vladimirovich, Yarkova Elena Ivanovna..... 332

Use of documents of the state archives of the Southern Urals for economic purposes in 1930

Burangulov Bayras Vacilovich..... 342

Woman's look at the events of 1917 (based on personal RSAE funds)

Altman Maria Mikhailovna..... 352

SECTION III

ARCHIVES AND ARCHIVAL EDUCATION IN THE DIGITAL ECONOMY..... 361

Electronic documents of personal origin: problems of concept, classification, value and safety

Dvoenosova Galina Alexandrovna..... 362

Organization of personnel documentation storage in digital economy

Glotova Svetlana Aleksandrovna..... 370

Online publications of primery sources as an element of increasing access to information in today's digital society: based on medieval «Chronicles» by Jean Froissart

Kalashnikov Aleksandr Mikhailovich..... 378

Classification of archival internet resources and online representation of archival directories

Muravyeva Natalya Alexandrovna..... 384

Electronic document information conversion in modern business

Slavko Tatyana Ivanovna..... 398

To the question of the timing of the transfer of electronic records to the archive

Surovtseva Natalia Gennadiyevna..... 404

Submission of audiovisual archives on the Internet

Yumasheva Julia Yuryevna..... 414

To the question of standardization of professional requirements for preparation of employees archives of organizations

Romashin Igor Evgenievich..... 423

Electronic search databases in archives: results and prospects for development.

Afanasyeva Lada Pavlovna..... 430

Current drafts of international standards and ISO technical reports regulating the safety and storage of electronic documents

Varlamova Ludmila Nikolaevna..... 441

SECTION IV

SCIENTIFIC, TECHNICAL AND AUDIOVISUAL ARCHIVES IN THE INFORMATION SOCIETY. PRESERVATION AND RESTORATION OF ARCHIVAL DOCUMENTS.....450

Photographic materials: problems of digitalization and use <i>Tomisław Giergiel</i>	451
The problem of interpretation of the term «Scientific and technical documentation» <i>Kyung Pavel Alekseevich</i>	462
Digital video materials as source for the study of public role movement in Russia <i>Slavko Margarita Andreevna</i>	468
Keep or destroy: search and restoration of radio sound records of world war II in the middle 1960 <i>Zhukova Maria Mikhailovna</i>	475
An interaction of the Central State Historical Archive of Saint Petersburg with the document preservation laboratories: actual problems and prospects <i>Isakova Elena Valer'evna</i>	481

SECTION V

FAMILY HISTORY IN THE CONTEXT OF THE COUNTRY'S HISTORY... 490

The history of the peasant family in XX century in archival documents <i>Mazur Lyudmila Nikolaevna</i>	491
Archive documents of personal origin: scientific value and the specific character of work with them <i>Lyovin Sergei Vladimirovich</i>	508
Archive materials concerning the role of the members of the emperors' kin in the activity of the Ministry of the Imperial Court to build grand ducal residences <i>Efimov Andrey Alexandrovich</i>	516
The fate of man in the history of Russia of the XX century <i>Budchenko Lidiya Ivanovna, Filippova Antonina Petrovna</i>	523
Archives of russian emigrants: letters of A. I. Konovalov and V. M. Zenzinov in the fund of A. F. Kerensky 1939–1948 <i>Leontieva Olga Gennadievna</i>	531
Letters from a hydraulic engineer professor A. S. Aksamitov (1884–1931) <i>Chichuga Marina Alekseevna</i>	541
Documents on the history of the construction of the Cathedral of Christ the Saviour in Moscow 1839–1883 (according to the materials of the personal fund of S. V. Dmitriev in trein RSL) <i>Antonova Oksana Evgen'evna</i>	547
The institution of family in Russia in the context of the history of the genus Samoilov-Maslova <i>Samoylov Vasily Dmitrievich</i>	553

SECTION VI

HISTORY OF THE MOSCOW REGION IN ARCHIVAL DOCUMENTS (TO THE 90-TH ANNIVERSARY OF THE MOSCOW REGION)..... 562

Statistical reliability problem materials in studying the economic development of post-reform cities Moscow government (according to the documents of the TSA of Moscow) <i>Soza Lilia Nisonovna</i>	563
Reference books for Zvenygorod and Podolsk district: experience of structurization and attribution of genealogical sources <i>Maksimova Tatyana Viktorovna</i>	572
The role of local trade union organizations the moscow region in the eradication of illiteracy of the 1920–1930 According to the documents of the moscow regional archive center <i>Surzhik Olga Sergeevna</i>	580
Military propaganda of the 1920–1930 according to the materials of MOATS <i>Bocharov Vladimir Yur'evich</i>	589
Schooling in the Moscow province in 1919–1920 school year (according to the documents of Central State Archives of the Moscow Region) <i>Shevchenko Valery Anatolyevich</i>	598

SECTION VII

DISCUSSION PARTICIPANTS..... 602

Printed boards of the Nguyen dynasty — world documentary heritage <i>Doan Thi Hoa</i>	603
Specialists upgrade problems of archival affairs at the modern stage in Vietnam and promising cooperation with the Russian State University for the Humanities <i>Wu Thi Fung</i>	616
Influence of the former soviet archival science and russian archival study on development of vietnamese archival <i>Nguyen Van Tham</i>	627

ПРЕДИСЛОВИЕ

Международная конференция «Документ. Архив. Информационное общество» проводилась в четвертый раз в Российском государственном гуманитарном университете 3–4 октября 2019 г. Конференция была организована кафедрой архивоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета совместно с Главным архивным управлением Московской области. Конференция проводилась при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-09-20049 «Научные мероприятия»).

На конференции обсуждались проблемы сохранения документальной памяти страны во взаимосвязи с репрезентативностью Архивного фонда Российской Федерации, назревшие вопросы научного, правового и методического обеспечения архивоведения в условиях перехода традиционных архивных процессов в информационную среду, функционирования научно-технических, аудиовизуальных и электронных архивов, а также вопросы трансформации традиционного образования в современных реалиях.

В обсуждении данных проблем на конференции приняли участие ведущие специалисты научных организаций, руководители и специалисты архивов и музеев, преподаватели, аспиранты и магистранты вузов, представители других организаций как России, так и зарубежных стран: Армении, Белоруссии, Вьетнама, Казахстана, Польши.

Отечественное архивоведение, зародившееся на базе исторической науки, в современных условиях широкого внедрения цифровых технологий стоит на пороге глубочайших изменений, в первую очередь переосмысления своих методологических основ.

По-прежнему остается актуальным вопрос взаимодействия исторической науки и архивоведения: отвечает ли современное архивоведение как единство трех основ — теоретических, правовых и методических, потребностям исторической науки.

Конференция была призвана исследовать институт документальной памяти России, ее внутреннее структурирование, проблемы сбережения и трансляции документальной памяти, ее роль и место в системе архивоведческого знания.

Предполагалось проанализировать соотношение таких понятий, как «документальная память» и «Архивный фонд Российской Федерации», при этом первое осмысливается как неструктурированное, второе — как состоявшееся в течение 100 лет в сфере архивного дела. При этом важным остается вопрос репрезентативности Архивного фонда Российской Федерации на протяжении всего периода его существования и тенденции его дальнейшего формирования.

Архивный фонд Российской Федерации, являясь совокупностью комплексов архивных документов федерального уровня, уровня субъектов Российской Федерации и муниципального уровня, впитывает в себя черты отдельных их составляющих. При этом значимым может быть анализ их формирования в отдельном регионе с точки зрения выявления общих и различных черт.

В мировом информационном пространстве одним из основных объектов остается документ на различных носителях: традиционный на бумажном носителе, аудиовизуальный, научно-технический, электронный и т. п. Все вопросы, связанные с предметной областью архивоведения, необходимо решать не только применительно к документу на конкретном носителе, но и в системном аспекте. Архивный документ, независимо от носителя, может рассматриваться архивоведением как исторический источник, но аудиовизуальные материалы характеризуются как документальной, так и художественной формой. Вопросы выбора методологических подходов к изучению художественных фильмов в качестве исторических источников и использования их в архивных исследованиях также остаются актуальными в настоящее время.

Необходимо всестороннее и объективное изучение влияния процессов, происходящих в цифровом обществе, на функционирование архивов научно-технической, аудиовизуальной документации.

В стране наряду с проблемой внедрения электронного документооборота в деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, организаций и последующего архивирования электронных документов необходимо укреплять традиции правовой и информационной культуры в отношении архивных институций, усиливать контроль со стороны государства за процессами, происходящими в сфере архивного дела.

Осмысливать и реализовывать происходящее в архивном мире в ближайшем будущем предстоит молодым кадрам. Проблема подготовки высококвалифицированных кадров в силу происходящих в последнее время перемен лишь усугубляется и требует глубокой проработки и новых подходов.

xxx

В рамках конференции было проведено пленарное заседание, материалы которого представлены в первом разделе сборника, материалы секций включены в соответствующие разделы сборника (со второго по шестой). В последнем (седьмом) разделе представлены материалы архивистов из Вьетнама, участвовавших в дискуссии.

В первый раздел «Общие вопросы архивоведения и смежных дисциплин» включены доклады пленарного заседания.

Доклад председателя Архивного совета при Президиуме РАН профессора РГГУ, члена-корреспондента РАН В. П. Козлова был посвящен осмыслению документального источника в документальном источниковедении, в том числе рассмотрению терминологических вопросов, определению предмета, объекта и принципов документального источниковедения.

Профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, Б. С. Илизаров представил новые аспекты изучения роли и места архивов в системе исторической и социальной памяти общества, затронул историю вопроса в СССР и западной историографии.

Вьетнамские архивисты, представители Ханойского университета внутренних дел — старший преподаватель Чан Хоанг и заместитель декана факультета делопроизводства и архивного дела Чан Вьет Ха осветили основные перспективы развития частного архива во Вьетнаме.

В докладе заведующего кафедрой автоматизированных систем документального обеспечения управления профессора РГГУ М. В. Ларина были освещены вопросы развития и совершенствования нормативного обеспечения архивного дела в современных условиях и даны авторские предложения по его модернизации

в условиях цифровой экономики; доклад заведующего кафедрой архивоведения профессора Е. М. Буровой посвящен актуальным вопросам изучения факторов, влияющих на ревизию принципа недобимости архивного фонда, в разные периоды развития архивного дела в стране.

Декан факультета документоведения и технических архивов профессор РГУ Г. Н. Ланской охарактеризовал структуру технотронных документов и архивов в информационном обществе, особенности систематизации, состава и содержания технотронных документов в условиях информационного общества; анализ технических требований по оцифровке архивных документов, а также вопросы создания, хранения, учета и использования электронного фонда пользования документов Архивного фонда Российской Федерации рассмотрены в докладе заместителя генерального директора ООО «ДИМИ-ЦЕНТР» Ю. Ю. Юмашевой.

Во втором разделе сборника представлены материалы секции «Отечественная история и архивы». Вопросы архивных разысканий в трудах Комиссии по истории знаний АН СССР (1926–1932) были раскрыты заведующим отделом Института истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН С. С. Илизаровым, который также рассматривал работу Комиссии по изучению архивных материалов по истории науки.

Ряд материалов в рамках данной секции был посвящен полонистике.

Документальные изыскания по тематике, связанной с Царством Польским XIX в., в частности о преобразовании Управления таможенным делом в тот период, когда упразднялись таможенные учреждения Царства Польского и создавались на их основе российские таможенные учреждения, представлены доктором хабилитусом, адъюнктом кафедры архивоведения и вспомогательных исторических дисциплин Университета Марии Кюри-Склодовской, А. Г. Гораксом (Люблин, Польша), а также докладом адъюнкта Института истории Польской академии наук М. Кулика (Варшава, Польша) о документальных источниках и пребывании русской армии в Царстве Польском в XIX — начале XX вв.

В докладе профессора Казахского национального университета имени аль-Фараби М. Ш. Губайдуллиной и доцента этого же университета Л. Т. Исовой впервые представлены сведения из рассекреченных материалов казахстанских архивов, характеризующие разностороннюю деятельность польской делегатуры в Алма-Ате и Семипалатинске в годы войны.

Часть докладов была посвящена выявлению и изучению документальных источников по отечественной истории, хранящихся в архивах различных регионов страны.

Новые архивные документы Центрального архива Московской области, рассказывающие о деятельности разведывательно-диверсионных групп на территории Подмоскovie в 1941–1942 гг., были проанализированы в докладе доцента Российского государственного университета нефти и газа (Национального исследовательского университета) имени И. М. Губкина О. В. Каримова.

Начальник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения Государственного архива Курской области О. Н. Аргунов представил информационный потенциал массовых региональных источников по изучению засухи и голода в 1946–1947 гг.

Кандидат исторических наук В. Д. Лебедев представил результаты исследования обстоятельств убийства министра внутренних дел России В. К. Плеве, проведенного по материалам Государственного архива Российской Федерации и личного фонда на основе современных информационных поисковых систем; анализ формирования и развития образовательных практик в рамках российской временно-поселенной организации XIX в., проведенный на основе архивных материалов отчетного и статистического характера, дан старшим научным сотрудником РГГУ Т. Н. Кондауровой.

Главный эксперт Управления комплектования и документации Архива Президента Республики Казахстан К. Д. Кабдулова на основе архивных материалов осветила вопросы размещения политических эмигрантов, эвакуированных в Казахстан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945).

В ряде докладов были освещены отдельные комплексы архивных материалов государственных архивов, центров документации,

---

а также личных архивов по отдельным проблемам истории регионов и отдельных организаций, вопросы систематизации документов и формирования коллекций.

Доклад младшего научного сотрудника Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» А. Р. Мустафина посвящен роли барона А. Х. Любераса в учреждении архивного дела в России; проблемы систематизации документов на основе предметно-тематического подхода в Государственном архиве Министерства иностранных дел во второй половине XIX в. рассматриваются доцентом РГГУ О. Г. Саниным; вопросы формирования архивных коллекций, практика и проблемы комплектования, описания, хранения и использования их в Центре документации общественных организаций Свердловской области раскрыты в докладе заместителя директора по научно-методической работе В. В. Каплюкова и заместителя директора — главного хранителя фондов Е. И. Ярковой; основные направления использования документов государственных архивов Южного Урала в народнохозяйственных целях в 1930-е гг. освещены в докладе доцента Башкирского государственного университета Б. В. Бурангулова; тема женского взгляда на события 1917 г. была представлена по материалам личных фондов РГАЭ начальником отдела научно-исследовательской работы и маркетинга РГАЭ М. М. Альтман. Анализу источников по истории служащих в органах земского самоуправления дореволюционной России было посвящено выступление доцента кафедры зарубежного регионоведения, политологии и восточной философии Челябинского государственного университета Е. В. Чернышевой; доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина С. И. Цеменкова представила кадровый состав Екатеринбургского губархива в 1919 — начале 1920-х гг.; главный специалист РГАНИ А. А. Журкина проанализировала значение «Ноты Н. С. Хрущева» 1961 г. по материалам архива.

Материал к 100-летию Государственного архива Воронежской области, посвященный воронежским архивистам первых лет советской власти и их вкладу в формирование архивного дела в губернии,

был представлен доцентом Воронежского государственного университета В. А. Алленовой.

Ряд выступлений был посвящен периоду Гражданской войны, архивным документам, а также отдельным делопроизводственным аспектам этого периода. Профессор Московского государственного областного университета Ю. В. Аксютин показал осуществление власти большевиками на основе части архивного обзора фонда Московского губернского комитета РКП(б) за 1919 г.; преподаватель РГГУ Л. Р. Париева рассматривает специфику оформления, стиль написания и лексические особенности такого вида документа, как объявление, широко использовавшегося в процессе деятельности органов военного управления периода Гражданской войны.

В докладе старшего преподавателя Казахского национального университета имени аль-Фараби А. Т. Кульбаевой показаны отдельные страницы Великой Отечественной войны, также представлены рассекреченные материалы Центра документации новейшей истории (Семей), посвященные жизни и процессу реэвакуации польских детей, попавших в КазССР и оставшихся без попечения родителей.

Обзору архивных документов по истории отдельных учреждений посвящены материалы:

— соискателя Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского В. В. Акимченкова о крымском отделении Всесоюзной ассоциации работников науки и техники (по материалам Российского государственного архива экономики);

— старшего методиста Музея истории детского движения Е. А. Ефимовой об отделе игры Московского городского Дома-Дворца пионеров (по фондам Музея истории детского движения ГБПОУ города Москвы «Воробьевы горы»).

Информационный потенциал документов личных фондов для обеспечения современной исторической науки на примере телеграммы принца А. П. Ольденбургского профессору Б. В. Никольскому представлен специалистом первой категории Государственного архива Российской Федерации О. Н. Сафроновой.

Проблемам выявления уникальных и особо ценных документов, современному нормативно-методическому обеспечению процесса

выявления указанных документов в федеральных и государственных архивах Российской Федерации посвящен доклад бывшего заведующего Отраслевым центром повышения квалификации ВНИИДАД Н. И. Химиной.

В третьем разделе представлены материалы секции «Архивы и архивное образование в условиях цифровой экономики».

На заседании обсудили доклады по проблемам определения понятийного аппарата, классификации, ценности и сохранности электронных документов личного происхождения, ценнейших культурных артефактов (профессора РГГУ Г. А. Двоеносовой); организации хранения кадровой документации в процессе перевода ее в электронный вид (доцента РГГУ С. А. Готовой); классификации архивных интернет-ресурсов и онлайн-представления архивных справочников (преподавателя РГГУ Н. А. Муравьевой); конвертируемости информации с одного носителя на другой (профессора Выборгского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Т. И. Славко); определения сроков передачи электронных документов на архивное хранение (доцента РГГУ Н. Г. Суровцевой); представления аудиовизуальных архивов в сети Интернет, в частности оцифрованных аудиовизуальных документов (заместителя генерального директора ООО «ДИМИ-ЦЕНТР» Ю. Ю. Юмашевой); современного состояния и перспектив развития электронного научно-справочного аппарата архивов (заведующего отделом архивоведения ВНИИДАД Л. П. Афанасьевой).

Доклад заместителя начальника отдела научно-справочного аппарата и информационного учета Российского государственного архива новейшей истории А. М. Калашникова отражает процесс перехода публикации исторических источников от печатного в онлайн-вариант публикации (на примере одного из источников по изучению Столетней войны).

Анализ актуальных проектов международных стандартов и технических отчетов в области сохранности и хранения электронных документов дан в материалах бывшего заместителя директора ВНИИДАД Л. Н. Варламовой; проблемам разработки профессиональных стандартов в сфере архивного дела и участия в этом процессе

профессионального сообщества историков-архивистов посвящены материалы доцента РГГУ И. Е. Ромашина.

В четвертом разделе «Научно-технические и аудиовизуальные архивы в информационном обществе. Обеспечение сохранности и реставрация архивных документов» представлены доклады, освещающие такие вопросы, как проблемы теоретического, юридического и практического характера, возникающие в процессе оцифровки и использования фотоматериалов (адъюнкта Университета Марии Кюри-Склодовской Т. Я. Гергеля, Люблин, Польша); анализ цифровых видеоматериалов как исторических источников исследования общественного ролевого движения в России (доцента Выборгского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации М. А. Славко).

Заместитель директора РГАНТД П. А. Кюнг дал анализ понятия «научно-техническая документация», рассмотрел вопросы возникновения этого понятия в 1960-е гг. и его историографию.

Истории поиска, восстановления и изучения фонодокументов Всесоюзного радио периода Великой Отечественной войны в рамках подготовки к 20-летию Победы посвящен материал старшего преподавателя РГГУ М. М. Жуковой.

Опыт и перспективы взаимодействия Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга и лабораторий обеспечения сохранности документов государственных архивов Санкт-Петербурга, общая характеристика физического состояния документов архива, проблемы консервации документов на бумажной основе представлены в докладе главного хранителя фондов Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга Е. В. Исаковой.

Пятый раздел «Семейная история в контексте истории страны» представлен докладами заведующего кафедрой документоведения, архивоведения и истории государственного управления, профессора Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина Л. Н. Мазур по истории крестьянской семьи в XX в., характеризующей массовые статистические источники, состав и степень их сохранности в архивах; профессора Московского государственного областного университета С. В. Левина о проблемах опреде-

---

ления научной ценности документов личного происхождения, выявления специфики работы с ними, необходимости критического анализа разнообразных эго-источников; научного сотрудника Санкт-Петербургского института истории РАН А. А. Ефимова об архивных документах, характеризующих участие великих князей рода Романовых в возведении великокняжеских резиденций.

Судьбе человека в истории России XX в. на основе архивных документов «Коллекции воспоминаний ветеранов партии и комсомола, войны и труда» посвящен материал директора Центра документации новейшей истории Волгоградской области Л. И. Будченко и главного специалиста отдела использования документов и социально-правовой информации этого же центра А. П. Филипповой.

Доклад доцента Тверского государственного университета О. Г. Леонтьевой посвящен изучению эпистолярного наследия русских эмигрантов, анализу затрагиваемых в письмах вопросов политического, бытового и иного характера; эпистолярное наследие А. С. Аксамитного — главного инженера Беломорско-Балтийского канала, освещено в материалах доцента РГГУ М. А. Чичуга; анализ документов личного фонда архитектора С. В. Дмитриева, отражающих строительство храма Христа Спасителя (по материалам отдела рукописей Российской государственной библиотеки), дан в докладе старшего преподавателя РГГУ О. Е. Антоновой.

Правовые основы государственного регулирования института семьи Самойловых-Масловых в контексте семейно-демографической политики России рассматриваются в докладе профессора Института экономики и культуры В. Д. Самойлова.

Шестой раздел содержит материал, посвященный 90-летию Московской области. Заседание секции (круглого стола) «История Подмосковья в архивных документах (к 90-летию Московской области)» проходило в Московском областном архивном центре (Пушкино, мкр. Мамонтовка).

Материалы секции (круглого стола) представлены докладами, авторы которых анализируют источниковедческую базу по истории Московской губернии и Московской области преимущественно конца XIX — первой половины XX в.

Проблемы достоверности статистических материалов в изучении экономического развития пореформенных городов Московской губернии рассмотрены доцентом Государственного социально-гуманитарного университета Л. Н. Соза. На основе изучения опубликованных источников и архивных документов Центрального государственного архива Москвы прослежены изменения в развитии промышленности, ремесла и торговли уездного г. Коломны в сравнении с другими городами Московской губернии.

Обоснование необходимости создания научно-справочного аппарата для исследований в области краеведения и генеалогии и краткая методика их составления представлены независимым исследователем Т. В. Максимовой.

Тематические обзоры архивных документов, посвященные отдельным страницам истории Московской области, представлены в ряде докладов: заведующего отделом использования московского областного архивного центра О. С. Суржик «Роль низовых профсоюзных организаций Московской области в ликвидации неграмотности 1920–1930 гг. по документам Московского областного архивного центра»; директора лаборатории микрофильмирования Московского областного архивного центра В. Ю. Бочарова на тему «Военная пропаганда 1920–1930 гг.»; ведущего научного сотрудника отдела публикаций и использования документов Центрального государственного архива Московской области В. А. Шевченко на основе документов фонда Московского отдела народного образования «Школьное образование в Московской губернии в 1919–1920 учебном году».

В седьмой раздел включены выступления историков и архивистов из Вьетнама, принявших участие в дискуссиях.

С приветственным словом выступил член Постоянного комитета Ассоциации архивов Вьетнама Чан Хоанг.

С сообщением на тему «Влияние бывшего советского и российского архивоведения на развитие вьетнамского архивоведения» выступил профессор Нгуен Ван Тхам, член Общества вьетнамских архивистов.

Вопросам управления и организации хранения электронных документов, в том числе подготовки кадров для цифровой эпохи в рамках

дискуссии, было посвящено выступление доцента Университета социальных и гуманитарных наук при Ханойском государственном университете Ву Тхи Фунг «Решения для подготовки человеческих ресурсов для удовлетворения требований развития цифровых архивов во Вьетнаме».

Заведующим отделом по научной работе и послевузовскому образованию Ханойского университета внутренних дел Доан Тхи Хоа было представлено сообщение на тему «Печатные доски династии Нгуен — всемирное документальное наследие».

В дискуссии приняли участие и другие представители вьетнамской делегации.

xxx

Организаторы и участники конференции выражают глубокую признательность: и. о. начальника Главного архивного управления Московской области Л. Ю. Кондратовой; заместителю директора Центрального государственного архива Московской области Ю. Н. Герасимовой и директору Московского областного архивного центра Т. И. Любиной за предоставленную возможность проведения второго дня конференции в Московском областном архивном центре и участия в открытии историко-документальной выставки «Народный артист РСФСР В. Э. Мейерхольд (1874–1940)», за организацию и проведение экскурсии в Государственном историко-художественном и литературном музее-заповеднике «Абрамцево».

Особую благодарность за неоценимую спонсорскую поддержку организаторы конференции высказывают управляющему партнеру группы компаний «Тэлос Архив» С. С. Калмыкову и руководителю ООО «ТЕРМИКА.РУ» А. Г. Цицину, при спонсорской поддержке которого и публикуется данный сборник докладов IV Международной конференции «Документ. Архив. Информационное общество».

Доклады и выступления в дискуссиях в сборнике публикуются в авторской редакции.

Е. М. Бурова

СПИСОК ОРГАНИЗАЦИЙ, ПРЕДСТАВИТЕЛИ КОТОРЫХ ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ В КОНФЕРЕНЦИИ

Научные организации

Архивный совет при Президиуме РАН
Институт российской истории РАН
Институт истории естествознания и техники
имени С. И. Вавилова РАН
Институт истории Польской академии наук (Варшава, Польша)
Санкт-Петербургский институт истории РАН

Научно-исследовательские институты

Всероссийский научно-исследовательский институт документо-
ведения и архивного дела (ВНИИДАД)

Музеи

Музей истории детского движения ГБПОУ города Москвы
«Воробьевы горы»

Архивные учреждения

Архив Президента Республики Казахстан
Главное архивное управление Московской области
Государственный архив Курской области
Государственный архив Российской Федерации
Институт экономики и культуры
Московский областной архивный центр
Национальный архив Армении
Российский государственный архив научно-технической
документации
Российский государственный архив новейшей истории
Центр документации новейшей истории Волгоградской области
Центр документации общественных организаций Свердловской
области

Центральный государственный архив кинофотофонодокументов
Санкт-Петербурга
Центральный государственный архив Московской области
Центральный государственный исторический архив
Санкт-Петербурга

Научно-производственные организации

Группа компаний «Тэлос-Архив»
ООО «ТЕРМИКА.РУ»
ООО «ДИМИ-ЦЕНТР»

Высшие учебные заведения

Академия гражданской защиты Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий
Башкирский государственный университет
Выборгский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Воронежский государственный университет
Государственный социально-гуманитарный университет
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины
Казахский национальный университет имени аль-Фараби
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Московский государственный областной университет
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Образовательная организация высшего образования «Институт экономики и культуры»
Российский государственный гуманитарный университет
Российский государственный университет нефти и газа (Национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина
Российский университет транспорта
Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»

Санкт-Петербургский государственный университет
Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского
Тверской государственный университет
Университет Марии Кюри-Склодовской (Люблин, Польша)
Университет социальных и гуманитарных наук при Ханойском
государственном университете (Ханой, Вьетнам)
Уральский федеральный университет имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина
Ханойский университет внутренних дел (Ханой, Вьетнам)
Челябинский государственный университет

География участников конференции

Армения

Ереван

Белоруссия

Гомель

Вьетнам

Ханой

Казахстан

Алма-Ата (Алматы)

Польша

Варшава

Люблин

Россия

Волгоградская область

Воронеж

Екатеринбург

Курская область

Ленинградская область
Москва
Московская область
Республика Башкортостан
Республика Крым
Санкт-Петербург
Свердловская область
Тверь
Челябинск

ООО «ТЕРМИКА.РУ»

РАЗДЕЛ I

**ОБЩИЕ ВОПРОСЫ АРХИВОВЕДЕНИЯ
И СМЕЖНЫХ ДИСЦИПЛИН**

SECTION I

**GENERAL QUESTIONS OF ARCHIVAL
SCIENCE AND RELATED DISCIPLINES**

000

«ТЕРМИКА.РУ»

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ

Козлов Владимир Петрович

Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры
архивоведения

Историко-архивного института Российского государственного
гуманитарного университета

Москва, Российская Федерация

e-mail: petrovich.1949kozlov@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрен ряд терминов, употреблявшихся и употребляемых в современных специальных и вспомогательных исторических дисциплинах, в том числе «документальное источниковедение». Предложены определения предмета, объекта и принципов документального источниковедения как особого знания о документальном историческом источнике.

Ключевые слова: документ, документальный источник, документальное источниковедение, архивоведение, классификация документальных источников.

DOCUMENTARY SOURCE IN DOCUMENTARY SOURCE STUDIES

Kozlov Vladimir Petrovich

Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department
of Archival Studies Historical and Archival Institute
of the Russian State University for the Humanities

Moscow, Russian Federation

e-mail: petrovich.1949kozlov@yandex.ru

Abstract. A number of terms used and used in modern special and auxiliary historical disciplines, including «documentary source studies», are considered. The definitions of the subject, object and principles of documentary source studies as a special knowledge of the documentary historical source are proposed.

Keywords: document, documentary source, documentary source studies, archival studies, classification of documentary sources.

В самом общем смысле исторический источник — это любой интеллектуальный продукт, создававшийся и создающийся людьми в прошлом, настоящем и будущем, начиная от садов и парков и кончая монетами и медалями, марками и орудиями труда. К настоящему времени вещественные, предметные исторические источники и источники, производные от языка, стали объектом изучения специальных исторических и историко-филологических дисциплин, таких, например, как нумизматика, сфрагистика, геральдика, фалеристика, фольклористика и др. Источниковедение как научная дисциплина, изучающая различные классы, типы, виды исторических источников и вырабатывающая методы и приемы их анализа для получения достоверного и максимально полного знания о прошлом, ныне оказалось как бы разорванным на части. Поэтому сегодня, говоря об источниковедении, как правило, стремятся дополнить его определяющим словом. В нашем случае речь пойдет о документальном источниковедении, объектом которого является самый важный и универсальный исторический источник — документ, а предметом — самая коварная частичка прошлого — документальное свидетельство.

В качестве прикладного знания документальное источниковедение имеет дело с одним конкретным документальным источником, с конкретным видом документальных источников, с конкретным комплексом документальных источников, с неопределенной совокупностью документальных источников, относящихся к некоей исторической проблеме.

В первом случае документальный источник выступает как самостоятельное произведение и в качестве такового представляет особо важное значение как носитель документальной исторической памяти и как образец того или иного вида документальных источников. В этом случае форма и содержание документального источника представляют самостоятельный интерес. Наглядным примером такого исследования является анализ «Краткого курса истории ВКП(б)» [1]. В ряде случаев такое источниковедческое исследование приобретает важное значение для понимания того или иного исторического события, как, например, комплекс документов о драматическом отречении Николая II.

Во втором случае источниковедческое исследование решает задачи, связанные с определением места того или иного вида документальных источников в документальной памяти. В этом случае устанавливается типология документальных свидетельств конкретного вида документальных источников, особенности и закономерности их фиксации и достоверности, например, информационные сводки ВЧК (ОГПУ, НКВД) СССР о положении в СССР [2] или следственные дела [3].

В третьем случае источниковедческое исследование раскрывает познавательный потенциал определенного исторически сложившегося документального комплекса, т. е. совокупности документальных источников, связанных друг с другом единым происхождением. Это архивный фонд или совокупность архивных фондов одинаковых по своему типу учреждений-фондообразователей. Например, известны источниковедческие исследования архивных фондов [4] или их частей [5].

В четвертом случае источниковедческое исследование раскрывает познавательный потенциал комплекса документальных источников, выявленных для изучения определенной проблемы прошлого. Это, как правило, искусственно полученная совокупность документальных источников как связанных, так и не связанных друг с другом происхождением, видами, но объединенных фиксированием конкретных фактов, событий, явлений и процессов прошлого. Источниковедческое изучение такой совокупности призвано определить пригодность каждого документального источника, входящего в ее состав [6].

В пятом случае речь идет о попытках теоретического осмысления самой сути документального источниковедения, его предмета, принципов, методов анализа документальных источников, их трактовки, классификации [7].

В советский период и прикладное и теоретическое документальное источниковедение базировались на историческом материализме. В источниковедческом смысле это учение требовало применять ленинскую теорию отражения и идею классовой борьбы, а также марксистско-ленинскую теорию о форме и содержании предметов и явлений в природе и обществе. Если теория отражения в ее ленинском толковании пусть и чисто механистически позволяла говорить

о документе как отражении полностью или частично неких процессов и явлений, а теория о форме и содержании открывала возможность установить связь между, например, видом документа и характером содержащейся в нем информации, то классовый подход фактически лишал документальное источниковедение возможности объективных оценок значимости того или иного документального источника или его отдельных документальных свидетельств.

Объект документального источниковедения. Объектом документального источниковедения является документальный исторический источник — любой обнаруженный или ставший общедоступным и равно доступным документ.

Заметим, что не каждый документ и не сразу становится историческим источником. Этому есть несколько причин.

Первая причина связана с бытованием документа. Оно приводит к ряду последствий. Во-первых, в процессе такого бытования не все документы сохраняются. С одной стороны, происходит своего рода экспертиза документа. Стихийно или сознательно, но в том и в другом случаях в ее основе лежит представление об утрате документом своего первоначального целевого назначения, т. е. когда документ утрачивает свое практическое значение регулятора жизнедеятельности человека, общества, государства. Стихийный характер ликвидации документа связан с незрелостью его понимания человеком, обществом или даже государством. Сознательная ликвидация осуществляется в ходе специальных процедур, призванных освободиться от документов, не имеющих историко-познавательного и иного значения. С другой стороны, утраты документов случаются непредсказуемо в ходе войн и военных конфликтов, в результате природных, техногенных катастроф, политических и экономических кризисов. Они носят особо болезненный характер, т. к. связаны не только с точечными потерями, но и утратами целых организованных массивов документов [8].

Утраты документов — стихийные, сознательные и непредсказуемые ставят перед документальным источниковедением в ряде случаев необходимую задачу реконструкции таких утрат, о чем речь может идти особо. Утраты документов разрывают процесс исторического познания, вынужденно обедняя документальную память, а в доку-

ментальном источниковедческом исследовании понуждают прибегать к домыслам, догадкам, предположениям, гипотезам. Классический пример — утрата в 1812 г. в огне московского пожара рукописи «Слова о полку Игореве», последствия которой до сих пор служат питательной средой для многочисленных и продолжающихся уже почти два столетия споров. Но та утрата стала следствием своеобразных форс-мажорных обстоятельств, что часто делает неразрешимой проблему нейтрализации или реконструкции последствий подобного рода утрат. Целевые, сознательно организованные утраты также создают условия для неполноты документальной памяти и возникновения домыслов, догадок, предположений, гипотез в документальном источниковедческом исследовании. Так случилось, например, когда с устного одобрения Н. С. Хрущева по письменной просьбе председателя КГБ СССР А. Н. Шелепина были уничтожены документы, связанные с внесудебными приговорами над польскими военнопленными в 1940 г. Однако в данном случае благодаря сохранившемуся другому документальному контенту реконструкция случившегося стала возможна [9].

Такая реконструкция создает возможность не только для разработки гипотезы, но и для получения нового знания, когда в научный оборот вводятся новые документы — найденные случайно или в результате целенаправленного поиска, либо ранее бывшие недоступными. Например, в частичном разрешении проблемы «Слова о полку Игореве» важную роль сыграли обнаруженные документы о его использовании в конце XVIII в. И. П. Елагиным, о подготовке первого издания поэмы, об обстоятельствах ее гибели в 1812 г.

Для понимания политической истории СССР второй половины 1950-х гг. принципиально важными стали рассекреченные документы Президиума ЦК КПСС, приоткрывшие обстоятельства внутривнутрипартийной борьбы, подготовки и проведения XX съезда КПСС, принятия важных внутривнутриполитических и внешнеполитических решений. Завесой неизвестности и легкой дымкой легендарности многие годы был закрыт советский атомный проект, пока серийная документальная публикация «Атомный проект СССР» не показала основные этапы и механизмы его реализации. Массовое рассекречивание документов

о голоде в СССР в 1929–1934 гг. позволило покончить с политическими спекуляциями на эту тему, превращавшими трагедию советского народа исключительно в «геноцид украинского народа». Такие примеры введения в научный оборот ранее недоступных, но сохранившихся документов по новейшей истории СССР (России) можно было бы продолжить.

Бытование документа в качестве документального исторического источника означает переход его информации в состояние актуализации, т. е. преобразования отложенной информации, происходящего в процессе источниковедческого анализа.

Понимание документа как объекта документального источниковедения ставит задачу анализа его внешних признаков, связанных с носителем его информации как материальным объектом. К их числу мы относим: материал носителя, его форму, размер, цвет, способы фиксации информации, почерк, качество изображения, звука и ряд других специфических признаков носителя и способов фиксации информации.

Предмет документального источниковедения. Предметом документального источниковедения является документальное свидетельство — некое структурированное сообщение документа, понятное по крайней мере автору и адресату документа. Под структурированным сообщением документа мы понимаем изначально определенным образом упорядоченную автором документа информацию, имеющую определенный смысл и значение для его деятельности и для деятельности ее получателя. Иначе говоря, информация в виде структурированного сообщения должна быть не только понятна ее создателю, но распознана ее получателем, а в более широком смысле — любым, кто ею хочет и может воспользоваться. Собственно говоря, неопределенное множество таких сообщений, зафиксированных в неопределенном множестве документов, и составляет документальную память народа или государства. Поэтому в широком смысле можно говорить о том, что предметом документального источниковедения является документальная память.

Документальное свидетельство документального источника есть не что иное, как документальное сообщение документа.

Структурированная информация документа может быть пред-

ставлена: а) в виде традиционного текстового структурированного сообщения; б) в виде звукового структурированного сообщения, зафиксированного особыми способами с помощью специальных технических средств; в) в виде визуального структурированного сообщения, зафиксированного особыми способами с помощью специальных технических средств; г) в виде визуально-звукового структурированного сообщения, также зафиксированного особыми способами с помощью специальных технических средств особой сложности; д) в виде особой системы функционирования текстового, звукового, визуального, визуально-звукового структурированного сообщения и их комбинаций в электронной среде.

Иначе говоря, любое структурированное сообщение документа в любом его виде есть не что иное, как его текст, т. е. связная последовательность определенным образом организованных видимых и невидимых знаков. Поэтому в дальнейшем, рассуждая о структурированных сообщениях как текстах документов, мы будем иметь в виду и традиционный текст документа и тексты документов, созданных с помощью современных технических средств.

Для документального источниковедения, строго говоря, документальный исторический источник представляет собой некий состоявшийся, действительно в разное время созданный продукт человеческой жизнедеятельности, ставший одним из дошедших остатков этой жизнедеятельности. Как продукт, остаток этой жизнедеятельности он является также своего рода, говоря словами И. Д. Ковальченко, одной из разновидностей фактов исторической действительности. Помимо этой категории (типа) фактов И. Д. Ковальченко называет еще две категории: факты исторического источника (сообщения источника) и научно-исторические факты (факты-знания) [10].

Такой классификацией И. Д. Ковальченко демонстрировал процесс исторического познания: от факта действительности, случившегося в прошлом, через отражение-запоминание этого факта в источнике — к факту в историческом исследовании, причем последний в работе И. Д. Ковальченко выступал главным результатом. Задача нашего доклада иная — не судьба исторического познания, а судьба применительно к теме настоящей главы документа как документального

исторического источника, источника знания о прошлом, требующего особых инструментов познания. В этой связи нас интересует исключительно первая пара составляющих формулы И. Д. Ковальченко: реально случившийся факт прошлого — документальное свидетельство о нем.

Принципы документального источниковедения. Принципы документального источниковедения включают в себя совокупность мировоззренческих установок, обеспечивающих решение его основных задач, связанных с установлением подлинности, достоверности документального источника, точности, полноты его свидетельств в источниках разных типов.

Конечно, в общественных науках принципы формулируются в значительной степени интуитивно, применительно к объекту, предмету и методам конкретных научных дисциплин.

Автор исходит из того, что важнейшим принципом документального источниковедения является принцип его институциональной самостоятельности, независимости от любых методологий истории в силу особенности целей, задач и методов документального источниковедческого знания. Получение такого знания составляет суть документального источниковедения, тогда как его интерпретация зависит от мировоззренческих позиций историка. Самостоятельность документального источниковедческого знания проявляет себя и в возможности его проверки с использованием разных методов источниковедческого исследования. В этом смысле в документальном источниковедении нет и не должно быть ни методологии, ни идеологии, а есть только постоянно расширяющаяся сумма общепринятых и общедоступных методов критики документальных источников, своего рода техника работы с документальными источниками. В этом смысле нельзя не согласиться с утверждением А. К. Соколова, заметившего: «Над историками буквально висит нагромождение теоретических знаний, имеющих подчас лишь отдаленное отношение к тому, что они делают на практике» [11].

Единственной методологической основой такого источниковедения является признание принципа двойственной природы документа как оперативного регулятора человеческой жизнедеятельности и как носителя документальных свидетельств об этой жизнедеятель-

ности. Этот принцип подразумевает установление степени соответствия таких свидетельств реальной картине человеческой жизнедеятельности в ее регулируемой составляющей, в части подлинности ее предоставления, достоверности зафиксированных свидетельств, их полноты и эффективности методов анализа. Оперирование этим принципом означает признание познавательных возможностей документального источника и делает документальное источниковедение важнейшим инструментом исторического познания как знания научного, дисциплинарного.

С этим принципом связан третий принцип, который мы условно назовем *принципом взаимодополняемости документальных источников*. Это значит, что с позиций документального источниковедения нет и не может быть иерархии источников по их классам, типам, видам, разновидностям. Все документальные источники равны друг перед другом и перед историком. Их неравенство связано только с полнотой, достоверностью документального свидетельства о факте, событии, явлении, процессе прошлого.

Всеобщий принцип историзма в документальном источниковедении выражается в *принципе эволюции документального источника как следствии отражения эволюции документирования и документальных систем* в связи с изменением социально-экономического и политического развития, в культуре человеческого общения. Появление новых типов, видов и разновидностей документов, отмирание прежних являются объективным процессом человеческой жизнедеятельности. Установление этих изменений дает возможность включить документальный источник в контекст времени его создания, определить причины его возникновения и отмирания, установить необходимость и достаточность его документальных свидетельств в решении конкретных исторических проблем. Принцип эволюции предполагает также рассмотрение не только номинативного состава документальных источников, но и их информационной и материальной составляющих, что определяет особенности характера информации и ее носителя, присущие тому или иному типу, виду и разновидности документальных источников на определенном этапе их существования.

В связи с массовым документированием человеческой жизнедеятельности в XX в. исследователь, как правило, имеет дело с многополярным набором подлинных документальных свидетельств о факте, событии, явлении, процессе прошлого. Эта многополярность связана с пристрастием авторов документальных источников, которая, как правило, выражается в сокрытии определенных свидетельств и в особой трактовке или оценке произошедшего. Создание практически любого документа — почти всегда процесс субъективный, возможно, исключая документальную фиксацию физических, природных явлений, например, при измерении температуры, влажности воздуха, давления атмосферы. *Принцип беспристрастия оценки документального источника* означает отказ от его оценки с позиций каких-либо симпатий к его документальным свидетельствам или автору в соответствии с понятиями «доброе-недоброе», «честное-бесчестное». В соответствии с этим принципом источниковед определяет исключительно достоверность документального источника, выявляя в его документальных сообщениях беспристрастие или пристрастие автора, и в зависимости от этого включает или не включает документальное свидетельство в свою историческую конструкцию. Применение этого принципа позволяет исследователю избавиться от давления известности реально случившейся или совпавшей альтернативы.

Принцип необходимого и достаточного в документальном источниковедении предполагает, во-первых, выявление такого количества документальных свидетельств о факте, событии, явлении, процессе прошлого, которое однозначно и непротиворечиво раскрывает их суть, и, во-вторых, эту суть подтверждает. Этот принцип особенно важно учитывать при анализе так называемых массовых документальных источников, например, писем трудящихся властьпридержащим. Под необходимым в данном случае понимается совокупность документальных источников, способных обеспечить доказательность предположения или гипотезы. Под достаточным имеется в виду признание достоверности этих источников на основе анализа имеющихся в них документальных свидетельств.

Принцип необходимого и достаточного в документальном источниковедении предполагает обязательную характеристику

документального источника, связанную с параметрами внешних особенностей его носителя, способами фиксации информации, а также определение его вида, места хранения или обнаружения. Этот принцип нацеливает на своеобразную паспортизацию документального источника, предваряющую дальнейший его анализ.

В документальном источниковедении *принцип историзма* находит свое выражение в нескольких признаках. Во-первых, источниковедческое знание по своей природе исторично, т. к. историчен его объект — документальный источник, фиксирующий время в разные моменты состояния проживающего в нем социума. Во-вторых, сам документальный источник изменяется во времени: меняются его носители, появляются новые виды и разновидности источников на фоне отмирания старых. Иначе говоря, и объект и предмет архивоведения постоянно меняют свои признаки под воздействием фактора времени. Эта изменчивость объективна, хотя имеются случаи и субъективного характера, о которых можно говорить особо.

Документальное источниковедение учитывает принцип историзма при выработке методов анализа документальных источников разного времени их создания. Например, в первое десятилетие советской истории наблюдалось не только появление новых видов документальных источников (декрет, мандат, пятилетний план развития народного хозяйства и др.), но и устойчивое существование дореволюционных видов, таких как договор, акт, приказ и др.

Документальное источниковедение, так же как документоведение, архивоведение и археография, имеет дело с бесконечным множеством документов и документальных источников. Без классификации это множество будет казаться хаосом. В документоведении основой такой классификации является функциональный подход, в архивоведении — принцип происхождения или пофондовый, в археографии — сразу несколько принципов, включая и наиболее универсальный — хронологический. Все эти классификации являются компромиссным отражением двойной природы документа: как физической сущности носителя информации и способов ее фиксации, так и в качестве собственно информации, носящей, как и человеческая жизнедеятельность, многообразный характер. Существующие в названных

дисциплинах разные основания классификации не мешают этим дисциплинам жить и развиваться, но уж коли мы говорим о документальном источниковедении, очевидно, что стоит подумать и об общих основаниях такой классификации и в этой научной дисциплине. В ней принцип обязательной классификации объекта и предмета и в наши дни сохраняет свою актуальность. Опыт развития документального источниковедения говорит о том, что для него важны некая универсальная и множество прикладных классификаций документальных источников. Универсальная или всеобщая классификация документальных источников позволяет упорядочить их по классам, типам, видам и разновидностям. Прикладные классификации, основываясь на универсальной классификации, могут предложить более детальное распределение документальных источников в соответствии с проблематикой исторического или источниковедческого исследования.

Тут мы сталкиваемся с пока еще не разрешенной проблемой — в нашей литературе таких классификаций множество, и в них не просматривается убедительного единства. Однако, если мы признаем, что документальный источник как объект документального источниковедения в конце концов приобретает историко-познавательную функцию, то тогда его классификация в документальном источниковедении возможна на совершенно иных основаниях. Они связаны, например, с тем, что определенные совокупности документальных источников способны показывать зарождение события и явления, их развитие, завершение, результаты и последствия.

Таким образом, принцип классификации в документальном источниковедении позволяет предлагать как универсальные, так и специальные схемы организации документальных источников, подчеркивающие особую роль тех или иных их видов.

В нашем исследовании, посвященном архивоведческому знанию, мы говорили о присущем ему *принципе документального запоминания прошлого или принципу документальной памяти* [12]. Этот принцип предполагает, что любой документальный источник, независимо от места, времени его создания, принадлежности к тому или иному классу документальных источников, подлинности, достоверности, представляет собой частичку документальной памяти и имеет нео-

пределенное множество значений для познания прошлого. В таком понимании принципа документального запоминания прошлого мы можем признать его применение и в документальном источниковедении, которое и призвано рассмотреть все его особенности и показать полезность и ценность документальной памяти для реконструкции прошлого.

Любое научное знание носит системный характер. Прежде всего потому, что части, составляющие его объект и предмет, за внешней хаотичностью своего состояния являются всего лишь элементами такой естественной системы. Следовательно, задача документального источниковедения как научной дисциплины заключается в характеристике этой системы. Во многом она давно выявлена и изучена. Это — система документации как некая совокупность взаимосвязанных документов, создающаяся для организации функционирования определенной сферы человеческой жизнедеятельности. В такой системе каждый документ имеет свое целевое предназначение, ради которого он создается в качестве определенного регулятора. Более того, мы уже давно говорим о многих документных системах, взаимосвязанных или совершенно изолированных друг от друга. Иначе говоря, *принцип системности предмета и объекта источниковедческого знания* мы могли бы считать еще одним принципом документального источниковедения. Этот принцип означает, что документальный источник не как абстрактная сущность, а как конкретное и реальное проявление взаимодействия между людьми и их сообществами, между человеком и государством всегда является элементом некоей системы документальных источников, а значит, находится в той или иной связи с документальными источниками такой системы. Причем в отличие от книги такая связь в первую очередь естественная, определяющая само бытование документа, и лишь потом, как и в случае с книгой — основанная на логических построениях. Эта связь проявляет себя в горизонтальных и вертикальных документальных связях одного и нескольких фондообразователей, решающих общую задачу во времени (например, дневник и мемуары человека), в пространстве (например, дневники и мемуары нескольких человек, рассказывающие об одном и том же событии). Названный принцип позволяет, напри-

мер, рассматривать практически любой документальный источник в системе других документальных источников, так или иначе связанных с ним либо в документальной системе, либо в определенной документальной среде, связанной с конкретным фактом, событием, явлением, процессом прошлого. Документальное источниковедение при выявлении документов по теме исследования стремится максимально полно использовать или реконструировать по каким-либо причинам разрушенную связь документов цепочки для получения наиболее полного документального массива, отразившего факт, событие, явление, процесс прошлого. Поскольку этот принцип является не эмпирически заданным, а целевым исследовательским, его по определению невозможно закрепить нормативно.

Для документального источниковедения *принцип беспристрастия*, т. е. максимально формализованного подхода к оценке и интерпретации документа, является основополагающим специальным источниковедческим принципом. В документальном источниковедении следование ему важно при доказательстве подлинности и достоверности документального исторического источника.

Документальное источниковедение в своем прикладном формате заинтересовано в том, чтобы по возможности максимально полно в соответствии с нормами права и морали происходила трансформация документа в документальный исторический источник. Поэтому *принцип свободы документальной памяти* является для него важнейшим условием полноты, всесторонности и доказательности любых построений. Смысл его в том, что общество рано или поздно, вернее, обоснованно своевременно, но должно знать о деятельности своих институций и людей прошлого, какой бы она не была. В этом принципе находит свое выражение общенаучный принцип историзма. Документальное источниковедение с учетом этого призвано показать исключительно публичную природу любых построений с использованием документальной памяти и в рамках названного принципа обеспечить возможность перепроверки таких построений.

Принцип скептицизма в документальном источниковедении означает изначальный подход к документальному источнику с недоверием относительно его подлинности и достоверности. Это не означает

его отрицания и не исключает критического к нему отношения. Это всего лишь сомнение источниковеда как мера осторожности, предвещающая критику документального источника. Названный принцип подразумевает, что червь сомнения в любом документальном источнике является основой проверенного знания о нем.

К сожалению, принцип скептицизма был скомпрометирован в отечественной исторической науке. Носители этого принципа по разным, в первую очередь, политическим и идеологическим мотивам характеризовались как носители отрицания возможностей исторического познания вообще, либо как не признающие некие очевидно установленные исторической наукой факты и события прошлого.

Таким образом, названные принципы в нашем представлении определяют суть документального источниковедческого знания как знания теоретического в той мере, в какой это знание может выйти за границы описательности. Они открывают возможности провести более или менее понятную границу между прикладным и теоретическим документальным источниковедческим знанием. Последнее в этом случае может очертить особую сферу человеческого познания, имеющую дело с таким цивилизационным продуктом, как документ, ставший документальным историческим источником, т. е. утративший свою регулирующую функцию и обретающий историко-познавательное значение. Мы наблюдаем не только пересечение, но и частичное или полное совпадение принципов документального источниковедения и принципов документоведения, архивоведения и археографии. И в этом нет ничего необычного и искусственного, если вспомнить, что так или иначе в их центре находится феноменальный продукт человеческого духа — документ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Краткий курс истории ВКП(б). Текст и его история: в 2 ч. Ч. 1. / сост.: М. В. Зеленов, Д. Бранденбергер. — М., 2014. — С. 3–54.

2. Виноградов В. К. Об особенностях информационных материалов ОГПУ как источника по истории советского общества // «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). В 10 т. Т. 1. Ч. 1 — М.: Наука, 2001. — С. 31–76.

3. См., напр.: Литвин А. Л. Следственные дела как исторический источник // Эхо веков. — 1995. — № 2. — С. 170–176; Борисова Л. В. Делопроизводственные документы советской эпохи: Историография и источниковедение (20–80-е годы) // Отечественные архивы. — 1994. — № 2. — С. 19–29.

4. См., напр.: Аксютин И. В. Документы Автомобильного отдела Московского совета 19176–1918 гг. в Центральном государственном архиве Московской области // Вестник архивиста. — 1917. — № 1. — С. 203–225.

5. См., напр.: Покровский Н. Н. Источниковедение советского периода: документы Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) первой половины 1920-х годов // Археографический ежегодник за 1994 год. — М., 1996. — С. 18–46; Петров С. Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской Церкви (1921–1925). — М., 2004.

6. См., напр.: Зинданова Л. В., Карнович С. А. Материалы архивных фондов РГИА ДВ о межведомственном взаимодействии пограничных служб Российской империи на Востоке страны накануне Первой мировой войны // Вестник архивиста. — 2017. — № 1. — С. 8–24.

7. См., напр.: Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. — М., 1975; Медушевская О. М. Современное зарубежное источниковедение. — М., 1983; она же. Теория и методология когнитивной истории. — М., 2008; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. — М., 1987.

8. Костанов А. И. Документальная история Сибири. XVII — середина XIX вв. — Владивосток, 2007; Козлов В. П. Документальная память в архивоведческом знании. — М., 2017. — С. 166–180.

9. Катынь. Пленники необъявленной войны. — М., 1999.

10. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования... С. 130.

11. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. — М., 2004. — С. 8.

12. Козлов В. П. Документальная память в архивоведческом знании... С. 44–45.

ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ ЧАСТНЫХ АРХИВОВ ВО ВЬЕТНАМЕ

Чан Хоанг

Кандидат исторических наук,
старший преподаватель Ханойского университета внутренних дел

Чан Вьет Ха

Кандидат исторических наук,
заместитель декана факультета делопроизводства и архивного дела
Ханойского университета внутренних дел
Ханой, Вьетнам

Аннотация. В статье отражены особенности формирования частных архивов во Вьетнаме. Автор рассматривает основные проблемы в области права собственности многих семей, религиозных учреждений и частных лиц о передаче документов на хранение в национальные архивные центры, не обеспеченные оборудованием для их сохранности.

Ключевые слова: Вьетнам, национальная архивная модель, частные архивы, национальные центры хранения.

TREND IN THE DEVELOPMENT OF PRIVATE ARCHIVES IN VIETNAM

Chang Hoang

Candidate of Historical Sciences, Senior lecturer at Hanoi University
of Internal Affairs

Chan Viet Ha

Candidate of Historical Sciences,
Deputy Dean of the Department of Records Management and Archives
of Hanoi University of Internal Affairs
Hanoi, Vietnam

Abstract. The article reflects the peculiarities of the formation of private archives in Vietnam, related to the problems in the field of property rights of many families, religious institutions and individuals who transferred documents to the national archive centers, which have almost no resources for their preservation.

Keywords: Vietnam, national archive model, private archives, national storage centers.

Вьетнамская история пережила феодальный период, период иностранного господства, период войны за независимость и в настоящее время переживает период независимости. В последние годы вьетнамская экономика перешла от централизованно планируемой к социально-ориентированной рыночной экономике. Исторические и экономические изменения оказали сильное влияние на частные архивы во Вьетнаме.

До перестройки Вьетнам был социалистическим государством, поэтому архивам в целом и личным архивам в частности уделялось недостаточное внимание со стороны архивной службы страны.

Понятие частных архивов, как полагают некоторые вьетнамские архивы, заключается в том, что частные записи (архивы) — это архивы частных лиц, семей или частных организаций, которые созданы частными лицами в ходе частной деятельности и находятся в личной собственности. Это понятие почти совпадает с определением частных архивов в англо-французском глоссарии архивных терминов, опубликованном в Мюнхене, Нью-Йорке, Лондоне и Париже в 1988 г. Международным архивным советом в лице главного редактора Питера Уолна.

Хотя Конституция Демократической Республики Вьетнам 1946 г. и поправки к Конституции 1959, 1980 и 1913 гг. подчеркивали права частной собственности, только к 2011 г. в Закон об архивах было внесено право собственности на архивные документы.

Хотя с феодального периода или периода иностранного господства часть населения (интеллигенция, высший класс и т. п.) обращала внимание на сохранение частных архивных документов, из-за постоянной войны, трудной жизни частным архивам уделялось мало внимания. В годы, когда Социалистическая Республика Вьетнам только получила независимость, не поощрялось развитие частной экономики в целом и частных архивов в частности.

Вьетнам расположен в географическом районе с жарким и влажным тропическим муссонным климатом, который отрицательно влияет на жизнь архивных документов, а из-за нехватки оборудования и техники сохранившиеся частные архивы сильно повреждены.

Хотя в 2011 г. Законом об архивах Вьетнама признано право собственности на архивные документы, государство в основном уделяло внимание праву собственности на государственные документы. Поэтому риск злоупотребления, лишения и оспаривания права собственности на частные архивные документы все еще существует.

Текущий статус частных архивных документов, сохраненных во Вьетнаме:

— большинство частных архивов хранятся в семьях, и их владельцы являются также и авторами рукописей или наследниками рукописей, оставленных предшественниками. Например, знаменитый частный архив исследователя культуры Хюэ Фан Тхуан Ан и его семьи в г. Хюэ, содержащий в том числе архивные документы с фотографиями трех поколений, которых не было в государственных архивах. Владелец архива подарил 86 копий документов с подписью многих императоров династии Нгуен, связанных с морским и островным суверенитетом Вьетнама Национальному архивному центру № 1. Также можно упомянуть архивные документы Хуинь Дык Нуа и его жены Као Тхи Хоа в коммуне Дьен Нгок района Дьен Бан провинции Куангнам и др.

— национальная архивная модель получает депонированные и подаренные частные архивные документы. Это архивы частных лиц и семей, которые добровольно дарят их национальным архивным центрам в соответствии с договоренностью. До настоящего времени, согласно неполной статистике, Национальный архивный центр № 1 в Ханое получил от четырех семей, депонирующих 42 документа, в которых имеются тексты повеления короля рукоположить дворян, чиновников и наградить тех, кто имеет заслуги, и от трех семей, которые подарили 19 редких и ценных архивных документов. Вышеуказанные документы императоров династии Нгуен (1802–1945) были переданы религиозным учреждениям. Национальный архивный центр № 2 в Хошимине собрал 74 архива многих известных генералов и частных лиц. Национальный архивный центр № 3 в Ханое получил депонированные и подаренные документы от 111 известных частных лиц, из которых 32 частных лица получили награды Хо Ши Мина и 48 частных лиц — государственные награды.

В целом из-за проблем, связанных с правом собственности некоторых семей, религиозными учреждениями и частными лицами передавались на хранение или в дар документы частного происхождения национальным архивным центрам. Однако центры недостаточно хорошо оснащены отдельными элементами хранения и использования фондов частного происхождения, что вызывает у владельцев определенные опасения за сохранность своего архивного наследия.

Модель архива — музея — библиотеки, созданная частными предприятиями.

В 2008 г. частной больницей Медлэтек в Ханое был создан Центр наследства вьетнамских ученых. Центр работает в комбинированной модели архива — музея — частной библиотеки с правовым статусом Медлэтека. Центр успешно действует последние 10 лет. До настоящего времени Центр принял частные архивы и артефакты более 1800 известных ученых во Вьетнаме. Инфраструктура Центра не уступает национальным архивным центрам Вьетнама: просторный офис и огромный архив по адресу: д. 561, ул. Лак Лонг Куан, г. Ханой, а также 34 гектара в районе Као Фонг провинции Хоабинь с современным архивным зданием, которое выглядит как открытая стеклянная книга площадью около 3000 кв. м, с выставочной площадью, архивом документов и артефактов, с более чем 100 научных сотрудников и работников. Ежегодно Центр наследства вьетнамских ученых принимает более 80 000 посетителей.

Вслед за этой моделью централизованного частного архива во Вьетнаме начали формироваться некоторые другие централизованные частные архивы, такие как Сайгонская научно-техническая компания с ограниченной ответственностью (создана в 2009 г.) в Хошимине. Этот центр не только предлагает архивные, библиотечные и офисные услуги, но и собирает архивные документы известных ученых и частных лиц и хранит документы семьи директора компании, доктора Фам Тхи Хюэ.

Поскольку вопрос о владении архивами еще не имеет конкретных решений, вышеупомянутые модели централизованного частного архива по-прежнему сталкиваются с проблемами, связанными с правом собственности на частные архивные документы.

Тенденция развития частных архивов во Вьетнаме с настоящего времени до 2050 г.:

1. В настоящее время Вьетнам создает рыночную экономику с социалистической ориентацией, поэтому значение частных архивных документов преувеличено. Закон о праве собственности на частные архивные документы будет дополнен, будут введены более конкретные положения о собственности на частные архивные документы, чтобы избежать споров, незаконного присвоения и для лучшей защиты архивных документов.

2. Модель частного архива, домашнего архива в домах, где живут их владельцы, по-прежнему является основной, поскольку жизнь народа стала комфортнее, появилось больше возможностей для сохранения архивных документов, люди признали свою ответственность за их хранение.

3. Модель развивает ряд централизованных частных архивов (например, модель Центра наследства вьетнамских ученых). Однако эти централизованные частные архивы не являются постоянными, потому что требуют огромных регулярно предоставляемых ресурсов и рискуют расформироваться из-за споров о владении архивными документами.

4. Модель мемориальных домов, построенная государством или семьей в память о героях. Обычно эта модель представляет собой сочетание музея и архива, однако главной является функция музея. Например, мемориальные парки президента Хо Ши Мина, мемориальный дом Нгуен Ван Линь в провинции Хынгйен, мемориальный парк писателя Нам Као в провинции Ханам, мемориальный дом Нгуен Дюк Кань в Хайфонге и др. В настоящее время появилась модель музея-частного архива, такого как Музей Нгуен Ван Хуен в Ханое, мемориальный парк Чан Дык Нхуан в провинции Намдинь и т. п.

5. В будущем национальная архивная модель сбора личных документов все еще будет существовать. Однако из-за необходимости концентрировать ресурсы для государственного архива эта модель не может активно развиваться в ближайшем будущем.

СТРУКТУРА ТЕХНОТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ И АРХИВОВ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ланской Григорий Николаевич

Доктор исторических наук, доцент, декан факультета документо-
ведения и технотронных архивов, профессор кафедры зарубежного
регионоведения и внешней политики

Российского государственного гуманитарного университета

Москва, Российская Федерация

e-mail: gri_lanskoi@list.ru

Аннотация. В статье отражены особенности систематизации, состава и содержания аудиовизуальных и электронных документов, технической документации в условиях современного информационного общества. В рамках представленной в ней концепции определено, что общим признаком этих видов документов при существующем уровне развития информационных технологий является наличие электронной формы создания и использования. Сохранность и использование их на традиционных материальных носителях отнесены к особенностям индустриального общества.

Ключевые слова: информационное общество, технотронные документы, электронные документы, техническая документация, специализированные архивы, доступ.

STRUCTURE OF TECHNOTRONIC DOCUMENTS AND ARCHIVES IN INFORMATIONAL SOCIETY

Lanskoy Grigoriy Nikolaevich

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Dean of Faculty
of Documentary Sciences and Technotronic Archives, Professor
of Department of Foreign Regional Studies and External Policy,

Russian State University for Humanities

Moscow, Russian Federation

e-mail: gri_lanskoi@list.ru

Abstract. In paper are presented specific features of systematization, community and content of audiovisual and electronic documents, of technical documentation in conditions of contemporary informational

society. In terms of proposed in paper conception is determined that existence of electronic form of creation and of communication is common indication for these types of documents on existing level of informational technologies. Their preservation and using on traditional material supports are related to characteristics of previous industrial society.

Keywords: informational society, technotronic documents, electronic documents, technical documentation, specialized archives, access.

Введение в научный оборот совокупности понятий и раскрывающих сущность этих понятий концептуальных представлений в области технотронных документов и архивов произошло в первой половине 1990-х гг. под влиянием научно-исследовательского и социально-синергетического факторов.

Научно-исследовательским фактором являлось стремление специалистов в области работы с документами на отличавшихся от традиционной бумажной основы носителях сформулировать обобщенное определение объекта своей деятельности. Речь шла об определении значительного и, что являлось особенно существенным, увеличившегося в объеме комплекса информационных ресурсов, имевших различное происхождение и при этом нуждавшихся в своей обособленной идентификации в качестве объектов целенаправленного создания, хранения и использования. Под ними подразумевались все виды изобразительных и звуковых документов на пленочных, магнитных и иных менее распространенных носителях; техническая документация на кальке и светокопийной бумаге; так называемые машиночитаемые документы, создававшиеся с помощью электронно-вычислительных машин.

Далее в связи с появлением текстового программного обеспечения и внедрением программных средств, позволяющих обеспечивать удостоверение юридической значимости соответствующих информационных ресурсов, были изобретены и получили последующее распространение электронные документы. Их, естественно, необходимо отличать от документов, представленных в электронной цифровой форме, возникновение которых было связано с реализацией международной программы ЮНЕСКО «Память мира» и других технологи-

ческих проектов обеспечения доступа в глобальных информационно-телекоммуникационных сетях к объектам историко-культурного наследия.

Такая дифференциация имеет принципиальное, методологическое значение, т. к. процесс цифровизации не приводит к созданию новых источников документированной информации, а только (что, конечно, тоже является важной задачей) делает доступным созданные ранее информационные ресурсы. При этом, конечно, необходимо подчеркнуть, что изначально созданные с помощью программного компьютерного обеспечения документы и источники документальной информации, корпус которых формируется в результате создания цифровых образов различных объектов документального наследия, формируют в совокупности электронную информационную систему, куда могут входить и так называемые производные ресурсы. Эти производные ресурсы (или, если следовать юридической терминологии, производные произведения) отличаются от первоначальных тем, что они представляют собой продукты систематизации, дополнительного учета, описания и в более широком смысле переработки первоначальных источников информации, зафиксировавших конкретные объекты в процессе непосредственного, прямого документирования.

Следовательно, к числу электронных документов относятся не только тексты, например, делопроизводственного происхождения, изначально созданные с помощью программных технических средств, но и базы данных, появление которых в рассматриваемом комплексе стало прямым следствием возникновения машиночитаемых статистических данных, относящегося ко второй половине 1960 — первой половине 1970-х гг. Таким образом, перед заинтересованными в решении такого рода задачи исследователями в первой половине 1990-х гг. встала задача идентифицировать с помощью обобщенного понятия все указанные выше и продолжающие эволюционировать в настоящее время источники документальной и не только документальной информации, использовав для этого современный, апробированный в рамках социальных наук термин. Так появилось понятие технотронных документов как источников информации, созданных с помощью технологий, отличающихся от рукописной деятельности,

и технотронных архивов как информационной системы, объединяющей в себе в качестве единственного или основного объекта хранения и использования технотронные документы. В то же время следует подчеркнуть, что данную совокупность терминов использовали главным образом специалисты из Российского государственного гуманитарного университета и из других учреждений, относящие себя к числу представителей созданной в РГГУ научно-педагогической школы, основателями которой были В. М. Магидов, Л. М. Рошаль, Н. Г. Филиппов и некоторые другие специалисты. Об этом свидетельствует, в частности, издание именно под эгидой РГГУ сборников научных исследований, которые были посвящены совокупности объектов, включаемых в понятия технотронных архивов и технотронных документов, и популяризировали данные понятия в рамках профессионального сообщества.

Вторым фактором введения в научный оборот совокупности понятий и теоретических представлений, относящихся к технотронным архивам и документам, являлся фактор, который можно назвать социально-синергетическим. Он заключался в стремлении практических работников и исследователей содержания данных понятий определить место и значение подразумеваемых под ними информационных систем и входящих в их число ресурсов в общей схеме эволюции общества, связанной как с целенаправленными процессами, так и с различного рода бифуркациями. По существу, исследователи ставили перед собой задачу, нашедшую отражение даже в рамках гуманитарных (например, историко-архивоведческих) теорий, выстраивания связи между появлением указанной совокупности архивов и документов и ходом трансформации общества, под которым подразумевается совокупность различных форм и способов взаимодействия людей. При решении данной задачи выстраивались ассоциативные связи между развитием черт традиционного общества и внедрением технологий письменности; формированием и распространением черт индустриального общества и возникновением форм механизации процессов документирования действительности; зарождением и постепенным становлением в разных странах черт постиндустриального общества, где документированные, т. е. зафик-

сированные на материальных носителях и имеющие юридические удостоверяющие признаки, информационные ресурсы становятся доступными для широкого круга создателей и пользователей.

Широко известно, что для обозначения каким-либо идентифицирующим понятием данного уровня общественного развития специалисты различных профессий (социологи, политологи, писатели-футуристы) формулировали разные термины, среди которых на рубеже 1960–1970 гг. возник термин технотронной эры развития общества, сформулированный и подробно раскрытый З. Бжезинским. Применительно к конкретным социальным общностям и институциональным структурам, управляющим этими общностями и их интеграционными структурами, с помощью терминов технотронной эры и проявляющегося в эту эру технотронного общества была определена специфика нового мирового порядка, в качестве лидера которого в теоретическом первоисточнике подразумевались Соединенные Штаты Америки. Таким образом, технотронные архивы и технотронные документы, еще только обозначавшиеся в период 1970 — первой половины 1990-х гг. в качестве так называемых новых архивов, представляют собой один из совокупных элементов развития данной социальной системы, развивающийся в контексте тенденций научно-технического происхождения. В этом плане примечательным является понятие электронного архива, которое представляет собой одно из активно обсуждаемых в профессиональном сообществе актуальных объектов исследовательского познания и практического освоения.

С точки зрения особенностей формирования, а также соответствующей его специфике структуры электронный архив представляет собой собирательный объект, моделируемый из разных элементов и обозначающий специфическую среду. По существу, к нему можно отнести различные информационные ресурсы, размещаемые в электронной среде. В прямом смысле к ним относятся документы, изначально созданные с помощью компьютерной техники и программного обеспечения, значительная часть которых имеет идентифицирующие признаки подлинности. Далее в состав среды, часто называемой электронным архивом, входят справочно-поис-

ковые и учетные ресурсы, прошедшие программно-техническую обработку и представляемые в целостном по отношению к объекту документирования и взаимосвязанном с точки зрения соотношения сведений виде. Создание такого рода систем началось до появления электронных документов и внедрения цифровых технологий и было основанием, с одной стороны, для появления машиночитаемых документов и, с другой стороны, для создания различных по отраслевой принадлежности автоматизированных систем управления. Наконец, к электронному архиву могут быть отнесены электронные образы различных типов, видов и разновидностей архивных документов, музейных предметов и объектов библиотечного хранения. Они не представляют собой единых систем документации, т. к. относятся к разным институциональным и тематическим объектам, но их общей чертой является происхождение в процессе применения технологий оцифрования.

В то же время с нормативной точки зрения в странах, где сложилась централизованная практика комплектования объектов историко-документального наследия государственными структурами в комплексы, которые можно рассматривать в качестве правовых институтов (каковым, например, является Архивный фонд Российской Федерации), понятие электронного архива не является легитимным. Данное обстоятельство вызвано тем, что адаптируемая и предназначенная для него информационная среда существует в так называемом облачном пространстве как минимум для двух категорий информационных ресурсов — цифровых документов и справочно-поисковых ресурсов. Применительно к электронным документам подавляющее большинство стран, вступивших в стадию постиндустриального развития, пока еще использует гибридную схему управления документами, создавая применительно ко многим объектам системы документации в электронном, а затем в традиционном — бумажном — виде. Таким образом, в условиях развития технотронного общества в качестве информационных объектов выступают в первую очередь те ресурсы, которые создаются и размещаются в виртуальной среде, а механизм институционально-правового оформления системы хранения и использования

применяется в отношении электронных документов, которые могут иметь различный режим доступности.

Представленный анализ научно-исследовательского и социально-синергетического факторов происхождения и эволюции технотронных архивов и технотронных документов указывает на то, что оба эти понятия являются, главным образом, моделируемыми теоретическими конструкциями и в буквальном смысле назывными понятиями. Их прямое использование на практике может приводить к ошибочным как с теоретической, так и с методической точки зрения наблюдениям и выводам. Например, с точки зрения определяющего типологического признака — характера содержащейся в информационном ресурсе информации — нельзя считать правильным использование обобщающего понятия «кинофотофонодокументы», которое было обусловлено стремлением подвести какие-либо значительные комплексы документов под категорию технотронных. Из этого понятия как минимум выделяются звукозаписи и изобразительные фотографические данные, а произведения кинематографа могут быть отнесены к числу комплексных — аудиовизуальных — источников только применительно к относительно небольшому (по сравнению, например, с историей фотографии или картографии) периоду и только в том случае, если звуковая часть их информационного потенциала имеет самостоятельное значение, а не представляет собой только акустический фон к движущемуся изобразительному тексту.

Также крайне спорным является использование относимого к технотронным документам понятия научно-технической документации. Во-первых, оно имеет в качестве своей системообразующей сферы объект деятельности (сферу развития науки, техники и отчасти экономики), а не способ документирования, представляющий собой признак для определения принадлежности к технотронным документам. Во-вторых, с точки зрения технологии создания и соответствующей ей специфики материального носителя документированной информации можно с достаточным основанием говорить только о технической документации, выступающей в качестве систематизированной совокупности взаимосвязанных по форме и содержанию документов применительно к конкретному объекту — зданию, изделию,

технологическому процессу. В связи с этим не случайным является разделение понятий технического документирования и документирования научно-технической деятельности, иногда связываемого по отраслевому и функциональному принципу с документированием экономической деятельности.

С наибольшим основанием с научно-исследовательской и, особенно, с социально-синергетической точки зрения можно говорить о принадлежности к составу технотронных документов источников документированной информации, изначально созданных в электронной форме, т. е. электронных документов. Целенаправленное формирование инфраструктурной среды для их создания, преобразования, распространения и использования являлось одной из основных задач на пути к технотронной эре и, соответственно, к становлению технотронного общества, которое обычно принято называть информационным обществом. По существу, именно данное определение структуры и состава технотронных документов наиболее четко соотносится с определением цифровой экономики, представляющей собой совокупность развивающихся на основе внедрения компьютерных технологий и программно-технического обеспечения всех форм и сфер хозяйственного развития. Совершенно очевидным является и тот факт, что любые синергетические процессы как в самой структуре общества и социальных отношений, так и в инфраструктурной по отношению к общественному развитию среде будут только стимулировать развитие технотронных документов именно в их электронном качестве в направлении, с одной стороны, обеспечения большей доступности информационных услуг и, с другой стороны, развития систем кибербезопасности.

О текущем и предполагаемом развитии аналогичных тенденций можно говорить и применительно к технотронным архивам, которые, по существу, представляют собой информационную среду для размещения, систематизации, учета, описания и организации использования данных, созданных графическим, фотографическим и звукозаписывающим способами документирования, а также путем фиксации информации путем ее электронной записи. В институциональном понимании к этому комплексу можно отне-

сти встречающиеся в относительно небольшом объеме и количестве по отношению к архивам, хранящим письменную документацию, архивные учреждения и службы, специализирующиеся на хранении и организации использования документов, созданных перечисленными способами. Однако очевидной в контексте развития информационного общества является тенденция, связанная с созданием технотронных архивов уже непосредственно в электронной среде. Ее наличие объясняется тремя причинами.

Первая причина заключается в том, что все большее количество изобразительных, графических и в несколько меньшей степени звуковых документов если и не создается непосредственно с помощью средств компьютерной техники и программного обеспечения, то в значительном числе случаев впоследствии обрабатывается и хранится в первоначальном или в отредактированном виде именно в электронной среде. На этом уровне организации хранения происходит создание систем изобразительной, звуковой и технической документации, относящихся к конкретным объектам, что находит отражение, например, в процессе формирования электронных дел и иных аналогичных учетно-классификационных единиц. Второй причиной создания технотронных архивов именно в электронной среде является существенный рост объема документов и авторов их создания, что, по существу, ввело фотодокументы в категорию массовых по своему происхождению источников документированной информации. Формирующиеся значительные объемы документированной фотографической, картографической и звуковой информации уже практически невозможно и тем более нецелесообразно переводить с электронных носителей на более ранние поколения материальных носителей, созданные и внедренные в индустриальный период общественного развития. Третья причина формирования технотронных архивов в электронной среде заключается в том, что наиболее доступной и в большей мере экономичной по сравнению с ранее разработанными формами использования архивных документов является их электронная публикация. В этом плане одним из примечательных и широко востребованных примеров технотронных документов, архивируемых и распространяемых в доверенной или в иной

по категории доступной среде, являются геоинформационные системы, которые могут сочетать в себе различные виды информации о достаточно широком круге объектов документирования.

Таким образом, структура технотронных документов и архивов в информационном обществе характеризуется, прежде всего, тем, что она формируется и развивается в электронной информационной среде, представляющей собой комплексное и внутренне многообразное явление. В зависимости от своей институциональной принадлежности, юридического статуса и в несколько меньшей степени от содержательных особенностей данная среда может иметь различные режимы доступности, а с другой стороны, безопасности внесенных в нее информационных ресурсов. В связи с этим является очевидным, что технотронные документы и архивы, независимо от технологии их создания, являются объектом регулирования со стороны норм информационного права. В рамках их совокупности могут храниться и использоваться различные типы и виды документов, которые создаются на различных так называемых нетрадиционных носителях, отличающихся от традиционных бумажных носителей. Однако в данном случае понятия технотронных документов и технотронных архивов можно рассматривать исключительно в качестве теоретической категории, которая не способна отразить специфику изобразительной, звуковой, аудиовизуальной и технической документации по причине своего условного и формального характера.

Поэтому представляется необходимым, исходя из реалий развития информационного общества, с одной стороны, легитимизировать наличие в существующей социально-коммуникативной среде существование электронных по форме и технологии создания аудиовизуальных документов и технической документации и, с другой стороны, разносторонне исследовать их особенности в качестве объектов хранения и использования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Технотронные архивы в современном обществе: наука, образование, наследие: Материалы научно-практической конференции, посвященной 10-летию факультета технотронных архивов и доку-

ментов. — М.: РГГУ, 2004. — 123 с.; Технотронные документы — информационная база источниковедения и архивоведения: Сб. науч. статей — М.: РГГУ, 2011. — 307 с.

2. Бжезинский З. Между двумя веками: роль Америки в эпоху технотроники / пер. с англ. И. М. Максимовой. — М.: Прогресс, 1972. — 308 с.

3. Материалы XI Международного конгресса архивов, 23–26 августа 1988 г., Париж. — М.: ГАУ, 1989. — 240 с.; *La pratique archivistique française*. — Paris: Direction des archives de France, 1993. — 630 p.

ООО «ТЕРМИКА»

ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ АРХИВНОГО ДЕЛА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Ларин Михаил Васильевич

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой
автоматизированных систем документационного обеспечения
управления

Российского государственного гуманитарного университета

Москва, Российская Федерация

e-mail: larin.m@rggu.ru

Аннотация. В докладе освещаются вопросы развития и совершенствования нормативного обеспечения архивного дела в современных условиях. Методологической базой развития нормативного обеспечения архивного дела в современных условиях выступает программа «Цифровая экономика Российской Федерации». В докладе рассмотрены предложения Федерального архивного агентства по изменению действующего законодательства, представленные на Совете по архивному делу в октябре 2019 г. Даны авторские предложения по модернизации нормативного обеспечения архивного дела в условиях цифровой экономики.

Ключевые слова: архив, архивное дело, делопроизводство, архивное законодательство, архивный фонд, документальный фонд, информационное общество, цифровая экономика.

PROBLEMS OF NORMATIVE SUPPORT OF ARCHIVING IN MODERN CONDITIONS

Larin Mikhail Vasilyevich

Doctor of History Sciences, Professor,
Head of the Department of Electronic Records Management Systems,
Russian State University for Humanities

Moscow, Russian Federation

e-mail: larin.m@rggu.ru

Abstract. The report highlights the issues of development and improvement of normative support of archiving in modern conditions. The methodological basis for the development of normative support for

archiving in modern conditions is the Digital Economy of the Russian Federation Program. The report examined the proposals of the Federal Archival Agency to amend existing legislation presented at the Archival Council in October 2019. The author offers to modernize the normative support of archiving in the conditions of the Digital Economy.

Keywords: archive, archiving, paperwork, archival legislation, archival fund, documentary fund, information society, digital economy.

Методологической базой развития нормативного обеспечения архивного дела в современных условиях выступает программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р. Реализация этой программы осуществляется в соответствии с целями и задачами государственной политики Российской Федерации по созданию необходимых условий для развития цифровой экономики Российской Федерации, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности. Достижение этих целей даст возможность повысить конкурентоспособность страны, качество жизни граждан, обеспечить экономический рост и национальный суверенитет.

Важнейшей задачей программы является разработка изменений, вносимых в нормативные правовые акты в целях формирования базовых понятий и институтов цифровой экономики (в том числе таких понятий, как «электронный документ», «электронный архив», а также понятий, обеспечивающих формирование единой цифровой среды доверия и т. п.). Поставленная задача чрезвычайно масштабна, отличается новизной, а сроки, установленные правительством на ее реализацию, весьма ограничены. Положение осложняется тем обстоятельством, что в течение длительного периода нормативная база архивного дела в указанных направлениях практически не развивалась.

В связи с этим вполне логичным выглядит тот факт, что 9 октября 2019 г. в Ялте состоялось заседание Совета по архивному делу при Федеральном архивном агентстве (Росархиве), на котором

обсуждалось состояние и перспективы нормативно-правового обеспечения архивного дела и делопроизводства на современном этапе. В резолюции Совета было отмечено, что с момента наделения Росархива полномочиями по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере архивного дела и делопроизводства проделана значительная работа по актуализации или переработке ранее принятых нормативных правовых актов. Вместе с тем Совет констатировал сохранение ряда неурегулированных в правовом отношении вопросов, прежде всего, связанных с комплектованием государственных и муниципальных архивов, в том числе электронными документами, препятствующих качественному формированию Архивного фонда Российской Федерации. По результатам состоявшегося обсуждения Совет по архивному делу обратился к Росархиву с просьбой активизировать внесение ряда поправок в Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации».

Предложения Росархива о внесении изменений в действующее законодательство довольно подробно были представлены в докладе заместителя руководителя Росархива О. В. Наумова [1]. В общем и целом предлагаемые поправки на деле сводятся к частичным изменениям отдельных статей Федерального закона № 125 «Об архивном деле в Российской Федерации». Отметим среди предполагаемых поправок предложения о расширении полномочий по вопросам делопроизводства органов управления архивным делом на местах, о разграничении понятий «обращение в архив» и «запрос в архив», о применении информационной системы автоматизированного государственного учета документов Архивного фонда Российской Федерации. Вновь поднимается вопрос о внесении изменения в статью 26 Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации», который предусматривает создание информационной системы удаленного использования копий архивных документов и справочно-поисковых средств к ним, которая позволит повысить оперативность и качество информационного обслуживания пользователей, обеспечит расширение спектра архивных услуг и пользовательской аудитории за счет централизации и доступности архивных информационных ресурсов в сети Интернет, переход к предостав-

лению дистанционных услуг в электронной форме, а также снизит нагрузку на читальные залы архивов и на их работников. В целях придания закону современного звучания Росархив предлагает наряду с уже существующим понятием «архивный документ» ввести в статью 3 Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации» понятие «электронный архивный документ».

Как видим, Росархив, наделенный правом законодательной инициативы, выбирает в целях совершенствования нормативного акта тактику точечных изменений, не подвергая ревизии весь закон. Однако вряд ли такой подход отвечает современным реалиям цифровой эпохи. Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации», принятый в 2004 г., в условиях динамично изменяющихся внешних факторов показал устойчивость конструкции и работоспособность большинства его положений и норм. Однако за время, прошедшее с момента принятия этого закона, произошли серьезные изменения в жизни страны, в законодательной и нормативной сфере, в государственном устройстве.

Переход Федерального архивного агентства в ведение Президента Российской Федерации кардинально изменил функции и задачи архивного органа в государстве. Именно поэтому, на наш взгляд, произошедшие изменения должны быть закреплены на законодательном уровне. Поскольку Росархив отвечает теперь за формирование и реализацию государственной политики в сфере делопроизводства, по нашему глубокому убеждению, эту норму следует отразить в архивном законе [2]. При этом данный закон мог бы получить иное название, например, «Об архивном деле и организации делопроизводства в Российской Федерации». Ввод этой нормы в содержание закона однозначно помог бы реальному расширению полномочий региональных архивных органов в регулировании вопросов делопроизводства на их уровне.

Второе предложение — это включение в закон понятия «Документальный фонд Российской Федерации». В узком смысле этого слова по отношению к отдельной организации понятие документального фонда закреплено в терминологическом словаре «Управление документацией» [3] и в терминологическом стандарте ГОСТ Р 7.0.8-2013

«Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения». Также в пункте 2.1 «Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в органах государственной власти, органах местного самоуправления и организациях» указано, что документы, образующиеся в деятельности организации, составляют документальный фонд. Таким образом, совокупность документов, образующихся в процессе деятельности органов государственного управления и подведомственных им организаций, а также в процессе деятельности других организаций, может составить Документальный фонд Российской Федерации.

Выделение этого понятия наряду с понятием Архивного фонда Российской Федерации дало бы возможность законодательно регулировать весь жизненный цикл управления документами от момента их создания в делопроизводстве до выделения к уничтожению или перехода в категорию архивных документов на единой правовой основе. Вместе с тем его включение в закон позволило бы более четко обозначить границы ответственности архивистов и специалистов служб делопроизводства за свои сферы деятельности, за свои комплексы документации. В одном случае это комплекс оперативной делопроизводственной документации, а в другом — комплекс архивных документов. Функции по управлению названными комплексами документации значительно различаются. Различаются и профессиональные компетенции специалистов, которые трудятся в делопроизводственных подразделениях и архивах. Поэтому более четкое выделение зон ответственности архивистов и документоведов с учетом массового применения ими в процессе труда функционально различающихся информационных систем позволило бы, по нашему мнению, оказать благотворное влияние на качество их работы.

Третье направление совершенствования архивного закона связано с устранением терминологических неточностей и обновлением терминологии закона. В законе встречаются понятия «документ», «архивный документ», «документ Архивного фонда Российской Федерации». Определение документа в законе отсутствует, хотя в ряде ста-

тей это понятие представлено опосредованно, например: «Экспертизе ценности документов подлежат все документы на носителях любого вида, находящиеся в федеральной собственности, собственности субъекта Российской Федерации или муниципальной собственности. До проведения в установленном порядке экспертизы ценности документов уничтожение документов запрещается». А чем, собственно, отличается документ от архивного документа? Согласно закону, архивный документ — это «материальный носитель с зафиксированной на нем информацией, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и подлежит хранению в силу значимости указанных носителя и информации для граждан, общества и государства». Под это определение подпадают фактически все делопроизводственные документы, которые также подлежат хранению. Как проводить экспертизу ценности документов, если инструментом является «Перечень типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков хранения»? Ранее в архивном деле существовало четкое определение архивного документа как документа, хранящегося в архиве. К сожалению, это время безвозвратно ушло. Тем не менее внести ясность в данную ситуацию просто необходимо.

Согласно «дорожной карте», которая сформулирована в целях реализации положений Программы цифровой экономики, в 2020 г. все федеральные, региональные и муниципальные органы власти должны использовать МЭДО для юридически значимого обмена электронными документами. Долю ведомственного и межведомственного электронного документооборота в 2025 г. планируется довести до 90 %. Таким образом, в документообороте как внутри организаций, так и в процессах межведомственного обмена документами следует ожидать доминирования электронных документов.

Однако действующее законодательство лишь фрагментарно регулирует вопросы оборота электронных документов. Закон «Об архивном деле в Российской Федерации» только в самой общей форме упоминает электронные документы в статье 5, в которой раскрывается состав Архивного фонда Российской Федерации. Других

упоминаний об электронных документах в законе нет. В связи с этим можно сделать вывод, что долговременное архивное хранение электронных документов в нашей стране нормами права в полной мере пока не обеспечено. Видимо, поэтому в программе «Цифровая экономика» указывается на необходимость законодательного решения проблем, связанных с уточнением понятия электронного документа, определением процедур хранения электронных документов, использования и хранения «электронного дубликата (электронного образа) документа». Сразу заметим, что уточнение понятия электронного документа неизбежно приведет к необходимости обновления термина «архивный документ». Вряд ли можно применить к современным хранилищам данных эквивалент «материального носителя, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и подлежит хранению в силу значимости указанных носителя и информации для граждан, общества и государства». Очевидно, что данное определение не отражает в полной мере понимание электронного документа как архивного документа.

Любопытно, что в уже упоминавшемся докладе О. В. Наумова сделана попытка дать определение электронного архивного документа для включения в закон: «электронный архивный документ — документированная информация, представленная в электронной форме на материальном носителе (материальных носителях) с возможностью его (их) изменения или замены, которая имеет метаданные (реквизиты), позволяющие ее идентифицировать, и подлежит хранению в силу значимости указанной информации для граждан, общества и государства». По мнению О. В. Наумова, ключевое отличие электронного архивного документа от традиционного — отказ от неразрывной связи между содержащейся в нем информацией и конкретным физическим носителем. Такое требование, обязательное для обычных архивных документов, продиктовано особенностями технологии создания, изменения, копирования, передачи по сетям связи электронных документов. Он считает, что введение понятия «электронный архивный документ» позволит избежать трудностей, которые в настоящее время возникают при комплектовании, обеспечении сохранности и копировании этих документов.

Позволим себе высказать некоторые замечания относительно понятия «электронный архивный документ», предложенного для включения в Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации». В первую очередь очевидно, что термин «электронный архивный документ» обозначает некоторое понятие, основные свойства и характеристики которого должны быть отражены в его определении. Поэтому определение связано в первую очередь с понятием. Из предложенной дефиниции сложно понять, какими же свойствами и характеристиками должен обладать электронный архивный документ, и чем эти характеристики отличают его от электронного документа вообще и от архивного документа в частности. Предложенное определение представляет собой оригинальный симбиоз из двух известных определений электронного и архивного документов. Возможность замены носителя информации, которая, по мнению О. В. Наумова, отличает электронный архивный документ от традиционного документа, связана не столько с его свойствами, сколько с технологией обеспечения сохранности электронных документов в архиве и вряд ли нуждается в закреплении на уровне понятийного аппарата.

В целом не вполне ясно, чем вызвана необходимость в таком определении и как оно поможет избежать трудностей при работе с электронными документами. Думается, что методологически правильной была бы модернизация понятия «архивный документ» в направлении его универсальности. Так или иначе, следует рассматривать архивный электронный документ как частный случай, видовое понятие от архивного документа. Только так мы поставим архивный электронный документ в рамки действующего архивного законодательства и других нормативных актов, что является непререкаемым требованием теории и практики архивного дела. Таким образом, очевидно, что закон в целом не содержит необходимого и достаточного объема норм, регулирующих функционирование электронных документов в делопроизводстве и архивном деле. Фактически это означает необходимость решительного обновления закона об архивном деле, поскольку в современном виде он не соответствует курсу государства на всестороннее применение цифровых технологий.

Повышенное внимание специалистов вызывает тот фрагмент доклада О. В. Наумова, в котором изложено отношение Росархива к подготовке законопроекта «О внесении изменений в Федеральный закон „О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма“ и иные законодательные акты Российской Федерации». Этот законопроект предусматривает, в том числе, уточнение понятия «электронный документ» и определение процедур хранения электронных документов, а также создания, использования и хранения электронного дубликата документа. В настоящее время данный законопроект дорабатывается головными организациями — АНО «Цифровая экономика» и фондом «Сколково» — для внесения на рассмотрение в Государственную Думу. На наш взгляд, здесь следует поддержать позицию Росархива, который полагает, что можно допустить предлагаемую в законопроекте возможность создания электронных дубликатов отдельных установленных законом видов документов до передачи их на архивное хранение, но идею уничтожения бумажных оригиналов после создания электронных дубликатов документов не поддерживать.

Говоря в целом о нормативной базе архивного дела в современных условиях, хотелось бы несколько слов сказать о совершенствовании подзаконных актов. В настоящее время обновлены Правила работы государственных архивов. Когда эта работа только начиналась, разработчикам представлялось, что будет создан современный нормативный акт, в полной мере учитывающий правовые требования к такого рода документам, а также предыдущий опыт разработки Правил работы архивов организаций 2015 г. Однако, судя по доступной версии проекта, в конечном итоге получился в меру обновленный вариант предыдущих правил. Может быть, это и неплохо, все-таки традиции в архивном мире значат очень много. Однако хотелось бы увидеть в этих правилах более современный документ, инструмент работы архивиста в цифровой экономике, соответствующий требованиям времени, на деле регулирующий работу архивистов с информационными системами и электронными архивными документами как сугубо электронными, так и с оцифрованными копиями документов на традиционных носителях.

По утверждению руководства Росархива, разработка корпуса нормативно-правовых актов, состав которого определен Положением о Росархиве, завершена или близится к завершению. Однако возникает резонный вопрос — насколько эти документы продвигают нас в формировании современной государственной политики в сфере делопроизводства и архивного дела? Даже по названию принятых или готовящихся к принятию нормативных актов очевидно, что в подавляющем большинстве случаев речь идет только лишь об обновлении ранее действовавших нормативов. Примечательно, что разработка наиболее важных документов выполнена сторонними исполнителями, а не ВНИИДАД, который традиционно многие годы занимался подготовкой проектов нормативных документов в этой сфере.

По-прежнему отсутствует четко сформулированная государственная политика в сфере делопроизводства (раньше все-таки в положении обозначалось стремление Росархива к единой государственной системе делопроизводства). С учетом того, как организовано выполнение проектов совершенствования нормативной базы по Национальному проекту «Цифровая экономика в Российской Федерации», может случиться, что принятые решения окажутся далекими от реальных нужд сферы делопроизводства и архивного дела.

В целом поддерживая инициативу Росархива о необходимости ведения Перечня типовых управленческих документов с указанием сроков хранения в виде электронного реестра, заметим, что давно пора шире использовать современные технологии для совершенствования инструментария архивиста. Хотелось бы в связи с этим вспомнить об опыте ВНИИДАД по созданию такой базы данных еще лет десять тому назад. К сожалению, институт в то время не получил необходимой материально-технической поддержки со стороны Росархива, поэтому проект завершился без должного результата. Однако имеющиеся наработки можно использовать и в настоящее время. Следует при этом помнить, что в основе разработки перечней лежат не виды документов, а их группы (статьи). Если этот принцип создания перечней сохранится, то использовать реестр в качестве классификатора в СЭД вряд ли будет возможно. Если все-таки в основе перечня действительно будет положен конкретный вид документа,

то остается только пожелать успехов в реализации этого проекта. При условии, что авторы идеи действительно осознают, что понятия «вид» и «разновидность» документа лишь частично связаны с реквизитом «наименование вида документа» в делопроизводстве. К тому же трудно даже представить себе объем необходимой работы, включая ручной ввод информации в базу данных. Кроме того, надо понять, на кого будет возложена обязанность оператора этой базы данных, кто будет отвечать за ее периодическую актуализацию? Это ведь не просто механическая работа, а серьезная и ответственная исследовательская деятельность по экспертизе ценности документов, которая требует высокого уровня профессионализма.

Вызывает сомнение и успешность реализации проекта Перечня видов управленческих документов, относящихся к составу Архивного фонда РФ, создание, хранение которых осуществляется исключительно на бумажном носителе. В свое время ВНИИДАД выполнял работу по подготовке перечня документов, которые должны были создаваться исключительно в электронном виде. Абсурдность этой идеи доказана тем, что данный перечень не нашел практического применения. Проект Перечня видов управленческих документов, относящихся к составу Архивного фонда Российской Федерации, хранение которых осуществляется на бумажном носителе, разрабатывается ВНИИДАД в соответствии планом НИОКР. Работа должна быть завершена в 2020 г. Однако неопределенность в выработке регламентированных процедур и обоснованных критериев для отбора и включения видов документов в разрабатываемый перечень делает его перспективы весьма туманными.

Разумеется, в данном докладе отражены лишь самые общие размышления о путях развития архивного законодательства, некоторые его аспекты носят дискуссионный характер. Очевидно, что профессиональному сообществу предстоит большая, трудная системная работа по развитию и совершенствованию нормативного обеспечения архивного дела в современных условиях. Эта работа потребует не только профессионализма от всех участников, но и в определенной степени изменения менталитета разработчиков нового правового поля с учетом положений Стратегии развития

информационного общества и курса на построение в стране цифровой экономики. Представляется, что для решения столь масштабных задач следовало бы разработать концептуальный план действий с выделением приоритетных задач, этапов и планируемых результатов по рассматриваемым вопросам. Потребуется интеграция усилий ученых и специалистов разных организаций и областей знания, возрастет роль общественной экспертизы, публичного обсуждения стратегических и тактических мероприятий, осуществляемых в сфере делопроизводства и архивного дела.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Нормативно-правовое регулирование архивного дела и делопроизводства в условиях перехода органов власти и организаций на электронный документооборот. Доклад статс-секретаря — заместителя Руководителя Федерального Архивного агентства О. В. Наумова. Совет по архивному делу при Федеральном архивном агентстве, 8 октября 2019 г., Ялта // Официальный сайт Росархива. — URL: <http://www.archives.ru/reporting/report-naumov-2019-yalta.shtml> (дата обращения: 12 октября 2019 г.).

2. Ларин М. В. Актуальные вопросы развития и совершенствования архивного законодательства // Отечественные архивы. — 2018. — № 2. — С. 30–37.

3. Управление документами. Термины и определения: словарь / М. В. Ларин [и др.]. — М.: ВНИИДАД. — 2013. — С. 31.

АРХИВЫ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ. НОВЫЕ АСПЕКТЫ

Илизаров Борис Семенович

Доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник
Центра истории отечественной культуры
Института российской истории РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: b_ilizfrov@mail.ru

Аннотация. Ставится вопрос о новом прочтении темы «Архивы в системе социальной памяти». Затрагивается история вопроса в СССР и в западной историко-архивной и социологической историографии, в частности влияние французского социолога Мориса Хальбвакса.

Ключевые слова: архивы, социальная память, историография вопроса, Левада, Выготский, Хальбвакс.

ARCHIVES IN THE SYSTEM OF SOCIAL AND HISTORICAL MEMORY (NEW ASPECT)

Ilizarov Boris Semyonovich

Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Center
for the History of National Culture
Institute of Russian History RAS
Moscow, Russian Federation
e-mail: b_ilizfrov@mail.ru

Abstract. The question of a new reading of the topic is raised «archives in the system of social memory». The author touches upon the history of the issue in the USSR and in Western historical-archival and sociological historiography, in particular, the place of the French sociologist Maurice Halbwax.

Keywords: archives, social memory, the historiography of the topic, Levada, Vygotsky, Halbwachs.

К настоящему времени на тему «Архивы в системе социальной или исторической памяти» написаны сотни работ как в нашей стране [1], так и за рубежом. Стоит только открыть русскоязычную

часть Интернета, чтобы узнать о множестве конференций, диссертаций, статей и монографий, посвященных этой или близким темам. Еще более впечатляющая картина обнаруживается на Западе: только в библиотеке Мичиганского университета (США) собрана тысяча работ по данной тематике [2]. Прошло около 40 лет с тех пор, как я занялся этой тематикой, да так, что сделал ее ключевой в своей докторской диссертации, посвященной социальным функциям архивов СССР. Затем занимался другими проблемами, но вышедшая недавно на русском языке книга двух профессоров упомянутого университета — архивиста Ф. Блоуина (F. X. Blouin Jr.) и историка У. Розенберга (W. G. Rosenberg) — заставила по прошествии лет бросить новый взгляд на проблему в целом. Мне показалось, что как у нас, так и на Западе, т. е. общими усилиями, одну из интереснейших тем современного историко-архивного знания превратили в некую риторическую фигуру речи. Так, например, в упомянутой книге авторы безапелляционно заявляют, что фундаментальная связь между профессиями историка и архивиста, основывающаяся на сформированном с середины XIX в. едином концептуальном и методологическом пространстве, в настоящее время разорвана, и настала необходимость «преодолеть раскол» между историками и архивистами. Авторы называют это расхождение между работой, профессиональной подготовкой и взглядами историков, с одной стороны, и архивистов, с другой, профессиональным размежеванием. Анализу причин озадачившего их явления и возможностям его преодоления и посвящена монография.

Для отечественного исследователя это заявление кажется малоубедительным, поскольку историческая наука в XIX в. как у нас, так и в Западной Европе не мыслила свою деятельность вне работы с архивными документами, хотя доступ в архивы был очень ограничен. Только с начала XX в. и у нас, и в Европе, и в США по различным причинам стал намечаться раскол: архивисты все больше обслуживали политические запросы своего государства, а массовая продукция историков стала напоминать унылый гражданский катехизис (СССР) или лоскутное одеяло, заимствованное у дурно понятой социологии (США). Я опускаю сейчас вопрос о роли выдающихся историков XX в.

по обе стороны границы соцстран и о важных теоретических прорывах, в частности компаративистики или исторической антропологии на Западе. Но не могу не отметить, что организованный в СССР еще в 1930 г., т. е. 90 лет назад и существующий поныне в составе РГГУ Московский государственный историко-архивный институт (МГИ-АИ) давно и успешно преодолевает этот раскол, готовя двуединых специалистов — историков-архивистов. Многие выпускники этого института заняли ведущие позиции в исторической науке и архивном деле и в других гуманитарных областях в СССР (России) и в ряде зарубежных стран благодаря удачным особенностям подготовки. До настоящего времени ни в Европе, ни в США аналогичного высшего учебного заведения и специальности так и не появилось. К сожалению, в новых условиях это направление не получило дополнительно импульса и у нас.

Одним из инструментов для решения задачи профессионального размежевания авторы избрали понятие «социальная память», которое, по их мнению, изменило «научное понимание способов аналитической обработки прошлого» [3, с. 13, 140 и др.]. Кроме того, авторы взяли на себя смелость утверждать, что они якобы продолжили давнюю западноевропейскую традицию в области изучения и развития социальной памяти. Глава шестая книги «Проблемы социальной памяти» [3, с. 136–161] целиком посвящена этой теме; немало места она занимает и в других ее разделах. Авторы избегают серьезного историографического анализа затрагиваемых проблем, что создает у читателя ложное представление о том, когда и кто поднимал эти вопросы на Западе и в СССР, а затем в современной России. Всячески избегая научной полемики, они раз за разом постулируют произвольные положения, подкрепляя их примерами, которые редко когда находятся в связи с декларируемыми тезисами [3].

Говоря о ключевом понятии «социальная память», авторы отважно предлагают свою характеристику: «Тогда что же такое социальная память? Как нам следует понимать этот заезженный и нередко клишированный концепт?.. Если социальная память есть нечто большее, чем просто аналитическое построение, где мы можем увидеть ее авторитетную роль в воссоздании прошлого?» [3, с. 140]. Кто и когда

успел «заездить» этот концепт из книги также совершенно не ясно, тем более что впервые это понятие было употреблено по научным меркам сравнительно недавно, в 1966 г., в СССР прибалтийским философом Я. Е. Ребане [4], а затем развито в работах целого ряда исследователей и, в особенности, выдающегося отечественного социолога Ю. А. Левады [5]. Большинство отечественных исследователей исходило из того, что социальная память — это внешняя память по отношению к памяти индивида, но каждый вкладывал в это понятие свое содержание, исходя из того, что различные явления языка, общества, культуры являются определяющими факторами накопления и использования информации о прошлом.

Иное и, как считаю, конкретное наполнение это понятие получило в моих работах. Я опирался на труды не только современных авторов, но и выдающегося советского психолога Л. С. Выготского и плодотворнейшую дискуссию 1960–1970 гг. между группами известных архивистов и источниковедов. Явление социальной памяти рассматривалось мной как становление и развитие в исторической перспективе специализированных учреждений-депозитариев (государственных, общественных и личных архивов, библиотек, музеев и т. д.), предназначенных для сбора, накопления и использования ретроспективной информации. В рамках этой концепции память живых людей, язык, наука, культура находятся в разных позициях по отношению к базовым элементам социальной памяти [6]. В таком понимании оно было мною зафиксировано в «Энциклопедическом социологическом словаре», изданном в СССР в 1995 г. и других академических изданиях [7]. За истекшие 40 лет появилось значительное количество литературы как социологического, так психологического, культурологического и историко-архивного характера, развивающей это направление. Ни о чем подобном американские авторы или не подозревают, или решили замолчать и выступить в роли первопроходцев. А между тем с началом политики перестройки в СССР второй половины 1980-х гг. и возобновившихся научных контактов с западными учеными идея социальной памяти стала проникать и в их среду, вызвав, как уже говорилось, вал спекулятивных работ на эту тему. До начала 1990-х гг. европейские и американские специ-

алисты все еще предпочитали рассуждать о соотношении истории с памятью индивидуальной и групповой, т. е. не выходили за рамки ложно понятого психологизма или злоупотребляли метафорой «историческая память». Одним из важнейших моментов в популяризации представления о социальной памяти стала организация в СССР постоянно действующих публичных чтений на актуальные историко-архивные и близкие темы в стенах МГИАИ, проводившихся в самом конце 1980 — начале 1990 гг. По обоюдному согласию с ректором Ю. Н. Афанасьевым чтения были названы «Социальная память человечества», поскольку предполагалось, что они будут содействовать диалогу историков, архивистов, философов и других гуманитариев разных стран. В какой-то степени эта цель была достигнута, но мне тогда стало ясно, что в теоретическом плане западные коллеги не менее эклектичны и не более продвинуты. С этого времени идея социальной памяти стала модной по обе стороны океана, а европейцы припомнили забытую (в подлинном смысле этого слова) работу французского социолога начала XX в. М. Хальбвакса «Социальные рамки памяти» [7] (Halbwachs M. Les Cadres de la memoire. Paris: F. Alcan, 1925). Работу переиздали во Франции в 1994 г., а затем перевели на русский язык в 2007 г., и она стала достоянием европейской и нашей научной общественности. С тех пор ряд исследователей у нас и особенно за рубежом, в том числе и американские авторы упомянутой книги, старательно пытаются представить дело так, что новаторское для своего времени исследование Хальбвакса посвящено именно социальной памяти как общественному институту. Припомнили и другие работы, в которых встречались упоминания об исторической памяти или местах памяти П. Нора, Ф. Йейтса, и др. Ситуация странная, перефразируя русскую классику, ее можно охарактеризовать как случай редкого для ученых Востока и Запада единодушного стремления высказаться красиво по поводу социальной или исторической памяти, дежурно сославшись на книгу вновь обретенного французского классика. И на этом считать свою задачу выполненной. На самом же деле в книге Хальбвакса представлена первая попытка сформулировать понятие о той части памяти каждого человека, которая позволяет ему включаться в различные про-

фессиональные и иные сообщества и взаимодействовать с ними. Так возникает общая «рамка памяти» (термин Хальбвакса), т. е. явление первичной структуры живого социума. Ясно, что коммуникация, т. е. язык, выполняет здесь ключевую роль. Хальбвакс почерпнул эту идею из давнего учения о внешнем и внутреннем человеке, акцентировав внимание на одной из фундаментальных психических функций, на восприятии внешнего мира и памяти о нем как условия связи с ним. Это было очень важное начинание, утверждающее право социологии заниматься такой проблемой, которая до тех пор считалась достоянием индивидуальной психологии. Ни историческую науку, ни другие фундаментальные дисциплины Хальбвакс не затрагивал. Основная мысль книги состоит в том, что память не есть чисто индивидуальный процесс хранения и обработки полученных впечатлений, т. к. ее деятельность протекает в обществе [8]. А здесь уже нащупывается связь с марксистской социологией и философией истории, о чем современные исследователи также ныне справедливо упоминают, тем более что автор пытался использовать такие формообразующие понятия, как память семьи, социального класса или память христианских или иудаистских течений. Похоже, что марксистские истоки наших и западных исследователей близки. Я так же пытался отталкиваться от известных афоризмов Маркса о передаче от поколения к поколению совокупности накопленных материальных и духовных богатств как основы поступательного развития общества. В развитии работ Л. Выготского и Ю. А. Левады пытался проследить зависимость становления различных исторических форм социальной памяти человечества от известных общественно-политических формаций [9]. Должен признать, что в докторской диссертации мне не удалось избежать схематизма, который впоследствии пытался нивелировать. Хочу отметить, что Ю. А. Левада в частной беседе одобрил общее направление моих тогдашних исследований [10].

Помимо этих, без сомнения важных достоинств, работа Хальбвакса мало профессиональна, страдает упрощенным психологизмом начала XX в., очень двусмысленно и несистемно трактует базовые понятия, не дает точек опоры для развития новых идей, а потому и была надолго забыта даже соотечественниками. Ученый погиб

в Бухенвальде в марте 1945 г. и только в середине 1950-х гг. французы опубликовали одну из его социологических монографий. Интерес к основной работе и личности автора возродился совсем недавно.

Возвращаясь к послевоенному состоянию вопроса, отмечу, что нет никаких следов знакомства с работами Хальбвакса и у таких известных советских социологов, психологов и философов того времени, затрагивавших тему социальной памяти, как Ю. А. Левада, А. Н. Леонтьев, В. Г. Афанасьев, А. Д. Урсул, В. В. Иорданский и др. В СССР за «железным занавесом» не были доступны и более значимые труды зарубежных исследователей, а потому приходилось отталкиваться от доступных и не менее весомых философских идей, в первую очередь К. Маркса, посвященных анализу передачи от поколения к поколению культурного и социального наследия человечества. В данном случае перед нами похоже чистая конвергенция, т. е. повторное и независимое переоткрытие на базе общего интереса к марксизму на Западе и в СССР. Либо К. Ребане по каким-то своим причинам не счел нужным указать первоисточник.

К сожалению, за последние десятилетия в России была потеряна связь времен между советской и современной наукой. Социальная память, как национальный и стремительно становящийся общечеловеческим социальный институт ни теоретически, ни практически так и не был разработан.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Козлов В. П. Документальная память в архивоведческом знании. — М.: Архив РАН, Древлехранилище, 2017. — 330 с. Рец. Илизаров Б. С. Отечественные архивы. — 2018. — № 2.

2. Блоуин Ф., Розенберг У. Происхождение прошлого. «Подлинность» для историков и архивистов. — СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. — 376 с.

3. Подробнее см. рецензию: Илизаров Б., Булюлина Е. В амбарах памяти не отделить зерна от плевел // Социологическое обозрение. — 2019. — Т. 18. — № 1. — с. 266–271.

4. Ребане Я. К. О некоторых принципах подхода к анализу общественной информации // Ученые записки Тартуского государственного уни-

верситета. — 1966. — Вып. 187. Труды по философии; Он же. Принцип социальной памяти // Философские науки. — 1977. — № 5. — С. 97–100; Он же. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания // Вопросы философии. — 1982. — № 8. — С. 46.

5. Левада Ю. А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки. — М., 1969. — С. 203–213.

6. Илизаров Б. С. Архив как элемент социальной памяти // Актуальные проблемы советского архивоведения. Вып. 2. — М.: МГИАИ, 1980. — С. 151–163; Он же. Актуальные теоретические и методологические проблемы советского архивоведения. — М.: МГИАИ, 1984. — 107 с.; Он же. Архивный документ в свете представлений о социальной памяти // Археографический ежегодник за 1985 год. — М., 1986. — С. 42–51; Он же. Социальные функции архивов СССР: автореферат дисс. ... д. и. н. — М., 1986. — 25 с.; Он же. И Слово воскрешает... или «Прецедент Лазаря». 25 тезисов и развернутое дополнение к светской теории воскрешения. По материалам Народного архива. — М.; СПб., 2007. — С. 327–397. Рец. В. П. Козлова см.: Отечественные архивы. — 2007. — № 5. — С. 115–119.

7. Энциклопедический социологический словарь / общ. ред. Г. В. Осипова. — М., 1995. — С. 520–522. Там же обозначены исторические формы социальной памяти: непосредственная передача знаний от старших поколений младшим, опосредованная знаковыми системами, реконструктивная и новейший этап — становление конструктивной формы социальной памяти.

8. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. — М.: Новое издательство, 2007. — 346 с.; Он же. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2–3 (40–41). — URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 9 января 2019 г.).

9. Зенкин С. Н. Морис Хальбвакс и современные гуманитарные науки // Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. — С. 8.

10. В моих работах обозначены следующие исторически развившиеся формы социальной памяти: непосредственная передача знаний от старших поколений младшим, опосредованная знаковыми системами, реконструктивная и новейшая форма — конструктивная форма социальной памяти.

ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВИЗИИ ПРИНЦИПА НЕДРОБИМОСТИ АРХИВНОГО ФОНДА

Бурова Елена Михайловна

Кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой архивоведения, исполняющая обязанности директора

Историко-архивного института Российского государственного

гуманитарного университета

Москва, Российская Федерация

e-mail: kafedra_aia@rggu.ru

Аннотация. В данной статье впервые предпринята попытка выявления факторов, оказывающих влияние на один из основополагающих принципов отечественного архивоведения — принцип недробимости архивного фонда. Рассматриваются предпосылки ревизии указанного принципа с условными названиями «партийно-государственная», «частнособственническая», «профильно-субъективистская», «административно-управленческая», «социальная» и «технологическая», имевшие место в разные периоды развития архивного дела. Проблема характеризуется по двум направлениям: недробимость собственно архивного фонда или коллекции и их комплексов. В качестве примеров освещаются случаи распыления по архивохранилищам материалов Юдинской коллекции и фондов Русского Заграничного исторического архива в Праге.

Ключевые слова: отечественное архивоведение, принципы, предпосылки, ревизия, архивный фонд, коллекция, Государственный архивный фонд СССР, Фонд ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ, частная собственность, профиль архивов, субъективизм, филиалы, документы по личному составу, технологии, Юдинская коллекция, Русский Заграничный исторический архив в Праге.

PREREQUISITES FOR REVISION OF THE PRINCIPLE OF INDIVISIBILITY OF THE ARCHIVAL FUND

Burova Elena Mikhailovna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Archival Studies, acting Director Historical and Archival

Institute of the Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation
e-mail: kafedra_aia@rggu.ru

Abstract. This article is the first attempt to identify the factors that influence one of the fundamental principles of Russian archival science — the principle of indivisibility of the archive Fund. The preconditions of revision of the specified principle with conditional names «party-state», «private property», «profile-subjectivist», «administrative-administrative», «social» and «technological» which took place in different periods of development of archival business are considered.

The problem is characterized in two directions: the indestructibility of the archive Fund, collections and complexes. As examples, the cases of dispersion of materials from the Yudin collection and funds of the Russian foreign historical archive in Prague are highlighted.

Keywords: domestic archival science, principles, prerequisites of audit, archive Fund, collection, state archive Fund of the USSR, Fund of the CPSU and Komsomol Central Committee, private property, profile of archives, subjectivism, branches, documents on personnel, technologies, Yudin collection, Russian foreign historical archive in Prague.

Основу архивоведения как научной дисциплины составляют три основных блока: теоретический, правовой и методический. Практика подкрепляет или опровергает тот или иной выработанный подход (механизм). Главное то, что все эти три блока тесно взаимосвязаны.

Говоря о принципе недробимости архивного фонда, необходимо в первую очередь рассматривать его в контексте научных основ архивоведения, но и правовые механизмы здесь также оказывают свое влияние, а порой и факторы субъективного характера.

Традиционно в отечественном архивоведении применяют такие общенаучные принципы, как историзм, всесторонность и комплексность. Был период, когда имел место принцип коммунистической партийности, ушедший с арены в начале 1990-х гг.

Также до начала 1990-х гг. основным являлся принцип недробимости архивного фонда, требующий соблюдения целостности архивного фонда и хранения его в одном архиве. Данный принцип

напрямую связан с пофондовой организацией архивных документов в отечественном архивном деле. Документы архивного фонда представляют собой исторически сложившийся комплекс, который не подлежит дроблению на части и раздельному хранению в двух или нескольких архивах. Они должны храниться и учитываться только в одном архиве.

Недробимость документов архивного фонда обуславливается единством происхождения документов, их органической связью и однородностью содержания, которые определяются тем, что документы архивного фонда отражают жизнь и деятельность конкретного фондообразователя.

В свое время классификация документов Архивного фонда Российской Федерации (далее — АФ РФ) с учетом недробимости архивного фонда в отечественном архивоведении сыграла важную роль для исторически правильной организации документов. Классификация документов по архивным фондам обеспечила недробимость исторически сложившихся комплексов и этим заложила основы научной организации АФ РФ.

Классификация документов с учетом недробимости архивного фонда теснейшим образом связана со всеми другими признаками классификации. Практически нельзя осуществить классификацию документов по любому другому признаку без учета недробимости архивного фонда.

Историческая связь существует не только между документами в пределах архивного фонда, но и между отдельными архивными фондами и группами фондов, образующих комплексы, дробление и распыление которых по различным архивам нарушает правильную классификацию и научную организацию документов, затрудняет их использование. Концентрация в одном архиве комплексов фондов, имеющих органическую связь, способствует научной организации и их всестороннему использованию.

О научных принципах архивоведения, в том числе о принципе недробимости архивного фонда, много писали и наиболее глубоко их рассматривали: в 1950-е гг. — К. Г. Митяев, в 1970-е гг. — В. Н. Автократов, А. В. Елпатьевский и ряд других, в последние

годы — В. П. Козлов в своей монографии «Документальная память в архивоведческом знании», вышедшей в 2017 г.

В отличие от предыдущих авторов В. П. Козлов не называет напрямую принцип недробимости архивного фонда, но, рассматривая применяемые в архивоведении общенаучные принципы историзма и обязательной классификации объекта и предмета, последний принцип анализирует как основу принципа происхождения или пофондовой организации архивных документов. Далее автор пишет: «Принцип классификации в архивоведении позволяет предлагать архивному делу как универсальные, так и специальные схемы организации архивных документов и их хранения в рамках разных по профилю архивах» [1]. Далее, рассматривая специальные архивоведческие принципы, автор называет и такой принцип, как упорядочение документов. Принцип упорядочения документов раскладывается на две составляющие: первая — физическая упорядоченность, вторая — учетная. Именно физическая упорядоченность рассматривается как незыблемая сущность создания архивного фонда (архивной коллекции) [2].

В любом случае суть заключается в следующем: в основе принципа недробимости архивного фонда лежит архивоведческий постулат происхождения архивных документов, выраженный в их пофондовой организации. Такой принципиальный подход оказывает существенное влияние на классификацию архивных документов при распределении их по государственным и муниципальным архивам и их комплектование.

Еще К. Г. Митяев в учебном пособии, изданном в 1958 г., к принципам комплектования государственных архивов документами относил следующие три принципа:

- 1) деление документов по эпохам (то, что архивисты считают признаком классификации документов архивного фонда страны на первом уровне, применяемым при распределении документов по сети государственных и муниципальных архивов);
- 2) принцип недробимости архивного фонда;
- 3) принцип недробимости комплексов архивных фондов, подразумеваемая под этим исторически обусловленное объединение фондов

учреждений рамками уровней управления (административно-территориального деления), а также рамками определенной отрасли государственного управления, народного хозяйства, науки, культуры и т. д., что позднее архивисты также отнесли к признакам классификации документов архивного фонда страны [3].

Но суть остается единой, т. е. и тогда, и сейчас речь идет о сохранении целостности архивных фондов, недробимости исторически сложившихся комплексов архивных фондов.

Всегда ли декларированный архивоведческий принцип недробимости архивного фонда соблюдался на практике? Конечно нет. И этому имели место разные предпосылки.

Первая предпосылка — партийно-государственная, когда в стране (до начала 1990-х гг.) параллельно существовало два масштабных фонда: ГАФ СССР и Фонд ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ (так называемый партийный фонд).

Ранее в советское время управленческие документы организаций вместе с документами профсоюзных организаций составляли единое целое и поступали по одной описи в один государственный архив. Документы парткомов и комитетов ВЛКСМ этих же организаций поступали в совсем другие архивы — партийные. Первые вливались в ГАФ СССР, вторые — в Фонд ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ.

Другими словами, в каждой организации-фондообразователе создавалось два архивных фонда: учрежденческий (как ранее было принято говорить) и партийный.

Вторая предпосылка — частнособственническая, чисто правовая, основанная на частнособственническом характере отдельных комплексов документов. Это документы личного происхождения (что было всегда) и документы негосударственных организаций, в том числе общественных объединений и таких общественных организаций, например, как профсоюзные организации.

Собственник архивного фонда может, если пожелает, передать документы в разные хранилища, ведь правовых рычагов, препятствующих этому, нет. Собственник вправе заявить: «Куда хочу — туда и передаю, где хочу — там и храню». Применительно к документам личного происхождения так было всегда. Лицо имеет право передать

документы в любое хранилище, куда сочтет нужным, может распылить документы своего фонда по разным хранилищам. Поэтому принцип недробимости архивного фонда, требующий соблюдения целостности архивного фонда и хранения его в одном архиве (хранилище), в практике отбора на хранение документов личного происхождения всегда реализуется более сложно. Наиболее необычным примером распыления материалов самим фондообразователем является пример И. М. Саркизова-Серазини, который раздал свою коллекцию в 18 хранилищ [4]. Возможно, это рекорд.

Распределение документов личного происхождения связано и с самой природой жизнедеятельности человека — то жил и работал в одном месте (регионе, стране), то в другом. Переезжая с места на место, люди забирают с собой, как правило, самое ценное, в том числе и из личного архива. Что-то безвозвратно утрачивается, что-то оседает у других лиц и т. п. Поэтому в силу именно этих причин понятие реконструкции архивного фонда наиболее актуально для документов личного происхождения. Что касается распыления документов личного происхождения по городам и странам, то можно сказать, что история поступления тех или иных материалов на хранение в архив порой бывает сложной и многообразной. Иногда их судьба в силу жизненных обстоятельств складывается трагично.

Применительно к учрежденческим документам этот фактор возник с начала 1990-х гг. с появлением негосударственных организаций. Впоследствии такие организации стали все чаще передавать свои документы на хранение в негосударственные хранилища, где зачастую вообще отсутствует пофондовая организация хранения документов (документы хранятся в коробах со штрихкодами по мере их поступления).

Изменилось и отношение к документам профсоюзных организаций. В постсоветское время документы профсоюзных организаций, если они зарегистрировались в установленном порядке как общественные объединения, становились собственностью этих организаций и могли передаваться по договору в государственный или муниципальный архив, негосударственное хранилище; могли не передаваться, а храниться в самой профсоюзной организации;

могли присоединяться к документации организации (невольно возникает вопрос — а целесообразно ли создавать отдельный архивный фонд профкома организации?).

Третья предпосылка условно может быть названа профильно-субъективистской, исходя из профиля архива и отдельных решений архивистов. Здесь вполне уместно привести наиболее известные в истории отечественного архивного дела случаи дробления по архивохранилищам исторически сложившихся комплексов документов. Это история Юдинской коллекции.

Коллекция, собранная Г. В. Юдиным (1840–1912) — сибирским купцом и промышленником, библиофилом, собирателем документов по истории России, и первоначально представляла собой библиотеку и рукописное собрание. Коллекция находилась в Красноярске и являлась общедоступной.

Трагическая история библиотеки и архивной коллекции Г. В. Юдина достаточно подробно была описана в статье И. А. Половниковой, напечатанной в журнале «Отечественные архивы» в 2004 г. [5]. Эта статья была посвящена памяти А. А. Преображенского, который ранее изучал историю Юдинской коллекции.

Архивная коллекция была передана в Государственный архив Красноярского края, где находилась до 1957 г. Затем она была перевезена в Москву, где в 1958 г. была образована комиссия из представителей государственных архивов. Было решено разделить Юдинскую коллекцию по принадлежности между архивами 35 областей, 1 края, 5 автономных республик РСФСР и 6 союзных республик. Позднее этот список был значительно сокращен.

В настоящее время Юдинская коллекция по профильности распределена в основном между архивохранилищами Москвы, Санкт-Петербурга и Красноярска.

Из основных хранилищ в Москве можно назвать РГАДА и РГАЛИ. Часть коллекции находится в архивохранилищах Санкт-Петербурга: РГИА, ИРЛИ (Пушкинском Доме), Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга [6]. Отдельные документы в свое время передавались в Государственную публичную библиотеку имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне — Российская национальная

библиотека), Ленинградское отделение Института истории АН СССР (ныне — Санкт-Петербургский филиал Института российской Истории РАН) [7].

По свидетельству бывшего директора РГАЛИ Н. Б. Волковой, в Юдинской коллекции были представлены документы высокого класса. В мировой культуре не было аналогов этому собранию, и теперь оно как единое целое не существует.

В данной ситуации возникает вопрос: что главное, профиль архивохранилища или недробимость исторически сложившегося комплекса.

Четвертая предпосылка — административно-управленческая, связана с масштабной реорганизацией отдельных структур. Изменения, происходящие в экономике, в управлении с начала 1990-х гг., оказали существенное влияние и на формирование архивных фондов организаций.

Если ранее мы говорили, что страна пережила коллективизацию, индустриализацию, то теперь мы говорим, что страна переживает период реорганизации отдельных отраслей. Судьба документов филиалов и представительств должна в идеале решаться одинаково. А как обстоит дело на практике? Многие организации, как и положено, формируют свои документы и документы филиалов, представительств в единый фонд; некоторые разрешают территориально удаленным филиалам самим хранить документы и по месту нахождения передавать в государственный или муниципальный архив на хранение, что документально обязательно оформляется; другие же даже не придают значения вопросам сохранности и дальнейшего хранения документов своих филиалов и представительств — именно последние два случая обычно ведут к раздробленности архивных фондов организаций [8].

Пятая предпосылка — социальная, связана с обеспечением сохранности документов по личному составу, также появилась с начала 1990-х гг. В этот период стали создаваться, как правило, на региональном, муниципальном уровне архивы для хранения документов по личному составу. Более того, значительная часть документов по личному составу имеет срок хранения «50 л. ЭПК» или «75 л. ЭПК»,

что реально означает перевод части таких документов в будущем в ранг документов с постоянным сроком хранения. Таким образом, управленческие документы поступают в один государственный или муниципальный архив, а документы по личному составу этой же организации — в другой.

Шестая предпосылка — технологическая, напрямую связана с электронными документами, а позднее с внедрением информационных технологий в архивное дело.

Поступление в архивы научно-технической документации, кинофотофонодокументов, перфокарт, перфолент значительно усилилось с середины прошлого века.

Это в свою очередь поставило вопрос о переосмыслении понятия, границ архивного фонда, соотношении методов организации разных комплексов документов.

По мнению архивистов, при пофондовой организации текстовых документов на бумажной основе преобладает исторический подход, для документов на иных носителях более характерно преобладание логического метода [9].

Еще в 1995 г. ВНИИДАД и РНИЦКД разработали Основные положения «Порядок отбора и приема на архивное хранение документов, созданных средствами вычислительной техники», в которых было определено, что документы на машинных носителях (как ранее было принято говорить) подлежат передаче на хранение в государственные и муниципальные архивы в составе фондов организаций — источников комплектования.

Архивы комплектуются документами на разных носителях, но сегодня основное внимание электронным документам. Пока в основном в один архив поступают документы одного фондообразователя на традиционной бумажной основе и на электронных носителях, но создание специальных хранилищ приведет к раздвоению фондового комплекса по признаку носителя информации.

Возможно, в данном контексте уместно упомянуть и фонды таких архивов, как РГАКФД и РГАФД. Эти архивы хранят в основном произведенную продукцию теми или иными фондообразователями. А сами фонды киностудий, звукозаписывающих фирм и т. п.,

личные фонды находятся на хранении в других архивах, например, в РГАЛИ: документы театров («Современник», МХАТ 2-й и др.), личные фонды режиссеров, композиторов и т. п. (М. И. Ромма, Д. Б. Кобалевского и др.), а фонодокументы этих фондообразователей находятся в РГАФД.

Принцип недробимости чаще всего рассматривают применительно к собственно архивному фонду или приравненной к нему архивной коллекции. Но, как было отмечено выше, К. Г. Митяев в 1950-е гг. и авторы учебников по теории и практике архивного дела в СССР в 1960–1980 гг. выделяли еще недробимость комплексов архивных фондов. Речь шла об исторически сложившихся комплексах архивных фондов организаций, связанных между собой масштабом деятельности, принадлежностью к одному ведомству, отрасли или конкретному административно-территориальному объединению, периоду деятельности и т. п.

Наиболее яркий пример в истории отечественного архивоведения — дробление материалов РЗИА.

Как отмечает автор предисловия к путеводителю «Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге» Т. Ф. Павлова, «уже на стадии приема РЗИА произошло то, чему многие годы противились создатели и сотрудники РЗИА. Была нарушена целостность состава его трех отделов: отдела документов, книжно-журнального и газетного, которые собирались в течение многих лет по специально разработанной программе» [10].

В дальнейшем имели место случаи дробления единых когда-то фондов по признаку принадлежности к историческим эпохам по различным хранилищам одного архива. Так, документы за дореволюционный период из состава личных фондов РЗИА были переданы в отдел дореволюционных фондов ЦГАОР для присоединения к ранее сформированным личным фондам, а в хранилище коллекций белогвардейских и белоэмигрантских фондов (ранее отдел спецфондов) в личном фонде этого же лица могли концентрироваться документы за его эмигрантский период.

Такая участь постигла материалы не только РЗИА, но и Донского казачьего архива, который в 1934 г. был передан в состав РЗИА на пра-

вах автономного существования. До конца 1930-х гг. фонды РЗИА и Донского казачьего архива не смешивались, собирание материалов каждым архивом шло самостоятельно. Но после поступления материалов Донского казачьего архива в ЦГАОР СССР самостоятельность его была полностью утрачена и они считались (указывались) далее как материалы РЗИА.

Отдельные комплексы материалов из РЗИА были переданы не только в архивы России, но также Белоруссии, Украины. Есть материалы РЗИА в Грузии, Молдове, Эстонии.

С 1946 по 1970 г. архивные фонды и коллекции РЗИА были переданы в 26 архивных учреждений СССР.

Таким образом, окончательно была разрушена органичная связь документов и печатных материалов, которую сотрудники РЗИА пытались осуществить еще в процессе формирования архива в Праге.

И это притом, что первоначально (с 1946 по 1948 г.) РЗИА не дробился и находился в ЦГАОР СССР на правах отдела (после ликвидации отдела материалы поступили в состав отдела секретных фондов ЦГАОР СССР).

В настоящее время только в России материалы РЗИА и Донского казачьего архива находятся в 10 государственных архивах (ГАРФ, РГВА, РГВИА, РГАЛИ, РГИА, РГА ВМФ, РГПА Дальнего Востока и государственных архивах Краснодарского края, Иркутской и Ростовской областей) и Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ).

С определенной долей условности дроблением комплексов архивных фондов можно считать ситуацию с документами территориальных органов федеральных органов государственной власти и федеральных организаций, иных государственных органов Российской Федерации, расположенных на территории субъекта Российской Федерации, чьи документы могут передаваться в государственные архивы субъекта Российской Федерации (на основании договора) или должны передаваться в центр — в федеральные архивы [11].

Таким образом, ретроспектива предпосылок ревизии хранения принципа недробимости архивного фонда следующая: партийно-государственная имела место до 1990-х гг.; частнособственническая суще-

ствовала всегда применительно к документам личного происхождения и расширилась после 1990-х гг. применительно к документам управленческого характера; профильно-субъективистская, к сожалению, имела место всегда и не имеет привязки ко времени; административно-управленческая и социальная возникли после 1990-х гг., а технологическая — в современный период и еще не проявила себя в полной мере.

Принцип недробимости архивного фонда на протяжении многих десятилетий (почти 100 лет, если вести отсчет от введения инструкции Центрархива РСФСР от 7 марта 1922 г. учета документов по архивным фондам [12]) не раз подвергался ревизии.

Какое же отношение у специалистов к такому применению принципа недробимости на практике?

Архивисты иногда считают, что возможно пренебречь в некоторых случаях принципом недробимости архивного фонда, а распределить документы одного фонда, например, между двумя объединенными фондами [13]. Такие случаи известны.

Или, например, в свое время Центральный архив общественных движений Москвы в 1990-е гг. в процессе взаимоотношений с партиями и общественными движениями (при оформлении договорных отношений) отказался от принципа профилизации, исходя из права собственника документов выбирать место их хранения [14].

Но есть и другие примеры, когда данный принцип помог сохранить в целостности огромные архивные фонды.

В свое время принцип недробимости архивного фонда сыграл важную роль в деле сохранения в единстве документальных комплексов министерств и ведомств бывшего СССР, переданных на государственное хранение. После распада СССР многие бывшие союзные республики страны стали претендовать на те части документов из фондов союзных министерств и ведомств, которые информационно касались этих республик. Только принцип недробимости архивного фонда, провозглашенный и принятый также в этих же союзных республиках, помог доказать несостоятельность подобных притязаний и сохранить в целостности архивные фонды союзных министерств и ведомств [15].

Такое полярное отношение к принципу недробимости архивного фонда небезосновательно. В 1960-е гг. звучала критика принципа

происхождения, признавался бессодержательным принцип недробимости архивного фонда.

Аргументация против принципа недробимости была следующая: архивисты постоянно наблюдают фонды в разрозненном состоянии. Одни части фондов уже поступили на государственное хранение, другие не поступили и хранятся в архивах организаций, третьи еще не вышли из стадии делопроизводства и находятся в виде отдельных документов и дел в подразделениях и канцеляриях этих организаций. Отсюда следовало заключение: фонд практически постоянно дробится, а принцип недробимости не соответствует реальности и, следовательно, самоуничтожается, о чем писали в свое время Л. И. Солодовникова и В. В. Цаплин [16]. Здесь необходимо уточнить, что в данном контексте речь идет о дроблении не архивного, а документального фонда или архивного фонда в его современной трактовке.

Если выше речь шла об архивных фондах в государственных и муниципальных архивах, т. е. комплексах документов постоянного хранения, то применительно к архивным фондам организаций понятия смещаются. Сегодня современные правила работы архивов организаций (2015) к архивному фонду относят документы постоянного срока хранения, по личному составу и со сроком хранения свыше 10 лет, хранящиеся в архиве организации [17]. Это, по сути, часть документального фонда организации. А далее происходит следующее: например, организация-фондообразователь передает документы постоянного хранения в государственный, муниципальный архив, а документы по личному составу и временного хранения может хранить не только у себя, но и в негосударственном хранилище.

Историк-архивист В. Н. Автократов отмечал, что принцип недробимости призван способствовать преодолению разделенности документов общего фондового происхождения, побуждать архивистов соединять расчлененные части фондов — не только в показанном случае, но и хранящиеся в разных архивах или в одном, но все же раздельно. Если же осуществить это практически невозможно или по каким-либо соображениям нецелесообразно, то теоретическое значение принципа недробимости проявляется и в том, что застав-

ляет видеть в расчлененных (хранящихся отдельно) частях фонда части целого, что важно во многих отношениях [18].

Все это говорит о том, что проблема реализации принципа неразобимости архивного фонда волновала специалистов и раньше. Но в настоящее время эта проблема стала еще более острой.

Круг рассмотренных выше предпосылок не является исчерпывающим, возможно, в прошлом имели место и иные, какие-то из существующих в настоящее время не попали в поле зрения, а новые вполне могут возникнуть в будущем.

Но что примечательно — принцип, который считался всегда одним из основных специфических принципов, как никакой другой подвергается ревизии. И сегодня уже нереально добиться чистоты его применения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Козлов В. П. Документальная память в архивоведческом знании. — М.: Архив РАН, Древлехранилище, 2017. — С. 44.
2. Там же. С. 47–48.
3. Теория и практика архивного дела в СССР: учеб. пособие. — М., 1958. — С. 48–53.
4. Кононов Ю. Ф. Современные частные коллекции документов // Вопросы архивоведения. — 1962. — № 2. — С. 35–44.
5. Половникова И. А. «Юдинская коллекция» нуждается в реконструкции // Отечественные архивы. — 2004. — № 2. — С. 31–35.
6. Коллекция Г. В. Юдина. Росархив. Центральный фондový каталог.
7. Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Т. 2. — М., 1963. — С. 347.
8. Архивоведение (теория и методика): учебник для вузов / Е. М. Бурова, Е. В. Алексеева, Л. П. Афанасьева; под. ред. Е. М. Буровой. — М.: Из-во «Термика», 2016. — С. 48.
9. Теория и практика архивного дела в СССР: учебник. — М., 1980. — С. 30.
10. Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге: Межархивный путеводитель. — М.: РОССПЭН, 1999. — С. 15–21.
11. Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архив-

ном деле в Российской Федерации». Ст. 21., ч. 2 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2004. — № 43. — Ст. 4169.

12. Инструкция по выявлению и учету архивных фондов // Архивное дело. — 1925. — № 2. — С. 99.

13. Давыдова Н. М. Проблемы фондирования документальных материалов и создания объединенных архивных фондов // Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР: Материалы научно-методической конференции архивистов РСФСР. — М., 1965. — С. 151.

14. Иноземцева З. П. Сохраним ли историю современных общественных движений? // Отечественные архивы. — 1997. — № 3. — С. 45.

15. Архивоведение (теория и методика): учебник для вузов / Е. М. Бурова, Е. В. Алексева, Л. П. Афанасьева; под ред. Е. М. Буровой. — М.: Из-во «Термика», 2016. — С. 48–49.

16. Солодовникова Л. И., Цаплин В. В. Недробимость архивного фонда и некоторые вопросы фондирования // Вопросы архивоведения. — 1964. — № 4. — С. 76–77.

17. Правила организация хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в органах государственной власти, органах местного самоуправления и организациях. — М., 2015. — С. 8.

18. Автократов В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. — М., 2001. — С. 124.

**«ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ ПО ОЦИФРОВКЕ
АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ» — ПЕРВЫЙ ОФИЦИАЛЬНЫЙ
ДОКУМЕНТ ПО СТАНДАРТИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ
ОЦИФРОВКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Юмашева Юлия Юрьевна

Доктор исторических наук,

заместитель генерального директора общества с ограниченной
ответственностью «ДИМИ-ЦЕНТР», эксперт Федерального архив-
ного агентства Российской Федерации

Москва, Российская Федерация

e-mail: Juliayu@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена краткому изложению основных положений разработанных по заказу Федерального архивного агентства и утвержденных им «Технических требований по оцифровке архивных документов, НСА к архивным документам, а также созданию, хранению, учету и использованию электронного фонда пользования документов Архивного фонда Российской Федерации».

Ключевые слова: оцифровка, технические требования, нормативная документация, законодательство Российской Федерации.

**«TECHNICAL REQUIREMENTS FOR DIGITALISATION
OF ARCHIVE DOCUMENTS» — THE FIRST OFFICIAL
DOCUMENT FOR STANDARDIZING DIGITALISATION
PROCESSES IN RUSSIAN FEDERATION**

Yumasheva Julia Yuryevna

Doctor of Historical Sciences,

Deputy General Director of DIMI CENTER Ltd.,

Expert of the Federal Archival Agency of the Russian Federation

Moscow, Russian Federation

e-mail: Juliayu@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to a summary of the main provisions developed by order of the Federal Archival Agency and approved by it «Technical requirements for digitalisation archival documents, NSA to archival documents, as well as the creation, storage, recording and use of

an electronic fund for using documents of the Archival Fund of the Russian Federation».

Keywords: digitalisation, technical requirements, normative documents, legislation of the Russian Federation.

Оцифровка объектов историко-культурного наследия является одной из приоритетных задач деятельности российских архивов, музеев и библиотек. Однако процессы сканирования, которые проводятся в этих организациях, не имеют разработанных и соответствующих требованиям технического регулирования, действующим в Российской Федерации, технических условий и параметров [1. 2].

За время, прошедшее с момента написания и публикации на официальном сайте Федерального архивного агентства первых в Российской Федерации методических рекомендаций, регламентирующих процессы сканирования [3–6], произошли существенные изменения как в технике и технологии оцифровки (оцифрования, сканирования), так и в нормативно-методической базе (прежде всего, зарубежной, где отмечался бурный рост числа документов и стандартов, регламентирующих различные аспекты процесса оцифровки); отечественными архивами был накоплен значительный опыт реализации проектов создания электронных копий архивных документов [7], разработана и утверждена в государственных архивах и на заседаниях научно-методических советов регламентирующая документация; происходило развитие представлений о способах и методах использования цифровых копий [8. 9], в том числе появилось и было оформлено в виде законопроекта предложение о предоставлении электронных копий архивных документов в режиме удаленного доступа посредством информационной системы удаленного использования архивных документов [8], а также замене подлинников электронными копиями (при наличии электронного фонда пользования) в рамках работы пользователей в читальных залах [10] и т. п.

Все перечисленное поставило новые вопросы и проблемы, требующие существенной переработки подходов к процессам оцифровки, преодоления ошибок периода освоения техники и технологии и разработки на качественно новом уровне технических требований

к процессам оцифровки, базирующихся на современном уровне стандартизации и контроля за качеством получаемых копий, а также фиксации сформулированных требований в нормативной документации с последующим внедрением новых подходов в практику работы российских архивов.

Необходимо отметить, что подобная работа по приведению нормативной базы к технико-технологическим реалиям сегодняшнего дня не является исключительной особенностью информатизации российских архивов. Аналогичные процессы модернизации нормативной базы, являющиеся результатом изменения техники и технологии оцифрования и накопления опыта по созданию электронных копий, происходят и за рубежом, а также и в родственных отраслях культуры и науки Российской Федерации.

Учитывая это, весной 2018 г. Федеральное архивное агентство провело открытый конкурс по выбору исполнителя научно-исследовательской работы на тему «Подготовка технических требований к оцифровке архивных документов, НСА к архивным документам, а также созданию, хранению, учету и использованию электронного фонда пользования документов Архивного фонда Российской Федерации». Победителем конкурса стало ООО «БизнесСкан», специализирующееся на высокопрофессиональной оцифровке архивных документов (включая уникальные и особо ценные документы), с которым и был заключен государственный контракт.

Объектами исследования и формирования технических требований являлись процессы и процедуры подготовки документов к оцифровке, выбора и настройки оборудования, технические параметры процесса сканирования (оцифровки), оценка качества и маркировка полученных мастер-копий, их учет, хранение и использование, процесс возврата подлинников на место хранения.

Результатами выполнения научно-исследовательской работы стали отчет о НИР и подготовленный текст проекта «Технических требований по оцифровке архивных документов, НСА к архивным документам, а также созданию, хранению, учету и использованию электронного фонда пользования документов Архивного фонда Российской Федерации»; а также проведение экспертизы, апробации

и уточнения на основе данных, поступивших от федеральных государственных и муниципальных архивов.

В рамках выполнения НИР и подготовки проекта «Технических требований» был осуществлен комплекс работ, в состав которого входили:

1. Выявление и анализ российской и зарубежной нормативно-методической и технической документации (в том числе стандартов, правил, регламентов и инструкций), регламентирующей процессы создания, учета и хранения электронных копий научно-справочного аппарата (НСА) архивов, объектов историко-культурного наследия (документов Архивного фонда Российской Федерации на бумажной основе), а также создания и эксплуатации на их основе электронных архивов (фондов пользования).

Всего было выявлено и проанализировано более 120 нормативных актов и методических документов, которые послужили основой для обзора современного состояния регламентирующей документации.

2. Изучение практики отечественных и зарубежных архивов в области создания и использования электронных копий НСА и подлинников архивных документов на бумажной основе, электронных фондов пользования.

3. Разработка структуры и содержания технических требований по оцифровке архивных документов, НСА к архивным документам, а также созданию, хранению, учету и использованию электронного фонда пользования документов Архивного фонда Российской Федерации.

4. Определение технических параметров для осуществления различных этапов оцифровки на основе выявленной технической документации, регламентирующей процессы сканирования, и технических требований к аппаратным решениям и программному обеспечению, используемым для процедур:

— подготовки научно-справочного аппарата (НСА) и подлинников архивных документов к созданию (оцифровке, сканированию) электронных копий;

— выбора моделей сканирующего оборудования в зависимости от специфики объектов, предназначенных для сканирования, и целей оцифровки;

— настройки оборудования и программного обеспечения, применяемых на разных этапах процессов создания электронных копий (в том числе инструментальных средств для автоматизированного контроля качества сканирования документов);

— создания (оцифровки, сканирования) электронных копий НСА и подлинников архивных документов (последовательность процедур на этапе оцифровки в соответствии с «Методическими рекомендациями по электронному копированию архивных документов и управлению полученным информационным массивом» (Росархив, ВНИИДАД, 2012) и «Fundamental principles of digitization of documentary heritage» (UNESCO, 2014));

— контроля качества электронных копий на всех этапах создания (с помощью имеющихся аппаратно-инструментальных средств);

— проведения (при необходимости) обработки полученных электронных копий;

— именованья и описания (создания метаданных) электронных копий, а также их учета;

— хранения и обеспечения сохранности электронных копий (в том числе миграции и конвертации электронных копий);

— использования электронных копий в рамках фонда пользования.

Результаты проведенных работ отражены в тексте технических требований, которые являются приложением к отчету о НИР [11].

Вместе с тем, учитывая то, что подготовленные ранее по заказу Росархива различные нормативно-методические документы, регламентировавшие процессы оцифровки, морально устарели и не носили статуса обязательных к исполнению документов [3, 4], исполнители настоящей НИР сочли необходимым и возможным расширить круг объектов, технические требования к оцифровке которых изначально предполагалось описать согласно техническому заданию, и включили в содержание «Технических требований» разделы по оцифровке архивной документации на прозрачных (плёночных) носителях и микроносителях.

К «Техническим требованиям» разработаны также три оригинальных приложения:

— Приложение 1: «Определение требуемой разрешающей способ-

ности сканирующего элемента сканеров и фотокамер (пример расчета количества пикселей»);

— Приложение 2: «Общие принципы калибровки/настройки и профилирования видеомониторов»;

— Приложение 3: «Общие принципы калибровки/настройки сканирующих систем и оценка качества сканирования».

В сентябре-октябре 2018 г. подготовленный отчет о научно-исследовательской работе и проект «Технических требований» прошли рецензирование в государственных архивах Российской Федерации, а затем проект был рассмотрен и утвержден на заседании Комиссии по научно-исследовательской и методической работе Росархива 22 ноября 2018 г., получив тем самым статус документа, обязательного к применению в процессах оцифровки архивной документации постоянных сроков хранения [12].

Таким образом, на сегодняшний день «Технические требования», утвержденные Росархивом, являются первым и единственным развернутым нормативным документом, регламентирующим процессы оцифровки подлинников архивных документов и являющимся обязательным для применения в ходе сканирования документов, отнесенных к составу Архивного фонда Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ (ред. от 29 июля 2017 г.) «О техническом регулировании».

2. Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации».

3. Юмашева Ю. Ю. Методические рекомендации по электронному копированию архивных документов и управлению полученным информационным массивом / Росархив, ВНИИДАД. — 2012. — 125 с. // Официальный сайт Федерального архивного агентства. — URL: http://archives.ru/documents/rekomend_el-copy-archival-documents.shtml (дата обращения: 15 августа 2019 г.).

4. Регламент «Изготовление цифровых копий фонда пользования с микроформ архивных документов» / руководитель темы Г. З. Залаев, ответственный исполнитель А. В. Тихонов, исполнители Н. В. Гли-

щинская, С. Л. Новиков. — М., 2012. — 61 с., илл. // Официальный сайт Федерального архивного агентства. — URL: <http://archives.ru/documents/reglament-scan-microfilm.shtml> (дата обращения: 15 августа 2019 г.).

5. Разработка методических рекомендаций по выбору сканирующего оборудования, способного удовлетворить потребности российских архивов / С. Н. Клецарь, Т. Н. Данилова, П. Е. Завалишин, С. С. Баташева. — Тула, 2011. — 48 с., илл. 32, прил. 1 // Официальный сайт Федерального архивного агентства. — URL: <http://archives.ru/documents/recomendacii-vybor-scan-oborudovanija-2011.shtml> (дата обращения: 15 августа 2019 г.).

6. Аналитический обзор «Исследование и анализ зарубежной нормативно-методической документации, регулирующей вопросы оцифровки архивных документов» / Росархив, ВНИИДАД. — 2014 // Официальный сайт Федерального архивного агентства. — URL: <http://archives.ru/sites/default/files/2014-obzor-standart-digitization.pdf> (дата обращения: 15 августа 2019 г.).

7. В 2011, 2013 и 2016 гг. ВНИИДАД проводил научно-исследовательские работы по темам: «Изучение опыта оцифровки (сканирования) документов Архивного фонда в архивных учреждениях Российской Федерации» (государственный контракт № 101 от 29 ноября 2011 г.), «Мониторинг осуществляемых в государственных архивах субъектов Российской Федерации проектов оцифровки архивных документов» (в рамках выполнения государственного задания, утвержденного Приказом Росархива от 6 февраля 2013 г. № 14), «Мониторинг осуществляемых в государственных архивах Российской Федерации проектов перевода в электронный вид научно-справочного аппарата и архивных документов» (плановое задание). Текст подготовленного в 2016 г. Аналитического обзора «Мониторинг осуществляемых в государственных архивах Российской Федерации проектов перевода в электронный вид научно-справочного аппарата и архивных документов» опубликован на официальном сайте Росархива в разделе «Документы. Методические рекомендации» // Официальный сайт Федерального архивного агентства. — URL: <http://archives.ru/documents/methodics.shtml> (дата обращения: 15 августа 2019 г.).

8. Проект закона «О внесении изменения в статью 26 Федерального закона „Об архивном деле в Российской Федерации“» 5 марта 2018 г., ID проекта: 01/05/03-18/00078868 // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. — URL: <http://regulation.gov.ru/projects#nra=78868> (дата обращения: 15 августа 2019 г.).

9. Федеральное архивное агентство. Пилотная версия «Информационной системы удаленного использования копий архивных документов и справочно-поисковых средств к ним (ИС УИКАД)» // Официальный сайт Федерального архивного агентства. — URL: <https://online.archives.ru> (дата обращения: 15 августа 2019 г.).

10. Порядок использования архивных документов в государственных и муниципальных архивах Российской Федерации (Приложение к Приказу Минкультуры России от 3 июня 2013 г. № 635. Зарегистрирован в Минюсте РФ 14 ноября 2013 г. Регистрационный № 30386. С изменениями, внесенными Приказом Минкультуры России от 3 декабря 2015 г. № 2940) // Официальный сайт Федерального архивного агентства. — URL: <http://archives.ru/documents/order-use-archival-documents-russian-federation.shtml%20> (дата обращения: 15 августа 2019 г.).

11. Отчет о научно-исследовательской работе «Проведение научных исследований в области комплектования, хранения, учета и использования архивных документов». Приложение: Технические требования к оцифровке архивных документов, научно-справочного аппарата (НСА) к архивным документам, а также созданию, хранению, учету и использованию электронного фонда пользования документов Архивного фонда Российской Федерации / Росархив, ООО «БизнесСкан». — М., 2018. — 98 с., прил. // Официальный сайт Федерального архивного агентства. — URL: <http://archives.ru/documents/methodics/2018-nir-tt-digitization.shtml> (дата обращения: 15 августа 2019 г.).

12. Состоялось заседание Комиссии Росархива по научно-исследовательской и методической работе // Официальный сайт Федерального архивного агентства. — URL: <http://archives.ru/press/22-11-2018-nimr.shtml> (дата обращения: 15 августа 2019 г.).

РАЗДЕЛ II

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ И АРХИВЫ

SECTION II

RUSSIAN HISTORY AND ARCHIVES

ООО «ТЕРМИКА.РУ»

АРХИВНЫЕ РАЗЫСКАНИЯ В ТРУДАХ КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ ЗНАНИЙ АН СССР (1926–1932)

Илизаров Симон Семенович

Доктор исторических наук, профессор,
профессор Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, заведующий отделом ИИЕТ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: sinsja@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрено, как в условиях 1926–1932 гг. в первом в СССР центре по изучению истории науки — Комиссии по истории знаний АН СССР, шла работа по изучению архивных материалов.

Ключевые слова: архивы, академия, В. И. Вернадский, история, история науки.

ARCHIVAL FINDINGS IN THE PROCEEDINGS OF THE COMMISSION ON THE HISTORY OF KNOWLEDGE OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES (1926–1932)

Ilizarov Simon Semyonovich

Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Russian State University for the Humanities, Head of the Department of S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
Moscow, Russian Federation
e-mail: sinsja@mail.ru

Abstract. The paper presents data on the history of how work on the study of archival materials proceeded in the first USSR center for the study of the history of science — Commission on the History of Knowledge of the Academy of Sciences of the USSR — in an environment of 1926–1932.

Keywords: archive, Academy, V. I. Vernadsky, history, history of science.

«И люди, и методика вырабатываются на кропотливой, систематической работе по первоисточникам. Поэтому вся научная работа Комиссии должна иметь характер организованной исторической работы этого рода» — В. И. Вернадский, 29 марта 1930 г.

Как и любая область научного знания, история науки, прежде чем

обрести дисциплинарную самостоятельность и стать особого рода профессией, прошла ряд этапов. Если говорить об истории науки как о сфере знаний и размышлений, то тогда это одна из древнейших областей человеческой мысли, поскольку поиски ответов на вопросы о происхождении знаний и умений находили воплощение уже в древнейших мифах, легендах и преданиях, а в античности появляются даже первые историко-научные труды. Если же рассматривать историю науки как особую профессию, со своими специфическими объектно-предметной областью, методами, источниками, способами воспроизводства кадров, коммуникациями и т. д., то тогда это явление исключительно XX столетия. В нашей стране процесс институционализации в области истории науки, без которой невозможна профессионализация, проходил синхронно с основной мировой линией, а иногда даже с опережением. Основополагающую роль в этом сыграли академики А. С. Лаппо-Данилевский и В. И. Вернадский. Еще в 1916 г. возник первый академический исследовательский центр по истории науки — подкомиссия «Русская наука» под руководством А. С. Лаппо-Данилевского, которая последовательно превратилась в Комиссию по истории знаний (КИЗ) В. И. Вернадского, далее — в Институт истории науки и техники АН СССР (ИИИТ) Н. И. Бухарина, уничтоженный вслед за своим основателем в 1938 г. [1].

Комиссия по истории знаний просуществовала недолго, до 1932 г., когда была переименована в ИИИТ АН СССР. Впервые КИЗ возникла в 1921 г. по инициативе В. И. Вернадского, однако спустя несколько лет она прекратила существование в связи с длительной заграничной командировкой ее основателя. КИЗ АН СССР начала активно функционировать с апреля 1926 г., после возвращения В. И. Вернадского, и вскоре ее работа стала заметной настолько, что о ней узнали за рубежом [2]. Организационно КИЗ была оформлена по плану В. И. Вернадского следующим образом: Комиссия состояла при Общем собрании Академии наук, что подчеркивало ее общенаучный и междисциплинарный характер; во главе — председатель, заместитель и ученый секретарь, избираемые Комиссией самостоятельно. В состав КИЗ могли входить все члены Академии наук, желавшие работать в этой области. Исследовательская программа, рассмотренная на пер-

вом организационном заседании КИЗ 11 июня 1921 г., включала разработку проблем развития научного знания в целом, а также изучение истории деятельности самой Академии наук [3].

Создание первого самостоятельного учреждения для изучения истории научных знаний было совершенно новаторским, и самому основателю поначалу далеко не все было понятно — каким образом выстроить работу наилучшим образом, какие исследовательские задачи следует считать первоочередными и, самый сложный вопрос: где брать профессиональные кадры в условиях, когда такой профессии попросту еще не существовало. И тем не менее В. И. Вернадский как никто из современников понимал роль и значение исследования развития научной мысли в условиях, когда наука становилась определяющим институтом в развитии цивилизации, в условиях проходившей научной революции и смены научной картины мира. Все третье десятилетие XX в. он проявлял невероятные усилия, находившие выражение в организационной работе, в составлении всевозможных инициативных документов, а главное — в разработке концептуальных оснований новой научной дисциплины. Здесь нет возможности и необходимости рассматривать в подробности тему «В. И. Вернадский и история науки», тем более, что данный вопрос неоднократно освещался в литературе [4–7]. Единственное, что необходимо подчеркнуть — это редкостное понимание им значения исторических источников / архивных документов, т. е. той специфической эмпирической базы, на которой только и может основываться историко-научная реконструкция. В многочисленных текстах и научного, и научно-организационного характера эта тема звучит постоянным рефреном. При этом Вернадский исходил из тезиса, согласно которому «в области научных изысканий историк, даже больше, чем где-либо, переносит в прошлое вопросы, волнующие современность, сам создает, если можно так выразиться, материал своего исследования, оставаясь, однако, все время в рамках точного, научного наблюдения. Поэтому в истории науки постоянно приходится возвращаться к старым сюжетам, пересматривать историю вопроса, вновь ее строить и переделывать» [8].

Представляется, что далеко не всякий историк мог бы позволить себе заявление о необходимости каждому новому поколению критически перерабатывать историю науки: «История науки и ее прошлого должна критически составляться каждым научным поколением, и не только потому, что меняются запасы наших знаний о прошлом, открываются новые документы или находятся новые приемы восстановления былого. Нет! Необходимо вновь научно перерабатывать историю науки, вновь критически уходить в прошлое, потому что, благодаря развитию современного знания, в прошлом получает значение одно и теряет другое. <...> Двигаясь вперед, наука не только создает новое, но и неизбежно переоценивает старое, пережитое» [8, с. 218].

Что касается определения приоритетов в работе КИЗ, то, по мнению В. И. Вернадского: «...Комиссия не может иметь задачей изучение истории знаний только в России и Союзе. В то же время для исследовательской научной работы необходимо опираться на первоисточники, а это возможно сделать быстро и полно у нас только для нашей страны. Поэтому работа по истории знаний в нашей стране неизбежно будет играть большую роль в работе Комиссии» [8, с. 295]. Поскольку методы историко-научных и историко-технических исследований существенно отличаются от методов научной работы в технических и естественнонаучных областях, то эти методы, указывал Вернадский, «определяются существом этой дисциплины и изучением источников, не играющих заметной роли в других научных учреждениях АН». И, наконец, самое значимое в его высказываниях в рассматриваемом здесь архивном контексте: «Источники, на основе которых строятся исследования по истории техники и естествознания (архивные материалы, патенты, чертежи и эскизы старых конструкций машин и т. д.), резко отличны от источников, лежащих в основе научной работы специальных технических и естественных институтов» [8, с. 296–297].

Это в теории, а на практике созданная В. И. Вернадским КИЗ в первые годы не имела для нормально организованной работы ничего — ни подходящего помещения, ни финансовых средств, ни, естественно, штата и пр. — ничего, кроме энтузиазма и понимания необходимости развития данного исследовательского направления. И в этих условиях выполнялась большая и разнообразная научная работа. Ежемесячно

проводились публичные заседания, в которых участвовало от 30 до 65 членов КИЗ и приглашенных специалистов. Комиссия инициировала также проведение больших общеакадемических юбилейных заседаний, посвященных К. М. Бэру, П. П. Семенову-Тянь-Шанскому, И. Ньютону, А. М. Бутлерову и др.; публиковала программы и сборники, организовывала выставки. Начиная с 1927 г. стал все чаще звучать вопрос о целевом собирании материала по истории самой Академии наук.

Сохранившийся архивный фонд КИЗ-ИИНТ (АРАН. Ф. 154) и опубликованные документы позволяют последовательно проследить, как расширялась разнообразная по видам деятельность первого историко-научного центра, в том числе в отношении углубленного изучения первоисточников. Комиссией выполнялись работы по подготовке к публикации: переписки А. О. и В. О. Ковалевских с И. И. Мечниковым, неизданных материалов, связанных с экспедицией В. Беринга, переписки академика К. М. Бэра с непременным секретарем Академии наук П. Н. Фуссом, профессором А. А. Бунге и другими лицами, русских астрономических текстов XV в.; в связи с 10-летием со дня смерти А. С. Лаппо-Данилевского формировался сборник материалов, посвященных биографии ученого, для которого готовился обзор его рукописного наследия.

В деятельности КИЗ с самого начала было два доминирующих проекта. Первый — это завершение академического издания сочинений М. В. Ломоносова, начатого еще в конце XIX в. академиком М. И. Сухомлиновым, не успевшим завершить подготовку и опубликовать последние VI и VII тома, а также сбор материалов для дополнительного VIII тома, посвященного переписке. Для этого в академическом архиве, Рукописном отделении библиотеки Академии наук, в Москве — в Рукописном отделении Ленинской библиотеки и в «Древлехранилище», предпринимались поиски личной и служебной переписки Ломоносова. Причем работу в данном направлении планировалось расширить путем целенаправленного поиска в архивах как России, так и Австралии, Германии, Франции и т. д. Эта работа, в которой на разных этапах участвовали М. Н. Буткевич, С. Н. Чернов, А. И. Андреев и др., действительно носила тотальный характер и позволила к середине прошлого столетия выявить почти все документы,

связанные с жизнью и деятельностью М. В. Ломоносова [9, с. 81–82; 10].

Второй крупный проект КИЗ — комплексное изучение наследия великого естествоиспытателя, академика К. М. Бэра, включая изучение и публикацию его неизданных работ. В частности, были исследованы материалы архива Бэра, хранящиеся в БАН, в Архиве и Ботаническом музее АН СССР, в Публичной библиотеке, в Прусской Государственной библиотеке в Берлине и т. д. Для реализации обоих проектов в КИЗ были созданы и результативно функционировали две специальные подкомиссии — Ломоносовская и Бэровская.

Интересное, но незавершенное начинание КИЗ состояло в подготовке на основании архивных материалов справочника обо всех работниках (не членах Академии!), служивших в Академии наук начиная с XVIII в. Тогда эту работу в основном исполнял архивист и историк литературы Г. П. Блок. Только в самые последние годы нынешние сотрудники Архива РАН решили завершить это давнее начинание.

Архивная и археографическая деятельность КИЗ со временем стала выходить и на международный уровень. Так, под руководством академика И. Ю. Крачковского проводилась работа по составлению каталога арабских рукописей, хранящихся в СССР. В те годы данное направление получило очень большое развитие в Западной Европе.

За весь период своего существования КИЗ находилась в тесном творческом контакте с академическим архивом, директором которого был выдающийся архивист и историк науки Г. А. Князев. Определенным этапом в отношениях этих близкородственных организаций стала пространная и по-своему концептуальная записка Г. А. Князева о направлениях работ КИЗ в отношении изучения истории Академии наук, составленная в апреле 1931 г. Автор считал первоочередной задачей описание и структурирование необходимой источниковой базы: «Академия наук обладает в своем архиве огромным и, можно сказать, в своем основном целом очень хорошо сохранным материалом делопроизводственных фондов различных учреждений Академии. Этот материал дает возможность всестороннего изучения жизни и деятельности как Академии в целом, так и отдельных ее учреждений, и не только высших административно-организационных, научно-организационных

или научно-исследовательских, но и научно-вспомогательных и даже технических. Он охватывает время создания Академии и всей ее деятельности до последних лет» [3, с. 403]. Князев, отмечая информационные богатства малоизученных делопроизводственных документов, писал, что на их основе можно изучать не только общие вопросы, но и повседневность академической жизни. Вторую важнейшую группу архивных материалов составляли личные фонды членов и сотрудников Академии наук. В качестве примера материалов «первоклассного значения» он называл эпистолярное наследие известного в истории науки руководителя академической канцелярии XVIII в. И. Д. Шумахера. В записке особо указывалось, что фонды и документы личного происхождения только частично разобраны и профессионально описаны, а частью и вовсе не обработаны.

Г. А. Князев был прекрасным источниковедом, знатоком истории Академии, истории государственных учреждений, и потому как никто ориентировался в том, в каких еще архивах могут находиться фонды, важные для реконструкции академической истории. Так, он указывал, что в разные периоды Академия находилась во взаимодействии со многими правительственными учреждениями, общественными организациями, Сенатом, Морским министерством и др.; все эти разнообразные документы, включая отдельные коллекции, имеющие отношение к истории Академии и ее членов, не выявлены, не учтены и не описаны.

Далее в записке назывались иные, не архивные, источники информации, как то: периодическая печать, воспоминания, изобразительные материалы, художественная литература, а также общая научная литература и публикации, посвященные отдельным работникам Академии и т. п., — все это, по словам Князева, в последние годы библиографически не учитывалось. Такое библиографирование и составление биобиблиографического справочника обо всех тех, кто служил в Академии, писал Князев, следует считать первой необходимой подготовительной работой КИЗ. К числу первоочередных исследовательских задач, исходя из современного на начало 1930-х гг. уровня знаний по истории Академии и науки в России, относилось изучение истории отдельных академических учреждений, тем более что основные фон-

ды «находятся в прекрасном состоянии и сосредоточены в отлично оборудованном академическом Архиве» [3, с. 406], и потому работа по составлению соответствующих исторических очерков и особенно за XVIII в. могла быть начата незамедлительно. После реализации в течение 1932–1933 гг. решения данной исследовательской задачи намечалось к 1935 г. выполнить изучение истории представленных в Академии наук отдельных дисциплин. К 1943 г., как планировал Князев, можно было бы создать итоговый труд по истории Академии наук. Разумеется, что этот план, рассчитанный на десять с лишним лет труда, мог быть реализован только при наличии необходимого финансирования. Г. А. Князев в своем проекте работ по истории Академии наук продумал все, вплоть до организационных форм. Кстати говоря, его идеи нашли воплощение в 1938 г., когда уничтожился ИИИТ и когда при академическом Архиве была создана под руководством академика С. И. Вавилова Комиссия по истории АН СССР, а сам Князев к 1945 г. подготовил и опубликовал первую в советский период книгу «Краткий очерк истории Академии наук СССР. 1725–1945». В 1931 г., когда составлялась записка, вышла его обзорная статья об Архиве [11].

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что основатель КИЗ АН СССР академик В. И. Вернадский, формально не будучи профессиональным историком, лучше других понимал решающее значение архивных разысканий, твердой опоры на репрезентативную источниковую базу, которые необходимы для успешной работы в области истории знаний. Это тема для отдельного изучения, но не могу не привести фрагмент из его записки от 12 мая 1931 г. (к тому времени КИЗ уже возглавлял Н. И. Бухарин) в Центральный исторический архив с программой охраны и целенаправленного сбора материалов, остающихся после смерти ученых: «...собрание и хранение разнообразного рукописного материала, имеющего отношение к истории знаний в России и СССР, является делом, в высокой степени важным не только для восстановления подлинной истории знаний, но и для самой развивающейся науки и техники» [3, с. 407].

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 19-011-00366).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Илизаров С. С. «Судьбы и участь истории науки» в России и СССР (XVIII–XX вв.) // Вопросы истории естествознания и техники. — 1989. — № 2. — С. 32–40; Он же. История науки и техники: от зарождения исследовательского направления до формирования в России профессионального сообщества // Архив истории науки и техники. Вып. IV (XIII). — М.: Янус-К, 2010. — С. 5–91.

2. Гринина И. Р., Илизаров С. С., Клавдиева М. М. Письма Дж. Сартона к М. А. Блоху // История науки: источники, памятники, наследие. Третьи чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники. — М.: Янус-К, 2019. — С. 307–311.

3. Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук: Сборник документов / сост. В. М. Орел, Г. И. Смагина. — СПб.: Наука, 2003.

4. Микулинский С. Р. Вернадский как историк науки // Вопросы истории естествознания и техники. — 1980. — № 1. — С. 20–29; № 3. — С. 13–25.

5. Бастракова М. С. В. И. Вернадский как историк науки // Вопросы истории естествознания и техники. — 1993. — № 4. — С. 41–56.

6. Кузнецова Н. И. В. И. Вернадский как историк науки: методологические находки и парадоксы // Вопросы философии. — 2013. — № 11. — С. 99–111.

7. Орел В. М., Смагина Г. И. Роль Вернадского в организации и становлении Комиссии по истории знаний. 1921–1932 // В. И. Вернадский и Комиссия по истории знаний. — М.; СПб.: Росток, 2013. — С. 13–61.

8. Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки / отв. ред. С. Р. Микулинский; сост. М. С. Бастракова, И. И. Мочалов и др. — М.: Наука, 1981.

9. Илизаров С. С. М. В. Ломоносов в документах и материалах Российского государственного архива древних актов // Новое о Ломоносове. Материалы и исследования: К 300-летию со дня рождения. — М.: Янус-К, 2011. — С. 81–143.

10. 16 октября 1929 г. историк С. Н. Чернов, бывший в разное время ученым секретарем КИЗ и Ломоносовской подкомиссии, представил подробнейший отчет о своих разысканиях в Ленинграде и в Москве.

Он, в частности, писал: «Мои работы по собиранию материалов велись в ряде хранилищ, из которых наибольшее значение имеет архив самой Академии наук, недавно приведенный трудами его бывшего начальника А. С. Путилова во вполне удовлетворяющее научного работника состояние. Пользуюсь случаем отметить, что, как с его стороны, так и со стороны служащих Архива Академии, я встретил к себе самое внимательное и предупредительное отношение. Таково же было отношение начальников и персонала других хранилищ, где мне приходилось работать.

Хотя „книгами текущих дел“ и другими единицами хранения Архива Академии уже неоднократно пользовались исследователи и публикаторы Ломоносова (и в частности его переписки), я все же именно на материалах Архива сосредоточил значительную долю своих поисков. Как здесь, так и в других хранилищах, поиски в огромном большинстве случаев велись полистным просмотром единиц хранения. Кроме означенных „книг текущих дел“, были просмотрены мною...» Прделанная им работа позволила выявить свыше 700 документов [см.: 3, с. 284–288].

11. Князев Г. А. Научные ценности за два века. Архив Академии наук СССР // Вестник Академии наук СССР. — 1931. — № 9. — С. 35–46.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ТАМОЖЕННЫМ ДЕЛОМ В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ В 1850–1867 ГГ.¹

Артур Горак

Доктор хабилитус, адъюнкт, кафедра архивоведения и вспомога-
тельных исторических дисциплин

Университета Марии Кюри-Склодовской

Люблин, Польша

e-mail: agorak@yandex.ru

Аннотация. В 1851 г. была ликвидирована таможенная граница между Царством Польским и Российской империей. Одновременно упразднены таможенные учреждения Царства Польского, и на их основе были созданы российские таможенные учреждения, которые охватывали своими полномочиями границу Царства Польского, с Пруссией и Австрией. В статье описывается ключевой период преобразований таможенного управления на территории Царства Польского: от создания российских таможенных служб до ликвидации автономии Царства.

Ключевые слова: Российская империя, Царство Польское, таможенное дело, администрация, управление, русификация, чиновничество.

TRANSFORMATION OF THE MANAGEMENT OF CUSTOMS AFFAIRS IN THE KINGDOM OF POLAND IN 1850–1867

Artur Górak

PhD, habilitated doctor, Department of Archival Science and Historical

Auxiliary Science

Maria Curie-Skłodowska University

Lublin, Poland

e-mail: agorak@yandex.ru

Abstract. In 1851, the customs border between the Kingdom of Poland and the Russian Empire was liquidated. At the same time, the customs authorities of the Kingdom of Poland were abolished and Russian customs

---

1 Artykuł powstał w wyniku realizacji projektu badawczego Narodowego Centrum Nauki nr 2015/19/B/HS3/01132, pt. Administracja celna w Królestwie Polskim w latach 1851–1914. Kompetencje-struktury--ludzie.

institutions were created on their basis, which covered the border of the Kingdom of Poland with Prussia and Austria with their powers. The article presents a key period of transformation of the customs administration in the Kingdom of Poland: from the creation of Russian customs services to the liquidation of the autonomy of the Kingdom.

Keywords: Russian empire, Kingdom of Poland, customs affairs, administration, management, Russification, bureaucracy.

Растущее значение министра финансов и финансового управления в Российской империи оказало определенное влияние на положение местных органов этого ведомства. Это учреждение отвечало за контроль доходов центрального бюджета монархии Романовых и постепенно освобождалось от подчинения губернатору. Основными источниками дохода для казны российского государства были прямые и косвенные налоги, таможенные пошлины на товары, ввозимые в Россию, прибыль от государственных имений (аренда и т. д.), а также различные другие доходы, включая финансовые штрафы, конфискации имений и т. п. [26, с. 12–14]. Особенное значение органов финансового управления в Царстве Польском объясняется отношением российских властей к этой территории. Царство Польское после подавления Январского восстания нередко рассматривалось как колония, которая должна подвергаться экономической эксплуатации. Конечно, такая эксплуатация не способствовала развитию, а значит, в многолетней перспективе вредила повышению доходности [3; 9]. В этой статье обращаем внимание на важность финансового фактора, который исследователи часто недооценивают при анализе политики унификации и русификации в Империи. Рассмотрим ключевой период преобразований таможенного управления на территории Царства Польского.

Идея вышеупомянутой перемены статуса Царства Польского в Российской империи до сих пор остается не вполне разъясненной. Понятны решения, такие как ликвидация автономии, а значит подчинение этой территории власти российской администрации или введение преследования польской культуры в общем, а в частности языка и католической церкви. Но продолжается полемика по поводу целей

этих перемен. Два главных тезиса: управление территорией Царства Польского как колонией и превращение этой территории в губернии путем унификации права, а в том числе и административных законов. В связи с ликвидацией органов власти автономного Царства Польского российские министерства подчинили отдельные сферы управления. Введены внутримперские структуры, российское делопроизводство и аналогичные компетенции местной администрации, русский стал официальным языком. Из-за потери доверия к местным чиновникам постепенно, начиная с самых высоких, посты заполнялись лицами, переведенными из Империи. По мнению российских сановников, смена системы и форм управления должна была эффективно остановить стремление польской нации к независимости и привести эти территории к статусу одной из внутренних провинций государства. При этом власти Империи окончательно дела не решили. Даже если были определенные планы, то их до конца не реализовали, ограничиваясь усилением контроля и русификацией. В одних областях видно стремление к унификации, а в других, наоборот, приращивают специальные законы, усиливающие специфическое положение этой территории [4; 5; 8; 11].

Следует также подчеркнуть, что преобразования имели гораздо более широкий контекст, чем это обычно наблюдается в польской литературе. Реформы Александра II охватили всю Империю и были во многом едины. В области финансового управления следует отметить, что наряду с введением казенных палат в Царстве унифицировано финансовое управление в Сибири, на Кавказе и в Центральной Азии (Туркестан) [20, с. 403–433].

Действия российских властей, направленные на ограничение автономии и последующую ликвидацию налоговой администрации Царства Польского, осуществлялись постепенно. Часто промежуточным этапом было создание временных структур и законов. Это был не эффект спешки или колебания. В то же время российское финансовое управление часто реформировалось, и только после этого процесса новые российские решения распространялись на Царство Польское. Другой важной причиной для осторожности, особенно при реформировании этой администрации, была забота о высоких

доходах, которые она приносила казне. Кажется, именно деньги были поводом отмены таможенной границы Царства Польского и Российской империи, что означало включение польской таможенной территории в территорию Российской империи. Указом от 5 (17) ноября 1850 г. с 1 (13) января 1851 г. упразднена польская таможенная администрация, а на основе ее материальной базы создана российская таможенная служба для управления относительно новыми частями таможенной западной границы Империи. Учреждено три таможенных округа: Вержболовский (граница с Пруссией от реки Неман до реки Варты), Калишский (граница с Пруссией от Варты до пункта Нивка на границе с Австрией) и Завихостский (граница с Австрией до Волынской губернии) с управлениями и начальниками во главе [10, с. 6–7; 14, с. 217–221; 21; 26, с. 6, 98–102]. Управление размещено вблизи самой границы в Вержболове, Калише и Завихосте [25]. Начальники округов подчинялись таможенному отделению в Канцелярии наместника Царства Польского до 1864 г., когда было упразднено это отделение [27]. Только потом начинается постепенное их подчинение директору Департамента внешней торговли Министерства финансов Российской империи [13, с. 154–160].

Еще в июне 1851 г. было предписано, чтобы ежегодно в январе представлялись годовые ведомости о ходе привозной и отпускной торговли в таможенное отделение для представления сведений в Правительственную комиссию внутренних и духовных дел (орган, возглавляющий ведомство. — прим. авт.). Самые общие торговые балансы до 1862 г. включительно сообщались этим отделением в Правительственную комиссию. После упразднения таможенного отделения управления таможенных округов посылали торговый баланс прямо в Правительственную комиссию [24, 28].

Практически сразу в 1851 г. произошло удаление поляков с занимаемых ключевых должностей, а штат заполнили чиновниками русского происхождения. Чиновников польского происхождения допускали лишь на низшие должности. Добавим, что такая практика существовала до 1912 г. [1; 15–17].

Начальникам округов подчинялись местные органы таможенной администрации: таможни, таможенные заставы и таможенные

переходные пункты, а также пограничная стража (бригады, компании, отряды). Управления таможенных округов были крупными учреждениями с многими и важными полномочиями. Их значение повышает факт контролирования самой доходной частей границы государства в самой густонаселенной и экономически активной части Империи [6; 12, с. 37–34; 18; 19; 23, с. 350–356; 26].

Кроме наместника, ни один автономный орган не мог давать приказов таможенной службе, а с другой стороны, главы таможенных округов Царства должны были отчитываться перед Департаментом внешней торговли в Санкт-Петербурге. Вся официальная переписка должна была осуществляться на русском языке [2, с. 61; 7, с. 115–118]. Первыми начальниками упомянутых округов были: Вержболовского — К. И. фон Ден, Калишского — П. Ф. Гаккель, Завихостского — П. Д. Прянишников [1].

Кажется, уже во время Январского восстания судьба таможенного управления Царства Польского была решена. Учрежден временный орган для проведения преобразований. На чиновника для особых поручений Лихтенштейна возложено особое поручение по устройству таможенной части в Царстве Польском. Исследователям пока неизвестна должность и деятельность этого чиновника. Еще летом 1864 г. его назначили на должность члена Юрбургской таможни [25, с. 21], а в следующем году (5 июля [24, с. 76]) можно встретить упоминание о нем как о «чиновнике, командированном в Царство Польское по таможенным делам», с правом издавать циркуляры [25, с. 21]. Как можно судить по делопроизводству, круг его полномочий был довольно широк: от организации учреждений по церковной принадлежности детей таможенников от смешанных браков до отношения с цензурой. Последние следы его деятельности встречаем в документах от 1867 г. [25, с. 116].

В этом году одновременно с преобразованием местной общей администрации Царства Польского по внутриимперскому образцу (1 (13) января 1867 г.) местное таможенное управление снова преобразовано и подчинено четырем новым управлениям округов. Создан Александровский таможенный округ с управлением в Александрове-Пограничном (ныне Александров-Куявски) и заново выделена

граница между округами: Вержболовский — от реки Неман до Плоцкой губернии; Александровский — далее до реки Варты; Калишский — от реки Варты до местности Шице и Завихостский — от этой местности до границы Волынской губернии [22].

Одной из первых областей управления подчиненных российским органам власти на территории Царства Польского, не считая армии, было таможенное дело. В 1851 г. упразднена польско-российская таможенная граница, а тем самым таможенная граница Империи была перенесена на запад. Сразу организованы российские таможенные учреждения, но до 1864 г. главную роль в управлении ими играл наместник Царства Польского и местный орган управления ведомством — Правительственная комиссия.

На кануне 1865 г. учреждена специальная должность чиновника, командированного в Царство Польское по таможенным делам, наделенная широкими полномочиями. Данный чиновник решал почти все дела и был посредником в отношениях с соответствующим департаментом в Санкт-Петербурге. Главной его задачей был прямой административный и политический надзор над таможенным управлением в Царстве Польском. По различным данным его деятельность кончилась после упразднения Правительственной комиссии финансов и последующего преобразования таможенного управления в 1867 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Bogdanow S., Górak A., Latawiec K., Legieć J. *Naczelnicy organów rosyjskiej administracji specjalnej w Królestwie Polskim w latach 1839–1918. Tom II: Ministerstwo Finansów.* — Lublin, 2016.
2. Demidowicz T. *Statut Organiczny Królestwa Polskiego w latach 1832–1856 / Czasopismo Prawno-Historyczne* — T. LXII. — 2010. — Z. 1.
3. Grabski W. *Bilans Królestwa Polskiego w finansach państwa rosyjskiego.* — Warszawa, 1909.
4. Korobowicz A., Witkowski W. *Ustrój i prawo na ziemiach polskich. Od rozbiorów do odzyskania niepodległości.* — Lublin, 1994.
5. Kutrzeba S. *Historia ustroju Polski w zarysie.* T. III. — Lwów, 1920.
6. Latawiec K. *Rosyjska straż graniczna w Królestwie Polskim w latach 1851–1914.* — Lublin, 2014.

7. Radziszewski H. Skarb i organizacja władz skarbowych w Królestwie Polskim. T. I. — Warszawa, 1907–1908.
8. Smyk G. Likwidacja odrębności administracyjnych Królestwa Polskiego po powstaniu styczniowym / Zamojskie Studia i Materiały. — R., 1999. — Z. 2.
9. Strasburger E. Udział Królestwa Polskiego w finansach Rosji. — Warszawa, 1918.
10. Ustawa Celna dla Królestwa Polskiego. — Warszawa, 1851.
11. Winiarski B. Ustrój polityczny ziem polskich w XIX w. — Poznań, 1923.
12. Боков К. И. Структура таможенных органов России во второй половине XIX — начале XX веков // История государства и права. — 2012. — № 22. — С. 27–34.
13. Горак А. Документы российских таможенных учреждений западной окраины Российской империи (Царства Польского) // Документ. Архив. История. Современность / сост. Л. Н. Мазур. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. — С. 154–160.
14. Государственность России. Кн. 4. — М., 2001.
15. Личный состав Департамента Таможенных Сборов и учреждений Таможенного Ведомства. По сведениям до 1 апреля 1905 г.
16. Личный состав Департамента Таможенных Сборов и учреждений Таможенного Ведомства. По сведениям до 25 мая 1907 г.
17. Личный состав Департамента Таможенных Сборов и учреждений Таможенного Ведомства. По сведениям до 20 мая 1906 г.
18. Лятавец К. Место таможенных учреждений Царства Польского в финансовой системе Российской Империи в первой половине 70-х гг. XIX в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. / сост. А. И. Раздорский. — Курск, 2009.
19. Лятавец К. Таможенные учреждения в Царстве Польском в 50–60 гг. XIX века // История торговли, податки и мита / ред. О. Дячок. — Днепропетровск, 2007.
20. Министерство финансов 1802–1902 гг., ч. 1. / сост. Н. К. Бжецкий. — СПб., 1902.
21. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. 25. — 1850. — № 24594.

22. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. 41. — 1866. — № 43930.

23. Радайде Д. С. Розвиток митної системи Росії по європейському кордоні у 1811–1819 рр. // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Юридические науки. Т. 25 (64). — 2012. — № 2. — С. 350–356.

24. РГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 1483.

25. РГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 1485.

26. Сапилов Е. В. Государственные доходы, расходы, налоги в дореволюционной России (1898–1914). — М., 2001.

27. Циркуляры по таможенному ведомству. Ч. 3 (1864). — № 40876.

ООО «ТЕРМИКА РУ»

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ РОССИЙСКОЙ ВОЕННО-ПОСЕЛЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: АГРАРНЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОТЧЕТНОЙ И СТАТИСТИЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ)

Кандаурова Татьяна Николаевна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры
теории и истории культуры

Российского государственного гуманитарного университета

Москва, Российская Федерация

e-mail: tanikand@mail.ru

Аннотация. В статье на основе архивных материалов анализируется формирование и развитие образовательных практик в рамках российской военно-поселенной организации XIX в. Показан процесс становления системы аграрных учебных заведений, подготовки кадров агрономов, шелководов, садоводов, животноводов, развития ветеринарной службы и подготовки ветеринарных кадров в полковых округах военных поселений. Специализированные учебные заведения представляли части детей военных поселян и кантонистам региональных батальонов военных кантонистов возможность социализации.

Ключевые слова: образовательные практики, аграрные учебные заведения, сельскохозяйственные школы-фермы, школа шелководства, школа садоводства, коновальские (ветеринарные) школы, кантонисты, Департамент военных поселений.

EDUCATIONAL PRACTICES OF THE RUSSIAN MILITARY SETTLEMENT ORGANIZATION: AGRICULTURAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS (ON MATERIALS OF REPORTING AND STATISTICAL DOCUMENTATION)

Kandaurova Tatyana Nikolaevna

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Senior Researcher
of the Department of Theory and History of Culture, Russian State

University for the Humanities

Moscow, Russian Federation

e-mail: tanikand@mail.ru

Abstract. The article on the basis of archival materials, analyses the formation and development of educational practices in the framework of the Russian military-settlement organization of the XIX century. The author shows the process of formation of the system of agricultural training institutions, training of agronomists, silkworm selectors, gardeners, pastoralists, development of veterinary services and training of veterinary personnel in the regimental districts of military settlements. Specialized educational institutions provided the children of military settlers and the cantonists of regional battalions of military cantonists the opportunity of socialization.

Keywords: educational practices, agricultural educational institutions, agricultural farm-schools, sericulture school, horticulture school, konoval (veterinary) schools, cantonists, Department of military settlements.

Первая половина XIX в. в России проходила под знаком модернизации, что обусловило множественные трансформации не только в социально-экономической, но и в социокультурной сфере. В этот период набирала темпы ключевая область культуры — образование, развивающееся за счет расширения сети образовательных учреждений, роста их количества, изменения географии российской образовательной системы и роста культурного потенциала регионов России. Наряду с развитием системы высшего, среднего и начального образования получает развитие область среднего специального и профессионального образования как одна «из областей системы просвещения и культурной жизни в целом» [3]. Отмечается процесс развития системы многих специальных или отраслевых учебных заведений в этот период — коммерческих, реальных, хозяйственных, лесных, межевых учебных заведений, реальных гимназий, расширение образовательных практик. Правительство также использовало для распространения технических знаний общеобразовательную школу. «При гимназиях, уездных училищах создавались специальные классы, отделения или курсы: реальные, коммерческие, сельскохозяйственные, межевые, лесные» [3, с. 201], что было обусловлено развитием промышленности и аграрного сектора, ростом запроса на подготовленных специалистов со стороны растущей промышленности и торговли и развивавшегося аграрного сектора.

В рамках развития военно-поселенной организации (1810–1950),

одной из основных задач которой было обеспечение продовольствием расквартированных армейских частей на территории поселенных полковых округов и воспитание резервных кадров, актуальной становится необходимость использования передовых методов агротехнологий, развития животноводства и новых хозяйственных методов с целью повышения отдачи всех секторов сельского хозяйства. И со временем здесь также получают развитие учебные заведения аграрного профиля — земельно-фермерские училища (три), школа шелководства, коновальские (ветеринарные) школы, школа садоводства, осуществляется подготовка специалистов в области овцеводства непосредственно при заводах мериносовых овец [4, с. 6–8].

Первые попытки усовершенствования обработки земли и внедрения передовых способов ведения хозяйства предпринимались в округах Новгородских военных поселений (далее — ВП) пехоты еще в 1820-х гг. В 1824 г. «в округа первой гренадерской дивизии был приглашен английский агроном И. Гуллет, который обучал поселян передовым методам ведения сельского хозяйства, в частности, при помощи травосеяния. Под его влиянием стало применяться поверхностное осушение почвы, а также соблюдаться оптимальные сроки проведения работ» [21, с. 232]. Здесь же было поселено несколько семей прусских кантонистов «с целью культивирования передовых агротехнических приемов». В начале 1830-х гг. данная практика была расширена, и уже «на свободных землях первого и второго округов пахотных солдат (ранее округа военного поселения первой Гренадерской дивизии. — Т. К.) было поселено до 100 таких семей» [21, с. 232]. Кантонисты поселенных полковых округов — дети военных поселян — в общеобразовательных школах приобретали навыки выполнения хозяйственных работ. По законодательству ВП, «родители и воспитатели кантонистов должны в свободное от учения время занимать их, при своих земледельческих, или других по хозяйству работах, дабы они, вспооществуя им по мере сил, могли сделать навык к сим работам и получить познание о земледелии» [5, с. 34, 57]. Руководство региональных ВП старалось использовать все возможности по реализации мер рационализации в аграрном секторе и военно-поселянских хозяйствах и хозяйствах пахотных солдат [21, с. 232–236].

В дальнейшем по мере развития поселенной системы кавалерии появляется необходимость подготовки кадров опытных специалистов-аграриев для руководства военными поселянами «по всем отраслям сельского хозяйства» [20, с. 38], специалистов-ветеринаров для помощи поселянам по содержанию и лечению заболевшего скота и для обслуживания стада конских заводов в кавалерийских поселенных округах и стада заводов тонкорунного овцеводства [1], а также шелководов, садоводов непосредственно в региональных военных поселениях. В 1830 г. «по высочайшему повелению» было «поставлено... иметь в округах ВП Кавалерии, в каждом поселенном эскадроне по одному коновальскому ученику (по три в поселенном полку. — Т. К.), из неспособных (к строевой службе. — Т. К.) кантонистов». В феврале 1831 г. было определено пособие на содержание коновальских учеников из заемного денежного капитала: «Ежегодно, на содержание каждого ученика: на жалованье 7 р. 29 к., на обмундирование 13 р. 97 к. всего 21 р. 26 к.». Помимо этого пособия предписывалось «отпускать из того же капитала по каждому округу, по 10 р. в год, для исправного содержания инструментов, и покупки учебных припасов, сим ученикам» [7, л. 6 об. – 7].

В 1840 г. в округах ВП кавалерии были созданы коновальские, или ветеринарные школы «для доставления военным поселянам способов к подаванию помощи болеющему скоту» [20, с. 44]. Инициатива принадлежала инспектору резервной поселенной кавалерии генералу графу И. О. Витту, и императором было тогда утверждено его «предположение» о развитии коновальских школ в поселенных полковых округах. Таким образом, увеличивалось число кантонистов, проходивших обучение ветеринарному делу. В 1841 г. инспектор всей поселенной кавалерии генерал от кавалерии А. П. Никитин получил высочайшее повеление через директора Департамента ВП генерал-адъютанта П. А. Клейнмихеля «в каждом из округов Украинского и Новороссийского ВП, сверх трех коновальских (ветеринарных. — Т. К.) учеников, положенных по штату из неспособных к фронту кантонистов, иметь по шести таковых же учеников из малолетних военных поселян, с содержанием на жалованье, обмундирование и на ремонт инструментов, по 6 рублей 80 копеек серебром в год на каждого человека,

с производством сих денег из заемного денежного капитала военных поселян, и с отпуском положенной дачи провианта из запасных хлебных магазинов» [8, л. 1 – 1 об.].

Развитие и расширение системы ветеринарной службы в полковых поселенных округах кавалерии было вызвано необходимостью сохранения поголовья военно-поселянского стада, предотвращения эпизоотий и массовых падежей скота, что достаточно часто отмечалось здесь в отдельные годы. Животноводство издавна являлось традиционным занятием населения южных регионов России (Новороссия, Слободско-Украинская губерния), ведущим направлением развития аграрного сектора данных территорий. При организации и развитии поселений кавалерии этой традиционной отрасли сельского хозяйства уделялось также большое внимание, принимались меры по увеличению поголовья общественного и военно-поселянского стада. Как отмечалось в статистических описаниях региональных ВП, «скотоводство после хлебопашества составляет главнейшую отрасль хозяйства военных поселян; на улучшение пород рогатого скота и лошадей обращено особое внимание» [20, с. 57]. Полковых ветеринарных врачей было недостаточно на случай эпидемий и массового падежа поселянского скота. В штате конских заводов Новороссийского военного поселения состояло также недостаточное количество ветеринаров, только «по одному в каждом конском заводе» [6, л. 4 об.]. Все это заставляло руководство ВП принимать дополнительные меры по подготовке специалистов ветеринарного профиля.

Одновременно с подготовкой коновальских учеников в поселенных кавалерийских эскадронах принимались меры по увеличению штата ветеринаров, обслуживающих хозяйства военных поселян. Например, в 1839 г. по представлению начальника штаба инспектора резервной кавалерии округа Украинского ВП были назначены дополнительно ветеринарные врачи «для пользования военного-поселянского скота». Поголовье военно-поселянского стада в это время здесь насчитывало: в первых четырех полковых округах 124 739 штук, во вторых четырех округах 197 178 штук. По мнению руководства региональных ВП, «на такое количество скота нужен особенный надзор врачей, дабы при самом появлении болезней, или заразы, они, находясь безотлучно,

могли отвращать дальнейшее распространение их» [6, л. 1 об.]. Осенью того же года в округа Украинского ВП были определены на службу восемь ветеринарных помощников из числа выпускников Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии [6, л. 12–14]. Ветеринаров для военной и гражданской службы тогда готовила в основном Медико-хирургическая академия в столице.

В полковых поселенных округах кавалерии обучались в коновальских школах, учрежденных в 1840 г., «дети военных поселян по шести в каждом округе». С учетом ранее определенных трех коновальских учеников на каждый полковой округ их было теперь девять человек. Поселенных кавалерийских округов в этот период было 25, следовательно, и коновальских школ состояло в них 25. Курс обучения в коновальских школах должны были проходить порядка 150 кантонистов из числа детей военных поселян. Школы финансировались из средств ВП, как и ранее обучение коновальских учеников при поселенных эскадронах. На жалование и обмундирование ученикам отпускалось «по 6 рублей 80 копеек серебром на человека, из заемного денежного военно-поселянского капитала, а провиант из запасных хлебных магазинов» [20, с. 44]².

Учащиеся коновальских школ «по окончании курса наук и по достижении совершенных лет, поступают в класс хозяев и занимаются в случае надобности лечением скота» [18, с. 171]. В Киевско-Подольском военном поселении с 1847 г. в дополнение к трем ученикам в каждом полковом округе было разрешено иметь еще по два, итого на 16 волостей (бывших эскадронов. — Т. К.) дополнительно 32 коновальских ученика [8, л. 6–7 об.]. В Чугуевской коновальской школе готовили ветеринарные кадры и для округов пахотных солдат, сформированных вместо ВП пехоты в 1830-х гг. В 1856 г. эту школу закончили восемь коновальских учеников «из кантонистов Воронежских батальонов военных кантонистов, обучавшихся в коновальской школе в г. Чугуеве для Округов пахотных солдат». Возраст ветеринаров-выпускников школы составлял 19–20 лет [14, л. 3]. В рапорте начальника штаба инспектора резервной кавалерии генерал-лей-

² Запасные хлебные магазины и денежные военно-поселянские капиталы являлись резервными фондами полковых поселенных округов. В чрезвычайных ситуациях они обеспечивали военных поселян необходимыми средствами — деньгами и средствами пропитания.

тенанта В. Ф. Лауница в Департамент ВП отмечалось, что они все успешно «окончили курс наук, приобрели достаточные познания в практическом лечении домашних животных и в настоящее время могут быть выпущены на службу коновалами» [14, л. 1 об.].

В 1842 г. в Новороссийском ВП были учреждены четыре завода мериносовых овец с целью распространить «в сих округах столь полезную отрасль сельского хозяйства, и извлечь из оной новые средства к устройству округов» [4, с. 3]. При заводах готовили шафмейстерских помощников (помощников старших овцеводов или овчаров. — Т. К.) из числа кантонистов. На 4 завода определялись 14 кантонистов, «способных по летам и силам», 4 коновала или фельдшерских ученика. «Коновалы, фельдшерские ученики и кантонисты по надлежащем их обучении овцеводству» поступали в шафмейстерские помощники, первые через два года, кантонисты — через три года» [4, с. 6–8]. Жалованье всех обучаемых при заводах мериносовых овец обеспечивалось из средств ВП.

Материалы статистических описей по региональным ВП кавалерии позволяют определить количественные показатели развития системы ветеринарного образования и динамику его развития.

Таблица 1

Статистика состояния коновальских (ветеринарных) школ военных поселений кавалерии (1840–1850)

[составлено по: 20, с. 44–45; 18, с. 171; 19, с. 221–222; 17, с. 279]

Военные поселения кавалерии	Сначала учреждения школы поступило	По окончании курса наук выпущено	Убыло по неспособности и умерло	Ныне состоит
Украинское военное поселение 1–8 округа (1856)	166	87	31	48
Новороссийское военное поселение 1–8 округа (1857)	131	67	16	48
Новороссийское военное поселение 9–12 округа (1857)	72	40	6	26
Всего по Новороссийскому поселению (1857)	203	107	22	74
Киевско-Подольское военное поселение 1–5 округа (1856)	64	23	9	32

Активизировавшееся развитие земледельческого сектора хозяйственной системы военно-поселенной организации, что было обусловлено необходимостью решения основной задачи по обеспечению продовольствием поселенных полков, требовало как совершенствования методов хозяйствования, так и внедрения передовых аграрных технологий. Для этого требовались подготовленные специалисты, которые должны были обучать поселян передовым агротехнологиям и рациональным способам ведения хозяйства. Помимо этого в неурожайные годы хозяйства военных поселян и общественное хозяйство полковых округов страдали от различных природно-климатических катаклизмов (поздние или ранние заморозки, засухи, нашествие саранчи, суховеи).

С начала 1840-х гг. в ВП кавалерии получает развитие система земледельческих школ [2]. В 1842 г. была создана первая образцовая ферма с земледельческой школой в Чугуеве при штабе вторых четырех округов Украинского ВП «для приготовления опытных в сельском хозяйстве старших и младших вахмистров и ефрейторов в волостях и селениях, которые бы могли быть полезными руководителями военных поселян, по всем отраслям сельского хозяйства сообразно с свойствами местности и климата» [20, с. 38]. Школа должна была обеспечить подготовку «в оной ученых агрономов из военных кантонистов и детей военных поселян, для назначения их впоследствии на службу в округи» ВП [16, л. 88 об.]. По прошествии времени, используя опыт Чугуевской школы-фермы, также предполагалось создать подобную школу и в 1–8 округах Новороссийского ВП. До открытия земледельческой фермы в Новороссийском ВП кадры агрономов для его полковых округов и преподавателей для будущей школы готовили в Чугуевской земледельческой школе-ферме [15, л. 169–169 об.]. В школе Чугуева состояло «ежегодно 32 воспитанника». Воспитанники выбирались «из малоспособных к фронтовой службе кантонистов кантонистских эскадронов (учебных эскадронов. — Т. К.) сего поселения, не моложе 18 лет, крепкого телосложения, хорошего поведения и способности, оказавшие достаточные успехи во всех предметах, преподаваемых в кантонистских эскадронах» [20, с. 38].

В отдельные годы численность учеников Чугуевской школы пре-

вышла указанное число. Так, к 1 января 1849 г. в школе состояло 40 учеников из трех кавалерийских корпусов: первого Резервного (Украинское ВП. — Т. К.): 11 кантонистов, 21 рядовой временно-рабочих рот, второго Резервного (1–8 округа Новороссийского ВП. — Т. К.): 4 рядовых временно-рабочих рот, и Сводного (9–12 округа Новороссийского ВП и 1–5 округа Киевско-Подольского ВП. — Т. К.): 4 рядовых временно-рабочих рот [9, л. 2]. Поступило 5 учащихся из кантонистов первого Резервного кавалерийского корпуса, и выпущено 5 человек. Из них 2 человека окончили «курс теоретических и практических наук в школе Императорского московского общества сельского хозяйства» и по прибытии из Москвы в ВП были произведены в унтер-офицеры в роты служащих инвалидов «с оставлением при школе учителями для воспитанников». 3 выпускника были произведены в младшие вахмистры третьей волости шестого округа Украинского ВП [9, л. 2–2 об.]. В 1850 г. 8 учащихся были выпущены в Новороссийское [4] и Киевско-Подольское [4] ВП «как окончившие курс наук и приобретшие вспомогательные сведения, необходимые для руководства по сельскому хозяйству в означенные поселения для занятия должностей непоселенных нижних чинов». Один воспитанник из шестого округа Украинского ВП «по неблагонадежному поведению» был исключен из школы и «отправлен на службу во временную рабочую роту восьмого округа» этого поселения [10, л. 2–2 об.].

Для практических занятий школе выделили из земельных фондов поселений 166 десятин, на которых был сформирован весь комплекс образцовой земледельческой фермы с соответствующей хозяйственной и коммунальной инфраструктурой. В школе теоретические занятия сочетались с практикой, «теория сельского хозяйства и прочие предметы преподавались воспитанникам в зимние месяцы: генварь, февраль, ноябрь и декабрь» [10, л. 2 об.], иногда теорию осваивали учащиеся и в марте. С весны начинались практические полевые занятия, включавшие удобрение и обработку полей и огородов, приготовление земли под яровые посевы, в апреле-мае осуществлялись яровые посевы «хлебов, прядильных растений и кормовых трав» и посадка корнеплодов, огородных овощей [10, л. 4 об. – 5]. Далее шли занятия по уборке урожая, «корнеплодные растения и огородные овощи убирались в октябре

месяце, после перевозки с поля в гумно снопов и произведения озимых посевов» [10, л. 5–6]. Практиковались учащиеся в молотье хлеба, изучали процессы очистки, сушки и сохранения зерна [10, л. 6 об. — 7]. В процессе обучения учащиеся получали также знания «по заведению огорода и садов» [10, л. 7–7 об.]. Овощи, выращиваемые на школьном огороде, шли на стол учащихся в зимнее время.

В программу обучения в земледельческой школе входило и «ремесленное обучение». Оно производилось в зимнее время и «в ненастную погоду весной и осенью». «Мастерства были следующие: кузнечное, плотничное, колесное, бондарное, портное и сапожное. При обучении сим мастерствам воспитанники занимались подделкой и починкой земледельческих орудий, конного и волового обоза и упряжи, изготовлением себе зимней и летней одежды и обуви» [10, л. 8]. Занимались учащиеся ремонтными работами в школе, осваивали азы строительства, практиковались в производстве отделочных работ. В статистическом описании Украинского ВП 1856 г. отмечалось, что «кроме преподавания сельского хозяйства в Чугуевской земледельческой школе обучают также правилам класть печи, и с того времени, как это ремесло развито между военными поселянами, пожары в селениях стали весьма редки» [20, с. 39]. Земледельческая школа-ферма также располагала небольшим количеством лошадей, стадом крупного рогатого рабочего и продуктивного скота, стадом овец и домашней птицы [9, л. 11–13 об.]. Продукция животноводства шла как на питание учащихся, так и на продажу. С 1852 г. доходы школы поступали на ее содержание и на улучшение школьных хозяйственных заведений и других инфраструктурных объектов.

За период с 1842 по 1856 г. «по окончании курса наук, по всем отраслям хозяйства» было выпущено для замещения должностей старших и младших вахмистров и ефрейторов в округах 64 человека со знанием агрономии. И одновременно «из числа отличнейших воспитанников, окончивших курс учения в сей школе» назначались «с производством в унтер-офицеры агрономы, для преподавания наук по всем предметам сельского хозяйства в земледельческие фермы, учрежденные при штабах четырех округов Новороссийского ВП» [20, с. 38–39]. Эти земледельческие фермы были учреждены в 1850 г. «при штабах: первых

четырёх округов в п. Новой Праге и вторых четырёх округов в г. Новомиргороде» [18, с. 167]. На фермах обучалось «ежегодно 16 воспитанников». В 1857 г. на фермах проходили обучение 56 воспитанников, по 28 учащихся в каждой. Процесс подготовки специалистов-аграриев на Новороссийских земледельческих фермах был построен так же, как и в Чугуевской земледельческой школе. Теоретические занятия (зимой и при непогоде в летний и весенне-осенний сезон) проводились по 2 часа в 8 и 9 часов утра, затем полагались ремесленные занятия, «а вечером они занимались повторением уроков, починкой и шитьем новых одежды и обуви, и, кроме того, искусственными по способностям их работами» [13, л. 71 об.]. В теплый сезон воспитанники занимались практическими работами на пашне, в огородах, садах, на шелковичных и табачных плантациях.

В 2 Новороссийских земледельческих школах готовили специалистов табаководов [13, л. 71]. На всех фермах-школах воспитанники занимались уходом за племенными стадами, которые имелись при фермах. В Новороссийском ВП «для практических занятий по полеводству» было «отделено для каждой фермы по 180 десятин земли» [18, с. 167]. Земледельческие фермы имели всю необходимую комплексную инфраструктуру, включая практическую базу, для обучения воспитанников и опытных работ. Главным учебным заведением данного профиля являлась Чугуевская земледельческая ферма-школа в силу ее более раннего формирования и масштабов учебной и практической деятельности.

В конце 1840-х гг. в ВП кавалерии были созданы еще 2 учебных заведения сельскохозяйственного профиля. Это было обусловлено развитием новых отраслей аграрного сектора в округах ВП — шелководства и садоводства — и углублением отраслевой специализации аграрного сектора. По распоряжению инспектора Резервной кавалерии генерала А. П. Никитина в 1849 г. была создана «при седьмом округе Украинского ВП в сл. Ново-Борисоглебске школа шелководства». В шелководческой школе ежегодно обучалось 25 воспитанников, «выбираемых по мере убыли из малоспособных к фронту кантонистов Воронежских кантонистских батальонов». По окончании школы ее воспитанники выпускались «шелководами

во все шелковичные заведения округов ВП» [20, с. 40]. С учреждения школы в нее поступило 85 воспитанников, по окончании курса наук выпущено было в поселения 35 человек (в Украинское ВП — 10, в Новороссийское ВП — 18, в Киевско-Подольское ВП — 7). В 1856 г. в училище обучалось 25 учащихся. И 1849–1856 гг. убыло из училища по неспособности или умерло 25 человек [20, с. 40]. Школа шелководства содержалась на средства «из доходов от шелководства» [12, л. 15].

В 1849 г. также по распоряжению генерала А. П. Никитина при Царичьном саду (парк «Софиевка») в Умани — центре Киевско-Подольского ВП — была учреждена школа садоводства «для приготовления опытных наставников садоводства в округа ВП кавалерии» [17, с. 275–76]. В школе постоянно обучалось 25 воспитанников из числа «малоспособных к фронту кантонистов из Киевских батальонов Военных кантонистов, и, кроме того, дети инвалидов, состоящих в саду для прислуги» [17, с. 276]. В 1856 г. в училище проходили обучение 56 воспитанников из 135 человек, поступивших за 7 лет его развития, 32 воспитанника были выпущены по окончании курса наук в полковые поселенные округа, в том числе 19 из числа кантонистов Киевских батальонов военных кантонистов [17, с. 276]. Садовников для поселенных округов готовили и в Московской команде мастеровых военных поселений. В 1854 г. на службу в городах военных поселений Чугуеве, Елисаветграде, Новомиргороде и Вознесенске были определены 4 садовода из числа выпускников Московской команды мастеровых [11, л. 3–3 об.].

Отчетная и статистическая документация Департамента ВП позволяет определить процесс формирования и развития учебных заведений аграрного профиля и училищ, связанных с развитием животноводства, — коновальских (ветеринарных) школ в округах ВП. В 1840–1850 гг. в округах ВП кавалерии функционировало от 1 до 5 учебных заведений, готовивших агрономов, шелководов, садоводов, и 25 коновальских школ, выпускавших средний ветеринарный персонал для лечения скота военных поселян и общественного стада. Специализированные учебные заведения предоставляли возможность социализации для части детей военных поселян и кантонистов региональных батальонов военных кантонистов. Профес-

сиональное образование в поселенных округах было бесплатным, все учащиеся состояли на казенном коште. Во всех учебных заведениях аграрного профиля осуществлялось комплексное обучение: теоретические и практические занятия, ремесленное производство. Сочетание теории и практики в образовательном процессе было характерно и для коновальских школ. Формирование системы этих учебных заведений осуществлялось по мере развития округов ВП кавалерии и округов пахотных солдат. При этом отмечался переход от практики индивидуального обучения к формированию отдельных профессиональных школ, образцовых ферм, училищ (коновальские ученики при поселенных эскадронах, ученики садоводов), что позволяло расширять и совершенствовать образовательные практики в рамках округов кавалерийских ВП. Получив профессиональное образование, выпускники аграрных учебных заведений могли получить и воинские звания и чины. Дальнейшую службу они проходили в округах ВП и округах пахотных солдат. В своей деятельности данные профессиональные учебные заведения использовали практики столичных школ системы Московского общества сельского хозяйства и Медико-хирургической академии посредством реализации опыта их выпускников, служивших в ВП кавалерии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кандаурова Т. Н. Развитие новых отраслей сельскохозяйственного производства в округах военных поселений кавалерии в XIX в. (по материалам РГВИА) // Документ. Архив. История. Современность: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. , 21–22 октября 2010 г., Екатеринбург. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. — С. 70–78.

2. Кандаурова Т. Н. Школы сельского хозяйства и земледельческие фермы в кавалерийских военных поселениях в России в XIX веке // К профессиональной карьере и жизненному успеху — через инновации: сборник материалов международной конференции, 20–21 апреля 2009 г., Архангельск. В 2 ч. Ч. 2. — М.; Архангельск: Ин-т упр., 2009. — С. 29–37.

3. Кошман Л. В. Профессиональное образование // Очерки русской

культуры XIX века. Т. 3. Культурный потенциал общества. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. — С. 200–251.

4. Положение об учреждении в округах Новороссийского военного поселения заводов мериносовых овец. — СПб.: Типография Департамента ВП, 1842. — 35 с.

5. Проект учреждения о военном поселении регулярной кавалерии. Ч. 1–3. — СПб., 1817–1822.

6. РГВИА. (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 405. Оп. 4. Д. 2231. Л. 1 об., 4 об., 12–14.

7. РГВИА. Ф. 405. Оп. 4. Д. 2292. Л. 6 об. — 7.

8. РГВИА. Ф. 405. Оп. 4. Д. 5575. Л. 1–1 об., 6–7 об.

9. РГВИА. Ф. 405. Оп. 4. Д. 6495. Л. 2–2 об., 11–13 об.

10. РГВИА. Ф. 405. Оп. 4. Д. 6936. Л. 2–2 об., 4 об. — 5, 6, 6 об. — 7, 7 об., 8.

11. РГВИА. Ф. 405. Оп. 4. Д. 8025. Л. 3–3 об.

12. РГВИА. Ф. 405. Оп. 4. Д. 8402. Л. 15.

13. РГВИА. Ф. 405. Оп. 4. Д. 8614. Л. 71, 71 об.

14. РГВИА. Ф. 405. Оп. 4. Д. 8686. Л. 1 об., 3.

15. РГВИА. Ф. 405. Оп. 10. Д. 435. Л. 169–169 об.

16. РГВИА. Ф. 405. Оп. 10. Д. 631. Л. 88 об.

17. Статистическое описание пяти округов Киевского и Подольского военных поселений. 1856 г. // Цубенко В. Л. Документи з історії військових поселень в Україні. — Харків: «Видавництво САГА», 2008. — С. 253–302.

18. Статистичний опис округів 1–8 Новоросійського військового поселення. 1857 г. // Цубенко В. Л. Документи из історії військових поселень в Україні. — Харків: «Видавництво САГА», 2008. — С. 145–199.

19. Статистичний опис 9–12-х округів Новоросійського військового поселення. 1857 г. // Цубенко В. Л. Документи з історії військових поселень в Україні. — Харків: «Видавництво САГА», 2008. — С. 200–246.

20. Статистичний опис округів Українського військового поселення. 1856 г. // Цубенко В. Л. Документи из історії військових поселень в Україні. — Харків: «Видавництво САГА», 2008. — С. 13–62.

21. Ячменихин К. М. Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. — Чернигов: Сіверянська думка, 2006. — 443 с.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ПРЕБЫВАНИИ РУССКОЙ АРМИИ В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ В XIX–XX ВВ.

Мариуш Кулик

Адъюнкт, кандидат исторических наук,
Институт истории Польской академии наук
Варшава, Польша

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о поиске документов о пребывании российских войск в Царстве Польском в XIX–XX вв. в архивах и отделах рукописей музеев и библиотек Польши, России, Литвы и Белоруссии.

Ключевые слова: Россия, Царство Польское, архивы, документы, российские войска.

DOCUMENTATION OF THE ARRIVAL OF THE RUSSIAN ARMY IN THE KINGDOM OF POLAND IN THE XIX–XX CENTURIES

Mariusz Kulik

Associate Professor, Candidate of Historical Sciences, Institute of History
Polish Academy of Sciences
Warsaw, Poland

Abstract. the article deals with the search for documents about the presence of Russian troops in the Kingdom of Poland in the XIX–XX centuries in the archives and manuscript departments of museums and libraries in Poland, Russia, Lithuania and Belarus.

Keywords: Russia, Kingdom of Poland, archives, documents, Russian troops.

В течение почти всего XIX в. Царство Польское находилось в сфере влияния Российской империи. После Венского конгресса (1815) оно ассоциировалось с Россией личным союзом — личностью царя Александра I. В последующие годы после неудачных польских национальных восстаний (ноябрьское восстание 1830–1831 гг. и январское восстание 1863 г.) автономия Царства Польского была упразднена. Его возглавлял наместник, который правил от имени царя. Это был тоже главнокомандующий русскими войсками, размещенными в Царстве

Польском, как это было в случае с И. Ф. Паскевичем. Такая ситуация продолжалась до 1874 г., вплоть до смерти последнего губернатора Царства Польского Ф. Ф. Берга. В последующие годы, вплоть до 1914 г., руководил генерал-губернатор, который тоже был командующим войсками Варшавского военного округа.

В течение 100 лет (1815–1914) войска русской армии дислоцировались в Царстве Польском. Это было постоянное или периодическое присутствие, в зависимости от задач армии. В течение этого богатого событиями столетия можно выделить несколько периодов присутствия русской армии в Царстве Польском, существенно отличающихся друг от друга.

Первый период — 1815–1830 гг. — войска русской Императорской гвардии дислоцировались в Царстве Польском. Это было постоянное присутствие, и гвардейские полки в течение многих лет квартировали в одном и том же месте (в основном в Варшаве). Они были подчинены великому князю Константину Павловичу. Всего насчитывалось около 8500 солдат.

Второй период — 1831–1862 гг. — войска российской армии и местные войска дислоцировались в Царстве Польском. Войска армии — 4 пехотных корпуса, менялась в Царстве Польском методом ротации примерно каждые 4 года. Местные войска постоянно размещались в одних и тех же местах. Они были подчинены маршалу И. Ф. Паскевичу (до 1856 г.), а затем и другим наместникам. В этих войсках было около 100 000 солдат (около 60 000 солдат армии и около 30 000 солдат местных войск) [1].

Третий период — 1862–1914 гг. — районы Царства Польского входили в состав русского Варшавского военного округа. Войска были в основном размещены в одних и тех же гарнизонах. Первоначально они были расквартированы во многих местах, со временем, в результате строительства казарм количество гарнизонов сократилось. Они подчинялись наместнику Ф. Ф. Бергу, а затем командующим Варшавским военным округом. Численность этих войск постепенно увеличилась с 100 000 (в 1862 г.) до 250 000 (с 1899 г.) солдат [2].

Российские войска, дислоцированные в Царстве Польском, представили огромное количество документов различного типа, которые

теперь, однако, были значительно рассеяны. Эти документы находят­ся в архивах Польши, России, Литвы и Белоруссии. Некоторые также попали в библиотеки, где они хранятся в разных отделах, например, в рукописных или специальных коллекциях.

подавляющее большинство произведенных документов было перевезено в Россию, где они хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве в Москве. Они касаются сугубо военных вопросов: оперативных, тактических, снабженческих, кадровых и т. д. Однако в них также можно встретить пробелы, которые трудно заполнить информацией, содержащейся в других документах. Примером может служить остаточное состояние документации или ее отсутствие в случае русских гвардейских полков, дислоцированных в Варшаве в 1815–1830 гг. Можно предположить, что эти документы были потеряны или уничтожены во время восстания 1830–1831 гг. Авторы русских полковых историй XIX в. уже сталкивались с этой проблемой [3].

В Польше документы, касающиеся присутствия русской армии в Царстве Польском в XIX в., хранятся в центральных и региональных архивах [4]. Большинство коллекций документов русской армии находятся в Главном архиве древних актов (Archiwum Głównie Akt Dawnych — AGAD) [5] в Варшаве. Много информации находится в разных фондах [6]. Однако это только остатки когда-то крупных фондов, значительная часть которых была уничтожена во время Второй мировой войны. Документы политического надзора и отслеживания национально-освободительной деятельности в Царстве Польском найдены в фондах [7]: «Канцелярии сенатора Новосельцова», «Тайной полиции великого князя Константина», «Постоянной комиссии по военным расследованиям».

Информация о расходах армии, жилье, укомплектовании и маневрах найдены в фондах: «Правительственная комиссия по доходам и казначейству», «Военная правительственная комиссия», «Министерство финансов Российской империи», «Специальная канцелярия министра по секретным делам», «Главные дежурства действующей армии», «Наместник и главнокомандующий армией в Царстве Польском», «Западный инженерный округ», «Картографическая коллекция — картографический архив».

Эта ситуация относится к периоду 1815–1862 гг., но и в более поздние годы так же недостаточно архивных источников. Эта информация в основном находится в двух фондах: «Варшавский военный округ», «Военные подразделения Варшавского военного округа». Однако большая часть документов не сохранилась или недоступна из-за плохого состояния. Некоторые из сохранившихся документов касаются вопросов обучения, маневров, владения квартирой и персонала. Они также содержат наборы приказов, постановлений и циркуляров для армий Варшавского военного округа.

Отдельную категорию представляют материалы, связанные с подавлением январского восстания 1863 г. Это в основном официальная переписка и списки дел. Эти документы хранятся в фонде Управления военных начальников в Царстве Польском 1861–1867 гг. и других фондах.

В региональных, воеводских (например, Люблин, Кельце) или бывших воеводских архивах (например, Калиш, Ломжа, Радом) документы о пребывании российских войск в Царстве Польском находятся в фондах гражданских губернских правительств [8] и их канцелярии [9] и уездных правлениях [10]. В основном они касаются взаимоотношений между гражданской администрацией и военными властями (штабами или военными управлениями), определяющих тип документов, которые там находятся. Обычно это вопросы размещения и использования казарм, поставки топлива и соломы. Военные маневры, проводимые на территории губернии, и связанные с этим маршруты войск — это отдельная и очень широкая категория документации [11].

Во многих фондах можно найти материалы, касающиеся строительства казарм в разных городах Царства Польского. Они показывают порядок выбора мест для размещения военных казарм, процедуру и процесс строительства и приемки этих объектов комиссиями [12].

Документы, находившиеся в польских архивах, касаются также набора новобранцев в армию и выполнения других повинностей, связанных с функционированием армии. В фондах офисов различного уровня (воеводства, области или губернаторства, повета, муниципалитета) хранятся личные дела чиновников, некоторые из которых ранее служили в российской армии. Однако аналогич-

ная информация, касающаяся северо-восточных областей Царства Польского (Ломжинская губерния) и западных губерний (например, Гродно), хранится в Литовском историческом архиве в Вильнюсе (Lietuvos Valstybes Istorijos Archyvas — LVIA). Некоторые документы дополняют друг друга, предоставляя возможность более широкого взгляда на конкретные явления и события.

Индивидуальные сведения о лицах, служащих в русской армии в Царстве Польском, также можно найти в коллекциях Центрального военного архива в Варшаве (Centralne Archiwum Wojskowe w Warszawie — Rembertowie) [13].

Дополнительными источниками информации, связанной с личным составом российской армии, являются фонды гражданского состояния и фонды приходов в Царстве Польском. Это источник, содержащий много ценной информации, полезной для воссоздания социальной истории и обогащения знаний об отношениях между армией и обществом Царства Польского [14].

Ежегодные официальные информационные публикации имеют неоценимое значение при определении штатного расписания полков и военных учреждений [15]. За период 1815–1830 гг. не было сведений о войсках русской гвардии, дислоцированных в Царстве Польском, но они были в аналогичных русских публикациях, изданных для всей Российской империи [16]. За период 1832–1856 гг. была только информация по военным заведениям, но не было ничего о русских полках, квартирующих в Царстве Польском [17]. Во второй половине XIX в. информация о размещении и укомплектовании русских полков в Царстве Польском была напечатана в памятных книжках губернии и адрес-календарях.

Большое значение имеет Военно-статистическое обозрение Российской империи, которое было опубликовано в Санкт-Петербурге в середине XIX в. Отдельные тома, которых всего было 17, были опубликованы в 1848–1858 гг. Каждый том, состоящий из нескольких частей, описывал разные регионы Империи. Земли Царства Польского были описаны в томе XV. Эта публикация состояла из пяти частей, в каждой из которых обсуждалась одна из провинций Царства Польского: часть 1 — Августовская губерния, часть 2 — Плоцкая

губерния, часть 3 — Варшавская губерния, часть 4 — Люблинская губерния и часть 5 — Радомская губерния [18]. Брестская крепость, связанная с Царством Польским, была описана в части 3 тома IX, который характеризовал Гродненскую губернию [19].

Некоторые из этих исследований были также доступны в виде рукописей и содержали дополнительную информацию, включая иллюстративные материалы — карты, эскизы, схемы и иллюстрации [20]. Из этого беглого обзора содержания польских архивов, которые касаются присутствия русской армии в Царстве Польском в XIX в., видно, что коллекции тематически разнообразны. В основном они касаются вопросов жизнедеятельности армии, проживания, снабжения и подготовки. Большинство материалов касалось выполнения различных повинностей (военной, квартирной), использования казарм, военной подготовки и маршрутов. Документы местных органов власти (губернаторства и уезды) и религиозных объединений (приходов) также имеют большое значение для воссоздания отношений армии с обществом. Они позволяют, вопреки внешнему виду, показать армию и ее влияние на жизнь Царства Польского и общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Kulik M. *Armia rosyjska w Królestwie Polskim w latach 1815–1856*. — Warszawa, 2019.

2. Безугольный А. Ю., Ковалевский Н. Ф., Ковалев В. Е. *История военно-окружной системы в России 1862–1918*. — М., 2012; Kulik M. *Polacy wśród wyższych oficerów armii rosyjskiej Warszawskiego Okręgu Wojskowego (1865–1914)*. — Warszawa, 2008; Kulik M. *Warszawski Okręg Wojskowy Rosyjskiej Cesarskiej Armii (1894–1914) «Przegląd Historyczno-Wojskowy»*. — Nr. 4. — 2008. — S. 5–24.

3. Ростковский Ф. Я. *История лейб-гвардии Финляндского полка. Отдел I. 1806–1831*. — СПб., 1881. — С. 261.

4. AGAD, ф. Kancelaria Senatora Nowosilcowa ф. Policja Tajna Wielkiego Księcia Konstantego, ф. Stała Wojenna Komisja Śledcza.

5. AGAD, ф. Komisja Rządowa Przychodów i Skarbu, ф. Komisja Rządowa Wojny, ф. Ministerstwo Finansów Cesarstwa Rosyjskiego, ф. Kancelaria Specjalna Ministra do Spraw Tajnych, ф. Główne Dyżurstwo

Armii Czynnej, ф. Namiestnik i Głównodowodzący Wojskami w Królestwie Polskim, ф. Zachodni Okręg Inżynierii, ф. Zbiór Kartograficzny — Archiwum Kartograficzne.

6. AGAD, ф. Warszawski Okręg Wojenny; ф. Jednostki wojskowe Warszawskiego Okręgu Wojskowego, ф. Rejony umocnione Warszawskiego Okręgu Wojennego, ф. Zarządy intendentury korpusów i dywizji Warszawskiego Okręgu Wojennego, ф. Zakłady i magazyny podległe Intendenturze Warszawskiego Okręgu Wojennego, ф. Rosyjskie jednostki wojskowe działające na terenie byłego Królestwa Polskiego.

7. AGAD, ф. Zarządy Naczelników Wojennych w Królestwie Polskim 1861–1867 (1884), ф. Materiały różne dotyczące powstania styczniowego z rosyjskich kancelarii cywilnych 1863–1865.

8. Archiwum Państwowe w Lublinie (далее — AP Lublin): ф. Rząd Gubernialny Lubelski, ф. Rząd Gubernialny Siedlecki, ф. Rząd Gubernialny Chełmski; Archiwum Państwowe w Kielcach (далее — AP Kielce): ф. Rząd Gubernialny Radomski; Archiwum Państwowe w Łodzi (далее — AP Łódź): ф. Rząd Gubernialny Kaliski, ф. Rząd Gubernialny Piotrkowski.

9. AP Lublin: ф. Kancelaria Gubernatora Lubelskiego, ф. Kancelaria Gubernatora Siedleckiego; AP Warszawa, ф. Kancelaria Gubernatora Warszawskiego.

10. AP Kielce: ф. Naczelnik Powiatu Kieleckiego, ф. Naczelnik Powiatu Stopnickiego; Archiwum Państwowe w Kaliszu (далее — AP Kalisz): ф. Naczelnik Powiatu Kaliskiego; AP Lublin: ф. Naczelnik Powiatu Łukowskiego; ф. Naczelnik Powiatu Zamojskiego; AP Łódź: ф. Naczelnik Powiatu Łowickiego; Naczelnik Powiatu Piotrkowskiego.

11. AP Lublin, ф. Rząd Gubernialny Lubelski, Wydział Wojskowo-Policyjny II: 1890: 68; ф. Rząd Gubernialny Siedlecki, д. 596.

12. AP Lublin, ф. Rząd Gubernialny Siedlecki, д. 563, 564, 591.

13. Centralne Archiwum Wojskowe w Warszawie, ф. «Kolekcja generałów», akta personalne generałów: Alfonsa Babicha, Antoniego Baranowskiego, Bronisława Bojarskiego Czarnoty, Tadeusza Bylewskiego, Edwarda de Castellaz, Filipa Dubiskiego, Wojciecha Falewicza, Wiktora Gawrońskiego, Kazimierza Grabowskiego, Leona Iwanowskiego, Władysława Jędrzejowskiego, Antoniego Kaczyńskiego, Henryka Kamińskiego, Aleksandra Karnickiego, Edmunda Kesslera, Roberta

Kurelli, Józefa Leśniewskiego, Antoniego Listowskiego, Kajetana Bolesława Olszewskiego, Władysława Pobojewskiego, Władysława Poderniego, Modesta Romiszewskiego, Jana Rządковского, Leonarda Skierskiego, Wacława Suchodolskiego, Antoniego Symona, Józefa Szamoty, Piotra Szymanowskiego, Jana Zarako-Zarakowskiego, Aleksandra Żabczyńskiego.

14. AP Warszawa, ф. Akta stanu cywilnego parafii grecko-rosyjskiej Warszawskiej Katedry, ф. Akta stanu cywilnego parafii ewangelicko-аugsburskiej w Warszawie; AP Kalisz, ф. Parafia grecko-katolicka w Kaliszu; Archiwum Państwowe w Białymstoku oddział w Łomży: ф. Akta stanu cywilnego parafii prawosławnej pod wezwaniem św. Trójcy w Łomży; ф. Akta stanu cywilnego parafii prawosławnej pod wezwaniem Cesarza Konstantyna w Łomży.

15. Zob. «Kalendarzyk polityczny na...»: 1815–1849. — Warszawa, 1815–1849.

16. Zob. Общий штат Российской империи на: 1828–1830, cz. I–II. — СПб., 1828–1830.

17. Kalendarzyk Polityczny na rok: 1834, 1836–1844, 1846–1849, Warszawa 1834, 1836–1844, 1846–1849; Rocznik urzędowy obejmujący spis naczelnych władz Cesarstwa oraz wszystkich władz i urzędników Królestwa Polskiego na: 1850, 1852, 1854, 1858, 1859 rok, Warszawa 1850, 1852, 1854, 1858–1859.

18. Военно-статистическое обозрение Российской империи (далее — ВСОРИ). Т. XV: ч. 1. Августовская губерния. — СПб., 1850; ч. 2. Плоцкая губерния. — СПб., 1849; ч. 3. Варшавская губерния. — СПб., 1850; ч. 4. Люблинская губерния. — СПб., 1851; ч. 5. Радомская губерния. — СПб., 1849.

19. ВСОРИ. Т. IX. Ч. 3 Гродненская губерния. — СПб., 1849.

20. AGAD, Zbiór Kartograficzny, Archiwum Kartograficzne, д. 68, 75, 76, 77, 80, 86.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СЛУЖАЩИХ В ОРГАНАХ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Чернышева Елена Викторовна

Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры зарубежного регионоведения, политологии и восточной философии

Челябинского государственного университета

Челябинск, Российская Федерация

e-mail: scify@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу сведений о составе и численности вольнонаемных земских служащих, собранных Хозяйственным департаментом Министерства внутренних дел Российской империи в 1902 г. и хранящихся в Российском государственном историческом архиве.

Ключевые слова: земские служащие, земство, Хозяйственный департамент МВД.

SOURCES ON THE HISTORY OF ZEMSTVO SELF-GOVERNMENT BODIES EMPLOYEES OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

Chernysheva Elena Viktorovna

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Foreign Regional Studies, Political Science and East Philosophy

Chelyabinsk, Russian Federation

e-mail: scify@rambler.ru

Abstract. This article is dedicated to the analysis of information on the civilian zemstvo employees composition and number collected in 1902 by the Economic Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire and stored in the Russian State Historical Archive.

Keywords: zemstvo employees, zemstvo, Economic Department of the Ministry of Internal Affairs.

Экономические и социальные изменения, происходившие в Российской империи со второй половины XIX в., развитие обслуживания социальной сферы, образования, здравоохранения и транспорта

сопровождались расширением общественного управления ими. Эволюция проявилась в росте численности группы интеллектуальных профессий в широком смысле этого слова, т. е. сообщества лиц, не находившихся на службе государства. К ним относились служащие всех специальностей, которые работали в земствах. Численность служащих, уровень квалификации, формы организации и направление работы, размер оплаты труда каждое земство устанавливало самостоятельно.

Невыборный земский персонал скоро составил крупную социальную группу. Если в 1880 г. его совокупная численность, по неофициальным данным, оценивалась в 52 тысяч человек, то к 1912 г. она выросла до 85 тысяч, что не только многократно превысило количество выборных земских гласных, но с учетом служащих городских дум превзошло штат царской администрации Российской империи [1]. Рост численности земских служащих, помимо расширения их функций на профессиональном поприще, сопровождался усилением их роли в ведении общественных дел на местах. Работа в земстве у части специалистов сочеталась с другими видами политической и социальной активности и выходила за локальные рамки уездов и губерний, где они служили, на общероссийский уровень. Всплеск такой активности в начале XX в. обусловил внимание царской администрации и охранителей к социальному облику земских служащих и установлению причин их влияния.

Официальные сведения о составе и численности земских служащих относятся к 1902 г. В фондах РГИА отложилось «Общее дело о вольнонаемных земских служащих» (РГИА, ф. 1287, оп. 27, д. 651). Министерство внутренних дел, возглавляемое на тот момент В. К. Плеве, распоряжением на имя губернаторов от 10 июля 1902 г. за № 31/7040 затребовало собрать сведения о вольнонаемных служащих в земских учреждениях, приглашенных как к постоянным, так и к временным занятиям по единой форме. В перечень сведений входили отметки о фамилии, имени и отчестве служащего, его возрасте, социальном происхождении, образовании, занимаемой должности, размере жалования, стаже работы в земстве, совместительстве, порядке определения на службу [2]. При этом МВД не интересовали

данные об учительском персонале земских школ. На наш взгляд, это было связано с тем, что учителя числились за Министерством народного просвещения, которое проводило собственный мониторинг персонала. Так, еще в 1898 г. МНП начало выпуск «Статистических сведений по начальному образованию в Российской империи». Данный сборник представлял собой первую попытку собрать данные, относящиеся не только к начальным училищам всех ведомств и всякого рода категорий, но и к прочим образовательным учреждениям для народа [3].

Пришедшие с мест в МВД сведения дают великолепный материал для характеристики состава и численности земских служащих к началу XX в. Всего в 34 земских губерниях России было учтено 30 217 человек. Здесь стоит заметить, что сведения по Костромской губернии не были предоставлены в установленный срок, из-за чего в сводную ведомость первоначально включены не были. Общая численность служащих значилась в 29 406 человек. Однако после повторного запроса на имя костромского губернатора в ведомости появилась запись карандашом — 30 217 человек [4].

Больше всего служащих оказалось в Курской губернии — 1647 человек, дальше шли Пермская (1478), Харьковская (1474) и Вятская (1321) губернии. Меньше всего служащих было в Олонецкой (430), Калужской (479), Тульской (500) и Смоленской (503) губерниях. Однако в итоговые данные Хозяйственного департамента цифра в 30 217 человек не вошла. Вместо нее общее число земских служащих было исчислено в 26 546 человек. Вскрывшаяся разница объяснялась тем, что 65 уездных земств, вопреки предписанию, все-таки включили в списки своих служащих информацию об учителях земских школ, которая потом и не была учтена при анализе [5].

Согласно выводам Хозяйственного департамента из 26 546 человек — 18 825 человек (70,9 %) составлял персонал уездных земств и 7721 (29,1 %) — губернских. Женщин на службе в уездных земствах было 3623 человека (19,2 %), в губернских — 1621 человек (21,0 %), а всего — 5244 человека (19,8 %). Что касается распределения этих лиц по образованию, то из 26 546 человек — 4270 (16,1 %) имели высшее образование; 3171 человек (11,9 %) — среднее. Остальные 19 105 человек (72 %) были

с низшим, домашним образованием или совсем без него. Указанное соотношение значительно изменялось среди служащих губернских и уездных земств в отдельности. Так, в губернских земствах служащих с высшим образованием было 19,3 %, со средним — 25,3 %, с низшим, домашним и без образования — 55,4 %. В уездных земствах первая категория лиц составляла 14,7 %, вторая — 6,5 % и третья — 78,8 % [6].

В профессиональном отношении наибольшее число наемных работников служило по медицинской части и общественному призрению, а именно 14130 (53,2 %), из которых в уездных земствах было 12068 человек (85,4 %) и в губернских земствах — 2062 (14,6 %). Следующее место занимали служащие по канцелярии управы и бухгалтерии — 5073 человека (19,1 %), далее: личный состав ветеринарной части 1711 человек (6,4 %); лица, занимающиеся оценочными и статистическими работами — 1446 (5,5 %); служащие по страховому делу — 1066 (4 %); по дорожному делу — 1001 человек (3,8 %); по сельскохозяйственной и экономической части — 940 (3,5 %); по народному образованию — 285 человек (1,1 %).

Содержание всех категорий служащих, за исключением учителей, обходилось земству в 15 370 193 рубля. Из этой суммы чуть больше половины (7 714 688 рублей) расходовалось на медицинскую часть. Дорого стоило земству содержание канцелярий и бухгалтерий управ — 2 589 360 рублей. На ветеринарную часть тратилось 1 124 136 рублей; на дорожное дело — 1 031 783 рубля; на оценочные работы и статистику — 945 887 рублей; на страховое дело — 865 741 рубль; на сельскохозяйственную часть — 631 312 рублей [7].

К сожалению, совокупных выводов относительно возраста, социального происхождения и срока службы в земстве по всем земским специалистам сделано не было. Такой анализ был проведен только в отношении лиц, служащих в губернских земских управах по статистике (всего 1157 человек) [8].

Хотя рассмотрение состава и численности учителей земских школ, как мы говорили, не входило в круг задач Хозяйственного департамента МВД, в «Общем деле о земских вольнонаемных служащих» для сравнения приведены сведения из «Обзора о деятельности земств по народному образованию за 1898 год». Согласно им на службе

земств в это время состояли 23 421 учитель, учительница, их помощник и помощница. Из этого можно заключить, что общее количество вольнонаемных земских служащих, включая учителей и всех прочих специалистов, в 1902 г. по официальным данным составляло около 50 тысяч человек. Таким образом, официальная статистика в отношении численности земских служащих несколько расходилась с аналогичными данными, представленными в либерально-демократической историографии той поры. Представители последней стремились завысить численность служащих земств, придав тем самым им больший вес и общественно-политическую значимость [9].

Благодаря осуществленной Хозяйственным департаментом подробной классификации профессий, впервые было получено представление обо всей номенклатуре должностей и специальностей лиц, служивших в земских учреждениях. Так, в канцелярии управ и бухгалтерии трудились: секретари, делопроизводители, столоначальники, бухгалтеры и их помощники, писцы, архивариусы, казначеи, кассиры. Занимались оценочными и статистическими работами: статистики, счетчики, почвоведы, техники. По страховому делу числились: страховые агенты, делопроизводители по страховым сборам, заведующие складами, противопожарные инструкторы, техники по распланированию селений. В дорожном деле были заняты: инженеры, десятники, техники, чертежники. По народному образованию служили: библиотекари, персонал учебных музеев и складов учебных пособий (учителя и учительницы, их помощники и помощницы, законоучители земских школ не были включены). В медицинской части и общественном призрении были задействованы: врачи, фельдшеры, акушерки, повивальные бабки, оспопрививатели, аптечный персонал, надзиратели и смотрители по хозяйственной части, специальные бухгалтеры и канцеляристы при больницах, а также персонал специальных учебных заведений (фельдшерские и т. п. школы). По ветеринарной части служили: ветеринарные врачи и фельдшеры. По сельскохозяйственной и экономической части работали агрономы и их помощники, специалисты по ремеслам, заведующие кустарными музеями, сельскохозяйственными складами, выставками, а также персонал специальных сельскохозяйственных и ремесленных мастер-

ских и учебных заведений. Наконец, на службе земств состояли почтари, заведующие почтой, смотрители арестантских помещений и землемеры [10].

В высшей степени важные сведения, собранные и обработанные в МВД, не были введены в научный оборот в дореволюционное время. Согласно сопроводительному листу использования документов в архиве к «Общему делу о вольнонаемных земских служащих» историки впервые обратились только в 1976 г. Мы не склонны думать, что причиной была позиция самого министерства, которое не желало разглашать «секретные данные». В «Общем деле о вольнонаемных земских служащих» есть бумага, содержащая просьбу Тверской губернской земской управы направить ей копию сводной ведомости по всем земским служащим с тем, чтобы эти данные можно было использовать при планировании общеземской эмеритальной кассы. В ответ директор Хозяйственного департамента предложил Тверской губернской управе прислать доверенное лицо, чтобы ознакомиться с бумагами на месте. Можно предположить, что информация, раскрывающая реальный образовательный уровень земских служащих, высокие оклады у определенного их круга, непроизводительные траты земств на содержание своих канцелярий (так называемый земский бюрократизм, о чем писали представители консервативной публицистики той поры [11]), едва ли была интересна главным разработчикам темы земской интеллигенции — представителям либеральной и демократической историографии. К началу XX в. уже сформировался специфичный интеллигентский дискурс, отражавший идеологию данной общественной группы, ее мнения, исследовательские установки, видение предмета. Отношение к земским служащим (земской интеллигенции) носило эмоционально-позитивный характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х т. Т. II. — СПб.: Изд-во «Дмит. Буланин», 2000. — С. 202; Г. А. Герасименко дает численность земских служащих к 1914 г. в 150 тысяч человек. См.: Герасимен-

- ко Г. А. Земское самоуправление в России. — М.: Наука, 1990. — С. 51.
2. РГИА. Ф. 1287. Оп. 27. Д. 651. Общее дело о вольнонаемных земских служащих. — Л. 2, 5.
3. Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи / Министерство народного просвещения. Вып. 1-3. — СПб.: Изд-во Деп. нар. просвещения. — 1898, 1900, 1902.
4. РГИА. Ф. 1287. Оп. 27. Д. 651. Л. 9.
5. РГИА. Ф. 1287. Оп. 27. Д. 651. Л. 13.
6. РГИА. Ф. 1287. Оп. 27. Д. 651. Л. 12.
7. РГИА. Ф. 1287. Оп. 27. Д. 651. Л. 14.
8. РГИА. Ф. 1287. Оп. 27. Д. 651. Л. 43-44.
9. Трутовский В. Е. Современное земство. — Пг.: П. И. Певин, 1914. — С. 47.
10. РГИА. Ф. 1287. Оп. 27. Д. 651. Л. 10-11.
11. Земская бюрократия // Московские ведомости. — 1897. — № 287.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛЬСКОЙ ДЕЛЕГАТУРЫ В ГОДЫ ВОЙНЫ В РАСКРЕЩЕННЫХ ДОКУМЕНТАХ АЛМА-АТЫ И СЕМИПАЛАТИНСКА

Губайдуллина М. Ш., Исова Л. Т.

Казахский национальный университет имени аль-Фараби

Алматы, Республика Казахстан

e-mail: gubaidullinamara1@gmail.com

e-mail: tanirbergenlaura@gmail.com

Аннотация. Раскреденные и не введенные в научный оборот документы из ранее недоступных фондов казахстанских архивов (Алматы, Алматинской области, Семей) позволяют приоткрыть новые страницы разносторонней деятельности представительств посольства Польши — делегатур в Алма-Ате и Семипалатинске [1]. Документы из казахстанских архивов свидетельствуют о девяти делегатурах, созданных в годы войны на территории Казахстана. Их миссия заключалась в содействии в деле формирования польской армии (армии Андерса) и поддержки гражданских лиц из числа польских граждан.

Ключевые слова: архивные дела, дипломатия, делегатура (представительство Польского посольства), армия Андерса, депортированные и перемещенные поляки.

ACTIVITIES OF THE POLISH DELEGATION DURING THE WAR IN DECLASSIFIED DOCUMENTS OF ALMA-ATA AND SEMIPALATINSK

Gubaidullina M. Sh., Isova L. T.

Al-Farabi Kazakh National University

Almaty, Republic of Kazakhstan

e-mail: gubaidullinamara1@gmail.com

e-mail: tanirbergenlaura@gmail.com

Abstract. Declassified and not put into scientific circulation documents from previously inaccessible funds of the Kazakh archives (Almaty, Almaty region, Semey city) allow us to open new pages of the versatile activities of the representative offices of the Polish Embassy — Delegations in Alma-Ata and Semipalatinsk. Documents from the Kazakhstan's archives testify to

nine delegates created during the war in Kazakhstan. Their mission was to assist in the formation of the Polish Army (Anders Army) and to support civilians from among Polish citizens.

Keywords: archival affairs, diplomacy, Delegation of the Polish Embassy, Anders Army, deported and displaced Poles.

Актуальность темы во многом обусловлена малоизученностью вопроса о деятельности польской дипломатии в Казахстане в годы Второй мировой войны. Практически не исследована тема о международной роли Казахстана в контексте польского вопроса, требуется продолжение изучения особой миссии польских дипломатических и военных представительств (делегатур) в связи с открывающимися новыми архивными фондами, ранее недоступными для историков. В течение десятилетий многие документы хранились в особых папках с пометкой «совершенно секретно» и «ОЦ» (особо ценные). Большая часть из них еще не была предметом специального изучения.

Недавно найденные в казахстанских архивах документы позволяют приступить к обобщающему анализу уникальной в истории дипломатии ситуации, когда в условиях военного времени эмигрантское правительство Польши открыло свое посольство в воюющей стране и поддерживало его всестороннюю деятельность. Только архивы Алматы и Семипалатинска [2], где проводились наши изыскания, свидетельствуют о существовании огромного запаса редких документов и неизученных дел, ожидающих тщательного изучения, новых оценок, сулящих новые открытия. Важно выявить личное участие как дипломатов, так и многих значимых лиц того периода, задействованных в польском вопросе.

Следует отметить, что ряд документов, касающихся допросов, личных дел, недоступны для научных кругов и сегодня. Тем не менее недавно найденные архивные дела придают импульс для продолжения исследований сложного и противоречивого военного времени, в том числе изучения роли польской дипломатической миссии в Казахстане (Советском Союзе, включая Среднюю Азию и Восточную Сибирь) и более того, вовлечения Казахстана в международные события Второй мировой войны.

Советско-польские отношения в первой половине XX в. являлись неотъемлемой частью глубоких противоречий в международной политике. В начале войны польский вопрос вновь встал на повестке дня переговоров союзников по антигитлеровской коалиции. Их позиции отличала разность подходов, приводивших к разногласиям между СССР, Великобританией и США.

Решение польского вопроса в 1941–1943 гг. связывалось с территориальными перемещениями поляков по Средней Азии и Восточной Сибири. Казахстан же, находившийся на периферии Второй мировой войны, далеко от театра военных действий, вдали от места международных переговоров, своеобразным образом был втянут в международные события войны. Именно на территории КазССР решался польский вопрос. Поскольку здесь была сконцентрирована большая часть поляков — более 400 тысяч человек, здесь формировалась отдельная польская армия.

В соответствии с Соглашением между правительствами СССР и Польской Республики (правительство в изгнании) от 30 июля 1941 г., более известным под названием «соглашение Майского — Сикорского», были восстановлены дипломатические отношения и принято решение о создании польской армии на территории СССР. «Правительство СССР выразило согласие на создание на территории СССР польской армии» [3]. Создание в кратчайший срок польской армии как «части вооруженных сил суверенной Польской Республики», и ее участие в войне являлось основной задачей Военного соглашения от 14 августа 1941 г.

Соглашение имело далеко идущие результаты: очень скоро в Москве к своей деятельности приступило Посольство Польши (амбасада), позже оно было эвакуировано в Куйбышев. Началось сравнительно недолгое, но активное взаимодействие Польши и Советского Союза. Польская военная миссия была размещена в Средней Азии и в Казахстане. А советская военная миссия была создана при верховном главнокомандующем Польши в Лондоне. Наряду с военными миссиями были организованы польские делегатуры (представительства Посольства Польши) на Урале, в Западной Сибири и в Средней Азии. Доказано, что только в Казахстане было

создано девять представительств (делегатур) посольства Польши. Их сотрудники помогли освобождению тех польских военных и гражданских лиц из ссылок и мест заключения, которые подлежали призыву в формирующуюся польскую армию. Она получила название «армия Андерса» по имени ее командующего, известного польского генерала В. Андерса [4].

Приоткрывается еще одна страничка в истории сложного и неоднозначного решения польского вопроса, который существенно влиял на международный и политический климат в отношениях между союзниками. Этот период может быть понят и переосмыслен путем привлечения ранее не публиковавшихся документов, что, в свою очередь, существенно обогатит историческую картину военно-политической тематики в Казахстане, включая «польский вопрос в международных отношениях».

Деятельность представительств польского посольства на территории Казахстана пришлось на наиболее трудный начальный период войны (1941–1943). Решение правительств СССР, Великобритании и США о перемещении польских дивизий в Среднюю Азию и Казахстан для создания польской армии совпало по времени с пиком эвакуации населения из западных частей СССР на юг. По завершении формирования армии Андерса и ее ухода из СССР все документы были надолго скрыты в особых папках, недоступных для исследователей. Однако документы, касавшиеся проблемы депортации в Казахстан и опубликованные в 1990-е гг., являются для нашего исследования косвенным источником информации о происходивших в предвоенные и военные годы событиях на территории Казахстана. Из них становится понятно, почему практически в каждой области Казахстана появляется много депортированных, среди них особенно много поляков. Согласно советским источникам, количество поляков, оказавшихся тогда в Казахстане, составляло 61 032 человека (в документах НКВД они числились административно высланными) [5].

Более всего польских делегатов работало в Казахстане, где, по нашим недавно подтвержденным данным, функционировало девять делегатур и их отделений. Архивные материалы позволяют

составить общую картину о представительствах польского посольства на территории Казахстана. Всего действовало девять делегатур. Они располагались в городах: Алма-Ата (Алматы), Акмолинск (Астана), Актюбинск (Актобе), Чимкент (Шымкент), Джамбул (Тараз), Кустанай (Костанай), Павлодар, Петропавловск (Петропавл), Семипалатинск (Семей).

Польские делегаты — это дипломаты, военные и сотрудники делегатур. Они были направлены сюда для вызволения польских граждан и военных (солдат и офицеров) из заключения и ссылки в Сибири, попавших туда в 1939 г. Из их числа по соглашению планировалось создать польскую армию под руководством генерала Андерса и направить ее на Восточный фронт для совместного освобождения Польши от гитлеровской оккупации.

В Положении о круге компетенции представителей посольства Польской Республики, принятом 25 декабря 1941 г. в Куйбышеве, указано, что представители посольства Польской Республики являются органами посольства для выполнения в тесном сотрудничестве с советскими властями задач в отношении польских граждан в республиках и областях, где наблюдается значительное скопление польских граждан. Соответственно, был утвержден следующий круг обязанностей представителей посольства:

1) информирование посольства о нуждах польских граждан и их положении;

2) информирование польских граждан и воздействие на них в духе польско-советского соглашения от 30 июля 1941 г.;

3) регистрация польских граждан в данном округе, а также учет их передвижения с принятием во внимание их годности к военной службе, труду, а также их профессии; поиск потерянных членов семей и близких;

4) содействие местным советским органам в деле направления польских граждан на соответствующую работу;

6) организация культурной помощи для взрослых и помощи в просвещении для молодежи [6].

Деятельность дипломатов и сотрудников делегатур заключалась, «главным образом в том, чтобы помочь нашим (польским. – прим. М. Г.)

согражданам добраться в армию, оказывать гуманитарную помощь и т. д.» [7]. Это были те «польские граждане, которые содержались в заключении на советской территории в качестве или военнопленных или на других достаточных основаниях со времени восстановления дипломатических сношений» и которым предоставили амнистию в соответствии с протоколом к советско-польскому соглашению Майского — Сикорского и указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. об амнистии «всех польских граждан» [8].

Казахстанские архивы хранят документы о сотрудничестве делегатур с советскими органами по освобождению репрессированных польских граждан. «Освобожденные польские граждане регистрируются в польском посольстве СССР (лично и письменно), и после получения польских паспортов обязаны получить в органах милиции в установленном порядке виды на жительство для иностранцев». Для этого Народный комиссариат иностранных дел (НКВД) договорился «с польским правительством о порядке оказания за счет польского правительства материальной помощи нуждающимся освобожденным польским гражданам и их семьям» [9].

Председатель Алма-Атинского облисполкома С. Шарипов в информационном письме, направленном председателю СНК КазССР Н. Д. Ундасынову 31 декабря 1941 г., писал о работе с польскими гражданами: «1. Взято на учет по 10 районам 383 польских гражданина, которые размещены в следующих районах: Илийском, Эмбешском-Казахском, Саркандском, Андреевском, Капальском, Октябрьском, Алма-Атинском сельском. В Джаркентском, Алакульском и Балхашском районах польских граждан нет. 2. Доведено до сведения польских граждан о прекращении самовольного, бесцельного передвижения без санкции польского представителя и советских организаций. 3. Трудоспособные польские граждане этих районов работой обеспечены, также обеспечены жилплощадью. В нашей области имеется польский представитель, который, по сообщению Илийского райсовета, находится в Илийском районе и проводит работу по уточнению количества польских граждан» [10]. В конце документа, подписанного руководителем делегатуры К. И. Венцеком, дано любопытное примечание о том, что «в районах 1, 2, 3, 5 и 6 реги-

страция польских граждан закончена. В остальных районах регистрация продолжается. Среди нетрудоспособных находятся старики, инвалиды и дети» [11]. Польское представительство вело статистику численности польских граждан, проживающих на территории Казахстана. К примеру, в реестре польских граждан, проживающих в Алма-Атинской области, выявлена следующая численность поляков по районам с указанием числа трудоспособных:

№ п/п	Район	Человек	[Из них] трудоспособных
1	Илийский	700	450
2	Алма-Атинский	300	190
3	Каскеленский	150	120
4	Джамбулский	150	110
5	Энбекши-Казахский	60	50
6	Караталский	400	280
7	Талды-Курганской	150	120
8	Бурлы-Тобинский	50	30
9	Аксууский	50	30
10	Кугалинский	50	28
11	Чиликский	150	102
Итого:		2210	1510

(Таблица составлена по данным польской делегатуры, размещавшейся в Алма-Ате)

О дальнейшей работе польских представителей на местах свидетельствует ходатайство на имя первого секретаря Илийского райкома партии Юртаева от 3 февраля 1942 г. представителя Польского посольства К. И. Венцека о выделении помощи инвалидам: «В Илийском районе живет свыше 100 польских граждан, совершенно неспособных к труду, по большей части не могущих работать инвалидов. Для тех последних, которым невозможно найти места в инвалидных домах, я предлагаю устроить на наш счет убежища, где они могли найти кров и содержание. В связи с этим горячо Вас прошу не отка-

зять отвести в наше распоряжение помещения в Талгаре или ближайших его окрестностях на 30–40 человек, а равно обеспечить им возможность покупать по государственным ценам продовольственные продукты, необходимые для существования» [12].

Имеются сведения о первых шагах дипломатов и сферах их действий: «28 октября (1941 г. — М. Г.) приехали в Алма-Ату из Ташкента уполномоченный польского посольства Венцек со своим помощником Сапегой. Венцек информировал о том, что прибыл в Алма-Ату как делегат (в документе — «уполномоченный») польского посольства для юридического оформления документов польских граждан, оказания им помощи и отбора их в армию». В его функции входил «контроль над деятельностью тех польских представителей, которые уже работали в Казахской Республике. Все вопросы, связанные с пребыванием польских граждан в Казахской Республике, будут проходить через него, он же будет и разрешать их в организационном порядке через ту или иную правительственную организацию Республики. Иными словами, он должен быть на правах дипломатического агента (уполномоченного, делегата — сути не меняет) польского посольства».

Данное письмо направлено секретарю ЦК КП(б) Казахстана Н. А. Скворцову с указанием «1. Подтвердить полномочия, данные Венцеку польским посольством. 2. Указать характер и размер этих полномочий. 3. Определить линию поведения в деловых сношениях с уполномоченным представителем польского посольства. 4. Через какое ведомство уполномоченный польского посольства должен разрешать все вопросы, связанные с пребыванием граждан в Казахской республике (НКВД, НКО, Управление Наркоминдела)» [13].

В шифротелеграмме Наркомата иностранных дел СССР от уполномоченного НКИД при правительстве КазССР Г. М. Смирнова, направленной 28 января 1942 г. председателю Совнаркома КазССР, председателю облисполкома говорится о том, что советское правительство дало согласие польскому посольству на организацию временного представительства посольства в Алма-Ате. Руководителем польской делегатуры был назначен К. Венцек [14], а в списке

сотрудников указаны участки их работы: Я. Ю. Вольский — заведующий общим отделом, С. А. Барткевич — заведующий паспортным отделом, В. В. Турек — секретарь, З. Л. Ягодзинская — помощник секретаря, А. В. Домбровский — заведующий отделом доверенных, Я. З. Пилят — заведующий отделом просвещения и культуры, А. Киляян — помощница заведующего отделом просвещения и культуры, Э. Я. Сапега — заведующий отделом учета и розыска родных, К. Я. Лисевич — бухгалтер, Ф. А. Меллер — интендат, кассир и заведующий складом и Я. М. Полляк — врач [15].

Итак, польские делегаты наряду с дипломатическими обязанностями выполняли также задачи военно-политического характера, действовали в социальной, гуманитарной сферах, решали консульские, организационные и иные хозяйственные вопросы в сотрудничестве с советскими органами местной власти. Так, предметом международных разногласий был вопрос о выдаче паспортов и, соответственно, о признании польского гражданства.

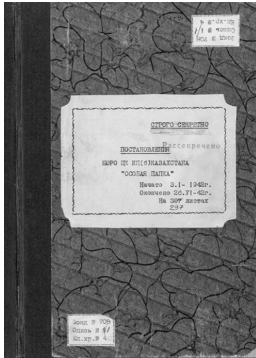
Вопрос о польском военном контингенте в деятельности делегатур по формированию польской армии требует дальнейшего исследования. В рассекреченной особой папке «Постановления бюро Центрального Комитета КП(б) Казахстана» из фонда № 708 Архива Президента Республики Казахстан в Алматы, хранящейся под грифом «строго секретно», совсем недавно нами найден массив новых документов, указывающий на наличие сравнительно большого количества редких документов. Так, в деле, начатом 3 января 1942 г. и оконченном 26 июня 1942 г., среди 297 листов имеется официальный документ, подтверждающий факт размещения польских воинских соединений на территории Казахстана. В частности, в нем говорится о том, что «в соответствии с решением Государственного комитета обороны от 25 декабря 1941 г.» Совет народных комиссаров и Центральный комитет КП(б) Казахстана постановили разместить польские воинские соединения: на станции Отар Туркестанско-Сибирской железнодорожной дороги — в помещении школы № 29, в интернате для учащихся, в складе-пакгаузе малой скорости; на станции Луговая Туркестанско-Сибирской железнодорожной дороги — в областной колхозной школе, в общежитии

колхозной школы; в железнодорожной школе № 33, в интернате железнодорожной школы, на базе райпотребсоюза, в магазине райпотребсоюза [16].

В архивных источниках Центра документации новейшей истории ВКО летом 2018 г. нами впервые обнаружены ранее не вводившиеся в научный оборот важные документы. Они помечены оригинальной печатью делегатуры польской армии в СССР, действовавшей на территории Семипалатинской области. Соответствующие документы находятся в папке с надписью «Рассекречены» и собраны в деле под названием «О призыве в польскую армию, эстонскую, латвийскую и латышскую армию» Семипалатинского областного военного комиссариата за 1942 г. [17].

Документы подписывал делегат штаба польской армии В. В. Регини. Причем обложка ошибочно указывает на одну и ту же национальную принадлежность — «латвийская» и «латышская» армии. Остается догадываться, почему такая надпись появилась: то ли по некомпетентности, то ли второпях или по иной причине. Здесь находятся довольно длинные поименные списки польских граждан, призванных в польскую армию, с указанием места призыва, адресами, описанием некоторых деталей, позволяющих идентифицировать практически любого поляка, оказавшегося в пределах действия польской делегатуры в Семипалатинске.

Кроме того, нами впервые обнаружена документальная переписка делегатуры Семипалатинской области с официальными органами о гражданах, добровольно желающих вступить в польскую армию. Имеются данные также о балтийских народах. Предполагалось, что наряду с польской армией будут сформированы отдельно эстонская, латвийская и литовская армии. Как отмечалось, наиболее важные документы подтверждены печатью польского посольства в СССР. Более того, по архивным данным нами определено месторасположение здания польской делегатуры в Семипалатинске по адресу: ул. Горького, д. 26 (ныне ул. Момышулы, д. 26, г. Семей) [18]. В данной статье впервые представлены к опубликованию найденные недавно архивные документы.

(7. 7. 1941 г.)

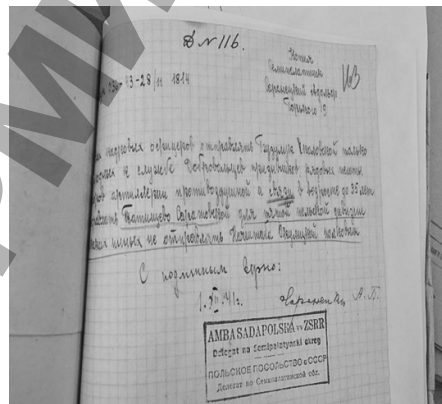
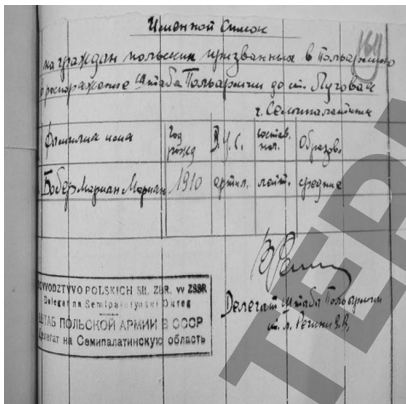
В соответствии с решением Государственного Комитета обороны от 25го декабря 1941 г. о размещении польских воинских соединений на территории Казахской ССР, —

Совет Народных Комиссаров и Центральный Комитет КП(б) Казахстана постановляет:

1. Размещение польских воинских соединений производится:

- а) на станции Отар, Туркестано-Сибирской железной дороги в полевом школи №29, в интернате для учащихся, складе-пакгаузе малой скорости;
- б) на ст. Луговая, Туркестано-Сибирской железной дороги в областной колхозной школе, в оперативной колхозной школе, в железнодорожной школе №33, в интернате железнодорожной школы, на базе райпотребсоюза, магазине райпотребсоюза.

Решение Государственного комитета обороны от 25 декабря 1941 г. о размещении польских воинских соединений на территории Казахской ССР. Рассекреченная особая папка — постановления бюро ЦК КП(б) Казахстана

Факсимильные оригиналы документов Польской делегатуры в Семипалатинске

Советские органы не допускали публичного признания деятельности иностранного представительства в глубине Советского Союза. Следует строгое предупреждение — циркулярное письмо НКВД СССР от 25 апреля 1942 г., направленное председателю Алма-Атинского обласполкома за подписью заместителя НКВД А. Вышинского о «превышении полномочий польскими представителями». «Некоторые представительства пытаются незаконно расширять круг своих полномочий, беря на себя фактически функ-

ции посольства или консульства... Выставления польских гербов или вывешивания национальных флагов допускать не следует. Многие представительства выдают советским гражданам, уроженцам территории Западной Украины и Западной Белоруссии, взамен советских паспортов польские паспорта и различные справки о польском гражданстве, вплоть до справок об освобождении этих лиц от призыва в Красную Армию. Эта незаконная практика должна быть решительным образом ликвидирована. Во всех подобных случаях нарушения представителями или доверенными лицами посольства... немедленно принимайте меры к их пресечению, ставя одновременно об этом в известность НКВД» [19].

Вместе с тем дипломатическая деятельность представительств польского посольства в КазССР заключалась в координации попечительских мероприятий над польскими гражданами, проживающими в Казахстане. В КазССР работало свыше 200 различных попечительских организаций. Польским гражданам оказывалась медицинская помощь, действовали 21 амбулатория и 35 медпунктов, в которых работало свыше 100 человек медицинского персонала. «Отделом народного образования дано указание о выдаче книг польским гражданам на общих основаниях» [20].

Итак, основное направление в деятельности польских представительств было сконцентрировано на военно-политической сфере — формировании армии Андерса и поддержке польских граждан в социальной и гуманитарной сфере. Сотрудники делегатуры занимались контролем за деятельностью хозяйственных организаций в отношении своих подопечных, защитой интересов бывших польских граждан и оказанием им материальной и социальной помощи [21]. Польских дипломатов и сотрудников делегатур вскоре после ухода армии Андерса ожидала трагическая участь. В конце 1943 г. делегатуры были расформированы, их сотрудники арестованы, некоторые расстреляны как иностранные шпионы, их семьи оставались на поселениях и после войны были реэвакуированы в Польшу. Об этом рассказывал один из «сыбيراков» — Я. З. Куцински, сын польского дипломата З. М. Куцинского, возглавлявшего Семипалатинскую делегатуру в 1941–1943 гг. [22]. Возможно, доступ в архивы

бывшего НКВД позволит выявить искомые данные и привести к более полному исследованию.

Документы Семипалатинских фондов с пометкой «ОЦ» тематически можно структурировать следующим образом: списки детей-сирот, организация детского дома, опросные листы, отчеты Семипалатинской конторы Уполномоченного Наркомата торговли СССР по снабжению эвакуированных поляков, финансовая поддержка Польского детского дома (фонд № 640) [23]. Наряду с этим в хранилищах ЦДНИ ВКО находится немало документов, раскрывающих повседневную жизнь польских граждан в Семипалатинске и области.

Архивные документы, найденные недавно, вызывают неподдельный интерес. Дополнительный критический анализ требуется для исследования «Списка иностранно-подданных, проживающих и прибывших в Алма-Атинский табачный совхоз из Павлодарской области и Краснодарского края»; «Списка эвакуированных евреев, немцев, русских и украинцев из Станислава, Варшавы, Львова, Вильнюса, Симферополя», «Списка личного состава сотрудников Аксуского райсовета и его отделов (есть эвакуированные еврейской и немецкой национальности)». Кроме этого, имеются списки эвакуированных евреев в Алматинскую область, прибывших из Бессарабии, Украины, Литвы, Латвии.

Сложен вопрос выявления национальности и гражданства. На польское гражданство указывают польские имена, фамилии, места проживания (выбытия). Следующие записи стали определяющими: «гражданин Польши», «уроженец Польши», «приехал из польского города», «родился в польском городе», «родственники в Польше» и названия населенных пунктов — Пинчув Келецкой области, Львов, Лодзь, Надворная, Люблин, Варшава и др. [24]. В рамках данного исследования вне доступа остаются пока фонды ЦГА РК, архива МВД и Комитета национальной безопасности, в которых, предположительно, могут быть документы допросов отдельных сотрудников и дипломатов польской делегатуры. Исследование польского вопроса на территории Казахстана и в целом европейских народов (диаспор) охватывает не только историю появления представителей разных этносов в Казахстане, но также международные, правовые, гумани-

тарные и другие аспекты диаспорального фактора во взаимоотношениях с разными странами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сегодня эти города носят названия соответственно — Алматы и Семей. В тексте мы придерживались написания оригинальных имен собственных и географических названий, как они указаны в архивном документе и как было принято их написание в исследуемый период. В ряде случаев оставлена орфография первоначального источника, например, «Краковск», «Алма-Ата» и т. д.

2. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК); Архив Президента Республики Казахстан (АП РК); Государственный архив Алматинской области (ГААО); Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области / ЦДНИ ВКО (бывший Семипалатинский областной архив).

3. Соглашение от 30 июля 1941 г. между правительством СССР и правительством Польской Республики о восстановлении дипломатических отношений и о создании польской армии на территории СССР// Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII. — М., 1993. — С. 202–204.

4. Владислав Андерс (Anders) (1892–1970) — польский генерал. В 1941–1942 гг. командовал польской армией, сформированной по соглашению между СССР и польским правительством в изгнании на советской территории с целью отправки ее на Восточный фронт. Андерс изменил решение об участии польской армии на Восточном фронте. В августе 1943 г. он вывел армию через Иран на Ближний Восток, а гражданские лица были отправлены в Африку, Индию и другие места. Польские солдаты и офицеры, оставшиеся в СССР, составили костяк польской дивизии им. Костюшко. В 1944–1945 гг. генерал Андерс командовал польскими частями в составе союзнических войск на Западном фронте.

5. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях реабилитации жертв политических репрессий. — М., 1993. — С. 126–127.

6. Государственный архив Южно-Казахстанской области. Ф. 121. Оп. 6. Д. 22. Л. 17.

7. Польские дипломаты в Казахстане. 1941–1943 гг. Сб. статей и документов. — Астана, 2015. — С. 14, 113.

8. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII. — М., 1973. — С. 25, 208, 218.

9. ЦГА РК. Ф. Р-1137. Оп. 1. П. Д. 9. Л. 238–240.

10. ГААО. Ф. 685. Оп. 6 с. Д. 62. Л. 149.

11. Там же. Д. 62. Л. 14.

12. АПРК. Ф. 12. Оп. 5. Д. 643. Л. 2.

13. АП РК. Ф. 708. Оп. 5/2. Д. 19. Л. 167–170.

14. ГААО. Ф. 685. Оп. 6 с. Д. 62. Л. 147–148.

15. Там же. Л. 11.

16. АП РК. Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 4. Л. 167–170.

17. Центр документации новейшей истории ВКО. Ф. 35-Р611. Оп. 1. Д. 51. Л. 167–169.

18. Центр документации новейшей истории ВКО. Ф. 35-Р611. Оп. 1. Д. 40. Л. 163–180.

19. ГААО. Ф. 685. Оп. 6 с. Д. 62. Л. 8–9.

20. Там же. Д. 62. Л. 124–125.

21. ЦДНИ ВКО. Ф. 35-Р611. Оп. 1. Д. 40. Л. 163–180.

22. «Письма из тюрьмы, 1943» (так названы мною письма из семейного архива Януша Куцински из Кракова. — М. Г.), переданные мне для дальнейшего изучения в ходе международной научной конференции «Европа в Азии. Судьба польских граждан в Казахстане во время Второй мировой войны» в Кракове (6–7 июня 2016 г.).

23. ЦДНИ ВКО. Ф. 640. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

24. ЦГА РК. Ф. 1125. Оп. 2. Д. 122. Л. 422.

**«ПРОШУ ЗАЧИСЛИТЬ МЕНЯ В ШТАТ СОТРУДНИКОВ...»:
КАДРОВЫЙ СОСТАВ ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО
ГУБАРХИВА В 1919 — НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ.**

Цеменкова Светлана Ивановна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления департамента «Исторический факультет» Уральского федерального университета

Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: sts.klio@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена первым сотрудникам Екатеринбургского губернского управления архивным фондом (губархива). На основе архивных документов и научных публикаций воссоздается их жизненный путь, рассматривается их вклад в организацию выявления, учета и охраны архивов и архивных фондов Екатеринбурга и других городов Урала.

Ключевые слова: Екатеринбургский губернский архивный фонд, губархив, уральские архивисты, история архивного дела на Урале, Б. М. Липин, А. И. Тихонова, В. П. Бирюков.

**«I PLEASE ENTER ME IN THE STAFF OF THE EMPLOYEES...»:
HUMAN RESOURCES STAFF OF THE YEKATERINBURG
PROVINCIAL ADMINISTRATION OF THE ARCHIVAL
FUND IN 1919 – THE BEGINNING OF THE 1920 S.**

Tsemenkova Svetlana Ivanovna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Document Management, Archival Studies and the History of Public Administration of the Faculty of History of the Ural Federal University
Ekaterinburg, Russian Federation

e-mail: sts.klio@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the first employees of the Yekaterinburg Provincial Administration of the Archival Fund (Provincial Archive). Based on archival documents and scientific publications, their life path is recreated, their contribution to the organization of the identification,

recording and protection of archives and archival funds of Yekaterinburg and other cities of the Urals is considered.

Keywords: Yekaterinburg Provincial Archival Fund, Provincial Archive, Ural archivists, history of archival affairs in the Urals, B. M. Lipin, A. I. Tikhonova, V. P. Biryukov.

Первые годы советской власти стали для Урала, как и для всей страны, одновременно и сложным и плодотворным периодом: долгожданная реформа, становление новой системы управления и поиск дальнейших путей развития теории и практики отечественного архивоведения. Это было время, когда в архивное дело шли служить по зову сердца, по делу долга — осознавая острую необходимость охраны документального достояния страны.

Деятельность уральских архивистов указанного периода неоднократно освещалась на страницах отдельных публикаций, но сами труженики архивного дела пока не стали главными героями особой статьи. Судьбы их удивительны, их труд можно назвать бесценным, а потому и биографии их достойны особого внимания.

История советского архивного строительства на Урале начинается после окончательного освобождения Екатеринбурга от войск А. В. Колчака. Это случилось в июле 1919 г., а уже 1 сентября было объявлено о создании Екатеринбургское управление архивным фондом (губархив) — именно от этой даты ведет свою историю Архивная служба Урала.

Губархив тогда являлся подотделом губернского отдела народного образования и должен был руководствоваться в своих действиях указаниями губисполкома [1, с. 15]. Губисполком был призван оказывать губархиву всяческое содействие в организации процесса выявления и сохранения архивных документов. Только к ноябрю 1919 г. оформилась организационная структура губархива: коллегия и пять отделов (историко-революционный, периодической печати, историко-экономический, церковный и раскольничий, народного просвещения). Поскольку финансировалась деятельность губархива слабо, первоначально штат его был невелик — всего пять-шесть человек. Это было очень мало, с учетом того, что деятельность Екатеринбургского

губархива временно распространялась и на территорию Тобольской губернии [1].

Штат губархива, утвержденный постановлением коллегии Главархива на 16 сентября 1919 г. составляли: заведующий, два архивариуса, два сотрудника и один служащий [4, л. 2].

Кем были первые сотрудники Екатеринбургского губархива, и что привело их на благородный и невероятно сложный в то время путь достойного дела спасения и охраны архивов?

В. В. Максаков отмечал, что возникновение архивных учреждений дало возможность привлечь в ряде губерний в архивы квалифицированные кадры преподавателей, историков, архивистов и других представителей интеллигенции [9, с. 62]. Справедливо это было и для Екатеринбургского губархива.

Первым заведующим губархива стал Б. М. Липин [8, с. 10]. В его первоначальные обязанности входила личная ответственность за состояние архивов и архивного дела в губернии, а также организация деятельности штата сотрудников.

Борису Михайловичу Липину исполнилось в 1919 г. 35 лет. По образованию он был педагогом [5, л. 3], окончил в свое время Петроградский университет. Он был женат (его жене Евгении Александровне в 1925 г. было 33 года) и имел двух дочерей — Татьяну и Надежду. Мы не очень много знаем про этого человека, а с фотографии, сохранившейся в его личном деле [4], на нас смотрит интеллигентный, задумчивый и внутренне сосредоточенный человек. Можно также предположить, что характер его был не из простых — должность свою он занимал недолго, всего девять месяцев, и подал в отставку «в результате конфликта на личной почве» — произошла размолвка практически со всеми служащими губархива [1, с. 15]. О деталях этой непростой истории пока ничего не известно, и единственное, что сообщают в своих заявлениях на увольнения его сотрудники (в числе которых были А. И. Тихонова, И. Н. Сидоров, В. В. Русских): Борис Михайлович Липин не сдержал некие, данные им обещания, в результате чего сложилась «ненормальная обстановка для работы в Архивном фонде» [4, л. 58]. Сотрудники остались на своих местах, а вот Липин ушел с должности. Некоторые исследователи сообщают,

что он был арестован весной 1920 г. «по неизвестному для нас обвинению» [11, 12]. Нам также известно, что он скончался 9 августа 1930 г. от тяжелого декомпенсаторного порока сердца [5, л. 10]. К несомненным заслугам Б. М. Липина мы отнесем самые первые мероприятия по организации деятельности губархива, в том числе и формирование его штатов. Именно Липин обратил внимание исполкома на необходимость принятия срочных мер «к разысканию и временной охране архивного материала» во всей губернии: так были выявлены и поставлены на учет архивы Екатеринбург, Верхотурья, Камышлова, Ирбита и других уральских городов [6, л. 310]. Именно Борис Михайлович стал инициатором первого обращения к населению, опубликованного в газете «Уральский рабочий» в октябре 1919 г., с просьбой бережного отношения к архивным документам, «беспризорным архивам» [1, с. 23].

В невероятно трудных условиях голода, разрухи, нехватки средств начинали свою деятельность первые архивисты под руководством Б. М. Липина. Мучила губархив и проблема постоянной смены кадров: в делах сохранились десятки заявлений о приеме на работу и об увольнениях с нее. Тем не менее было несколько человек, которые на некоторое время составили костяк архивного управления.

В 1919–1921 гг. в губархиве, помимо самого Липина на службе также состояли: А. И. Тихонова (архивариус), В. В. Русских (архивариус), П. П. Мегорский (научный сотрудник), И. Н. Сидоров (научный сотрудник) и др. [4, л. 30].

Ангелина Ивановна Тихонова (в документах той эпохи она значится как Ангилина) стала одним из первых сотрудников губархива — уже 8 августа 1919 г. она пишет заявление с просьбой «принять ее в штат сотрудников на должность архивариуса» [4, л. 1]. И именно она заняла место заведующего, когда весной 1920 г. Липин оставил свой пост. Ангелина Ивановна, женщина, замечательная во многих отношениях, исполняла эту должность до ноября 1921 г.: сначала как заведующая Екатеринбургским губархивом, а позднее как исполняющая обязанности заведующей Екатеринбургским губернским отделением Центрархива.

Она родилась в 1886 г. в Васильево-Шайтанском заводе, окончила курс женской гимназии в Перми. Уже во время обучения начала давать

уроки по теории словесности и истории. В 1907 г. была арестована за связь с группой «лесных братьев» на Урале³ и провела в пермской губернской тюрьме по приговору казанской судебной палаты 4 года 3 месяца. После отбытия срока жила 2 года в Сибири — с 1912 по 1914 г. а затем эмигрировала в Америку. В Америке (проживала она в штате Калифорния) начинается ее первоначальное знакомство с архивными делами. Поскольку она являлась членом различных русских обществ и секретарем некоторых из них (например, «Общества помощи политическим ссыльным и заключенным в Сибири», общества «Русской библиотеки» и пр.), ей пришлось иметь дело с самыми разнообразными документами и материалами. Она кропотливо собирала сведения о деятельности всех печатных изданий революционного характера, которые выходили в 1903–1907 гг., а также всех русских газет, которые печатались в Нью-Йорке, Чикаго, Сан-Франциско и других городах. Возможно, в ее намерения входило создание архива этих изданий. Так, при посредстве русских студентов [4, л. 71 об.] А. И. Тихоновой удалось познакомиться с содержанием архива Калифорнийского университета в Беркли, а также изучить организацию его деятельности. В Россию, на Урал, ее вернули первые революционные события 1917 г., где она немедленно принялась за культурно-просветительскую работу. Будучи человеком активной гражданской позиции, она являлась членом Пермского городского самоуправления, членом Комитета по организации народного образования и пр. В 1918 г. Ангелина Ивановна была командирована на уральские заводы с целью проведения все той же просветительской деятельности. В 1919 г. она вместе с детьми переехала в Екатеринбург, где зарабатывала на жизнь, давая уроки. К этому времени она овдовела — ее муж И. Н. Муксунов, представитель партии эсеров, погиб в Екатеринбурге от рук белых в ноябре 1918 г. В августе 1919 г. Тихонова первой пишет заявление с просьбой принять ее на должность архивариуса в Екатеринбургское губернское управление архивным фондом [4, л. 1].

---

3 Группы боевиков, действовавшие на Урале в 1906–1908 гг. и называвшие себя «лесными братьями». Их основной стратегической целью были оборонительные действия и поддержка рабочих выступлений. Группы носили, как правило, внепартийный характер, хотя в их рядах и состояли члены революционных партий. Наиболее известными из «лесных братьев» Урала были лбовцы и давыдовцы, ставшие впоследствии героями повестей А. Гайдара. Название уральцы заимствовали из Прибалтики.

Заняв должность заведующей Екатеринбургским губархивом, А. И. Тихонова успешно руководила коллективом, осуществляла контроль за выявлением и постановкой на охрану архивных фондов уральских городов, много ездила сама с инспекциями и проверками.

Ангелина Ивановна прекрасно понимала значение архивных документов: «Управление архивным фондом преследует две задачи: 1) сохранить, централизовать, классифицировать, описать имеющиеся в губернии архивы и архивные фонды... 2) вторая задача заключается в содействии учреждениям упрочению текущих архивов... Таким образом, если в первом случае дела перетряхиваются с целью связать с настоящим века минувшие, то во втором строится мост от настоящего к будущему с целью подготовить материалы для беспристрастного суда истории и доказательства героических усилий нашей эпохи в созидании лучшей жизни» [7, л. 82].

Заведующая губархивом и одновременно сотрудница Комиссии по истории Российской коммунистической партии (Уральское бюро Истпарта), Ангелина Тихонова была арестована 11 октября 1921 г. по обвинению «в принадлежности к партии социалистов-революционеров (эсеров), участии в подготовке нелегального съезда партии эсеров в начале октября 1921 г. в Екатеринбурге и контрреволюционной работе». Сама Ангелина Ивановна отвергала обвинения контрреволюционного толка в свой адрес, обозначая свое политическое кредо следующим образом: «...нет определенной политической физиономии» [3, л. 19]. Последующая ее судьба пока остается неизвестной.

Еще одной сотрудницей, занимавшей должность архивариуса с апреля 1920 г., была Вера Васильевна Русских. Она родилась в Екатеринбурге в 1890 г. и, закончив гимназию, поступила в Петербурге на Высшие (Бестужевские) женские курсы по историко-филологическому факультету. Окончив их в 1913 г., она осталась жить в Москве, давала частные уроки, а также занималась литературными исследованиями. Осенью 1918 г. Вера Васильевна поступила на архивные курсы, действующие при Московском управлении архивным делом [4, л. 70], «по подготовке работников архивного дела». Здесь она прослушала специальные курсы «по архивоведению и архивоведению», а практику прошла в бывшем архиве Министерства юстиции, где занималась

чтением и перепиской средневековых рукописей, составлением «описей по столбцам». Еще до их окончания (весна 1919 г.) Вера Васильевна была принята на службу в архив бывшего губернского земства, «где познакомилась с практической постановкой архивного дела», а в июне 1919 г. ее перевели на службу в губернский архив старых дел, в котором она занималась переустройством хранилища «на новых научных началах». Эту деятельность она вынуждена была оставить в феврале 1920 г. из-за болезни. В марте она вернулась в Екатеринбург, а в апреле ее приняли в штат сотрудников губархива на должность архивариуса [4, л. 29]. Мы видим, что у Веры Васильевны был опыт практической деятельности, и в этом отношении она стала для управления очень полезным и ценным сотрудником. К сожалению, на своей должности она оставалась недолго, и в 1921 г. в числе сотрудников мы ее уже не находим. В архивных же делах остались ее заявление с просьбой принять ее на работу, ее отчеты и прочие документы, написанные твердым, четким и очень элегантным почерком. Последующая ее судьба пока остается неизвестной.

О том, что архивное дело притягивало в свои ряды людей образованных и активных свидетельствует еще одна яркая биография. В апреле 1920 г., одновременно с Верой Васильевной Русских, в штат губархива на должность научного сотрудника был принят и Петр Петрович Мегорский (1878–1930), педагог и общественный деятель. В своем заявлении он отметил, что готов к работе в области архивного дела: в 1902–1903 гг. слушал курс архивоведения в Петербургском археологическом институте, трудился «по разбору и описанию архивов» в Священном Синоде, Челябинском жандармском отделении, в Олонецкой духовной семинарии, Екатеринбургской 1-ой и Челябинской 1-ой женских гимназиях. Петр Петрович активно разыскивал архивные материалы и использовал их для последующих своих исследований [4, л. 53].

Примечателен его трудовой путь: окончив в 1903 г. Петроградскую духовную академию и Археологический институт, он до 1904 г. состоял счетоводом в ведомстве Китайско-Восточной железной дороге в Харбине [2]. Затем с 1908 г. трудился в учреждениях ведомства Министерства народного просвещения, был преподавателем латин-

ского и немецкого языков в Олонецкой духовной семинарии, а также читал лекции по психологии в мужской гимназии. Затем уехал на Урал, в Екатеринбург, где трудился учителем истории и педагогики, а с 1913 г., преподавал в Челябинске. Здесь он вел активную общественную работу — «состоял в должности зав. хозяйством, библиотекаря, секретаря, председателя педагогического совета, заведующим отдела народного образования». Петр Петрович увлекался экономическими и историческими изысканиями и являлся автором ряда трудов по истории учебных заведений Олонецкого края, Уральского региона, очерков по теории и истории экономики [4, л. 53]. Думается, что и его в ряды архивистов, хоть и ненадолго, привело понимание необходимости скорейшей организации охраны архивных документов.

Особого внимания заслуживают временные сотрудники, которые принимались в штат губархива для работы по сохранности архивов в других городах губернии: В. П. Бирюков — в Шадринске, А. А. Наумов — в Камышлове, Н.Д. Сиверцева — в Верхотурье [10].

Про Владимира Павловича Бирюкова (1888–1971) известно много: являясь человеком невероятной энергии и талантов, он был известным краеведом, фольклористом, языковедом и литератором. Его деятельность неоднократно освещалась на страницах изданий и статей, посвященных архивному делу, поэтому подробно на его биографии мы останавливаться не будем. Отметим лишь, что именно он, являясь выпускником Московского археологического института (1915), основал Шадринское научное хранилище, ставшее с 1920 г. базой для создания уездного (окружного) архива. В. П. Бирюков возглавлял архив до октября 1927 г., и именно благодаря его активной деятельности были спасены от гибели архивы города и уезда, в том числе и церковные [1, с. 21].

Александр Александрович Наумов родился в 1865 г. в семье священника. Учился в Далматовском духовном училище, Пермской семинарии и Казанской духовной академии, окончил естественнонаучные курсы для учителей средней школы в Петрограде. Преподавал природоведение и географию в Камышлове в духовном училище, 2-ой мужской гимназии, а с августа 1919 г. в Единой трудовой школе. Состоял заведующим научным музеем в Камышлове, являлся чле-

ном-корреспондентом Уральского общества любителей естествознания, в рамках которого занимался палеонтологическими исследованиями. Александр Александрович был человеком активным, состоял гласным городской думы, членом городских комиссий по введению всеобщего обучения, по улучшению быта служащих и многих других обществ. Он являлся организатором бесплатной библиотеки-читальни (впоследствии, публичной) и Камышловского научного музея. Занимался А. А. Наумов и научными изысканиями, посвященными истории гранильного промысла на Урале, истории образования в Зауралье. В марте 1920 г. он был принят в штат временных сотрудников губархива по Камышловскому уезду [4, л. 69]. В архивных делах сохранились его отчеты, описывающие состояние вверенных ему архивов [см., например: 5, л. 4, 10]. Так же, как и В. П. Бирюков, А. А. Наумов внес огромный вклад в дело спасения архивов, как самого Камышлова, так и уезда в целом.

Наталья Дмитриевна Сиверцева поступила на должность временного сотрудника губархива по Верхотурью и Верхотурскому уезду в марте 1920 г. Она родилась в 1876 г. в Тамбовской губернии, окончила гимназию в Москве. В конце 1890-х гг. она вместе с семьей переехала в Оренбург, где работала в редакции «Оренбургской газеты», размещая там иногда и свои небольшие статьи, давала частные уроки. Видимо, из-за связи с революционным движением она попала в поле внимания властей, вследствие чего ей пришлось спешно переселиться в Казань, где в ветеринарном институте учился ее старший брат. В 1904 г. она и вся ее семья перебралась в Верхотурье. Наталья Дмитриевна поступила учительницей «новых языков» в городское училище и служила в этой должности до 1918 г. Она вела активную общественную жизнь, в частности, состояла гласным городской думы от демократической группы [4, л. 72–73]. В штате сотрудников губархива Наталья Дмитриевна, невзирая на собственную болезнь, болезнь близких, холод и голод, выявляла и ставила на учет архивы города и его окрестностей, тем самым внесла неоценимый вклад в дело сохранения архивного фонда уезда.

Как мы видим, среди первых сотрудников губархива не было случайных людей и всех их объединяли общие интересы к архивному

делу, научной и общественной работе. Никто из них не принимал равнодушно происходящие в стране изменения, и каждый из них, несомненно, хотел внести свою лепту в дело сохранения культурного наследия. И еще, так или иначе, практически каждый из них был знаком с основами архивного дела: А. И. Тихонова изучала азы архивоведения самостоятельно, В. В. Русских окончила архивные курсы в Москве, П. П. Мегорский прошел курс архивоведения в Петербурге, В. П. Бирюков был выпускником Московского археологического института и пр. И все они были представителями интеллигенции, такой чуждой новому режиму, что и предопределило последующую судьбу каждого из них. Много значимых дел совершили эти замечательные труженики архивного дела. Так, благодаря их самоотверженному противодействию местным советским властям был спасен от уничтожения архивный комплекс Уральского горного управления, который в силу своей уникальности является сегодня одним из самых значимых фондов Государственного архива Свердловской области. Именно эти люди выявили, поставили на учет и организовали охрану архивных фондов не только Екатеринбурга, но и Верхотурья, Камышлова, Шадринска, Ирбита и других уральских городов, тем самым сформировав основу для создания новой сети региональных государственных архивов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архивная служба Свердловской области — 85 лет / общ. ред. канд. истор. наук А. А. Капустин. — Екатеринбург: Компания «Реал-Медиа», 2004. — 240 с.
2. Боже В. С. Мегорский Петр Петрович // <http://www.book-chel.ru/ind.php?what=card&id=1423> (дата обращения: 10 августа 2019 г.).
3. Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 35334. Л. 19.
4. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-316. Оп. 2. Д. 1. Л. 1, 2, 29, 30, 53, 58, 69, 70, 71. Об., 72–73.
5. ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 1а. Л. 3, 4, 10.
6. ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 26. Л. 310.
7. ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 14. Л. 82.

8. Кузнецова Л. И. Создание архивной службы на Среднем Урале в 1919–1927 гг. // Архивы Урала. — 2019. — № 3. — С. 9–44.

9. Максаков В. В. История и организация архивного дела в СССР (1917–1945). — М.: Наука, 1969. — 431 с.

10. Сапожников А. Г. Трудное начало // <http://gaso-ural.ru/publikacii/izdaniya/95letie-arh-služby/k-95-letiyu> (дата обращения: 20 августа 2019 г.).

11. Шимонек Е. В. «В исполкомах... сидят люди, не признающие архивов...» Деятельность архивистов по спасению документов. 1919–1922 гг. // Отечественные архивы. — 2004. — № 5. — С. 73–96.

12. Шимонек Е. В. Откуда есть пошел архив (к 85-летию архивной службы Свердловской области) // <http://chinovnik.uara.ru/issue/2004/04/5/> (дата обращения: 25 августа 2019 г.).

**НОВЫЕ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ НА ТЕРРИТОРИИ ПОДМОСКОВЬЯ
(30 СЕНТЯБРЯ 1941 — 20 АПРЕЛЯ 1942 Г.)**

Каримов Олег Владимирович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
Российского государственного университета нефти и газа (Националь-
ного исследовательского университета) имени И. М. Губкина

Москва, Российская Федерация

e-mail: heleg@bk.ru

Аннотация. В статье отражена деятельность разведывательно-диверсионных групп разведывательного управления Генерального штаба Красной армии в период битвы под Москвой.

Ключевые слова: разведывательное управление Генштаба, Московская битва, военная разведка, разведывательная группа, разведывательно-диверсионная группа, партизанский отряд.

**NEW ARCHIVAL DOCUMENTS ON THE ACTIVITIES
OF MILITARY INTELLIGENCE IN THE MOSCOW
REGION (30 SEPTEMBER 1941 — 20 APRIL 1942)**

Karimov Oleg Vladimirovich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the
Department of History

Gubkin University, National University of Oil and Gas

Moscow, Russian Federation

e-mail: heleg@bk.ru

Abstract. The article reflects the activities of reconnaissance and sabotage groups of the Intelligence Directorate of the General staff of the red army during the battle of Moscow.

Keywords: Intelligence Directorate of the General staff, Moscow battle, military intelligence, intelligence group, intelligence and sabotage group, guerrilla group.

Военная разведка в битве под Москвой осуществлялась силами войсковой разведки, оперативной разведки, фронтовой разведки,

стратегической разведки, радиоразведки, авиаразведки, партизанских отрядов, разведывательных и разведывательно-диверсионных групп (далее — РГ и РДГ) [1]. Рассмотрим деятельность последних в свете выявленных новых документов.

Выход этих групп (отрядов) в тыл противника осуществлялся в основном пешим порядком в условиях оборонительных боев и отступления. Добытые разведданные доставлялись также преимущественно пешком через боевые порядки противника и линию фронта. Это приводило к существенным потерям личного состава, к потере актуальности и ценности данных. Основной «проблемой в тот период было отсутствие в достаточном количестве специальных агентурных радиостанций и подготовленных радистов... Все радиофицированные агентурные источники были наперечет... Некоторые из них имели устаревшие громоздкие радиостанции с малым радиусом действия, что ограничивало их использование для передачи информации» [2]. К началу битвы под Москвой радиофицированы были лишь 30 % направленных в тыл противника групп. Небольшие группы забрасывались в тыл противника самолетами ТБ-3, ЛИ-2 и ПО-2.

В сентябре 1941 г. начальник разведотдела (далее — РО) штаба Западного фронта полковник Корнеев, учитывая опыт противника, вышел с предложением создать мобильный разведотряда на мотоциклах и броневиках в составе 15–17 человек для выполнения разведки противника на глубине 40–50 км, «организации паники в тылу врага», добывания языков и переброски через линию фронта агентов. Инициатива был поддержана командованием [3].

Дополнительно в составе фронта была сформирована диверсионно-разведывательная войсковая часть 9903 (командир — майор А. К. Спрогис). До начала контрнаступления под Москвой майором Спрогисом направлено в тыл врага около 50 РГ и РДГ. Всего в период Московской битвы личный состав части совершил 89 выходов в тыл противника. В январе 1942 г. Спрогис, подводя итоги боевой работы части за 4,5 месяца, доложил командующему войсками Западного фронта генералу армии Г. К. Жукову: «С 15 августа по 31 декабря 1941 г. уничтожено немецких солдат и офицеров — 3500, предателей — 36, цистерн с горючим — 134, танков — 14, выведено

из окружения 1500 бойцов и командиров Красной Армии...» [4]. Непосредственно же РО штаба Западного фронта в период с 15 сентября до 31 декабря 1941 г. забросил 71 РГ и РДГ численностью 1194 человека. Они, осуществляя разведку, нарушали транспортные коммуникации, линии связи, нападали на немецкие гарнизоны и патрули.

В литературе неоднократно упоминается о действиях в тылу врага разведывательно-диверсионного отряда под руководством И. Ф. Ширинкина. Однако подобных отрядов были сотни. Достаточно упомянуть созданный РО штаба 43-й армии 10-й истребительный отряд из 90 человек, вооруженных пистолетами-пулеметами ПППШ. В выявленном отчете РО армии упоминается об организации на местах и переброске 34 групп (отрядов) общей численностью 1371 человек за период с 10 августа по 25 сентября 1941 г. Из них лишь 15 были обеспечены рациями и радистами [5]. Как видим, количественный состав отправленных разведчиков даже одной армии вполне сопоставим с фронтовым.

Однако качественный состав армейских РГ и РДГ и отрядов был существенно ниже. Личный состав подбирался на месте из гражданских лиц, второпях, без возможности их предварительного и полного изучения. Следствием этого была гибель групп в тылу врага, не успевших даже выйти на связь. Ряд групп и резидентур был укомплектован представителями городской, промышленной и партийной администрации, что автоматически ставило их под подозрение гестапо. Основной расчет был сделан на массовость. Организатор подобных резидентур майор (в последующем — генерал-майор) В. А. Никольский вспоминал: «Значительное количество разведчиков, организаторов подпольных групп и партизанских отрядов со средствами связи и запасами боеприпасов, оружия и продовольствия оставляли на направлениях, по которым двигались немецкие войска. Многих из них подбирали буквально накануне захвата населенного пункта немцами из числа местных жителей, которым под наскоро составленной легендой в виде дальних родственников передавали радиста (чаще всего радистку), снабженного паспортом и военным билетом с освобождением от военной службы, обуславливали связь, ставили задачи по разведке или диверсиям, и оставляли до прихода немцев» [6]. Сам Никольский для работы

в Курске оставил радиста-армянина, а в Мценске — девушку-полячку, понимая маловероятность составленных разведчикам легенд, однако другого выбора у него не было.

Начальник РО штаба Брянского фронта Кочетков 5 ноября 1941 г. доложил: «1) к 1 ноября на территории, занятой противником посажено 13 радиофицированных резидентур. Поддерживаем связь с пятью, нет связи с четырьмя, устанавливаем связь с четырьмя. К 15 ноября намечено посадить троих; 2) радистов налицо 12 человек. Диверсионных групп выброшено 15» [7].

Результаты деятельности советских РГ и РДГ видны в телеграмме командующего группой армий «Центр» командующему войсками в Остланде: «Неоднократные диверсии партизан отмечаются на железнодорожном участке Минск — Борисов. Наряду с многочисленными кратковременными нарушениями движения, 28 сентября движение на этом участке было приостановлено на 24 часа. Беспрепятственное движение на участке Брест — Минск — Борисов имеет решающее значение для исхода операций, проводимых группой армий. Поэтому вдоль участка и у важнейших строений должны быть выставлены караулы, на плохо просматриваемых участках в ночное время разведены костры. Разрешаю взять заложников из ближайших деревень и применять самые суровые меры воздействия...» [8].

ОКХ 29 сентября 1941 г. направил командующему тыловым районом группы армий «Центр» указания: «Просим в ближайшее время представить краткую оценку обстановки относительно деятельности партизан и общей безопасности в тыловом районе... а) можно ли предположить о строгой организации и о действительном возрастании деятельности партизан или же последние выступления являются временным следствием сражений под Вязьмой и Брянском? б) можно ли ожидать усиления деятельности партизан с наступлением зимы, и какие районы представляют наибольшую опасность? в) какие меры... необходимо принять для усиленного ведения борьбы против партизан, или уже принятых мер достаточно, чтобы на длительное время положить конец действиям партизан» [9].

Результативно действовали РДГ Западного, Калининского, Брянского и Юго-Западного фронтов. Накануне советского контрна-

ступления РО штаба Калининского фронта дал указания: «...путем резкой активизации диверсий сократить до минимума перевозки войск и грузов противника по важным магистралям, и особенно на Смоленском направлении, с тем, чтобы помочь передовым частям, перешедшим в наступление на этом участке фронта...» Под откос были пущены сотни эшелонов противника с боевой техникой, личным составом, боеприпасами, направлявшимися для обеспечения группы армий «Центр». В ноябре 1941 г. «суточный подвоз всех видов снабжения для этой группы армий реально составлял 23 эшелона, в то время как потребности наступавших войск составляли около 70 эшелонов в сутки» [10]. В районах Березина, Бобруйска, Борисова, Вязьмы, Зубцова, Лепеля, Ржева, Смоленска действовали группы агентурной разведки, которые непрерывно осуществляли наблюдение за немецкими войсками.

В оперативной сводке ГШ КА 28 ноября 1941 г. был отмечен действовавший в полосе ответственности 43-й армии Западного фронта партизанский отряд под руководством Карасева. Отряд численностью в 250 человек в 2 часа ночи 24 ноября 1941 г. произвел налет на «Угодский завод и истребил до 500 человек солдат и офицеров. Разгромил штаб, предположительно, корпуса, госпиталь, заправочную и авторемонтную базы, уничтожил 7 машин с горючим, 3 танка противника и захватил оперативные документы. Отряд потерял 8 человек» [11].

Начальник РО штаба Западного фронта генерал-майор Корнеев сообщил в разведывательное управление Генштаба (далее — РУ ГШ): «Возвратившиеся диверсионные группы тов. Сазонова, Фазлиахметова, Лаврова, Царева, Пожарского за период с 17 по 24 ноября в тылу противника проделали следующее на Наро-Фоминском направлении: минировали дороги Шенкино — Порядино в 11 местах, Порядино — Кузьминки в 9 местах. В районе Покровки дороги заминировали в 14 местах... Заминировали дороги Чичиково — Ильинское в 8 местах. Ильинское — Каменское в 12 местах, Ильинское — Мельниково в 18 местах. В районе Рузы минирована дорога Руза — Воронцово. Взорвано 2 автомашины, минирована дорога Руза — Кокавино, взорвано 5 транспортных машин, 2 из них с немцами. Минирована дорога Руза — Таболов, уничтожено 15 повозок. В этом же районе

отрезано 7 линий связи, разбит мотоцикл и уничтожено до 25 немцев. Минирована дорога Морозово — Шитьково, взорвано 3 автомашины, одна из них с немцами. Минированы дороги Шишково — Данилково, Иванцево, Харитоново. Уничтожены 3 деревянных моста, отрезано 5 линий кабельной связи противника. Минированы дороги Каменки, Нимирово в 8 местах, Новопавловское в 15 местах. Разбросано до 100 „ежей“ на дороге Новопавловское, Сычи, уничтожена еще автомашина живой силы» [12].

С 30 ноября 1941 г. на две недели в немецких оперативных сводках исчезают сообщения о борьбе с советскими РГ и РДГ, что можно объяснить некоторыми успехами противника в борьбе с ними. Противник, используя агентуру среди местного населения, предателей и собственные наблюдения, отслеживал выброску советских парашютистов-разведчиков, появление лыжных разведывательных и диверсионных подразделений, приземление в своем тылу легкомоторных самолетов с лыжными шасси (для высадки разведчиков).

Начало Московской стратегической наступательной операции было назначено на 5–6 декабря 1941 г. Первым перешел в наступление Калининский, а затем — Западный и правое крыло Юго-Западного фронтов. К 15 декабря 1941 г. увеличивается количество актов организованного саботажа, диверсионных актов на путях сообщения, взрывов на участке шоссе Истра — Новопетровское [13], железнодорожного участка юго-восточнее Жиздры. Разведчики и партизаны добывали сведения о направлениях отхода войск противника, их боевом составе, потерях, морально-политическом состоянии, созданных им оборонительных рубежах, резервах и возможностях по препятствованию продвижения наших соединений и частей. РО штабов фронтов (армий) и РУ ГШ, используя имеющиеся разведданные, проводили глубокий анализ состояния и возможностей противостоящих группировок противника, при помощи РГ и РДГ, заброшенных в тыл врага, осуществляли контроль за подходом резервов и подвозом материально-технических средств.

Одновременно разведка решала и другие задачи. Так, начальник РО штаба Западного фронта 23 декабря 1941 г. дал указание: «Для восстановления железных дорог во вновь захваченных районах необ-

ходимо собрать сведения о минировании железных дорог и мостов, состоянии искусственных сооружений, состоянии и степени разрушений железнодорожных путей, перешивке их на западно-европейскую колею» [14].

Об активизации РДГ в своем тылу доложил в феврале 1942 г. командующий группой армий «Центр» генерал-полковник Г. Ключе начальнику Генштаба сухопутных войск генерал-полковнику Ф. Гальдеру. Он отмечал, что необходимо принять срочные меры по уничтожению партизан до середины марта (до распутицы). Ключе пришел к выводу, что если раньше деятельность РДГ и партизан ограничивалась нарушением тыловых коммуникаций, нападениями на отдельные автомобили и места расквартирования, то сейчас «все больше вырисовывается создание концентрированных соединений, руководимых русскими офицерами, хорошо организованных и вооруженных, пытающихся подчинить себе целые районы и выполнять боевые задания более крупного масштаба... Связь противник обеспечивает посредством самолетов, агентов и радио. Гражданское население поддерживает движение добровольно или по принуждению» [15]. Таким образом, противник начал искать способы ведения боевых действий против организованной военной разведкой диверсионного и партизанского движения.

К моменту окончания контрнаступательного этапа Московской стратегической наступательной операции (7 января 1942 г.) советские войска вышли на рубеж Селижарово, Ржев, Волоколамск, Руза, Мосальск, Белев, Мценск, Новосиль, где остановились для перегруппировки сил и средств, подготовки новой наступательной операции. Немецкие войска были отодвинуты к западу на 100–250 км. Немаловажную роль в этом сыграли РГ и РДГ военной разведки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Каримов О. В. Роль военной разведки в сражении под Москвой (деятельность разведывательных и разведывательно-диверсионных групп) // Патриотическое воспитание в системе высшего образования: Материалы II Всероссийской конференции (МИСиС, Москва, 6–7 декабря 2018 г.). — М., 2018. — 288 с. — С. 55.

2. Кондрашов В. В. Знать все о противнике. — М., 2010. — 336 с. — С. 138.
3. Центральный архив МО РФ (далее — ЦАМО). Ф. 23. Оп. 4180. Д. 1. Л. 35–36.
4. Каримов О. В. Указ. соч. С. 56.
5. ЦАМО. Ф. 23. Оп. 5177. Д. 2. Л. 92, 259.
6. Никольский В. А. ГРУ в годы Великой Отечественной войны. Герои невидимого фронта. — М., 2005. — 448 с. — С. 22, 33.
7. ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24130. Д. 4. Л. 35.
8. Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. Кн. 1. — М., 2001. — 926 с. — С. 181.
9. Там же. С. 440.
10. Кондрашов В. В. Указ. соч. С. 139.
11. Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. Кн. 1. — М., 2001. — 926 с. — С. 795.
12. ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24130. Д. 4. Л. 1105.
13. Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. Кн. 2. — М., 2001. — 1022 с. — С. 104.
14. ЦАМО. Ф. 23. Оп. 4180. Д. 1. Л. 5.
15. Каримов О. В. Указ. соч. С. 58.

МАССОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЗАСУХИ И ГОЛОДА 1946–1947 ГГ. В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Аргунов Олег Николаевич

Кандидат исторических наук, начальник отдела
научно-исследовательской работы и информационного обеспечения
Государственного архива Курской области
Курск, Российская Федерация
e-mail: argunovoleg-poet@mail.ru

Аннотация. В настоящей работе рассматривается проблема источникового потенциала изучения проблемы засухи и голода 1946–1947 гг. За основу берется рассмотрение информационной составляющей массовых региональных источников, изучение которых во многом опровергает концепцию В. Ф. Зимы, изложенную в книге «Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия».

Ключевые слова: массовые источники, Курская область, засуха, голод.

MASS SOURCES ON THE HISTORY OF DROUGHT AND FAMINE 1946–1947 IN THE KURSK REGION

Argunov Oleg Nikolaevich

PhD in history, Head of Research and Information Support Department,
State Archive of Kursk Region
Kursk, Russian Federation
e-mail: argunovoleg-poet@mail.ru

Abstract. In this document we consider the problem of the source potential of researching the problem of drought and famine in 1946–1947. The basis for it is the consideration of the information component of mass regional sources, the study of which in many ways refutes the concept of V. F. Zima, set out in the book «Famine in the USSR 1946–1947: the origin and consequences».

Keywords: mass sources, Kursk region, drought, famine.

Изучение истории нашей страны в послевоенные годы в последнее время стало одной из магистральных тем развития отечественной исторической науки. Постепенно, с отходом от строгих идеологи-

ческих концепций советской эпохи, происходит уменьшение количества табуированных тем, что обуславливается выработкой новых методологических подходов и введением в научный оборот новых источников. Проблема изучения засухи и голода в первые послевоенные годы является одной из таких.

Вопросы засухи и голода 1946–1947 гг. только начинают получать первые исторические оценки у современных историков, о чем говорит немногочисленность опубликованных работ, посвященных данной проблеме [1].

Не менее серьезным при рассмотрении данных проблем является вопрос политизации этой проблематики. Некоторые исследователи на волне моды на критику советской власти и ее конкретных действий описывали голод не просто как катастрофу, а как сознательные действия властей по уничтожению и усмирению колхозного крестьянства. Такой подход в большей степени характерен для работ В. Ф. Зимы [2] и М. А. Вылцана [3].

Но наиболее сложной проблемой при изучении указанной в заглавии темы является ее источниковое обеспечение. Как отмечает тот же В. Ф. Зима, слово «голод» в источниках не упоминалось [4], что заставляет историков ориентироваться в первую очередь на косвенные сведения о нем. Однако в своих работах Вениамин Федорович использует источники центральных государственных архивов (Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива экономики), при этом распространяя свои выводы на территорию всей страны.

Автор настоящей работы обратился к проблеме послевоенной засухи и голода в Курской области еще в 2014 г. [5], и уже в тот период времени мы обратили внимание, что все свои выводы В. Ф. Зима основывал не на совокупности информации, полученной из разнообразных источников, а на отдельных жареных фактах. При этом подбор источников нам видится весьма тенденциозным, не отвечающим, на наш взгляд, принципам историзма и объективности.

В этой связи нам бы хотелось посвятить настоящую работу анализу массовых источников, в которых в той или иной степени нашли отражение вопросы, связанные с засухой и голодом 1946–1947 гг.

Прежде чем приступить к освещению данной проблемы необходимо оговорить, что мы понимаем под категорией, «массовые источники» применительно к источникам советского периода. Во многом наше видение массовых источников совпадает со взглядами М. Ф. Румянцевой. В учебном пособии по источниковедению она пишет, что «отнесение тех или иных исторических источников к массовым является их качественной, а не количественной характеристикой» [6], т. е. данные источники близки по своему содержанию при фиксации исторической действительности.

На основании вышеизложенных фактов среди массовых документов, посвященных истории засухи и голода 1946–1947 гг., можно выделить следующие группы: организационно-распорядительная (протоколы, решения, постановления, приказы, директивы), планово-отчетная (планы, отчеты, доклады, рапорты, сводки, документы итогового характера), справочно-информационная документация (переписка различных органов, справки, обзоры).

Итак, начнем по порядку. Организационно-распорядительные документы являются наиболее распространенными из всех выделенных нами групп. Наибольшее их количество сосредоточено в фондах советских (облсполкома и райисполкомов) и партийных (обкома и райкомов) органов власти. Наиболее репрезентативными являются решения Курского облсполкома, а также решения бюро Курского обкома ВКП(б).

Решения исполнительного комитета Курского областного совета депутатов трудящихся, а также исполнительных комитетов районных советов депутатов трудящихся представляют собой нормативные акты локального характера, основной задачей которых была регламентация действий, направленных на решение определенной проблемы. При этом в решениях не только указывались конкретные меры, необходимые для решения конкретной задачи, и были отражены возможные результаты, но и обозначались изначальные условия конкретной проблемы. Довольно часто решения райисполкомов копировали решения облсполкома применительно к местным условиям.

В ходе исследования нами были изучены протоколы заседаний облсполкома и 36 райисполкомов из 62, бывших в тот период вре-

мени в Курской области. Действительно, как указывает В. Ф. Зима, ни в одном решении слово «голод» не встречается. Вместе с тем множество решений отсылают нас к этой проблеме. В первую очередь это относится к нормативно-правовым актам, посвященным вопросам снабжения.

О серьезных проблемах со снабжением хлебом говорят некоторые решения Курского облисполкома, датированные первой половиной 1946 г. К таким можно отнести решение Курского облисполкома от 28 мая 1946 г. № 679 [7], согласно которому области отпускался определенный лимит хлеба для продажи населению. К концу 1946 г., когда проблема стала еще более острой, решения облисполкома начали отражать не только лимиты продажи, но и количество людей, которые имели право на снабжение хлебом в рамках этих лимитов (решения от 29 октября 1946 г. № 1244, от 5 ноября 1946 г. № 1255, от 26 декабря 1946 г. № 1434 [8] и др.). При этом, если мы посмотрим на динамику, то увидим, что к концу 1946 г. количество людей, которым были положены хлебные карточки, действительно снижается. Это видно из анализа данных, приведенных в решениях Рыльского райисполкома: в феврале в сельской местности по карточкам снабжалось около 2400 человек, а к январю 1947 г. их количество уменьшилось до 800 человек [9]. Подобная мера была регламентирована постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 28 сентября 1946 г. «Об экономии в расходовании хлеба», что также нашло отражение в документах облисполкома [10].

Также имеется значительное количество решений о ходе заготовок сельскохозяйственных продуктов (в первую очередь зерна), которые дают нам ценнейшую информацию о количестве собранного урожая и о возможности прокормиться им до будущего года. Только за июль и август 1946 г. подобные решения были приняты в отношении Валуйского [11], Микояновского [12], Скороднянского [13] и др. районов.

Определенный интерес представляет также серия решений, посвященных выдаче государственной продовольственной ссуды в колхозах, которая получила название «сталинская помощь». Данный вопрос в монографии В. Ф. Зимы рассматривается в части, которая

носит странное для нас название «Запоздалая помощь» [14]. Однако для курского региона выделение «сталинской помощи» имело важнейший не только политический, но и моральный характер: колхозники были поддержаны правительством, что позволило отодвинуть пик голода на несколько месяцев ближе к весне 1947 г., тем самым уменьшив количество его жертв. К вопросу о масштабах этой помощи мы еще вернемся.

В основном данные решения фиксировали нарушения при выдаче продсуды. В большинстве подобных случаев неправильное распределение происходило за счет незаконного присвоения выделенного зерна представителями управленческого аппарата колхозов (председателями, счетоводами, кладовщиками и пр.), а также советским и партийным активом районов, как это было в Свободинском районе [15]. Однако подобные случаи нельзя рассматривать как типичные, они были скорее исключением, нежели устоявшимся правилом.

Стоит отметить, что и массовые источники исследуемого периода двух других групп (планово-отчетные документы и информационная документация) в большей степени отложились в архивных фондах Госархива общественно-политической истории Курской области.

Как уже отмечалось, в решениях и постановлениях бюро областного комитета ВКП(б) и райкомов ВКП(б) нашли отражение вопросы, связанные с выделением и распределением продовольственной помощи в колхозах. Райкомы чаще всего дублировали и в незначительной степени адаптировали под собственные реалии совместное постановление Курского облисполкома и обкома ВКП(б) от 26 июня 1946 г. «Постановление Совета Министров СССР № 1318 от 23 июня 1946 г. „О мерах помощи колхозам, колхозникам и совхозам Курской области, в связи с неблагоприятными видами на урожай“» [16]. Райкомы издавали подобные постановления или решения [17], а потом присылали в обком отчеты об их исполнении, которые имели стандартную форму: в ней фиксировалось количество выданного зерна по району в разрезе отдельных колхозов с указанием, какое количество зерна еще предстоит выдать [18].

В целом же планово-отчетная документация имеет для исследования засухи и голода 1946–1947 гг. важное значение: в ней в систе-

матизированном виде отражена информация о проделанной работе и конкретных действиях, направленных на реализацию определенной помощи колхозникам. Такие отчеты были в областном разрезе немногочисленными [19], чего нельзя сказать о районных: по всей видимости, их составление и направление в обком партии было систематическим [20].

Значительная часть информации о положении населения отражена в различного рода переписках, справках, обзорах. Наибольший интерес для изучения выбранной тематики представляют сводки и справки (имеющие четко установленную структуру) о состоянии населения районов [21], которые отложились в двух делах архивного фонда «Курский областной комитет ВКП(б)» Госархива общественно-политической истории Курской области. Они содержат информацию о числе голодающих в области на январь — март 1947 г., о числе больных дистрофией и инфекционными заболеваниями, о моральном состоянии населения. Такие же справки-обследования имеются в фондах и некоторых райисполкомов, например, Иванинского [22].

В ряде случаев подобные источники фиксировали информацию о делинкветном поведении людей в условиях крайней нужды: убийствах на почве голода [23], массовых кражах хлеба, других продуктов питания [24] и пр. Это также весьма важно для нас при рассмотрении последствий массовой голодовки.

Хочется отметить, что массовые региональные источники по истории засухи и голода 1946–1947 гг. отражают широкий спектр проблем и содержат достаточно обширный пласт информации, не нашедшей отражения в источниках федеральных архивов, которыми преимущественно пользовался В. Ф. Зима при написании своей работы. Из-за этого некоторые его выводы просто не соотносятся с историческими реалиями курской деревни, например, вывод о «запоздалой помощи».

В этой связи интересным представляется вопрос непосредственного распределения продовольственной помощи, упоминаемый нами ранее. Как известно, продовольственная помощь Курской области была выделена в июне 1946 г. Уже в конце июля — начале августа колхозы начали составлять списки на распределение данной помощи и подавать их на рассмотрение в райисполкомы. Несколько таких

списков сохранилось в материалах архивного фонда «Золотухинский совета депутатов трудящихся и его исполнительный комитет» Госархива Курской области. Для примера проанализируем ведомость на выдачу продовольственной ссуды в колхозе «Красная звезда» Революционного сельсовета. Ее формуляр имеет 8 граф: порядковый номер, фамилия, имя, отчество получателя, состав семьи, количество трудоспособных в семье, количество полученного хлеба на трудодни в 1945 г., количество выработанных трудодней в 1946 г. и выдача продовольственной ссуды. Всего по колхозу была выдана помощь 73 семьям, при этом практически во всех случаях колхозники получили в качестве помощи гораздо больше зерна, чем на трудодни в 1945 г. [25]. Но при этом в 1945 г. и в первой половине 1946 г., в отличие от второй половины 1946–1947 гг., голода не было.

Причина такого парадокса раскрывается через анализ писем населения с просьбами о продовольственной помощи в органы власти. Например, в своем письме колхозница Пристенского района Курской области К. Ф. Зеленина пишет следующее: «Я имею состав семьи 11 душ, из которых девять детей моих, воспитанные мной, и [в] настоящее время все находятся при мне. Живу в чужой хате, своей нет у меня. В момент оккупации немцы забрали корову, сама [в] данное время нетрудоспособная, в 1945 г. на трудодни дали 150 гр. С таким составом моего семейства я переживаю большие и невыносимые трудности. Усадьба 50 соток также не обеспечивает мой состав семейства даже картофелем» [26]. И похожих по содержанию писем в разных архивных фондах курских областных архивов не одна сотня. Сами колхозники видели причины голода не столько в малой оплате трудодней, а в том, что урожая не дали приусадебные участки.

В связи с этим хотелось бы сделать, на наш взгляд, весьма важный вывод: использование массовых региональных источников при рассмотрении практически любой исторической темы регионального или же общегосударственного масштаба не просто желательно, а необходимо. Во-первых, это кладезь ценных первичных данных. А во-вторых, без учета специфики каждого региона, по нашему мнению, невозможно выстраивание глобальной картины определенного исторического события. Это может привести к тому, что региональ-

ная специфика будет по многим позициям противоречить выдвигаемой концепции, как мы видим на примере анализа источников курских областных архивов, отразивших события засухи и голода 1946–1947 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Волков И. М. Засуха, голод 1946–1947 годов // История СССР. — 1991. — № 4. — С. 9–19; Лосева И. В. Кризис продовольственного снабжения 1946–1947 годов в Горьковской области // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 37. — С. 120–123; Попов В. П. Голод и государственная политика // Отечественные архивы. — 1992. — № 6. — С. 37–60; Хисамутдинова Р. Р. Голод в уральской деревни в годы Великой Отечественной войны // Знать, чтобы не забыть. Тоталитарная власть и народ в 20 — начале 50-х годов XX века: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2014. — С. 520–539 и др.

2. Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. — М.: Институт российской истории РАН, 1996. — 265 с.

3. Вылцан М. А. Приказ и проповедь: Способы мобилизации ресурсов деревни в годы войны // Отечественная история. — 1995. — № 3. — С. 69–80.

4. Зима В. Ф. Голод в России 1946–1947 годов // Отечественная история. — 1993. — № 1. — С. 36–37.

5. Аргунов О. Н. Проблема голода 1946–1947 гг. в Курской области // Белгородский диалог — 2014. Сб. избр. науч. тр. Междунар. молодежн. научн. Форума / отв. ред. Д. Е. Богданов (Белгород, 27–29 марта 2014 г.). — Белгород, 2014. — С. 146–153.

6. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. — М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. — С. 334.

7. Государственный архив Курской области (далее — ГАКО). Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 30. Л. 113–114.

8. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 58. Л. 155–164, 188; Д. 72. Л. 119–129.

9. ГАКО. Ф. Р-3941. Оп. 1. Д. 14. Л. 2–2 об.; Д. 23. Л. 2 об.

10. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 58. Л. 119.
11. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 37. Л. 219.
12. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 42. Л. 50.
13. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 42. Л. 169.
14. Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. — М.: Институт российской истории РАН, 1996. — С. 129–179.
15. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 42. Л. 48–49.
16. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее — ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 29. Л. 220–230.
17. ГАОПИКО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 205. Л. 58.; Ф. П-100. Оп. 1. Д. 133. Л. 143–145.; Ф. П-30. Оп. 1. Д. 267. Л. 197 и др.
18. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 46. Л. 8–10.
19. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 64. Л. 215–219; Д. 73. Л. 46–50.
20. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 265. Л. 79–100, 105–113.
21. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 422, 423.
22. ГАКО. Ф. Р-3925. Оп. 2. Д. 5. Л. 1–7 об.
23. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 423. Л. 18–19.; Ф. П-69. Оп. 1. Д. 933. Л. 6.
24. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 432. Л. 6.; Ф. П-19. Оп. 1. Д. 603. Л. 139–140.
25. ГАКО. Ф. Р-4272. Оп. 3. Д. 30. Л. 14–14 об.
26. ГАКО. Ф. Р-4366. Оп. 1. Д. 71. Л. 160–160 об.

ИЗ ИСТОРИИ ЭВАКУАЦИИ ПОЛИТЭМИГРАНТОВ В КАЗАХСТАН (ПО ДОКУМЕНТАМ АРХИВА ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

Кабдулова Куралай Дауренбековна

Главный эксперт Управления комплектования и документации
Архива Президента Республики Казахстан
Алматы, Республика Казахстан
e-mail: kabdulovakd@mail.ru

Аннотация. Статья раскрывает вопросы размещения политических эмигрантов, эвакуированных в Казахстан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Тема политических эмигрантов в Казахстане мало изучена.

В статье на основе архивных документов показаны трудности жилищно-бытового устройства, которые испытывали политэмигранты.

Ключевые слова: политэмигранты, эвакуация, жилищно-бытовое устройство, Казахстан.

FROM THE HISTORY OF THE EVACUATION OF POLITICAL EMIGRANTS TO KAZAKHSTAN (ACCORDING TO THE DOCUMENTS OF THE ARCHIVE OF THE PRESIDENT OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN)

Kabdulova Kuralai Daurenbekovna

Chief Expert, Acquisition and Documentation Department
Archive of the President of the Republic of Kazakhstan
Almaty, Republic of Kazakhstan
e-mail: kabdulovakd@mail.ru

Abstract. The article is focused on studying the problems of placements of political emigrants who were evacuated to Kazakhstan during the Great Patriotic War (1941–1945). The topic of political emigrants in Kazakhstan remain largely unstudied.

In the article on the basis of archival documents the difficulties of the housing system in which the political emigrants found themselves were shown.

Keywords: political emigrants, evacuation, housing device, Kazakhstan.

История политической эмиграции, эвакуации, депортации народов в СССР — одна из актуальных проблем в исследованиях казахстанских ученых. Изучение опыта формирования полиэтнического капитала Казахстана в XX в. привлекает исследователей в архивы в поисках ранее малоизвестных документов для переосмысления ряда фактов и исторических событий. В этом плане закономерно обращение исследователей этой проблематики к фондам Архива Президента Республики Казахстан.

В фондах Архива Президента Республики Казахстан сохранились документы, касающиеся эвакуации людских и материальных ресурсов в Казахстан в 1941–1945 гг. В рамках настоящей публикации хотелось бы остановиться на одном из аспектов этой темы — освещении вопросов быта и обустройства эвакуированных политэмигрантов, и тем самым дать документальный экскурс, посвященный одной из сторон изучения военного времени.

Для понимания трудностей и проблем, с которыми столкнулись политэмигранты во время эвакуации, необходимо обратиться к архивным материалам, которые позволят внести определенную ясность в изучение вопроса. Документы, проливающие свет на эту тему, содержатся в фонде 708 Центрального комитета Коммунистической партии Казахстана. В настоящем исследовании были использованы два дела: «Отчет ЦК МОПР о работе среди политэмигрантов, эвакуированных в КССР, переписка с обкомами КП(б) Казахстана по этому вопросу; список политэмигрантов, эвакуированных в КССР» (Ф. 708. Оп. 6. Д. 524) и «Докладные записки, отчет ЦК МОПР Казахской ССР и переписка с обкомами партии о работе МОПРа в условиях военного времени, трудовом и материально-бытовом устройстве политэмигрантов» (Ф. 708. Оп. 6. Д. 525).

В рассекреченных делах имеется информация председателя ЦК МОПР КазССР А. Сатонина «О положении политэмигрантов в Казахской ССР», адресованная председателю ЦК МОПР СССР М. А. Богданову [1, л. 25–28 об.], докладная записка от 30 ноября 1942 г. ответственного инструктора ЦК МОПР Казахской ССР по делам политэмиграции С. Вайса, адресованная заместителю заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б)

Казахстана Л. Балагуровой, секретарю Алма-Атинского обкома КП(б) Казахстана по пропаганде и агитации Д. Енукидзе и председателю ЦК МОПР СССР Н. Шаронову об обследовании положения испанских политэмигрантов, направленных на Текелийский свинцово-цинковый комбинат Талды-Курганского района [2, л. 6–10], и другие документы.

Необходимо отметить, что значительную помощь иностранным лицам в решении вопросов обустройства в СССР оказывала советская секция Международной организации помощи борцам революции (далее — МОПР). Организация занималась оказанием моральной, материальной, политической и юридической помощи жертвам классово-борьбы во всех странах мира [3].

Как следует из отчета «О положении политэмигрантов в Казахской ССР» председателя ЦК МОПР КазССР А. Сатонина, первые политэмигранты начали прибывать в Казахстан в июле-августе 1941 г., большей частью в одиночном порядке и лишь иногда семьями и группами. Прибывали политэмигранты из Москвы, Польши, Западной Украины и Белоруссии, а затем Румынии [1, л. 25].

Из архивных документов следует, что «по данным ЦК МОПР СССР от 22 января 1942 г., в Казахстане находился 81 политэмигрант, однако из этого списка фактически проживал только 51 человек, часть находилось в Киргизской ССР, а оставшиеся неизвестно где. При этом многие политэмигранты проживали не там, где указано в списке» [1, л. 26]. На начало 1942 г. «в Казахстане было расселено свыше 200 политэмигрантов, из которых через ЦК МОПР Казахской ССР прошло 85 человек» [1, л. 25]. Большая часть политэмигрантов не бралась на учет органами власти, т. к. направлялась в различные области республики, минуя ЦК и обкомы МОПР, вместе с другими потоками эвакуированных. Также в отчете было отмечено, что «из 216 человек немцев было 57, поляков и евреев 42 человека, притом что многие поляки выдавали себя почему-то за евреев, судетских немцев 37 человек, испанцев 26 человек, венгров 14 человек, чехов 4 человека, болгар 2 человека, прочих национальностей (украинцы, румыны) и невыясненных 34 человека. Мужчин — 141, женщин — 75, членов братских компартий 122, беспартийных 48 и невыясненных 46 человек» [2, л. 26].

В докладной же записке ответственного инструктора ЦК МОПР КазССР по делам политэмиграции С. Вайса от 30 ноября 1942 г. об обследовании положения испанских политэмигрантов, направленных на Текелийский свинцово-цинковый комбинат Талды-Курганского района, упоминается уже о 100 испанских политэмигрантов [2, л. 6].

Существенным дополнением служит сохранившийся основной и дополнительный пофамильные списки политэмигрантов из 216 человек, эвакуированных в Казахстан. Данный список имеет 19 граф, в которых отражены основные сведения о политэмигрантах: фамилия, имя, отчество, год рождения, национальность, специальность, откуда прибыли, где проживают в республике и другие данные. По этому списку, к примеру: немцев — 51 человек, поляков и евреев — 39, судетских немцев — 29, испанцев — 28, венгров — 14, чехов — 10, болгар — 2, по 1 корейцу, литовцу, австрийцу, румыну и невыясненных 35 человек. В дополнение к этому списки есть отдельные списки по некоторым областям, но они менее информативны [1, л. 47–52].

В отчете ЦК МОПР КазССР о работе среди политэмигрантов за период с конца 1941 по 1 июля 1942 г. указано, что «в Казахстане находится учтенных политэмигрантов и бывших политзаключенных около 290 человек, но фактически вероятнее, более 300 человек. Членов семей политэмигрантов числится до 130 человек, таким образом, общее количество политэмигрантов с семьями достигает 420 человек, из них детей 85 человек. Из этого числа в городах проживает 93–95 человек, остальные находятся или в районных центрах или в совхозах, МТС и колхозах. Из всего количества политэмигрантов (с семьями) инвалидов и больных насчитывается свыше 50 человек, пенсионеров 16 человек» [1, л. 10–10 об].

Прибытие эвакуированных в республику продолжалось, и к июлю 1943 г. «в Казахстане проживало уже 744 политэмигрантов, среди них 248 членов компартии и 12 комсомольцев» [2, л. 50].

На сегодняшний день нет точных данных о количестве политэмигрантов, эвакуированных в Казахстан. Вопрос об их общей численности до настоящего времени является одной из слабоизученных страниц в историографии войны.

Масштабная и неорганизованная эвакуация населения вызвала множество проблем. В первую очередь жилищно-бытовое устройство. По сведениям МОПР КазССР, «несмотря на специальные указания ЦК КП(б) Казахстана обкомам и райкомам партии о заботливом и внимательном отношении к политэмигрантам, партийные советские организации на местах не уделяли нужного внимания им, в силу чего многие из них были в очень тяжелых материально-бытовых условиях: отсутствие жилья, необеспеченность одеждой, обувью, продовольствием» [1, л. 10 об.].

Также общим тревожным фактом по размещению политэмигрантов было «нежелание некоторых руководителей принимать на работу политэмигрантов, косность и неприязненное отношение к ним со стороны самого населения (главным образом колхозников), которое не отличало политэмигрантов от эвакуированных людей вообще, и на почве создающихся жилищных и продовольственных трудностей вызывало в отношении политэмигрантов недовольство.

Особенно сложно было тем, кто попал в сельскую местность, т. к. политэмигранты плохо владели русским языком, женщины не имели никакой специальности и всех их отправляли для работы в поле» [1, л. 10 об. — 11]. Например, в колхозе имени Ф. Энгельса Илийского района Алма-Атинской области проживала политэмигрантка немка Ирма Небель, муж которой после тяжелого ранения на испанском фронте и операции умер в Москве. По специальности она была педагогом, но долгое время не была трудоустроена. В конечном итоге ее поставили на работу по сортировке картофеля в сыром и холодном подвале, когда у нее не было обуви, а весной босую послали на работу в горы, где еще лежал снег. Неоднократные обращения к председателю колхоза о выдачи обуви не возымели действия, при этом председатель угрожал лишить ее хлеба. После этого она была вынуждена пойти пешком 30 км в Алма-Ату в ЦК МОПР КазССР с просьбой оказать ей денежную помощь для приобретения хоть какой-нибудь даже подержанной обуви. ЦК МОПР выдал ей 150 рублей, и она на рынке купила подержанные ботинки и тотчас же пешком ушла обратно в колхоз. На этом ее неприятности не закончились, председатель колхоза отобрал ее квартиру, и только после

обращений в райисполком, райком и обком партии самоуправство председателя колхоза было прекращено, и квартира была возвращена И. Небель. В дальнейшем каких-либо жалоб не имела [1, л. 11–11 об.].

Не лучшее дела обстояли в Алма-Ате, т. к. в «первые месяцы почти все политэмигранты, также как и тысячи других эвакуированных, несмотря на запрещенный въезд в Алма-Ату, пытались всеми силами остаться в столице Казахстана. Это создавало чрезвычайную перегрузку в Алма-Ате, тяжелое положение с продовольствием и вынудило соответствующие органы запретить прописку и проживание в городе ввиду отсутствия свободной жилплощади, выселить самовольно вселившихся и направить их в различные города и области Казахстана» [1, л. 25].

Вместе с тем после разъяснения положения в Алма-Ате политэмигранты с пониманием относились к ситуации и просили только помочь им в материальном отношении и направить в более теплые местности республики. Данные просьбы ЦК МОПР удовлетворял без задержки, выдавая денежное пособие и направления в Южно-Казахстанскую, Джамбульскую и Алма-Атинскую области.

Однако от политэмигрантов, проживавших в колхозах, с наступлением зимнего периода начали поступать письма с просьбами об оказании помощи в приобретении одежды, белья, постельных принадлежностей, т. к. они не могли устроиться на работу.

По заявлениям политэмигрантов о помощи ЦК МОПР КазССР давал указания обкомам и райкомам МОПР, а также обращался за содействием в райкомы КП(б) Казахстана и райисполкомы, к председателям колхозов, высылал денежную помощь, а несколько заявлений, ввиду невозможности разрешения вопросов на местах, были направлены в ЦК МОПР СССР.

Все эти меры позволили значительно улучшить положение политэмигрантов, но все же оно оставалось достаточно напряженным из-за зимнего периода, отсутствия квартир, невозможности устроиться по специальности, а часто вообще найти какую-либо работу [1, л. 26 об. — 27].

Что касается медицинского обслуживания политэмигрантов, то Наркомздрав еще до получения письма ЦК МОПР СССР в резуль-

тате переговоров ЦК МОПР КазССР дал облздравам, а последние — горздравам и райздравам конкретные указания о внимательном отношении к больным политэмигрантам, о медицинском осмотре и специальном лечении. В частности, в Алма-Ате ЦК МОПР персонально обращался к ряду лучших профессоров и врачей для внеочередного приема и обслуживания политэмигрантов. Персонал больниц, поликлиник и амбулаторий обеспечивал уход за политэмигрантами. К примеру, Оскар Микке, прибывший из Пахта-Арала в Алма-Ату, на второй день заболел тифом. По просьбе ЦК МОПР профессор Патриков и наблюдавший врач Маносова окружили больного вниманием и заботой, что дало возможность ему быстро поправиться и через пять дней после выхода из больницы вернуть в Пахта-Арал.

ЦК МОПР КазССР оказывал и материальную помощь. Так, за период с сентября 1941 по 1 июля 1942 г. были выданы пособия 354 политэмигрантам на сумму 83 195 рублей. Однако в связи с тяжелым материальным положением многим политэмигрантам приходилось неоднократно выдавать единовременное пособие, а часто и ежемесячно. Так, ежемесячное пособие от 150 до 400 рублей получали 25 человек на общую сумму 6300 рублей в месяц.

Помимо денежной оказывалась вещевая и продовольственная помощь. К примеру, венгерской политэмигрантке Г. Душиле, которую во время эвакуации в ноябре 1941 г. обокрали в поезде, ЦК МОПР КазССР и обком МОПР в Чимкенте приобрели несколько вещей. Политэмигрантов, прибывших с эвакуированным ворошиловским заводом «Октябрьская революция», ЦК МОПР КазССР обеспечил на зиму 10 тоннами дров (саксаул) и угля, 55 кг мыла, 2000 яиц, им были выданы матрасы и подушки. Вся вещевая и продовольственная помощь оценивалась на сумму 3673 рубля [1, л. 13–14 об].

Однако имелись среди политэмигрантов и те, которые сами совершенно не предпринимали каких-либо действий для трудоустройства и надеялись прожить только на выдаваемые пособия. Например, Гундт Франц самовольно назвал себя старостой группы политэмигрантов в Октябрьском отделении Пахта-Аральского совхоза Южно-Казахстанской области. Всюду писал письма и заявления от себя и некоторых женщинах, жил за их счет, и, как отмечал

председатель ЦК МОПР КазССР А. Сатонин, «является, по существу, приживальщиком». При этом выдавал себя за специалиста-точильщика, работавшего на усовершенствованных машинах, отказываясь работать на простых машинах. В Алма-Ате в ходе распределения комнат в общежитии испанские политэмигранты Франциско Росадо Домингес и Хосе Апарисио, «не имеющие никаких революционных заслуг в прошлом и, по существу, случайные люди в политэмиграции, потребовали себе лучшие комнаты, намеченные для старых испанских товарищей Кобени и Альвареса». Получив отказ от комитета, они самовольно захватили эти комнаты. Общее собрание коллектива политэмигрантов обсудило этот вопрос и признало этот поступок недостойным политэмигрантов и, учитывая другие случаи нарушения, постановило просить ЦК МОПР и испанскую секцию Коминтерна лишить их звания политэмигрантов. К сожалению, такие примеры были не единичны. Помимо вышеперечисленных политэмигрантов имелись и другие иждивенцы, такие как Перл Адольф в Гурьеве, Вернер Курт и Проскауэр Эльза в Северном Казахстане и др. [1, л. 14]. Так, некая гражданка Сарно, бывшая испанская переводчица ЦК МОПР СССР, выдавала себя за представителя ЦК МОПР КазССР, тем самым вводя в заблуждение политэмигрантов и представителей власти Алма-Аты. В этом была вина и местных партийных и советских организаций, которые «невнимательно относились к политэмигрантам, часто находящимся в чрезвычайно тяжелом положении, и не занимались вопросами их трудоустройства» [2, л. 12].

В связи с тем, что большинство политэмигрантов было расселено в различных местах проживания, массово-просветительская работа среди них и членов их семей не проводилась на системной основе. Исключения составляли работники предприятий и МТС, в большинстве случаев вовлеченные в общественную и политическую жизнь предприятия и участвующие в работе общественных организаций, таких как профсоюзы, МОПР и ОСО, входившие в том числе в их руководящее ядро. Политэмигранты принимали участие в общественных собраниях, торжественных заседаниях, выступали с докладами, посещали лекции по политическим и международным вопросам «в общеколлективном порядке». Учеба для них на систем-

ной основе проводилась в Карагандинской, Восточно-Казахстанской областях и Алма-Ате, устраивались культмассовые мероприятия. К примеру, 9 мая 1942 г. для 34 политэмигрантов, работающих на машстройзаводе, был организован культпоход в драмтеатр на пьесе «Собака на сене», а 17 мая для 15 испанцев — культпоход в филармонию на концерт испанского певца Фернандо Кордони [1, л. 14 об].

Резкое увеличение населения не могло не повлиять на жизнь городов и поселков Казахстана, обострились социальные проблемы: нехватка жилья, подорожание продуктов питания, отставание строительства объектов социальной инфраструктуры. Республиканские органы власти, профсоюзные и другие общественные организации по возможности оказывали эвакуированным помощь в улучшении материально-бытового положения, проявляли заботу об охране их здоровья. Но в силу объективных причин они не всегда справлялись с потоком ежедневно прибывающих в Казахстан эвакуированных и беженцев [4]. И тем не менее местные власти делали все возможное для их своевременного размещения и обустройства. Казахстан стал для них не только временным убежищем в условиях военного времени, но и второй родиной.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 6. Д. 524. Л. 10–11 об., 12–14 об., 25–28 об., 47–52.
2. Там же. Д. 525. Л. 6–10, 50.
3. Иванова О. В. Социокультурная адаптация политических эмигрантов в СССР в 1920–1930-е годы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 8. — № 3. — 2006. — С. 781.
4. Чиликова Е. В. Предисловие. История. Память. Люди: Материалы IX Международной научно-практической конференции, 27 сентября 2018 г., Алматы. — Алматы, 2019. — 594 с. — С. 11–12.

ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС В ДИПЛОМАТИИ Н. С. ХРУЩЕВА В 1961 Г. (ПО МАТЕРИАЛАМ РГАНИ)

Журкина Анастасия Александровна

Главный специалист отдела хранения, комплектования и упорядочения документов номенклатуры ЦК КПСС, общественно-политических организаций и личного происхождения,

аспирант исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук

Москва, Российская Федерация

e-mail: nastasjatauron@gmail.com

Аннотация. В статье отражен анализ дипломатии Н. С. Хрущева на официальных встречах, совещаниях, переговорах, в официальных документах касательно решения германской проблемы и подписания мирного договора с Германией в пиковый период Второго Берлинского кризиса.

Ключевые слова: мирный договор, Берлинский кризис, берлинская стена, «холодная война», дипломатия, переговоры.

GERMAN QUESTION IN THE DIPLOMACY N. S. KHRUSHCHEV IN 1961 (BY THE MATERIALS OF RHANI)

Zhurkina Anastasia Aleksandrovna

Chief Specialist of the Department for Storing, Completing and Organizing Documents of the Nomenclature of the Central Committee of the CPSU, Socio-political Organization and Personal Origin,

postgraduate student of the History Department of the State Academic

University of the Humanities

Moscow, Russian Federation

e-mail: nastasjatauron@gmail.com

Abstract. The article reflects the analysis of diplomacy N. S. Khrushchev at official meetings, meetings, negotiations, in official documents regarding the solution of the German problem and the signing of a peace treaty with Germany during the peak period of the Second Berlin crisis.

Keywords: peace treaty, Berlin crisis, Berlin Wall, cold war diplomacy, conversation.

Германский вопрос в рамках осмысления феномена «холодной войны» и геополитической ситуации в середине XX в. в целом имеет огромное значение. Раскол Германии стал не только центральным натянутым нервом в двуполярном мире «холодной войны», но и привел к усугублению проблем идентичности немецкой нации.

Второй Берлинский кризис стал одним из самых напряженных моментов «холодной войны». В современной историографии существует несколько концепций периодизации Берлинского кризиса. Авторы данного доклада придерживаются классической версии периодизации, на которой основываются работы немецкого исследователя Г. Веттига и представителя отечественной историографии А. М. Филитова. Авторы придерживаются мнения о том, что кризис был «от поздней осени 1958 г. до поздней осени 1963 г., с кульминационным пунктом — строительством стены в августе 1961 г. — и обостренной напряженностью в последующие месяцы» [1]. Пиком напряженности в рамках Берлинского кризиса стал 1961 г.

Одним из центральных вопросов этого периода становится заключение мирного договора с Германией со стороны как первого секретаря ЦК СЕПГ В. Ульбрихта, так и представителей западных стран. В Российском государственном архиве новейшей истории хранится значительный пласт источников по истории международных отношений XX в., в том числе и по вопросу подписания мирного договора с Германией. Автор данного доклада использовал документы фонда № 3 РГАНИ, а именно протоколы и постановления Президиума ЦК КПСС и материалы к ним, записи бесед с представителями западных стран. Также были использованы документы личного фонда № 52 Н. С. Хрущева.

В беседе В. Ульбрихта и Н. С. Хрущева 31 марта 1961 г. первый канцлер ЦК СЕПГ настаивает на проведении совещания с западными державами и обеими Германиями, а также в случае отказа от данной встречи В. Ульбрихт настаивал на создании в СССР комиссии по подготовке мирного договора [2]. По его мнению, это служило бы хорошим рычагом давления. На данное заявление Н. С. Хрущев предлагает не форсировать события, указывая на то, что германский вопрос будет обсуждаться с президентом США Дж. Кеннеди в Вене.

Желание В. Ульбрихта подписать мирный договор было обосновано смесью серьезных экономических и политических проблем ГДР, однако глава СССР не собирался торопиться. Для Н. С. Хрущева высказывания о заключении мирного договора вплоть до 1963 г. были некоторого рода угрожающим фактором, а также рычагом, с помощью которого можно было бы вести переговоры со странами Запада.

В своей беседе с послом ФРГ в СССР Г. Кроллем Н. С. Хрущев не один раз повторяет о том, что СССР обязательно заключит мирный договор с Германией [3]. Н. С. Хрущев также оговаривает тот факт, что если бывшие союзники не поддержат СССР, то статус вольного города Берлину будет установлен в одностороннем порядке. Также стоит обратить внимание на то, что глава СССР в диалоге делает упор на невозможность отложить подписание договора на большой срок [4].

В беседе также прослеживается нить общего настроения международного сообщества касательно вопроса объединения ГДР и ФРГ. Ни Г. Кроль, ни Н. С. Хрущев открыто не отрицают возможность объединения двух Германий, но в то же время становится понятно, что это объединение не состоится в обозримом будущем.

Значимым событием в 1961 г. явилось проведение встречи 3–4 июня глав двух государств — Дж. Кеннеди и Н. С. Хрущева, на нейтральной территории, в Шенбрунн. На встрече присутствовали: с советской стороны — А. А. Громыко, М. А. Меньшиков, А. Ф. Добрынин, В. М. Суходрев; с американской стороны — госсекретарь Д. Раск, помощник госсекретаря по европейским делам Ф. Д. Колер, специальный советник госсекретаря по делам СССР Ч. Ю. Болен, посол США в СССР Л. Томпсон, А. Акаловский [5].

За несколько месяцев до встречи глав государств в Вене, 26 мая, на заседании Президиума ЦК КПСС состоялась встреча Н. С. Хрущева, А. И. Микояна и В. В. Кузнецова (первого заместителя министра иностранных дел СССР). На заседании был принят курс на заключение мирного договора с ГДР [6].

Решение германского вопроса для советского правительства означало путь к улучшению советско-американских отношений. Это можно заметить в беседе Н. С. Хрущева с послом США в СССР Л. Томпсоном. Н. С. Хрущев опять повторял о том, что Москва

не остановится перед заключением мирного договора в конце 1961 г., если не удастся найти взаимопонимания с США [7].

Перед встречей была подготовлена памятная записка для глав Англии, Франции и США, которая носила ультимативный характер [8]. Речь шла о том, что если главы государств не проявят внимания к решению германского вопроса, то СССР придется подписать мирный договор без их участия. На третьей встрече глав государств, проходившей 4 июня 1961 г. в посольстве СССР в Вене, был вновь поднят германский вопрос. Со стороны Н. С. Хрущева был выдвинут аргумент о том, что необходимо покончить с остатками Второй мировой войны (ведь прошло 16 лет). Для урегулирования отношений советское правительство предложило созвать мирную конференцию. Также было выдвинуто упомянутое выше замечание, что при всех усилиях со стороны США и СССР сами немцы не желали воссоединения, а значит, все силы должны быть брошены на заключение мирного договора.

Стоит учитывать тот факт, что подписание мирного договора в одностороннем порядке в случае отказа других сторон привело бы к прекращению оккупационного режима в Западном Берлине. В случае подписания договора в одностороннем порядке Западный Берлин становился бы вольным городом. Но при успешном подписании мирного договора всеми державами СССР мог бы пойти на уступки и разрешить оставить некий символический контингент западных войск.

В свою очередь Дж. Кеннеди считал, что в случае, если США пойдет на уступки в германском вопросе, это будет восприниматься как проявление слабости и будет плохо смотреться со стороны союзников, а также в некоторых кругах внутри страны.

Поэтому он высказывал аргументы и доводы в пользу закрепления существующего порядка сил, т. к. не хотел терять доступ к Западному Берлину и потерять там права.

На прямой вопрос Дж. Кеннеди, будет ли гарантировать подписание мирного договора в одностороннем порядке преграждение доступа США в Западный Берлин, Н. С. Хрущев ответил утвердительно.

На четвертой заключительной беседе, инициатором которой был Дж. Кеннеди и которая прошла наедине, была произнесена

крайне опасная реплика [9]. В ответ на замечание Н. С. Хрущева о том, что СССР не хочет войны, но если главы других государств ее «навяжут», то она будет, Дж. Кеннеди ответил «Да, кажется, холодная в этом году будет зима» [10].

По итогам встречи не было подписано ни одного документа. Главам государств не удалось достигнуть взаимопонимания по вопросам обсуждения. Дж. Кеннеди не согласился ни с одним из требований Н. С. Хрущева в отношении Германии.

Правительство США не спешило давать ответ на памятную записку, врученную Н. С. Хрущевым, ответ несколько раз редактировался, когда проект ответа госдепартамента США был готов, необходимо было время для согласования с союзниками по НАТО. В итоге ответ на памятную записку от 4 июня последовал лишь 17 июля, фактически через полтора месяца после ее вручение. По сути, ответ носил тот же характер, что и раньше, и подчеркивал уже ранее заявленную позицию. В американской ноте повторялась позиция — борьба за свои права в Берлине и их защита от отмены в одностороннем порядке.

В свою очередь руководство СССР в официальной ноте упрекает правительства США, Франции и Англии в оттягивании вопроса о заключении мирного договора [11]. СССР также делает акцент на том, что Западная Германия становится эпицентром военной опасности, в которой происходит расцвет реваншистских сил.

Также СССР опровергает аргумент о волнении западных держав по вопросу самоопределения немецкой нации, т. к. «в условиях существования двух независимых государств... их разделяют глубокие различия во внутренних укладах жизни... дело самих немцев искать пути объединения двух своих государств, развивающихся в разных направлениях...» [12]. Опять же в ноте уже открыто излагается мысль о невозможности повлиять на разделение Германии, что единственное, чем могут помочь на деле другие государства — заключением мирного договора. Тон ноты весьма жесткий и уверенный, фактически она несет в себе всю общую идею, высказанную ранее. И все же советское правительство говорит о готовности вести переговоры.

Германский вопрос был также вынесен для обсуждения на совещании первых секретарей ЦК коммунистических и рабочих партий

стран — участниц Варшавского договора 3–5 августа 1961 г. На совещании обсуждались вопросы подготовки конференции (для подписания мирного договора) в Женеве, куда планировалось пригласить 28 стран-участниц [13]. Также делался акцент на том, что правительства западных держав не согласны ни на подписание мирного договора (имеется в виду ответ в официальной ноте от 17 июля), ни на промежуточные меры [14]. Аргументами для подписания мирного договора являлись: международно-правовое закрепление существующих и установленных границ между ГДР и Польской Народной Республикой, Чехословацкой Народной Республикой, а также ГДР и ФРГ. У стран ОВД на совещании волнение вызывал экономический вопрос: эмбарго и экономическая блокада ГДР.

Анализируя сложившуюся ситуацию к августу 1961 г., можно сказать, что дипломатические переговоры зашли в тупик. При этом Н. С. Хрущев не решался на заключение мирного договора с Германией. Ведь заключение мирного договора могло привести к страшным последствиям и развязыванию новой войны.

В этих условия 13 августа происходит пиковая точка кризиса, и с согласия СССР и стран ОВД возводится берлинская стена. Берлинская стена становится и символом раскола немцев, и своего рода выходом из сложившегося кризиса. Строительство берлинской стены — это также попытка преодоления кризиса идентичности самих немцев. Берлинская стена создала своеобразные пространственные рамки, которые очерчивали суверенную территорию Западной и Восточной Германии.

Однако возведение берлинской стены не было причиной для В. Ульбрихта отказаться от идеи заключения мирного договора. Сам он считал, что строительство стены было лишь первым этапом заключения мирного договора [15].

В дальнейшем на протяжении конца 1961–1963 гг. В. Ульбрихтом неоднократно поднимал вопрос о заключении мирного договора. В беседе Н. С. Хрущева и В. Ульбрихта 2 ноября 1961 г. последний настаивает на дальнейшей кампании по проведению подготовки мирного договора, также предлагает обратиться напрямую к боннскому правительству.

Аргументом для В. Ульбрихта является атмосфера неуверенности и неустойчивости. В. Ульбрихт настаивает на связи экономических проблем с подписанием мирного договора. В этих заявлениях В. Ульбрихт не нашел поддержки у Н. С. Хрущева, т. к. делал акцент на том, что отказ от мирного договора приведет к срыву экономического развития в 1962 г. [16].

Этими заявлениями В. Ульбрих вызывал лишь негативную оценку со стороны советского правительства. На подобного рода заявления Н. С. Хрущев высказывался достаточно резко, заявляя, что уже достигли того, чего хотели достичь заключением мирного договора, и что подписание мирного договора привело бы лишь к экономической блокаде ГДР [17].

СССР так и не пошел на подписание мирного договора. Вместо этого был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ГДР 12 июня 1964 г., который гарантировал «неприкосновенность границ ГДР» и предусматривал «существование двух суверенных немецких государств». Обе стороны подтвердили решимость и в дальнейшем всесторонне развивать связи на принципах социалистического интернационализма. Они обязались в случае вооруженного нападения на одну из них оказать друг другу немедленную помощь. В 1967–1968 гг. договоры подобного содержания были заключены между ГДР и Польшей, Чехословакией, Монголией.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Веттиг Г. Н. С. Хрущев и Берлинский кризис 1958–1963 годов: политика угроз и возведение Берлинской стены. — М., 2007. — 239 с.
2. Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 52. Оп. 1. Д. 557. Л. 113–128.
3. РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 586. Л. 118–137.
4. РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 586. Л. 135.
5. Христофоров В. С. Н. С. Хрущев и Дж. Кеннеди: подготовка и проведение встречи в Вене в 1961 году. По документам российских архивов // Новая и Новейшая история. — 2011. — С. 15–33.
6. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 476. Л. 12, 45–46.
7. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. — С. 1089.

8. РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 598. Л. 73–74.

9. РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 468. Л. 6–80.

10. РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 468. Л. 80.

11. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 494, 495.

12. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 495. Л. 14

13. РГАНИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 12.

14. Советское правительство предлагало обратиться четырем государствам к обеим германским государствам с мирным договором и вопросом воссоединения.

15. Харрисон Х. Политика Советского Союза и Восточной Германии в период Берлинского кризиса 1958–1961 г. // Холодная война: новые подходы, новые документы. — М., 1995. — С. 280.

16. Письмо В. Ульбрихта и делегации ГДР на XXII съезде КПСС Н. С. Хрущеву, 30 октября 1961 г. (в переводе на англ. яз.) // Cold War International History Project Working Paper No. 5. — P. 132–139.

17. Часть записи беседы членов чехословацкой делегации с Н. С. Хрущевым, посвященная ситуации в ГДР, 8 июня 1962 г. // Новая и новейшая история. — 2003. — № 1. — С. 153.

НОВЫЕ ФАКТЫ О ГИБЕЛИ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В. К. ПЛЕВЕ: О ВОЗМОЖНОСТЯХ АРХИВНОЙ ЭВРИСТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВЫХ СИСТЕМ

Лебедев Владимир Дмитриевич

Кандидат исторических наук

e-mail: vladimirlebed13@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются обстоятельства убийства министра внутренних дел России В. К. Плеве. Выявленные благодаря современным электронным информационно-поисковым системам документы позволяют по-новому взглянуть на эту тему.

Ключевые слова: личный фонд, Государственный архив Российской Федерации.

NEW FACTS ABOUT THE DEATH OF THE MINISTER OF INTERNAL AFFAIRS V. K. PLEVE: ABOUT POSSIBILITIES OF ARCHIVAL HEURISTICS AT THE MODERN STAGE OF DEVELOPMENT OF ELECTRONIC INFORMATION AND SEARCH SYSTEMS

Lebedev Vladimir Dmitrievich

Candidate of Historical Sciences

e-mail: vladimirlebed13@gmail.com

Abstract. The article describes the circumstances of the assassination of Russian Minister of Internal Affairs V. K. Pleve. The documents revealed by modern information retrieval systems gave a new view at the history of this event.

Keywords: personal archival fund; State Archive of the Russian Federation.

Вячеслав Константинович Плеве — прокурор, сенатор, министр и статс-секретарь Великого княжества Финляндского, министр внутренних дел — один из самых ярких государственных деятелей в истории России конца XIX — начала XX в. Его убийство 15 июля 1904 г. стало одной из причин эскалации политического террора в нашей стране.

Основная задача настоящей работы — доказать, что гибель министра непосредственно связана с его служебной деятельностью и обусловлена не только решениями руководства партии эсеров. Раскрыть данную тему позволяют современные электронные информационно-поисковые системы в архивных учреждениях, в том числе в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), а также грамотное использование архивной документной информации. Необходимость развития архивной эвристики обусловлена весьма противоречивыми оценками деятельности В. К. Плеве в историографии.

Жизнь и деятельность В. К. Плеве чаще всего рассматривали в контексте политической или экономической истории [1–5]. Работ, посвященных В. К. Плеве, сравнительно немного [6–8]. В историографии его жизнь и общественную деятельность оценивали, как правило, негативно. Многие историки исходили из того, что В. К. Плеве не только боролся с революционным движением, но и противодействовал реформам министра финансов С. Ю. Витте, который проводил прогрессивную политику по привлечению иностранных капиталов в российскую экономику [1; 2; 9].

Отметим, что подобные суждения были свойственны не только советской, но и отчасти российской дореволюционной литературе. Вот как оценивал его политический курс главный редактор либерального журнала «Освобождение» П. Б. Струве: «Реакционная реформа усиления губернаторской власти прикрывается благовидной маской децентрализации» [10, с. XI; 11, с. 255–256]. Отрицательные качества, которые приписывали ему некоторые современники, постепенно сложились в устойчивый стереотип и оказали влияние на российскую историографию. Не учитывалось, что мало кто из современников знал реальную мотивацию тех или иных поступков министра. Так, чиновник особых поручений С. Е. Крыжановский писал, что «В. К. Плеве принадлежал к числу тех государственных деятелей, о которых еще при жизни складывают легенды» [12, с. 129]. Значит, при изучении его деятельности опираться следует главным образом на архивные документы.

Для понимания обстоятельств смерти В. К. Плеве следует прежде всего отметить, что это был признанный специалист своего дела. После окончания юридического факультета Московского универси-

тета в 1867 г. он начал службу кандидатом на судебные должности при прокуроре Московского окружного суда, а затем в течение последующих 4 лет занимал разные должности в учреждениях Министерства юстиции.

В 1880 г. в качестве прокурора Петербургской судебной палаты Плеве занимался расследованием взрыва, который устроили народовольцы в Зимнем дворце в 1880 г. Именно тогда и произошло его знакомство с наследным цесаревичем великим князем Александром Александровичем, который обратил внимание министра внутренних дел М. Т. Лорис-Меликова на его личные и деловые качества, что и оказалось решающим в его выдвижении [6, с. 295–296]. В 1881 г., после убийства императора Александра II, его назначили директором Департамента государственной полиции. С именем В. К. Плеве связаны энергичные и успешные действия по разгрому террористической организации «Народная воля». Совместно с подполковником Г. П. Судейкиным он разработал систему тайной агентурной работы внутри революционных организаций, не знавшую до этого подобных масштабов в России, участвовал также в работе комиссии по составлению Положения о государственной охране. В 1884 г. В. К. Плеве назначили товарищем министра внутренних дел и заведующим полицией, а 10 лет спустя — государственным секретарем. Наконец, в 1902 г., после убийства Д. С. Сипягина, Плеве стал министром внутренних дел и шефом корпуса жандармов.

Возникает вопрос: почему чиновник неожиданно занимает руководящие должности в центральных государственных учреждениях? Думается, что основная причина заключалась не только в профессионализме В. К. Плеве, но и в объективной востребованности его деловых качеств.

Принято считать, что выдвижение В. К. Плеве по службе связано с его борьбой с революционным движением. Из этого следовал вывод, что это и послужило главной причиной его убийства. Действительно, документы Особого отдела Департамента полиции казались бы подтверждать такое мнение. В объемном следственном деле собраны разные документы: акты осмотра места происшествия, показания свидетелей, заключения медицинских экспертов и т. д. [13].

Следствие установило, что утром 15 июля 1904 г. министр ехал в Петергоф, чтобы сделать доклад императору. Когда экипаж приблизился к углу Измайловского проспекта и Обводного канала, к нему бросился молодой человек и взорвал бомбу. Подоспевшие на помощь к министру полицейские увидели, что он лежит на обломках экипажа без признаков жизни. Тем временем чины полиции задержали бросившего бомбу, который оказался ранен. Убийца, допрошенный в отдельной палате Александровской больницы, признал себя виновным в преднамеренном убийстве и в принадлежности к партии социалистов-революционеров. По его словам, он убил министра по поручению его боевой организации, которая поставила задачу уничтожения наиболее усердных слуг самодержавия как врагов народа. К последним принадлежал и В. К. Плеве, которому организация вынесла смертный приговор, приведенный в исполнение обвиняемым. По словам убийцы, им оказался Егор Сергеевич Сазонов, социалистическая партия, таким образом отвечает на произвол чиновников [14, л. 1]. На первый взгляд получается все просто — борцы за русских людей готовили революцию в их интересах и в процессе этой подготовки стали убивать высших должностных лиц. Однако характер злодеяния, в частности наличие мощного и дорогого орудия убийства, не соответствовал финансовым возможностям революционной партии, что никак нельзя считать актом индивидуального террора. Такую бомбу изготовили в специальной лаборатории, и едва ли это мог сделать студент Е. Сазонов и его единомышленники. При осмотре одежды убийцы оказалось, что все признаки, по которым можно было бы узнать мастера или продавца платья, тщательно уничтожены. Принимая во внимание, что это было первое в жизни Сазонова преступление, невольно напрашивается вывод, что все столь тщательно спланированное убийство было продумано не им. Очевидно, за ним стоял опытный организатор, который не был заинтересован, чтобы портфель с документами, в котором министр вез доклад, попал в руки главы государства. Предполагают, что в преступлении был заинтересован руководитель партии и одновременно агент Департамента полиции Е. Азеф, но веских доказательств этому факту мало [8, с. 24–25]. Кто же был заказчиком?

Думается, что нужно обратить внимание на следующие фразы, которые Сазонов опрометчиво бросил в ходе дачи показаний: «Россия получит социалистическое переустройство, может быть, тогда, когда самого имени „Россия“ не останется на земном глобусе». И далее в числе первых грехов покойного министра стояла поддержка общественных сил, которые «науськивали» простой народ на евреев, поляков и финляндцев [14, л. 2–3 об.]. Получается, что именно в лице, желающем сокрушить страну, и был заинтересован организатор преступления.

Чтобы обозначить круг лиц, которые были бы заинтересованы в устранении В. К. Плеве, нужно понять тот аспект служебной деятельности, который вызывал у них наибольший страх, послуживший главным мотивом убийства. Документы следствия четкого ответа на этот вопрос не дают.

Обратимся к документам личного фонда министра, хранящимся в ГА РФ. Их просмотр показывает, что из 1879 дел едва ли более десятка посвящены борьбе с революционными партиями. Содержание фонда позволяет сделать вывод, что В. К. Плеве стремился понять ключевую проблему России, порождающую, в частности, революционные настроения.

Подавляющий массив документов касается социально-экономической ситуации в стране, и они большей частью относятся к 1890–1900-м гг. Это свыше тысячи дел, включающих разные виды документов: аналитические записки, доклады и отчеты губернаторов, справки, журналы особых совещаний, оттиски статей и т. д. На многих имеются пометки и резолюции В. К. Плеве, что позволяет понять его реакцию на эти или иные вопросы. Тематически они охватывают едва ли не все стороны жизни государства: от развития аграрно-крестьянского сектора экономики и сельских школ до модернизации портов. При этом он как один из руководителей полицейской службы страны смотрел на эти проблемы под своим углом зрения.

В. К. Плеве был убежден, что условием для развития России является технологическая самостоятельность экономики государства и просвещение народа. Реализация такой программы вела к провалу всех планов революционных партий и той части бюрократии, которая проводила экономические реформы в интересах конкурентов

российских предприятий. Источниковедческий анализ приходящих на рассмотрение министра документов, его собственные записки позволяют сделать вывод, что ему первому удалось окончательно выяснить не только корень ключевой проблемы страны, но и круг лиц, активно пытающихся помешать ее решить. В первую очередь, следует обратить внимание на такой важный документ, как «Представления министра финансов С. Ю. Витте в Государственный совет об утверждении нового устава Государственного банка, 1893 г.» [15]. Пометы Плеве свидетельствуют о том, что именно он был одним из первых, кто осознал процесс разрушения национальной финансово-экономической системы. Одна из причин этого явления — реформа денежного обращения, подготовленная С. Ю. Витте. По закону 1897 г. Государственный банк стал главным эмиссионным центром и не мог выпускать необеспеченные золотом банкноты более чем на 300 млн рублей. Кроме того, изменившийся курс серебра увеличивал процентные ставки для российских сельскохозяйственных производителей. Поскольку возможности золотодобычи ограничены, то единственным способом привлечения оставалось внешнее заимствование, чтобы объем денежных средств был адекватен количеству выпускаемых товаров. Именно так российская казна оказалась зависимой от иностранных фирм и банков, которые с 1898 г. начали скупать по демпинговым ценам нефтяные месторождения на Кавказе (предприятия на Биби-Эйбатской даче и др.), вынуждали за огромные суммы импортировать английский уголь для Донецких железных дорог (27 рублей за пуд) и пр. [16, с. 30–35, 38–40; 17; 19, с. 348–353, 354–358]. Все эти обстоятельства заставили его внимательно присмотреться к личности министра финансов и к тем лицам, с которыми тот имел дело. Не случайно В. К. Плеве накануне своей гибели изучал материалы Особого совещания по делу Каспийско-Черноморского общества о праве владения участком № 38 Романинской нефтеносной дачи (15 января — 17 июня 1904 г.). Вероятно, чтобы убедиться в обоснованности позиции о пагубности денежной реформы для ведущих отраслей экономики, министр изучал научные исследования специалистов по данному вопросу: аналитические записки («Борьба серебра с золотом» и «Об ухудшении финансового

положения России после проведения денежной реформы»), брошюру Г. В. Бутми «К вопросу о денежной реформе. Золото или серебро» (Одесса, 1896) и др. [19]. Почти все экономисты утверждали, что переход на золотой стандарт выгоден только иностранным банкирам. Так постепенно министр внутренних дел собирал доказательную базу против С. Ю. Витте, но для ареста она, вероятно, еще была недостаточной.

Изучая обстоятельства гибели В. К. Плеве, можно сделать вывод, что этот вопрос следует рассматривать в контексте всей его служебной деятельности. Информационное наполнение документов, выявленных в личном фонде министра, позволяет представить если не конкретного организатора преступления, то хотя бы обозначить круг сановников и предпринимателей, заинтересованных в его устранении.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дякин В. С. Деньги для сельского хозяйства, 1892–1914. Аграрный кредит в экономической политике царизма. — СПб.: Изд-во СПГУ, 1997. — 356 с.

2. Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. — СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 1999. — 430 с.

3. Овченко Ю. Ф. Полицейская реформа В. К. Плеве // Вопр. истории. — 1993. — № 8. — С. 153–157.

4. Рахманова Н. Еврейский вопрос в политике В. К. Плеве // Вестн. Еврейского университета в Москве. — 1995. — № 1. — С. 83–103.

5. Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917). — М.: Изд-во «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. — 432 с.

6. Симонова М. С. Вячеслав Константинович Плеве // Российские консерваторы. — М.: «Русский мир», 1997. — С. 287–322.

7. Чукарев А. Г. Вячеслав Константинович Плеве // Российский исторический журнал. — 2003. — № 1. — С. 18–32.

8. Чукарев А. Г. Тонкий и беспринципный деятель (подробности из личной и политической жизни В. К. Плеве) // Российский исторический журнал. — 2003. — № 1. — С. 5–25.

9. Симонова М. С. Кризис в аграрной политике царизма накануне первой российской революции. — М.: «Наука», 1987. — 252 с.
10. Усиление губернаторской власти. Проект фон Плеве / с предисл. П. Струве. — Париж: Ред. «Освобождение», 1904. — 45 с.
11. Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. — М.: Изд-во «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. — 678 с.
12. Крыжановский С. Е. Заметки русского консерватора // Вопр. истории. — 1997. — № 3. — С. 121–139.
13. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 102, Особый отдел. Оп. 232, 1904 г. Д. 395 (Т. 1–3).
14. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 253. Д. 140.
15. ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 145.
16. Рерберг Ф. П. Исторические тайны великих побед и необъяснимых поражений. Записки участника Русско-японской войны 1904–1905 гг. — Мадрид: «Александрия», 1967. — 189 с.
17. Драган О. В. Реформа Государственного банка 1892–1894 гг.: европейский опыт и российская практика // Экономическая история: Ежегодник. — М.: Изд-во «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. — С. 237–256.
18. Письма и доклады великого князя Александра Михайловича императору Николаю II. — М.: «Кучково поле», 2016. — 653 с.
19. ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 331, 168, 154, 155, 159.

ПОДМОСКОВЬЕ ВРЕМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ ЕГО ПРАВИТЕЛЕЙ

Аксютин Юрий Васильевич

Доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры новейшей истории России
Московского государственного областного университета
Москва, Российская Федерация
e-mail: aksyutin37@mail.ru

Аннотация. Советская власть — это власть партии большевиков. Как они эту власть осуществляли, какие взаимоотношения у них были с крестьянским большинством и правящим рабочим классом, а также между собой (с центром, с одной стороны, и местами, с другой), что собой представлял Сапронов? Ответы на эти и другие вопросы можно найти в представленном ниже обзоре некоторой части архивного фонда Московского губернского комитета РКП(б), а именно его протоколов за 1919 г.

Ключевые слова: Московский губернский (окружной) комитет РКП(б), Тимофей Сапронов и «демократический централизм», Инеса Арманд, дезертирство, крестьянские и рабочие беспорядки.

MOSCOW REGION TIMES OF CIVIL WAR BY THE EYES OF ITS RULES

Aksyutin Yurii Vasil'evich

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Professor of the Department of Contemporary Russian History
Moscow State Regional University
Moscow, Russian Federation
e-mail: aksyutin37@mail.ru

Abstract. Soviet power was the power of the Bolshevik Party. How they exercised this power, what kind of relationship they had with the peasant majority and, it seems, the ruling working class, as well as between themselves (with the center, on the one hand, and the stations, on the other), which of them was then governor Saponov? Answers to these and other questions can be found in the review below of some part of the archival

fund of the Moscow Provincial Committee of the RCP(b), Namely its 1919 protocols.

Keywords: Moscow provincial (district) committee of the RCP(b), Timofey Sapronov and «democratic centralism», Inessa Armand, desertion, peasant and labor unrest.

Подмосковная деревня в 1919 г. мало чем отличалась от других сельских местностей Среднерусской равнины: прошлогодний земельный передел, покончивший с частной собственностью помещиков и хуторян (кулаков), не ликвидировал малоземелье. Низкая агрокультура, плохая техническая оснащенность не позволяли мужику так вести хозяйство, чтобы прокормить себя, не говоря уже о том, чтобы снабжать продовольствием и сырьем город и промышленность. А у тех немногих, кто такими излишками обладал, их беспощадно изымала власть. Комитеты бедноты, созданные компартией для того, чтобы углубить земельный передел, с этой задачей не справились и были распущены.

На съезде советов Московской губернии, открывшемся 2 февраля 1919 г., признавалось, что в волостных советах «бывали случаи, когда работу вели деревенские кулаки», и отмечалось, что с такими советами «велась беспощадная борьба» и что эта борьба была отнюдь не бескровной: «Наблюдался ряд вспышек — бунтов, например, в Верее, Волоколамске, но они были скоро ликвидированы» [1].

Не снята была с повестки дня и ликвидация мелкой буржуазии. Бюро МОК РКП(б) 1 марта 1919 г. потребовало «создать условия безболезненной экспроприации мелкого хозяина земледельца-собственника». Но в центре полагали, что безболезненно такая экспроприация в ближайшей перспективе невозможна и, мало того, может взорвать тыл. И на VIII съезде РКП(б) 18–23 марта в принятой по настоянию Ленина резолюции «Об отношении к среднему крестьянству» коммунистам предписывалось уметь приходиться к соглашению с этой основной массой в российской деревне. Она, правда, плохо выполнялась на местах.

Реквизиция продовольствия у крестьян обрекала их на голод, от которого можно было спастись, разве лишь пойдя в РККА, где в виде красноармейского пайка выдавались отнятые же у них продук-

ты. Желающие находились, но их было явно недостаточно. Фронты гражданской войны требовали постоянного пополнения людьми, вооружением и снаряжением. Без мобилизаций в этом деле обойтись было нельзя. Были, конечно, и добровольцы, особенно среди коммунистов. Но вот крестьяне никак не желали отправляться в лес для заготовки дров, необходимых в качестве топлива Владимирскому пороховому заводу. И в Совете рабоче-крестьянской обороны обсуждался вопрос о введении для этого трудовой повинности. И вот 10 марта населению 1 поселка, 1 станции, 7 сел, 24 деревень и 6 погостов с населением, состоящим из 5142 мужчин в возрасте от 17 до 53 лет и 4599 женщин в возрасте от 18 до 49 лет, имеющих 1723 лошади, предписано выделить 1340 резчиков со своими пилами, топорами и подпилками, а также 1000 лошадей с возчиками для заготовки в течение полутора месяцев 15 000 кубических сажень дров. Каждый мужчина должен был заготовить 5 кубов, а женщина 1,5 куба [2].

И таких постановлений центральная и местная власти принимали много. Другое дело — как они выполнялись и выполнялись ли вообще.

В соответствии с Конституцией во второй половине апреля полагалось назначить советские перевыборы в советы (прошел полугодовой срок после предыдущих).

Между тем в волостях и отчасти среди рабочих настроение неудовлетворительное (в связи с продовольственными затруднениями) — признавалось на заседании бюро Московского губкома РКП(б) 8 апреля. Поэтому нужно предложить уездным советам воздержаться от перевыборов волостных советов [3].

В результате постановили: довести до сведения партийных организаций, что необходимо воздержаться от перевыборов волостных советов, устраивая таковые каждый раз лишь по специальному разрешению центра [4].

Неуверенность в том, как проголосуют избиратели, имела немалые основания. На заседании Московского губернского комитета РКП(б) 26 июня заслушивались доклады с мест. И констатировалось следующее.

В Подольском уезде настроение неустойчивое. Оно меняется в зависимости от состояния продовольственных дел. Вообще же ненависти

к советской власти нет. Дезертиров-фронтовиков нет, а имеются только дезертиры, которые своевременно не явились и против которых не были приняты своевременно никакие меры. После некоторого разъяснения они почти все добровольно явились (человек 100) [5].

В Богородском уезде настроение у населения спокойное. Выступлений не было, были только нарекания на продовольственной почве: крестьяне ничего не получают. Определенных организованных групп дезертиров нет. Меры против них принимаются. В льготную неделю явилось человек 700 [6].

В Коломенском уезде настроение такое же, как и раньше: у одних хорошее, у других плохое, а в общем среднее. Продовольственное положение удовлетворительное. Выступлений не было. Организованных групп дезертиров нет. Явилось их уже человек 100 [7].

В Серпуховском уезде, как и всегда, два настроения: революционное и контрреволюционное. Продовольственное положение удовлетворяет. Дезертиров много: 3–4 тысячи. В деревне выступлений нет, а в городе — на текстильной фабрике [8].

Рассказывая на XV Московской губернской конференции РКП(б), состоявшейся 26–27 июля, о проведении добровольной мобилизации крестьян в РККА (по 10–20 человек от волости), председатель Губернского исполнительного комитета Сапронов признал: «Здесь мы успеха не имели. Человек для того, чтобы добровольно идти на фронт, должен понимать, за что он там будет бороться и какие для него могут быть выгоды от победы... Крестьянство от этого понимания отрезано китайской стеной, и наши агитаторы не смогли ему разъяснить всех преимуществ советской власти...»

Призвав учесть психологию крестьянства, он говорил о необходимости подходить к нему с экономической точки зрения, раскрывать крестьянам глаза на их выгоду: «Мы постепенно перетянем его на свою сторону по мере развития мировой революции, когда мы будем иметь возможность снабжать крестьянство необходимыми для него продуктами и материалами» [9].

Другими словами, обещал синицу в небе.

Что же касается движения дезертиров, отрядов «зеленых», то с ними, по его словам, было покончено [10]. Но это ни в коей мере не соот-

ветствовало действительности. Ибо 19 августа бюро губкома РКП(б) заслушало сообщение (очевидно, чекистов), что дезертиров в губернии 60 тысяч, из них только 16 тысяч вернулось в части, а 16 тысяч пристроились в различных артиллерийских и инженерных учреждениях [11].

На 1 января 1919 г. в Московской губернии профсоюз текстильщиков насчитывал 154 161 человека [12]. И, кроме большевиков, среди них никто не работал. Металлистов было раз в десять меньше. Правда, у них довольно значительным влиянием пользовались меньшевики. Их полгода назад насильственно удалили из советов. Но сейчас центр совершил очередной зигзаг и вернул им право на легальное существование.

Бюро МОК РКП(б) 8 января, рассмотрев вопрос «Об отношении к меньшевикам» и приняв во внимание их последние выступления (Абрамовича в печати), а также заявления лидера левых эсеров Спиридоновой, постановило: «В резкой форме высказать свое мнение против допущения меньшевиков и левых эсеров на ответственные посты Совета, как элементов вполне контрреволюционных» [13].

Правя больше года страной, большевики думали, что им под силу взять в свои руки и управление промышленностью. Не сразу, конечно, а года через три, научившись у буржуазии, как это лучше делать. И пролетарии охотно слушали их и верили им. Но не везде. Кое-где патриархальные отношения между фабрикантами и рабочими продолжали существовать и портить благостную картину классовой ненависти пролетариата к его вчерашним хозяевам.

На заседании бюро Московского окружного комитета РКП(б) 11 января было сообщено об инциденте в Серпухове при назначении в правление фабрики специалиста Хутарева — явного контрреволюционера. Постановили: назначить комиссию для расследования и просить Совнархоз сделать доклад о назначении специалистов в правление национализированных фабрик [14]. Но все дело в том, что Хутарев был не просто специалистом, а одним из бывших владельцев фабрики, и доверие, оказываемое ему рабочими, было трудно понять коммунистам.

Ну ладно, захудалая провинция, даже не уездный Серпухов, а фабричный поселок в полутора-двух верстах от него. Но даже

во главе эвакуированного Петроградского патронного завода, в цехах закрытого Подольского завода «Земгора» остаются такие старые специалисты, как директор-распорядитель генерал-фельдцейхмейстер А. В. Ростовщиков и технический директор Воронцов-Вельяминов [15]. Ну разве это не чужие люди?

Между тем экономический кризис, ставший одной из причин взрыва народного недовольства, на волне которого большевики пришли к власти, усиливался. Но что можно было сделать для его приуменьшения? Ничего, кроме мер, имеющих сугубо словесно-административный характер.

«Необходимо напрячь все силы, применить героические меры, — говорилось на заседании Московского окружного комитета РКП(б) 30 января 1919 г. — Для этого необходимо: мобилизовать партийных товарищей и влить их в продовольственные и транспортные органы, преодолеть саботаж на железной дороге, прекратить на некоторое время пассажирское движение» [16].

В принятой резолюции предлагалось приостановить пассажирское движение на железной дороге (в том числе на трамвае) и уничтожить движение легковых извозчиков, а весь освобожденный транспорт и его персонал перебросить на доставку продовольствия с Украины и других хлебных рынков, мобилизовав для этого мужскую часть партии и технические силы [17].

Центральная власть согласилась с принятием подобных мер только через два месяца.

Были опасения, что энергия недовольных властью рабочих может с помощью умеренных социалистических партий приобрести ясную антисоветскую цель, а также четкие организационные формы и что, если понадобится сила для подавления их протеста, то эта сила выйдет из повиновения. Для такого рода опасений были основания. Когда Московская губерния совсем перестала получать продукты, прекратился свободный проезд за хлебом, начались выступления под лозунгами: «Хлеба!» и «Долой войну!». Они имели место в Орехово-Зуеве, Клину и Серпухове. Дезертиры в волостях стали организовываться в отряды, некоторые из которых насчитывали по 200–300 человек. Распространились слухи, что они собираются

двинуться на города, где анархисты, а также легализованные меньшевики и эсеры уже стали призывать к забастовкам [18].

В связи с этим коммунисты Ухтомского (бывшего Люберецкого) подрайона 26 марта потребовали закрыть всю прессу эсеров и меньшевиков, исключить их из советов и общественных организаций, «принять репрессивные меры ко всем явно и тайно агитирующим, а также вредящим и саботирующим и этим ослабляющим рабоче-крестьянскую власть» [19].

«На съезде (VIII съезде РКП(б), проходившем неделю назад. — Ю. А.) почти умышленно не понимали нашего отношения к специалистам, делая вид, что мы против их использования, — разъяснял 27 марта Муравьев. — Между тем мы лишь против того, чтобы спецы нами управляли, нами командовали. На местах, в силу ряда причин, нас рабочие массы уже не всегда слушают. И вот, когда на лицо имеются все условия для контрреволюционных движений, в это время легализуют правых эсеров и меньшевиков, передают военный аппарат в руки специалистов, которые в решительную минуту движут этот аппарат против нас» [20].

«Советская Республика переживает глубокий внутренний кризис, обусловленный натиском империализма, малочисленностью активных слоев коммунистической партии и отходом широких рабочих масс от революции, — вторил ему Сорин. — Авангард рабочего класса под натиском буржуазной интеллигенции принужден сдавать свои позиции, сотрудничество с буржуазной интеллигенцией переходит незаметно в частичный отказ от государственной власти с коалиционным министерством в перспективе. Нужно продолжить борьбу за диктатуру пролетариата, за сохранение в его руках всей полноты власти» [21].

На заседании бюро Московского губкома РКП(б) 8 апреля докладывалось об обстоятельствах, сопровождавших беспорядки в Орехово-Зуеве. «Движение до известной степени носило организационный характер: на митингах требовали произвести обыски у ответственных работников и избрали соответственную комиссию. Но когда началась раздача хлеба, толпы стали расходиться. Волнение, однако, еще не улеглось. Город объявлен на военном положении» [22].

А вот что говорил полтора месяца спустя о ситуации в Орехово-Зуеве Грызло: «Выступления были в связи неполучением хлеба и агитацией анархистов. Выступления увенчалось стачкой, которая в настоящий момент ликвидирована» [23].

А еще месяц спустя Минков, отчитываясь о работе губкома на XV Московской губернской конференции РКП(б) 26 июля сказал: «Продовольственный кризис заставил губком улаживать целый ряд бывших на этой почве выступлений рабочих, из которых некоторые сопровождались стачками, как это произошло в Орехове, где рабочие фабрик Морозовых в количестве около 20 тысяч человек вышли на улицу с требованием хлеба и свободу его провоза. Выступления были также на Высоковской мануфактуре (в Клинском уезде. — Ю. А.) и в других местах. И перед нами встала задача: как их ликвидировать. Решительные меры не в наших интересах. Они нам невыгодны. Дать хлеба мы тоже не могли, за исключением нескольких вагонов, которые нам пришлось отдать» [24].

О том же говорил и председатель губисполкома Сапронов в докладе о политическом и экономическом положении губернии: «Выступления с белыми флагами в Москве вызвали много толков в центре, но когда произошли такие же выступления в Московской губернии, то об этом в центре никто не побеспокоился. Наша губерния получала слишком мало продуктов, недовольство масс росло. До сих пор удавалось их сдерживать. Но в последующее время мы совсем не стали получать продовольствия — ни хлеба, ни овощей, а железнодорожники прекратили свой проезд за хлебом. И рабочие фактически остались без хлеба. Во многих районах на собраниях выступали с требованием свободы закупки и провоза хлеба. На этой почве были выступления с белыми флагами и лозунгами: „Хлеба!“ и „Долой войну!“ Они имели место в Орехово-Зуеве, Клину и Серпухове: эти попытки, как бы незначительны они ни были, используют враги, стараясь раздуть их в более крупные движения. Например, меньшевики, анархисты и эсеры призывали к стачкам» [25].

Причем подбивать на стачки стали тогда, когда в волостях начали организовываться отряды дезертиров по 200–300 человек и распространились слухи о том, что они собираются двинуться на города и даже на Москву.

«С этими отрядами мы покончили решительными мерами. А как поступить с рабочими? Одной агитацией их трудно было сдерживать от выступлений. Двухнедельный отпуск с правом свободного проезда по железной дороге открыл лишь некоторые клапаны. Движение вроде бы затихло, но положение остается серьезным. В этом году рабочие Московской губернии получали 4–8 фунтов хлеба в месяц, а теперь вынуждены питаться травой. Мы предлагали ввести единый классовый паек в губернии наравне с Москвой, но нам ответили, что губерния не может быть приравнена к Москве, т. к. Москва — стратегический пункт. Но ведь если бы рабочие Орехова захватили железную дорогу, то мы бы были отрезаны от Нижнего Новгорода и Поволжья, а если бы то же сделали рабочие Серпухова, то мы оказались бы отрезаны и от юга» [26].

Московский губернский комитет РКП(б) 14 августа обсуждал итоги мобилизации в профсоюзах. В соответствии с докладом Романчука разверстка была на 7142 человека, явилось 4284, принято 1516, из них отправлено в войска 584 и на продовольственный фронт 558.

«Сначала со стороны союзов, где преобладали соглашатели, был ряд возражений, что профсоюзы-де занялись делами Военного ведомства. Не явилось 50 %» [27].

Не так уж гладко, как описал это Романчук, нашел прохождение мобилизации в профсоюзах Лобанов: «У нас были случаи, когда по разверстке какая-нибудь фабрика должна была выделить 100 человек для Красной Армии, в то время как всего-то на этой фабрике насчитывалось человек 10. Не проходило и без волнений. Были такие случаи, когда мы для примера должны были мобилизовать целые ячейки, т. к. иначе рабочие отказывались мобилизовываться... Эта мобилизация не оправдала тех надежд, которые на нее возлагались. Она фактически ничего не дела, а только внесла сумбур в рабочую среду. Московский райком счел нужным вынести резолюцию о нецелесообразности этой мобилизации».

«Профсоюзная мобилизация может дать пользу только тогда, когда в рабочих массах замечается подъем, — признал и Сапронов. — И потому мобилизация только осложнила наше положение. Взять например строителей: у них замечалось поголовное бегство в другие места».

Романчук, снова выступивший, все же коснулся положительной стороны мобилизации. «Когда мы приступили к мобилизации, то думали, что из намеченного количества нам удастся отправить в Красную армию и продовольственный отряд всего 15–20 %, а получилось 45 %».

Сапронов предложил ходатайствовать, чтобы впредь не проводилось профсоюзной мобилизации. Предложение его было принято [28].

Сами рабочие больше были озабочены собственным выживанием, чем производством или вопросом, кто победит на фронте. В августе невыходы на работу на Коломенском машиностроительном заводе достигли 57 %.

На заседании бюро Московского губкома РКП(б) 23 декабря было сообщено, что в Павловом Посаде на почве недостатка хлеба замечается волнение среди рабочих. То же наблюдается в Орехове и Богородске. Постановили предложить президиуму Губисполкома связаться с Наркомпродом об усилении посылки хлебных грузов для Московской губернии [29].

Председатель Московского губернского исполнительного комитета Тимофей Сапронов, моляр по профессии, в революционном движении с 1905 г., сумел организовать и возглавил профсоюз строителей, член РСДРП(б) с 1912 г. Проявил неплохие организационные качества. Но находился в некоторой оппозиции к центру, находя, что он слишком уж сильно ограничивает в свою пользу его власть.

А тут развернулись споры вокруг чрезмерных полномочий чрезвычайных комиссий. Бюро Московского окружкома РКП(б) 2 января тоже обсудило этот вопрос и высказалось за ликвидацию их в уездах и районах, но не в губернии [31].

Новую пищу для недовольства Сапронова и его коллег вызвало решение коллегии ВЧК ликвидировать Московскую губернскую чрезвычайную комиссию, а уездные ЧК подчинить Московской (общегородской) ЧК, возглавлявшейся самим Дзержинским. Бюро МОК РКП(б) 8 января 1919 г. вновь посчитало «недопустимым и невозможным» стремление центральных организаций решать вопросы, касающиеся Московской губернии без Губисполкома, «совершенно не считаясь с мнением последнего». Существование и деятельность губернской ЧК решено было сохранить. А деятельность ВЧК в губер-

нии была признана «не только неудовлетворительной, но и во многом дезорганизирующей» [31].

Дезорганизирующей деятельность ВЧК посчитали и потому, что она объектом своей работы считала не только контрреволюционеров и саботажников, но и вольно или невольно создающих для них благоприятную почву обывателей из числа коммунистов. МОК не думал их каким-то образом покрывать, принимал против них довольно жесткие меры, но не желал, чтобы в этой борьбе за чистоту собственных рядов у него были какие-либо конкуренты. 13 февраля он постановил удалить из партии и предать суду всех участников (десяток членов Клинского уездного исполкома), принимавших участие 10 января в пьянке, в результате которой двое из них скончались [32].

Взаимоотношение центра и мест стало чуть ли не главным в повестке дня XI Московской губернской конференции РКП(б) 18–19 января 1919 г. «Надежды центров умалением значения советов и проведением в жизнь ведомственной политики избавиться от недочетов власти на местах являются, на наш взгляд, в корне ошибочными, — говорил член губисполкома Иванов. — Они не дадут тех результатов, которых от них ожидают. Наоборот, они создают еще больше трений и дают больше возмутителей для создания „государства в государстве“, ярким примером чего может служить железнодорожное ведомство. Все это заставляет нас требовать скорейшего созыва партийного съезда, чтобы вновь подтвердить незыблемость основ нашей конституции» [33].

Не все были согласны с этим. «Централизация, усвоенная и проведенная в жизнь в военном деле, дала хорошие результаты, — говорил Гуревич. — А всем известные ненормальности в действиях власти на местах заставляют нас поддерживать стремление центров положить этому конец» [34]. «Посылка на места „человека с мандатом“, который не считается с советом и действует помимо него, все-таки продолжается, — сетовал Панкратов. — А все стремления поставить военкоматы в рамки контроля и руководства исполкомов остаются безрезультатными. Все это заставляет нас от слов осуждения перейти к делу и решительно покончить с подобными явлениями» [35].

Подытоживая итоги прений, Сапронов уточнял: «Бюро окружного

комитета также стоит за строгий централизм. И если у нас есть разногласия с центром, то не в плоскости „централизм или децентрализация“ (или, как говорят, „вся власть на местах“). А лишь по вопросу о форме этого централизма. В то время как отдельные наркомы стоят за централизм ведомственный, мы стоим за централизм исполкомов» [36].

Продолжая критиковать стремление центра «вырвать руководящую роль из рук губсовдепов установлением непосредственных отношений с отделами» местных исполкомов, Сапронов разъяснял: «Мы не уклоняемся от централизма, но мы за централизм демократический и против бюрократического централизма» [37].

Под понятием «бюрократический централизм» имелось в виду отношение федеральной власти к губернской. Подобное же отношение последней к властям уездным и волостным считалось само собой разумеющимся. Тем более что массы там не особенно-то жаловали большевиков и пытались вытеснить их из советов. Так, в Люберецкий волостной совет выбранными снова оказались почти одни беспартийные, и местные коммунисты поставили перед уездными руководителями вопрос о том, чтобы забаллотировать эти перевыборы [38].

На заседании Московского областного бюро РКП(б) 10 февраля Сорин сообщил, что, работая на Восточном фронте председателем Революционного трибунала, он был отстранен от должности и выслан с фронта Троцким за публикацию статьи в «Правде», в которой якобы проводился взгляд, несоответствующий военной политике, и за проведение этого взгляда в бюро фракции. Сорин выразил протест против действий военной власти [39].

Так к оппозиции «демократического централизма» среди московских губернских руководителей стала добавляться оппозиция военная.

20 февраля при обсуждении вопросов, которые выносятся на VIII партийный съезд, Сапронов предложил Московскому областному бюро резолюцию об инертности Центрального комитета, о необходимости разделить его работу на пленум и узкий состав, в том числе 3 человека — исключительно для партийной работы [40]. Соответствующая резолюция была принята 27 числа и на заседании Московского областного бюро (МОБ), объединявшего деятельность партийных организаций ряда губерний центральной России.

Докладывая Московскому губернскому комитету РКП(б) 27 марта о VIII съезде, Сапронов рассказывал: «В военной секции большинство высказалось против тезиса Троцкого и приняло точку зрения нашей группы. Так как в секции прошли тезисы оппозиции, противная группа покинула секцию, и вопрос был вынесен на пленум, где после доклада Ленина голосовались две резолюции: Сокольникова (но не тезисы Троцкого) и Смирнова (собрала две трети). ЦК принял ряд поправок оппозиции и добился единого одобрения. При выборах в ЦК было выставлено 6 списков, причем наша группа распалась» [41].

«На съезде оппозиция была недостаточно организована, — признался Милов. — Тем не менее нельзя допустить, чтобы она продолжала свое существование после съезда, с этим надо бороться». Антон же доказывал ее необходимость: точка зрения большинства ведет к разложению армии, и только оппозиция может поправить положение там; крестьянство будет наше только тогда, когда убедится в твердости, негибкости политики коммунистов.

«Нужно следить за тем, чтобы все постановления партийного съезда проводились в жизнь, — сказал Сапронов. — Но вопрос об организации советов не решен партийным съездом, а перенесен на съезд советский, что нельзя признать правильным» [42].

По его предложению принята была резолюция: «1. Вменить в обязанности всем партийным организациям проводить в жизнь резолюции, принятые партийным съездом. 2. Призвать все партийные организации к усиленной разработке (путем дискуссий, совещаний и т. п.) всех вопросов, связанных с партийным и советским строительством, в целях подготовки материалов для обсуждения на ближайшей общероссийской конференции РКП. 3. Одобрить позицию, занятую на съезде делегатами Московской губернии, и созвать 12 апреля расширенную конференцию из выборочных делегатов (1 на 50) и всех активных работников вообще для ознакомления и обсуждения работ партийного съезда» [43].

Губернское начальство продолжало будировать против центра, а городское и уездное — не без одобрения и поддержки центра — все громче поднимало свой голос против губернского.

«Бюро заняло позорную позицию по отношению к съезду, вело дезорганизаторскую политику, забывая нам голову „вертикальным“ центра-

лизмом, — говорилось в губкоме РКП(б) 10 апреля 1919 г. — Коломенская организация недовольна деятельностью бюро и требует его роспуска».

Сапронов обвинил тех, кто стал в оппозицию к нему, в том, что они стоят «на почве личных интересов»: «Коломна — та самая организация, которая была раскассирована, — теперь выносит резолюции, не одобряющие деятельность бюро! Нетрудно понять, чем это вызвано».

«Бюро борется против вертикальной организации сверху, но само применяет ее по отношению к местам», — констатировали некоторые представители этих самых мест [44].

При обсуждении обстоятельств, сопровождавших беспорядки в Орехово-Зуеве, выяснилось, что отдельные ответственные работники пьянствовали и позволяли себе всяческие безобразия. Партийное собрание совместно с исполкомом решило настаивать через губком на раскассировании организации и исключило из партии виновных в пьянстве. Общее заключение: рабочие настроены не против советской власти вообще, а против отдельных советских работников, злоупотреблявших своим положением [45].

«Часть товарищей во главе с Кировым держит себя на должной высоте, — говорил Антон, — но Кулаков (заведующий продовольственным отделом) и „кулаковцы“ — это синоним всяческих злоупотреблений, особенно продовольственных».

Постановили: командировать в Орехово-Зуево для реорганизации партии Полидорова, отозвав оттуда Сельдякова, Каштанова, Кулакова и Рубцова [46].

При повторном обсуждении этого вопроса 23 апреля Поликарпов поделился впечатлениями от увиденного: «Пьянство довольно сильное, хотя и слабее, чем прежде. Но корень зла в отсутствии сплоченного ядра товарищей. Много склок и взаимных подкопов. В общем же ничего катастрофического».

Постановили: просить у ЦК товарища Бумажного для работы в Орехово-Зуеве. Выставить кандидатуру Полидорова в Орехово-Зуевский ИК. Подтвердить необходимость отъезда из Орехово-Зуево Сельдякова, Каштанова, Кулакова и Рубцова [47].

Отсутствие массовой поддержки в низах отнюдь не способствовало усилению дисциплины в рядах РКП(б). В Люберцах решено было

провести «более серьезное и детальное расследование» деятельности Шнейдера, отстранив его от должности председателя подрайкома (в составе Московского района, т. е. партийного уезда. — Ю. А.) и до окончания расследования переведя в группу сочувствующих [48]. Очищение своих собственных рядов от наиболее разложившихся и скомпрометированных чинуш позволяло на какое-то время улучшить имидж РКП(б). Так, на выборах исполкома Люберецкого совета коммунисты С. И. Сперанский и И. Е. Курочкин получили соответственно 39 и 37 голосов, тогда как все остальные беспартийные кандидаты — не более 35 голосов каждый [49].

На красильно-аппретурной фабрике (быв. Кацеева) под Коломной не успели разобраться со злоупотреблениями, допущенными ездившими за продуктами делегатами (они привезли с собой тайком и только для себя часть продуктов), как пришлось столкнуться с повальным пьянством членов фабкома. В ночь на 1 мая трое из них вместе с председателем правительственного правления коммунистом Прокофьевым были задержаны в непотребном виде, и при этом у них обнаружили похищенный ими с фабрики мануфактурный товар. Общее собрание рабочих потребовало не только отстранить их от занимаемых должностей, что и было сделано, но и отдать под суд революционного трибунала [50]. Но этого им удалось избежать: их товарищи по правлению и фабкому поверили, будто воровства не было, ибо несли они 7 аршин материи хоть и в час ночи, но не тайком, а открыто, собираясь-де пошить из нее флаги к празднику. Еще более неотразимым был такой довод: «товарищ Прокофьев является одним из первых того района, который поднял красное знамя революции на защиту трудящихся и вел все время упорную борьбу с фабрикантами и их прихвостнями». Конечно, «слабость к пьянству» была настолько очевидной, что отрицать ее было нельзя, но только за этот поступок его и привлекли к ответственности [51].

А поступок этот подсудным в нашей стране никогда не был.

Разумеется, не все коммунисты были пьяницами и хапугами. Из Яхромской ячейки, постановившей целиком идти на фронт, решено было отправить в распоряжение политических отелов фронтовых и армейских РВС одну треть членов [52]. А вот какие характеристики

дало бюро Клинского райкома РКП(б) мобилизованным коммунистам: Маряхин «начал работать в Завидовской волости — наиболее отсталой и бывшей на плохом счету у партии и исполкома». Организовал там ячейку и комбеды, а исполком вырвал у кулаков. «Одним словом, волость переделал. Ввиду недостатка работников в Клину был отозван в Клин. Здесь специально нес партийную работу». Сидоров начал работать в УИК с 1917 г., заведую отделом образования. «Установил хорошие отношения с учащимися и умело стягивал их в работу по устройству новой школы. Выдержанный коммунист, хороший организатор, агитатор и лектор» [53].

Докладывая на заседание губернского бюро 16 июля о поездке в Щелково, Брычкин говорил: «Партийная перерегистрация в районе только что закончилась. Общее число членов доходит до 84, из них активных примерно 15. Председатель Исполкома — Рубков. В Щелково он крайне необходим, но как видно поддался влиянию алкоголя, так что следовало бы его призвать к порядку. Секретарь партии — Власов, хороший агитатор и организатор, но как видно сжился с районом: много времени уделяет игре в любительском театре. Послать бы его на фронт, или в другой, более слабый район, или в губпродком» [54].

«Мы очень мало обращаем внимание на массы, — сетовала Инесса Арманд на заседании Московского губернского комитета РКП(б) 25 июля. — Со многими фабриками и заводами нет совершенно никакой связи, хотя там и имеются коммунисты. А что говорить о тех крупных фабриках, где нет ячеек? И таких фабрик много. Нужно усилить нашу агитацию. Нужно втягивать в нашу партию побольше рабочих. А для этого надо почаще устраивать беспартийным делегатские собрания» [55].

В докладе Минкова о работе губкома на XV Московской губернской конференции РКП(б) 26–27 июля говорилось: «За 3 месяца на фронт послано около 700 членов партии, в том числе больше 100 активных работников, да еще 15 — в поезд председателя РВСП» [56].

Избранный на конференции комитет сконструировал свое бюро (вернее, это самое бюро 29 июля сконструировалось, т. е. распределило обязанности между своими членами): Полидоров — председатель, Минков — секретарь, Сорин — ответственный пропагандист,

Арманд — комиссия рабочих, Максимовский — союз молодежи. Заодно одобрено постановление Звенигородского райкома об исключении из партии Игнатова (председателя Звенигородского совета) за венчание в церкви, «признав, что ответственный товарищ не мог исполнять церковных обрядов» [57].

19 августа бюро губкома приняло к сведению постановление ЦК об отзыве Арманд от работы в губернии [58]. А на следующий день решило обложить коммунистов трудовой повинностью, введя минимальный 9-часовой рабочий день. «В понедельник 25-го представить фракции (губисполкома. — Ю. А.) на утверждение, а со вторника 26-го работать по 9 часов» [59].

Мало того, 11 сентября губком принял резолюцию о субботниках. Констатируя проведение в различных пунктах губернии коммунистических субботников по почину местных организаций, губком «приветствует начинание товарищей и призывает их внести в субботники максимум организованности и целесообразности, направляя всю энергию добровольцев труда на работу в важнейших отраслях государственного хозяйства: транспорт, разгрузка железных дорог, заготовка топлива и др.» [60].

Коммунистические субботники не прижились. По разным причинам. Может быть и потому, что перед РКП(б) обострилась проблема: быть или не быть. Вооруженные силы Юга России во главе с Деникиным двинулись на Москву. Ночью 25 сентября бюро губкома и президиум губисполкома на совместном заседании постановили: создать при ИК комитет обороны (Сапронов, Минков, Сорин, Певунов и военком Миньков), объявить военное положение в губернии и передать ему военно-политическую власть [61]. Объявить партийные организации Южного сектора на военном положении, а в северных районах — мобилизовать не менее 10 % работников [62].

Московский губком РКП(б) предложил ЦК мобилизовать на выбор одного из трех своих членов: Сапронова, Сорина или Минкова. «Мы выбрали товарища Сапронова, — рассказывал позже Троцкий. — И когда после ликвидации деникинского наступления был упразднен военный совет Московского укрепленного района, членом которого был товарищ Сапронов, и он оказался свободным, тогда с его согласия,

еще до партийной конференции, было решено отправить его как опытного работника на Украину, в надежде, что там он использует этот опыт и сумеет справиться с теми тенденциями бандитизма и махновщины, которых много на Украине. После конференции и VII съезда (советов. — Ю. А.) это решение было оставлено в силе, опять-таки с согласия товарища Сапронова, определенно подчеркнувшего, что он считает свою отправку деловой, а не способом удаления его из Москвы» [63].

Из мобилизованных коммунистов был сформирован батальон в 332 человек, отправленный на защиту Петрограда [64].

Из отчета о работе среди работниц явствует, что И. Арманд, оставаясь членом бюро губкома, продолжала работать в отделе, заменившем прежнюю комиссию.

Организованы были 3 партийные недели, в том числе: 21–28 сентября — общая (записалось 1300 человек, — в том числе 170 в Павловом Посаде, 169 в Клинском уезде, 141 в Тушино-Гучковском районе, 140 в Орехово-Зуеве, — увеличив численность губернской организации РКП(б) более чем вдвое), 11–18 октября — крестьянская и 1–9 ноября — красноармейская [65].

На заседании бюро губкома 28 октября обсуждался поднятый москвичами вопрос «Об объединении МК и губкома». Постановили: «Слить контакты целиком» (вечный оппозиционер Максимовский проголосовал против) [66].

А Сапронов по-прежнему настаивал на ликвидации Президиума ВЦИК и передаче его функций Совнаркому. Но не встречал поддержки.

«Семью против двух отклонено мое предложение», — констатировал он, докладывая на бюро губкома 27 ноября о работах комиссии ВЦИК по переработке Конституции.

15 декабря Московский губернский комитет РКП(б) выбирал нового председателя губисполкома (вместо Сапронова).

Максимовский доложил, что бюро вначале наметило на тот пост Минкова, но на фракции исполнительного комитета ни он, ни Полидоров не получили большинства. После этого бюро решило остановиться на кандидатуре Полидорова, а Минкова оставить на партийной работе, в которой у него уже большой опыт.

Сапронов добавил, что он при этом остался в бюро при особом мнении, «так как Минков по сравнению с Полидоровым выигрывает своими организаторскими и административными способностями и твердостью характера. К тому же на фракции Минков получил больше голосов, чем Полидоров. При голосовании за Полидорова поднято 10 рук, за Минкова — 2.

В связи с отъездом Сапронова, а также в связи с тем, что Максимовский и Инесса постоянной работы не ведут, решено избрать 3-х новых членов, что и произведено» [67].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Съезд советов Московской губернии // Правда. — 1919.
2. См.: Декреты советской власти. Т. IV. — М., 1968. — С. 476–478.
3. Протокол бюро Московского окружкома РКП(б) от 8 апреля 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 23. Л. 86.
4. Протокол бюро Московского окружкома РКП(б) от 8 апреля 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 23. Л. 87.
5. Протокол Московского губернского комитета РКП(б) от 26 июня 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 50. Л. 21.
6. Протокол Московского губернского комитета РКП(б) от 26 июня 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2; Протокол Московского губернского комитета РКП(б) от 26 июня 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 50. Л. 22.
7. Протокол Московского губернского комитета РКП(б) от 26 июня 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 50. Л. 24.
8. Протокол 15-й Московской губернской конференции РКП(б) 26–27 июля 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 48. Л. 2.
9. Протокол 15-й Московской губернской конференции РКП(б) 26–27 июня 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 48. Л. 3.
10. Протокол бюро Московского губкома РКП(б) от 19 августа 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 23. Л. 201.
11. Правда. — 1919. — № 60. — С. 4.
12. Протокол бюро Московского окружкома РКП(б) от 8 января 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 23. Л. 7. Машинописная копия.
13. Протокол бюро Московского окружкома РКП(б) от 11 января 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 23. Л. 11. Машинописная копия.

14. См.: Этой славы наследники // Подольский рабочий. — 1998.
15. Протокол Московского окружного комитета РКП(б) от 30 января 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 50. Л. 1.
16. Протокол Московского окружного комитета РКП(б) от 30 января 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 50. Л. 2.
17. Протокол 15-й Московской губернской конференции РКП(б) 26–27 июля 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 48. Л. 13–14.
18. Протокол общего собрания членов РКП(б) Ухтомского подрайона от 26 марта 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 5. Л. 12. Подлинник рукописный.
19. Протокол Московского губернского комитета РКП(б) от 27 марта 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 50. Л. 11.
20. Протокол Московского губернского комитета РКП(б) от 27 марта 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 50. Л. 12.
21. Протокол бюро Московского окружкома РКП(б) от 8 апреля 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 23. Л. 84.
22. Протокол Московского губернского комитета РКП(б) от 26 июня 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 50. Л. 24.
23. Доклад Минкова о работе губкома на XV Московской губернской конференции РКП(б) 26–27 июля 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 48. Л. 7.
24. Протокол XV Московской губернской конференции РКП(б) 26–27 июля 1919 г. // ЦГАГМ; Протокол XV Московской губернской конференции РКП(б) 26–27 июля 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 48. Л. 14.
25. Протокол Московского губернского комитета РКП(б) от 14 августа 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 50. Л. 38.
26. Протокол Московского губернского комитета РКП(б) от 14 августа 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 50. Л. 39.
27. Протокол бюро Московского губкома РКП(б) от 23 декабря 1919 г. // ЦХД ОПИМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23. Л. 283.
28. Протокол бюро Московского окружкома РКП(б) от 2 января 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 23. Л. 2. Машинописная копия.
29. Протокол бюро МОК от 8 января 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 23. Л. 8. Копия.

30. Протокол МОК РКП(б) от 13 февраля 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 50а. Л. 13. Копия.

31. Протокол XI Московской губернской конференции РКП(б) от 18–19 января 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 45. Л. 10.

32. Протокол XI Московской губернской конференции РКП(б) от 18–19 января 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 45. Л. 11.

33. Протокол XI Московской губернской конференции РКП(б) от 18–19 января 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 45. Л. 11–12.

34. Там же. Л. 12.

35. Протокол Бюро МОК РКП(б) от 10 февраля 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 23. Л. 44.

36. См.: Всегда вперед! — 1919. — С. 3.

37. Протокол бюро Московского окружкома РКП(б) от 10 февраля 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 23. Л. 37.

38. Протокол бюро Московского окружкома РКП(б) от 20 февраля 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 23. Л. 48.

39. Протокол Московского губернского комитета РКП(б) от 27 марта 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 50. Л. 10. Этой подробности в печатном сборнике материалов VIII съезда РКП(б) нет.

40. Протокол Московского губернского комитета РКП(б) от 27 марта 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 50. Л. 12.

41. Протокол Московского губернского комитета РКП(б) от 27 марта 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 50. Л. 12–13.

42. Протокол Московского губкома РКП(б) от 10 апреля 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 50. Л. 16. Копия.

43. Протокол бюро Московского окружкома РКП(б) от 8 апреля 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 23. Л. 84.

44. Протокол бюро Московского окружкома РКП(б) от 8 апреля 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 23. Л. 85.

45. Протокол бюро Московского окружкома РКП(б) от 27 апреля 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 23. Л. 98.

46. Там же.

47. См.: Всегда вперед! — 1919. — С. 3.

48. См.: Поздняков-Михельский А. Доигрались // Правда. — 1919. — С. 4.

49. Ерасов Ф. И. Еще о Лопатинской фабрике // Правда. — 1919. — С. 2.
50. Протокол бюро Московского губкома РКП(б) от 6 мая 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 23. Л. 105.
51. Отношение Можайского райкома РКП(б) в МОК от 4 января 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 63. Л. 87. Подлинник.
52. Протокол бюро Московского губкома РКП(б) от 16 июля 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 23. Л. 174.
53. Протокол Московского губернского комитета РКП(б) от 25 июля 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 50. Л. 35.
54. Протокол и мандаты XV Московской губернской конференции РКП(б) от 26–27 июля 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.
55. Протокол бюро Московского губкома РКП(б) от 29 июля 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 23. Л. 183.
56. Протокол бюро Московского губкома РКП(б) от 19 августа 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 23. Л. 202.
57. Протокол бюро Московского губкома РКП(б) от 20 августа 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 23. Л. 205.
58. Протокол Московского губернского комитета РКП(б) от 11 сентября 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 50. Л. 55.
59. Протокол бюро Московского губкома РКП(б) от 25 сентября 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 23. Л. 237.
60. Протокол бюро Московского губкома РКП(б) от 25 сентября 1919 г. // ЦАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 23. Л. 238.
61. Девятый съезд РКП(б). Март — апрель 1920 г. Протоколы. — М.: Госполитиздат, 1960. — С. 80.
62. Доклад Московского губкома РКП(б) на XVI губернаторской конференции 23 ноября 1919 г. о его деятельности с 26 июля по 23 ноября 1919 г. // ЦНАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 22. Л. 4, 5. Копия.
63. Доклад Московского губкома РКП(б) на XVI губернаторской конференции 23 ноября 1919 г. о его деятельности с 26 июля по 23 ноября 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 22. Л. 15.
64. Протокол бюро Московского губкома РКП(б) от 28 октября 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 23. Л. 20.
65. Протокол Московского губернского комитета РКП(б) от 15 декабря 1919 г. // ЦГАГМ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 50.

**К. К. ЗЛОБИН И ВОПРОС О СИСТЕМАТИЗАЦИИ
ДОКУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО
АРХИВА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ
ДЕЛ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

Санин Олег Геннадиевич

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории
и организации архивного дела Историко-архивного института
Российского государственного гуманитарного университета

Москва, Российская Федерация

e-mail: osanin@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена истории формирования в России
важнейшего архивоведческого научного принципа — хранения
архивных документов по происхождению. В статье рассмотрены
основные подходы к организации хранения и систематизации архив-
ных документов в российских архивах XIX в. На примере истории
Государственного архива Министерства иностранных дел и его
руководителя К. К. Злобина раскрываются особенности и недостатки
предметно-тематического подхода к организации архива.

Ключевые слова: архивы, принцип происхождения, Государ-
ственный архив Министерства иностранных дел, К. К. Злобин,
П. П. Пекарский.

**K. K. ZLOBIN AND THE QUESTION OF QUESTION OF
SYSTEMATIZATION OF DOCUMENTS OF THE STATE
ARCHIVE OF THE MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS
IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY**

Sanin Oleg Gennadievich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department
of History and Organization of Archives History and Archives Institute
of the Russian State University for the Humanities

Moscow, Russian Federation

e-mail: osanin@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the history of the formation in
Russia of the most important archival research principle — the storage of

archival documents of origin. The article considers the main approaches to the organization of storage and systematization of archival documents in Russian archives of the XIX century. On the example of the history of the State Archive of the Ministry of Foreign Affairs and its leader K. K. Zlobin, the features and shortcomings of the subject-thematic approach to the organization of the archive are revealed.

Keywords: archives, principle of origin, State Archive of the Ministry of Foreign Affairs, K. K. Zlobin, P. P. Pekarskiy.

Одним из важнейших и принципиальнейших вопросов истории отечественного архивного дела был вопрос о формировании, пожалуй, самого основополагающего в настоящий момент архивного принципа — принципа уважения к архивному фонду. Этот принцип вырабатывался в отечественной архивной науке долго и постепенно. На протяжении многих веков шла упорная борьба между различными подходами к систематизации и внутренней организации архивов. Отечественное архивное дело XVIII в. характеризуется ожесточенными спорами между сторонниками двух подходов к хранению документов. В текущих архивах действующих учреждений сохранился порядок дел, выработанный еще в канцелярии. Этот принцип получил название «провиенц-принцип» (принцип происхождения). В свою очередь в исторических архивах начинает проявляться другой подход, при котором каждый отдельно взятый документ рассматривался в качестве самостоятельного объекта. Сами же документы рассматривались по принципу принадлежности к определенному виду или тематической группе (коллекции). Этот подход получил название «пертиненц-принцип» (принцип принадлежности) [6, с. 74]. Подобный подход отрицал необходимость соблюдения важнейшего архивоведческого принципа уважения к сложившимся комплексам документов и допускал возможность дробить и перемещать архивные материалы в зависимости от интересов пользователя. Борьба этих подходов зачастую плохо сказывалась и на самих архивах, приводя к тому, что смена архивного руководства зачастую означала коренную перестройку всего архива в целом. Блестящим примером этого является судьба Московского архива Коллегии иностранных дел, в котором первый

принцип активно поддерживали М. Г. Собакин и Н. Н. Бантыш-Каменский, а сторонником второго подхода выступал видный историк и архивист Г. Ф. Миллер [7, с. 118–120, 125–136].

Упорная борьба этих двух подходов к организации архива продолжалась в первой половине и середине XIX в. Примером подхода, основанного на принципе происхождения, может служить деятельность директора Петербургского Сенатского архива Платона Ивановича Баранова, возглавлявшего архив в 1865–1884 гг. и фактически воссоздавшего из россыпи фонды делопроизводства 23 сенатских учреждений [7, с. 137–138]. Еще одним примером может служить деятельность основателя Московского архива Министерства юстиции, его первого руководителя (1852–1864) Петра Ивановича Иванова [7, с. 138–140]. Таким образом, идея уважительного отношения к фонду была уже весьма распространена в российской архивной практике XIX в.

В то же время идея возможности раздробления архивов по искусственно создаваемым коллекциям продолжала оставаться весьма популярной в отечественном архивоведении XIX в. Как правило, ее придерживались высокопоставленные чиновники и историографы, считавшие возможным проводить подобного рода операции с архивами в интересах политического и практического использования документов. Именно с такой целью и было образовано в 1852 г. по инициативе Д. Н. Блудова так называемое Государственное древлехранилище хартий и рукописей. На этих же принципах и было построено основание образованного в 1834 г. Государственного архива Российской империи, выполнявшего функции главного политического архива страны.

К числу наиболее видных руководителей этого архива, сторонников хранения документов по предметно-тематическому принципу мы можем отнести Константина Константиновича Злобина, возглавлявшего Госархив в 1864–1877 гг.

Это был высокообразованный и энергичный человек. Сын крупного помещика Самарской губернии, он в 1834 г. закончил юридический факультет Петербургского университета со степенью кандидата права. В дальнейшем в сентябре 1836 г. поступил на службу в Департамент внутренних сношений МИД. С сентября 1838 г. он уже

старший столоначальник в Азиатском департаменте, в апреле 1856 г. — с приходом А. М. Горчакова — был назначен вице-директором Азиатского департамента. 21 октября 1861 г. его назначают управляющим Санкт-Петербургским Главным архивом МИД, хранившим текущую дипломатическую документацию. К. К. Злобин был весьма близок исторической науке. Он был одним из основателей Императорского русского исторического общества. В сборниках РИО им был опубликован ряд статей, в том числе во втором томе статья «Дипломатические отношения между Россией и Швецией в первые годы царствования Александра I до присоединения Финляндии к России». Еще будучи директором Азиатского департамента, им была написана «История сношений России с Персией с 1830 г. по 1850 г.» [2, с. 403]. Таким образом, К. К. Злобин был не просто чиновником Министерства иностранных дел, но и ученым, весьма близким к исторической науке.

К 1864 г. в Министерстве иностранных дел в Петербурге имелось два архива: Санкт-Петербургский Главный архив МИД, хранивший текущую документацию и возглавлявшийся К. К. Злобиным, и Государственный архив МИД, хранивший важнейшие политические материалы, в том числе и документы личных императорских архивов. В целях экономии средств и лучшего использования документов К. К. Злобин считал, что эти архивы необходимо объединить под единым руководством. В своей записке от 12 января 1864 г. он подчеркивал: «Соединение обоих архивов МИД — Государственного и Главного Санкт-Петербургского — значительно облегчит собрание всех сведений по важнейшим предметам государственного управления, по делам особенно секретным и по дипломатии нашего правительства». В результате после смерти управляющего Государственным архивом Ф. И. Гильфердинга в январе 1864 г. Злобин управляет обоими архивами, а в апреле того же года становится их директором [2, с. 400–401]. Соединенные архивы получили наименование «Государственный и Санкт-Петербургский Главные архивы МИД».

Уже из такого наименования видно, что оба архива в значительной степени сохранили свою автономию. Государственный и Санкт-Петербургский Главные архивы МИД были приравнены к департаментам Министерства иностранных дел, имели право сношения со

всеми учреждениями МИД, причем каждый из архивов имел свою собственную печать [3, Д. 1027. Л. 19]. Объединение не отразилось на внутренней структуре архивов, они по-прежнему самостоятельно проводили работу по приему дел, их упорядочению, составлению справочников и использованию документов. Правда, теперь оба архива находились под управлением одного директора, которым был тайный советник К. К. Злобин. Архивы имели общее штатное расписание и единый бюджет.

Примечательно, что именно при К. К. Злобине в деятельности Государственного архива МИД начинает все больше и больше проявляться научное историческое направление. Изначально этот архив создавался в начале XIX в. как место хранения наиболее важной секретной политической документации, допуск к материалам которого был возможен исключительно с санкции императора.

Однако в 1860-х гг. ситуация несколько упрощается. Рост исторической науки, а также то, что руководитель внешней политики России канцлер А. М. Горчаков сам прекрасно понимал важность архивов МИД для истории, привели к тому, что условия допуска историков стали упрощаться. Этому способствовали принятые в январе 1863 г. «Правила для допущения частных лиц к занятиям в архивах Министерства иностранных дел». Отныне ученые могли быть допущены к работе в архиве с разрешения не только царя, но также канцлера и вице-канцлера по ходатайству ведомств [2, с. 400; 3, Д. 1066. Л. 1]. Исключение делалось только для некоторых дел в «запечатанных пакетах», вскрывать которые можно было только по личному разрешению царя. Это, безусловно, затрудняло научное использование документов. Но тем не менее в подавляющем большинстве случаев на просьбы ученых предоставить в их распоряжение «запечатанные» дела давался положительный ответ.

В целом, говоря о составе служащих, работавших в Государственном архиве МИД при К. К. Злобине, категорически нельзя согласиться с выводом В. Н. Самошенко о том, что «среди сотрудников Государственного архива преобладали чиновники, безынициативные и глубоко безразличные к судьбам источников» [5, с. 102]. Блестящим доказательством ошибочности данного суждения является то, что в 1860–1870 гг.

в числе сотрудников архива были достаточно известные историки: В. И. Ламанский, П. П. Пекарский и Н. И. Гиббенет.

Рост активной научной работы в архиве поднимал перед К. К. Злобиным проблему правильной систематизации архивных документов и создания качественного справочного аппарата (описей, каталогов, указателей). Сделать это было чрезвычайно сложно, т. к. в первой половине XIX в. архив комплектовался путем собирания в своих стенах наиболее важных в политическом отношении документов, которые зачастую просто изымались из других, исторически сложившихся архивных комплексов (Петербургский Сенатский архив, Петербургский государственный архив старых дел, Архив кабинета Петра Великого, личные бумаги императорских особ и крупных правительственных чиновников и др.). Таким образом, Госархив МИД изначально формировался не по принципу происхождения, как большинство других отечественных архивов, а по предметно-тематическому принципу.

Вопрос об организации документов возник еще в 1830-е гг., когда дела были разделены на две группы: материалы об уголовных и политических преступлениях и бумаги рода Романовых. Но в результате последующих поступлений объем источников сильно возрос, и они не могли уложиться в названные схемы. В начале 1860-х гг. здесь имелось около 300 самостоятельных комплексов документов. О неупорядоченном состоянии архива писал работавший там с 1862 г. видный историк П. П. Пекарский. По его словам, директор архива К. К. Злобин «неустанно говорил о распределении всех дел на ряды и составлении алфавитного указателя имен... Я ужаснулся громадности работы, которой Злобин даже не подозревал... В архиве в иных описях под буквой „Р“ стояло до 20 книг под заглавием „Разные дела“. Все это зависело от того, как Бог на душу положит... Начальник Госархива МИД Поленов для казового конца наскоро отобрал по несколько бумаг, разбил их на множество нелепых разрядов (между ними был „О награждении чиновников знаками отличий“), собрал так же далеко не все, впрочем, письма и бумаги царской фамилии, и все это торжественно сложил в так называемое секретное помещение... Здесь-то вместе со знаменитым, доньне

не распечатанным делом о декабристах и разными конвертами под государевой печатью очутились, по милости Поленова, и ведомости полковые, отчеты о постройке кораблей и разная иная дребедень...» [1, с. 268–269].

В течение 1864–1870 гг. под руководством и по инициативе управляющего К. К. Злобина сотрудники Государственного архива П. П. Пекарский и Н. А. Гиббенет проводили огромную работу по пересистематизации материалов. Из 60 тысяч дел были сформированы 13 132 единицы хранения, которые были распределены по 28 предметно-тематическим группам — разрядам [3, Д. 1202, Л. 26–28]. Позднее прибавилось еще 3 разряда. Одновременно на все описанные и разобранные дела К. К. Злобиным был составлен алфавитный указатель (названный его именем). Он был составлен еще до окончания комплектования и описания Государственного архива и потому охватил не все его материалы, ограничиваясь только персоналиями в ущерб сведениям географического и предметно-тематического характера. При этом, как отмечал П. П. Пекарский, указатель Злобина отличался крайней лаконичностью, «он нигде не определял годов: эта кропотливая и подчас нелегкая работа великодушно предоставлялась мне, и годы везде выставлены моею рукою. При этом я украдкой от Злобина делал к его кратким оглавлениям дел дополнения и прибавки» [1, с. 272].

Проводимые при Злобине систематизация и описание документов архива оказались крайне неудачными. По сути дела, Злобин реорганизовывал архив по миллеровской формально-логической системе, которая распределяла источники по тематическим коллекциям в зависимости от интересов хранителя и пользователя документов. В 1864 г. директор Московского главного архива МИД князь М. А. Оболенский обратился к К. К. Злобину с письмом, в котором содержалось предостережение по поводу разделения бумаг Государственного архива в соответствии с формально-логической классификацией. Оболенский серьезно критиковал Г. Ф. Миллера, который во второй половине XVIII в. произвел пересистематизацию дел Московского архива КИД, отказавшись от принципа провенцианности (происхождения). «За таким произвольным смешением

и разделением почти всех документов, — писал М. А. Оболенский, — потрачивается громадное количество труда на восстановление всего этого в необходимый, естественный порядок, в каком хранились дела в архиве Посольского приказа» [4, с. 152].

Однако руководитель Государственного архива не учел мнения коллеги. Надо сказать, что все знавшие его современники, особенно П. П. Пекарский, обращали внимание на упрямство К. К. Злобина, часто не желавшего принимать во внимание даже самые аргументированные доводы коллег. В результате материалы архива были распределены по таким разрядам, как: «Дела, относящиеся до императорской фамилии», «Переписка высочайших особ», «Переписка высочайших особ с частными лицами», «Кабинет Петра I», «Кабинет Екатерины II», «Калинкин дом и дела о преступлениях против нравственности» (именно здесь непонятно каким образом оказалось судебное дело Н. И. Новикова), «Дипломатический отдел», «Дела военные». Только отдельные разряды включали в себя архивные фонды («Кабинет Петра I», «Приказ тайных дел», «Орден Иоанна Иерусалимского» и др.).

Критические замечания в адрес проведенной при К. К. Злобине систематизации высказывали даже некоторые его сотрудники, в частности П. П. Пекарский. Он писал: «[Злобин] непременно хотел раскладывать дела на множество мелких разделов, а мне желательно было бы расположить бумаги по царствованиям. Мои представления не имели успеха, потому что Злобин, раз забрав себе что-нибудь в голову, не уступал уже ни перед какими доводами. Вследствие этого ныне в Государственном архиве 28 разрядов, из которых более чем половина покажутся очень смешными и ненужными для будущих архивистов и исследователей. По милости этого деления у нас теперь имеются отделы: бумаги, касающиеся до лиц императорской фамилии, письма высочайших особ между собою, переписка высочайших особ с частными лицами. Есть разряд секретных по государственным преступлениям бумаг Тайной канцелярии и, наконец, просто секретных, в последнем отделе довольно поспешно поставлены рядом дела о петербургских б... времен Елизаветы и переписка о масонах. Честь такого курьезного соединения всецело принадлежит Злобину, и все

мои представления о бессмыслице подобных сопоставлений остались тщетными. Не могу также пройти молчанием еще одного забавного распоряжения Злобина: он лично ненавидел Сперанского по каким-то отношениям к отцу своему... и поэтому бумаги о Сперанском, не имеющие никакого уголовного характера, он с особенным злорадством положил в разряд дел о государственных преступниках и торжественно заявил о том мне» [1, с. 271].

Примечательно, что сам П. П. Пекарский видел очевидные недостатки проводимой Злобиным систематизации документов. Чтобы хоть как-то их нивелировать, Пекарский упорно настаивал на составлении максимально подробных описей. При этом Злобин основное внимание в своей работе стремился уделить не подробным описям, а составлению своего указателя. В результате П. П. Пекарский вспоминал: «Все внимание моего командира было поглощено алфавитом имен, встречающихся в делах, а потому он даже не хотел, чтобы составлялись описи бумагам. Но в этом случае я уже противостоял ему особенно сильно и он, убедившись в пользе их, решился, кажется во избежание ссоры со мною, только терпеть мои хлопоты о них» [1, с. 272].

Примечательно, что такая же схема систематизации хранения документов одновременно реализовывалась и в Санкт-Петербургском Главном архиве МИД. Это было неудивительно, если учесть тот факт, что оба архива возглавлялись одним человеком — К. К. Злобиным. Во втором отделении архива, принимавшем материалы департаментов министерства, дела так же распределялись по искусственно созданным разрядам, подразделявшимся на роды. В результате такого разделения фондовая принадлежность документов была нарушена, и дела одного и того же департамента оказались распыленными по нескольким разрядам.

Надо сказать, что сам Злобин много хвалил проведенную при нем систематизацию архива. В отчете за 1869 г. им было сказано следующее: «Государственный архив после тяжелых трудов, наконец, приведен в окончательное устройство. Из 28 разрядов... 27 приведены в порядок и перенумерованы, им составлены описи и они внесены в алфавитные указатели, так что каждое дело, в котором встречается надобность, отыскивается немедленно

по новой системе» [3, Д. 1202. Л. 26]. Столь же оптимистичны были и следующие отчеты: «Для каждого разряда был составлен... алфавит. С целью ускорения отыскания каждого дела составлен один постоянный алфавит для всех разрядов и этот труд ныне приведен в окончание... Теперь Государственный архив по своему порядку и легкому отысканию документов, по точности описей и алфавитов, не уступает никому из заграничных государственных архивов» [3, Д. 1202. Л. 27–27 об.].

Данный подход, безусловно, является примером того, как не следует организовывать архив. Раздробление архива на искусственные предметные коллекции в дальнейшем только усложняло поиск необходимых документов. К тому же сами описи и столь разрекламированный К. К. Злобиным алфавит страдали серьезными неточностями. Об этом говорилось впоследствии в докладных записках в Министерство иностранных дел возглавившего в 1902 г. Государственный и Санкт-Петербургский Главные архивы МИД С. М. Горяинова. Он отмечал, что по меньшей мере две трети дел архива не приведены в надлежащий порядок. 16 сундуков и 90 связок наполнены «неразобранными бумагами, наполовину истлевшими и требующими при разборе их тщательной реставрации» [3, Д. 1027. Л. 8]. С. М. Горяинов также констатировал, что подавляющее большинство разрядов так и не описано надлежащим образом: заголовки дел часто не соответствуют их содержанию, листы не пронумерованы, и т. д. [3, Д. 1027. Л. 2]. «Многие бумаги, касающиеся важнейших исторических событий XVIII столетия в крайней ветхости, нуждаются в тщательном пересмотре и переклейке листов. Описи составлены недостаточно подробно и содержат лишь краткие отметки о делах без ближайшего определения их содержания и без указания лиц, в них упоминаемых» [3, Д. 64. Л. 328–329]. В результате он делает убедительный вывод о том, что разборка и описание дел в 1860–1870-е гг. проведены были «директором Злобиным и делопроизводителем Пекарским лишь вчерне» и остались незаконченными [3, Д. 1027. Л. 6 об.].

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что в целом идея организации архивов по принципу происхождения, ставшему определяющим в отечественном архивоведении, завоевывала свои

позиции долго и постепенно, что проявилось и в вышеупомянутых дискуссиях и спорах середины XIX в. При этом, как мы видим, позиции сторонников «миллеровского» подхода к архивам были весьма сильны, что проявилось и в деятельности Государственного архива МИД при К. К. Злобине. При этом далеко не сразу в сознании архивистов и историков укоренялось представление о том, что именно принцип происхождения, основанный на уважении к исторически сложившимся архивным комплексам, в наибольшей степени способствует лучшей организации архива и более успешному поиску архивных документов в интересах их научного использования. Для этого потребовался многочисленный и зачастую отрицательный опыт искусственных систематизаций, наподобие систематизации К. К. Злобина.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бычков И. А. Воспоминания П. П. Пекарского об его службе в Госархиве // Летопись занятий постоянной историко-археографической комиссии за 1926 г. — Л., 1927. — Вып. 1 (34). — С. 270–271.
2. Очерки истории министерства иностранных дел России. В 3-х т. Т. 1. — М., 2002.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 31. Канцелярия Госархива. Оп. 1.
4. Самошенко В. Н. Исторические архивы дореволюционной России. — М., 1988.
5. Самошенко В. Н. Исторические архивы Москвы и Санкт-Петербурга (XVIII — начало XX вв.). — М., 1990.
6. Хорхордина Т. И. История архивоведческой мысли. — М., 2012.
7. Хорхордина Т. И. Российская наука об архивах. История. Теория. Люди. — М., 2004.

ОБЪЯВЛЕНИЕ КАК ВИД ВОЕННОГО ДОКУМЕНТА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ВОЕННОГО АРХИВА)

Париева Лада Руслановна

Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры
документоведения

аудиовизуальных и научно-технических архивов Историко-
архивного института

Российского государственного гуманитарного университета

Москва, Российская Федерация

e-mail: ladapa1@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению такого вида документа, как объявление, широко использовавшегося в процессе деятельности органов военного управления Белых армий. Особое внимание уделено специфике оформления объявления, стилю написания и лексическим особенностям, присущим документам этого исторического периода. В статье рассматриваются правила публикации объявлений, а также отображена тематика объявлений, которые приобрели в период Гражданской войны особую значимость в сфере управления воинскими формированиями.

Ключевые слова: Гражданская война, Белая армия, система военной документации, распорядительные документы, объявление.

DECLARATION AS A TYPE OF MILITARY DOCUMENT DURING THE CIVIL WAR IN RUSSIA (BASED ON THE MATERIALS OF THE RUSSIAN STATE MILITARY ARCHIVE)

Parieva Lada Ruslanovna

Candidate of Historical Sciences, Senior lecturer of the Department
of Documentary Studies,

Audiovisual and Scientific and Technical Archives of the Historical and
Archival Institute of the

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russian Federation

e-mail: ladapa1@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of such kind of document as an announcement, which was widely used in the process of the activities of the military administration of the White armies. Special attention is paid to the specifics of the ad, the style of writing and lexical features inherent in the documents of this historical period. The article discusses the rules of posting ads and also display ads that are purchased during the Civil war a special significance in the management of military units.

Keywords: Civil war, White army, system of military documentation, administrative documents, announcement.

В нормативных актах Военного министерства Российской империи, например, в «Положении о письмоводстве и делопроизводстве в военном ведомстве» [1] нет упоминания о существовании такого вида документа, как объявление. Тем более нигде не прописаны правила его оформления. В практических пособиях, предназначенных для адъютантов и обер-офицеров, содержатся правила подачи объявлений в газеты. В «Руководстве для адъютантов» В. Н. Зайцева воинским частям и учреждениям рекомендовалось подавать в газету «Русский инвалид» объявления, которые подразделялись на казенные и частные. К казенным относились лишь объявления о вызове наследников умерших генералов, штаб- и обер-офицеров. Они должны были отправляться в главный штаб с «приложением платы по 3/7 коп. с каждой буквы и цифры». К частным объявлениям, направлявшимся в редакцию газеты с оплатой по 10 коп. за строку, относились объявления, например, о приглашении на службу делопроизводителей, писарей, музыкантов, «о доставлении материалов для полковых историй, о вызове на торги по постройкам и т. п.» [2].

В период Гражданской войны значение этого вида документа, на наш взгляд, сильно возросло. На территориях, занятых белыми армиями, продолжали публиковаться объявления в газетах, выходивших в большом количестве в этот период, но они носили в основном частный характер. В системе военной документации приобрело значение объявление как вид распорядительного документа, т. к. часто оно содержало в себе не только определенную информацию, но и указания начальствующих лиц распорядительного характера на произведение каких-либо действий.

Объявления печатались типографским способом, могли издаваться в виде сборников и рассылались по войскам с целью в большинстве своем поиска, задержания и препровождения в штаб или в распоряжение командира части лиц, не вернувшихся из отпуска, пропавших без вести военнослужащих, украденных или пропавших лошадей, а также сообщения о выдаче знаков отличия, замене утерянных документов (удостоверений личности) и печатей управлений и отделений штаба, выходе из печати различных изданий.

Объявление оформлялось на бланке с теми же реквизитами, что и приказ:

- наименование вида документа;
- наименование ведомства или должности военачальника, от которого объявление исходит;
- регистрационный номер;
- место издания;
- дата;
- текст;
- подпись.

Текст делился на параграфы, подписывался начальником управления, заверялся начальником соответствующего отделения, по которому издавалось объявление. В конце страницы указывалось, по какой части вышло объявление (по судной части, по инспекторской, по отделению комплектования, по общей части).

Автором статьи был изучен фонд 40213 Российского государственного военного архива (далее — РГВА), в котором в достаточном количестве отложились объявления, изданные военными ведомствами белых армий. Следует отметить, что во всех белых армиях объявления широко использовались, но особенно массовый характер, судя по количеству отложившихся в фондах РГВА документов, приобрело использование объявлений в Вооруженных силах Юга России (далее — ВСЮР).

Все объявления можно подразделить на несколько тематических групп:

- о пропавших без вести, ушедших из положения части, не вернувшихся из командировки или отпуска, разыскиваемых судом

за совершение каких-либо преступлений с распоряжением задержать и направить в часть или сообщить о месте нахождения;

— о пропаже или утере какого-либо имущества, документов, печатей, лошадей;

— об организации каких-либо обществ или фондов помощи нуждающимся, тематических выставок, других аспектах повседневной жизни армии;

— с разъяснением приказов и приказаний вышестоящих военачальников;

— списки офицеров, представленных к награде, а также на чье имя изготовлены какие-либо документы;

— о розыске пропавших родственников-военнослужащих и подростков, убежавших воевать с большевиками.

В большинстве своем объявления, отложившиеся в РГВА, можно отнести к первой группе. Одной из особенностей Гражданской войны является тот факт, что и в Белой, и в Красной армиях было широко распространено дезертирство и переход на сторону противника, справиться с которыми не удавалось ни той, ни другой армии. Штабы всех уровней белых армий издавали объявления о сбежавших из расположения частей, отставших по дороге, не явившихся из отпуска или командировки, часто прихвативших с собой чужие документы, материальные ценности, оружие солдат и офицерах. В конце объявления могло быть указано, на основании какого документа (например, отношения или справки) необходимо разыскивать указанных людей. Таких военнослужащих могло быть достаточно много, в этом случае текст объявления оформлялся с помощью таблицы. Объявления такого рода выглядели следующим образом: «Помощник начальника Армейской артиллерии Добровольческой армии разыскивает отлучившихся от команды, следовавшей из учебно-подготовительной артиллерийской школы в гор. Армавире в гор. Екатеринодар на пополнение бронепоезда „Иоанн Калита“, канониров Галюхаева Алексея и Крайдера Ивана и до сего времени на бронепоезд не прибывших» [3], «Председатель Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при Главнокомандующем ВСЮР, разыскивает состоящего вестовым при комиссии рядового Сидора

Лебеда, уволенного в кратковременный отпуск и до сего времени из отпуска не возвратившегося» [4]. Для такого рода объявлений использовался типовой текст, шаблонные фразы. Заканчивалось такое объявление обычно предложением: «Частям и учреждениям, коим известно местонахождения... задержать такового и направить в распоряжение». Текст объявления в зависимости от обстоятельств не всегда писался по шаблону. «7 июня сего года поездом на Сибирь уехал подпоручик Тимофеев-Голубев, захвативши со своими вещами большую корзину и документы Пелагеи Андреевны Леонтьевой, в корзине разных вещей на 15 тысяч. Приметы: среднего роста, шатен, бороду и усы бреет, глаза косые, одет в зеленую гимнастерку, брюки галифе, фуражка и френч коричневого цвета. При обнаружении корзины и документов, направить по адресу... В случае открытия его местопребывания, подпоручик Тимофеев-Голубев подлежит задержанию и передаче ближайшим военно-судебным властям» [5]; «Разыскивается казначей Демобилизационной комиссии Одесского уезда чиновник Иван Николаевич Николаев, увезший с собой казенные деньги в сумме 13 864 руб. 56 коп. Приметы его: 35 лет, ниже среднего роста, коренастый, рыжеватый, усы стрижены, подпорченные зубы, лицо круглое нечистое, одет в синие брюки с кантом, офицерскую тужурку и солдатскую шинель» [6].

Из объявлений о пропаже или утере имущества и документов можно почерпнуть очень интересные сведения, например, какие личные документы находились у офицера при себе: «Поручиком 1-го генерала Маркова пехотного полка Андреевым утеряны следующие документы: 1) свидетельство о ранении в Русско-Германской войне; 2) три свидетельства о ранениях в Добармии; 3) свидетельство о нестроевой должности Добармии; 4) свидетельство на право ношения знака отличия 1 ст. за Кубанский поход; 5) краткая записка о службе в особой офицерской ставке главнокомандующего роте; 6) удостоверение личности с фотографической карточкой, выданное отделом Генерального штаба; 7) четыре фотографические карточки. Означенные документы считать недействительными, а с предъавителями поступать по закону» [7]. В фонде содержатся объявления об утере аттестатов на денежное довольствие, награда

и знаков отличия, удостоверений личности и т. д., а также о пропаже лошадей: «27 декабря сбежали две лошади Управления начальника артиллерийских снабжений Западного фронта со двора 1-й женской гимназии. <...> Всем поймавшим означенных лошадей надлежит направить по указанному выше адресу» [8].

Третья группа объявлений также представляет интерес для исследователей периода Гражданской войны. Из такого рода документов можно почерпнуть сведения о повседневной жизни армии и населения занимаемых ей территорий. Например, одним из объявлений сообщалось об организации Обществом призрения детей защитников Единой России приюта для 20 девочек в возрасте от 5 до 10 лет «из числа дочерей офицеров, погибших в рядах защитников Единой России, сирот и полусирот, дочерей офицеров, служивших в рядах защитников Единой России, которые вследствие потери здоровья от ран и увечий не в состоянии содержать семью из своих средств» [9]. Объявления могли содержать информацию, например, об открытии зубокабинета при штабе Добровольческой армии, перемещении мастерской Армейского инженерного склада из Новороссийска в Батайск, или о том, что «в Русской больнице в Салониках хранятся вещи и деньги, принадлежащие эвакуированным чинам Русской армии, умершим в Салониках» [10].

Интересную информацию содержит объявление о том, что в ознаменование первой годовщины со дня смерти М. В. Алексева, «явившегося творцом Добровольческой армии», был начат сбор материалов (предметов вооружения, реликвий, описаний подвигов и сражений, документов, писем, фотографий, художественных произведений и т. д.) для организации «Военно-исторической выставки Добровольческой армии и ее первых вождей генерала М. В. Алексева и генерала Л. Г. Корнилова» [11]. Объявлялось, что крайне желательно предоставление материалов от всех воинских частей и гражданских лиц, имеющих военно-исторические предметы, с целью создания в дальнейшем «Всероссийского исторического музея Освободительной войны от большевиков».

По воинским частям также рассылались объявления о выходе из печати различных пособий, наставлений, брошюр познавательно-

го характера. Например, «Краткое описание мат. части 18-фунтовой английской пушки», «Наставления по уходу за 3-дм скорострельными орудиями» или «Ввиду распространения эпидемии сыпного тифа, главными распространителями коей являются паразиты, отделом химии и фармации Технического общества издана брошюра „Средства против паразитов“, которая может быть отпущена войсковым частям по 70 коп. за экземпляр, учреждениям по 1 руб. и частным лицам по 1 руб. 50 коп.» [12].

Четвертая группа объявлений была призвана донести до сведения частей приказы, приказания, телеграммы военачальников различных уровней. Но объявление могло само содержать слово «приказываю» и носить распорядительный характер. Примером может послужить объявление командующего Русскими войсками Онежского района полковника Михеева: «Объявляю всему населению вверенного мне района, что я буду строго и беспощадно карать по законам военного времени всех тех граждан, которые своим поведением будут способствовать большевикам. Особенно напоминаю содержание статей 246 и 262 Воинского устава о наказаниях... Ст. 246. В войсковом районе театра военных действий виновный в подговоре, подстрекательстве или ином возбуждении других словами, примером или действиями к сдаче, бегству или иному уклонению от сопротивления противнику, хотя бы таковые подговоры, подстрекательства и возбуждения не имели последствий, подвергается лишению всех прав состояния и смертной казни. Ст. 262. Кто будет из малодушия распускать слухи, действующие вредно на дух войск, или же позволять себе какие-либо другие поступки, явно выражающие малодушие или робость, тот подвергается исключению из службы с лишением чинов или же потере некоторых прав и преимуществ по службе и отдаче в дисциплинарные батальоны или роты от 2 до 3 лет. Когда же означенные в сей статье противозаконные поступки имели вредные для военных действий последствия, то виновные приговариваются к лишению всех прав состояния и к смертной казни...

Приказываю всем должностным лицам и учреждениям принять все зависящие меры к тому, чтобы все население вверенного мне войскового района было знакомо с содержанием этого объявления» [13].

Стоит отметить, что на Северном фронте не было возможности печатать объявления в типографии. На данном объявлении стоит резолюция о необходимости перепечатать 100 экземпляров и развезти в городе.

Пятая группа объявлений информировала солдат и офицеров о различных мероприятиях, имевших отношение к прохождению воинской службы, например, о выдаче знаков отличия Первого Кубанского похода и проведении награждения, для чего затребовались и объявлялись списки чинов — участников похода [14] или о том, что «в экономической лавке Добровольческой армии имеется для продажи четыре тысячи полевых книжек с конвертами» [15]. Или списки офицеров, на которых в соответствующем управлении штаба главнокомандующего находятся послужные списки [16]. Объявлениями также информировалось об «умерших воинах Добровольческой армии» в различных госпиталях.

Последняя группа объявлений содержит в себе документы с просьбой откликнуться или сообщить о месте нахождения родственников или знакомых, находившихся или находящихся на службе в рядах Белой армии. Такие объявления также печатались типографским способом и рассылались по частям. Например: «Кадеты Владикавказского кадетского корпуса Георгий и Иосиф Соколовские разыскивают своего отца лейб-гвардии Гусарского Царскосельского полка Шт. ротмистра Соколовского, бывшего начальника Туапсинского округа» [17].

В фонде, содержащем объявления по штабу главнокомандующего ВСЮР, обращает на себя внимание большое количество объявлений, содержащих требования разыскать сбежавших из дома или приюта в действующую армию гимназистов и подростков. Патриотический порыв, свойственный начальному этапу борьбы с большевиками на юге России, побуждал множество мальчишек стремиться в действующую армию для борьбы с большевиками. Такого рода объявлений в других белых армиях автором статьи встречено не было. Например: «Части, в коей находится ученик Ейской гимназии Иван Иванович Бариллов 13 лет, надлежит сообщить о сем в Управление дежурного генерала. Приметы Барилова: роста среднего, лицо чистое, на вид румяный и полный, одет в солдатскую шинель, серую папаху

и сапоги» [18]. Или: «В частях, в коих находится бежавший от родных с целью поступить в Добрармию Михаил Станков 13 лет, — препроводить в распоряжение коменданта гор. Керчи» [19]; «Части, в коей состоит несовершеннолетний доброволец Николай Владимирович Маяков, ученик Новочеркасской гимназии, надлежит освободить его от службы и направить родителям в гор. Новочеркасск... и сообщить о сем в Управление дежурного генерала» [20]; «Частям, в коих находятся самовольно ушедшие из дома родных в Добровольческую армию малолетние Петр Михник 16 лет и Николай Чалый 14 лет, вернуть родным» [21]. «4 февраля убежал из дома гимназист 5 класса Вознесенской гимназии Феодосий Петрович Борисевич; мать просит по задержании его препроводить домой в ст. Вознесенскую» [22].

Таким образом, такой вид документа, как объявление, широко использовался в военных ведомствах правительств белых армий с целью доведения до подчиненных не только какой-либо информации, представления приказов вышестоящего начальства, но и для побуждения к каким-либо действиям. В связи со сложившейся обстановкой и особенностями ведения гражданской войны объявление как вид документа часто приобретало черты распорядительного документа и особую значимость в управлении воинскими формированиями.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Положение о письмоводстве и делопроизводстве в военном ведомстве. Пг., 1916.
2. Зайцев В. Н. Руководство для адъютантов. — СПб., 1908. — С. 762.
3. РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 40. Л. 30.
4. РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 40. Л. 45.
5. РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 941. Л. 3.
6. РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.
7. РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 14. Л. 9.
8. РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 889. Л. 8.
9. РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 40. Л. 18.
10. РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 14. Л. 18.
11. РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 40. Л. 164–165.
12. РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 40. Л. 64.

13. РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 529. Л. 1.
14. РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 40. Л. 27.
15. РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.
16. РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 15. Л. 13.
17. РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.
18. РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 40. Л. 32.
19. РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
20. РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 40. Л. 22.
21. РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.
22. РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 40. Л. 25.

ООО «ТЕРМИКА.РУ»

ДЕТИ И ВОЙНА В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ РАССЕКРЕЧЕННЫХ ФОНДОВ КАЗАХСТАНА

Кульбаева Алмагуль Тлеуовна

Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры
международных отношений и мировой экономики

Казахского национального университета имени Аль-Фараби

Алматы, Республика Казахстан

e-mail: appleflowerkulbaeva@gmail.com

Аннотация. В статье представлены материалы рассекреченных фондов Центра документации новейшей истории (Семей), посвященные жизни и процессу реэвакуации польских детей, попавших в КазССР в период Второй мировой войны и оставшихся без попечения родителей. Забота о польских детях-сиротах легла на плечи отделения Союза польских патриотов, сотрудников Польского детского дома, исполкома Семипалатинского облсовета депутатов трудящихся, спецуполномоченного Наркомата торговли СССР по снабжению эвакуированных поляков.

Ключевые слова: поляки, Польский детский дом, Союз польских патриотов, реэвакуация, польское гражданство.

CHILDREN AND WAR IN ARCHIVAL DOCUMENTS DECLASSIFIED FUNDS OF KAZAKHSTAN

Kulbayeva Almagul Tleuovna

Candidate of Historical Sciences, Senior lecturer of the
Department of International Relations and the World Economy,

Al-Farabi Kazakh National University

Almaty, Republic of Kazakhstan

e-mail: appleflowerkulbaeva@gmail.com

Abstract. The article presents the materials of declassified funds of the Center for Documentation of Recent History (Semey), dedicated to the life and process of re-evacuation of Polish children who came to the Kazakh SSR during the Second World War and were left without parental care. The care of Polish orphans fell on the shoulders of a branch of the Union of Polish Patriots, employees of the Polish Orphanage, the Executive Committee of the Semipalatinsk Regional Council of Workers' Deputies,

and the Special Commissioner of the USSR People's Commissariat for the Supply of Evacuated Poles.

Keywords: Poles, Polish orphanage, Union of Polish Patriots, reevacuation, Polish citizenship.

Поляки представляют собой этнический элемент, массово появившийся на территории Казахстана лишь в советский период. Начиная с 1930-х гг., судьбы польских граждан тесно переплелись с судьбами десятков и сотен тысяч представителей других национальностей, оказавшихся в казахской степи. Неудивительно поэтому, что история поляков в Казахстане становится объектом исследования не только польских ученых, но и многих казахстанских исследователей.

В рамках исследовательского проекта «Диаспоральный фактор внешней политики и дипломатии Казахстана во взаимоотношениях с европейскими странами» была проведена работа по поиску новых документов в Центре документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области, расположенном в Семипалатинске (далее — ЦДНИ ВКО). В результате критического изучения фондов архива были выявлены многочисленные материалы периода середины XX в., свидетельствующие о жизни переселенных в Восточный Казахстан народов, хозяйственном и культурном их обустройстве, о проблемах и трудностях оказавшихся оторванными от своей родины людей. Наиболее обширные материалы в контексте исследовательского проекта, найденные в массиве архива, касались пребывания в Восточном Казахстане перемещенных польских граждан.

Появление новой волны поляков в СССР было обусловлено внешней политикой Советского Союза накануне Второй мировой войны. Подписание пакта Риббентропа — Молотова кардинальным образом изменило конфигурации границ в Восточной Европе. Присоединение бывших польских областей к Украине и Белоруссии привело к тому, что в начале уже Великой Отечественной войны в числе эвакуированного населения в отдаленные восточные районы СССР оказывается значительное число поляков, евреев, представителей бывших прибалтийских государств. Не все из них прибывали сюда добровольно, но в отношении поляков можно сказать, что многие не были депортированы и не находились

в статусе спецпереселенцев. Им оказывалась консульская поддержка находившихся на территории Казахстана польских дипломатических миссий, районные военкоматы активно участвовали в поиске и подготовке к военной службе польского контингента для армии Андерса, организовывались специальные комиссии для обеспечения необходимыми товарами польских граждан, для детей, оказавшихся без попечения родных, организовывались специальные детские дома.

В хранилищах ЦДНИ ВКО находится немало документов, раскрывающих повседневную жизнь польских граждан в Семипалатинске и области.

Фонд 640 ЦДНИ ВКО рассказывает о деятельности специального Уполномоченного наркомата торговли СССР по снабжению эвакуированных поляков.

Обширный материал по деятельности спецуполномоченного дает «Отчет о деятельности Семипалатинской базы Упрособторга с момента основания». Из этого отчета выясняется, что Семипалатинская контора уполномоченного Министерства торговли по снабжению эвакуированных поляков начала свою деятельность с июня 1943 г. Первоначально по спискам конторы проходило 12 060 польских граждан. Отчет представляет следующую таблицу [1]:

Наименование областей	Всего польских граждан	В том числе:	
		семей военнослужащих	детей
Алма-Атинская	4450	-	-
Семипалатинская	6330	4234	1180
Восточная	1130	630	208
Всего	12 060	4864	1388

Ситуация со снабжением менялась дважды: в первый раз это произошло в сентябре 1944 г., когда Алма-Атинская область была закреплена для обслуживания за другой базой, и второй раз после освобождения польской территории от немецко-фашистских захватчиков, когда активизировалось передвижение польских граждан в пределах СССР и выезд ряда из них в Польшу после указа от 10 ноября 1945 г. Данные по снабжению польских граждан на 1 января 1946 г. представлены в таблице 2 [2].

Наименование областей	Всего польграждан на 1 января 1946 г.	В том числе:	
		семей военнослужа.	детей
Семипалатинская	5145	3806	1091
Восточная	670	630	208
Всего	6215	4436	1299

В отчете уполномоченного говорится, что: «...Учету польских граждан предшествовала большая проведенная техническая работа по индивидуальному опросу всех граждан с отражением необходимых биографических данных, состава семьи, их возраста, трудоспособности и т. д. Заведенная таким образом картотека позволяла иметь предварительное представление о том или ином лице, подававшем заявление на оказание помощи. В ту же картотеку (личные карточки) вносились все записи об оказании материальной помощи польским гражданам». К сожалению, обнаружить картотеку в архиве не удалось, и провести подробный анализ распределения благотворительных грузов между польскими гражданами Семипалатинска и области не представляется возможным.

Тем не менее, по данным уполномоченного, за время существования конторы в ее распоряжение было принято грузов от польской делегатуры при организации (Союза польских патриотов) на сумму 606 695 рублей, грузов из-за границы на сумму 82 262 рубля, от разных баз Упрособторга (Ашхабад, Барнаул, Киров и др.) на сумму 1 725 497 рублей [3].

Распределение грузов проходило под надзором не только представителей наркомата торговли, но и при непосредственном участии специальной комиссии Союза польских патриотов в составе 9 человек. Из поданных 23 850 заявлений на материальную помощь было удовлетворено 20 471, таким образом, оказанная помощь коснулась 61 413 человек [4].

Среди них особо отмечается помощь ослабленным польским детям, которая начала оказываться со второй половины 1944 г. По данным отчета, диетические пайки за счет централизованных фондов были предоставлены 2900 польским детям [5].

постоянный контакт с представителями Союза польских патриотов, организацию специальной производственно-бытовой мастерской, в которой работали и обслуживались польские граждане, помощь в вопросах, не входящих в компетенцию конторы (выделение помещений детскому дому, драматическому кружку, подготовка и проведение собраний) [7].

Информацию об упомянутых детях из детского дома можно почерпнуть из фонда № 1. В нем рассказана история реэвакуации польских детей-сирот, проживавших в городе и его окрестностях, после подписания соглашения между СССР и Временным правительством освобожденной Польши об обмене населением.

Указ от 10 ноября 1945 г., подписанный М. И. Калининым, устанавливал процедуру выхода из советского гражданства польских граждан польской и еврейской национальностей, переселяющихся из СССР в Польшу. В соответствии с указом выход из гражданства происходил в момент выезда из СССР. Таким образом, бывшим гражданам Польши необходимо было доказать свои права на подобную процедуру. Если со взрослыми серьезных осложнений не возникало (многие из них имели паспорта довоенной Польши), то с детьми-сиротами, за которых некому было принять решение о выходе из советского гражданства, дело обстояло значительно труднее.

Спецсектор исполкома Семипалатинского областного Совета депутатов трудящихся открывает переписку по вопросам реэвакуации польских детей. Материалы архивов показывают, что подготовка велась тщательно, переписка касалась не только процесса переезда, но и объяснения причин возвращения на родину детей, оставшихся без попечения родителей, близких родственников, находившихся в Советском Союзе, обсуждались вопросы сопровождения детей, обеспечения их продуктами и одеждой для переезда; пристальное внимание было уделено сбору заявлений детей о желании вернуться в Польшу (большую часть 7 дела 6 описи 1 фонда ЦДНИ ВКО составляют заявления детей, вероятно написанные за них воспитателями, т. к. почерки в заявлениях одинаковые, объясняющие их желание покинуть пределы СССР), составлению списков реэвакуирующихся маленьких польских граждан, подробному выяснению гражданства сирот.

Первоначально исполком, представитель Союза польских патриотов (Котович), директор детского дома (Шавчукевич) составляют приблизительный список польских круглых сирот Семипалатинска. В списке отражается имеющаяся информация о ребенке, его месте рождения, месте прибытия в Советский Союз, а главное, о гражданстве и судьбе родителей. Дети в большинстве своем 6–15 лет; самой старшей — Атыке Адели Михайловне — 17 лет, вместе с ней в детском доме находится ее сестра 13-летняя Данута; самому младшему Мазурчак Людвигу, вместе с 13-летней сестрой Аполонией воспитывающемуся в Урджарском детском доме, всего 6 лет. В окончательные списки реэвакуируемых детей попадают несколько 18-летних ребят (1928 года рождения), в юном возрасте попавших в СССР, теперь же изъявивших желание вернуться. География мест рождения ребят самая широкая — Краков, Варшава, Вильно, Львов, Лодзь, Тернополь и др. [8]. Война разбросала их по разным городам и весям, однако в таблицах, которые составляли уполномоченные органы, есть много общего у этих детей — они в подавляющем большинстве поляки, местонахождение их отцов неизвестно (учитывая возраст ребят, их отцы служили в Вооруженных силах Польской Республики), а матери погибли уже в Советском Союзе, чаще всего, не перенеся тягот военного времени.

В материалах дела не только списки детей, чьи родители умерли или пропали без вести. Отдельно составлен список польских детей, родственники которых находятся в местах заключения [9]. К сожалению, более подробной информации, например, статьи, по которой сидят родственники, или их сроках наказания, не указывается. В окончательных списках отправленных в Польшу детей фамилии этих ребят отсутствуют, из чего можно сделать вывод, что решение об отъезде все же должны были принять их живые родители, самостоятельно вернуться на родину ребята не могли.

Особое внимание представителями власти уделялось выяснению гражданства и национальности детей. В деле присутствует акт специально созданной для этого комиссии, которая скрупулезно выясняла все обстоятельства дела [10].

Как уже отмечалось выше, ответственные за реэвакуацию польских детей органы проводили большую работу по выяснению обстоятельств

жизни каждого ребенка, поэтому в деле много актов опроса, составленных группой уполномоченных в лице представителя облоно (областного отдела народного образования), директора Польского детского дома, представителя исполкома городского Совета депутатов трудящихся и председателя правления Союза польских патриотов. Акты подписаны и заверены соответствующими печатями, причем печати Польского детского дома и Союза польских патриотов имеют надписи на польском и русском языках. Следует отметить, что этот Союз представлял не только председатель правления, но и секретарь. Таким образом, польское участие в деле выявления польского гражданства детей было достаточно широким (рис. 2) [11]. На основе этих данных составлялись сводные таблицы о детях-поляках, подлежащих реэвакуации.

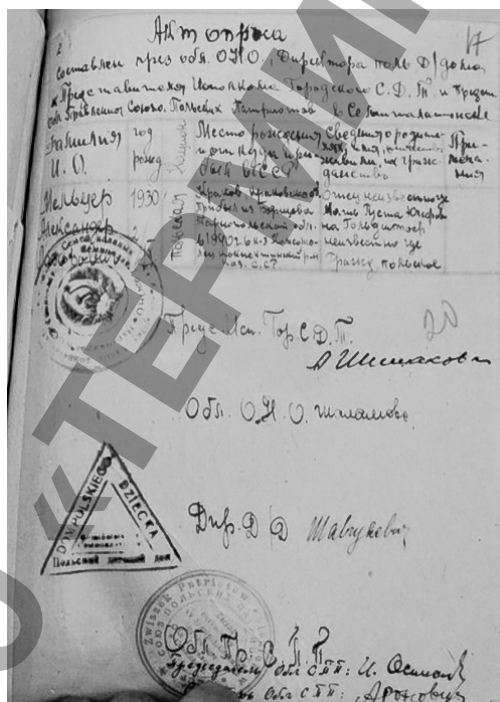

Рис. 2

Следующим важным шагом для решения вопроса о реэвакуации становится заявление ребенка о своем желании выехать в Польшу.

Вот текст одного из таких заявлений [12]:

В смешанную комиссию
По делам реэвакуации поляков
В Семипалатинске
От Бургер Ирены Петровны год рожд. 1930,
Уроженки гор. Баршов по нац. полька, проживающая в городе
Семипалатинске ФЗУ мяскокомбината

Заявление

В связи с возбуждением ходатайства о выходе из советского гражданства прошу разрешить мне выехать в Польшу, т. к. я действительно родилась в Польше гор. Баршов в 1930 г. по нац. полька. До 1939 г. проживала в гор. Львов. Отец мой Бургер Петр неизвестно где. Мать Бургер Розалия Мартиновна умерла в Семипалатинске в 1945 г. Родители по нац. польской.

Бургер Ирена Петровна

Акт опроса Бургер Ирены Петровны

Фамилия Имя Отчество	Год рожд.	Нац.	Место рождения и откуда прибыл в СССР	Сведения о родителях Живы ли, их гражд.
Бургер Ирена Петровна	1930	поль- ская	Польша, Бар- шов, прибыла из Львова	Отец Бургер Петр неизвестно где Мать Бургер Розалия Мар- тиновна умерла в Семипалатинске Гражд. польское

Представитель Горисполкома
Председатель СПП
Директор польдетдома

Волкова
Осинский
Шавчукевич

рождения, не включая сопровождающих. Списки были утверждены председателем Семипалатинской областной комиссии по эвакуации и уполномоченным советской делегации В. Карпинским, а также уполномоченным польской делегации Ружей. Судя по отметкам, оставленным позже на документах, дети действительно прибыли на станцию Брест в количестве 92 человек и пересекли советско-польскую границу на контрольно-пограничном пункте 17 мая 1946 г. в 22 часа (рис. 5) [14].

Так завершилась эпопея пребывания польских мальчиков и девочек, оставшихся без близких и родных, в Восточном Казахстане.

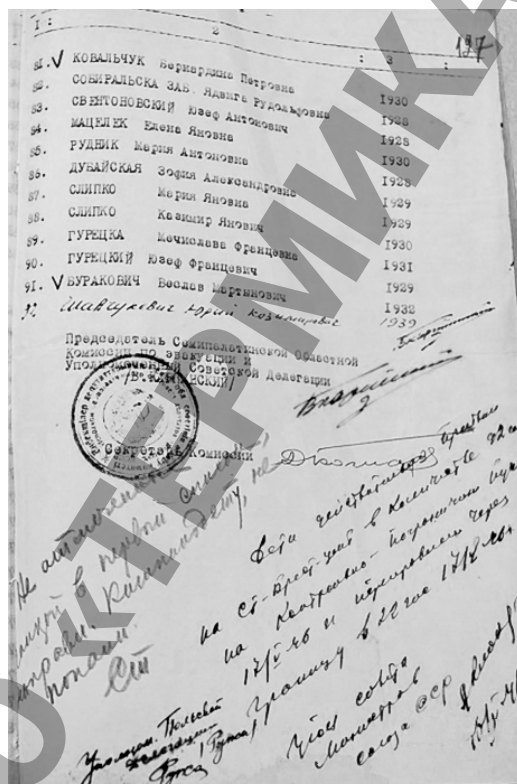

Рис. 5

В материалах дела отражен лишь один аспект заключительного этапа нахождения маленьких польских граждан в Советском Союзе. Есть основания полагать, что и в ЦДНИ ВКО, и в других архивах

Казахстана можно отыскать немало других документов эпохи, рассказывающих не только об уехавших, но и оставшихся представителях европейских народов, составивших национальное богатство независимого Казахстана.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области (далее — ЦДНИ ВКО). Ф. 640. Оп. 1. Д. 57а. Л. 1.
2. Там же.
3. Там же. Л. 1а.
4. Там же. Л. 2.
5. Там же. Л. 12.
6. Там же. Л. 7.
7. Там же. Л. 17.
8. ЦДНИ ВКО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 7. Л. 5.
9. Там же. Л. 66.
10. Там же. Л. 95.
11. Там же. Л. 17.
12. Там же. Л. 71.
13. Там же. Л. 80–80а.
14. Там же. Л. 127.

БАРОН А. Х. ЛЮБЕРАС И ЕГО РОЛЬ В УЧРЕЖДЕНИИ АРХИВА В РОССИИ⁴

Мустафин Артур Рашидович

Кандидат исторических наук, младший научный сотрудник
Национального исследовательского университета «Высшая школа
экономики»

Москва, Российская Федерация

e-mail: art-staf@yandex.ru

Аннотация. Барон Анастасий Христиан Люберас, прожектор петровской эпохи, является автором ряда сочинений, посвященных становлению архивного дела в России. Его по праву можно считать одним из первых прожекторов, кто актуализировал проблемы организации архивного делопроизводства. Однако имеющиеся источники не дают достаточных оснований для оценки влияния идей барона на становление архивного дела в России.

Ключевые слова: реформы Петра I, коллегии, архивное делопроизводство, проекты реформ.

BARON A. CH. LUBERAS AND HIS ROLE IN THE ESTABLISHING OF RUSSIAN ARCHIVES

Mustafin Artur Rashidovich

PhD in history, Junior Researcher

of the National Research University Higher School of Economics

Moscow, Russian Federation

e-mail: art-staf@yandex.ru

Abstract. Baron A. Ch. Luberas, who involved in Peter I's reform process, was the author of a number of drafts, which focused on archival paperwork. However, there is no reason to either deny the influence of baron's ideas on the archival reforms or to consider it as being overly significant.

Keywords: Peter I's reforms, collegia, archival paperwork, drafts of reforms.

---

⁴ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г.

Барон Анастасий Христиан Люберас фон Потт (около 1651–1722) — один из самых плодотворных прожектеров петровской эпохи. Большая часть его записок (31), посвященных коллегиальной реформе, была переведена на русский язык в XVIII в. [1]. Однако историкам фактически известно содержание только двух его записок, которые позволяют ознакомиться «в общих чертах с тем образцом, который предстояло ввести в России» [2], а также проекта регламента Берг-коллегии, вице-президентом которой и являлся А. Х. Люберас. Остаются вне поля исследовательского внимания остальные его сочинения — регламенты и учреждения, написанные им для каждой коллегии и конторы, а также для архивов.

Прежде всего отметим, что Люберас, составляя регламенты, опирался на опыт реформ в Швеции, собственно, где он и служил задолго до приезда в Россию. Особенно ценным для него был опыт реформ Карла XI, осмыслению которого посвящена его «Всенижайшая реляция о учрежденной королем Карлом XI форме Шведскаго государственнаго правления». В этом сочинении Люберас отмечал: «Все уведомления и щеты, предложения и ордера для будущего о том сведения надлежало вносить в архив так, чтоб король во всякое время о произвождении учиненных предложений в действо надлежащее мог иметь о том известие» [3].

Обратим внимание на сочиненное бароном Люберасом «Учреждение и регламент, как поступать в содержании Государственной и Камор архиве и как хранить прочия канцелярския дела», которое регулировало, по замыслу автора, работу не только служащих архивов, но и каждой коллегии, канцелярии и конторы. Так, он предписывал секретарям и актуариусам коллегий о каждом вступающем или исходящем деле записывать в «книгу под номером и числом с особым дела содержанием»; при этом необходимо было пронумеровать ее страницы, а на переплете ставить номер, год, месяц и число [4]. По окончании каждого года следовало все дела отдавать в архив. При этом Люберас отмечал, что «когда за надобное почтется отдавать в архив... документы, то оныя в их форме класть один по другому, по порядку их номеров и... с подписанною секретарем с показанием дня и числа бумагою закреплять печатью, хранить в переплете, сделав

на оном надписи и записав в своем месте в реестр» [5]. При сдаче же в архив надлежало получить от архивариуса расписку с указанием «имени отдатчика, дня и числа» [6].

Такое же пристальное внимание барон Люберас обратил на учет документов в архивах. Так, во-первых, архивариусам предписывалось вести протокол обо всех присылаемых и выдаваемых требованиях и делах в архиве. Во-вторых, им надлежало составлять реестры, в которые вносились бы содержание дел, количество книг с указанием их страниц, названий, номеров, а также даты получения. При этом им следовало сделать генеральный реестр «о заглавиях всех прочих по всей архиве реестров, посредством которых они в генеральных находить генеральные, в частных — частные, а по сим самая дела легко приискивать могут» [7]. В-третьих, архивариусы должны были в журнале записывать «исправно на одной стороне — выдаваемые по требованиям дела... а на противной стороне — вносить отдачу оных обратно» [8]. При этом Люберас подчеркивал, что архивариусам без требования президента никого «не только к просмотрению дел не допускать, и оных не выдавать, но ни же словесно... никакого ни прямо, ни тайно не давать сведения, если они получить нашу милость и неминуемаго телеснаго наказания либо смертной казни избежать желают» [9]. Удивительно, что это единственное упоминание смертной казни в составленных Люберасом регламентах.

Помимо упомянутых архивариуса и актуариуса, в штате архива, по замыслу Любераса, находились двое канцеляристов, шестеро подканцеляристов и шестеро копиистов. Однако барон не конкретизирует их обязанности. Мы узнаем только, что посредством подчиненных архивариусу служителей необходимо было смотреть «за шкафами в содержании дел в чистоте от пыли, в сбережении от влажности и от съедения мышей» [10].

Наконец, стоит отметить, что барон Люберас предлагал учредить два архива. В одном из них, в Камерном архиве, должны были храниться «все дела камер-коллежския и камер-конторския, также и из прочих канцелярий или кантор сюда отекающияся купно с коммерц- и мануфактур-коллежскими делами» [11]. Дела остальных коллегий, а также губернских канцелярий, духовных правле-

ний и Верховного тайного совета (Сената) следовало, по замыслу Любераса, хранить в Государственном архиве. Некоторая аналогия прослеживается с описанием архивов в Генеральном регламенте от 28 февраля 1720 г., в котором также повелевалось «иметь два архива». В одном «под надзиранием ревизион-коллегии» необходимо было хранить дела, касающиеся прихода и расхода средств, а в другом «под надзиранием иностранных дел коллегии» — все остальные коллежские дела [12]. Возможно, неслучайно среди бумаг Любераса имеется одна из ранних редакций этого документа на немецком языке [13].

Однако нельзя исключать, что это всего лишь совпадение. Необходимо реконструкция всего законотворческого процесса. То, что предлагал Люберас, вполне могло быть озвучено в сочиненных другими прожектерами записках, в том числе и в тех, которые не сохранились до наших дней. Остается только оценивать роль Любераса в становлении архивного дела в России с точки зрения его влияния на ход коллегиальной реформы.

Хотя исследователям удавалось выявить (да и то в редких случаях) определенные аналогии между тем, что Люберас предлагал, и тем, что было реализовано [14], однако ряд фактов указывает на то, что его влияние на законодательство было не столь значительным. Во-первых, отметим, что на его бумагах не удалось найти каких-либо помет, резолюций, подтверждающих тот факт, что кто-либо в правительстве был знаком с их содержанием. Неизвестны какие-либо документы, свидетельствующие об обсуждении сочинений Любераса, его регламентов в Сенате, коллегиях, комиссиях и вообще в среде политической элиты.

Во-вторых, известна только одна встреча Петра I и барона Любераса, которая произошла в Спа в 1717 г. Это произошло перед его наймом на российскую службу и, соответственно, перед тем, как он приступил к сочинению регламентов для российских коллегий.

В-третьих, как удалось установить, переводы его сочинений были составлены достаточно поздно. В фонде Сената Российского государственного архива древних актов удалось обнаружить документы Любераса, с которыми непосредственно работали переводчики. Они расположены в том же самом порядке, под той же самой нумера-

цией, как и во всех списках переводов его записок. В этой сенатской книге перед каждым его сочинением расположены листы с записью перевода названия проекта, указанием количества листов. Там же содержится зачеркнутая надпись: «разобрано в 1773 году». Хотя чаще встречается указание только года [15]. Все это позволяет полагать, что именно с этим комплексом документов работали переводчики, что переводы сочинений Любераса составлены в середине 1770-х гг.

Другой переведенный документ — письмо Петру I, в котором Люберас упоминает сочиненный им регламент для архивов [16], переведен еще позже. Только в этом документе переводчик подписал свое имя. Как удалось выяснить, он, коллежский асессор Петр Миллер, приходился племянником историку Герхарду Фридриху и, собственно, в конце столетия работал в архиве. Вероятнее всего, он перевел письмо Любераса в середине 1790-х гг., когда в архиве формировался фонд его документов [18].

Таким образом, нет оснований отрицать влияние идей барона Любераса на становление архивного дела в России, как и признать его существенным. Тем не менее его сочинения расширяют представление об истории архивоведческой мысли. Его по праву можно считать одним из первых, кто актуализировал проблемы организации архивного дела в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 171; Ф. 342. Оп. 1. Д. 227. Ч. VI; ОР РГБ. Ф. 178. Д. 2847; АВПРИ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 47.

2. Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. — СПб., 1905. — С. 429–430.

3. ОР РГБ. Ф. 178. Д. 2847. Л. 104 об.

4. Там же. Л. 88–89.

5. Там же. Л. 89.

6. Там же.

7. Там же. Л. 89 об. – 90.

8. Там же. Л. 90.

9. Там же. Л. 90 об. – 91.

10. Там же. Л. 91–91 об.

11. Там же. Л. 89 об.

12. ПСЗ-I. Т. 6. — № 3534. — С. 156.

13. АВПРИ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 51.

14. См.: Берендтс Э. Н. Барон А. Х. ф. Любераса и его записка об устройстве коллегий в России. — СПб., 1891; Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. — СПб., 1905. — С. 429–430; Мустафин А. Р. Роль барона А. Х. Любераса в коллегияльной реформе Петра I: новые документы // *Quaestio Rossica*. Т. 6. — 2018. — № 1. — С. 99–113.

15. РГАДА. Ф. 248. Кн. 1078.

16. АВПРИ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 47.

17. Таким образом, мы подтверждаем точку зрения о позднем переводе бумаг. Как заметили составители описи, водяные знаки бумаги (улей в орнаментированном щите) говорят о том, что переводы были составлены не ранее 1740–1750-х гг. (ОР РГБ, Ф. 178).

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ КРЫМСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВАРНИТСО В ФОНДАХ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ЭКОНОМИКИ

Акимченков Виктор Владимирович

Соискатель кафедры исторического регионоведения и краеведения
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация
e-mail: viktor_akimchenkov@mail.ru

Аннотация. В статье отображена деятельность Крымского отделения Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР в период 1929–1931 гг. Источниковой базой для подготовки исследования послужили материалы, выявленные в фондах Российского государственного архива экономики. Полученные данные позволяют детализировать процессы, происходившие в общественно-культурной жизни Крымской СССР на завершающем этапе первой пятилетки.

Ключевые слова: Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР, Российский государственный архив экономики, Крым.

DOCUMENTS ON THE HISTORY OF THE CRIMEAN BRANCH VARNITSA IN THE RUSSIAN STATE ARCHIVE OF ECONOMY

Akimenkov Victor Vladimirovich

Applicant of the Department of Historical Regional Studies and Local
History, V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russian Federation
e-mail: viktor_akimchenkov@mail.ru

Abstract. The article displays the activity of the Crimean branch of All-Union Association of workers of science and technology to promote the socialist construction in the USSR in the period 1929–1931. Source base for the study were the materials identified in the Russian state archive of economy. The data obtained allow us to detail the processes that took place in the social and cultural life of the Crimean USSR at the final stage of the first five-year plan.

Keywords: All-Union Association of science and technology workers

to promote socialist construction in the USSR, Russian state archive of economy, Crimea.

История общественно-политических и экономических процессов на территории Крымской АССР в 1920–1930-е гг. получила слабое освещение в крымоведческих исследованиях, а сюжеты развития полуострова в первые десятилетия советской власти нашли общие очертания в отечественной историографии. Данный период времени должным образом отражен лишь в просопографических исследованиях, раскрывающих исторические сюжеты, органично вливающиеся в общее русло истории Советского Союза, через призму жизни и деятельности крымских и советских организаторов науки [1].

На сегодняшний день деятельность целого ряда государственных, партийных и общественных союзов, занимавшихся изучением всего спектра процессов, протекавших на территории Крымской АССР в 1920–1930-е гг., остается преданной забвению. История Крымского межсекционного бюро инженеров и техников (далее — КМБИТ) и его районных отделений, Крымского бюро инженерно-технических секций (далее — КБ ИТС), Всекрымского научно-исследовательского института национально-культурного строительства и краеведения, а также других союзов и организаций остается неизученной. На этом фоне история функционирования Крымского отделения Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР (далее — ВАРНИТСО) постепенно приобретает очертание в отечественной историографии, становясь предметом самостоятельного исследования.

Основной источниковой базой для изучения заявленной темы служат материалы ф. 4394 («Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР») Российского государственного архива экономики (далее — РГАЭ). Выявленные нами протоколы съездов и собраний, анкеты и краткие жизнеописания членов организации сгруппированы в десять архивных дел, позволяющих изучить процесс создания и развития Крымского отделения ВАРНИТСО, уточнить и ввести в исследовательское поле биографические данные представителей инженерно-технической и научной интеллигенции Крыма довоенной поры.

С началом осуществления на территории Крымской АССР первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР активизировались нарастающие темпы индустриализации. Успехи в промышленности, коллективизация сельского хозяйства и интенсивное развертывание культурного строительства в период 1929–1931 гг. сопровождалось быстрым вовлечением населения полуострова в производственные процессы [2]. Однако к концу первой пятилетки имеющихся трудовых ресурсов уже не хватало, в частности — высококвалифицированных. Крымская промышленность не справлялась с выполнением намеченных планов, а в условиях сложившейся политической системы руководство отдельных предприятий намеренно искажало отчеты, вводя в заблуждение государственные и партийные органы власти, создавая прецеденты для раскручивания новых уголовных процессов. В этой связи руководящие органы автономии пытались задействовать все имеющиеся интеллектуальные силы для составления реалистичного народно-хозяйственного плана Крымской АССР на 1932 г., в котором при имеющихся материальных ресурсах не ставилась бы под угрозу ранее намеченная государственная стратегия [3].

С этой целью партийно-государственными органами было принято решение вовлечь в процесс социалистических преобразований сплоченные в рамках общественных союзов и организаций инженерно-технические и научные кадры полуострова. Они должны были способствовать внедрению идеологического обоснования проходивших в стране перемен в широкие общественные массы, направив свои силы в дело социалистического строительства, став надежной опорой режима. Часть ключевых задач на территории Крымской АССР была возложена на местное отделение ВАРНИТСО, образованное в 1928 г. [4].

Предельно ярко в деятельности Крымского отделения ассоциации нашли отображение процессы 1931 г., протекавшие в общественной, политической и экономической жизни Советского Союза. Большой интерес в этой связи представляют ранее неопубликованные материалы, выявленные нами в фондах РГАЭ, характеризующие дискуссии, развернувшиеся вокруг составления народно-хозяйственного плана, а также процесс развития крымских общественных сил на завершающем этапе первой пятилетки.

Одним из ключевых аспектов деятельности Крымского отделения ВАРНИТСО в обозначенный период является вопрос «по борьбе за овладение техникой», затронутый И. В. Сталиным 4 февраля 1931 г. на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности [5]. Впервые он был вынесен на обсуждение в ходе заседания Крымского отделения ВАРНИТСО 4 марта 1931 г., где с сообщением выступил научный сотрудник Крымплана П. Н. Берменев, оповестив собравшихся о создании специальной организации из пяти человек для проработки конкретных программ для отдельных крымских производств. Однако выслушав и обсудив этот вопрос, заседание ограничилось лишь резолюцией — «принять к сведению», не уделив должного внимания поставленной проблеме [6]. Это озадачило управляющие органы ассоциации, в связи с чем ответственный секретарь ВАРНИТСО В. М. Свердлов известил руководство Крымского отделения о том, что «борьба за овладение техникой должна явиться одной из основных задач нашей ассоциации и, в соответствии с этим, Вашему отделению надлежит выработать ряд конкретных мероприятий, обратив особое внимание на активизацию деятельности научных и научно-технических обществ, а так же об-ва „Техмасс“» [6].

Уже 14 апреля 1931 г., во время очередного заседания, члену ВАРНИТСО В. Г. Кастрову было поручено организовать работу профильной комиссии при секции научных работников, наладив при этом взаимосвязь с КМБИТ [8]. Однако это вызвало непонимание среди руководства ассоциации, в связи с чем В. М. Свердлов направил руководству Крымского отделения очередное извещение, в котором указывал: «...в чем может выразиться роль ВАРНИТСО по налаживанию уже созданной комиссии СНР. Целесообразнее было бы наметить ряд конкретных участков работы, на которые направить все наличные силы...» [7]. Однако каких-либо сведений о дальнейшей работе по данному вопросу выявить не удалось, отсутствуют они и в отчете отделения за 1931 г.

Еще одним важным направлением деятельности явилось участие членов Крымского отделения ассоциации в работе по составлению народно-хозяйственного плана Крымской АССР на 1932 г. Совещание инженерно-технических и научных работников состоялось

28 августа 1931 г., инициаторами его созыва выступили КМБИТ, Крымское отделение ВАРНИТСО и Крымское бюро ИТС. Председательствовал на заседании Площенко, а в состав президиума вошли: С. Я. Дадиомов, В. Б. Лукьянов, Е. Д. Минин, Площенко и Б. М. Эйдельсон. На повестку дня было вынесено заслушивание и обсуждение доклада об основных задачах народно-хозяйственного плана на 1932 г. и участие инженерно-технических и научных работников Крыма в его составлении. Озвучил доклад научный сотрудник крымского Госплана Ермолай Дмитриевич Минин, после чего начались активные прения по его содержанию. От присутствующего на заседании 81 делегата было внесено 14 вопросов и дополнений.

Так, по мнению заместителя председателя Госплана Крымской АССР Владимира Бонифатьевича Лукьянова, в разработке плана на 1932 г. научная и инженерно-техническая интеллигенция Крыма не приняла должного участия, не сплотившись вокруг поставленной цели. К тому же эту работу, по его мнению, необходимо было сделать массовой, где каждый специалист, которому поручено проработать контрольные цифры, должен делать это на производственных совещаниях, тем самым привлекая к работе непосредственных участников промышленного и колхозного строительства. Таким образом, речь В. Б. Лукьянова содержала генеральную установку о персональной ответственности каждого инженерно-технического и научного работника в деле выполнения поставленных партией и государством задач, что нашло должный отклик в общественной мысли той поры.

В свою очередь научный сотрудник Государственного Никитского ботанического сада А. А. Рихтер отметил, что причины неучастия научно-технических специалистов в общественной работе кроются в том, что полностью не изжито «спецеество» [8]. К тому же, по его мнению, после прошедшего совещания хозяйственников, состоявшегося при ЦК ВКП(б) 22–23 июня 1931 г., на котором И. В. Сталин отметил, что СССР не сможет обойтись без собственной производственно-технической интеллигенции [9], отношение к специалистам должно резко перемениться [10]. Для более успешной проработки плана, по мнению А. А. Рихтера, необходимо создать инициативную группу, которая сплотит в своих рядах неравнодушных и деятельных представителей инженерно-технической и научной интеллигенции Крыма.

В комментарии делегата съезда Ракуса было обозначено, что ключевой дилеммой в деле экономического планирования на 1932 г. является обилие средств и нехватка квалифицированных специалистов для разработки и контроля над реализацией проектов. Ярким примером этого, по его словам, являлась строительная отрасль, где в начале первой пятилетки был достигнут колоссальный прорыв, в частности в деле удешевления строительства, однако «фактически строительство не удешевилось, т. к. по сметам мы ставим кладку бутовым камнем — 14 руб. кв. мтр., а выходит стоимость ее — 20 рублей», поскольку не был урегулирован вопрос с транспортом. Это привело к тому, что все рационализаторские мероприятия по удешевлению строительства были нивелированы, а все сэкономленные средства уходили «единоличнику с лошадкой, ибо на месте заготовки в Евпатории камень стоит 30 коп., а с доставкой на стройку — в Симферополь 1 р. 10 коп.». В решении этого вопроса Ракус рекомендовал обратить внимание на постройку мелких каботажных судов и использование тракторов для перевозки камня [11].

Продолжая дискуссию, председатель Госплана Крымской АССР Жуковский, снабдив свой комментарий показателями развития промышленности на полуострове до 1914 г. и достижениями при плановом строительстве, отметил, что на декабрьском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) было уделено серьезное внимание народно-хозяйственному плану, поэтому его нельзя отделять от политики. Заведующий конъюнктурным бюро Госплана Крымской АССР М. Л. Славинский отметил, что Крымская АССР оказалась совершенно неподготовленной по топливному вопросу, и рекомендовал приступить к разработке Бешуйских угольных копей [12], оценив их объемы для экономики полуострова. Еще одна задача — это механизация сельского хозяйства, без которой выполнение намеченных планов окажется невозможным. При этом научный сотрудник Крымпланбюро по планированию промышленности и транспорта П. Н. Берменев заметил, что всю намеченную работу по эффективному планированию необходимо проводить совместно с Госпланом СССР.

Исходя из всего вышесказанного, а также большого количества внесенных предложений, ответственный секретарь журнала «Экономика и культура Крыма» А. Л. Александрова предложила

инженерно-техническим и научным работникам подготовить свои предложения по составлению народно-хозяйственного плана на 1932 г. для публикации на страницах местной прессы с целью последующей публичной дискуссии. А вопрос с нехваткой рабочей силы она рекомендовала решать с вовлечением в промышленное строительство женщин, предварительно проработав вопрос о социально-бытовых условиях в организации труда [13]. В свою очередь заведующий учебной частью Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе И. К. Зеленский, симферопольский профпатолог В. И. Салтыковский и Корде акцентировали внимание на отсутствии достаточного количества рабочей силы, высококвалифицированных специалистов, а также своевременных и детальных проектных смет. Председательствующий на заседании Площенко указывал на недостаточную организацию труда на крымских предприятиях, слабое применение рационализаторских мероприятий и рабочих изобретений, а инженерно-технические и научные специалисты, по его мнению, должны принять активное участие в издании технической литературы, что позитивным образом должно сказаться на реальных результатах.

После заключительного слова Е. Д. Минина, завершившего прения, совещание вынесло постановление, согласно которому план должен был полностью исходить из необходимости выполнения лозунга «пятилетку в четыре года», насытив его «духом классовой борьбы» [14]. В этом контексте вопрос об усилении классовой борьбы, поднятый по итогам работы заседания, по-видимому, коррелировался с позицией И. В. Сталина, высказанной на Пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1928 г., где он отметил, что «продвижение к социализму не может не вести к сопротивлению эксплуататорских элементов этому продвижению, а сопротивление эксплуататоров не может не вести к неизбежному обострению классовой борьбы» [15].

В этой связи справиться с задачами, стоящими перед последним годом пятилетки, планировалось путем выработки персональных и групповых заданий Госпланом Крымской АССР для инженерно-технических и научных специалистов, объявив самобомбанизацию ключевым лозунгом в этом процессе. При этом окончательные результаты выполнения заданий должны пройти обсуждение непосредственно

на производстве в ходе проведения широких рабочих собраний и производственно-технических совещаний. Госплан Крымской АССР и Президиум КМБИТ должны провести научно-техническую оценку принимаемых планов по мере выполнения поставленных заданий, а также организовать общественные смотры и широкие совещания инженерно-технических, научных и плановых работников, на которых следовало бы заслушать доклады о выполненных поручениях.

Собранием для более эффективной реализации намеченных планов был подготовлен ряд поручений. В частности, Президиуму КМБИТ было рекомендовано поставить перед Крымским советом профессиональных союзов (далее — КСПС) вопрос о выделении особого фонда для премирования наилучших работ; Президиуму КМБИТ, местному отделению ВАРНИТСО и КБ ИТС — обеспечить быстрое и четкое претворение в жизнь принятых на собрании постановлений, доведя их до рабочих и общественных масс, наладив тесную связь с госпланом республики.

Редакциям крымских газет «Красный Крым», «Янъюдюнья», «Яш Кувет», «Керченский рабочий», «Маяк Коммуны», «Коллективист» и «Крымский Колхозник» было предложено разместить на своих страницах материалы и рассуждения инженерно-технических и научных работников полуострова относительно народно-хозяйственного плана на 1932 г. с целью последующей общественной дискуссии вокруг поставленных вопросов [16]. В 1931 г. Крымское отделение ВАРНИТСО было задействовано в решении таких тенденциозных вопросов того периода времени, как: теоретическая разработка методик для борьбы с вредительством, вовлечение в свою деятельность комсомольской организации, создание ударных бригад специалистов, участие в проработке решений Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) и т. д. Непосредственное участие членов ассоциации нашло отображение и в решении насущных проблем автономии: проведении мероприятий по ликвидации неграмотности, содействии посевной кампании, проведении мероприятий по рационализации в условиях местной экономики, оживлению работы научных коллективов Крымского государственного педагогического института имени М. В. Фрунзе, Госплана Крымской АССР и т. д. [17].

Таким образом, ключевая источниковая база по истории Крымского отделения ВАРНИТСО содержится в фондах РГАЭ. Ярким примером этого является изученный нами сюжет его многогранной деятельности на завершающем этапе первой пятилетки. Последующее вовлечение в исследовательское поле выявленной группы документов позволит более детально изучить процесс развития Крымской АССР в конце 1920–1930-е гг. XX в., а также создать как обещающие исследования, раскрывающие общую канву происходящих процессов, так и ряд просопографических исследований, детализирующих концентрированные сюжеты истории Крыма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст: Страницы истории крымского краеведения. — Киев: Стилос, 2012. — 464 с. — Серия: «Биобиблиография крымоведения». Вып. 15; Непомнящий А. А. Академик С. Ф. Платонов и крымоведение. — Белгород: Константа, 2018. — 216 с. — Серия: «Биобиблиография крымоведения». Вып. 27.

2. Статистический справочник народного хозяйства и культуры Крымской АССР / Управление народно-хозяйственного учета Крымской АССР; отв. ред. А. М. Гутман. — Симферополь, 1936. — 195 с.

3. Пятилетний план народного хозяйства и культуры Крымской АССР / План. комиссия Крым. АССР. — Симферополь: Крым. гос. изд-во, 1930. — 111 с.

4. Акимченков В. В. К истории создания ВАРНИТСО: взгляды и мнения крымской интеллигенции // Черноморские чтения: труды III Межд. науч. ист. конф., 5 апреля 2016 г., Симферополь / КФУ им. В. И. Вернадского. — Симферополь: Антиква, 2017. — С. 7–11.

5. Сталин И. В. О задачах хозяйственников: Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. // Сталин И. В. Сочинения: в 13 т. Т. 13. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. — С. 29–42.

6. РГАЭ. Ф. 4394. Оп. 1. Д. 307. Л. 14–15.

7. Там же. Л. 13.

8. Там же. Л. 7.

9. Там же. Л. 8.

10. Упомянутый А. А. Рихтером термин «спецеество», по-видимому, позаимствован из речи И. В. Сталина, озвученной на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г., где он заметил: «Было бы глупо и неразумно рассматривать теперь чуть ли не каждого специалиста и инженера старой школы, как не пойманного преступника и вредителя. „Спецеество“ всегда считалось и остается у нас вредным и позорным явлением» (см.: Сталин И. В. Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства: Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. // Сталин И. В. Сочинения: в 13 т. Т. 13. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. — С. 72–73).

11. Сталин И. В. Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства: Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. // Сталин И. В. Сочинения: в 13 т. Т. 13. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. — С. 51–80.

12. РГАЭ. Ф. 4394. Оп. 1. Д. 307. Л. 1.

13. Там же. Л. 2.

14. Данный вопрос в 1928 г. поднимался профессором Крымского государственного педагогического института имени М. В. Фрунзе С. П. Поповым и доцентом П. Т. Данильченко в ходе работы комиссии по химизации при Крымском отделении ВАРНИТСО (см.: Непомнящий А. А., Акимченков В. В. «Этот вопрос... в свое время обсуждался в общесоюзном масштабе V Менделеевским съездом». Записки профессоров Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе по наиболее рациональному использованию природных богатств полуострова. 1928 г. // Исторический архив. — М.: РОССПЭН, 2019. — № 2. — С. 108–117).

15. РГАЭ. Ф. 4394. Оп. 1. Д. 307. Л. 3.

16. Там же. Л. 4.

17. Сталин И. В. Об индустриализации и хлебной проблеме: Речь 9 июля 1928 г. // Сталин И. В. Сочинения: в 13 т. Т. 11. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. — С. 172.

18. РГАЭ. Ф. 4394. Оп. 1. Д. 307. Л. 5.

19. Там же. Л. 19–22.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ УНИКАЛЬНЫХ И ОСОБО ЦЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ

Хими́на Ни́на Ива́новна

Кандидат исторических наук, заведующий ОЦПК ВНИИДАД
Москва, Российская Федерация
e-mail: nin.khimina@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрено современное нормативно-методическое состояние работы по определению особо ценных и уникальных документов, находящихся на хранении в федеральных и региональных государственных архивах Российской Федерации и основные проблемы их определения.

Ключевые слова: особо ценные документы, уникальные документы, нормативно-методическое обеспечение определения уникальных документов.

THE MAIN PROBLEMS OF IDENTIFICATION OF UNIQUE AND ESPECIALLY VALUABLE DOCUMENTS

Himina Nina Ivanovna

Candidate of Historical Sciences, Head of OTsPK VNIIDAD
Moscow, Russian Federation
e-mail: nin.khimina@mail.ru

Abstract. This article deals with the current normative and methodological state of activities for the identification of especially valuable and unique documents which are kept in federal and regional state archives of Russian Federation and the main problem for the identification.

Keywords: especially valuable documents, unique documents, normative and methodological support for the identification of unique documents.

Работа по выявлению уникальных документов на уровне ведения Государственного реестра уникальных документов Российской Федерации началась в соответствии с Приказом Росархива от 9 октября 2001 г. № 75 «Об утверждении Регламента Государственного реестра уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации и органи-

зации работы по его созданию», которым были также утверждены «Методические указания по определению уникальных документов, подлежащих включению в Государственный реестр» и «Правила описания уникальных документов для включения в Государственный Реестр». В Регламенте было дано определение уникального документа, зафиксированы вопросы организации работы с уникальными документами в государственных архивах, музеях, библиотеках и других хранилищах, а также определен порядок внесения изменений в реестр и пользования информацией реестра [1].

В Федеральном законе «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ в статье 3 уникальный документ определен как «особо ценный документ, не имеющий себе подобных по содержащейся в нем информации и (или) по внешним признакам, невозможный при утрате с точки зрения его значения и (или) автографичности», который в соответствии со статье 19 подлежит учету в Государственном реестре уникальных документов Российской Федерации [2].

Разработанные в соответствии с названным федеральным законом «Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук», утвержденные Приказом Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации от 18 января 2007 г. № 19, устанавливают общие нормы выявления особо ценных, в том числе уникальных документов, их учета, хранения и использования [3].

Вслед за созданием Государственного реестра уникальных документов продолжилась разработка новых теоретико-методических подходов к выявлению особо ценных документов Архивного фонда Российской Федерации. В Федеральном законе «Об архивном деле в Российской Федерации» было зафиксировано и понятие «особо ценный документ», поэтому необходимым и актуальным стало уточнение состава этой категории документов и критериев отнесения документов к ней. Специалистами ВНИИДАД были разработаны методические основы проведения работы по определению особо

ценных документов в государственных архивах. Результатом этих исследований стали изданные «Методические рекомендации по работе с особо ценными документами в государственных архивах Российской Федерации» [4].

Данные методические рекомендации имели большое значение для проведения системной работы и дальнейшего совершенствования организации выявления особо ценных документов, обеспечения сохранности этих документов и содержащейся в них информации.

В работе по выявлению уникальных документов, применению критериев выявления, оформлению реквизитов листа учета и описания уникальных документов специалисты по-прежнему сталкиваются с трудностями и сложностями методического характера. Необходимо повышать качество составления аннотаций листов учета и описанию уникальных документов, из содержания которых должно быть понятным, на основании каких критериев тот или иной документ предлагается включить в Государственный реестр.

Исходя из задачи определения документов высшей категории ценности, выявление уникальных документов производится по специальным критериям. При этом акцент при выявлении уникальных документов должен делаться не столько на ценности информации, содержащейся в документе, сколько на общекультурной значимости документа, его реликвийности, мемориальности, единственности в своем роде по содержанию и месту в истории государства, конкретного региона, а также высокой материальной ценности документа [5].

Критериями определения уникальных документов, закрепленными «Методическими указаниями по определению уникальных документов, подлежащих включению в Государственный реестр», являются: древность документа; подлинность; бесспорность культурно-исторической значимости; публичность и высокая материальная ценность (наивысшая возможная цена, выраженная в максимальной страховой оценке); отношение документа к историческому событию; отношение документа к исторической личности; юридическое значение документа; художественные и оформительские особенности документа.

В соответствии с этими критериями архивные учреждения стали проводить работу по определению уникальных документов.

С начала 2002 г. ЦЭПК Росархива рассматривает представленные федеральными архивами и архивными органами субъектов Российской Федерации документы, и по состоянию на 1 октября 2019 г. в Государственный реестр уникальных документов включено 750 таких документов.

Нельзя не согласиться с заместителем директора РГАДА, ведущим специалистом и экспертом в этой области Ю. М. Эскиным, что существующая нормативная база работы с уникальными документами позволяет на хорошем уровне организовать это направление деятельности. Вместе с тем расширение практики выявления уникальных документов, опыт работы ЦЭПК Росархива свидетельствуют о необходимости продолжения работы по уточнению применяемых критериев отнесения документов к категории уникальных [6].

В связи с проведением ВНИИДАД работы по совершенствованию деятельности архивных учреждений по данному направлению хотелось бы остановиться на некоторых аспектах проведения этой работы.

По истечении значительного периода работы федеральных и государственных архивов субъектов Российской Федерации по определению уникальных документов, специалистами уже примерно определен корпус древних документов. В Государственный реестр включены: рукописная книга «Евангелие Апракос краткий, Саввина книга» (XIII), «Духовная грамота великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского» (1389), «Жалованная меновная и отводная грамота великого князя московского Ивана III Васильевича его племянникам князьям волоцким Федору и Ивану Борисовичам на волости Буйгород и Колпь в Волоцком и Тверском уездах» (июль 1497), «Судебник» (1497) (список начала XVI в. около 1504 г.), а также «Общий гербовник дворянских родов Российской империи», «План г. Петербурга» (XVIII), списки жалованных грамот великих князей и царей, касающиеся внутренней жизни Покровского монастыря в Суздале, хозяйственные документы конца XVI — начала XVII вв., явочные челобитные монастырских крестьян, духовенства, посадских людей Суздаля, «Привилегия г. Оренбурга, данная императрицей Анной Иоанновной», «Ревизская сказка о семье Серафима Саровского, в миру Прохора Машнина», «Табель о рангах» (1722), «Дневник бывшего на русской службе гене-

рала Патрика Гордона» и многие другие уникальные документы.

В декабре 2017 г. в процессе длительной и кропотливой работы архивистов и специалистов-экспертов в Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации была включена под номером 710 указная грамота великого князя Ивана IV Васильевича (будущего царя Ивана Грозного) от 31 января 1546 г., хранящаяся в Госархиве Ульяновской области.

В Государственный реестр должны быть включены такие уникальные, единственные в своем роде уставные грамоты, как «Белозерская уставная грамота» (1488), «Двинская уставная грамота» (1397–1398), правоустанавливающие акты, сборники административных и гражданских законов процессуального характера, применявшиеся на данных территориях [7].

Учитывая, что в начале XVII в. появляются новые виды и разновидности документов и количество массовых источников постоянно возрастает, необходимо проведение анализа содержания таких документов, особенно созданных в процессе деятельности местных учреждений, на предмет выявления среди них уникальных. При анализе фондов органов местного управления и сословно-выборного самоуправления, документы которых в процессе последующих административно-территориальных реформ оказались рассредоточенными по разным государственным архивам, необходимо продолжить тесное сотрудничество между архивными учреждениями субъектов Российской Федерации и РГАДА.

Вместе с тем, несмотря на значительный опыт в определении уникальных документов и правильное заполнение листа учета и описания документа, возникает вопрос о выявлении уникальных документов среди памятников русской книжности, количество которых увеличилось в конце XVI — начале XVII в. [6, с. 72].

Думается, что рукописные книги литургического, богослужебного содержания (евангелия, псалтири, минеи и др.) могут быть отнесены к уникальным документам лишь в случаях, когда они имеют уникальное художественное оформление и вкладные записи.

Согласно критерию «бесспорность культурно-исторической значимости документа» документ должен обладать бесспорной, общепризнанной

культурно-исторической значимостью в общенациональном и в мировом масштабе. В этом случае значимость документа должна пониматься в прямом смысле — как значение документа в качестве культурной и исторической ценности для общества и человека, а не основываться только на его научно-информационной или источниковой ценности с точки зрения интересов историков и возможностей использования.

В рамках данного критерия используется и понятие «первый» — первый звуковой кинофильм, первый полет в космос, а также влияние документа на последующий ход общественной, государственной, национальной, религиозной жизни. Например, подлинные «Жалованная грамота дворянству Екатерины II» (1785), «Манифест от 17 октября 1905 г.», «Ревизская сказка о семье Серафима Саровского (в миру Прохора Машнина)», специальный выпуск киножурнала «Новости дня» 1945 г. (подписание Декларации о поражении Германии и о взятии на себя власти правительствами четырех союзных держав) и др.

Большую помощь в работе по определению уникальных документов имеет критерий «материальная ценность документа». Этот критерий в соответствии с разработанными ВНИИДАД методическими рекомендациями [8] помогает, когда возникают противоречивые мнения при решении вопроса о признании или непризнании документа уникальным.

Критерий «отношение документа к историческому событию». Главным здесь становится само отношение, сама принадлежность документа к важному историческому событию, явлению, процессу, документ должен не только отражать событие или даже быть одновременно ему, но должен непосредственно принадлежать этому процессу, явлению, событию и быть его неотъемлемой составной частью.

В соответствии с этим критерием включаются в Государственный реестр подлинные акты, относящиеся к становлению и развитию государственности — приговоры земских соборов, манифесты, конституции и другие документы, в которых фиксировались социально-исторические решения, определяющие судьбы народов и государств, кардинальные государственные преобразования и реформы, революции, объявления войн, международные соглашения, касающиеся судеб народов и государств.

На основании этого критерия уже включены в Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации Конституции РСФСР и СССР, декларации, акты об отречении от престола, манифесты и другие подлинные документы, отражающие этапы развития государственности России.

По этому же критерию уже включены в состав уникальных документы, непосредственно относящиеся к событиям или объектам мирового значения в области науки и техники, в которых зафиксированы крупные открытия и изобретения, кардинально повлиявшие на уровень науки и культуры, в том числе и кинофотофонодокументы, которые иногда являются единственными адекватными доказательствами явлений и процессов, включая и редкие природные явления, а также представляющие собой большую художественно-эстетическую ценность (например, уникальная запись исполнения художественного произведения великим артистом). Но событие, к которому непосредственно относится документ, должно быть действительно очень крупным, и документ должен отражать его основные черты. Уникальными могут быть и уже признаны многие картографические документы, составленные самими участниками в процессе географических открытий, созданные в ходе строительства городов их планы. Так, чертежи XVII в., фиксирующие исторический ландшафт и коммуникации средневековых русских городов, действительно уникальны и невосполнимы по своему содержанию и достоверности.

Хотелось бы остановиться на критерии «отношение документа к исторической личности». Этот критерий по-прежнему вызывает определенные затруднения и трудности и даже споры. По отношению документа к исторической личности уникальными являются документы, относящиеся к представителям отечественной и мировой литературы, искусства, науки, по отношению к которым являются общепотребительными и устоявшимися эпитеты «великий», «знаменитый», «классик», а также к главам государств, вождям правящих партий, крупнейшим военачальникам, национальным и народным героям и религиозным деятелям.

Поэтому уникальными являются документы, относящиеся к той деятельности, за которую считаем человека великим. Поэтому в Госу-

дарственный реестр включаются рукописи художественных произведений Л. Н. Толстого, а не его прошение о допущении сыновей к обучению в гимназии или подобные документы. В Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации включены рукописи произведений И. С. Тургенева, рабочие дневники Ф. М. Достоевского и других выдающихся деятелей культуры. Включены также фонографические записи исполнения М. Е. Пятницким русских народных песен и других произведений.

Автографы великих в альбомах, на книгах, находящиеся на хранении в государственных архивах субъектов Российской Федерации, могут быть включены в региональные реестры уникальных документов. В подобных случаях при обсуждении решения об отнесении документов к уникальным важно мнение экспертов-специалистов.

Большое значение имеет критерий «художественные и оформительские особенности документа». По этому критерию следует учитывать наличие уникальных печатей, художественных украшений различных грамот, договоров, дипломов, национальные, фольклорные и авторские особенности их оформления. Повторим, что наличие в оформлении документа драгоценных металлов и камней, существенно повышая их ценность, еще не делает документ уникальным.

Работа по выявлению уникальных документов требует комплексного системного подхода ко всему массиву документов, хранящихся в государственном архиве, знания состава выявленных ранее особо ценных документов и глубокого изучения документов, с которыми будет в дальнейшем проводиться подобная работа.

Проведенная паспортизация государственных и муниципальных архивов Российской Федерации по состоянию на 1 января 2016 г. показала результаты выявления особо ценных документов — количество учтенных особо ценных документов составляет более 9,3 млн единиц хранения (или 21 % от общего объема документов федеральных архивов) и их страхового копирования. Федеральные архивы хранят страховой фонд объемом 378,3 млн кадров. При этом лишь 33 % особо ценных документов имеют страховые копии.

В работе по выявлению особо ценных документов используются следующие обязательные критерии: время создания документа; цен-

ность содержащейся в документах информации; юридическая сила, подлинность документов; значение фондообразователя; авторство (и адресат) документа; наличие палеографических, художественных и других особенностей документа [4, с. 12].

В качестве вспомогательного критерия может выступать величина страховой оценки документа (его денежная страховая стоимость). В работе по определению особо ценных документов важное значение имеет критерий «время создания документа». Применение этого критерия обусловлено фактором сравнительно неодинаковой ценности документов, относящихся к разным периодам истории. Согласно критерию выявляются в первую очередь особо ценные среди документов, созданных после 1626 г. и до конца XVIII в., а также документы, созданные в особые периоды истории как государства в целом, так и ее отдельных регионов.

К особо ценным документам относятся все подлинные документы и заменяющие их копии приказного периода до введенной Петром I коллежской системы и системы местных учреждений, а также значительная часть подлинных документов XVIII в. до губернской реформы, проведенной Екатериной II. К особо ценным документам относятся выписки из царских грамот, писцовых, переписных, дозорных книг о земельных владениях бояр, монастырей, муз; документы Патриарха всея Руси, воеводских канцелярий, приказных изб, монастырей, списки с грамот и грамоты приказов, челобитные XVII–XVIII вв.; грамоты донских атаманов; документы столбцового делопроизводства, периода Смутного времени и др. Поскольку подобных документов в государственных архивах субъектов Российской Федерации сохранилось немного, то отнесение их к особо ценным вполне правомерно, учитывая также и их достаточно высокую материальную страховую стоимость.

В методических рекомендациях ВНИИДАД особенно подчеркивается, что архивисты должны обращать особое внимание и на документы, созданные не только в ранние периоды развития российской государственности, но и в особые периоды истории как государства в целом, так и ее отдельных регионов. При этом при отнесении документа к составу особо ценных важно учитывать, что под особым периодом понима-

ют не только войны, восстания, народные движения и революции, но и другие важные события в истории страны и региона. Имеет значение не только время создания документа в названный период, но его прямое отношение к существу исторического периода или конкретному факту, событию, действию, характеризующему данный период, роль документа в фиксации события. В состав особо ценных включаются документы, которые заслуживают этого по своему содержанию, а не просто являются предметными свидетельствами эпохи.

Критерий «ценность содержащейся в документах информации (содержание документов)» основан на объективной с позиций исторического подхода оценке документов, которые содержат в себе значимую, неповторимую, новую по сравнению с другими документами фонда информацию и наиболее полные и всесторонние сведения о данном событии, факте, явлении. Работа по определению ценности требует от архивистов глубокого источниковедческого подхода к оценке значения конкретного документа.

Необходимо также учитывать взаимосвязи документов и наличие резолюций и виз, т. к. их содержание является самостоятельным поводом для отнесения документа к особо ценным, усиливая его правовое и историческое значение.

Применительно к документам фондов личного происхождения выявлению в качестве особо ценных подлежат документы, отражающие наиболее важные факты жизни, результаты государственной, научной, творческой деятельности фондообразователя.

Работа по определению особо ценных документов требует глубокого знания состава и содержания документов фондов государственных архивов, привлечения в качестве экспертов историков, краеведов, знакомых с составом и содержанием документов архива, для решения спорных вопросов, для отбора документов, действительно, объективно имеющих повышенное историческое значение. При выявлении особо ценных документов следует учитывать фактор повторяемости информации в документах фондов, а также межфондовой и межархивной дублетности.

Выявление документальных памятников, их учет в Государственном реестре уникальных документов Российской Федерации — про-

цесс продолжительный, требующий системного подхода, проведения глубокого источниковедческого анализа и объективности, а также совместной работы ведущих специалистов федеральных и государственных архивов, историков, краеведов и экспертов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Регламент государственного учета документов Архивного фонда Российской Федерации (утвержден Приказом Росархива от 17 ноября 1997 г. № 61, зарегистрирован в Минюсте России 8 июля 1997 г., рег. № 1344). — URL: <http://portal.rusarchives.ru/lows/reglam.shtml> (дата обращения: 20 июня 2016 г.).

2. Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2004. — № 43. — Ст. 4169.

3. Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук. — М., 2007. — С. 13.

4. Методические рекомендации по работе с особо ценными документами в государственных архивах Российской Федерации // ВНИИДАД. — М., 2007.

5. Елпатьевский А. В., Химица Н. И. Уникальные документы Архивного Фонда Российской Федерации: к современному пониманию проблемы // Отечественные архивы. — 2011. — № 1. — С. 16–23.

6. Эскин Ю. М. Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации // Делопроизводство. — 2017. — № 4. — С. 72.

7. Государственность России: словарь-справочник. Кн. 6: Документация государственных и церковных учреждений, сословных органов, органов местного самоуправления и частноправовые акты. Конец XV в. — февраль 1917 года. Ч. 1. — М.: Наука, 2009. — С. 155–156.

8. Денежная оценка документов Архивного фонда Российской Федерации при организации их страхования // ВНИИДАД. — М., 2009.

ВОРОНЕЖСКИЕ АРХИВИСТЫ ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ: СУДЬБА НА ФОНЕ ЭПОХИ (К 100-ЛЕТИЮ ГАВО)

Алленова Валерия Алексеевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения

Воронежского государственного университета

Воронеж, Российская Федерация

e-mail: allenova.va@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется процесс создания архивной службы в Воронеже в первое пореволюционное десятилетие. Прослежены биографии первых руководителей Воронежского губархива и оценивается их вклад в формирование советского архивного дела в губернии.

Ключевые слова: губернский архив, архивист, послереволюционное время, Воронеж.

VORONEZH ARCHIVISTS IN THE FIRST YEARS OF THE SOVIET AUTHORITY: FATE ON THE BACKGROUND OF THE EPOCH (ON THE 100-TH ANNIVERSARY OF GAVO)

Allenova Valeria Alekseevna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Contemporary Russian History, Historiography and Documentary Studies

Voronezh State University

Voronezh, Russian Federation

e-mail: allenova.va@gmail.com

Abstract. The article analyzes the process of creating an archive service in Voronezh in the first post-revolutionary decade. There are traced the biography of the first leaders of the Voronezh regional archive and evaluated their contribution to the formation of the Soviet archives in the province.

Keywords: the provincial archives, the archivist, the post-revolutionary period, Voronezh.

В апреле 2019 г. исполнилось 100 лет государственной архивной службе Воронежской области. В сложных условиях пореволюционно-

го времени и Гражданской войны воронежские архивисты заложили основы современной областной архивной сети, однако судьба многих из них сложилась самым драматичным образом.

Первым руководителем губархива стал известный историк профессор И. И. Лаппо (1869–1944). По словам одного из его биографов, он был не только «признанным знатоком истории Великого княжества Литовского... Он был еще человеком, судьбу которого переехала Октябрьская революция; вынужденным странником, скитавшимся по России, Греции, Югославии, Чехословакии, Литве, Германии» [1, с. 162]. По окончании в 1892 г. историко-филологического факультета Петербургского университета Лаппо был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. После защиты в 1902 г. магистерской диссертации он получил должность приват-доцента Петербургского университета. Однако дальнейшая его деятельность (с 1905 г.) была связана с Юрьевским университетом, в котором он занимал должность экстраординарного, а после защиты в 1911 г. докторской диссертации ординарного профессора. После оккупации в феврале 1918 г. немецкими войсками Юрьева (Тарту) и запрета преподавания на русском языке университет был эвакуирован в Воронеж.

В числе прибывшей летом 1918 г. в город почти сотни профессоров и преподавателей был и Лаппо, имевший к тому времени репутацию одного из ведущих специалистов в области истории Великого княжества Литовского и Западной Руси. О положении, в котором оказались вновь приехавшие, свидетельствуют письма Лаппо С. Ф. Платонову: «Что Вам сказать о жизни в Воронеже? Увы, хорошего сообщить не могу ничего... главное зло — различные декреты, которые сыпятся словно из рога изобилия: декреты о выселении „буржуев“ на окраины без права взять с собою свое имущество, обыски и т. д. и т. д. Университет не открывался еще, но готовится к открытию. Работать крайне трудно — живем семьей в двух комнатах... Несколько забываюсь в занятиях в Архивной Комиссии» [2]. Сразу после переезда Лаппо активно включился в архивную жизнь — по поручению наркомата просвещения он консультировал совет судей относительно судьбы большого массива судопроизводственных дел, возглавил так назы-

ваемую архивную группу при ученой архивной комиссии (ВУАК) по организации исторического архива и т. д.

31 марта 1919 г. был принят декрет СНК РСФСР «О Губернских архивных фондах», согласно которому все архивы, находившиеся в губернских городах и уездах, переходили в ведение Главного управления архивных дел (ГУАД), составляя по каждой губернии единый губернский архивный фонд во главе с заведующим [3]. Относительно кандидатуры главы местного архивного дела сомнений не было — 19 апреля 1919 г. Лаппо был назначен уполномоченным ГУАД, а с образованием губархива — его заведующим. Первый состав губархива был немногочислен — К. Н. Лукьянчиков, З. В. Яковлева, С. Н. Шестова, В. И. Тимофеевский, В. С. Ярцев, С. А. Стрижевский. К работе привлекался и сын И. И. Лаппо — студент историко-филологического факультета ВГУ Иван Лаппо [4]. Собственного помещения архив не имел и размещался в одной из комнат губернского музея. Работа проходила в условиях нехватки самого необходимого — заведующему приходилось обращаться в органы власти с просьбами о выдаче архивистам обуви и одежды, мыла, холста, бумаги, карандашей и перьев, ведер, муки для клейстера и т. д.

Главным направлением деятельности Лаппо считал обеспечение сохранности документов, что в условиях того времени было непростой задачей. Угроза исходила как от местных властей (в апреле 1919 г., например, губсовнархоз принял постановление, обязавшее учреждения, войсковые части и частных лиц сдавать дореволюционные документы в утилизационный отдел), так и от населения, активно расхищавшего архивы в условиях бумажного голода. И все же уполномоченному ГУАД удавалось добиваться отмены части подобных постановлений и организации вооруженной охраны ряда архивов. Выполнить задачу сохранения документального наследия было возможно только в результате выявления и учета архивов упраздненных учреждений, что представляло определенную трудность, т. к. исчерпывающим списком подобных архивов губархив не располагал. Предпринимались также попытки обследования уездных архивов, однако эта работа была прервана в связи с началом на территории губернии военных действий.

1 октября 1919 г. Воронеж был занят белогвардейцами, а спустя две недели Лаппо покинул город. В справке ВГУ говорится, что профессор Лаппо, как следует из его донесения ректору, выбыл из Воронежа 14 октября в Ростов и Харьков по болезни и домашним обстоятельствам сроком на две недели [5, л. 75]. На основании того факта, что он оставил в Воронеже имущество, библиотеку и личный архив, некоторые советские исследователи (например, В. И. Чесноков [5, с. 76]) полагали, что Лаппо вскоре собирался вернуться. Однако дальнейшая его судьба показывает, что на самом деле профессор бежал от советской власти. Его сын свидетельствует, что семья из Харькова переехала в Новороссийск [1, с. 169], затем в Болгарию и Югославию. В конце 1921 г. Лаппо оказались в Чехословакии, столица которой к тому времени уже стала центром сосредоточения научных сил русской эмиграции. Вплоть до 1933 г. Лаппо работал в Русском народном университете, активно занимаясь научной деятельностью и публикуя результаты своих изысканий на русском и чешском языках. После переезда в 1933 г. в Литву он преподавал в Каунасском и Вильнюсском университетах, однако в конце войны вместе с семьей при невыясненных обстоятельствах (скорее всего, бежал от советских войск, начавших в июле 1944 г. освобождение Литвы) оказался в Германии, где и погиб. Историк-эмигрант Г. В. Вернадский утверждал, что Лаппо вместе с женой и сыном попал под бомбардировку Дрездена англо-американской авиацией 23 декабря 1944 г. [7, с. 177]. Другой историк-эмигрант, С. Г. Пушкарев, чьим руководителем при подготовке к магистерским экзаменам был Лаппо [8], пытался после войны разыскать следы его пребывания в Дрездене, но тщетно. Он также полагал, что у Лаппо не было шансов выжить при бомбардировке, поскольку семья жила в наиболее пострадавшем от бомб квартале. Об этом также пишут в своей статье родственники Лаппо [9].

Одним из молодых сотрудников Лаппо был выходец из Воронежской дворянской семьи Виталий Семенович Ярцев (1895–?). По окончании Михайловского кадетского корпуса в 1912 г. он остался в нем в должности офицера-преподавателя. Увлечшись военной историей, Ярцев стал одним из самых молодых и активных деятелей ВУАК. Он много работал в местных архивах, принимал участие в собира-

тельской деятельности, способствуя пополнению губернского музея и исторического архива. Ярцев также принял участие в подготовке фундаментального юбилейного издания «Воронежское дворянство в Отечественную войну» (М., 1912), в которое вошли статьи, воспоминания участников войны и многочисленные документы. В конце 1914 г. Ярцев ускоренным курсом окончил Александровское военное училище в Москве и поступил в 25-й пехотный Смоленский полк, в составе которого воевал на Северо-Западном фронте. К 1917 г. он имел чин штабс-капитана, награды (орден Анны 4-й степени и Георгиевское оружие), четыре ранения. Судя по сохранившемуся письму, Ярцев даже во время войны, получив кратковременный отпуск, продолжал заниматься любимым делом. Он сообщил правителю дел ВУАК С. Е. Звереву о том, что в Москве обнаружил интересные документы XVIII–XIX вв., которые и передал в музей [10].

В 1918 г. Ярцев поступил на историко-филологический факультет ВГУ [11]. Будучи хранителем музея и сотрудником архива, он обследовал состояние уездных архивов, о чем свидетельствует мандат, выданный Ярцеву в июле 1919 г. на изучение архивов г. Задонска [11, л. 10]. Судьба Ярцева после октября 1919 г. неизвестна, его имя исчезает из документов губархива. Скорее всего, он ушел с Белой армией и либо погиб на фронтах гражданской войны, либо смог эмигрировать.

После отъезда Лаппо новым заведующим губархивом стал Константин Николаевич Лукьянчиков (1869–1926), выпускник исторического отделения Нежинского историко-филологического института князя А. А. Безбородко. Сложное материальное положение заставило молодого человека оставить мечты об исторических исследованиях и поступить в 1893 г. на службу в казенную палату, однако он не переставал интересоваться историей края и в 1911 г. был избран членом ВУАК, став одним из хранителей губернского музея. Получив в июле 1919 г. удостоверение научного сотрудника губархива, Лукьянчиков сразу же подключился к обследованию архивов и обеспечению их сохранности.

После занятия Воронежа белогвардейцами работа губархива остановилась. Лукьянчиков так описывает ситуацию того времени: «Архивный фонд de jure перестал функционировать, но фактически

сотрудники все время оккупации исполняли свои задачи по охране важнейших местных архивов, которые благодаря этому почти не пострадали от разгрома» [12, л. 70]. Положение осложнялось тем, что из работников архива в то время на месте остались только сам Лукьянчиков, научный сотрудник З. В. Яковлева и делопроизводитель С. А. Стрижевский.

С восстановлением советской власти Лукьянчиков был назначен помощником заведующего сметно-кассовым подотделом губфинотдела и одновременно, по его словам, «считал своим нравственным долгом следить за судьбой местных архивов и охранять их от гибели по мере сил» [12, л. 35]. По итогам этой работы Лукьянчиков подготовил доклад на имя председателя губревкома и губисполкома Л. М. Кагановича, в котором констатировал, что «архивы большинства учреждений находятся в крайне опасном положении, никем не оберегаются, некоторые из них расхищаются, и много ценного исторического материала может погибнуть безвозвратно» [12, л. 20]. В конце 1919 г. Лукьянчиков был назначен заведующим губернским архивным фондом и уполномоченным ГУАД. Своей первоочередной задачей он считал обеспечение сохранности фондов. «Недостаток курительной и оберточной бумаги, — с тревогой констатировал Лукьянчиков, — вызвал появление множества любителей, которые сделали своим промыслом разгром архивов и похищение из них архивных дел, находящих широкий сбыт на базарах по крайне высоким ценам» [12, л. 29]. В мае 1923 г. Лукьянчиков докладывал в ОГПУ, что склады Губархива «подвергаются постоянным нападениям со стороны злоумышленников, которые проникают в них, сбивая замки или проламывая окна... причем они действуют организованной шайкой, и настолько осмелели, что грозили смертью ночному сторожу» [12, л. 15]. Больших усилий ему стоило добиться установления вооруженной охраны некоторых из хранилищ, а также негласного надзора за лицами, торговавшими на базаре похищенными делами. Нередкими были и случаи поджога архивов после краж, и в этих случаях документы приходилось спасать буквально из огня. Вторая, не менее важная задача, заключалась в выявлении и спасении архивных комплексов местных учреждений. С этой целью были

изготовлены опросные листы, которые публиковались в газете «Коммуна» [13]. Много внимания Лукьянчиков уделял просветительской и популяризаторской работе, разъясняя населению значение архивов и необходимость бережного к ним отношения. Так, одна из его статей называлась «Кто нам расскажет про старое, про бывалое, про старинушку?» и пропагандировала роль архивов в деле сохранения бесценных свидетельств истории. Подобного рода разъяснения были тем более необходимы, что та же «Коммуна» одновременно печатала призывы прямо противоположного характера. Например, заметка «Пора взяться за архивы» призывала покончить с архивами в городе, как это уже сделано в уездах: использовать их «для нужных целей» — чистую бумагу для канцелярских надобностей, остальной «бумажный хлам» — для растопки печей [14].

В 1920 г. в Воронеже открылось отделение Московского археологического института, и Лукьянчиков поступил на археографический факультет. С сентября 1920 по июль 1922 г. (на момент закрытия института как рудимента буржуазного образования) он прослушал курсы архивоведения, археографии, палеографии и других дисциплин.

Между тем условия для работы оставались крайне тяжелыми. В этой связи еще одной заботой Лукьянчикова было создание условий для работы своих подчиненных. Воронежским архивистам было отказано как в академическом продовольственном пайке, так и в теплой одежде и обуви. На все просьбы Губпродукт отвечал, что в городе проживает 6 тысяч ответственных работников, пайка хватает же только на 1 тысячу, а из теплой одежды в наличии имелись только варежки [5, л. 101]. В декабре 1920 г. Лукьянчиков направил письмо в Главархив с просьбой оказать содействие в улучшении материального положения архивистов: «При тяжести работы, сопряженной с физическим трудом, в холодных архивных складах, в пыли и грязи, служащие тратят силы и здоровье, получают в результате меньше тех, кто работает в несоизмеримо лучших условиях»; при этом они не имеют не только специальной одежды, «чтобы сберечь от пыли последнее платье, теплой обуви для работы в холодное время, калош, лишней пары белья, изнашивающихся вследствие грязной работы вдвое скорее, они не имеют даже холста для полотенец и мыла» [15,

л. 56]. Только самые преданные делу работники могли трудиться в подобных условиях.

В марте 1925 г. Лукьянчиков был делегирован на съезд архивных деятелей РСФСР, на котором выступил с сообщением о постановке архивного дела в Воронежской губернии. Между тем в связи с принятием ВЦИК Положения о Едином государственном архивном фонде от 3 февраля 1925 г. в стране началась реорганизация архивной отрасли. Положение предусматривало создание на базе губернских архивов двух учреждений — Исторического архива и Архива Октябрьской революции. В этой связи Лукьянчиков 23 января 1926 г. выступил на заседании президиума губисполкома с докладом о реорганизации губархива, однако спустя несколько дней был снят со своей должности. На этот пост был назначен бывший заведующий бюро жалоб РККИ В. Д. Шенфельд. Представляется, что причиной такой кадровой перестановки стало нарастающее стремление усилить партийное руководство архивами — Шенфельд имел длительный партийный стаж, в то время как прежний заведующий был беспартийным. 13 мая 1926 г. по надуманному обвинению он был задержан ОГПУ на две недели. После освобождения Лукьянчиков поставил архив в известность о прекращении дела против него, а 8 июня 1926 г. покончил с собой, бросившись под поезд. Можно только догадываться о причинах, толкнувших его на этот роковой шаг, но представляется, что это был комплекс личных и служебных неудач — развод со второй женой, увольнение с должности заведующего архивом, которому он отдал столько сил и энергии, и, в конце концов, арест по надуманным обвинениям. Подобное стечение обстоятельств могло сломить даже самого сильного человека. Приходится только констатировать, что пройдет совсем немного лет после этого, и многих из коллег Лукьянчикова также не минуют аресты и тяжелейшие испытания, связанные с так называемым «делом краеведов ЦЧО», под капок которого, несомненно, попал бы и он сам, если бы дожил до этого времени.

Одной из таких жертв стала Софья Николаевна Шестова, урожденная Носова (1874–?). По окончании Царскосельской гимназии она работала в сельской школе в Тверской губернии, за учителя которой

Н. П. Шестова вышла замуж. Летом 1906 г. он был арестован за участие в революционном движении и выслан в Ярославскую губернию. После переезда в Ярославль Шестова работала в редакциях местных газет, книгоиздательстве, музее УАК. В 1913 г. состоялся служебный перевод Шестова в Воронеж на должность инспектора сельскохозяйственного института. Здесь Шестова продолжила архивно-музейную работу, став в 1914 г. членом ВУАК. Она занялась разбором и описанием документов по истории края XVII–XVIII вв., известных воронежским историкам и любителям старины под собирательным названием «второвские короба» [16]. Однако эта работа осталась незавершенной в связи с начавшейся революцией и необходимостью переключиться на практическую деятельность по спасению архивов. После образования комиссии по организации Исторического архива под председательством профессора И. И. Лаппо, Шестова приняла обязанности ее секретаря, затем занимала должности архивариуса и хранителя рукописного отдела музея, однако в 1925 г. была уволена по сокращению штатов. Вклад Шестовой в местное архивно-музейное дело представляется весомым — она описала 50 коробов второвских актов и 142 рукописные книги, разобрала так называемый «сенатский архив», составила каталог библиотеки, систематизировала печатные издания революционного времени. Кроме того, она исполняла обязанности секретаря, делопроизводителя и бухгалтера. На основе разбираемых документов Шестова делала доклады в коллегии губархива, в Воронежском отделении МАИ (на археографическое отделение которого поступила в 1920 г.), на заседаниях Воронежского краеведческого общества. Она стала одним из первых историков воронежского музейного и архивного дела, посвятив им статьи в сборниках музея и краеведческого общества.

После увольнения из музея Шестова работала библиотекарем последовательно в облплане, губисполкоме, облисполкоме, Ветеринарном институте. Однако и здесь судьба преследовала ее — ставки сокращались, а в 1930 г. она была подвергнута так называемой чистке и вскоре арестована, пополнив ряды обвиняемых по печально известному «делу краеведов». На допросах Шестова не признала своей вины и, как ни старались следователи, не оговорила ни одного из сослу-

живцев. 5 июня 1931 г. коллегия ОГПУ по ЦЧО вынесла Шестовой обвинительный приговор по статье 58-10, 11, приговорив ее к 5 годам заключения в концлагере в Котласе [18].

Проследить дальнейшую судьбу Шестовой не удастся из-за отсутствия источников. Когда в конце 1970-х гг. началось следствие в связи с реабилитацией участников «дела краеведов», начальник следственной группы Беломоро-Балтийского лагеря сообщил, что сведений об освобождении Шестовой из лагеря нет. Не дал результатов и запрос в адресное бюро УВД по Воронежской области, что косвенно могло бы стать доказательством того, что из лагеря она не вернулась. Однако, по словам сотрудника Воронежского краеведческого музея Д. Д. Леонова, Шестова все-таки смогла пережить лагерное заключение. На допросе 3 июля 1978 г. он заявил: «Рассказывали, что она из мест заключения (Беломоро-Балтийский канал) вернулась с почетной грамотой и ей разрешили работать в какой-то газете» [17, л. 470]. Так ли это было на самом деле — неизвестно, ведь Леонов лишь ссылается на чье-то свидетельство. Постановлением Президиума Воронежского областного суда в 1978 г. С. Н. Шестова была реабилитирована, а ее дело было прекращено за отсутствием события преступления [19].

В данной статье освещены судьбы лишь нескольких деятелей периода становления воронежской архивной сети, однако ими не исчерпывается перечень настоящих подвижников своего дела. Благодаря их поистине героической работе в это тяжелое время было положено начало формированию источниковой базы, ставшей основой для исследований многих поколений воронежских историков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мякишев В. П. И. И. Лаппо — ученый с живым чувством исторической действительности // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. — 2004. — № 1. — С. 162 — 176.

2. Иван Иванович Лаппо. Письма С. Ф. Платонову 1910–1918 годов. — URL: <http://almanax.russculture.ru/archives/3622>.

3. Декрет СНК от 31 марта 1919 года «О губернских архивных фондах (Положение)». — URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_449.htm.

4. Сын проф. И. И. Лаппо – Иван Лаппо родился 12 апреля 1895 г.

По окончании гимназии в 1913 г. поступил на юридический факультет Юрьевского университета, а после переезда в Воронеж продолжил обучение на юридическом и историко-филологическом факультетах ВГУ. В эмиграции учился в Пражском университете. В начале 1930-х гг. стал приват-доцентом Русского юридического факультета в Праге (ГАВО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 15779).

5. ГАВО. Ф. 441. Оп. 1. Д. 9. Л. 75.

6. Чесноков В. И. Начало советского архивного строительства в Воронежской губернии // Записки воронежских краеведов. — Воронеж, 1987. — С. 59–84.

7. Вернадский Г. В. Русская историография. — М., 1998.

8. Пушкарев С. Г. Воспоминания историка. — URL: <http://www.xxl3.ru/belie/pushkarev.htm>.

9. Чебанов В. Д., Чебанов С. В. И. И. Лаппо: известные и неизвестные страницы биографии. — URL: http://kfinkelshteyn.narod.ru/Tzarskoye_Selo/Uch_zav/Nik_Gimn/NG_prep_Lappo_Chebanovi.htm.

10. Воронежский областной краеведческий музей (ВОКМ). — № 4512-8.

11. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р-33. Оп. 3. Д. 1059.

12. ГАВО. Ф. 441. Оп. 2. Д. 6.

13. Коммуна. — 1919. — 12 ноября.

14. Пора взяться за архивы // Коммуна. — 1921. — 23 марта.

15. ГАВО. Ф. 441. Оп. 2. Д. 46.

16. См.: Алленова В. А. Судьба «второвских коробов» в контексте архивного строительства в г. Воронеже // Воронежский вестник архивиста. — Воронеж, 2004. — Вып. 1. — С. 133–150.

17. ГАОПИВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 16967. Т. 9.

18. Списки жертв политического террора в СССР. — URL: <http://lists.memo.ru/d36/f485.htm>.

19. База данных о жертвах репрессий Воронежской области. Дело П-1696. — URL: <http://rosagr.natm.ru/card.php?person=1250458>.

**ОБЗОР КОЛЛЕКЦИИ МАТЕРИАЛОВ ОТДЕЛА ИГРЫ
МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО ДОМА-ДВОРЦА ПИОНЕРОВ
В ФОНДАХ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ДЕТСКОГО ДВИЖЕНИЯ
ГБПОУ ГОРОДА МОСКВЫ «ВОРОБЬЕВЫ ГОРЫ»**

Ефимова Елена Алексеевна

Кандидат педагогических наук, старший методист Музея истории
детского движения

Государственного бюджетного профессионального образова-
тельного учреждения города Москвы «Воробьевы горы»

Москва, Российская Федерация

e-mail: ea-efimova@yandex.ru

Аннотация. В статье освещается история формирования, обработки и использования коллекции материалов отдела игры Московского городского Дома-Дворца пионеров в фондах Музея истории детского движения ГБПОУ города Москвы «Воробьевы горы».

Ключевые слова: история внешкольной работы (дополнительно-го образования), игротека Московского городского Дома пионеров, отдел игры Московского городского Дворца пионеров, Музей истории детского движения ГБПОУ города Москвы «Воробьевы горы».

**REVIEW OF COLLECTION OF MATERIALS OF DEPARTMENT
OF GAMES OF THE MOSCOW CITY PALACE-HOUSE
OF PIONEERS IN THE MUSEUM OF HISTORY OF
CHILDREN'S MOVEMENT OF STATE BUDGET PROFESSIONAL
EDUCATIONAL INSTITUTIONS «VOROBYOVY GORY»**

Efimova Elena Alekseevna

PhD in pedagogic,

Senior Methodologist of Museum of History of Children's Movement,
State Budget Professional Educational Institution «Vorobyovy Gory»

Moscow, Russian Federation

e-mail: ea-efimova@yandex.ru

Abstract. The article tells about process of formation, refining and use of collection of materials of Department of game of the Moscow city House-Palace of pioneers creating by the Museum of history of children's movement

of State budget professional educational institutions «Vorobyovy Gory».

Keywords: Moscow city House of pioneers, Moscow city Palace of pioneers, history of extracurricular activities (supplementary education), Department of game of the Moscow city Palace of pioneers, game-room of the Moscow city House of pioneers, The Museum of history of children's movement of State budget professional educational institutions «Vorobyovy Gory».

Музей истории детского движения (Музей ИДД) является структурным подразделением Государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения города Москвы (ГБПОУ) «Воробьевы горы». Он ведет свою историю с 1 июня 1962 г. — даты открытия комплекса Московского городского Дворца пионеров и школьников (МГДПиШ) на Ленинских (ныне Воробьевых) горах и создания кабинета истории Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина в структуре методического отдела [см.: 1]. В 1988 г. Кабинет истории был преобразован в Музей истории пионерской организации, а в 1991 г. переименован в Музей истории детского движения.

Хронологически материалы музея охватывают период с конца XIX в. до современности. В своей научно-исследовательской, просветительской, фондовой, выставочной работе музей уделяет основное внимание изучению истории детского движения и истории Дома-Дворца пионеров [см.: 2].

Фонды музея составляют более 400 тысяч единиц хранения; это фонды: документально-письменный, технотронный, фотографический (позитивы и негативы), вещевой, изобразительный (последние 2 подразделяются на несколько тематических коллекций), библиотека, а также неделимые фонды (т. е. включающие документы, фотографии, некоторые предметы, объединенные личностью деятеля детского движения или иным фондообразователем), к последним относится и рассматриваемый здесь фонд отдела игры. За годы существования музея его структура [см.: 3] претерпевала изменения в связи с производственной необходимостью, в частности, были объединены библиотека и фонд методической литературы Дворца. Музей с 2015 г., переехав в другое помещение, содержит часть своих фондов зашта-

белированными, что, к сожалению, делает невозможной в настоящее время работу с ними.

Можно без преувеличения сказать, что средоточием организованной игровой работы с детьми в масштабах как столицы, так и всей страны многие десятилетия был Московский городской Дом-Дворец пионеров.

Это ведущее внешкольное учреждение страны не раз меняло свое название — как и его структурное подразделение, занимавшееся игровой работой с детьми.

Московский городской дом пионеров и октябрят (МГДП), открывшийся летом 1936 г. в центре Москвы на Чистых прудах, в послевоенные годы утратил часть своего названия «...и октябрят». Переехав в 1962 г. в новое здание на Ленинских горах, он получил звучное название «Московский городской Дворец пионеров и школьников имени 40-летия Всесоюзной пионерской организации», но через несколько лет в официальных документах именованию уже не упоминалось. С 1992 г. Дворец носил название Московский городской Дворец детского и юношеского творчества, в 2001 г. переименован в Московский городской Дворец детского (юношеского) творчества (МГДД (Ю) Т); а с 1 сентября 2014 г. (после объединения с рядом других образовательных учреждений) стал именоваться в духе современности: Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Воробьевы горы».

В довоенном Доме пионеров имелась игровая комната для учащихся начальной школы; в 1946–1962 гг. в структуре игротеки МГДП действовали: передвижная игротека, абонемент и игровой зал для пионеров (учащихся средней школы). В новом здании Дворца в течение нескольких десятилетий успешно функционировал отдел игр и развлечений МГДПиШ, включавший в себя в разные годы: зал тихих игр, зал шумных игр и аттракционов, зал настольных игр, абонемент, передвижную игротеку, пионерскую фабрику игр, октябрятскую игротеку. В середине 2000-х гг. путем присоединения к отделу игры (такое сокращенное название было введено в 1992 г.) некоторых других подразделений МГДД (Ю) Т был образован Центр празднично-игровой культуры, расширившийся вскоре до Центра празднично-игровой культуры

и социокультурного развития, просуществовавшего недолго. Отдел игры в связи с реорганизацией Дворца в ноябре 2014 г. вошел в Центр технического образования ГБПОУ «Воробьевы горы» в качестве отдела игровых технологий (с сентября 2015 г. — отдела начального технического моделирования и игровых технологий).

Первостепенная роль в развитии игровой работы с детьми в нашей стране на протяжении многих десятилетий принадлежит замечательному организатору, руководителю игротеки МГДП, заведующему отделом игр и развлечений МГДПиШ Ефиму Марковичу Минскину (1906–1987) [см.: 4], возглавлявшему игротеку и отдел с 1946 г. Более 20 лет (с 1989 по 2012 г.) отделом игры руководила Л. А. Нисловская, обеспечившая преемственность форм и направлений работы отдела, а также внедрение новых прогрессивных разработок.

С этими двумя руководителями связаны и этапы формирования коллекции отдела игры в фондах Музея истории детского движения. Е. М. Минский ревностно относился к сохранению документальных материалов по деятельности игротеки и отдела игры, и благодаря его активности соответствующие издания имеются в фондах Российской государственной библиотеки, Российского государственного архива социально-политической истории, Центрального государственного архива города Москвы. Методические издания игротеки и отдела игры (1946–1980) составляют 6 папок в методическом фонде (библиотеке) Музея ИДД (в настоящее время заштабелировано). В 1987 г. по завещанию Е. М. Минского его домашняя библиотека и другие материалы были переданы во Дворец и содержательно распределены между Музеем истории пионерской организации и отделом игр и развлечений. В Музее ИДД книги Е. М. Минского вошли в фонд библиотеки Музея, а документы по истории пионерской организации — в фонд документально-письменных источников. В отделе игры предметы (игры, игровое оборудование) долгие годы использовались в работе, частично были переданы в музей истории игрушки коллекционера С. Г. Романова (являвшегося сотрудником отдела в 1980–2010-х гг.); книги составили основу библиотеки методкабинета отдела; документы частично использовались в методической и историко-педагогической работе, частично хранились без использования.

По прошествии десятилетий следует констатировать, что немало материалов пропало (потеряно, обветшало и уничтожено, расхищено).

В 2011–2012 гг. в преддверии ремонта в методкабинете и кабинете заведующего отделом игры Л. А. Нисловской Музей ИДД получил сначала на временное, а затем на постоянное хранение библиотеку методкабинета отдела игры (15 коробов), а позже и разнообразные материалы, хранившиеся в кабинете заведующего отделом игры. Последние были получены по акту передачи от Л. А. Нисловской, насчитывавшему 1150 условных единиц, а именно: папки, коробки, пакеты, мешки, связки, конверты, единичные экземпляры журналов, тетради, альбомы; также отдельные предметы, например, диапроектор 1960-х гг., пишущая машинка Е. М. Минскина, настольный письменный прибор Е. М. Минскина и пр. В последующие годы документация текущего делопроизводства отдела игры в Музей не поступала.

Предметы, полученные по указанному акту, вошли в вещевой фонд Музея ИДД и с тех пор неоднократно экспонировались. Книжные издания, периодическая печать вошли в библиотеку Музея. Два ящички негативов на стекле и на пленке 1930–1960-х гг. (фотокопии чертежей игр и фотографии игр и играющих детей) вошли в фотофонд Музея. Остальные материалы (в основном документы) составили неделимый фонд отдела игры, прошедший первичную обработку в 2013–2014 гг. Крайние даты документов — 1946–1997 гг. Часть папок, сформированных в отделе игры, описана под присвоенными им ранее названиями (например: «Справки, отчеты по рейдам, проверкам пионерских дружин, загородных и городских лагерей, внешкольных учреждений»; «Совещания, семинары по игре, 1969–85 гг.»; «Поездка передвижной игротеки по районам Московской области, июнь 1966 г.»; «Отчеты отдела игр, 1981–88 гг.»; «Планы работы отдела игр, 1980-е гг.»; «Отчетно-аналитические материалы отдела игр, 1989–95 гг.»; «Экспериментальная работа отдела игр, 1995–97 гг.»). Многие дела сформированы в результате обработки из россыпи и озаглавлены соответственно содержанию (например: «Внутренняя переписка между отделом игры и другими подразделениями Дворца (черновики, вторые экземпляры)»; «Сметы, заявки на расходные материалы, другие расчетные документы»; «Методические материа-

лы по новогодним праздникам»; «Методическая работа отдела игры с городом»; «Издательские планы отдела игры»). Дела объединены в 2 описи: «Методические и практические материалы отдела игры. 1946–1997 гг.» и «Документы по личному составу сотрудников отдела игры (характеристики, карточки, автобиографии, ходатайства, таблицы). 1950–1980-е гг.». В первой описи имеются компактные комплексы материалов: «Конкурс смекалки» за 1950–2018 гг. (конечная дата материалов выходит за хронологические рамки фонда, поскольку автор статьи сама была составителем и организатором этого конкурса до 2018 г.) (см.: подробнее [5]) и «Материалы Т. О. Самбек (режиссер Центрального парка культуры и отдыха, массовик), переданные ею в отдел игры в 2001 г.» (все материалы в настоящее время заштабелированы, 17 коробов). Многие методические издания отдела игры МГДПиШ дублируются в упомянутом выше методическом фонде (библиотеке) Музея ИДД, а также в фонде Дома-Дворца, в папках за соответствующие годы. В процессе обработки выделен отдельный неделимый фонд Е. М. Минскина, включающий его рукописи, переписку, а также материалы, не относящиеся к отделу игры (например: газетные, журнальные вырезки, как полученные по подписке, так и собранные в ходе работы, на темы, связанные с игрушками; протоколы, планы, проекты и другие документы, относящиеся к деятельности художественно-технического совета по игрушке; «разные материалы и предложения в связи с подготовкой предложений в ЦК ВЛКСМ по игре» (подобраны и озаглавлены Е. М. Минским); стенограммы и тексты выступлений Е. М. Минскина на пленумах, заседаниях, научно-практических конференциях, совещаниях по вопросам игры); заштабелированы, 6 коробов.

Библиотека методкабинета отдела игры, включающая издания как из библиотеки Е. М. Минскина (начиная с 1930-х гг.), так и поступившие в методкабинет другими путями, прошла обработку силами студентов-практикантов из Московского государственного педагогического университета в 2017–2018 учебном году (порядка 1000 экземпляров), уложена в короба и снова заштабелирована. Выделены и расставлены на полки журнал «Затейник» за период конца 1940–1980-х гг. и другие журналы по игровой тематике. Настольные игры

(купленные в отдел игры, поступившие в дар или на экспертизу Е. М. Минскину как члену Художественно-технического совета по игрушке) частично обработаны практикантами в 2016–2017 учебном году, уложены в короба, частично заштабелированы; объединены с аналогичными материалами Музея ИДД. Некоторые игры экспонировались Музеем ИДД в 2014–2018 гг. на выставках, связанных с советским детством, внешкольной работой («Советское детство», Музейное объединение «Музей Москвы», ноябрь 2014 — март 2015 г.; «Новогодние праздники советского детства», декабрь 2014 — январь 2015 г., «Игры и игрушки советского детства», октябрь — декабрь 2015 г., «Герои любимых мультфильмов», октябрь — декабрь 2016 г., все 3 — ГБПОУ города Москвы «Воробьевы горы»; «Путешествие в мир советского детства», Государственный центральный музей современной истории России. Экспозиционно-мемориальный отдел «Пресня», сентябрь — октябрь 2018 г.).

Материалы отдела игры использованы автором статьи, в частности, для написания ряда публикаций по истории отдела игры и некоторых форм игровой работы с детьми, инициатором которых были игротка МГДП и отдел игры МГДПиШ [см.: 6], для составления списка работ Е. М. Минскина [7]. Фотографии и предметы, поступившие от отдела игры, не раз были представлены на выставках, подготовленных Музеем ИДД к новогодним праздникам, к Неделе игры и игрушки, ко Дню детских общественных объединений (раньше — День рождения пионерской организации) как во Дворце, так и в других учреждениях.

Наиболее полно в материалах отдела игры представлены работа игротки МГДП в 1950-х гг. и работа отдела игры МГДПиШ в 1960–1990-х гг. По 1950-м гг. преобладают полиграфические раздаточные материалы: брошюры, листовки, задания — при том, что у МГДП не было своей типографии, и Е. М. Минский организовывал издание материалов на базе других учреждений. Материалы 1960–1990-х гг. представлены приказами по отделу игры; отчетно-плановой документацией отдела игры; копийными документами вышестоящих организаций: Центрального комитета Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи (ЦК ВЛКСМ) 1967–1984 гг., Центрального совета Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина (ЦС ВПО)

1976–1986 гг., Городского управления народного образования (ГУНО) города Москвы 1965–1975 гг.; материалами совещаний, семинаров, курсов повышения квалификации, учеб старших пионервожатых, внешкольных работников, учителей труда с участием отдела игры; методическими рекомендациями, указаниями, материалами, разработанными силами сотрудников отдела игры (рукопись, машинопись, ротатор, полиграфия и пр.) и т. д.; весьма ценны дидактические разработки, выполненные сотрудниками отдела.

Материалы отдела игры, содержащиеся в фондах Музея ИДД, представляют несомненный историко-педагогический и практический интерес; работа с ними будет продолжена.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Игошкин В. Я., Галадж Н. С. Скоро откроется музей пионерской организации // *Вожатый*. — 1967. — № 3. — С. 26–27.

2. Александрова Н. А. Музей истории детского движения // Педагогическое наследие Московского Дворца пионеров / Ресурсный научно-методический центр непрерывного образования ГБПОУ «Воробьевы горы». — М., 2017. — С. 27–33; Александрова Н. А., Ерешко А. Е., Ефимова Е. А. Популяризация фондов Музея истории детского движения через выставочную деятельность // Музей в образовательной организации: Тематический сборник материалов Всероссийских заочных научно-практических конференций 2018 года. — М.: Педагогическое общество России, 2018. — С. 6–11; Александрова Н. А., Ефимова Е. А. Краеведческие аспекты деятельности музея детского движения Московского городского Дворца детского (юношеского) творчества (к 50-летию начала работы) // Всероссийская научно-практическая конференция «Краеведение как феномен провинциальной культуры», посвященная 125-летию со дня рождения Андрея Федоровича Палашенкова (1886–1971), 27–29 октября 2011 г., Омск / Сибир. филиал Рос. ин-та культурологии и др.; под ред. П. П. Вибе, А. А. Кильдюшевой, Е. М. Бежан, О. А. Безродной. — Омск: ОГИК музей, 2011. — С. 600–604.

3. Лебедева Л. В. Обзор фондов Кабинета истории Всесоюзной пионерской организации при Московском городском Дворце пионе-

ров и школьников // Источниковедение истории ВЛКСМ: Научные сообщения / Научная конференция «Актуальные проблемы источниковедения истории ВЛКСМ». — М.: ВКШ, 1976. — С. 49–52.

4. Ефимова Е. А. Ефим Маркович Минский // Государственная педагогическая научная библиотека им. К. Д. Ушинского. Биобиблиографическая энциклопедия «Педагогика и психология». — <http://dates.gnpbu.ru/1-6/Minskin/minskin.html>; Ефимова Е. А. Ефим Маркович Минский и одесская игротека // Игротека: история и перспективы развития. Igrroteka: history and development. Изд. 2-е, доп. и перераб. / науч. ред. С. В. Григорьев; сост. С. В. Григорьев, Е. А. Ефимова. — М.: МГДД (Ю) Т, 2006. — С. 47–59.

5. Ефимова Е. А. Конкурс смекалки на «Неделе игры и игрушки» // Бюллетень программно-методических материалов для учреждений дополнительного образования детей (региональный опыт). — 2008. — № 1 (48). — С. 31–32; Ефимова Е. А. Ретроспективный анализ опыта вариативности разработки и применения занимательных игровых заданий отделом игры Московского Дворца пионеров (1936–2016) // Образование как фактор развития интеллектуально-нравственного потенциала личности и современного общества: Материалы VI Международной научной конференции, 10–11 ноября 2016 г. / отв. ред. М. И. Морозова. — СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2016. — С. 439–443; Ефимова Е. А. Из истории применения умственных игр в очно-заочной работе с детьми («Конкурс смекалки») // Историко-педагогический журнал. — 2016. — № 2. — С. 122–132. — <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-primeneniya-umstvennyh-igr-v-ochno-zaочноy-rabote-s-detmi-konkurs-smekalki>.

6. Ефимова Е. А. Неделя игры и игрушки: историко-педагогический экскурс // Мир игры и празднично-игровая культура детства. Ч. 1. / отв. ред. С. В. Григорьев; под общ. ред. Д. Л. Монахова, С. В. Григорьева, А. С. Фролова. — М.: ОДИ-International, МГДД (Ю) Т, 2010. — С. 137–151; Ефимова Е. А. Педагогический опыт и педагогическое наследие отдела игры Московского Дворца пионеров // Теория и практика образования: история и современность: монография / под ред. Г. Б. Корнетова. — М.: АСОУ, 2016. — С. 185–207; Ефимо-

ва Е. А. Приглашения в игру: билеты на праздник «Неделя игры и игрушки» в фондах Музея истории детского движения Московского городского дворца детского (юношеского) творчества // «Гуляй там, где все»: история советского детства: опыт и перспективы исследования / сост.: В. Г. Безрогов, М. В. Тендрякова; редкол.: М. Р. Балина, В. Г. Безрогов, К. Келли, А. А. Котомина, О. Е. Кошелева, М. К. Любарт, Г. В. Макаревич, А. Ю. Рожков, О. М. Розенблюм, М. В. Тендрякова, Ю. В. Филиппов, П. Хаттон, К. Хейвуд. — М.: РГГУ, 2013. — С. 307–16; Ефимова Е. А. Из истории выездной работы игротеки Дома-Дворца пионеров // Про ДОД: Информационно-методический журнал. — URL: http://www.journal.продод.рф/publ/iz_istorii_vyezdnj_raboty_igroteki_doma_dvorca_pionerov/1-1-0-29; Первые шаги Московской игротеки. Публикация Е. А. Ефимовой и В. С. Мягковой // Игротека: история и перспективы развития. Igrотека: history and development. Изд. 2-е, доп. и перераб. / науч. ред. С. В. Григорьев; сост. С. В. Григорьев, Е. А. Ефимова. — М.: МГДД (Ю) Т, 2006. — С. 61–75; Ефимова Е. А. Из истории игровой культуры довоенной Одессы: Ефим Маркович Минский и одесская игротека // Научно-практическая конференция «Человек в тоталитарном обществе: рефлексии XXI века», 23–27 июня 2013 г., Одесса, ОНУ имени И. И. Мечникова. — [http://liberte.onu.edu.ua/upload/file/file_3/efimova_e.%20%D0%B0.\(+\).doc](http://liberte.onu.edu.ua/upload/file/file_3/efimova_e.%20%D0%B0.(+).doc).

7. Публикации Е. М. Минской / сост. Е. А. Ефимова // Празднично-игровая культура и современное образование: материалы научно-практической конференции по празднично-игровой культуре / сост.: В. Ю. Колчев, Л. А. Нисловская. — М.: МГДД (Ю) Т, 2013. — С. 114–131.

РОЛЬ ДОКУМЕНТОВ ИЗ ЛИЧНЫХ АРХИВНЫХ ФОНДОВ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ: ОБ ОДНОЙ ТЕЛЕГРАММЕ ПРИНЦА А. П. ОЛЬДЕНБУРГСКОГО ПРОФЕССОРУ Б. В. НИКОЛЬСКОМУ

Сафронова Ольга Николаевна

Специалист 1-й категории

Государственного архива Российской Федерации

Москва, Российская Федерация

e-mail: goldbaby571@rambler.ru

Аннотация. В статье исследуется возможность использования документов личного происхождения для восполнения пробелов в историографии отечественной истории начала XX в. Тема исследования раскрывается путем изучения телеграммы принца А. П. Ольденбургского профессору Б. В. Никольскому, позволяющая по-новому осмыслить общественно-политические настроения в учебных заведениях России того времени.

Ключевые слова: документ, Государственный архив Российской Федерации, телеграмма, Училище правоведения.

THE ROLE OF DOCUMENTS FROM PERSONAL ARCHIVAL FUNDS IN THE INFORMATION SUPPORT OF MODERN HISTORICAL SCIENCE: ONE TELEGRAM OF PRINCE A. P. OLDENBURGSKY TO PROFESSOR B. V. NIKOLSKY

Safronova Olga Nikolaevna

Specialist of the 1st category of the

State Archive of the Russian Federation

Moscow, Russian Federation

e-mail: goldbaby571@rambler.ru

Abstract. The article potentialities of private documents for filling gaps in the historiography of the Russian history. The research topic is illustrated by analysis of a telegram of Prince A. P. Oldenburgsky to Professor B. V. Nikolsky, which provides a new insight into socio-political mood in academic institutions of Russia in the early XX century.

Keywords: document, State Archive of the Russian Federation, law school.

Изучение разных аспектов исторического процесса — государств, общественных организаций или отдельных лиц — немислимо без обращения к архивным документам. Их роль и значение в информационном обеспечении исторической науки осознается в современном обществе как серьезная научная проблема, особенно с учетом масштабности изменений информационного пространства в начале XXI в., происходящих под натиском современных электронных технологий [1, с. 82]. Потребитель ретроспективной информации, обращаясь к архивному источнику, всегда выступает в качестве историка изучаемых событий и явлений прошлого. В основе использования архивных документов лежит историзм и точное понимание методов, выработанных архивной эвристикой. Вопрос о мотивации подобных исследований всегда связан с понятием социальной памяти общества. По словам французского историка П. Нора: «...память — это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с прошлым» [2, с. 36]. Особенно остро такая связь переживается обществом в периоды смены общественного строя, когда политики, деятели науки и культуры, а подчас представители самых широких слоев населения пытаются выбрать и осознать выбор пути развития страны.

Одна из переломных эпох в истории нашей страны связана с драматическими событиями начала XX в., когда на средства отдельных сановников, проводивших экономические и политические реформы в интересах международного капитала и конкурентов российской промышленности, был организован политический террор, осуществлявшийся с помощью революционных партий. От их выстрелов и бомб погибает большинство государственных деятелей, которым доверял император Николай II: министр просвещения Н. П. Боголепов, министры внутренних дел Д. С. Сипягин и В. К. Плеве, московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович, председатель Совета министров П. А. Столыпин. За первое десятилетие XX в. жертвами террористов стали 42 чиновника высшего ранга и около 150 представителей средних и низших служащих. В современной историографии высказываются суждения, что одним из последствий этих событий стал кадровый кризис в аппарате управления, выразившийся в нежелании огромного количества сотрудников министерств

и ведомств верой и правдой служить монарху [3, с. 65, 72]. В связи с этим представляет интерес реакция на эти события тех немногих лиц, которые остались верными монарху даже после Февральской революции и в то же время несли ответственность за подготовку кадров для работы в государственных учреждениях. Среди них следует упомянуть имя принца Александра Петровича Ольденбургского — члена Государственного совета, основателя климатической станции в Гаграх, попечитель Института экспериментальной медицины, Училища правоведения и многих других организаций [4, с. 336–339]. Отметим, что его многогранная жизнь и деятельность изучена еще далеко не полностью [5]. В частности, сравнительно мало известны его политические взгляды, общественная позиция в дореволюционный период и реакция на процессы, способные нанести ущерб государству. Поэтому каждый документ, позволяющий раскрыть этот вопрос, представляет большую научную ценность.

Благодаря современным электронным информационно-поисковым системам Государственного архива Российской Федерации в личном фонде профессора Б. В. Никольского обнаружена телеграмма принца от 17 марта 1911 г.: «Ваш уход в настоящую минуту был бы торжеством всех дурных элементов. Прошу Вас во имя тех принципов, которые Вы всю жизнь отстаивали, не оставлять училища теперь, остаться хотя бы на один год» [6].

На первый взгляд, документ малоинформативный, если не учитывать высокий статус автора письма и адресата. Чтобы понять его значение, необходимо определить: чем занимался Б. В. Никольский, которому телеграмма была адресована, и каковы были его принципы? О каких «дурных элементах» идет речь?

Б. В. Никольский (1870–1919) — яркий и интересный мыслитель, много сделавший для развития отечественной культуры. В 1893 г., по окончании юридического факультета Петербургского университета, он начал службу в Хозяйственном департаменте МВД, где проработал 3 года. С 1894 г. Никольский регулярно публиковал в печати критические статьи и рецензии, стихи, и сам работал в качестве редактора в журнале «Исторический вестник». Им было подготовлено большое количество научных трудов по праву и литературных

произведений, которые и по сей день не утратили своего значения [7]. В 1899 г. он защитил магистерскую диссертацию по римскому праву, в том же году приступил к чтению лекций в Петербургском университете по русскому семейному и наследственному праву, а с 1900 г. начал читать общий курс догмы римского права и вести практические занятия. В эти же годы Б. В. Никольский преподавал в Александровской военно-юридической академии и на Высших женских курсах. В 1904 г. он приостановил научно-педагогическую деятельность и стал адвокатом [8, т. 1, с. 21–29]. О профессиональном авторитете Б. В. Никольского в обществе свидетельствуют разные источники. Так, в своем дневнике, который он вел на протяжении почти четверти века, имеется несколько записей об отношении студентов к его лекциям. «Практические занятия на первом курсе, как всегда людные, веселые, разнообразные, — пишет автор дневника 14 октября 1900 г. — Нынче у меня уж не только сплотилась аудитория, но и образовалось веселое взаимное расположение» [8, т. 1, с. 434]. В его фонде сохранились письма осужденных лиц и их родственников с благодарностью за их освобождение [9]. В 1910 г. он возобновил научно-педагогическую работу — его назначили профессором римского права в Училище правоведения, попечителем которого был принц Александр Петрович Ольденбургский. Для того чтобы понять причины, по которым Никольского пришлось вскоре написать прошение об увольнении, следует искать, с одной стороны, в его политических воззрениях, а с другой — в особенностях его личных качеств. Отметим, что обстоятельства отставки точно не установлены: записи в дневнике за 1909–1911 гг. отсутствуют. О ней известно только благодаря вышеупомянутой телеграмме попечителя.

Опубликованные на сегодняшний день архивные документы позволяют предположить, что для этого были две взаимосвязанные причины. Во-первых, политические взгляды профессора и, главное, принципиальность. В дневнике он, в частности, дал свое видение причин политического кризиса в Российской империи начала XX в. и сформулировал основные пути выхода из него. Одним из главных обстоятельств, вызвавших кризис в стране, — кадровый кризис в системе управления страной. «Александр III, царство ему

небесное, подготовил почву для гениального инициатора, для укрепителя и строителя сильной России: а теперь — что теперь? — размышляет Б. В. Никольский (запись от 15 июля 1897 г.). — Теперь инерция благонравия. Эта инерция уже государственное бедствие. Теперь надо пользоваться установленным равновесием, теперь нужно строить, нужно действовать, нужно преобразовывать... А где эти люди, инициативы? Слепые исполнители или пролазы и хищники» [8, т. 1, с. 104]. Следует отметить, что в конце XIX — начале XX в. в России было немало талантливых писателей, журналистов и правоведов: А. Ф. Кистяковский, Б. Н. Чичерин, Н. С. Таганцев, Д. Н. Набоков и др. Все эти лица в той или иной степени верно и точно подмечали многие социально-правовые проблемы. Однако далеко не все смогли предложить конкретный план или программу их решения, и тем более остаться верными монархическому правосознанию.

Вся жизнь и деятельность Б. В. Никольского проистекает из его особенностей мировоззрения — приверженности монархическим взглядам, которую он сохранил до конца дней и за которую был убит в период большевистского террора. В апреле 1905 г. он был приглашен на прием к императору Николаю II, которому сказал: «Быть или не быть России, быть или не быть самодержавию — одно и то же». Вот принципы Никольского, о которых сказано в телеграмме принца.

Свои взгляды профессор не изменил и после Февральской революции. Об этом свидетельствует его запись в дневнике от 13 марта 1917 г.: «Грустно и тяжело. Грустно и тяжело и за Россию, и за семью, и за себя» [8, т. 2, с. 48, 281]. Такая принципиальность была редкостью для России того времени, что вовсе не удивительно.

Такая тревожная для политической стабильности ситуация сложилась, в частности, вследствие того, что значительная часть так называемого образованного общества морально поддерживала террористическую деятельность. Так, видный историк профессор В. О. Ключевский еще в 1902 г. заметил: «В настоящую минуту правительство и общество в России находятся между собой в отношении двух враждебных сторон, воюющих за власть» [10, с. 471]. Понимали это, кроме принца, и некоторые другие представители дома Романовых. «Трон Романовых пал не под напором предтеч

советов и юношей-бомбистов, — вспоминал великий князь Александр Михайлович, — но носителей аристократических фамилий и придворных званий, банкиров, издателей, адвокатов, профессоров и др. общественных деятелей, живших щедротами империи». И далее: «Описания противоправительственной деятельности русской аристократии и интеллигенции могли бы составить целый том, который следовало посвятить русским эмигрантам, оплакивающим ныне на улицах европейских городов „доброе старое время“. Но рекорд глупой тенденциозности побила, конечно, наша дореволюционная печать. Личные качества человека ставились ни во что, если он устно или печатно не выражал своей враждебности существующему строю» [11, с. 190–191]. Лица, которые не были настроены оппозиционно к власти, часто подвергались общественному осуждению.

Это признавал и сам Никольский, говоря о ситуации в этой социальной среде: «Редакция пропитана личными счетами, духом мещанской, хамской фронды, кружковой нетерпимостью, стоголавым, как гидра, произволом. Вашу мысль фильтруют сквозь мозги несколько идиотов» [8, т. 2, с. 124]. Еще в 1897 г. он сформулировал свое кредо так: «Бороться, так бороться. Я знаю, что профессорство — почетная нищета, затхлый угол интриг и предательства, трусоба жадных и своекорыстных ничтожеств, давящих все живое и самобытное; но я все-таки буду добиваться профессорства, ибо я здесь буду служить, буду приносить пользу, буду проводить те взгляды, в которых жизнь и будущее» [8, т. 1, с. 107]. Общественные настроения за десятилетие мало изменились. По оценкам представителей губернских дворянских обществ (заседание 11 февраля 1911 г.), 95 % учащейся молодежи была настроена революционно. По их словам, из нее выходят «люди, которые затем грабят и обкрадывают народ, совершают разные грязные дела, являются казнокрадами, обильно берут взятки, попадают на скамью подсудимых» [12, с. 99]. Именно об этих «элементах» говорил в своей телеграмме принц. Вероятно, его коллеги подготовили условия Никольскому для ухода из Училища правоведения. И в 1913 г., после восстановления на работе, он писал о том, как профессора «Гримм, Петражицкий, Гольмстен и прочие вели против меня отчаянный поход. Задержать мое докторство им удалось до сего дня» [8, т. 2, с. 149].

Таким образом, телеграмма принца — свидетельство не только нового факта в биографии видного деятеля отечественной культуры, но и той морально-психологической обстановки, которая сложилась незадолго до революции в российских высших учебных заведениях. Следовательно, объективный источниковедческий анализ архивного документа в сочетании с принципом историзма как основной методологического исследования позволяет по-новому осмыслить роль видных общественных деятелей в историческом процессе, а также выявить новые события в их биографиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Воронцова Е. А. Архив как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / авт.-сост. Е. А. Воронцова; отв. ред.: В. Ю. Афиани, Ю. А. Петров. — М.: Изд-во «Этерна», 2017. — С. 81–101.

2. Филюшкин А. И. Архивы и историческая память // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки... — С. 35–41.

3. Лебедев В. Д. Император Николай II в переломный момент истории России итоги и перспективы изучения // 1917 год в Евразии: Сборник статей и материалов / сост. С. М. Исхаков. — М.: Изд-во «Галлея-Принт», 2017. — С. 58–75.

4. Кузьмин Ю. А. Российская императорская фамилия (1797–1917). Биобиблиографический справочник. — Изд. 2-е, доп. и испр. — М.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2011. — 440 с.

5. «Проведенные мероприятия дали хорошие результаты...»: отчет принца А. П. Ольденбургского императору Николаю II (1915) / вступит. статья, подгот. текста и коммент. В. Д. Лебедев // Исторический вестник. — 2015. — Т. 14 [161]. — С. 228–275; «...Не покидать его, если когда-либо он будет в опасности. Час этот наступил!» Воспоминания статского советника В. В. Буймистрова о поездке принца А. П. Ольденбургского в дни Февральской революции в Ставку к Николаю II / публ. подгот. Б. Ф. Додонов, В. Д. Лебедев // Отечеств. архивы. — 2017. — № 2. — С. 77–90 и др.

6. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 588. Оп. 1. Д. 1024. Л. 1.

7. Никольский Б. В. Николай Николаевич Страхов: крит.-биогр. очерк. — СПб.: тип. А. С. Суворина, 1896; Сборник стихотворений. — СПб.: тип. А. С. Суворина, 1899; Он же. Последняя дуэль А. С. Пушкина: биографический очерк. — СПб.: тип. А. С. Суворина, 1901 и др.

8. Дневник Б. В. Никольского, 1896–1918. В 2 т. / изд. подгот. Д. Н. Шилов, Ю. А. Кузьмин. — СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2015.

9. ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 11. Л. 1, 6.

10. Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. — М.: «Наука», 1968. — 528 с.

11. Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. — М.: Изд-во «Захаров», 2004. — 524 с.

12. Объединенное дворянство: Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ, 1906–1916 гг. Т. 2, кн. 2. — М.: Изд-во «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. — 606 с.

ООО «ТЕРМИНАЛ»

ОБ ОПЫТЕ ФОРМИРОВАНИЯ АРХИВНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ В ЦЕНТРЕ ДОКУМЕНТАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Каплюков Владимир Владимирович

Кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора
Центра документации общественных организаций Свердловской
области по научно-методической работе
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: v.kaplyukov@egov66.ru

Яркова Елена Ивановна

Кандидат исторических наук, заместитель директора — главный
хранитель фондов Центра документации общественных организа-
ций Свердловской области
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: e.yarkova@egov66.ru

Аннотация. Обобщен опыт работы Центра документации обще-
ственных организаций Свердловской области по формированию
архивных коллекций. Поименованы наиболее значительные из нахо-
дящихся на хранении документальных комплексов, отражены прак-
тика и проблемы их комплектования, описания, хранения и исполь-
зования. Подчеркнута важность формирования архивных коллекций
как инструмента повышения привлекательности фондов архива.

Ключевые слова: архивная коллекция, документальный комплекс,
инициативное комплектование, инициативное документирование.

ABOUT THE EXPERIENCE OF FORMING ARCHIVAL COLLECTIONS AT THE CENTER FOR DOCUMENTATION OF PUBLIC ORGANIZATIONS OF THE SVERDLOVSK REGION

Kaplyukov Vladimir Vladimirovich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy
Director of the Center for Documentation of Public Organizations
of the Sverdlovsk Region for Scientific and Methodological Work
Ekaterinburg, Russian Federation
e-mail: v.kaplyukov@egov66.ru

Yarkova Elena Ivanovna

Candidate of Historical Sciences, Deputy Director — Chief Curator of the funds of the Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region

Ekaterinburg, Russian Federation

e-mail: e.yarkova@egov66.ru

Abstract. The experience of the Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region on the formation of archival collections is summarized. The most significant of the documentary complexes stored are named, the practice and problems of their acquisition, description, storage and use are reflected. The importance of forming archive collections as a tool to increase the attractiveness of archive funds was emphasized.

Keywords: archival collection, documentary complex, initiative acquisition, initiative documentation.

В ЦДООСО накоплен определенный опыт работы по формированию документальных коллекций, отражающих значимые для области и города события и процессы, материалы о которых в рамках плановой работы с источниками комплектования могут остаться за пределами внимания архивистов. В понимании этой проблемы сотрудниками учреждения более 20 лет в инициативном порядке осуществляются выявление и прием на хранение комплексов документальных материалов, представляющих научную и общественную ценность.

На 1 августа 2019 г. в ЦДООСО находятся на хранении 15 коллекций — как сформированных в архиве, так и переданных на постоянное хранение фондообразователями. Сведения об этих коллекциях приведены в таблице.

№ п/п	№ фонда	Название фонда	Крайние даты документов		Кол-во ед. хр.	Кол-во описей
1	Ф 1	Коллекция фотодокументов, полученных путем инициативного документирования	1989	2011	11214	3
2	А 2	Коллекция фондо документов, полученных путем инициативного документирования	1981	2012	415	2
3	В 3	Коллекция видеодокументов, полученных путем инициативного документирования	1990	2016	811	2
4	342	Коллекция документов «Общественно-политическая ситуация в Свердловской области»	1985	2007	398	1
5	488	Коллекция документов общественно-политических организаций о проведении референдумов и избирательных кампаний по выборам в органы государственной власти и местного самоуправления	1988	2016	577	2
6	498	Коллекция печатных изданий общественно-политических организаций	1970	2012	1377	4
7	1274	Коллекция воспоминаний участников Великой Отечественной войны и труженников тыла	1941	2007	255	3
8	1600	Коллекция фотодокументов	1900	2010	428	1
9	1715	Коллекция документов и печатных изданий о диссидентском и правозащитном движении, собранная В. Г. Пестовым	1920	2011	455	1
10	2019	Коллекция документов по истории кинематографа на Урале	1956	2003	5699	2
11	2210	Коллекция документов о руководителях Свердловской области, собранная А. В. Сушковым	1917	2010	188	4
12	2323	Коллекция документов о разработке нормативных правовых актов Свердловской области	1993	1995	146 усл. ед. хр.	без описи
13	2415	Коллекция документов по истории профессионального образования на Урале	1940	1972	164 усл. ед. хр.	без описи
14	5982	Коллекция документов о событиях 19–21 августа 1991 г. (ГКЧП)	1991	1991	6	1
15	5986	Коллекция документов татаро-башкирских национально-культурных объединений, Екатеринбург	1990	1998	18	1

Наиболее крупными являются коллекции аудиовизуальных документов, полученных путем инициативного документирования. Видео- и фотосъемка значимых общественно-политических, культурных и других мероприятий федерального, областного и городского значения ведется сотрудниками ЦДООСО уже более 25 лет. В фоно-, видео- и фотодокументах, включенных в фонды №№ Ф-1, А-2, В-3, зафиксирована практически вся аудиовизуальная история Свердловской области с середины 1990-х гг. Значительная часть документов, входящих в коллекции, переведена в электронную форму и доступна пользователям.

Значительный объем документов на бумажных носителях, инициативно собираемых сотрудниками архива более четверти века, накоплен в коллекциях фондов №№ 342, 488, 498. В эти фонды помещены документы, собранные сотрудниками в нестабильные 1990-е гг. Так, в фонд № 342 («Коллекция документов „Общественно-политическая ситуация в Свердловской области“») включены уставы, программы, платформы различных общественных организаций; постановления, резолюции, отчеты и другие документы общественных форумов, конференций, круглых столов, митингов; материалы социологических исследований, статьи, вырезки из газет; обращения, листовки, плакаты, бюллетени общественных организаций и политических партий. В фонды № 488 («Коллекция документов общественно-политических организаций о проведении референдумов и избирательных кампаний по выборам в органы государственной власти и местного самоуправления») и № 498 («Коллекция печатных изданий общественно-политических организаций») включены документы и печатные издания политических партий, избирательных объединений, кандидатов на выборные должности различных уровней.

Особое место среди архивных коллекций ЦДООСО занимает фонд № 1274 («Коллекция воспоминаний участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла»). Начало сбора документов для коллекции было положено приуроченным к 50-летию Победы и опубликованным в газете «Уральский рабочий» обращением Архивной службы Свердловской области к участникам Великой Отечественной войны, ветеранам фронта и тыла о направлении в Центр документа-

ции воспоминаний и документов о войне и военных годах [1]. В состав коллекции вошли поступившие в конвертах с пометкой «Военные мемуары» воспоминания, автобиографии, сборники стихов, фотографии и другие документы участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла.

В мае 1998 г. в областных газетах было опубликовано новое обращение к общественности, ветеранским организациям, работникам музеев, администрациям городов и районов об участии в подготовке к изданию книги с рабочим названием «Тыл в годы Великой Отечественной войны», задуманной как сборник воспоминаний, очерков участников и очевидцев трудовых будней военного Урала.

Инициатором и организатором этого издания стал бывший в годы Великой Отечественной войны директором завода № 705 Я. И. Изаков. За год было собрано более 700 текстов воспоминаний о героическом труде свердловчан, условиях работы и жизни уральского тыла. В конце марта 2000 г. книга «Мы приближали победу» была издана.

В 2009–2010 гг. материалы коллекции были упорядочены и включены в 2 описи фонда № 1274 (опись фотодокументов и опись дел личного происхождения, содержащую разделы: «Воспоминания участников Великой Отечественной войны (1941–1945) и войны с Японией (1945)»; «Воспоминания тружеников тыла»; «Воспоминания об участниках Великой Отечественной войны и тружениках тыла»; «Очерки»; «Документы о сборе воспоминаний участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла»).

Интересен опыт формирования в ЦДООСО фонда № 2019 «Коллекция документов по истории кинематографа на Урале». В 2012 г. в ЦДООСО поступили в неописанном виде документы от некоммерческой организации «Фонд развития культуры и кинематографии „Страна“», по итогам экспертизы ценности, научно-технической обработки и описания которых была сформирована коллекция объемом 1209 дел. В опись вошли база данных и сопутствующие документы, использованные при отборе актеров на роли в снимавшихся в 1980–2000-е гг. кинофильмах Свердловской киностудии, в том числе учетные карточки, анкеты, копии дипломов, письма, справки; портретные, жанровые и сценические фотографии актеров; фотопробы

для кинофильмов и др. В коллекции собраны документы известных актеров: А. В. Баталова, В. И. Гафта, А. Б. Джигарханяна, О. Н. Ефремова, Г. С. Жженова, А. А. Калягина, К. Ю. Лаврова, В. С. Ланового, И. М. Смоктуновского, О. П. Табакова, Л. А. Филатова, А. Б. Фрейндлих, С. Ю. Юрского, Ю. В. Яковлева, О. И. Янковского и др.

В 2013 г. от Фонда развития культуры и кинематографии «Страна» поступил новый комплекс неописанных документов за 1956–2003 гг., в том числе заявки на сценарии фильмов; литературные и художественные сценарии научно-популярных, технико-пропагандистских, учебных, детских, рекламных фильмов; дела фильмов; документы о проведении выставок и фестивалей; переписки по созданию фильмов, проведению смотров-конкурсов и кинофестивалей. В феврале-августе 2013 г. по результатам экспертизы ценности, научно-технической обработки и описания документов были сформированы две описи — № 1 (1956–2003 гг., 3188 дел, включая 1209 дел, сформированных ранее) и № 2 (1962–1999 гг., 1011 дел). В 2019 г. в коллекцию дополнительно поступило 1500 условных единиц хранения фотодокументов о съемках фильмов Свердловской киностудии, работа по описанию и упорядочению которых продолжается.

Формируемая коллекция вкупе с фондами личного происхождения режиссеров Свердловской киностудии А. М. Биленко, В. К. Григорьева, Р. Г. Куркина, Я. Л. Лапшина, С. В. Мартыанова, Л. И. Рымаренко, В. Е. Волянской составляют ныне значительный документальный комплекс по истории кинематографа на Урале.

В настоящее время работа по инициативному комплектованию получила новое развитие. Осуществляется сбор материалов для следующих архивных коллекций.

Коллекция фотодокументов о развитии промышленности Свердловской области в 1990–2000-е гг.

Потребность в создании коллекции продиктована необходимостью в удовлетворении регулярных обращений органов власти и управления, оргкомитетов проводимых в Свердловской области крупнейших международных и национальных мероприятий об информационном сопровождении последних. Непосредственным поводом к началу работы над коллекцией послужило решение о проведении в рамках

Соглашения о сотрудничестве между архивными службами Свердловской области (Российская Федерация) и Чуйским областным государственным архивом (Кыргызская Республика) одновременно на выставочных площадях обоих государств межархивной выставки фотодокументов «Развитие промышленности в Свердловской и Чуйской областях в 1990–2000-е гг.». В процессе формирования перечня документов, предлагаемых для экспонирования российской стороной, выяснилось, что даже при наличии некоторого количества фотоматериалов по теме, созданных в рамках инициативного документирования, архив не располагает достаточным потенциалом для достойного представления на выставке современного этапа развития региональной экономики.

В этих условиях Управление архивами Свердловской области официально запросило о возможности получения соответствующих материалов региональные министерства и ведомства, а руководство архива обратилось с аналогичными просьбами к коллегам, представляющим музейное и библиотечное сообщества, и друзьям учреждения из числа издателей, журналистов, краеведов, коллекционеров и др. Работа с органами управления несколько упрощалась параллельной работой над иллюстрированным юбилейным изданием, посвященным 85-летию Свердловской области.

В результате в течение полугода удалось собрать и систематизировать — пока лишь в электронном виде — значительный (около 400 файлов) объем фотодокументов, часть которых была представлена на ряде выставок, а часть вошла в проект будущего юбилейного издания. Некоторые из полученных фотографий были переданы для использования при подготовке информационных стендов Международной промышленной выставки «Иннопром-2019». Естественно, архив взял на себя обязательства по соблюдению при экспонировании этих фотоматериалов всех норм и правил, принятых в мировом и национальном архивном сообществах. В настоящее время формирование коллекции продолжается.

Коллекция документов и материалов о проведении в Екатеринбурге матчей Чемпионата мира по футболу 2018 г. и пребывании в городе иностранных болельщиков.

В июне 2018 г. в Екатеринбурге состоялись 4 матча Чемпионата мира по футболу с участием сборных команд Египта, Мексики, Перу, Сенегала, Уругвая, Франции, Швеции и Японии. Подготовка к проведению игр потребовала от областных и городских властей значительных усилий, в том числе реконструкции получившего название «Екатеринбург Арены» Центрального стадиона; подготовки к приему гостей улиц и площадей города, гостиничного хозяйства и транспортной инфраструктуры; создания пресс-центра для журналистов, фан-зон и информационных пунктов для болельщиков; выпуска рекламных проспектов на языках стран — участниц чемпионата; сопровождения турнира в средствах массовой информации и т. п.

Исходя из имеющегося опыта сбора документов о подобных массовых мероприятиях, руководством архива было принято решение об инициативном накоплении всей информации, имеющей отношение к знаковому для Свердловской области событию. В первые дни чемпионата на официальном сайте ЦДООСО было размещено адресованное горожанам и гостям Екатеринбурга приглашение к совместной работе по формированию соответствующей коллекции, а несколькими неделями позже — повторное объявление, в котором были представлены первые результаты инициированной архивом акции.

Параллельно были организованы выходы сотрудников архива для инициативной съемки на улицах города и получения общедоступных печатных информационных материалов; сбора афиш и рекламных буклетов, паспортов болельщиков и билетов на матчи чемпионата мира и т. п. Приглашения к участию в формировании коллекции были направлены екатеринбургскому оргкомитету чемпионата мира, областным Дому журналистов и волонтерскому сообществу, печатным изданиям, дружественным телерадиокомпаниям, коллекционерам и др.

В результате предпринятых усилий к настоящему времени накоплен значительный, нуждающийся в описании массив печатной продукции; создан фотобанк, включающий ориентировочно около 4 тысяч электронных версий фотографий, сделанных аккредитованными на турнире представителями прессы, архивистами и неравнодушными горожанами.

К слову сказать, материалы формируемой коллекции уже востребованы в практической работе органов власти и управления. Так, архивом подготовлены по запросу Министерства международных и внешнеэкономических связей Свердловской области для возможного использования в дипломатических контактах с японской стороной около 40 фотографий, иллюстрирующих гостеприимство уральцев по отношению к японским болельщикам и праздничную атмосферу в Екатеринбурге в дни чемпионата мира.

Работа над коллекцией принесла еще один важный результат. Инициативная передача руководителем Гильдии фотожурналистов Свердловского союза журналистов, фотокорреспондентом газеты «Уральский рабочий» Б. С. Ярковым пакета авторских фотографий положила начало созданию двух новых архивных фондов личного происхождения — фонда самого Б. С. Яркова и фонда его отца, известного ученого-искусствоведа, профессора Уральского государственного университета, С. П. Яркова.

Коллекция документов и материалов по истории профессионально-технического и среднего специального технического образования на Среднем Урале в советский период отечественной истории.

Архивистами ЦДООСО совместно с архивом, кафедрой документоведения, истории и правового обеспечения Российского государственного профессионально-педагогического университета ведется работа по формированию архивной коллекции, начало которой положил инициативный поиск заведующей архивом РГППУ И. А. Каптиковой. Угроза утраты документальных комплексов упраздненных учреждений профессионального образования, обеспечивавших в советский период кадрами крупнейшие машиностроительные заводы региона, но не являвшихся источниками комплектования областных государственных архивов, побудила начать «операцию по спасению» ныне бесхозных документов, в том числе распорядительной и планово-отчетной документации, учебно-методических материалов, комплексов комсомольских документов, продукции самостоятельного творчества учащейся молодежи, фотодокументов и т. п. Переданные в ЦДООСО в неопisanном виде материалы уже были использованы в ходе подготовки в 2017–2018 гг. выставок архив-

ных документов, посвященных 100-летию уральского комсомола и 100-летию РЛКСМ–ВЛКСМ–РСМ.

С учетом значимости спасенных документов, масштаба работы по их приему на государственное хранение, описанию и постановке на архивный учет совместным решением в октябре 2018 г. ЦДООСО, вузовского архива и профильной кафедры РГППУ (заведующий — доцент М. Б. Ларионова) к формированию коллекции привлечены студенты старших курсов, обучающиеся по направлению 46.03.02 «Документоведение и архивоведение». По проведении ведущими специалистами ЦДООСО установочных занятий студентами под руководством преподавателей кафедры осуществляются первичное описание документов и их подготовка к передаче в архив, что позволяет, ко всему прочему, прививать студентам практические навыки архивной работы. Первая передача документов в упорядоченном виде на государственное хранение была запланирована на осень 2019 г. [2].

Заметим в заключение, что формированием в ЦДООСО актуальных архивных коллекций обеспечивается заметный рост привлекательности его фондов для широкого круга пользователей, а потому инициативное создание новых документальных собраний рассматривается специалистами архива как важное направление дальнейшей работы по повышению информационного потенциала учреждения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Уральский рабочий. — 1994. — 1 июня.
2. Каптикова И. А. О формировании коллекции по истории Свердловского машиностроительного техникума // Партийные архивы. Проблемы и перспективы развития: Материалы V межрегиональной научно-практической конференции, 14–16 мая 2019 г. — Екатеринбург: ООО Универсальная типография Альфа-принт, 2019. — С. 43–45.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОКУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВОВ ЮЖНОГО УРАЛА В НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЦЕЛЯХ В 1930-Е ГГ.

Бурангулов Байрас Вакилович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Республики
Башкортостан, археологии и этнологии

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»

Уфа, Российская Федерация

e-mail: bajras-burangulov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления использования информационных ресурсов Архивного фонда Южного Урала в народнохозяйственных целях в 1930-е гг. Исследование выполнено преимущественно на основе источников из Национального архива Республики Башкортостан, Государственного архива Оренбургской области и Объединенного государственного архива Челябинской области.

Ключевые слова: архив, архивный документ, научно-технический документ, проектная документация, доступ к архивным документам, использование архивных документов.

USE OF DOCUMENTS OF THE STATE ARCHIVES OF THE SOUTHERN URALS FOR ECONOMIC PURPOSES IN 1930

Burangulov Bayras Vacilovich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of
History of the Republic Bashkortostan, Archeology and Ethnology of the

Bashkir State University

Ufa, Russian Federation

e-mail: bajras-burangulov@yandex.ru

Abstract. The article discusses the main directions of use of information resources of Archival Fund of the South Urals in the national economic order in the 1930s the Research is mainly based on sources from the National archives of the Republic of Bashkortostan, the State archive of the Orenburg region and the United state archive of the Chelyabinsk region.

Keywords: archive, archival document, scientific and technical document, project documentation, access to archival documents, use of archival documents.

В 30-е гг. прошлого столетия использование архивных документов находилось под жестким контролем государства. Это отмечают многие ученые, в том числе известный исследователь в области истории архивного дела Т. И. Хорхордина. Она пишет, что в 1930-е гг. в стране устанавливается жесткая система подчинения архивов партийно-государственной диктатуре [1].

В результате ограничения доступа исследователей к архивным документам практически останавливается ввод в научный оборот ретроспективной информации. Вместе с тем активизируется использование архивных документов в оперативных целях. Например, в начале 1930-х гг. Башкирский центрархив имел большой наплыв запросов, вызванных чисткой соваппарата, рядов ВКП(б) и т. д. В эти годы весь личный состав архива был брошен на справочную работу. Только за 1931 г. было выдано 3054 справки [2].

В изучаемое время наблюдалось расширение использования архивных документов в народнохозяйственных целях. С 1930-х гг. произошла переориентация использования архивных документов в сторону поиска сведений по истории социалистического строительства, народного хозяйства, производительных сил [3].

Принятые правительством решения по этому вопросу исполнялись Центральным архивным управлением РСФСР (далее — Центрархив) совместно с региональными органами управления архивным делом. Основные параметры планирования работы архивов, в том числе в части использования архивных документов исполнительными властями республик, краев и областей, задавались из Центра. Изучая планово-отчетную документацию архивов Южного Урала, мы можем прийти к выводу, что в рассматриваемое время немалая доля их работы приходилась на поиск информационных ресурсов в народнохозяйственных целях.

При активном участии Центрархива в региональных архивных учреждениях выявлялись документы о месторождениях полезных ископаемых, рудодобывающих предприятиях, золотопромышленности, транспортной инфраструктуре и т. д. Архивные учреждения в основном работали по запросам власти, научных учреждений и хозяйствующих субъектов. Наблюдалось увеличение обращений в архивы геологоразведочных управлений, комбинатов и трестов.

Первые директивные указания по выявлению документов о полезных ископаемых поступили на места в 1929 г. В инструкции ЦАУ от 24 ноября 1929 г. говорилось, что в наступающем плановом году приоритетной задачей архивов автономных республик, областей и округов должно стать выявление архивных материалов для народнохозяйственного строительства. В целях оперативного руководства деятельностью архивов по использованию документов в Центрархиве в 1930 г. решили организовать специальную группу. В октябре того же года Центрархив разослал циркуляр, которым обязал все архивы представить планы своих работ «применительно к формам Госплана СССР» на период 1930–1933 гг. [4].

Согласно циркулярному письму Центрархива от 10 апреля 1930 г. конкретизировались направления поиска архивной информации, в частности указывалось следующее: «Немедленно приступить к выявлению архивных материалов с проектами построек железных дорог и подъездных путей. Основными материалами должны служить: записки о целесообразности строительства железнодорожных линий и подъездных к ним путей; расценочные и технические ведомости работы поставок и расходов для устройства дорог. Для выявления материалов проработать фонды: Управления земледелия и государственных имуществ, Управления областных и окружных горных округов, канцелярий генерал-губернаторов, губернских правлений и т. д.» [5]. Центрархив потребовал от региональных архивов «о ходе работы сообщать ежемесячно».

В 1931 г. были изданы новые директивы по использованию архивных документов в социалистическом строительстве. Президиум ВЦИК предложил ЦИК автономных республик, краевым и областным исполкомам «создать для архивных органов условия, обеспечивающие возможность использования архивных материалов для нужд социалистического строительства», а архивам — «сосредоточить все внимание на подготовке к использованию материалов, имеющих особо актуальное значение в политическом, научном и хозяйственном отношениях» [6].

Итак, страна нуждалась в архивном информационном обеспечении в ходе индустриализации. В связи с этим 10 июня 1931 г. председатель

ВЦИК М. И. Калинин отметил следующее: «Архивные материалы, собранные в значительном количестве советскими архивными органами, представляют собой громадную ценность в хозяйственно-культурном и научно-исследовательском отношениях и могут сыграть большую роль в ускорении процесса социалистического строительства. Использование таких документов, как проекты и планы железнодорожного строительства, многочисленные данные геологических разведок по нефти, каменному углю, нефtezолоту, платине и т. п. приобретают исключительное значение для данного момента» [7].

В исследуемое время на территории Южного Урала функционировали архивные учреждения Башкирской АССР, Оренбургского и Челябинского округов (областей). Еще в 1928 г., в связи с ликвидацией Оренбургской губернии и включением ее территории в Средневожскую область, в Оренбурге было создано окружное архивное бюро [8]. Только в 1934 г. в связи с созданием как Оренбургской [9], так и Челябинской [10] областей самостоятельные региональные органы управления архивным делом были восстановлены.

Архивные учреждения Южного Урала в 1930-е гг. активно подключились к делу выявления документов в целях их практического использования. Данное дело находилось под непосредственным контролем руководства регионов. Так, вопросы использования архивных документов в народном хозяйстве несколько раз стали предметом обсуждения на заседаниях Президиума ЦИК Башкирской АССР. Еще 1 декабря 1929 г. ЦИК отметил следующее: «Считая, что жизнь башкирского народа, его длительная революционная борьба при политике свергнутого царизма, направленной к колонизации башкирского края и угнетению отдельных национальностей, и наконец, участие в гражданской войне с различными политическими перегруппировками на территории Башкирии, богаты историческими эпизодами, несомненно, имеющими отражение в архивных делах». Исполнительный орган Республики предложил обратить внимание всех ведомств и учреждений на необходимость использования в своей практической деятельности архивных материалов по вопросам хозяйственно-го строительства [11]. 14 июня 1931 г. ЦИК Башкирской АССР поручил «Башкирскому центральному архивному управлению принять сроч-

ные меры к концентрации в свои архивохранилища всех архивных фондов, имеющих актуальное значение в политическом, научном и хозяйственном отношениях, обратив особое внимание на извлечение из распыленных архивов научно-исследовательского материала, могущего быть использованным в строительстве Урало-Кузбасского комбината и вторых железнодорожных путей на территории Башреспублики» [12]. После опубликования этих решений заведующий ЦАУ Башкирской АССР обратился с официальным заявлением в СНК Башкирской АССР, где говорилось, что предприятиям и организациям «со стороны архивных учреждений оказана некоторая помощь, выразившаяся в представлении необходимых им материалов, изысканий, планов проектов и т. д. Несомненно, что в целом ряде случаев народное хозяйство страны получает таким путем реальную экономию финансовых средств, ускоряет производство тех или иных работ» [13]. Итак, ЦИК Башкирской АССР принимал непосредственное участие в использовании документов в народнохозяйственных целях, что активизировало данное направление работы.

Необходимо отметить, что в Архивную службу Башкирской АССР первые запросы экономического характера из Башкирского ЦИК и Уфимского горкома ВКП(б) поступили еще раньше, в 1925 г. Например, в 1928 г. землеустроительные планы и чертежи, а также научно-техническая документация были выданы наркомату земледелия Башкирской АССР, Мензелинскому кантонному земельному управлению и Уфимскому спиртоводочному заводу. Кроме того, по обращению Геологоразведочного института башкирские архивисты выявляли дела о каменном угле и меди. Большую практическую пользу имела обнаруженная сотрудниками архива проектная документация по строительству железнодорожной пути Уфа — Оренбург. В ней крайне нуждались Госплан и железнодорожные строительные организации. Выявление этих материалов стоило архивистам больших трудовозатрат, т. к. они находились в россыпи среди документов фонда Уфимской губернской земской управы [14]. В начале 1930 г. Оренбургское окрархбюро выявило документы, освещающие ход и состояние ископаемых на Южном Урале, содержащие сведения о разведках и заявках на медь, уголь, золото, хромистый железняк и т. п., в коли-

честве 42 дел. Материалы были переданы для использования в Оренбургский горный трест, окрисполком и окрплан. Оренбургским архивистам удалось обнаружить проект строительства моста через реку Урал [15]. По отчету Оренбургского окрархбюро, за первый квартал 1931 г. были выявлены сведения по горному делу из 720 дел, железнодорожному и техническому — 14 дел, благоустройству города — 7 дел, истории пролетариата — 3 дела. Во временное пользование выдано 18 дел, из которых 14 содержат планы на рудники [16].

Челябинским архивистам удалось обнаружить план по добыче медной руды на Гавриловский рудник 1816 г., который в течение 100 лет не был реализован. Кроме того, в распоряжение заинтересованных организаций были направлены материалы по электрификации, железнодорожному строительству, по добыче золота и платины, о разведках угля и нефти, материалы по шоссеинному строительству, торфяных разработках. Так, план Обуховского завода, который хранился в Челябинском отделении Уральского облархива, сэкономил бюджету государства 20 тысяч рублей [17].

Использование архивных документов в народнохозяйственных целях шло не только по поручениям вышестоящих органов, но и по инициативе самих архивов. В письме Оренбургского окрархбюро от 22 декабря 1928 г. отмечено, что «есть дела, которые дают материалы не только прошлого, но и для будущего. Так, напр., дела б [ывшего] Инженерного Округа, б [ывшей] Городской Управы, б [ывшего] Войскового хозяйственного правления дают материалы намечающемуся в будущем строительству нашего округа, вновь пересматриваются имеющиеся планы, проекты и заявки, это облегчает подготовительную работу и дает возможность не тратиться вновь на составление планов» [18].

Оренбургское окрархбюро расширяло связь со многими организациями и учреждениями из других регионов: Научно-исследовательским геолого-разведочным институтом металлов (Ленинград, ныне Санкт-Петербург), Геолого-разведочным управлением минералов и руд (Москва), Уральским геолого-разведочным управлением (Свердловск, ныне Екатеринбург) [19]. Из Челябинска были направлены архивные документы в союзные республики. Так, в ответном

письме Управления Сухумским портом отмечено: «Материалы крайне необходимы, т. к. в настоящее время производится изыскание и составляется проект на строительство в Сухуми» [20]. Челябинские архивисты передали Туркменской ССР планы и схемы орошения, что сэкономило 350 тысяч рублей.

Значительную роль в улучшении использования архивных материалов сыграла работа по составлению тематических карточек [21]. В тематической картотеке отражались выявленные в архиве сведения как по истории края, так и по различным отраслям народного хозяйства. В нее записывались данные, полученные в результате исполнения тематических запросов от учреждений или попутно при упорядочении, обработке, ревизии архивных фондов. Помимо этого тематические карточки составлялись в увязке с планами работ научно-исследовательских и учебных учреждений. Так, в начале 1930-х гг. в Центрархиве Башкирской АССР приступили к составлению 215 тематических карточек по истории народного образования. Они целиком были переданы Башкирскому государственному педагогическому институту имени К. А. Тимирязева (ныне Башкирский государственный университет) для составления сборника «История народного образования в Башкирии». Тематические карточки по истории ВКП(б) использовались Истпартком Башобкома ВКП(б) при подготовке публикаций в периодических изданиях [22]. В Центрархиве Башкирской АССР планировалась работа по составлению обзоров по следующим темам: гидрометеорология, история фабрик и заводов, история пролетариата, строительство шоссейных дорог, мостов и переправ, соляная и металлургическая промышленность [23]. Оренбургское окрархбюро имело картотеку по полезным ископаемым. По ней была составлена справка-ориентировка. В последующем справка направлялась обкому партии, исполкому областного совета трудящихся, Управлению НКВД и облплану [24].

В целом можем констатировать, что с 1929 г. Южно-Уральском регионе отмечается увеличение количества обращений в окружные архивные бюро по вопросам полезных ископаемых. Поэтому при Уральском облрхбюро (Свердловск) совместно с Геологическим комитетом была создана комиссия по выявлению архивных

документов по полезным ископаемым и концентрации их в архивах. В то же время Уральское областное архивное бюро предлагало «требования на дела по полезным ископаемым или выкипировки из этих дел удовлетворять только в том случае, если будет разрешение от облрхбюро» [25].

В целом к середине 1930-х гг. поставленная властями перед архивной службой задача по выявлению документов экономического, статистического, производственного характера была достигнута. На 1935 г. ЦАУ РСФСР поставило задачу закончить выявление материалов по истории партии, революции, гражданской войны и приступить к широкому выявлению материалов по истории народов СССР, обратив особое внимание по истории национальностей. Продолжая выявление материалов по народнохозяйственному строительству, архивные управления должны были теснее связаться с краевыми и областными плановыми органами с целью учета в своих планах вопросов хозяйственного и культурного строительства в республике, крае и области [26].

В 1935 г. ЦИК СССР в частности указал на следующее: «В ведении архивных органов Советского Союза сосредоточено богатейшее собрание архивных материалов, имеющих первостепенное научно-политическое и хозяйственно-практическое значение. Использование архивных материалов за прошлые годы (своевременное извлечение данных о полезных ископаемых, о проектах и планах строительства, изысканиях и т. д.) сэкономило не раз советскому государству значительные суммы» [27]. Тем не менее архивные учреждения автономных республик, краев, областей и городов должны были продолжать поиск документов народнохозяйственного значения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хорхордина Т. И. История и архивы. — М., 1994. — 360 с.
2. Бурангулов Б. В. История государственной архивной службы Башкортостана (1919–1990): монография. — Уфа, 2009. — 324 с.
3. Лыскокова В. Ц. История становления и развития архивного дела в Байкальском регионе (вторая половина XIX в. — 1938 г.): автореф. дисс. ... д. и. н. — Улан-Удэ, 2010. — 45 с.

4. Черкасова М. В. Архивы Среднего Поволжья: организация и деятельность (1918–1938): монография. — Самара, 2011. — С. 206.

5. Государственный архив Оренбургской области (далее — ГАОО). Ф. 683. Оп. 1. Д. 36. Л. 2 об.

6. Сборник узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. — М., 1931. — № 31. — С. 276.

7. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее — ОГАЧО). Ф. 26. Оп. 1. Д. 58. Л. 12.

8. Бурангулов Б. В. Оренбургское губернское архивное бюро на этапе становления (1925–1928) // Отечественные архивы. — 2019. — № 1. — С. 17–24.

9. Бурангулов Б. В. История Оренбургского областного архивного управления в 1934–1939 гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. — 2019. — № 2 (30). — С. 149–157. — URL: http://vestospu.ru/archive/2019/articles/7_30_2019.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2019.30.7.

10. Бурангулов Б. В. Архивная служба Челябинской области и ее руководители (1934 — февраль 1939 гг.) // Отечественные архивы. — 2019. — № 3. — С. 3–11.

11. Национальный архив Республики Башкортостан (далее — НА РБ). Ф. 394. Оп. 5. Д. 62. Л. 231, 232.

12. НА РБ. Ф. 394. Оп. 5. Д. 72. Л. 336–338.

13. НА РБ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 157. Л. 36.

14. Бурангулов Б. В. Научное и практическое использование документов архивного фонда Башкирской АССР в 1919–1938 годах // Научный диалог. — 2016. — № 6 (54). — С. 161–172.

15. ГАОО. Ф. 683. Оп. 1. Д. 41. Л. 16.

16. ГАОО. Ф. 683. Оп. 1. Д. 40.

17. ОГАЧО. Ф. 519. Оп. 1. Д. 101. Л. 45.

18. ГАОО. Ф. 683. Оп. 1. Д. 27. Л. 9.

19. ГАОО. Ф. 683. Оп. 1. Д. 40.

20. ОГАЧО. Ф. 519. Оп. 1. Д. 101. Л. 46.

21. Максаков В. В. История и организация архивного дела в СССР. — М., 1969. — С. 261.

22. НА РБ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 232. Л. 18.

23. НА РБ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 203. Л. 11.
24. ГАОО. Ф. 683. Оп. 1. Д. 142. Л. 9.
25. ОГАЧО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 57. Л. 46.
26. ГАОО. Ф. 683. Оп. 1. Д. 8. Л. 22.
27. ГАОО. Ф. 683. Оп. 1. Д. 54. Л. 14.

ООО «ТЕРМИКА.РУ»

ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОБЫТИЯ 1917 Г. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНЫХ ФОНДОВ РГАЭ)

Альтман Мария Михайловна

Кандидат исторических наук,
начальник отдела научно-исследовательской работы и маркетинга
Российского государственного архива экономики (РГАЭ)
Москва, Российская Федерация
e-mail: maria_altman@mail.ru

Аннотация. Отражение событий 1917 г. в источниках личного происхождения представляет несомненный интерес для изучения этого важного периода в истории России. В основе исследования — личные дневники двух женщин, А. И. Радченко и Е. Н. Сахаровой-Вавиловой, представительниц русской интеллигенции, относящихся к разным мировоззренческим позициям. Записи в дневниках позволяют понять их размышления о революции и дальнейшей судьбе России на фоне происходящих перемен 1917 г.

Ключевые слова: дневники современников, война, Германия, революция, Временное правительство, большевики, гибель государства.

WOMAN'S LOOK AT THE EVENTS OF 1917 (BASED ON PERSONAL RSAE FUNDS)

Altman Maria Mikhailovna

PhD in history, Chief of Research and Marketing Department of the
Russian State Archive of the Economy (RSAE)
Moscow, Russian Federation
e-mail: maria_altman@mail.ru

Abstract. The reflection of 1917 events in personal sources have an undoubted interest for the study of this important period in the history of Russia. The research is based on personal diaries of two women A. I. Radchenko and E. N. Sakharova-Vavilova, members of the Russian intelligentsia, who belong to different worldview positions. The entries in the diaries help to understand their thoughts on the revolution and the future fate of Russia in the context of 1917 changes.

Keywords: diaries of contemporaries, war, Germany, revolution, The Russian Provisional Government, the bolsheviks, the death of the state.

Среди документов личного происхождения дневники современников событий 1917 г. занимают особое место и представляют значительный интерес для изучения столь важного и сложного периода истории Отечества. Для более глубокого постижения сущности революционных событий, особенностей и противоречивости эпохи важны оценки, взгляды, впечатления самых разных людей. Статья посвящена сравнительному анализу дневников двух неординарных женщин — представительниц русской интеллигенции, по-разному оценивавших революционные потрясения. Они оставили свой след в истории, прежде всего, благодаря своим знаменитым мужьям. Екатерина Сахарова-Вавилова стала женой будущего знаменитого биолога и генетика. Алиса Радченко — женой агента «Искры» (ставшего впоследствии одним из пионеров советской топливной промышленности, его брат стоял у истоков российской социал-демократии). У них было много общего: проживали в Москве, были педагогами по образованию, арестовывались за участие в революционном движении в 1905 г., писали личные дневники, которые сохранились в фондах РГАЭ.

Екатерина Николаевна Сахарова после окончания в 1905 г. с золотой медалью одной из лучших гимназий города поступает на историко-филологическое отделение Московских высших женских курсов, участвует в политических кружках, сочувствовавших большевикам. За предоставление квартиры для заседаний московской организации РСДРП в 1908 г. была арестована (вместе с Н. И. Бухариным и будущим наркомом финансов Г. Я. Сокольниковым). Провела пять месяцев в Бутырской тюрьме. В 1910 г. окончила сельскохозяйственный институт. Спустя два года Сахарова стала женой своего сокурсника Николая Вавилова. В 1913–1914 гг. сопровождала мужа во время его стажировки в Англии, Франции, Германии, была его личным переводчиком. Результатом поездки стала ее работа «Крестьянское хозяйство Англии», выдержавшая три издания.

Е. Н. Сахарова-Вавилова дневники вела всю жизнь. В них имеются замечательные рисунки и стихи. Записи 1917 г. не ежедневные,

интервал составляет от 10 дней и более. Это записи — размышления, раздумья, часто в форме вопросов и ответов, нередко в духе достаточно традиционных для интеллигентских кругов: «Что делать?» и «Кто виноват?». Характеристики современников даются достаточно жесткие. Это относится в первую очередь к членам Временного правительства. Автора отличало скептическое отношение к будущему России. Сахарова пытается высказываться обобщенно, как бы излагая коллективное мнение людей ее круга. Она размышляет о ситуации в стране, анализирует происходящее вокруг и делает вывод, что нельзя допускать развала государства, что произошло в России после событий февраля 1917 г. В дневниках Е. Н. Сахарова-Вавилова четко формулирует свое мнение: потеря государственности — гибель для России.

Стилистика дневников различна. Сахарова использует разъяснительно-доказательную манеру изложения с использованием логически выверенных тезисов, подводок. Часто в текст вплетаются цитаты из книг, намеки и недоговоренности, сравнения с другими странами (в том числе с революционными событиями во Франции). Можно выделить несколько вопросов, на которых фокусируется внимание в дневнике: отношение к войне, Германии, государству и государственности, к членам Временного правительства, большевикам, мировой революции и т. д.

Записи Е. Н. Сахаровой-Вавиловой за 1917 г. начинаются с оценки февральских событий: «Это все неизбежно так должно было случит[ь]ся. Когда из создававшегося положения не видно было исхода и народ, казалось, никогда не станет свободным... И все-таки, война сделала свое дело» (5 марта 1917 г.) [1]. Автор предполагает трагические последствия неудачи России на фронтах, грядущую победу Германии и не верит в помощь рабочих Германии. Отношение к войне с Германией, а далее и к Гражданской как к трагедии объединяет ее с А. И. Радченко. «У нас ликование, а впереди, возможно, отказ от независимости и победа германской культуры и герм. капитализма, идей пролетариата и т. д. <...> Но как для нас психологически — невозможно себе представить отдать Германии территорию, право на развитие промышленности и земледелия и т. д. — так же ведь

неприемлемо для германца отказываться от завоеванного, от первого места в Европе» (18 апреля 1917 г.) [2].

В записях через несколько месяцев констатируется неизменность ситуации, а беспокойство и тревога нарастает. Автор отражает ожидание современниками новых потрясений, и дневниковые записи сегодня воспринимаются почти пророческими: «Прошло полгода революции... а, в сущности, еще революции и не было, было только „празднование“. В первый день революции, 1 марта, когда в воздухе пахло порохом, можно было ожидать 1) погромов и 2) наступления немцев. То и другое нам и надо еще пережить» (8 октября 1917 г.) [3]. О революционных событиях в октябре дневник сообщает практически в режиме реального времени, что придает этому тексту особую ценность. В восприятии Сахаровой последствия революционных событий трагичны и непредсказуемы. Один из важнейших вопросов, который очень беспокоит автора — утрата государственности, распад страны: «Почему победили большевики? Или вернее кто мог бы победить, кроме них, после углубления революции? Разоружили армию и вооружили массы. Ружья д. б. начать стрелять и перестать они могут только с появлением завоевателя. В городах будут немцы. В деревнях будут русские. Два слоя. Кто будет виноват? Интернациональная интеллигенция» [4].

В тексте дневника неоднократно упоминаются фамилии меньшевика С. Л. Маслова, члена Временного правительства С. Н. Прокоповича и его жены Е. Д. Кусковой, с которыми Сахарова полемизирует. Автор возвращается к оценке предшествующих событий и не только критикует Временное правительство, но считает его виновным в утрате русской государственности. Перед нами слова человека мыслящего, понимающего происходящие события и болеющего за судьбу России. «Если не хотите быть победителями, будете побежденными. Просто. Они не хотели быть ни тем, ни другим. Сели между двух стульев. И русская государственность провалилась вместе с ними. Через сколько лет у нас будет Россия и будет ли? <...> Падение русского государства вместе с монархией. Дать миллионному неграмотному народу контроль над государством значит упразднить и самое государство». А как актуально звучат следующие строки

дневника: «Мы не схватились за государство, не нашли нужным его существование и оно пало. Отделится Сибирь, Кавказ и Малороссия? М. б., через 50 лет начнется воссоединение, но м. б., за это время Германия будет в положении к нам, как Англия в положении Индии» (29 октября 1917 г.) [5].

Автор второго дневника, Алиса Ивановна Радченко (в девичестве Мейбаум), с 22 лет принимает активное участие в студенческом движении, а после окончания педагогических курсов Лесгафта [6] в 1903 г. становится профессиональным революционером. В декабре 1905 г. была арестована на общегородском собрании большевиков, выпущенная до суда, уехала в Баку. Там познакомилась с И. И. Радченко и в 1909 г. они обвенчались. Весной 1912 г. Иван Иванович с помощью Г. М. Кржижановского получает место управляющего торфяным хозяйством «Электропередачи» в Богородском уезде Московской губернии.

Дневниковые записи А. И. Радченко передают непосредственные впечатления современника Февральской и Октябрьской революции 1917 г. Суть октябрьских событий она понимает как борьбу за социализм. И хотя в окончательном изменении власти и правительства Радченко не очень уверена, не случайно называет его «Временное правительство с Лениным во главе», ее симпатии, безусловно, на стороне большевиков. Более определенно свои ощущения об октябре 1917 г. Алиса Ивановна фиксирует 31 октября: «Происходит наша вторая или скорее третья революция — или продолжение все той же... В 1905 г. добились хоть скверной, но все-таки конституции. В конце февраля этого года свергли царя, а вот теперь, в конце октября, идет борьба за социализм. На улицах шестой день идет бой. Слышится пушечная пальба, трескотня пулеметов, ружей и револьверов. Везде окопы, баррикады, проволочные заграждения. В Питере большевики в лице левой части Съезда Советов уже захватили власть, составили новое Временное правительство с Лениным во главе. Но в Москве победа еще не клонится решительно в их сторону, хотя как будто идет к этому» [7].

А. И. Радченко твердо уверена, что только социализм может спасти человечество от братоубийственной войны. Она искренне, как может только женщина, сопереживает выпавшим на долю России испыта-

ниям. Строчки дневника передают и ее сомнения в прочности победы своих единомышленников, и ожидание трагического конца. Но, несмотря на то, что она называет происходящие события «эпизодом», Радченко абсолютно уверена в мировой значимости российской революции и начале новой эры в истории. «Очень возможно, конечно, если даже мы сейчас победим, что победа эта будет очень кратковременной, скорее только эпизодом в истории нашей революции, что за этим последует жестокая расправа, подлая месть и жесткие рукавицы для большевиков и идущей за ними части народа в лице рабочих и солдат. И все же этот эпизод оставит неизгладимый след в истории, и все же он составит начало новой эры в истории человечества» [8].

Именно женский взгляд на события превалирует в дневнике Радченко. Ее беспокоит гибель солдат на войне, лишения и голод, следовавшие после февраля 1917 г. С сожалением и сочувствием пишет Радченко по поводу трагических последствий войны, массовой гибели молодых людей, разрушенных войной семьях, искалеченных судьбах. «Да, победили и в Москве и во многих других городах и местечках, где впрочем борьба была почти бескровная. У нас борьба длилась ровно неделю. Но, увы, радоваться победе пока не приходится. Не говоря уже о массе человеческих жертв и о разрушениях в городе». Беспокоит ее и раскол среди большевиков. «И самыми яростными врагами являются не кадеты (про них и не слышно, они верно сидят и выжидают, когда их праздник придет), а правые эсеры, т. е. социалисты, да еще революционеры... Грустнее всего, что среди самих большевиков раскол, что из нового министерства (Совет народных комиссаров) уходит большинство комиссаров, колеблющихся, мягкотелых интеллигентов, несогласных с определенной тактикой наиболее революционной части их» (7 ноября 1917 г.) [9].

В записях много личных переживаний, ежедневное беспокойство за сына и мужа. Радченко подробно пишет о своих чувствах, о болезни сына, о проблемах с воспитанием и т. д. Ничего подобного нет в дневниках Вавиловой, родные и близкие за рассматриваемый период вообще не упоминаются. Пройдет несколько месяцев, и авторы дневников будут подводить итоги года и его революционных потрясений. Алиса Радченко пишет 31 декабря 1917 г.: «Кончился этот год,

единственный по значительности в истории человечества. Большевики все еще у власти — уже 2 месяца. Предсказывали, что крайний срок это 1 месяц. Но они и до сих пор еще не поколеблены, несмотря на все происки врагов и отчаянную борьбу во все стороны... Наши с Троцким во главе держат себя козырями, по-моему, даже немного чересчур: все-таки нет еще той реальной силы, которая определяла бы такой вызывающий тон. А солдаты в ожидании мира пока сами демобилизуются. А тем временем идет гражданская война с внутренним врагом, с Калединым, Корниловым, Дутовым и их компанией беглых офицеров, юнкеров и белогвардейцев, плюс еще с Украинской Радой, которая явно содействовала калединской шайке. А тут еще предстоит борьба с Учредительным собранием, которое должно собраться к 5 января. Чем это все кончится?» [10].

Любопытна запись о муже и его настроениях в контексте оценки победившей партии: «Он среди эсеров-меньшевистских-кадетских интеллигентских кругов считается штрейкбрехером, т. к. работает с большевиками. Но он храбро стоит на своем посту — на торфу, хотя бы весь свет провалился. А московских большевиков новой, послереволюционной формации он не очень признает, ругает их за отсутствие деловитости. А кто их только не ругает? Иной раз стон стоит в ушах! А все-таки они, большевики, единственные, кто способны возродить Россию к новой, лучшей жизни во главе с Лениным, по своей смелости, дальновидности, по своей энергии и широте размаха» [11].

И поразительная, какая-то неиссякаемая вера в возрождение России благодаря революции и большевикам. Вера в лучшую жизнь, успех, свободу и социализм. Романтическое, слегка наивное и абсолютно женское восприятие, которое проявляется в словах, терминах, в эмоциональных оценках и определениях новой России — «честной и чистой, славной и богатой».

А вот Екатерина Вавилова оценивает события по-другому. Ее отношение к результатам большевистской революции явно негативное. Подводя итоги первого года революции, она отмечает, казалось бы, неизменность привычного образа жизни, религиозность населения, но также и то, что не осталось прежней России. «Вербная суббота. Благовест. Улицы полны народом — все идет в церковь.

Женщины, дети, старики, молодежь. Жива ли церковь, жив ли народ, жива ли вера в год распада, в год, в который от России успело остаться одно лишь воспоминание.

Что государство — „принудительный“ союз — доказано с жестокой точностью... Взять газету, посмотреть на улицу, послушать разговоры в вагоне — видишь, что сели мы в лужу прочно — докатились, как говорится, до конца. <...> У нас очень неохотно соглашались с тем, что Ленин — куплен Германией, что большевизм — такая же „карта“ германского военного штаба, как битая карта восстания Каземента» (14 апреля 1918 г.) [12; 13].

Автор настойчиво повторяет о вине министров Временного правительства, которые не смогли сохранить страну и государство в рамках преемственного развития: «Сегодня Прокопович пишет: внутри России живет ее враг, расхищающий ее, разрушающий ее производительные силы, готовящий нам голод зимой, безработицу и т. д. и т. д. Так ли это? <...> И почему внутри России? „Теперь не важно — говорит Прокопович, как мы раньше смотрели на те, или иные вопросы“. Почему не важно? Не важно, как смотрели на „эти вопросы“ 18 и 20-летние девчонки, но министры, стоявшие во главе государства — разве и это тоже не важно?» [14].

Две женщины, образованные, знающие иностранные языки, занимающиеся просветительской деятельностью, оставили интересные свидетельства эпохи. Что же произошло дальше с авторами дневников?

Совместная семейная жизнь Вавиловых закончилась в 1926 г., но теплые отношения сохранились. Выдающийся ученый Николай Иванович Вавилов в 1941 г. был приговорен к расстрелу и погиб голодной смертью в Саратовской тюрьме в 1943 г. Последним местом службы его бывшей жены стал институт, находившийся в ведении НКВД СССР, где она работала референтом. Их сын Олег трагически погиб вскоре после войны.

Пророческими оказались слова Радченко: «Но сколько хороших людей опять погибнет, и сколько новых мерзавцев выплывет на поверхность, и сколько старых мерзавцев перекрасится в новый цвет, чтобы остаться на поверхности! Мать Россия, чем еще ты

кончишь?» (10 июля 1918 г.) [15]. Алиса Радченко была арестована вместе с мужем в 1937 г. (он умер в лагере через пять лет); до середины 1950-х гг. находилась в ссылке. Их единственный сын был убит немцами под Смоленском.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 328. Оп. 1. Д. 8. Л. 20.
2. РГАЭ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 8. Л. 21–22.
3. РГАЭ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 8. Л. 22.
4. РГАЭ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 8. Л. 23–24.
5. РГАЭ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 8. Л. 24–25.
6. Лесгафт Петр Францевич (1837–1909) — выдающийся анатом, антрополог, биолог. Созданная и руководимая им Биологическая лаборатория была одним из первых в России научно-исследовательских учреждений в области зоологии, гистологии, анатомии и т. д.
7. РГАЭ. Ф. 9455. Оп. 1. Д. 278. Л. 6.
8. РГАЭ. Ф. 9455. Оп. 1. Д. 278. Л. 6.
9. РГАЭ. Ф. 9455. Оп. 1. Д. 278. Л. 7–8.
10. РГАЭ. Ф. 9455. Оп. 1. Д. 278. Л. 9–10.
11. РГАЭ. Ф. 9455. Оп. 1. Д. 278. Л. 13.
12. Каземент Роджер (1864–1916) служил в Британском дипломатическом корпусе. Посвятил свою жизнь борьбе за независимость Ирландии.
13. РГАЭ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 8. Л. 31, 32, 34.
14. РГАЭ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 8. Л. 35.
15. РГАЭ. Ф. 9455. Оп. 1. Д. 278. Л. 16.

РАЗДЕЛ III

**АРХИВЫ И АРХИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ**

SECTION III

**ARCHIVES AND ARCHIVAL EDUCATION
IN THE DIGITAL ECONOMY**

ООО «ТЕХНИКА.РУ»

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЯ, КЛАССИФИКАЦИИ, ЦЕННОСТИ И СОХРАННОСТИ

Двоеносова Галина Александровна

Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры документо-
ведения, аудиовизуальных и научно-технических архивов
Российского государственного гуманитарного университета
Москва, Российская Федерация
e-mail: dvoenosovaga@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема терминологии, классификации, ценности и организации хранения цифровых (электронных) документов личного происхождения. Анализируется российский и зарубежный опыт ее решения. Высказывается мысль о необходимости сохранения феномена документа личного происхождения как вещи посредством воспитания и привития культурных традиций персонального документирования и семейного архивирования, объяснения роли и значения документа как ценнейшего культурного артефакта и хранителя памяти, как посредника, способного регулировать отношения между людьми.

Ключевые слова: документы личного происхождения, цифровые документы личного происхождения, персональные цифровые архивы, семейный архивный фонд.

ELECTRONIC DOCUMENTS OF PERSONAL ORIGIN: PROBLEMS OF CONCEPT, CLASSIFICATION, VALUE AND SAFETY

Dvoenosova Galina Alexandrovna

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the
Department of Documentation, Audiovisual and Scientific and Technical
Archives of the
Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation
e-mail: dvoenosovaga@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of terminology, classification, value and organization of storage of digital (electronic) documents of personal

origin. The Russian and foreign experience of its solution is analyzed. It is suggested to preserve the phenomenon of document of personal origin as things through education and instilling cultural traditions of documenting personal and family archive, explaining the role and importance of the document as a valuable cultural artifact and of memory as a facilitator to regulate relations between people.

Keywords: personal documents, digital documents of a personal origin, personal digital archives, family archives.

Актуальность заявленной в статье проблемы связана с тем, что человечество вступает в новую эру существования — цифровую, и этот процесс затрагивает все сферы жизни человека, в том числе и сферу личного, частного, приватного. Проблема заключается в том, что переход на цифровые технологии документирования личной информации происходит так же быстро, как и в делопроизводстве организаций. Однако систематизация и хранение электронных документов личного происхождения пока еще не стали предметом таких же целенаправленных усилий архивистов, которые предпринимаются по обеспечению сохранности официальных электронных документов. Между тем проблема организации электронных документов личного происхождения и их хранения беспокоит как создателей и обладателей личных архивов, так и профессиональных архивистов. Интерес к ней возник в начале 2000-х гг., и в настоящее время уже определены основные направления ее решения и накоплен определенный опыт, в основном, зарубежный [1]. Необходимость сохранения документов личного происхождения на электронных носителях осознают и российские архивисты [2], но опыт комплектования государственных архивов такими документами пока еще незначителен. В данной статье мы остановимся на тех актуальных вопросах работы с электронными документами личного происхождения, которые требуют дополнительного осмысления, развития и решения. Это вопросы терминологии, методического и программного обеспечения, цифрового кураторства.

Терминология, используемая при работе с документами личного происхождения и закрепленная в российском законодательстве, стандартах и словарях, относится исключительно к аналоговым

документам [3]. Вопросы терминологии цифровых документов личного происхождения ни в российской архивной науке, ни в архивной практике пока еще не прорабатывались. Между тем такая необходимость назрела, поскольку персональное документирование активно переходит в цифровую среду, создаются новые виды документов личного происхождения, которые уже являются данностью, реальностью, ценными источниками информации и потенциальными историческими источниками. Они требуют изучения, классификации, экспертизы ценности, обеспечения сохранности. Приступая к этой работе, необходимо определиться с терминологией, поскольку термины, применяемые к аналоговым документам личного происхождения, не подходят для обозначения цифровых объектов, создаваемых в процессе персонального документирования и собирания из различных источников Интернета. Используемая при работе с документами личного происхождения терминология нуждается в развитии, и это должны сделать архивисты, чтобы она была профессиональной. Кроме того, она должна быть унифицирована и гармонизирована с терминологией архивистов других стран. В первую очередь речь идет о базовом термине «документ личного происхождения», статус которого является неопределенным, поскольку он был исключен из последнего терминологического стандарта по делопроизводству и архивному делу [4]. Следовательно, фонд личного происхождения (этот термин оставлен в стандарте) является объектом архивного дела, а документ личного происхождения в его составе — нет. В то же время термин «документ личного происхождения» включен в изданный одновременно со стандартом словарь по управлению документами организации [5], хотя документы личного происхождения не входят в состав ее документального фонда, на который направлена деятельность по управлению документами. Однако оставим этот вопрос для размышления разработчикам следующей версии стандарта.

По мере изучения цифровых объектов личного происхождения зарубежные архивисты вводят в научный оборот новые термины, такие как личная информация, управление личной информацией, цифровые документы личного происхождения, личное цифровое архивирование, персональные цифровые архивы, цифровые лич-

ные архивы, цифровая память, цифровые привычки, психология личных архивных практик, цифровое имущество, цифровая общественность, цифровая жизнь. Они используются для обозначения самих цифровых документов личного происхождения, контекста их создания, а также действий, которые осуществляются по отношению к ним в течение их жизненного цикла. Появление новых терминов свидетельствует о том, что имеющийся в распоряжении архивистов терминологический аппарат является недостаточным для исследования и описания новых явлений информационного общества. С этой проблемой неизбежно столкнутся и российские архивисты, поскольку некоторые государственные архивы уже начали принимать на хранение электронные документы личного происхождения [6].

Другой вопрос, который предстоит решать архивистам, — это классификация электронных документов личного происхождения и экспертиза их ценности. Самая поверхностная классификация позволяет выделить в их составе электронное письмо, sms-сообщение, персональную веб-страницу, блог (онлайн-дневник), личную страницу в социальных сетях, цифровые фотографии и видеозаписи и т. д. Все это требует тщательного изучения архивистами и отвечает задачам, поставленным на состоявшемся 8 декабря 2017 г. в Москве круглом столе по проблеме документов личного происхождения. Участники круглого стола отмечали, что «Архивный фонд Российской Федерации включает документы личного происхождения в ничтожно малом объеме, не отражает социальную структуру общества» [7]. Электронные документы личного происхождения позволяют сделать этот социальный срез, поскольку быстрота, дешевизна и доступность документирования информации с помощью электронных устройств превращает каждого «в историка самого себя». Любой обладатель персонального компьютера, ноутбука и мобильного телефона является создателем и владельцем личного архива. Однако чтобы сохранить этот цифровой контент, необходимо, чтобы каждый стал еще и «сам себе» архивист. Если аналоговые документы личного происхождения (дневники, письма, фотографии, рисунки и т. д.) ждут, когда о них вспомнят на дальних полках в шкафу, то эти же документы в цифровом виде могут быть удалены одним нажатием

клавиши, если перегружают память электронных устройств. Когда мы проводим экспертизу ценности традиционных документов, каждый из них вызывает у нас определенные воспоминания, чувства, эмоции. В результате если и будет что-то выброшено, то лишь малая часть. Оставшиеся документы не просто представляют для нас ценность как свидетельства нашей собственной жизни или жизни наших близких, они нам дороги как ее неотъемлемая часть, как часть нашего духовного и предметного мира. Совсем иначе мы относимся к своим электронным документам. Неограниченные возможности фотографировать, записывать, скачивать и т. д. чувеличивают наши личные цифровые архивы до критических объемов, и когда нам надо срочно освободить память компьютера в условиях постоянной нехватки времени, мы безвозвратно удаляем то, что, может быть, надо было сохранить, и оставляем то, что ценности не имеет.

Другая проблема, с которой сталкиваются все пользователи современных электронных записывающих и запоминающих устройств, — как организовать записанную личную информацию, чтобы можно было в последующем ее найти и использовать. Не обладая элементарными знаниями систематизации документов, большинство полагается в этом вопросе на собственное усмотрение, что может в последующем создать сложности при отборе документов на архивное хранение. К такому выводу привело исследование, направленное на выявление факторов, влияющих на организацию документов личного происхождения, на примере личных архивов преподавателей одного из американских университетов [8]. Позднее аналогичное исследование, но уже по организации цифровых личных архивов, провели российские ученые [9].

Проблему управления личной цифровой информацией зарубежные архивисты пытаются решить посредством «просвещения цифровой общественности», чтобы «помочь людям стать цифровыми автоархивистами». С этой целью они предпринимают различные «пропагандистские инициативы» и разрабатывают методические рекомендации для владельцев личных архивов по приведению их «цифровых привычек» в соответствие со сложившейся архивной практикой [10].

Российские архивисты пошли по иному пути, направив усилия

на методическое обеспечение работы с документами личного происхождения в государственных и муниципальных архивах [11]. Намеченные ими меры, безусловно, важны и необходимы, однако проблеме упорядочения личных цифровых архивов они не решают. Поэтому свои услуги по их организации уже предлагают ИТ-специалисты, разрабатывая программные решения по управлению семейным архивным фондом (САФ) с помощью метаданных. Концептуальную модель САФ разработчики пытаются выстроить на основе «картины мира» владельца-пользователя [12]. Предположим, что САФ будет пользоваться спросом у цифровой общественности, но возможна ли будет его интеграция с программным обеспечением государственного архива, если владелец САФ будет включен в список источников комплектования? Разбирать и систематизировать цифровую россыпь намного сложнее и дольше, чем бумажную. Поэтому, на наш взгляд, в разработке программных продуктов по управлению личными цифровыми архивами в качестве консультантов должны обязательно принимать участие профессиональные архивисты.

Таким образом, при отсутствии у цифровой общественности необходимых знаний по организации хранения цифровых документов личного происхождения возникает два вида рисков: 1) сохранение всего личного цифрового контента (бессистемное и бесконтрольное накопление); 2) безвозвратное удаление ценного личного цифрового контента. Поэтому, как нам представляется, имеет смысл обратиться к опыту наших зарубежных коллег по просвещению и курированию цифровой общественности в вопросах персонального цифрового архивирования [13]. Существует еще и третий вид риска, связанный с цифровизацией и дематериализацией документов личного происхождения. Это риск полной утраты документа личного происхождения как вещи, на которой время и люди оставили свои следы: свой дух, свой свет, свой запах, свою энергетику. Это чувствует любой архивист и исследователь, прикасаясь к документу и вступая с ним в диалог. Цифровой документ у нас таких ощущений и эмоций не вызовет никогда: он всего лишь информация, источник знаний, информационный ресурс и апеллирует к нашему разуму, а не к чувствам. Мы рискуем навсегда утратить культурные традиции доверительной переписки,

ведения личных (не онлайн) дневников, отправки поздравительных открыток, оформления фотоальбомов, которые можно периодически просматривать вместе с представителями старшего поколения семьи. При этом мы не можем никому вменить в обязанность создавать эти документы на бумажном носителе, как это будет сделано по отношению к официальным документам, включенным в перечень видов управленческих документов, относящихся к составу Архивного фонда Российской Федерации, создание и хранение которых осуществляется исключительно на бумажном носителе. Мы рискуем утратить связь с исторической реальностью, которую теперь каждый может создавать в системе САФ в соответствии со своей собственной «картиной мира». В связи с этим, может быть, имеет смысл вместе с цифровым архивным просвещением, которое, как нам кажется, надо начинать еще в школе, знакомить юную цифровую общественность с культурными традициями персонального документирования и семейного архивирования, объяснять ей роль и значение документа как величайшего изобретения человечества, как ценнейшего культурного артефакта и хранителя памяти, как посредника, способного налаживать или разрушать отношения между людьми.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рожнева Ж. А. Персональные цифровые архивы: основные направления и перспективы исследования // Гуманитарная информатика. — 2015. — Вып. 9. — С. 98–110.
2. Альтман М. М., Иноземцева З. П. Актуальные проблемы собирания документов личного происхождения на современном этапе // Вестник архивиста. — 2013. — № 1. — С. 137–150.
3. Бурова Е. М. Терминология в сфере работы с документами личного происхождения. Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. — 2017. — № 3 (9). — С. 29–44.
4. ГОСТ Р 7.0.8-2013. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163800/ (дата обращения: 21 апреля 2017 г.).
5. Управление документами. Термины и определения. Словарь. —

М.: ВНИИДАД, 2013. — С. 3–31, 87.

6. Плотников В. Н. Электронные документы в составе фондов личного происхождения. — URL: <http://www.archiv.nnov.ru/> (дата обращения: 1 июля 2019 г.).

7. Документы личного происхождения в составе архивного фонда российской федерации. Итоги и перспективы комплектования и использования. Круглый стол в Москве 8 декабря 2017 г. — URL: <http://www.vestarchive.ru/konferencii/3791> (дата обращения: 2 августа 2019 г.).

8. Kwasnik B. H. The Importance of Factors that are not Document Attributes in the Organization of Personal Documents. 1991. School of Information Studies: Faculty Scholarship. 146. — URL: <https://surface.syr.edu/istpub/146> (дата обращения: 27 июля 2019 г.).

9. Рожнева Ж. А., Осташова Е. А., Николаенкова Н. А. Персональные цифровые архивы в академической среде // Документ. Архив. История. Современность: Материалы VI Международной научно-практической конференции. — Екатеринбург, 2016. — С. 186–189.

10. Chen A. Disorder: Vocabularies of Hoarding in Personal Digital Archiving Practices. *Archivaria* 78 (Fall 2014): 115–134.

11. Документы личного происхождения в составе архивного фонда Российской Федерации. Итоги и перспективы комплектования и использования. Круглый стол в Москве 8 декабря 2017 г. — URL: <http://www.vestarchive.ru/konferencii/3791> (дата обращения: 2 августа 2019 г.).

12. Адамович И. М., Волков О. И., Маркова Н. А. Технология работы с электронным семейным архивом // Вестник ВГУ. Серия: Системный анализ и информационные технологии. — 2012. — № 1. — С. 183–188.

13. Creator guidelines. Making and maintaining digital materials: Guidelines for individuals // InterPARES 2 Project. 2007. — URL: [http://www.interpares.org/display_file.cfm?doc=ip2\(pub\)creator_guidelines_booklet.pdf](http://www.interpares.org/display_file.cfm?doc=ip2(pub)creator_guidelines_booklet.pdf) (дата обращения: 3 августа 2019 г.).

ОРГАНИЗАЦИЯ ХРАНЕНИЯ КАДРОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Глотова Светлана Александровна

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры документо-
ведения, аудиовизуальных и научно-технических архивов

Российского государственного гуманитарного университета

Москва, Российская Федерация

e-mail: svpronina@yandex.ru

Аннотация. В статье обозначены ключевые проблемные аспекты организации хранения кадровой документации в связи с ее переводом в электронный вид. Названы основные законодательные инициативы в рамках цифровизации кадровой сферы в Российской Федерации, введение которых должно внести существенные изменения в кадровое делопроизводство и изменить порядок хранения этой категории документов.

Ключевые слова: трудовые отношения, документация по личному составу, электронная подпись, цифровая экономика, хранение кадровой документации, сведения о трудовой деятельности.

ORGANIZATION OF PERSONNEL DOCUMENTATION STORAGE IN DIGITAL ECONOMY

Glotova Svetlana Aleksandrovna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department
of Documentation, Audiovisual and Scientific and Technical Archives of

the Russian State University for the Humanities

Moscow, Russian Federation

e-mail: svpronina@yandex.ru

Abstract. The article identifies key problematic aspects of the organization of storage of personnel documentation in connection with its translation into electronic form. The main legislative initiatives within the framework of digitalization of personnel sphere in the Russian Federation are named, the introduction of which should make significant changes in personnel management and change the order of storage of this category of documents.

Keywords: labor relations, personnel documentation document, electronic signature, digital economy, personal documentation storage, information of working life.

Кадровая документация имеет большую социальную и историческую значимость. Она важна для каждого рядового гражданина, поскольку позволяет сохранить выжные с правовой точки зрения данные о человеке, которые могут быть востребованы спустя длительное время после окончания его трудовой деятельности. Историческая значимость обусловлена тем, что любой рядовой гражданин в историческом контексте может стать личностью, выпадающей из категории рядовых. Поэтому вопросы обеспечения сохранности этой категории документов представляют важную задачу не только для каждой конкретной организации, но и для государства в целом.

Вместе с тем очевидно, что это непростая задача, которая была вызовом для архивной науки 50 лет назад и является вызовом сейчас, тем более в условиях применения цифровых технологий и в условиях реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [1].

На данный момент в государственном масштабе наблюдаются все более устойчивое стремление перевести кадровую документацию в электронный вид. С этой целью проводятся эксперименты, готовятся законопроекты, некоторые из которых вот-вот станут законами и внесут достаточно существенные изменения в кадровое делопроизводство. Это неизбежно повлечет за собой вопросы у работодателей в отношении организации хранения документации по личному составу.

Однако есть ощущение, что в рамках всех инициатив, связанных с цифровизацией кадровой сферы, не уделяется должного внимания вопросам хранения документов, которые будут создаваться в электронном виде.

В частности, в прошлом году Минтруд России провел эксперимент «по переводу в электронную форму документов и сведений о работнике по вопросам трудовых отношений» [2], основной задачей которого являлась апробация механизмов ведения работодателем кадровых документов в электронном виде.

В эксперименте участвовали 13 крупных российских компаний, в частности ОАО «Российские железные дороги», АО «Газпромбанк», ПАО «АВТОВАЗ», ПАО «РОСБАНК», ПАО «Мечел», АО «Северсталь Менеджмент», ПАО «Ростелеком», ООО «Яндекс», АО «Альфа-Банк», ООО «Компания „Тензор“», ООО «Агроторг», ООО «СИБУР», ПАО «Татнефть» им. В. Д. Шашина.

Для каждой компании были определены виды работ с кадровыми документами, в отношении которых проводился эксперимент. Например, это было заключение трудовых договоров, оформление служебных командировок, извещение работников о составных частях заработной платы, ознакомление с графиком отпусков, уведомление о времени начала отпуска, ознакомление работников с локальными нормативными актами, представление документов при проведении проверок Федеральной службой по труду и занятости и ряд других.

По окончании эксперимента его участниками было подготовлено заключение, в котором выделялись главные проблемные аспекты перевода кадровой документации в электронный вид.

Это, во-первых, невозможность использования электронной подписи для подписания кадровой документации в силу того, что действующее законодательство не допускает применение электронной подписи для документирования трудовых отношений (не считая возможности заключения в электронном виде трудового договора с дистанционными работниками). А также в силу того, что стоимость приобретения усиленной квалифицированной электронной подписи достаточно высока.

Во-вторых, вероятность утери работодателем информации на электронных носителях, ошибок программного обеспечения при передаче и обработке данных в электронном виде, что может послужить основанием для применения штрафных санкций к работодателям, а также лишит работника возможности защитить свои права.

Изучая эти выводы, обращает на себя внимание тот факт, что вопросы хранения кадровой документации в электронном виде работодателей не волнуют.

Но они не могут не волновать государство. Кадровая документация в большинстве своем имеет длительные сроки хранения, поэтому

работодателям неизбежно придется решать вопрос об организации ее последующего хранения с обеспечением аутентичности, целостности и достоверности в течение установленных государством сроков.

В феврале 2019 г. был подготовлен законопроект, который дал бы возможность проработать порядок организации хранения электронных документов по личному составу. Это законопроект назывался «О проведении эксперимента по ведению документов, предусмотренных трудовым законодательством, связанных с работой, в электронном виде у отдельных работодателей» [3] и был размещен на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов 13 февраля 2019 г. Законопроект предполагает, что, в отличие от предыдущего эксперимента, документирование трудовых отношений будет осуществляться без дублирования на бумажном носителе. При этом работодатели смогут использовать либо свои технические возможности, либо возможности электронного сервиса информационно-аналитической системы «Работа в России».

При использовании этого сервиса будет применяться усиленная квалифицированная электронная подпись работодателя и простая электронная подпись работника, подтвержденная в федеральной государственной информационной системе «Единая система идентификации и аутентификации», для заключения трудовых договоров, договоров о материальной ответственности, ученических договоров, а также внесения дополнений к ним.

В случае использования информационной системы работодателя и для работодателя и для работников будет применяться усиленная квалифицированная электронная подпись.

В статье 4 законопроекта установлено: «...работодатель обеспечивает сохранность электронных документов, связанных с работой, без дублирования на бумажном носителе, в течение сроков хранения, установленных законодательством Российской Федерации об архивном деле.

В случае ликвидации работодателя, являющегося участником эксперимента, передача электронных документов, связанных с работой, в государственные или муниципальные архивы осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации об архивном деле».

Законопроект прошел стадию общественного обсуждения и, хотя предполагалось, что эксперимент должен начаться в январе 2020 г., пока еще он не принят.

Вместе с тем в Государственную думу был представлен еще один законопроект о внесении поправок в Трудовой кодекс Российской Федерации (далее — ТК РФ), который был рассмотрен в июле 2019 г. [4]. Этот законопроект предполагает возможность заключения трудовых договоров и обмена юридически значимыми сообщениями (заявлениями, уведомлениями, обращениями, требованиями и т. д.) в электронном виде. Использование юридически значимых сообщений в гражданско-правовых отношениях регулируется новой статьей 165.1 Гражданского кодекса РФ [5]. В ТК РФ такой нормы нет.

Работодатели и работники в процессе трудовой деятельности все время вступают во взаимодействия по вопросам трудовых отношений. Законодательством сейчас предусмотрена только письменная форма инициативы сторон трудовых отношений при заключении, изменении, прекращении трудового договора, которая предполагает издание бумажных документов и проставление личной подписи сторон. На основании этих документов издаются кадровые приказы, являющиеся первичными учетными документами. А значит значимость этих документов-оснований велика. Они являются гарантом правомерности всех действий, совершенных с работниками.

Новый законопроект призван легализовать обмен электронными сообщениями, например, перед заключением трудового договора. Это касается даже случаев, когда ТК РФ устанавливает обязательность присутствия работника и ознакомление с документом под роспись.

Порядок обмена сторонами трудового договора юридически значимыми сообщениями может быть прописан в трудовом договоре.

К сожалению, о том, как хранить такие юридически значимые сообщения, в проекте закона ни слова не сказано.

Еще один законопроект [6], который уже рассмотрен Государственной думой в первом чтении, посвящен так называемым электронным трудовым книжкам.

В соответствии с этим законопроектом трудовые книжки на бумажном носителе с 1 января 2021 г. работодатель будет вести

только на тех работников, которые заявят об этом в письменном виде до конца 2020 г. Работникам, не подавшим письменное заявление, трудовые книжки будут выдаваться на руки. При этом работодатель будет освобожден от ответственности за их хранение, а сведения об их трудовой деятельности начнут вестись в электронном виде. Лицам, впервые поступившим на работу, бумажная трудовая книжка оформляться не будет.

Начиная с 1 января 2021 г., передача сведений о трудовой деятельности работников в Пенсионный фонд будет являться обязанностью работодателя. Сведения о приеме на работу или увольнения должны будут представляться в Пенсионный фонд не позднее рабочего дня, следующего за днем издания документа, являющегося основанием для приема на работу или увольнения. А сведения о трудовой деятельности застрахованных лиц будет необходимо предоставлять в ПФР ежемесячно не позднее 15 числа месяца, следующего за отчетным. Передача сведений будет осуществляться аналогично другой отчетности.

Работнику сведения из электронной трудовой книжки можно будет получить через личный кабинет на сайте Пенсионного фонда России — pfrf.ru или на сайте Портала государственных услуг — gosuslugi.ru.

Информацию из электронной трудовой книжки можно будет получить также в бумажном виде, подав заявку работодателю (по последнему месту работы), в территориальном органе Пенсионного фонда России или в многофункциональном центре (МФЦ).

При приеме на работу информация о трудовой деятельности будет предоставляться работодателю в распечатанном виде или в электронной форме с цифровой подписью. И в том и в другом случае работодатель должен будет перенести данные в свою систему кадрового учета.

При увольнении работодатель должен будет выдать сведения о трудовой деятельности или на бумаге, или в электронном виде, при наличии у него такой возможности. В том случае, если трудовая книжка будет пока для работника сохранена, все сведения в нее будут также вноситься, как и прежде.

Несомненно, есть вполне определенные преимущества в переходе на такой формат фиксации сведений о трудовой деятельности работников. Это и большая прозрачность и сокращение издержек. Однако

вместо привычного с точки зрения работы и организации хранения документа появляется понятие «сведения».

Из законопроекта понятно, что эти сведения будут передаваться в Пенсионный фонд, храниться в информационной системе и извлекаться при необходимости несколькими способами. Однако возникают вопросы по поводу того, что должен работодатель делать с этими сведениями. Не определено, необходимо ли ему обеспечивать хранение этих сведений, в каком виде и в течение какого срока.

Дмитрий Медведев на заседании правительства 4 июля 2019 г., говоря о вероятности утраты бумажной трудовой книжки и сложности ее восстановления, сообщил, что «в электронном виде, естественно, все это должно резервироваться и сохраняться». Но пока нет ясности, как именно.

В целом считается, что система будет отлаживаться в течение 2020 г.

Несомненно, все изменения, которые грядут в ближайшем будущем, — это объективное явление, связанное с цифровизацией всех сфер деятельности государства и общества. Новые технологии дают больше возможностей для каждого конкретного человека.

Но вместе с тем невозможно не задаваться вопросом, как конкретные задачи будут решаться на практике с учетом всех глобальных проблем архивного дела. Это несовершенство нормативной базы, неопределенность понятий «электронный документ», «электронный архив», отсутствие единой цифровой среды доверия и др. И с учетом технологических проблем, с которыми может столкнуться каждый работодатель, переводя кадровую документацию в электронный вид. Это и вопросы создания документа в статусе электронного оригинала сразу в самой системе, и вопросы сохранения подлинности и аутентичности информации в течение длительного времени, включая проблемы поддержания сертификата электронной подписи, и определения формата хранения электронных документов, и проработка процедуры передачи документов из СЭД в специальную архивную информационную систему.

Решение этих задач в кадровой сфере невозможно отделить от решения других актуальных проблем архивного дела в цифровой экономике.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16. — URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/programma.pdf> (дата обращения: 3 октября 2019 г.).

2. Приказ Минтруда России от 26 марта 2018 г. № 194 (ред. от 4 мая 2018 г.) «О проведении эксперимента по переводу в электронную форму документов и сведений о работнике по вопросам трудовых отношений». — URL: <https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/orders/1290> (дата обращения: 3 октября 2019 г.).

3. Проект Федерального закона «О проведении эксперимента по ведению электронных документов, связанных с работой, предусмотренных трудовым законодательством, у отдельных работодателей». — URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=88427> (дата обращения: 3 октября 2019 г.).

4. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации (о юридически значимых сообщениях сторон трудового договора)». — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/736455-7> (дата обращения: 3 октября 2019 г.).

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

6. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации (в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде)». — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/748684-7> (дата обращения: 3 октября 2019 г.).

ОНЛАЙН-ПУБЛИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ КАК ФАКТОР РАСШИРЕНИЯ ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ: НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИКАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ «ХРОНИК» Ж. ФРУАССАРА

Калашников Александр Михайлович

Заместитель начальника отдела научно-справочного аппарата
и информационно-поисковых систем Российского государственного
архива новейшей истории

Москва, Российская Федерация

e-mail: kalashnikovrgani@mail.ru

Аннотация. В статье отражен процесс перехода публикации исторических источников от печатного варианта в онлайн-вариант публикации на примере одного из основных источников по изучению Столетней войны — средневековых французских «Хроник» Жана Фруассара.

Ключевые слова: онлайн-публикации, средневековые хроники, Столетняя война, Жан Фруассар.

ONLINE PUBLICATIONS OF PRIMERY SOURCES AS AN ELEMENT OF INCREASING ACESS TO INFORMATION IN TODAY'S DIGITAL SOCIETY: BASED ON MEDIEVAL «CHRONICLES» BY JEAN FROISSART

Kalashnikov Aleksandr Mikhailovich

Deputy Head of the Division of Scientific Reference apparatus and
Retrieval systems of the Russian State Archive of Contemporary History

Moscow, Russian Federation

e-mail: kalashnikovrgani@mail.ru

Abstract. This article shows the transition process of primary source publications in print form to online publications. It relays on the example of one of the main sources for the Hundred Year's War — medieval French «Chronicles» by Jean Froissart.

Keywords: online-publications, medieval chronicles, Hundred Year's War, Jean Froissart.

С развитием информационных технологий и сети Интернет современное общество становится все более требовательным к полу-

чению информации. Пользователь привык получать необходимую ему информацию в кратчайшие сроки при помощи персонального компьютера либо при помощи своего смартфона или другого девайса, у которого есть выход в Интернет. Обычные библиотеки теряют свою востребованность, уступая онлайн-библиотекам, где можно бесплатно или за малую сумму просмотреть или скачать необходимую литературу. Поэтому в последние годы широкое распространение получили онлайн-публикации документов в сети Интернет, позволяющие получить доступ к ним очень большому количеству пользователей. Создаются специальные порталы и тематические сообщества в социальных сетях, где любой пользователь может совершенно спокойно загрузить свою версию публикации того или иного документа. Благодаря этому появляются множество любительских переводов исторических источников по истории зарубежных стран. Особую популярность в сети Интернет обрели публикации миниатюр из средневековых манускриптов. В этой области можно отметить интернет-сообщества «Страдающее Средневековье» и «Высокое Средневековье», которые одни из первых начали практику публикации миниатюр в Интернете в России (на основе публикаций данных сообществ в 2018 г. совместно с администрацией сообществ вышла книга «Страдающее Средневековье» [1]). Что касается письменных источников, можно увидеть переход публикации источника от бумажного варианта к электронной версии, которая выкладывается на различных порталах. В России такой переход можно проследить на примере публикации средневековых французских «Хроник» Жана Фруассара.

Жан Фруассар — французский историк, писатель и поэт XIV в. Сведения о его биографии крайне скудны. Ученые располагают лишь той информацией, которую сам автор оставил в «Хрониках» о себе. Согласно тексту «Хроник» семья Фруассара была из круга зажиточных горожан Валансьена, графства Геннегау. За свою жизнь Фруассар побывал писарем в Праге при короле Карле IV Люксембургском, а также служил хронистом при английском дворе. Считается, что именно в это время он начал писать первые главы своих хроник.

«Хроники» Фруассара являются одним из главных и важнейших источников по изучению Столетней войны. Центральным сюжетом хро-

ник является англо-французский конфликт, однако Фруассар описывает и другие тематики. В «Хрониках» можно встретить описания событий, посвященных рождению королевских особ, их бракосочетанию и смерти.

«Хроники» состоят из четырех книг и затрагивают период с 1322 по 1400 г. Большой интерес у ученых вызывает первая книга, имеющая несколько редакций, ввиду того что в некоторых редакциях автор более лоялен к англичанам, а в других — к французам. Над данной книгой Фруассар работал на протяжении всей жизни (в отличие от других книг «Хроник», на которые он потратил не более двух десятилетий). В настоящее время выделяют три редакции: «Римский манускрипт», «Амьенский манускрипт» и манускрипты «семейства А/В». В научном сообществе нет единого мнения, в какой последовательности были написаны данные редакции, поэтому в рамках обозначенной темы нецелесообразно поднимать данный вопрос. В Европе этот документ вызывает большой интерес как у исследователей, так и у обычных людей, интересующихся историей Столетней войны. Хроники были переведены на множество европейских языков и неоднократно переиздавались. При этом в отечественной медиэвистике практически отсутствуют работы, посвященные как самим «Хроникам», так и личности Фруассара. Можно отметить работы Акимовой Елены Юрьевной [2], которая рассматривала различные аспекты хроник Фруассара. Затрагивая интересующиеся ей темы, она довольно кратко описывает вопросы издания «Хроник» и биографии поэта. Также отечественная медиэвистика не может похвастаться обширными переводами самого текста. На русский язык была переведена лишь часть труда Фруассара. Публикации перевода «Хроник» были выполнены, в основном, с французских публикаций XIX в. Тем не менее некоторые работы берут за основу английский перевод XIX в.

В отечественной науке «Хроники» первоначально переводились главами и предназначались, в основном, для хрестоматий. Отдельный и даже более оживленный интерес в России вызвали миниатюры из манускриптов, которые были выложены в сети Интернет (судя по всему, образы были взяты с портала Национальной библиотеки Франции «Gallica» [3], где представлены отсканированные редакции «Хроник»). Дополнительную популярность в нашей стране миниатю-

ры из «Хроник» приобрели благодаря юмористическому сообществу «Страдающее Средневековье», где некоторые из миниатюр представлялись с юмористическими комментариями к ним.

В 2007 г. на русском языке была опубликована первая глава четвертой книги «Хроник» в переводе Акимовой Елены Юрьевны [4]. Отрывок посвящен торжественному въезду французской королевы Изабеллы Баварской в Париж. Публикация содержит научный комментарий к отрывку, раскрывающий восприятие горожан королевской власти.

В 2008 г. вышла новая публикация по «Хроникам» Фруассара [5]. По сути, это первая крупная научная публикация в России. Перевод был выполнен М. В. Аникиевым — переводчиком и специалистом по изучению «Хроник» Фруассара. Данное издание охватывает события, описанные в первой книге хрониста, а именно период с 1325 по 1340 г. В публикацию входит перевод всех трех редакций хроник. Публикация содержит довольно обширный научно-справочный аппарат. Помимо стандартных элементов, таких как именной и географический указатель, научный комментарий автора, публикация содержит генеалогические таблицы благородных домов, что является довольно важным дополнением для тех, кто увлекается средневековой историей Запада.

В 2012 г. вышло продолжение перевода «Хроник» от М. В. Аникиева [6]. Во втором томе рассказывается о дальнейших событиях, которые происходили в течение одного десятилетия: с 1340 по 1350 г.

Структура издания не претерпела изменений. Значимым отличием данной публикации является то, что помимо самих хроник в приложении были опубликованы различные документы времен Столетней войны, что дает более обширную картину происходящим событиям.

На двух печатных томах работа над «Хрониками» не закончилась. В 2014 г. при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований началась онлайн-публикация «Хроник». М. В. Акиниевым был подготовлен научный перевод второй книги и некоторых отрывков третьей книги Фруассара, которая была опубликована на сайте Русской христианской гуманитарной академии [7].

Помимо печатных и сетевых версий «Хроник», которые выходили в переводе М. В. Аникиева, существует другая онлайн-публикация данного источника от, судя по всему, независимого исследователя Д. Н. Ракова, которая была выпущена под названием «Хроники Англии, Франции, Испании и соседних стран».

Данный перевод сделан с американского издания XIX в., выполненного Томасом Джонсом. Отличие данного перевода автор автор видит в том, что: «Русский перевод, начатый в 2008 г., основан на французском переводе Амьенского и Римского манускриптов, которые весьма существенно отличаются и друг от друга и от „семейства А/В“. Перевод рукописей семейства А/В представлен в российском издании лишь в отдельных фрагментах, причем они заметно отличаются от перевода Джонса (хотя и значительно ближе к нему, чем Амьенский и Римский манускрипты)» [8].

Перевод опубликован на интернет-портале «Восточная литература. Средневековые источники Востока и Запада» [9]. Начатый еще 2009 г., он дополняется по сегодняшний день. Последнее дополнение перевода на данный момент было сделано в 2019 г. (главы 169–179 второй книги Фруассара).

В завершение необходимо сказать, что «Хроники» Фруассара вызывают довольно большой интерес среди публикаторов. Тем не менее на данный момент на русском языке опубликована лишь малая часть всего источника. Стоит заметить, что серия публикаций данного источника прекратилась после публикации второго тома М. В. Аникиева. Онлайн же публикация М. В. Аникиева представляет собой более хаотичный перевод, чем текстовый вариант, хотя и содержит довольно подробный научно-справочный аппарат. Перевод Д. Н. Ракова, который, видимо, делается на энтузиазме автора, публикуется хоть и стабильно, но довольно медленно. Поэтому можно сделать вывод о том, что полностью публикацию «Хроник» не стоит ждать ближайшие годы.

При этом стоит отметить, что благодаря тому, что «Хроники» начали публиковаться в Интернете, они обрели популярность среди пользователей Интернета, которые интересуются историей. На данный момент разные переводы уже размещены на многих ресурсах, в том числе на порталах онлайн-библиотек и в тематических группах

в социальных сетях, таких как «ВКонтакте» или Facebook, что позволяет беспрепятственно ознакомиться с историей Столетней войны.

Таким образом, такой вид публикаций, как онлайн-публикации, расширяют охват аудитории, затрагивая не только тех, кто специализируется на истории того или иного периода, но тех, кто просто интересуется историей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Страдающее Средневековье. — Электрон. Дан. — [М., б. д]. — <https://vk.com/souffrantmittelalter>.

2. Акимова Е. Ю. Восприятие горожанами королевской власти: торжественный въезд Изабеллы Баварской в Париж (по хронике Фруассара) // Средневековый город. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2007. — Вып. 18. — С. 71–85; Особенности благочестия рыцарства (по хроникам Ле Бея и Фруассара) // Вестник СГСЭУ. — Саратов: Изд-во СГСЭУ, 2007. — № 18 (4). — С. 125–127.

3. Bibliothèque nationale de France. «Gallica». — Электрон. Дан. — [М., б. д]. — <https://gallica.bnf.fr/accueil/fr/content/accueil-fr?mode=desktop>.

4. Акимова Е. Ю. Восприятие горожанами королевской власти торжественный въезд Изабеллы Баварской в Париж (по хронике Фруассара) // Средневековый город. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та. — 2007. — Вып. 18. — С. 71–85.

5. Фруассар Ж. Хроники 1325–1340 / пер. и прим. М. В. Аникеева; под науч. ред. Ю. П. Малинина. — СПб.: Издательство СПбГУ, 2009. — 654 с.

6. Фруассар Ж. Хроники 1340–1350 / пер. и прим. М. В. Аникеева; под науч. ред. Ю. П. Малинина. — СПб.: Издательство СПбГУ, 2009. — 854 с.

7. «Хроники» Жана Фруассара. — Электрон. Дан. — [М., б. д]. — <http://rhga.ru/science/proe/rgnf/25.php>.

8. Хроники Англии, Франции, Испании и соседних стран. — Электрон. Дан. — [М., б. д]. — <http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Froissart/predperev.phtml?id=6112>.

9. Восточная литература. Средневековые источники Востока и Запада. — Электрон. Дан. — [М., б. д]. — <http://www.vostlit.info>.

КЛАССИФИКАЦИЯ АРХИВНЫХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ И ОНЛАЙН- ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРХИВНЫХ СПРАВОЧНИКОВ

Муравьева Наталья Александровна

Преподаватель кафедры архивоведения

Российского государственного гуманитарного университета

Москва, Российская Федерация

e-mail: kafedra_aia@rggu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы, связанные с классификацией архивных интернет-ресурсов и онлайн-представлением архивных справочников. Анализируются способы размещения и состав архивных справочников, представляемых на сайтах федеральных архивов. Затрагивается вопрос о систематизации сведений об архивных интернет-ресурсах.

Ключевые слова: информационный ресурс, архивный интернет-ресурс, электронные архивные справочники.

CLASSIFICATION OF ARCHIVAL INTERNET RESOURCES AND ONLINE REPRESENTATION OF ARCHIVAL DIRECTORIES

Muravyeva Natalya Alexandrovna

Lecturer of the Department of Archival Studies of the

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russian Federation

e-mail: kafedra_aia@rggu.ru

Abstract. The article discusses the main problems associated with the classification of archived Internet resources and the online presentation of archival directories. The methods of placement and the composition of archival directories presented on the sites of federal archives are analyzed. It raises the issue of systematizing information about archived Internet resources.

Keywords: information resource, archival Internet resource, electronic archival directories.

Термин «информационный ресурс» широко используется в архивной сфере [1], однако в нормативных актах или стандартах он не закреплен. Е. В. Боброва отмечает, что архивные информационные ресурсы могут быть реализованы в различной форме, в том числе как сайты или их разделы.

Содержательно это тематические электронные ресурсы, включающие электронные копии документов и/или научно-справочный аппарат (далее — НСА) к документам Архивного фонда Российской Федерации [2]. Похожая классификация архивных интернет-ресурсов, которую автор считает поверхностной, содержится в статье Ю. Ю. Юмашевой. Элементами классификации являются: электронный научно-справочный аппарат в различных комбинациях и вариантах представления; электронные копии архивных документов в составе различных ресурсов; проекты, в том числе исследовательские, выполненные на основе архивной документации и представленные на сайте архивной службы / архива [3].

Данная классификация ориентирована, в первую очередь, на пользователей архивных документов. Для оценки развития архивной отрасли в регионах и в целом в стране огромное значение имеют информационные ресурсы, предоставляющие информацию об основных направлениях работы архивных учреждений, а также Росархива — нормативно-правовая, методическая, статистическая и аналитическая информация по архивному делу.

В связи с этим можно говорить об узком и широком понимании архивных информационных ресурсов в Интернете как сайте / разделе сайта, содержащем сведения: 1) об архивных документах в форме справочных средств и копий архивных документов; 2) об основных направлениях работы архива / органа управления архивным делом, справочно-поисковых средствах к архивным документам, самих этих средствах (архивных справочниках) и копиях документов.

Современное состояние проблемы представления на сайтах государственных архивов НСА, а также копий архивных документов объясняется двумя главными факторами:

- 1) отсутствием единых подходов и, соответственно, нормативно установленных требований к ведению сайтов архивных учреждений;

2) технологическими аспектами разработки, ведения и продвижения сайта.

В докладе руководителя Федерального архивного агентства А. Н. Артизова «О стратегических подходах к размещению архивной информации в сети Интернет» (8 октября 2014 г., Санкт-Петербург) отмечается, что задача представления НСА архива «целиком ложится на плечи конкретных архивов и имеет разные варианты решения» [4]. Отмечается, что «Росархив не будет диктовать, какую форму представления информации о НСА следует выбрать конкретному региону или архиву. Однако представляется целесообразным стремиться к унифицированному подходу и созданию объединенных информационных систем, функционирующих на единых принципах, понятных как пользователям, так и самим архивистам» [5]. Данная позиция подкрепляется отсутствием какого-либо нормативного документа, касающегося вопросов создания и ведения сайта архивного учреждения, за исключением рекомендаций по созданию архивного сайта в Интернете (2001) [6]. Однако и данные рекомендации в части состава размещаемой информации выполняются не полностью.

Е. В. Боброва, проанализировав нормативную базу работы государственных архивов, заключает, что «сайты архивных учреждений и размещаемые на них электронные версии НСА не являются отдельным специфическим направлением деятельности архивных учреждений» [7]. Исследователь отмечает, что «неработанность нормативной базы, отсутствие стандартов на представление тех или иных видов информации на архивных сайтах в свою очередь приводят к различным проблемам с практической реализацией онлайн-архивных информационных ресурсов» [8].

В настоящее время проблема классификации архивных интернет-ресурсов становится, на наш взгляд, все более глубокой и серьезной, связанной, с одной стороны, с развитием системы электронных справочно-поисковых средств архивов в целом, с другой стороны, с развитием технологий их представления в сети Интернет.

Представление архивных справочников в сети Интернет подразумевает два разных процесса — представление информации

о справочных средствах архива и представление самих архивных справочников. В первом случае речь идет о том, в каких разделах сайта и какие именно справочные средства архива размещаются. Самостоятельность архива в этом вопросе далеко не всегда обеспечивает быстрый и результативный поиск нужной исследователю информации.

Во втором случае подразумевается технология представления самих архивных справочников, которая может иметь различные формы в зависимости от состояния носителей, а также качества описания документной информации в традиционных архивных справочниках. Однако какой бы ни была форма представления справочника на сайте архивного учреждения, обязательные элементы описательной статьи справочника должны быть доступны исследователю. Технические аспекты представления архивных справочников анализирует в своих статьях Е. В. Боброва [9]. Можно заметить, что в настоящее время работа по продвижению, актуализации сайта архивного учреждения в сети Интернет, как и любого другого сайта, является специальным направлением услуг в сфере ИТ-технологий.

Вопросы представления информации о справочных средствах и состава представляемых архивных справочников затронуты в данной статье. В результате анализа сайтов федеральных архивов были выявлены ряд особенностей представления архивных справочников в составе информационных ресурсов сайта.

1. Особенности логического представления НСА в структуре сайта:

1.1. Информация о НСА архива (описание НСА) и/или информация об НСА сайта представлена в целом в разделе «Научно-справочный аппарат» с возможностью перехода к просмотру определенных архивных справочников на сайтах:

— РГВИА — представлена подробная иерархическая схема НСА архива; раздел включает подразделы: «Перечень фондов», «Путеводители», «Внутриархивные справочники» (в том числе описи, каталоги, указатели документов межфондовые, указатели к документам фондовые, указатели к описям, указатели к описям (как элемент

справочного аппарата описи), обзоры документов тематические, обзоры документов фондовые), «Тематические перечни» [10];

— РГАЭ — общее описание раздела «Научно-справочный аппарат» отсутствует; раздел включает подразделы: «Путеводители», «Электронные описи», «Списки фондов», «Тематические перечни» [11];

— РГА в г. Самаре — раздел «НСА» есть в строке меню главной страницы. В разделе в выпадающем меню перечислены архивные справочники (путеводитель, новые поступления, сведения о документах РГА в г. Самаре по личному составу, базы данных, базы данных онлайн, каталоги, описи, обзоры, тематические перечни и каталоги, справочно-информационные издания). Общего описания НСА архива/сайта нет [12];

— РГАНТД — раздел «Электронные каталоги, базы данных и путеводители». В этом же разделе представлены перечни документов по темам [13]. Частично состав НСА архива дублируется в разделе «Фонды», в котором есть подразделы «Путеводители по фондам», «Перечни документов» [14];

— РГАФД — присутствует раздел «Научно-справочный аппарат», включающий подразделы: «Фонды РГАФД», «База данных РГАФД», «Обзоры фондов», «Тематические каталоги», «Внутриархивные справочники» [15]. В последнем разделе содержится описание системы внутриархивных справочников [16];

— РГАКФД — присутствует раздел «НСА». Включает подразделы: «Общее описание», «Электронный кинокаталог», «Электронный видеокаталог», «Электронный фотокаталог», «English language film catalog» (каталог фильмов на английском языке), «Путеводитель по РГАКФД», «Справочно-информационный фонд» [17];

— РГАНИ — раздел «НСА» включает подразделы: «Внутриархивные справочники», «Справочно-информационные издания» [18]. Первый содержит справочники и путеводители по фондам РГАНИ [19]; второй — общие справочники по фондам российских и зарубежных архивов, в которых есть информация о фондах РГАНИ, а также специализированные справочники [20]. Кроме этого, информация об архивных фондах и описях присутствует в разделе «Фонды» (подраздел «Список фондов») [21].

1.2. Раздел «НСА» отсутствует. Сведения об НСА представляются в разделе «Фонды»:

— ГАРФ — представлены только описи [22];

— РГАСПИ — раздел «Фонды» включает подразделы: «Характеристика фондов», «Электронные ресурсы», «Музей», «Уникальные», «Путеводители», «Список фондов и описей», «Рассекреченные», «Обзор фондов» [23];

— РГИА Дальнего Востока — раздел включает только список фондов [24].

1.3. Раздел «Научно-справочный аппарат» отсутствует. Архивные справочники рассредоточены, т. е. находятся в разных разделах сайта:

— РГАДА — разделы: «Описи», «Базы данных», «Справочники» [25];

— РГИА — разделы: «Путеводитель по фондам», «Реестр описей», «Указатели» (подразделы указателя: «Именной», «Географический», «Предметный», «Топографический», «Адрес-календарь», «Тематические перечни») [26];

— РГАЛИ — разделы: «Путеводитель по фондам», «Список фондов», «Электронный каталог» (подразделы каталога: «Схема классификации», «Литература», «Искусство», «Персоны», «Организации», «Географический указатель», «Темы», «Каталог печатных изданий») [27];

— РГАВМФ — справочники представлены в двух разделах: «Фонды и описи РГАВМФ» [28], «Справочники по фондам» (подразделы: «Путеводители», «Реестр описей фондов», «Справочник по фондам», «Справочник по фондам (Балтийский флот)», «Справочник по фондам (Корабли и суда)», «Справочник по фондам (Северный флот)», «Справочник по фондам (Тихоокеанский флот)», «Справочник по фондам (Флотилии)», «Справочник по фондам (Черноморский флот)» [29];

— РГВА — архивные справочники представлены в трех разделах: «Читальный зал» (подраздел «Электронные описи»), «Публикации архива» (подраздел «Путеводители и справочники»), «Научно-справочный аппарат» (подраздел «Электронные описи») [30].

В целом можно указать на два способа представления архивных справочников: централизованный — в разделе «Научно-справочный

аппарат» (или «НСА») или разделе «Фонды»; децентрализованный (рассредоточенный) — в различных разделах сайта. На портале «Архивы России» в разделе «Федеральные архивные учреждения» описание НСА представлено только для двух архивов: РГАДА [31] и РГАВМФ [32].

2. Состав представляемых архивных справочников.

Анализ сайтов федеральных архивов показал различия по составу представляемых справочников. Нормативными и методическими документами определяется состав и принципы построения справочной системы архива, а также требования к составлению самих справочников, в том числе описательных статей. Согласно Правилам 2007 г. «комплекс взаимосвязанных и взаимодополняемых, создаваемых на единой научно-методической основе архивных справочников о составе и содержании архивных документов (система научно-справочного аппарата (НСА) архива) включает обязательные для ведения в архиве архивные справочники (опись дел, документов; путеводитель; систематический каталог) и дополнительные архивные справочники (указатель; обзор)».

Сложно в полной мере регламентировать вопрос, какие именно справочники должен архив представить на сайте, поскольку каждый архив помимо обязательных справочников имеет дополнительные, создаваемые с учетом специфики состава документов. Однако в ряде случаев на сайтах, имеющих раздел «НСА», в разделе представлены не только разные типы справочников, но и документы, не являющиеся архивными справочниками с учетом положений Правил 2007 г. Кроме того, состав справочников одних и тех же разделов довольно сильно различается на сайтах разных архивов. В ряде случаев на сайте одного архива информация о справочных средствах помещается в разных разделах.

В таблице дан перечень всех архивных справочников и других поисковых средств, имеющихся, а также включаемых в раздел НСА, на различных сайтах.

Название справочника	Архив	Раздел, подраздел, в состав которого включен справочник	Ссылка
Путеводители, справочники по фондам архива	РГВИА	Научно-справочный аппарат	http://xn--80adcv1b.xn--p1ai/nsa.shtml
	РГИА	Путеводитель по фондам	http://www.fgurgia.ru/type/rubricator#!page:1/o:382206322/p:1
	РГАСПИ	Фонды	http://rgaspi.org/funds/putevoditeli/
	РГАНИ	Внутриархивные справочники	http://xn--80afqtm.xn--p1ai/nsa/vnutriarkhivnye-spravochniki.shtml
	РГАЭ	Научно-справочный аппарат	http://rgae.ru/nsa/putevoditeli.shtml
	РГАЛИ	Путеводитель по фондам	https://rgali.ru/obj/11049861
	РГА в г. Самаре	НСА — Путеводитель НСА — Справочно-информационные издания	http://guides.rusarchives.ru/guides/36/19/filial-rgantd-v-samare-2007 http://samara.rgantd.ru/personnel/handbook/
	РГАНТД	Электронные каталоги, базы данных и путеводители Фонды РГАНТД	http://rgantd.ru/elektronnye-katalogi-bazy-dannykh-i-putevoditeli.shtml http://rgantd.ru/fondy-rgantd/putevoditeli-po-fondam.shtml
	РГАКФД	НСА	http://rgakfd.ru/spravochno-informacionnyy-fond
	РГАВМФ	Справочники по фондам	https://rgavmf.ru/spravochniki-po-fondam
Список фондов	РГВА	Публикации архива	http://rgvarchive.ru/publikatsii/putevoditeli-i-spravochniki.shtml
	РГИА ДВ	Фонды	http://rgiadv.ru/fonds/spisok-fondov/

Продолжение таблицы

Название справочника	Архив	Раздел, подраздел, в состав которого включен справочник	Ссылка
Описи	РГВИА	Научно-справочный аппарат	http://xn--80adcv1b.xn--p1ai/nsa.shtml
	РГАДА	Описи	http://rgada.info/poisk/index.php?fund_number=&fund_name=&list_number=&list_name=&Sk=30&B1=+++%D0%9D%D0%B0%D0%B9%D1%82%D0%B8+++
	РГИА	Реестр описей	http://www.fgurgia.ru/type/stocks#!
	ГАРФ	Фонды	http://statearchive.ru/funds.html
	РГАЭ	Научно-справочный аппарат	http://rgae.ru/nsa/e-opisi.shtml
	РГАВМФ	Фонды и описи	https://rgavmf.ru/fond/1
	РГВА	Научно-справочный аппарат Читальный зал	http://opisi.rgvarchive.ru/
			http://opisi.rgvarchive.ru/
РГАЛИ	Список фондов	https://rgali.ru/type/stocks	
Списки, реестры описей	РГАСПИ	Фонды — Список фондов и описей	http://rgaspi.org/funds/spisok_opisei/
	РГАНИ	Фонды — Список фондов	http://xn--80afqtm.xn--p1ai/spisok-fondov.shtml
	РГАВМФ	Справочники по фондам	https://rgavmf.ru/spravochniki-po-fondam/reestr-opisey-fondov-1696-1917/fondy-451-500
Каталоги	РГВИА	Научно-справочный аппарат	http://xn--80adcv1b.xn--p1ai/nsa.shtml
	РГА в г. Самаре	НСА — Каталоги (приводится описание системы каталогов) НСА — Тематические каталоги НСА — Справочно-информационные издания	http://samara.rgantd.ru/personnel/catalogue/ http://samara.rgantd.ru/personnel/enumerations/ http://samara.rgantd.ru/personnel/handbook/

Продолжение таблицы

Название справочника	Архив	Раздел, подраздел, в состав которого включен справочник	Ссылка
Каталоги	РГАНТД	Электронные каталоги, базы данных и путеводители	http://rgantd.ru/elektronnye-katalogi-bazy-dannykh-i-putevoditeli.shtml
	РГАФД	Научно-справочный аппарат	http://xn--80afe9bwa.xn--p1ai/nauchno-spravochnyi-apparat.shtml
	РГАКФД	НСА	http://rgakfd.ru/spravochno-informacionnyy-fond
Указатели	РГВИА	Научно-справочный аппарат	http://xn--80adcv1b.xn--p1ai/nsa.shtml
	РГАДА	Справочники	http://rgada.info/sprav/index.php?T1=&Sk=30&B1=%D0%9D%D0%B0%D0%B9%D1%82%D0%B8
	РГИА	Указатели	http://www.fgurgia.ru/#!
	РГАЛИ	Электронный каталог	https://rgali.ru/type/addressind#
Базы данных	РГАДА	Базы данных	http://rgada.info/index.php?page=8
	РГА в г. Самаре	НСА	http://samara.rgantd.ru/personnel/bases/
	РГАНТД	Электронные каталоги, базы данных и путеводители	http://rgantd.ru/elektronnye-katalogi-bazy-dannykh-i-putevoditeli.shtml
	РГАФД	Научно-справочный аппарат	http://xn--80afe9bwa.xn--p1ai/nauchno-spravochnyi-apparat.shtml
Обзоры	РГВИА	Научно-справочный аппарат	http://xn--80adcv1b.xn--p1ai/nsa.shtml
	РГАДА	Справочники	http://rgada.info/sprav/index.php?T1=&Sk=30&B1=%D0%9D%D0%B0%D0%B9%D1%82%D0%B8
	РГА в г. Самаре	НСА	http://samara.rgantd.ru/personnel/review/
	РГАСПИ	Фонды	http://rgaspi.info/obzor-fondov/
	РГАФД	Научно-справочный аппарат	http://xn--80afe9bwa.xn--p1ai/nauchno-spravochnyi-apparat.shtml

Окончание таблицы

Название справочника	Архив	Раздел, подраздел, в состав которого включен справочник	Ссылка
Тематические перечни документов	РГВИА	Научно-справочный аппарат	http://xn--80adcv1b.xn--plai/nsa.shtml
	РГИА	Указатели	http://www.fgurgia.ru/object/312206481?#!page:1/o:312206481/p:1
	РГАЭ	Научно-справочный аппарат	http://rgae.ru/nsa/tematicheskie-perechni.shtml
	РГА в г. Самаре	НСА	http://samara.rgantd.ru/personnel/enumerations/
	РГАНТД	Фонды РГАНТД Электронные каталоги, базы данных и путеводители	http://rgantd.ru/fondy-rgantd/tematicheskie-perechni.shtml http://rgantd.ru/elektronnye-katalogi-bazy-dannykh-i-putevoditeli.shtml
Сведения о документах по личному составу	РГА в г. Самаре	НСА	http://samara.rgantd.ru/personnel/staffdocs/
	РГА НТД	Фонды РГАНТД	http://rgantd.ru/fondy-rgantd/dokumenty-po-lichnomu-sostavu.shtml

В целом недостаточная разработанность вопроса о способах представления информации об архивных справочниках и самих архивных справочников с точки зрения их состава приводит к возникновению ряда проблем.

Во-первых, сложность поиска информации. Обращаясь к сайтам разных архивов, исследователь вынужден каждый раз искать путь доступа. Карта сайта отчасти облегчает этот поиск. В некоторых случаях исследователю сложно найти на сайте тот или иной справочник, заранее не зная о нем.

Во-вторых, различные варианты представления НСА на сайте архива приводят к формированию у исследователей искаженного понятия о системе архивных справочников — ее составе, обязатель-

ных и дополнительных справочниках. Для исследователя становится неясным, почему тот или иной справочник представлен или не представлен на сайте архива и может, должен ли он быть в каждом архиве.

В-третьих, проблема представления НСА онлайн затрагивает теоретические аспекты современного архивоведения — какие именно архивные справочники включаются в настоящее время в состав НСА архива, какие из них являются обязательными, а какие дополнительными.

В-четвертых, в связи с различными вариантами представления архивных справочников на сайтах архивных учреждений возникает проблема упорядочения (систематизации) сведений об онлайн-архивных информационных ресурсах. Чем многообразнее способы представления архивных справочников и их состав, тем сложнее проводить работу по их систематизации. Представляется актуальным размещение на сайте каждого архива описания и схемы НСА архива, т. е. создание справочников о системе справочных средств архива. Одним из первых таких справочников можно считать реестр описей (который одновременно является учетным документом архива). Сводные сведения об имеющихся архивных справочниках приводятся на сайте Федерального архивного агентства на странице ссылок на различные архивные справочники [33]. Систематизированные сведения об архивных интернет-ресурсах представлены на сайте «Веб-архив» [34]. Однако в конечном итоге необходим единый ресурс, представляющий систематизированные сведения обо всех онлайн-ресурсах государственных архивов по четко разработанной схеме и научно обоснованным признакам классификации с учетом традиционной классификации архивных справочников.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. например: Концепция информатизации Федерального архивного агентства и подведомственных ему учреждений (2011–2020).
2. Боброва Е. В. Совершенствование работы по формированию онлайн-архивных ресурсов // Отечественные архивы. — 2014. — № 6. — С. 27–33.

3. Юмашева Ю. Ю. Документные ресурсы зарубежных архивов в сети Интернет: электронный научно-справочный аппарат (часть первая) // Историческая информатика. — 2018. — № 2. — С. 75–100. DOI: 10.7256/2585-7797.2018.2.26554. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26554 (дата обращения: 10 ноября 2019 г.).

4. URL: <http://archives.ru/reporting/report-artizov-2014-sovet.shtml> (дата обращения: 10 ноября 2019 г.).

5. URL: <http://archives.ru/reporting/report-artizov-2014-sovet.shtml> (дата обращения 10 ноября 2019 г.).

6. URL: <http://portal.rusarchives.ru/methodics/sait.shtml> (дата обращения: 10 ноября 2019 г.).

7. Боброва Е. В. Совершенствование работы по формированию онлайн-архивных ресурсов // Отечественные архивы. — 2014. — № 6. — С. 28.

8. Там же.

9. См.: Боброва Е. В. Совершенствование работы по формированию онлайн-архивных ресурсов // Отечественные архивы. — 2014. — № 6; ее же. Сайты российских архивов: взгляд пользователя // Отечественные архивы. — 2018. — № 6. — URL: <http://www.rusarchives.ru/publikacii/otechestvennye-arhivy/5083/bobrova-sayty-rossijskih-arhivov-vzglyad-polzovatelya> (дата обращения 10 ноября 2019 г.).

10. URL: <http://xn--80adcv1b.xn--plai/nsa.shtml> (дата обращения: 18 ноября 2019 г.).

11. URL: http://rgae.ru/nsa_.shtml (дата обращения: 18 ноября 2019 г.).

12. URL: <http://samara.rgantd.ru/> (дата обращения: 18 ноября 2019 г.).

13. URL: <http://rgantd.ru/elektronnye-katalogi-bazy-dannykh-i-putevoditeli.shtml> (дата обращения 18 ноября 2019 г.).

14. URL: <http://rgantd.ru/fondy-rgantd.shtml> (дата обращения: 18 ноября 2019 г.).

15. URL: <http://xn--80afe9bwa.xn--plai/nauchno-spravochnyi-apparat.shtml> (дата обращения: 18 ноября 2019 г.).

16. URL: <http://xn--80afe9bwa.xn--plai/nauchno-spravochnyi-apparat/spravochniki.shtml> (дата обращения: 18 ноября 2019 г.).

17. URL: <http://rgakfd.ru/> (дата обращения: 18 ноября 2019 г.).

18. URL: <http://xn--80afqtm.xn--plai/nauchno-spravochnyi-apparat>

shtml (дата обращения: 18 ноября 2019 г.).

19. URL: <http://xn--80afqtm.xn--plai/nsa/vnutriarkhivnye-spravochniki.shtml> (дата обращения: 18 ноября 2019 г.).

20. URL: <http://xn--80afqtm.xn--plai/nsa/spravочно-informatsionnye-izdaniya.shtml> (дата обращения: 18 ноября 2019 г.).

21. URL: <http://xn--80afqtm.xn--plai/spisok-fondov.shtml> (дата обращения: 18 ноября 2019 г.).

22. URL: <http://statearchive.ru/383> (дата обращения: 18 ноября 2019 г.).

23. URL: <http://rgaspi.org/funds/> (дата обращения: 18 ноября 2019 г.).

24. URL: <http://rgiadv.ru/fonds/spisok-fondov/> (дата обращения: 18 ноября 2019 г.).

25. URL: <http://rgada.info/index.php> (дата обращения: 18 ноября 2019 г.).

26. URL: <http://www.fgurgia.ru/#!> (дата обращения: 18 ноября 2019 г.).

27. URL: <https://rgali.ru/#> (дата обращения: 18 ноября 2019 г.).

28. URL: <https://rgavmf.ru/fond> (дата обращения: 18 ноября 2019 г.).

29. URL: <https://rgavmf.ru/spravochniki-po-fondam> (дата обращения: 18 ноября 2019 г.).

30. URL: <http://rgvarchive.ru/> (дата обращения: 18 ноября 2019 г.).

31. URL: <http://www.rusarchives.ru/federal/rgada> (дата обращения: 16 ноября 2019 г.).

32. URL: <http://www.rusarchives.ru/federal/rgavmf> (дата обращения: 16 ноября 2019 г.).

33. URL: <http://archives.ru/search-systems-catalog.shtml> (дата обращения: 16 ноября 2019 г.).

34. URL: <https://web-archiv.ru/> (дата обращения: 16 ноября 2019 г.).

КОНВЕРСИЯ ИНФОРМАЦИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ В СОВРЕМЕННОМ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕ

Славко Татьяна Ивановна

Доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры государственного и муниципального управления Выборгского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Выборг, Российская Федерация
e-mail: tislavko@yandex.ru

Аннотация. Работа посвящена одной из важнейших проблем использования электронных документов — задачи конвертируемости информации с одного носителя на другой либо в условиях изменения технологических форматов. Автором рассматриваются вопросы, связанные с трансформацией документа в рамках вызовов цифрового общества.

Ключевые слова: электронные документы, конверсия информации, исторический опыт, цифровое общество.

ELECTRONIC DOCUMENT INFORMATION CONVERSION IN MODERN BUSINESS

Slavko Tatyana Ivanovna

Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of State and Municipal Administration of the Vyborg branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Vyborg, Russian Federation
e-mail: tislavko@yandex.ru

Abstract. The work is devoted to one of the most important problems of using electronic documents — the task of convertibility of information from one medium to another, or in conditions of changing technological formats. The author considers issues related to the transformation of the document in the framework of the challenges of the digital society.

Keywords: electronic documents, information conversion, historical experience, digital society.

В формировании информационной инфраструктуры в условиях цифрового общества особая роль принадлежит документоведам и архивистам. Это связано со сбором и передачей данных, в первую очередь, электронных, их хранением и обработкой, последующим вторичным использованием, что зафиксировано, например, в Профессиональном стандарте «Специалист по организационному и документационному обеспечению управления организацией», утвержденном Приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 6 мая 2015 г. № 276н. В качестве необходимых умений в нем предполагается знание Правил формирования и использования баз данных, а также современных научных методов и технических средств, способствующих «сбору, обработке, сохранению и передаче информации» [1].

Данная многообразная тема влечет за собой и множество пока еще слабоизученных или вообще нерешенных проблем, сдерживающих эффективное использование электронных документов и, если шире, — электронных источников для решения практических задач. Остановимся лишь на одном, хотя и важнейшем, вопросе — конверсии электронных документов как процессе их перемещения с одних носителей на другие (например, с бумажных в электронные) или из одного формата в другой (внутри самого электронного документа при изменении методологии и правил формирования и использования информационных ресурсов). При этом опускаем техническую сторону, сосредоточившись на документоведческих задачах. Ограниченные рамки статьи позволяют лишь поставить некоторые проблемы.

Конверсия информации электронных документов (ЭД) прежде всего связана с раскрытием методики перевода данных, зафиксированных на бумажных носителях, в электронную форму. Эта проблема была поставлена в отечественно историографии намного раньше, еще в 1960–1970-е гг., в связи с вовлечением в научный оборот массовых исторических источников и математических методов их анализа с помощью ЭВМ [2]. Началось сравнительно активное формирование исследовательских баз данных.

В советское время современная проблема конверсии обсуждалась в рамках проблемы измерения информации. Подчеркивалась важность задачи измерения сведений всех вводимых в базу данных источников

по единой методике с целью обеспечения сопоставимости информации, ее однородности в плане исследования поставленных проблем и др.

Проблема измерения информации изучалась в связи с анализом массовых исторических источников. В материалах, представленных в виде однородных формуляров или в форме, близкой к ним, проблема выделения признаков, отражающих массовые явления и процессы, практически не стояла, они были сформированы в процессе их создания. Учитывались лишь изменения в наборе и содержании признаков. Они происходили в разновидностях конкретного источника в зависимости от времени их создания и региональной принадлежности. Сложнее обстояло дело с малыми выборками и единичными источниками, которые попадали в базы данных лишь в качестве иллюстративного материала.

Для измерения признаков использовались наиболее распространенные в те годы четыре шкалы: шкала наименований (номинальная), порядковая, интервальная, шкала отношений. По шкале наименований значения признаков упорядочивались по содержанию, исходя из степени значимости или на основе естественного соотношения значений признака. Порядковая шкала носит название ранжирования, которое проводится по степени интенсивности. Обычно это делается по степени убывания частот появления конкретных значений признаков. В двух последних шкалах числовые значения признаков находятся на основе определенной меры или единицы измерения (это может быть величина интервала или единицы измерения).

В результате были выделены комплексы источников, позволяющие выявлять массовые тенденции и закономерности. Однако при этом подчеркивалась необходимость сохранения первичных материалов на бумажных носителях, поскольку любая формализация влекла за собой потерю информации, нередко — существенную. В этот и последующий периоды был разработан методический аппарат создания и использования реляционных баз данных.

В настоящее время многие проблемы, поставленные и изучаемые ранее, не потеряли свою актуальность. Наряду с этим возникли новые, требующие актуализации в рамках документоведения, архивоведения и источниковедения. В их числе — проблема конверсии данных.

Перемещение информации с бумажных носителей на электронные, создание на их основе баз данных связано с решением задачи: какую информацию из первоисточника и в каком объеме следует фиксировать и сохранять в ЭД. В этом случае методика конверсии данных непосредственно связана с процессами их систематизации и гармонизации. Понятия систематизации и гармонизации информации вводятся в проекте Федерального закона «О систематизации и гармонизации информации в Российской Федерации». В первом случае систематизация — это «упорядочение объектов систематизации по сходству или различию присущих им признаков, в результате которого осуществляется формирование и ведение информационного ресурса». Гармонизация информации предполагает «приведение информации в соответствие с доверенным источником путем применения установленных настоящим Федеральным законом методов гармонизации информации» [3]. В настоящее время разработка концепций систематизации информации и введения единых принципов ее кодирования нацелена на создание универсальной информационной среды, что, несомненно, положительно повлияет на разработку единых принципов преобразования данных с одних носителей на другие, а также внутри ЭД, поиска информации на различных технологических платформах [4]. Отсутствие таких возможностей ранее привело к безвозвратной потере огромного пласта информации, особенно баз данных, созданных в последние несколько десятилетий.

Методика конверсии данных зависит и от степени их гармонизации, связанной с доказательством достоверности информации, ее сопоставимости с различными информационными комплексами. В этом случае должны быть использованы не только технические средства анализа данных, но и классические приемы документоведения. Здесь же возникает проблема соотношения понятий аутентичности и гармонизации и их влияния на сохранность информации при ее конвертации.

При переводе бумажных документов в электронную форму требует обсуждения и проблема, связанная с тем, какие сопроводительные документы и в какой форме следует подготовить, чтобы у исследователя или практика в дальнейшем была возможность обоснования свойства аутентичности ЭД, т. е. идентичности заявленному, досто-

верности, целостности и пригодности для использования, т. е. свойств, зафиксированных в ГОСТ Р 7.0.0.8-2013 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» [5].

В настоящее время речь идет не только о реляционных базах данных, но и о базах нереляционного характера. При любом преобразовании письменных источников в электронный формат, предполагающий табличную форму, потеря информации компенсируется возможностью дальнейшего расширения реляционной базы данных, за счет использования скрытой информации в том числе. Это возможно при наличии первичных данных как в бумажном, так и в электронном формате.

На данном этапе активно разрабатываются программные инструменты, нацеленные на обработку больших данных (big data), обозначающих как структурированные, так и неструктурированные данные значительных объемов. Вместе с тем пока еще основное внимание сосредоточено на информационных технологиях технического свойства, а не на содержательном анализе информации. Последнее существенно сдерживает скорость обработки информации в условиях ее многообразия.

Итак, современный подход к формированию огромных массивов информации требует введения новых процедур работы с данными, предполагает развитие как информационных технологий, так и документоведческих подходов к обработке и анализу данных. При этом актуальным является принцип конвертации данных, без обоснования которого значительно затрудняется поиск нужной информации, обмен сведениями, их анализ. Дальнейшая разработка оптимальной методики конвертации данных будет способствовать меньшей потере информации и обеспечивать ее большую полноту и достоверность. В настоящее время эти процессы в основном связываются с государственными требованиями к информации. Обсуждение данных проблем в сфере научных исследований пока еще только начинается.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Профессиональный стандарт «Специалист по организационному и документационному обеспечению управления организацией», утвержденный Приказом Министерства труда и социальной защиты

Российской Федерации от 6 мая 2015 г. № 276н // Профессиональные стандарты. Программно-аппаратный комплекс. — URL: http://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-professionalnykh-standartov/index.php?ELEMENT_ID=45673 (дата обращения: 25 августа 2019 г.).

2. См., напр.: Корсунский А. Р. Проблемы измерения социальных явлений в исторических исследованиях и литературе // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. — М., 1975.

3. Проект федерального закона «О систематизации и гармонизации информации в Российской Федерации» // Экономика и жизнь. — URL: <https://www.eg-online.ru/document/law/376516/> (дата обращения: 27 августа 2019 г.).

4. См., напр.: Концепция методологии систематизации и кодирования информации, а также совершенствования и актуализации общероссийских классификаторов, реестров и информационных ресурсов // Российская газета. RG.RU. — URL: <https://rg.ru/2014/05/14/konceptsiya-site-dok.html> (дата обращения: 25 августа 2019 г.).

5. ГОСТ Р 7.0.0.8-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения (утв. Приказом Росстандарта от 17 октября 2013 г. № 1185-ст) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200108447> (дата обращения: 29 августа 2019 г.).

К ВОПРОСУ О СРОКАХ ПЕРЕДАЧИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ В АРХИВ

Суровцева Наталия Геннадиевна

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры автоматизированных систем документационного обеспечения управления
Российского государственного гуманитарного университета
Москва, Российская Федерация
e-mail: surovitseva.n@rggu.ru

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос о возможности и целесообразности передачи на хранение в государственный архив электронных документов, созданных без предварительного документирования на бумаге, в более ранние сроки, чем это определено законодательством Российской Федерации об архивном деле. Обозначена проблема необходимости более четкой регламентации хранения электронных документов со сроком хранения до десяти лет включительно.

Ключевые слова: электронный документ, архивное хранение электронных документов, сроки передачи электронных документов в государственный архив, сохранность электронных документов.

TO THE QUESTION OF THE TIMING OF THE TRANSFER OF ELECTRONIC RECORDS TO THE ARCHIVE

Surovtseva Natalia Gennadijevna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Automated Systems for Documentation Support of Management of the Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation
e-mail: surovitseva.n@rggu.ru

Abstract. The article considers the possibility and expediency of transfer to the state archive of electronic records, born electronic, at an earlier date than it is determined by the legislation of the Russian Federation on archival business. The problem of the need for a clearer regulation of the storage of electronic records with a shelf life of up to ten years inclusive is outlined.

Keywords: electronic record, archival storage of electronic records, the timing of the transfer of electronic records to the state archive, the preservation of electronic records.

Проблема архивного хранения электронных документов на протяжении нескольких лет остается самой актуальной в ряду других, связанных с электронными документами. Она предполагает поиск решений для целого комплекса вопросов, к числу которых относятся как теоретические, так и практические. Научного решения требуют следующие проблемы: определение понятия архивного электронного документа, возможность установления его подлинности, значение метаданных для обеспечения сохранности электронных документов, необходимость и возможность сохранения юридической силы электронного документа в архиве и др. Практические задачи обусловлены технологией реализации основных процессов архивных работ, которые подвергаются некоторым изменениям в связи с внедрением информационных технологий в архивы. К их числу относится и вопрос о сроках передачи электронных документов в архив.

Правовые нормы, содержащие требования к порядку и срокам выполнения отдельных процедур по передаче документов на бумажных носителях из делопроизводства в ведомственный, а затем в государственный архив, содержатся в Федеральном законе «Об архивном деле в Российской Федерации» и других нормативных и методических документах Росархива [1] и достаточно полно регламентируют этот процесс. Кратко напомним читателю последовательность этих работ.

Документы, срок хранения которых составляет до десяти лет включительно, передаче на архивное хранение не подлежат и хранятся в структурных подразделениях организации до момента их выделения к уничтожению. Документы с постоянным или временным (свыше десяти лет) сроком хранения подлежат передаче в архив организации. С этой целью еще в делопроизводстве проводятся работы по подготовке этих документов к архивному хранению. Они не могут быть переданы в архив и поставлены на архивный учет, пока не будут согласованы и утверждены годовые разделы описей дел (не ранее чем через год и не позднее чем через три года после окончания дел в делопроизвод-

стве). В статье 22 Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации» установлены временные сроки хранения документов Архивного фонда Российской Федерации в ведомственных архивах. Для федеральных органов исполнительной власти они составляют 15 лет, для органов власти субъектов Российской Федерации — 10 лет. Таким образом, документы на бумажном носителе достаточно длительный период находятся в зоне ответственности организации и хранятся в делопроизводстве или в архиве организации, прежде чем попасть под юрисдикцию государственного архива. Применение для электронных документов сложившейся практики подготовки и передачи на архивное хранение [2] в установленные сроки порождает значительные риски для возможности обеспечения их сохранности на различных этапах жизненного цикла, т. к. каждая манипуляция, связанная с изменением носителя или информационной системы, будет связана с риском изменения или утраты документов.

В делопроизводстве электронные документы хранятся в системе электронного документооборота (СЭД) и других информационных системах, обеспечивающих выполнение основных функций организации. Здесь необходимо уточнить, что в современной литературе и публикациях в последние годы очень часто стало упоминаться понятие долговременного хранения электронных документов, которое зачастую соотносят с архивным хранением. О чем же на самом деле идет речь, когда говорят о долговременном хранении? Термин пришел к нам из-за рубежа (*long-term preservation*), и на самом деле долговременное хранение не связано с каким-либо конкретным сроком и означает срок хранения электронного документа более длительный, чем срок жизненного цикла информационной системы, в которой он хранится.

По мнению специалистов, средняя продолжительность хранения документов в базах данных СЭД составляет пять лет [3]. Очевидно, не случайно в соответствии с пунктом 3 Приказа Минкомсвязи России от 2 сентября 2011 г. № 221 «Об утверждении требований к информационным системам электронного документооборота федеральных органов исполнительной власти, учитывающих в том числе необходимость обработки посредством данных систем служебной информации ограниченного распространения» СЭД должна

обеспечивать хранение электронных документов, созданных и полученных ФОИВ, за период не менее пяти лет. Практика применения СЭД в делопроизводстве федеральных органов исполнительной власти свидетельствует о том, что продолжительность функционирования конкретной информационной системы в организации редко превышает период семь-восемь лет. Во всяком случае, через этот промежуток времени необходимо провести обновление конкретной информационной системы, обусловленное стремительным развитием информационных технологий, не говоря уже о частых случаях замены информационной системы в целом [4].

Подобные решения приводят к необходимости перемещения (миграции) электронных документов из одной информационной системы в другую. Если такая миграция не будет осуществлена, массив электронных документов может быть утрачен. До тех пор, пока в СЭД включали только копии документов на бумажном носителе, ситуация была некритичной, но по мере увеличения количества документов, изначально созданных или полученных в электронном виде, у работников системы управления возникла потребность в обеспечении их сохранности. Причем разрешение этой ситуации в сфере оперативного управления кажется очевидным — передать документы, которые не нужны в оперативной деятельности, в архив.

Проблема архивного хранения электронных документов, содержащихся в информационных системах, в полном объеме была осознана и начала решаться только тогда, когда коснулась непосредственно руководителей организаций. Поскольку все вопросы, касающиеся информационных технологий и информационных систем, находятся в компетенции ИТ-специалистов, именно к ним и обращались в первую очередь руководители организаций [5]. Однако множество решений, предложенных разработчиками на рынке информационных систем в качестве так называемых электронных архивов, не соответствуют требованиям хранения документов в архиве, поскольку не обеспечивают реализацию основных функций архива по хранению, комплектованию, учету и использованию документов [6]. Поэтому для эффективного решения задачи необходимо привлечь именно архивистов.

Итак, как только проблема архивного хранения электронных документов потребовала от руководителей организаций реального решения, в первую очередь возник вопрос о возможности передачи в архив электронных документов, которые никогда ранее не были объектом архивного хранения — это документы со сроком хранения до десяти лет включительно. Именно такие документы составляют значительное большинство в документальном фонде организации. После завершения их в делопроизводстве они подлежат хранению еще в течение некоторого времени, поскольку могут быть в ряде случаев востребованы, но передавать их в архив в соответствии со всеми требованиями нецелесообразно. Других же требований к их хранению нет. Обычно говорится, что они хранятся в структурных подразделениях. По действующим нормам документы на бумажном носителе с таким сроком хранения также могут храниться в архиве организации, однако такое хранение не требует полного оформления дел, содержащих документы сроком хранения до десяти лет включительно, и составления описей.

Поскольку десятилетний срок оказался за пределами того, в течение которого документы могут храниться в информационной системе в неизменном виде, руководителям организаций необходимо принимать меры к обеспечению сохранности массива электронных документов с таким сроком. Для того чтобы не загружать архивы организаций этими документами, необходимо сокращать установленный срок хранения документов на основе анализа обоснованности ранее установленных сроков хранения документов в соответствии с действующим законодательством. Известно, что в проекте нового перечня сроки хранения для многих групп документов будут откорректированы в сторону уменьшения [7], и в ряде случаев это позволит избежать дополнительной миграции документов, а следовательно, и уменьшит связанные с этим риски.

Документы со сроком хранения свыше десяти лет или постоянным в соответствии с действующими нормами подлежат передаче в архив организации в срок не позднее, чем через три года после завершения дел в делопроизводстве, а электронные — в информационную систему, обеспечивающую основные функции архивного хранения документов организации. Этот этап жизненного цикла электронных

документов сегодня выглядит как самый проблемный для органов власти и других организаций. Такая передача требует отбора и подготовки электронных документов в СЭД и других информационных системах, которые не предусматривали реализацию таких функций, т. е. системы оперативного управления документами нуждаются в доработке. Кроме того, известно, что стоимость внедрения и эксплуатации системы архивного хранения электронных документов является достаточно дорогостоящим проектом для конкретной организации или органа власти, поэтому будут приветствоваться решения, позволяющие объединить ресурсы.

По истечении срока хранения в архиве организации документы с постоянным сроком хранения организаций — источников комплектования государственных архивов, к которым относятся и все органы власти, должны будут быть переданы в государственный архив. Возникает вопрос: насколько целесообразно осуществлять эту передачу в те же сроки, что установлены в законодательстве, или следует сделать это раньше? Сегодня специалисты говорят о необходимости ускорить передачу электронных документов с постоянным сроком хранения в государственный архив, поскольку велик риск нарушения целостности, пригодности для использования и даже утраты таких документов. Действительно, за 15–25 лет хранения в архиве организации электронные документы не раз должны будут пройти процедуры миграции и конвертирования, чтобы быть доступными для использования. Очевидно, передача электронных документов на хранение в государственный архив может быть осуществлена ранее, чем это сегодня установлено в законодательстве об архивном деле.

Таким образом, сегодня наблюдается тенденция, связанная со стремлением организаций — источников комплектования как можно раньше передать на государственное архивное хранение электронные документы из СЭД и других информационных систем. Это обусловлено стремлением исключить из действующих информационных систем документы, потерявшие актуальность в оперативной деятельности, и снять с себя риски по обеспечению их сохранности.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о передаче на архивное хранение электронных документов, которые являются копиями доку-

ментов на бумажном носителе. Несмотря на развитие электронного документооборота и рост количества электронных документов, изначально созданных и функционирующих только в информационной системе, большую часть документации в СЭД по-прежнему составляют те, которые были получены в результате сканирования бумажных документов и включены в информационную систему. Очевидно, что от этих документов тоже надо освобождать СЭД, но возникает вопрос, что делать с ними после выгрузки из СЭД: просто уничтожить или передать в архив? Формально эти документы не имеют никакой ценности, поскольку являются копиями бумажных, которые и будут переданы в архив в соответствии со сроками их хранения, однако этот массив документов вполне мог бы выполнять функции фонда пользования и использоваться в информационно-поисковых целях в архиве.

Если будет принято решение, что электронные копии бумажных документов будут передаваться на хранение в архив, то возникает вопрос относительно сроков такой передачи и в целом корреляции этого процесса с хранением и передачей их бумажных оригиналов. Подобная ситуация всерьез заставляет нас задуматься о возможности использования электронных дубликатов документов.

Инициатива по замене бумажных подлинников их электронными дубликатами не нова. Впервые она была озвучена в 2016 г. и сегодня как никогда раньше близка к своей реализации уже в рамках проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» [8]. Для архивиста сам факт уничтожения подлинника и замены его копией, пусть и удостоверенной должностным лицом, является психологически неприемлемым. Однако для документов с временным сроком хранения, которые прошли экспертизу ценности и не передаются на хранение в государственные архивы, это решение может оказаться эффективным. В этом случае передача электронного документа из СЭД в систему архивного хранения также может быть произведена в более ранние сроки.

Проблема со сроками передачи на хранение электронных документов из делопроизводства в архив организации и из последнего в государственный архив является актуальной, если мы рассматриваем этот процесс в рамках традиционной методологии архивного хранения

документов. Трудности заключаются также в том, что на сегодняшний день отсутствуют сколько-нибудь полные сведения, описывающие опыт хранения электронных документов в государственных архивах, что позволило бы его изучить и проанализировать.

Однако возможно, что решения по долговременному хранению электронных документов окажутся принципиально иными, чем нам представляется, поскольку они будут выработаны другим профессиональным сообществом — ИТ-специалистами, которые предоставляют инфраструктуру для хранения электронных документов, — центры обработки данных, облачные платформы и пр. Именно таким решением может оказаться создание государственной информационной системы «Центр хранения электронных документов», интегрированной с Государственной единой облачной платформой (ГЕОП), разработкой концепции которого сегодня занимается Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Из этого следует, что вопрос о том, как будут храниться электронные документы на этапе ведомственного архивного хранения, может быть решен на совершенно новых методологических позициях, чем те, что заложены в Правилах Росархива. Кроме того, нам следует задуматься над тем, почему мы постоянно противопоставляем электронные документы и бумажные, почему не предполагаем их мирного сосуществования? Сегодня совершенно очевидно, что все преимущества электронных документов реализуются главным образом в процессе оперативной деятельности: удобство создания, быстрота передачи, поисковые возможности. Все риски связаны с их постоянным хранением, и здесь альтернативы бумаге еще не предложено.

Решение кажется очевидным и заключается в необходимости передачи в государственный архив документа и на бумажном, и на электронном носителе, вне зависимости от того, на каком из них он создан изначально. При этом любая копия (бумажная или электронная) должна быть удостоверена уполномоченным лицом организации — источника комплектования. Это позволит передавать в государственный архив аутентичные документы. Но только будущее покажет насколько оно верно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Приказ Минкультуры России от 31 марта 2015 г. № 526 «Об утверждении правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в органах государственной власти, органах местного самоуправления и организациях» (зарегистрировано в Минюсте России 7 сентября 2015 г. № 38830); Методические рекомендации по применению Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных органах, органах местного самоуправления и организациях. — М.: ВНИИДАД, 2018. — 176 с.; Приказ Росархива от 11 апреля 2018 № 44 «Об утверждении Примерной инструкции по делопроизводству в государственных организациях» (зарегистрировано в Минюсте России 17 августа 2018 г. № 51922).

2. В данной статье под архивным хранением электронных документов понимается хранение этих документов в информационной системе, обеспечивающей систематизацию и классифицирование документов в соответствии с требованиями архива и реализацию основных функций архива по хранению, комплектованию, учету и использованию электронных документов, т. е. передача на архивное хранение предполагает перемещение документов из одной информационной системы в другую.

3. Акимова Г. П., Пашкин М. А., Пашкина Е. В., Соловьев А. В. Электронные архивы: возможные решения проблем долгосрочного хранения данных // Труды Института системного анализа Российской академии наук. Т. 63. — 2013. — № 4. — С. 39.

4. Дмитриева А. П. Динамика изменений объемов документооборота в федеральных органах исполнительной власти за период 2007–2015 гг. // Документация в информационном обществе: актуальные проблемы управления электронными документами: доклады и сообщения на XXIV Международной научно-практической конференции, 21–22 ноября 2017 г. — М.: Росархив, ВНИИДАД, 2018. — С. 280–290.

5. Ларин М. В., Суровцева Н. Г. Некоторые теоретические вопросы архивного хранения электронных документов // Вестник архивиста. — 2019. — № 3. — С. 809–824.

6. Суровцева Н. Г. Требования к системам электронного документооборота и системам хранения электронных документов: проблемы и решения // Вестник архивиста. — 2019. — № 102–113. — С. 809–824.

7. Проект Перечня типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков хранения. — URL: <http://archives.ru/documents/projects.shtml> (дата обращения: 21 сентября 2019 г.).

8. Паспорт федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28 мая 2019 г. № 9).

000 «ТЕРМИН»

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ АРХИВОВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Юмашева Юлия Юрьевна

Доктор исторических наук,

заместитель генерального директора общества с ограниченной
ответственностью «ДИМИ-ЦЕНТР»,

эксперт Федерального архивного агентства Российской Федерации

Москва, Российская Федерация

e-mail: Juliayu@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена краткому обзору архивов оцифрованных аудиовизуальных документов, представленных в сети Интернет. Автор предлагает оригинальные классификации информационных ресурсов, созданных на основе электронных копий аудио-, фото- и кинодокументов, обращает внимание на особенности оцифровки аудиовизуальных документов, рассматривает наиболее значимые коллекции, представленные в Сети, а также обозначает ключевые проблемы, выявившиеся в работе с электронными копиями аудиовизуальных материалов.

Ключевые слова: оцифровка, аудиовизуальные документы, информационные ресурсы, электронные копии.

SUBMISSION OF AUDIOVISUAL ARCHIVES ON THE INTERNET

Yumasheva Julia Yuryevna

Doctor of Historical Sciences,

Deputy General Director of DIMI CENTER Ltd.,

Expert of the Federal Archival Agency of the Russian Federation

Moscow, Russian Federation

e-mail: Juliayu@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to a brief overview of archives of digitized audiovisual documents presented on the Internet. The author offers original classifications of information resources created on the basis of electronic copies of audio, photo and film documents, draws attention to the peculiarities of digitalisation of audiovisual documents, considers the most significant collections presented on the network, and also identifies key problems

identified in working with electronic copies of audiovisual materials.

Keywords: digitalisation, audiovisual documents, information resources, electronic copies.

Тема выступления чрезвычайно обширна и многогранна, и для того, чтобы ограничить количество информации, о которой автор предполагает рассказать, следует сделать несколько уточнений.

Терминология. Согласно традициям архивного дела и архивоведения, а также принятым в России и за рубежом стандартам [1] аудиовизуальный документ — это документ, содержащий изобразительную и (или) звуковую информацию, воспроизведение которой требует применения соответствующего оборудования. В начале 2010-х гг. эти формулировки были уточнены и несколько изменены [2]. Однако в настоящее время они вызывают определенные вопросы.

Разница в трактовках аудиовизуальной документации в России и за рубежом. Так, за рубежом аудиовизуальные документы подразделяются на «статичные» (still image — фотодокументы), в том числе не требующие для воспроизведения специального оборудования (т. е. фотоотпечатки); и «динамические» («движущиеся» (moving; audiovisual) — кино, видео, аудио), для воспроизведения которых необходимо специальное оборудование.

Специфика воспроизведения аудиовизуальной документации оказывает непосредственное влияние на оборудование и методы создания электронных копий (т. е. на оцифровку) этих двух разновидностей документации, что находит отражение в разнообразных многочисленных руководствах по оцифровке аудиовизуальных документов, в описаниях специализированных сканеров и в объемах представленных в сети Интернет оцифрованных коллекций.

В рамках настоящего выступления автор будет понимать под аудиовизуальными архивами, размещенными в сети Интернет, представление в электронной среде электронных копий и описаний (научно-справочного аппарата) аудиовизуальной документации, изначально существующей не в цифровой форме.

Под термином «архив» автор будет понимать организации (архивы, музеи, библиотеки, частные фонды и др.), располагающие большими

коллекциями аудиовизуальных документов и представляющие свои собрания в сети Интернет.

И, наконец, данное выступление основывается на представительной выборке из создаваемой автором в течение последних 18 лет базы данных, в которой аккумулированы ссылки на разнообразные информационные ресурсы, представляющие оцифрованные архивные коллекции. Всего в базе данных содержится информация о более чем 5000 интернет-ресурсах, из них примерно 1200 аудиовизуальных собраний, коллекций и тематических публикаций. При этом следует особо подчеркнуть, что речь идет о собраниях крупных фондодержателей, у которых имеются подобные фонды, или целостных тематических коллекциях как существующих в реальности, так и сформированных в виртуальной среде.

Дальнейшее рассмотрение будет состоять из трех блоков: аудиокolleкции, фотособрания и киноархивы в сети Интернет.

Аудиодокументы

Классификация и типология аудиоресурсов, представленных онлайн, будет принципиально отличаться от принятой в архивном деле системы классификации и может быть произведена на основе нескольких критериев:

— по происхождению, т. е. с указанием страны, где расположены фондодержатели архивов оригинальных носителей аудиозаписей, и создания информационного ресурса (включая международные организации и проекты);

— по типу оригинального носителя (с некоторым отличием от традиционного);

— по месту и времени происхождения записей (звукозаписывающие фирмы и студии, радиозаписи, записи научно-исследовательских центров; хронологические периоды), а также тематике.

В рамках последнего критерия выделяются:

— музыкальные архивы, содержащие записи фольклорной (народной), классической и популярной музыки; отдельных композиторов, исполнителей, музыкальных произведений и музыкальных инструментов;

— радиоархивы, представленные записями крупнейших и/или не очень известных радиостанций мира;

— аудиоархивы исследовательских центров, занимающихся изучением этнографии, антропологии, устной истории, мемориальной (персональной) истории, лингвистики, и отчасти биологии и зоологии; истории звукозаписи.

Фонодокументы редко привлекаются в качестве источников конкретно-исторических исследований. В основном их изучением занимаются лингвисты и фольклористы, а в кругу исторических дисциплины — антропологи, этнографы, этнологи и специалисты близких направлений: микроистории, истории ментальностей, истории повседневности, истории частной жизни и исторической психологии и др. Со второй половины XX в. аудиодокументы стали чрезвычайно востребованными источниками в связи с развитием устной истории (oral history). К настоящему времени все проекты, выполненные в этом жанре, можно сгруппировать по степени наличия в них аналитической составляющей и/или разработок специализированного инструментария. Предлагаемая типология будет выглядеть следующим образом:

— ресурсы, целью которых были только создание (или сбор) аудиодокументов и формирование аудиоколлекции без ее последующей обработки, систематизации и изучения;

— ресурсы, в которых применялись технологии транскрибирования текстов записанных аудиointервью;

— ресурсы, в которых наряду со сбором и транскрибированием текстов присутствовала некоторая аналитическая составляющая, а результатом стали публикации монографий, статей и тезисов;

— ресурсы, в которых применялся комплекс современных информационных технологий, включающих цифровую запись (оцифровку) звука, транскрибирование звука (иногда с помощью специального программного обеспечения), OCR (оптическое распознавание) и содержательную разметку текстов (расстановку тегов), создание тематико-временных указателей, структуризацию аудиофайлов и текстов в создаваемых базах данных, аналитическую обработку баз данных, публикацию результатов анализа / созданного информационного ресурса в Сети.

Дополнительной опцией может быть интеграция в создаваемую базу данных письменных и фотодокументов, служащих инструментом верификации информации, которую излагает интервьюируемый. Таким образом формируется мультимедийный полиисточниковый ресурс, обладающий встроенными возможностями верификации информации аудиодокументов, конструирующий максимально приближенную к реальности информационную среду (звук, текст, изображение (статичное, динамическое)) и имеющий встроенный аналитический инструментарий. К сожалению, подобных ресурсов, созданных в жанре устной истории, очень мало.

Фотоархивы

Во второй половине XX в. произошли существенные изменения сразу в нескольких направлениях работы с фотоматериалами. Во-первых, сдвиги в технике и технологиях фотографии повлекли за собой значительные перемены в вопросе ввода в публичную сферу фотоматериалов, которые выразились в повышении общественного интереса к ним, что повлекло за собой увеличение количества (первоначально) полиграфических изданий фотодокументов и необходимость разработки приемов публикации фотоизображений.

Во-вторых, совершенствование технологий на рубеже 1980-х гг. привело к тому, что фотоматериалы на прозрачных носителях стали первым типом документов, для которых была разработана технология оцифровки — проекционные сканеры. До настоящего времени данная технология остается наиболее совершенной с точки зрения качества получаемого электронного изображения.

В-третьих, микрокомпьютерная революция начала 1990-х гг., а также податливость фотоматериалов, включая фотоотпечатки как наимпростейшие объекты для оцифровки, расширили возможности создания электронных коллекций фотоизображений, а появление всемирной паутины (WWW) в качестве инструмента коммуникации позволило пересмотреть цели создания фотокаталогов и трансформировать их в фотобанки, предназначенные как для привлечения внимания публики к собраниям фондодержателей, так и для интернет-продажи изображений. Очевидно, что подобные ресурсы не имеют целью

удовлетворение исследовательских интересов. Вместе с тем, учитывая то, что крупнейшие агентства являются основными создателями новостного контента, а их слайдотеки существуют многие десятилетия, в их оцифрованных и представленных в Сети каталогах можно найти информацию практически по любому историческому событию за последние 100–130 лет.

Работа с данным материалом требует выработки особой исследовательской методики, поскольку описания электронных копий (что отличает данные ресурсы от архивов традиционной фотографии, оцифрованных и представленных в Сети) фотоматериалов зачастую недостаточно для полноценной атрибуции исходных фотодокументов, а на сайтах, как правило, представлены «превью», т. е. изображения ознакомительного качества, защищенные (иногда) водяным знаком. Подобный подход к представлению фотодокументов предоставляет вдумчивому исследователю стартовую информацию для выявления фотоисточников по изучаемой проблематике, но не более.

Представляя обзор оцифрованных фотоколлекций средств массовой информации, нельзя обойти вниманием фотоархивы крупнейших журналов, газет и книжных издательств.

В интернет-среде активно функционируют тематические фотоагентства, деятельность которых обусловлена исторически сложившейся специализацией. Эти структуры занимаются формированием тематических коллекций, научно-исследовательской работой и реставрационной практикой. Эти же направления деятельности развивают и национальные архивы фотоматериалов, представляющие свои собрания или тематические проекты онлайн.

Изучение коллекций оцифрованных фотоматериалов, представленных в Сети, позволяет предложить новую (в определенном смысле) типологию исследований фотодокументов.

История фототехнологии как объекта изучения (от дагерротипа до наших дней) и формирование в рамках данной тематики соответствующих ресурсов – коллекций дагерротипов, гелиографюр, цианотипий и т. п.

Следующими по популярности можно считать исследования фотографии как явления культуры: распространение фотографии

в конкретной стране, городе и т. п., в конкретный хронологический период; изучение жанров фотографии, творчества знаменитых фотографов, деятельность известных фотоателье и др.

Фотография как иллюстративный элемент исторического исследования, в том числе выполненного в рамках вспомогательных исторических дисциплин: формирование тематических фотокаталогов, посвященных конкретным историческим событиям, а также создание тематических страноведческих комплексов источников на основе полевой археографии (выявления, сбора, обработки (оцифровке и описанию) фотодокументов).

Неожиданным использованием фотодокументов является их привлечение к генеалогическим исследованиям.

Фотография как исторический источник. Изучение фотоматериалов в качестве исторических источников — задача сложная и плохо формализуемая, поскольку ее решение лежит в плоскости применения методов комплексного источниковедения. Среди реализованных в данном направлении работ следует назвать тест-версию нового программного обеспечения (GallicaPix), предназначенного для иконографического исследования фотодокументов, опубликованных в прессе, а также разработку методов атрибуции содержания фотоматериалов с помощью краудсорсинговых платформ или современных информационных технологии распознавания лиц (проект Civil War Photo Sleuth).

Разработка технологии сохранности и цифровой реставрации — наиболее редкий вид исследований фотоматериалов (с точки зрения публикаций результатов). Сведения о результатах этих работ можно найти в процессе мониторинга страниц специализированных организаций (архивов, музеев, фирм — разработчиков оборудования и т. п.), размещенных в социальных сетях или блогах.

Киноархивы

Сложность кинодокументов как объектов изучения в полном объеме присутствует и в их электронных копиях, использование которых в исследовательских целях требует проведения первичной источниковедческой критики подлинников кинодокументов, отраженной в описании, а затем фактического повторения всего комплек-

са источниковедческих процедур для осуществления аналогичного анализа электронной копии с целью выяснения (как минимум) ее адекватности оригиналу, поскольку процессы создания электронных копий на сегодняшний момент не являются закрытыми от внешнего вмешательства.

К сожалению, большинство информационных ресурсов созданы без надлежащего источниковедческого (и/или археографического) предисловия, обосновывающего критерии отбора документов для публикации, выбор модели публикации, без развернутого описания и комментирования опубликованных электронных копий и даже без раскрытия информации о приемах составления заголовков аудиовизуальных документов. Ситуацию усугубляют технические сложности при оцифровке кинодокументов, а также проблемы авторского права и права интеллектуальной собственности.

В поисках выхода из сложившегося положения многие киноархивы ограничиваются представлением в Интернете только их описаний и/или стоп-кадров, или нескольких секунд ознакомительного видео, что не может удовлетворить исследовательский интерес.

Большой интерес среди оцифрованных исторических киноколлекций представляют собрания изображений для «волшебных фонарей» (*laterna magica*), диафильмов.

Но наиболее популярными в сети Интернет являются собственно киноколлекции — их около 600, и большая часть этих ресурсов связана с национальными (в том числе — историческими) киностудиями («Пате», «Люмбер», «Но-До»), а также выдающимися кинодеятелями (в том числе Д. Вертовым, Ч. Чаплиным, Прелингером и т. п.).

К сожалению, на сегодняшний момент большое количество представленных в Сети оцифрованных кинофрагментов так и остаются невовлеченными в научный оборот.

Подводя краткий итог, следует отметить, что в результате так называемого цифрового поворота в Интернете представлено огромное количество оцифрованных аудиовизуальных материалов, однако их использование в исторических исследованиях затруднено отсутствием полных описаний подлинников и копий, невозможностью проведения верификации содержащейся в них информации, изъятием их

из исторически сложившихся комплексов, отсутствием адекватных новой (цифровой) среде представления исторической информации методов исследования, разработка которых только начинается.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГОСТ 7.69-95 (ИСО 5127-11-83) «СИБИД. Аудиовизуальные документы. Основные термины и определения».
2. ГОСТ Р 7.0.8-2013 «СИБИД. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения».

К ВОПРОСУ СТАНДАРТИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЙ ПОДГОТОВКИ РАБОТНИКОВ АРХИВОВ ОРГАНИЗАЦИЙ

Ромашин Игорь Евгеньевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры архивоведения
Историко-архивного института

Российского государственного гуманитарного университета
Москва, Российская Федерация

e-mail: romashin44@yandex.ru

Аннотация. В статье отражены проблемы разработки профессиональных стандартов в сфере архивного дела и участия профессионального сообщества историков-архивистов в этом процессе.

Ключевые слова: историк-архивист, профессиональный стандарт, профессиональное архивное сообщество.

TO THE QUESTION OF STANDARDIZATION OF PROFESSIONAL REQUIREMENTS FOR PREPARATION OF EMPLOYEES ARCHIVES OF ORGANIZATIONS

Romashin Igor Evgenievich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department
of Archival Studies, Institute for History and Archives,

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russian Federation

e-mail: romashin44@yandex.ru

Abstract. The article reflects the problems of developing professional standards in the field of archiving and the participation of the professional community of archivist historians in this process.

Keywords: historian-archivist, professional standard, professional archival community.

С момента принятия в Российской Федерации Федерального закона от 2 мая 2015 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и статьи 11 и 73 Федерального закона „Об образовании в Российской Федерации“», положившего начало

широкому использованию в различных областях экономики страны профессиональных стандартов, прошло уже более четырех лет. Накоплен определенный опыт, в том числе профессиональным архивным сообществом, по разработке, обсуждению и применению указанных профессиональных стандартов.

На общегосударственном уровне разработка новых и актуализация существующих квалификационных характеристик началась несколько ранее и была поручена Министерству труда и социальной защиты Российской Федерации, которое совместно с союзом «Агентство развития профессиональных сообществ и рабочих кадров „Молодые профессионалы (Ворлдскиллс Россия)“» на основе государственных контрактов на выполнение работ по разработке проектов профессиональных стандартов приступило к этой работе [1].

В настоящее время, по данным официального интернет-портала правовой информации «Государственная система правовой информации» (pravo.gov.ru), разработано и утверждено Министерством труда и соцзащиты более 800 профессиональных стандартов в различных отраслях экономики (рис.) [2].

1	...	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	...	304
Всего документов: 6066																							
861. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 30.08.2019 № 595н Об утверждении профессионального стандарта "Машинист по эксплуатации и обслуживанию устройств железнодорожного водоснабжения и водоотведения"																							
862. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 30.08.2019 № 597н Об утверждении профессионального стандарта "Специалист по технологии производства наноструктурированных лекарственных средств"																							
863. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 30.08.2019 № 598н Об утверждении профессионального стандарта "Ревизор статистического учета и отчетности железнодорожного транспорта"																							
864. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 30.08.2019 № 599н Об утверждении профессионального стандарта "Специалист по контролю и проведению испытаний качества наноструктурированных лекарственных средств"																							
865. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 30.08.2019 № 600н Об утверждении профессионального стандарта "Специалист по подготовке и эксплуатации оборудования для производства наноструктурированных лекарственных средств"																							
866. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 30.08.2019 № 602н Об утверждении профессионального стандарта "Специалист по технологии продуктов питания животного происхождения"																							
867. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 10.09.2019 № 612н Об утверждении профессионального стандарта "Аэродромный работник гражданской авиации"																							
868. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 10.09.2019 № 613н																							

Рисунок

Обязанность работодателя по привлечению к выполнению трудовых функций работников, чьи профессиональные характеристики

ки соответствуют требованиям разработанных и утвержденных в установленном порядке профессиональных стандартов, породили потребность в организации переподготовки работников, занимающих должности в государственных (муниципальных) архивных организациях, но не обладающих необходимой квалификацией и образованием.

Последние годы в данном направлении активно работает Российский государственный гуманитарный университет и его подразделения.

В 2019–2020 учебном году в рамках бакалаврской программы (академический бакалавриат) по направлению подготовки 46.03.02 «Документоведение и архивоведение» такое распределение количества бюджетных и платных мест:

- 1) факультет архивного дела ИАИ РГГУ: на очном отделении имеется 26 бюджетных мест и 24 места на платной основе (всего 50 мест);
- 2) факультет документоведения и электронных архивов ИАИ РГГУ:
  - на очном отделении есть 26 бюджетных мест и 24 места на платной основе (всего 50 мест);
  - на очно-заочном отделении — 25 мест на платной основе;
  - на заочном отделении — 7 бюджетных мест и 38 мест на платной основе [3].

Вместе с тем существенно помочь в организации этой работы могла бы разработка большего, нежели существующее, количества профессиональных стандартов в сфере архивного дела.

На момент написания данной статьи автору известно об одном профессиональном стандарте, а именно стандарте «Специалист по формированию электронного архива», вступившем в силу в апреле 2018 г. (Приказ Минтруда России № 266н) [4].

В связи с существенными успехами архивистов Российской Федерации на пути цифровизации архивного дела в стране в качестве приоритета разработки квалификационных характеристик в архивной сфере был определен функционал оператора сканирующего устройства (оператор по сортировке и обработке документов, оператор по переводу документов в электронный вид, оператор по сканированию документов).

Обобщенные трудовые функции данного специалиста архивной отрасли заключаются в следующем:

- в выполнении работ по созданию графических образов документов в системе электронного архива;
- формировании и загрузка данных в систему электронного архива;
- руководстве процессом сканирования, ввода и обработки данных в системе электронного архива [5].

В соответствии с указанным профессиональным стандартом к кандидатам на должность данного специалиста предъявляется требование о наличии среднего общего образования, а также программы профессиональной подготовки по должностям служащих, программы переподготовки служащих, программы повышения квалификации служащих [6].

К большому сожалению, пока не утвержден другой профессиональный стандарт, подготовленный в то же время, касающийся широкого круга архивных специалистов (основного штата работников государственных и муниципальных архивов).

Согласно данным сайта www.regulation.gov.ru проект этого стандарта прошел общественное обсуждение в период с 25 декабря 2014 по 9 января 2015 г., у участников данного обсуждения была возможность направить свои замечания и предложения по адресу электронной почты anohinav@gosmintrud.ru (поступило шесть замечаний, отраженных в приложении № 3 к пояснительной записке) [7].

Согласно пояснительной записке к стандарту его автором было ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» в соответствии с государственным контрактом, заключенным с ФГБУ «Научно-исследовательский институт труда и социального страхования» Минтруда России, а исследование проводилось на базе ВНИИДАД.

В контексте данной статьи следует отметить, что явным протографом текста проекта профессионального стандарта «Хранитель (главный) архивных фондов, архивист» был давно используемый в работе по подбору и расстановке кадров архивистов приказ.

Речь идет о Приказе Минздравсоцразвития России от 11 апреля 2012 г.

№ 338н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел „Квалификационные характеристики должностей работников государственных архивов, центров хранения документации, архивов муниципальных образований, ведомств, организаций, лабораторий обеспечения сохранности архивных документов“» [8].

Подробному разбору содержания данного профессионального стандарта в сравнении с указанным приказом Минздравсоцразвития России была посвящена специальная публикация автора [9].

В заключение следует отметить, что представляется необходимым именно представителям архивных органов государственного управления совместно с архивными учреждениями озаботиться разработкой архивных профессиональных стандартов, в полной мере отражающих кадровую и образовательную специфику архивной отрасли. Возможно, также не следует ожидать слишком глубокого погружения в данную тематику специалистов сторонних авторских организаций, привлекаемых для выполнения этой работы в рамках госконтрактов, а потому в содружестве с ВНИИДАД и РГГУ посвятить решению этой проблемы самое ближайшее время.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Постановление Правительства РФ от 22 января 2013 г. № 23 «О Правилах разработки и утверждения профессиональных стандартов» // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. — <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162782&intelsearch=%CF%EE%F1%F2%E0%ED%EE%E2%EB%E5%ED%E8%E5+%CF%F0%E0%E2%E8%F2%E5%EB%FC%F1%F2%E2%E0+%D0%D4+%EE%F2+22+%FF%ED%E2%E0%F0%FF+2013+%E3.+N+23+%AB%CE+%CF%F0%E0%E2%E8%EB%E0%F5+%F0%E0%E7%F0%E0%E1%EE%F2%EA%E8+%E8+%F3%F2%E2%E5%F0%E6%E4%E5%ED%E8%FF+%EF%F0%EE%F4%E5%F1%F1%E8%EE%ED%E0%EB%FC%ED%FB%F5+%F1%F2%E0%ED%E4%E0%F0%F2%EE%E2%BB> (дата обращения: 22 ноября 2019 г.).

2. Статистика на официальном интернет-портале правовой информации. Государственная система правовой информации. — <http://>

pravo.gov.ru/search/index.html?action=search&advanced=true&searchPage=1&query=%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%84%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5+%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%82%D1%8B&search=%D0%9D%D0%B0%D0%B9%D1%82%D0%B8&plugin=1001&search.root=%2F (дата обращения: 22 ноября 2019 г.).

3. Официальный сайт РГГУ. — <https://www.rsuh.ru/upload/main/prim19/%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%20%D0%BC%D0%B5%D1%81%D1%82%20%D0%B1%D0%B0%D0%BA%202019.pdf> (дата обращения: 22 ноября 2019 г.).

4. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 19 апреля 2018 г. № 266н «Об утверждении профессионального стандарта „Специалист по формированию электронного архива“» // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. — <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102472010&intelsearch=%D1%EF%E5%F6%E8%E0%EB%E8%F1%F2+%EF%EE+%F4%EE%F0%EC%E8%F0%EE%E2%E0%ED%E8%FE+%FD%EB%E5%EA%F2%F0%EE%ED%ED%EE%E3%EE+%E0%F0%F5%E8%E2%E0> (дата обращения: 22 ноября 2019 г.).

5. Раздел Описание трудовых функций, входящих в профессиональный стандарт (функциональная карта вида профессиональной деятельности). Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 19 апреля 2018 г. № 266н «Об утверждении профессионального стандарта „Специалист по формированию электронного архива“» // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. — <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102472010&intelsearch=%D1%EF%E5%F6%E8%E0%EB%E8%F1%F2+%EF%EE+%F4%EE%F0%EC%E8%F0%EE%E2%E0%ED%E8%FE+%FD%EB%E5%EA%F2%F0%EE%ED%ED%EE%E3%EE+%E0%F0%F5%E8%E2%E0> (дата обращения: 22 ноября 2019 г.).

6. Раздел III подраздел «дополнительные характеристики». Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 19 апреля 2018 г. № 266н «Об утверждении профессионального стандарта „Специалист по формированию электронного архива“» // Официальный интер-

нет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. — <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102472010&intelsearch=%D1%EF%E5%F6%E8%E0%EB%E8%F1%F2+%EF%EE+%F4%EE%F0%EC%E8%F0%EE%E2%E0%ED%E8%FE+%FD%EB%E5%EA%F2%F0%EE%ED%ED%EE%E3%EE+%E0%F0%F5%E8%E2%E0> (дата обращения: 22 ноября 2019 г.).

7. Официальный интернет-портал. — <https://regulation.gov.ru/projects#search=%20%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%82%20%D0%B0%D1%80%D1%85%D0%B8%D0%B2%D0%B8%D1%81%D1%82&npra=22894> (дата обращения: 22 ноября 2019 г.).

8. Приказ Минздравсоцразвития России от 11 апреля 2012 г. № 338н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел „Квалификационные характеристики должностей работников государственных архивов, центров хранения документации, архивов муниципальных образований, ведомств, организаций, лабораторий обеспечения сохранности архивных документов“» // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. — <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102159608&intelsearch=%CC%E8%ED%E7%E4%F0%E0%E2%F1%EE%F6%F0%E0%E7%E2%E8%F2%E8%FF+%D0%EE%F1%F1%E8%E8+%EE%F2+11.04.2012+%B9+338%ED+%AB%CE%E> (дата обращения: 22 ноября 2019 г.).

9. Журнал «Делопроизводство и документооборот на предприятии». — № 8. — 2019. — <http://www.delo-press.ru/articles.php?n=31146> (дата обращения: 22 ноября 2019 г.).

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНО-СПРАВОЧНЫЙ АППАРАТ АРХИВОВ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Афанасьева Лада Павловна

Кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом архивоведения Всероссийского научно-исследовательского института, доцент кафедры архивоведения Российского государственного

гуманитарного университета

Москва, Российская Федерация

e-mail: gurzaladda@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется опыт российских архивов по созданию интегрированных информационных систем, а также перспективы создания единой информационной системы архивной отрасли, рассматривается эволюция традиционных архивных справочников, применение международных стандартов архивного описания, особенности описания на разных уровнях, требования к архивному описанию.

Ключевые слова: справочно-поисковые средства архивов, система научно-справочного аппарата, интегрированная информационно-поисковая система, международные стандарты описания, уровень описания.

ELECTRONIC SEARCH DATABASES IN ARCHIVES: RESULTS AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Afanasyeva Lada Pavlovna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Archival Studies of the All-Russian Scientific Research Institute, Associate Professor of the Department of Archival Studies of the Russian State University for the Humanities

Moscow, Russian Federation

e-mail: gurzaladda@mail.ru

Abstract. The article analyzes the experience of Russian archives in creating integrated information systems, as well as the prospects for creating a unified information system for the archive industry, examines the evolution of traditional archival directories, the use of international

standards for archival descriptions, features of descriptions at different levels, and requirements for archival descriptions.

Keywords: reference and search tools of archives, the system of scientific and reference, integrated information and search system, international standards of description, level of description.

На современном этапе в результате информатизации происходят быстрые изменения во всех направлениях работы архивов, в том числе в их деятельности по информационному обслуживанию пользователей. Для обеспечения доступа к документам создается совокупность поисковых справочников архива. Объектами рассмотрения в статье будут справочно-поисковые средства архивов (совокупность описаний архивных документов, представленных в архивных справочниках) [1], электронный (автоматизированный) научно-справочный аппарат (не только совокупность описаний, помещенных в базы данных, но и автоматизированные средства поиска информации и представления результатов поиска) [2] и научно-справочный аппарат (система, объединяющая весь комплекс взаимосвязанных и взаимодополняемых справочников архива, как на бумажном носителе, так и на электронных, создаваемых на единой научно-методической основе).

В создании традиционного НСА еще в середине 1960-х — начале 1970-х гг. возобладал системный подход, на основе которого научно-справочный аппарат архива создавался в форме иерархии классов справочников, четко разделенных по уровням и объектам описания [3]. Структура системы НСА и типология справочников была разработана в трудах М. И. Автократовой, К. И. Рудельсон, Н. А. Ковальчук, И. В. Волковой и др. [4]. Справочники разделялись на основные и дополнительные, место каждого в системе было четко определено во избежание дублирования характеристик документов разных видов справочников. В 1990–2000-е гг. разработка дифференцированного подхода к описанию продолжалась уже на материале электронного НСА и интегрированных автоматизированных систем [5]. Опыт отдельных архивов обобщался в аналитических докладах [6], методических разработках [7] и теоретических трудах [8]. В итоге оптимальной была

признана интегрированная модель единой информационной системы архива, многофункциональная и объединяющая в одном ресурсе все виды справочников как по учету, так и по видам справочно-поисковых средств (путеводителей, описей, каталогов, указателей и др.) [9].

Новым направлением в 2000-е гг. стало изучение международных стандартов многоуровневого архивного описания как основы построения электронного НСА [10]. Принципы и подходы к описанию, основанные на международном стандарте ISAD (G) [11], были использованы при составлении «Основных правил работы государственных архивов» (2002), раздела 7 «Описания архивных документов и научно-справочный аппарат к документам архива», Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук (2007), разделы 5.4 и 5.5, где выделены 3 основных и 5 дополнительных уровней описания. В продолжение этой работы ВНИИДАД был разработан проект нормативного документа, содержащего требования к описанию на двух из трех основных уровней, указанных в Правилах работы архивов (единицы хранения, документа), и дополнительном уровне части документа. В работе был использован новейший международный опыт стандартизации описания, в частности, проект нового стандарта архивного описания Records in contexts (RiC). «Требования» должны способствовать логической совместимости данных информационно-поисковых систем разных архивов, а также исключить дублирование информации на разных уровнях описания [12]. Изучения данных стандартов приводит к выводу, что исторически сложившаяся система поисковых справочников с их типологией уходит в прошлое, уступая новому уровню унификации — фиксации основных и дополнительных элементов описательной статьи, и дифференциации требований к элементам по уровням описания. Так, в правилах работы государственных и муниципальных архивов закреплены основные уровни описания — архивный фонд, единица хранения/учета, архивный документ. Дополнительные уровни — группа архивных фондов, группа единиц хранения/учета, комплек-

тов, группа архивных документов, часть архивного документа. Элементы описания состоят:

- из сведений, идентифицирующих информацию;
- сведений о составе и содержании информации;
- сведений об условиях доступа и условиях использования информации;
- сведений по истории архивного фонда [13].

Однако на практике архива в 1990–2000 гг. электронный НСА создавался достаточно стихийно, ни о какой интеграции созданных ресурсов говорить не приходилось. Преобладало создание локальных БД по отдельным видам справочников — путеводителям, каталогам, указателям, обзорам, тематическим перечням и т. п. и вопросам, темам, предметам исследования, отличающимся значительной степенью тематической и видовой дифференциации. Отдельные интегрированные системы если и создавались в архивах, то наиболее затратным способом — путем соединения агрегатным методом уже созданных локальные тематические БД в единую систему, что может сопровождаться на физическом уровне конвертацией данных, а на логическом — метаданных и лингвистического обеспечения (ИС АРАН, ИС Главархива Москвы) [13].

Казалось бы, на современном этапе на основе научного подхода и с учетом международного опыта должна возобладать тенденция к интеграции создаваемых архивами поисковых баз данных в единую информационную систему (ЕИС). Особенно учитывая изменения в Федеральном законе «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ (статьи 24, 26), который обязал архивы предоставлять удаленный доступ к электронным копиям документов и НСА «с использованием сетей общественной информации и телекоммуникаций, включая Интернет, с возможностью их копирования». При этом обращения и запросы пользователей могут быть направлены в виде электронных документов [14]. Все это увеличило количество обращений пользователей и потребовало создания полноценного электронного НСА, соединенного с электронным фондом пользования. Так, в «Программе информатизации Федерального архивного агентства и подведомственных ему учреж-

дений на 2011–2020 г.» от 2 декабря 2011 г. акцентируется внимание на преодолении разрозненности государственных информационных ресурсов в области архивного дела. В программе намечены шаги по интеграции, начиная с проведения инвентаризации существующих информационных ресурсов федеральных архивов и заканчивая разработкой единой интеграционной платформы на основе принципа распределенного хранения для объединения информационных ресурсов федеральных архивов.

На современном этапе на первый план выдвигаются задачи создания интегрированных систем, реализующих на основе международных стандартов принцип многоуровневого описания. Основой таких систем является применение типовых программных продуктов. Описания документов в БД должны быть соединены с электронным фондом пользования. Доступ к полнотекстовым БД, не размещенным в Сети, будет реализован через «виртуальный читальный зал».

Вместе с тем в той же Программе информатизации ставится задача разработки тематических баз и банков данных, путеводителей по фондам, электронных каталогов (правда, на основе координации тематических планов архивов и применения единых технических требований, форматов). Таким образом, создание разрозненных тематических ресурсов поддерживается не только архивами снизу, на основе запросов пользователей, но и сверху, органами управления архивным делом в Российской Федерации.

Существование локальных БД по темам, вызывающим наибольший интерес у пользователей, соответствует международной практике и опыту. Если единая информационная система архивов Европы предоставляет возможности поиска по странам, их комбинациям и уровням описания, то SAN — портал доступа к национальным архивным ресурсам генеральной дирекции архивов Италии, содержит разделы тематических маршрутов по собраниям отдельных не архивных учреждений; собственно архивных тематических порталов и коллекций, например, архив купца XIV в. Франческо ди Марко Датини; портал, посвященный Дж. Верди; портал истории моды новейшего времени, порталы истории музыки и истории итальянской прессы и т. п. [15]. Вместе с тем информатизация архивного дела в России находится

в состоянии явного недофинансирования. Финансирование модернизации единой автоматизированной архивной системы (ЕАИС), включающей ПК «Архивный фонд», «Фондовый каталог» и «Центральный фондový каталог», составило в 2017 г. 13,7 % от запланированного на 2011–2020 гг. объема финансирования. Создание, модернизация типовых автоматизированных систем по основным направлениям деятельности — 19 % от запланированного [16]. В этих условиях, на наш взгляд, не стоит расходовать ресурсы на тематические проекты, которые никогда не смогут удовлетворить все запросы пользователей, а сосредоточиться на универсальных интегрированных системах. Разумным решением, на наш взгляд, является реализация проектов путем привлечения средств заинтересованных участников (краудсорсинга). Например, таким образом предполагается внедрить общероссийскую автоматизированную информационную систему «База данных мест хранения документов генеалогического характера», которая планируется к размещению на портале «Архивы России».

Рассмотрим, какие проблемы существуют в настоящее время при описании на уровне фонда (путеводители), дела (описи), документа (каталоги).

Описание на уровне фонда осуществлено для подавляющего большинства государственных архивов и даже отделов рукописей библиотек и музеев. Автоматизированный ЦФК содержит 862 тысячи описаний фондов федеральных архивов, 2 млн 234 тысячи фондов государственных и муниципальных архивов. Вместе с тем фактически отсутствуют электронные путеводители по муниципальным архивам. Имеется дублирование информации об описании в автоматизированном Центральном фондовом каталоге, межархивной базе данных «Путеводители по архивам России» на портале «Архивы России» и на сайтах архивов и в других справочниках. Качество оцифрованных путеводителей зачастую не удовлетворяет пользователей. Наиболее важным на современном этапе считается уровень описания единицы хранения. Описание на уровне дела имеет особую важность, т. к. дает возможность установить архивный шифр (номер фонда, описи, единицы хранения), позволяет его дистанционно заказать, в том числе через виртуальный читальный зал (специальный сетевой сервис),

и делает поиск достаточно точным, т. к. подавляющее большинство фондов описаны поединично. Поэтому, если в 2016 г. было введено 15 % заголовков дел, к концу 2020 г. планируется ввести их 85 %. Однако работа по вводу описей ведется не путем ввода заголовкой в ИПС (из 17 федеральных архивов ИПС описи имеют только 9), а путем сканирования описей, индексирования заголовков и публикации в составе интернет-ресурсов. При этом работа по наполнению единой платформы интеграционных ресурсов была профинансирована на 138 % [16]. Если в области разработки ПО было заключено 19 контрактов, то в области создания информационных ресурсов (на основе электронных копий архивных документов и НСА) — 86 контрактов [17].

Однако, на наш взгляд, сканирование описей ускоренными темпами лишь препятствует созданию электронного НСА. Во-первых, качество ресурсов не всегда отвечает запросам пользователей. 20–30 % копий требует возврата на повторное сканирование [18] в соответствии с разработанной методикой. Однако описи часто так и публикуются в виде «слепых» копий. При этом доступ к бумажным оригиналам закрывается под предлогом существования цифровой копии в открытом доступе.

После оцифрования описей происходит индексирование записей и выгрузка их в ПК «Архивный фонд». В период с 2011 г. выгружено от 8 454 854 до 10 536 456 записей по всем федеральным архивам и 2 819 897 по государственным. При этом наблюдается расхождение информации об описании на уровне дела в автоматизированном Центральном фондовом каталоге и в оцифрованных описях на сайтах архивов.

Но главным препятствием является качество описания в сканируемых справочниках — глухие, инвентарные описи, большая часть которых создана в 1930-е гг., увы, не могут быть полноценным справочно-поисковым средством. Усовершенствование и переработка описей слишком трудоемка.

Что касается описания электронных документов, создаваемых в СЭД, то здесь проблематична судьба дела как единицы хранения и учета и описи как основного поискового справочника, основанного на поединичном описании, т. к. для ЭД дела часто не формируются. Правилами организации хранения, комплектования, учета и исполь-

зования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в органах государственной власти, органах местного самоуправления и организациях (утв. Приказом Минкультуры России от 31 марта 2015 г. № 526) предусмотрено описание на уровнях дела и документа, что также трудоемко, если не осуществляется автоматически средствами СЭД.

На наш взгляд, не сканирование описей способно решить проблему описания на уровне единицы хранения, а преємственность электронного НСА архивов организаций — источников комплектования и государственных архивов. Однако поступлению документов в государственные архивы вместе с электронным НСА препятствует логическая несовместимость. Набор метаданных СХЭД и требования к архивному описанию на уровне дела в Правилах слишком различны.

Определенные проблемы существуют и в области создания электронных каталогов (66 % электронного НСА). С одной стороны, растущее количество тематических и именных каталогов говорит об их востребованности. С другой стороны, как было сказано выше, очень сомнительна эффективность создания и ведения тематических БД в условиях интеграции НСА. К тому же существование таких каталогов снижает роль портала «Архивы России» как интегративного ресурса.

Большую роль с учетом обширной архивной сети страны по-прежнему играют межархивные справочники. Например, общероссийская справочно-информационная система «База данных по местам хранения документов по личному составу», предназначенная для использования при исполнении запросов социально-правового характера, поиска местонахождения документов по личному составу, пилотный проект которой реализуется на портале «Архивы России».

Таким образом, мы видим, что на современный этап развития электронного НСА по-прежнему имеет влияние переход от локальных тематических ресурсов к интегрированным системам. Причины этого не только в недофинансировании, проблемах проектирования ИС, но и в отсутствии, несмотря на длительную разработку, конкурентоспособных программных продуктов. Однако, несомненно, что магистральным путем развития ЭНСА является интегрированный подход к его построению.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук (утв. Приказом Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ от 18 января 2007 г. № 19). П. 5.3.

2. Основные правила работы государственных архивов Российской Федерации (утв. Приказом Росархива от 13 февраля 2002 г.). П. 7.5 (не является нормативным документом).

3. Дифференцированный подход к описанию документов: метод, рекомендации. Вып. 1–3. — М.: ВНИИДАД, 1969–1974.

4. Автократова М. И., Назин И. С., Рудельсон К. И., Смоктунович Л. Л. О создании единой системы научно-справочного аппарата архивов СССР // Вопросы архивоведения. — 1965. — № 1; Ковальчук Н. А. Научно-справочный аппарат Государственного архивного фонда СССР. — М., 1978.

5. Киселев М. Ю. Система научно-справочного аппарата архива Российской Академии Наук: история создания, современное состояние и перспективы развития. Дисс. ... к. и. н. — М., 2009; Варухина Т. А. Информационные технологии в создании научно-справочного аппарата и использовании архивных документов национального архива Республики Карелия. 1995–2005 гг. Дисс. ... к. и. н. — М., 2006; Горяева Т. М. «Опыт внедрения цифровых инноваций в РГАЛИ... открывает большие интеграционные перспективы...»: интервью с директором РГАЛИ о ходе информатизации архива и ее результатах // Отечественные архивы. — 2013. — № 3. — С. 80–85; Мироненко С. В. «Память: старые задачи новые технологии»: интервью директора ГАРФ // Знание-сила. — 2015. — № 8; Кичигина С. С. Автоматизированная информационно-поисковая система Свердловской области по архивным документам // Отечественные архивы. — 2016. — № 6. — С. 40–42.

6. Анализ программных продуктов, предназначенных для информатизации внутриархивной деятельности государственных и муниципальных архивов: аналит. обзор в 2-х т. Т. 1: Анализ...; Т. 2: Срав-

нительный анализ... Таблицы сравнительного анализа / рук. проекта, отв. исполн. Ю. Ю. Юмашева; отв. исполн. Н. А. Ткаченко; исполн. М. В. Тарасова, М. Л. Нагорная, Д. Д. Коновалов; ВНИИДАД. — М., 2015. — Т. 1: 157 с.; Т. 2: 97 с. — Деп. в ОЦНТИ по документоведению и архивному делу 2 марта 2016 г., № 269.

7. Составление архивных описей: Методические рекомендации / Росархив; ВНИИДАД. — М., 2003. — 144 с.; Создание современных архивных справочников на основе дифференцированного подхода: метод. пособие. — М.: ВНИИДАД, 2003.

8. Юмашева Ю. Ю. Информатизация архивного дела в Российской Федерации (1991–2015). Научные исследования в области применения информационных технологий: монография: рекомендовано к печати решением Ученого совета ВНИИДАД. — М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. — 355 с.

9. Киселев И. Н. Информационная система архива: модель и воплощение // Отечественные архивы. — 1997. — № 6. — С. 28–35; Концепция информатизации (автоматизации) деятельности государственного архива. — ВНИИДАД, 2014; НИР по теме «Обследование внутриархивных процессов и разработка технического задания на модернизацию государственной информационной системы программного комплекса „Архивный фонд“, как части модульной системы информатизации основных направлений внутриархивной деятельности гос. архивов, включая формирование требований к защите информации». — ВНИИДАД, 2016.

10. Еремеев С. Г. Унификация описания архивной документной информации: отечественный и зарубежный опыт: 1960–1990-е гг. Дисс. ... к. и. н. — М., 2002; Он же. Стандарт архивного описания Encoded archival description: история и современное состояние // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. Доклады и сообщения на четвертой Всероссийской конференции, 24–25 апреля 2002 г. — М., 2002. — С. 223–226; Юмашева Ю. Ю. Унификация архивного описания, лингвистическое обеспечение архивных АИПС: история вопроса и современные методы его решения // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. — Ека-

теринбург. — Вып. 16. — С. 241–256. СИФ ОЦНТИ ВНИИДАД бр. 4994; Романова Е. А. Архивное описание в эпоху информатизации общества: совершенствование нормативно-методической базы в 1990–2000-е гг. // Отечественные архивы. — 2017. — № 3. — С. 38–43.

11. Общий международный стандарт описания архивных документов. Утвержден специальной комиссией по стандартам описания, Стокгольм, Швеция, 21–23 января 1993 г. / Междун. совет архивов. — Оттава: International Standard Archival Description, ISAD (G), 1994.

12. Основные требования к описанию архивной документной информации в информационных системах государственных и муниципальных архивов на уровне единицы хранения, документа, части документа (отчет по НИОКР. Тема 1.4.1. 2018 г.). — М.: ВНИИДАД, 2018.

13. Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах... П. 5.3.

14. Афанасьева Л. П. Электронный научно-справочный аппарат Российских архивов на современном этапе // Документальное наследие России: проблемы теории и практики. — М.: Архив РАН, 2018. — С. 32–50.

15. Юмашева Ю. Ю. Документные ресурсы зарубежных архивов в сети Интернет: электронный научно-справочный аппарат // Историческая информатика. — 2018. — № 2. — С. 75–100. DOI: 10.7256/2585-7797.2018.2.26554. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26554.

16. Отчет о НИР по теме 1.6.1. «Анализ выполнения программы информатизации Федерального архивного агентства и подведомственных ему учреждений на 2011–2020 гг. с приложением предложений по корректировке программы». Ч. 1–2. — М.: ВНИИДАД, 2017. — СИФ ОЦНТИ ВНИИДАД 14429. — С. 18.

17. Там же. С. 36.

18. Аналитический обзор «Мониторинг осуществляемых в государственных архивах РФ проектов перевода в электронный вид научно-справочного аппарата и архивных документов». — Росархив, ВНИИДАД. — 2016.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ И ТЕХНИЧЕСКИХ ОТЧЕТОВ ИСО, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ВОПРОСЫ СОХРАННОСТИ И ХРАНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ

Варламова Людмила Николаевна

Кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора
Всероссийского научно-исследовательского института документо-
ведения и архивного дела, доцент Российского государственного
гуманитарного университета, эксперт ИСО
Москва, Российская Федерация
e-mail: lvarlam@yandex.ru

Аннотация. Международная организация по стандартизации (ИСО) уделяет значительное внимание вопросам управления документами и архивами. Однако в нашей стране стандарты и технические отчеты ИСО, регламентирующие вопросы сохранности и хранения электронных документов, представлены довольно скудно. Данная статья описывает актуальные проекты международных стандартов и технических отчетов ИСО, посвященные этим вопросам.

Ключевые слова: документ, управление документами, сохранение документов, стандарт ИСО, технический отчет ИСО.

CURRENT DRAFTS OF INTERNATIONAL STANDARDS AND ISO TECHNICAL REPORTS REGULATING THE SAFETY AND STORAGE OF ELECTRONIC DOCUMENTS

Varlamova Ludmila Nikolaevna

PhD in history, Deputy Director of the All-Russian Research Institute
of Documentation and Archives, Associate Professor of Russian State
University for the Humanities, expert of the ISO
Moscow, Russian Federation
e-mail: lvarlam@yandex.ru

Abstract. The International Organization for Standardization (ISO) pays significant attention to document and archive management. However, in our country ISO standards and technical reports regulating the storage

and preservation of electronic records are rather poorly presented. This article describes relevant drafts of international standards and ISO technical reports devoted to these issues.

Keywords: document, record, records management, document storage and preservation, ISO standard, ISO technical report.

Вопросы хранения электронных документов с каждым годом приобретают все большее значение ввиду накопления этих документов в системах электронного документооборота (далее — СЭД) и приближения срока их передачи в архив. В этой связи изучение международных стандартов ИСО, регламентирующих вопросы хранения электронных документов, все более актуально. До недавнего времени эти стандарты были вне поля зрения специалистов, т. к. основное внимание было сосредоточено на стандартах, регламентирующих вопросы управления документами в целом и ИТ, используемых в этом процессе. В 2019 г. ВНИИДАД расширил свое представительство в Международной организации по стандартизации (ИСО) и вошел в состав экспертов ТК 171 «Прикладные системы управления документами», который активно занимается вопросами хранения документов. В данной статье представлены проекты международных стандартов и технических отчетов ИСО, в разработке которых принимали участие эксперты ВНИИДАД.

Проект международного стандарта ИСО 19475 «Управление документами — Минимальный набор требований к хранению документов» состоит из трех частей и устанавливает минимальные требования, необходимые для поддержания свойств документов в СЭД, установленных еще ИСО 15489-2001 «Информация и документация. Управление документами», а именно аутентичности, целостности и пригодности для использования (читаемости) в течение времени. Данный стандарт применим к электронным документам, создаваемым и используемым организациями любой формы собственности и организационно-правовой формы в юридических, нормативных и деловых доказательных целях.

Рассмотрим каждую часть этого стандарта отдельно.

Первая часть стандарта ИСО 19475-1 «Управление документами —

Минимальный набор требований к хранению документов — Часть 1: Ввод в систему» пока еще в стадии проекта, ожидающего утверждения. Стандарт содержит минимальные требования, необходимые для поддержания аутентичности, целостности и читаемости электронных документов при работе в СЭД с акцентом на стадию ввода документа в систему. Применение требований стандарта позволит организациям продемонстрировать аутентичность электронных документов, что позволит ей поддерживать качественное функционирование своей системы управления документами.

В первой части ИСО 19475-1 описываются:

- процесс ввода документов в систему;
- преимущества и риски, связанные с этим процессом;
- политика, необходимая для осуществления данного процесса;
- средства управления документами;
- требования к средствам управления документами.

В данной части стандарта приводятся требования к средствам управления документами, связанным с процессом ввода документов в систему, а именно требования:

- к операциям с базами данных;
- работе с электронной почтой и другими средствами коммуникации;
- работе с бумажными документами в рамках данного процесса.

Стандарт устанавливает требования к вводу документов в СЭД как части системы управления документами организации.

Вторая часть стандарта ИСО 19475-2 «Управление документами — Минимальный набор требований к хранению документов — Часть 2: Хранение» раскрывает:

- преимущества и риски, связанные с хранением документов;
- политику, необходимую для осуществления данного процесса;
- средства управления документами;
- требования к средствам управления документами.

Поскольку электронные документы создаются путем постоянно увеличивающихся комбинаций аппаратных и программных средств, объем электронных документов, требующих управления, продолжает расти. Следовательно, повышается потребность в их грамотном хранении в системе.

В данной части стандарта приводятся требования к средствам управления документами, связанным с процессом хранения документов в системе, а именно требования:

- к процессу приема документов;
- процессу поиска и извлечения документов;
- процессу мониторинга;
- процессу миграции и восстановления документов.

Стандарт устанавливает требования к хранению документов и нацелен на поддержание аутентичности и целостности подлежащих хранению документов.

Третья часть стандарта ИСО 19475-3 «Управление документами — Минимальный набор требований к хранению документов — Часть 3: Передача на хранение или уничтожение» описывает:

- преимущества и риски, связанные с отбором и передачей электронных документов на хранение или уничтожение;
- политики, необходимой для осуществления данного процесса;
- средства управления документами;
- требования к средствам управления документами.

В данной части стандарта приводятся требования к средствам управления документами, связанным с процессом перемещения и уничтожения документов, таким как:

- процесс отбора и передачи документов на хранение;
- процесс отбора и передачи документов на уничтожение;
- процесс сохранения документов в целях судебного разбирательства;
- процесс преждевременного уничтожения.

Стандарт устанавливает требования к оценке документов, подлежащих хранению, а также к процессу уничтожения документов или их передаче на последующее хранение.

Проект технического отчета ИСО/ТО 22428 «Информация и документация. Управление документами в облачном хранилище: Задачи и проблемы» содержит в себе спектр специальных терминов и определений, общие требования, описание субъектов облачных вычислений, примеры использования электронных документов в облаке, описывает факторы риска электронного документа в облаке с акцентом на социальные и правовые риски облачных документов.

Согласно положениям стандарта облачный сервис представляет собой сервис, с помощью которого пользователи «арендуют доступ к полнофункциональным приложениям, к средам разработки и развертывания программного обеспечения», а также к «ресурсам вычислительной инфраструктуры», которые доступны через Сеть и базы данных.

Облачный сервис является некой формой аутсорсинга в цифровой среде и в связи с этим имеет те же полезные свойства и подвержен тем же рискам, что и обычный аутсорсинг. На данный момент облачные сервисы являются основным активно развивающимся аспектом информационных технологий, что обусловлено независимым от местонахождения коллективным использованием ресурсов, доступностью посредством сети Интернет и мобильных устройств, обслуживанием в режиме «вопрос-ответ» и низкой стоимостью.

Облачные сервисы предоставляют следующие преимущества: «оказание поддержки новым бизнес-моделям, динамическая масштабируемость, повышение уровня гибкости предприятия, отказоустойчивость и сокращение затрат в связи эффектом масштаба, меньший объем первоначальных инвестиций в ИТ-системы и тарификация услуг в соответствии с объемом их использования». Все это позволяет организациям повысить их конкурентоспособность и эффективность.

В наше время — время цифровой трансформации общества и государства, сопровождающееся развитием и повсеместным внедрением мобильных технологий, технология Интернета вещей заставляет большинство организаций переводить свои системы и информационные ресурсы в облако. По прогнозам экспертов, в ближайшем будущем большинство документов будут создаваться, храниться и уничтожаться посредством облачных сервисов. Ряд компаний и государственных организаций уже переместили свои локальные информационные бизнес-системы в облачные сервисы. Именно поэтому стандарты ИСО, регламентирующие данные вопросы, так востребованы. Вместе с тем в связи с потенциальными рисками, вопросами безопасности и конфиденциальности, а также отсутствием реального опыта применения данной технологии некоторые организации все еще воздерживаются от внедрения облачных технологий в среду управления документами.

Облачные сервисы по сути своей являются услугой, предоставляемой провайдером. Таким образом, если правила и процедуры провайдера не обеспечивают целостность, аутентичность, надежность, удобство использования и конфиденциальность документов, то управление документами с использованием облачных технологий не достигнет поставленных целей. Более того, хранение данных в облаке на сегодняшний день не вполне соответствует требованиям долгосрочного хранения документов в силу ряда причин:

- не полной урегулированности проблемы сохранения конфиденциальности данных при обмене между пользователями;
- проблемных аспектов социального и правового характера (например, защита личной информации или доступ уполномоченных органов к данным);
- неизвестности физического местоположения поставщика облачных сервисов по причине виртуализации аппаратного оборудования и сети;
- неизвестности нюансов законодательной базы страны или ее региона (штата), позволяющие третьим лицам получить доступ к данным, хранимым в облаке, и т. п.

Об этих и других рисках облачного хранения данных идет речь в техническом отчете ИСО. Согласно положениям этого документа для избежания или сведения до минимума данных проблем необходима целостная система управления документами в облаке. В целях обеспечения должного уровня управления в целом необходимо определить и проанализировать ключевые риски и проблемы, относящиеся к управлению документами в облаке. Кроме того, анализ плюсов и минусов различных примеров использования облачных технологий позволит заблаговременно минимизировать риски. Также сократить данные риски поможет разработка эталонной архитектуры управления документами в облаке.

Проект данного технического отчета предоставляет базовую модель управления документами в облаке, которая должна быть использована как основа для системы управления. В проекте также описывается ряд примеров использования облачных технологий и поднимаются вопросы, которые необходимо учитывать при управлении документами в облаке со структурной, систематической, поль-

зовательской, социальной и юридической точек зрения.

Проект ИСО/ТО 22428 «Информация и документация. Управление документами в облачном хранилище: задачи и проблемы» описывает все возможные риски и проблемы, которые могут возникнуть при управлении документами с использованием облачных технологий. Проект охватывает вопросы и проблемы, относящиеся ко всем видам облачных сервисов, таким как:

- личные облачные сервисы;
- общедоступные облачные сервисы;
- облачные сервисы гибридного типа доступа.

Проект отчета также описывает риски, касающиеся многоуровневой архитектуры облачных сервисов. Целевая аудитория ИСО/ТО 22428 включает в себя делопроизводителей и архивистов, использующих облачные сервисы в своей деятельности, разработчиков программного обеспечения, разворачиваемого в облаке, а также поставщиков облачных услуг в сфере управления документами.

Технический отчет ИСО/ТО 22299 «Управление документами — Рекомендации по выбору цифровых файловых форматов, подходящих для длительного хранения» содержит: описание основных критериев отбора формата в соответствии с типом описания контента; описание методики выбора формата; описание форматов файла; а также специфику применения данного формата к кодированному тексту; векторной графике; изображениям; аудио-видео материала; примеры форматов, пригодных для долговременного хранения документов.

Особый интерес представляет раздел, касающийся методики выбора файла и оценку его долгосрочной доступности для пользователей, а также стабильности его представления, возможности миграции программного обеспечения и/или операционных систем, а также описание последующего выбора формата файла. Раздел векторной графики посвящен 2D-, 3D-графике и техническим чертежам. В разделе «Звук» представлено описание линейных форматов для звуковых файлов, форматов сжатия, допускающих и не допускающих потери, форматов контейнеров. Пункт, посвященный видеформату файла, содержит описание процесса кодирования, цифровизации, сжатия, а также описание форматов видеоконтейнеров.

Как известно, долгосрочное хранение электронных документов, да и управления документами в целом в значительной степени зависит от выбранных форматов файлов, которые подлежат стандартизации как в целях долгосрочного хранения, так и в целях интеграции систем. Этот технический отчет ИСО является важнейшим подспорьем в данном вопросе. Эффективное управление документацией часто требует выбора соответствующего формата файла хранения и в конечном итоге преобразования исходного цифрового формата документа в выбранный формат файла хранения. Данный технический отчет содержит информацию и рекомендации по выбору наиболее подходящего формата файла для хранения, удобства использования данных, обмена и управления ими на долгосрочной основе. ИСО/ТО 22299 содержит рекомендации по выбору форматов файлов, которые целесообразно использовать для хранения разных типов электронных документов. Рекомендации, приведенные в стандарте, учитывают такие критерии, как долговечность документов в читаемом виде, интеллероперабельность, соответствие оригиналу, целостность данных и др.

Важно подчеркнуть, что положения данного технического отчета применимы в отношении работы с электронной почтой и веб-страницами, в отношении всех видов работы с документами (обработки текстов, работы с таблицами и презентациями), а также ко всем типам электронных документов и их компонентов (включая изображения, видео и звук), однако они не распространяются на форматы хранения баз данных.

Проекты данного технического отчета, а также вышеназванных международных стандартов и технических отчетов ИСО в ближайшее время должны быть доработаны и утверждены. ВНИИДАД как эксперт ИСО продолжит принимать участие в их разработке. Результаты участия ВНИИДАД в деятельности ИСО по разработке стандартов и технических отчетов ежегодно представляются в аналитическом обзоре «Исследование международных стандартов и проектов международных стандартов ИСО по управлению документами за ... год, определение целесообразности разработки на их основе соответствующих национальных стандартов Российской Федерации», материалы которого были использованы в данной статье.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ИСО 19475-1 (проект) «Управление документами — Минимальный набор требований к хранению документов. Часть 1. Ввод в систему». — [www.http://iso.com](http://iso.com).

2. ИСО 19475-2 (проект) «Управление документами — Минимальный набор требований к хранению документов. Часть 2. Хранение». — [www.http://iso.com](http://iso.com).

3. ИСО 19475-3 (проект) «Управление документами — Минимальный набор требований к хранению документов. Часть 3. Передача на хранение или уничтожение». — [www.http://iso.com](http://iso.com).

4. ИСО/ТО 22428 (проект) «Информация и документация. Управление документами в облачном хранилище: задачи и проблемы». — [www.http://iso.com](http://iso.com).

5. ИСО/ТО 22299 (проект) «Управление документами — Рекомендации по выбору цифровых файловых форматов, подходящих для длительного хранения»; ИСО/ТО 22428 «Информация и документация. Управление документами в облачном хранилище: задачи и проблемы». — [www.http://iso.com](http://iso.com).

6. Исследование международных стандартов и проектов международных стандартов ИСО по управлению документами за 2018 г., определение целесообразности разработки на их основе соответствующих национальных стандартов Российской Федерации (рукопись). — М.: СИФ ВНИИДАД, 2019.

РАЗДЕЛ IV

**НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ И АУДИОВИЗУАЛЬНЫЕ
АРХИВЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ
ОБЩЕСТВЕ. ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОХРАННОСТИ
И РЕСТАВРАЦИЯ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ**

SECTION IV

**SCIENTIFIC, TECHNICAL AND AUDIOVISUAL
ARCHIVES IN THE INFORMATION SOCIETY.
PRESERVATION AND RESTORATION
OF ARCHIVAL DOCUMENTS**

ФОТОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ: ПРОБЛЕМЫ ОЦИФРОВКИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Томислав Гергель

Доктор хабилитус, адъюнкт, кафедра архивоведения и вспомога-
тельных исторических дисциплин

Университета Марии Кюри-Склодовской

Люблин, Польша

e-mail: tomislaw@poczta.umcs.lublin.pl

Аннотация. В статье представлены проблемы оцифровки и использования фотоматериалов с учетом их разнообразия, возникающего в историческом развитии светочувствительной техники. Автор рассматривает практические, теоретические и юридические вопросы. При этом принимает во внимание различия, возникающие из принципов предложения к доступу и обработке фотографических материалов, которые функционируют в польских общественных и социальных ресурсах. Автор обсуждает также научные и социальные преимущества оцифровки фотоматериалов.

Ключевые слова: оцифровка, фотографический материал, пользование цифровыми ресурсами, Польша, фотографические репозитории, государственные архивы, общественные архивы.

PHOTOGRAPHIC MATERIALS: PROBLEMS OF DIGITALIZATION AND USE

Tomisław Giergiel

PhD, habilitated doctor, Department of Archival Science and Historical
Auxiliary Science

Maria Curie-Skłodowska University

Lublin, Poland

e-mail: tomislaw@poczta.umcs.lublin.pl

Abstract. The article presents the problems of digitization and use of photographic materials, taking into account their diversity that occurs in the historical development of photosensitive technology. The author considers practical, theoretical and legal issues. At the same time, it takes into account the differences arising from the principles of the proposal for

access to and processing of photographic materials that operate in Polish public and social resources. The author also discusses the scientific and social benefits of digitizing photo materials.

Keywords: digitization, photographic material, use of digital resources, Poland, photographic repositories, state archives, NGO archives.

Проблема оцифровки и использования фотоматериалов очень широка и имеет ряд практических, теоретических и правовых аспектов. Вопросы, связанные с этой проблемой, касаются государственных коллекций и общественных (частных) коллекций. Статья является попыткой рассмотрения всех этих вопросов, начиная с определения предмета исследования и его организационного контекста.

Следует отметить, что состояние исследований в области оцифровки и использования фотоматериалов в Польше не так совершенно, как за рубежом, поскольку развитие процессов оцифровки и состояние исследований в этой области зависят от состояния технического развития, а также от финансовых возможностей государства и общества. Таким образом, критериями развития оцифровки не могут быть, как в случае творчества, науки, культуры и искусства, чувствительность, тенденции или индивидуальные интересы. Наиболее важными являются технологическое развитие, государственные расходы и политика, а также интересы государства. Однако следует признать, что в случае оцифровки интересы государства соответствуют интересам общества, хотя они остаются неопределенными. Их можно посчитать по количеству входов на сайты цифровых хранилищ, и это огромные цифры, но измерить общественную пользу сложно.

Фотоматериалы чаще всего определяются как статические формы записи изображений [6, с. 98]. Среди них чаще всего упоминаются: целлулоидные позитивы и негативы и слайды (слайды, диапозитивы), репродукции (копии) всех этих материалов, выполненные с использованием различных технологий, но следует помнить о фотографических материалах, изготовленных с использованием более ранних технологий, — стеклянных негативах и более редких фотографических материалах в форме дагерротипов, амбротипах, цианотипах

или ферротипах, стереоскопической и альбуминовой фотографии, находящейся в архивах и музеях.

Целью оцифровки фотоматериалов, как и оцифровки бумажных документов, является преобразование аналогового в цифровой контент. Носитель контента можно безопасно хранить в архивном хранилище. Поэтому он служит в первую очередь для защиты ценных архивных коллекций. Следующая цель оцифровки — сделать документы (фотографии) доступными в Интернете. Однако давайте посмотрим на оцифровку фотографий менее стереотипно. Следует отметить, что при сканировании фотографий с высоким разрешением мы увидим больше деталей, чем при взгляде даже вооруженным глазом.

А значит, что благодаря качественным цифровым копиям мы можем обнаружить неизвестную информацию. Давайте также не будем стереотипно смотреть на преимущества обмена фотографиями в Сети. Одной из самых больших проблем, связанных с оцифровкой фотографий, является трудность с их описанием, идентификацией контента или идентификацией автора. Многие учреждения, которые предоставляют фотографии в Интернете, также создают коммуникационные онлайн-платформы, которые иногда приводят к уточнению или исправлению данных о фотографиях. Польские государственные архива создали специальный сервис «Помогите нам определить архивные материалы». Размешено там много фотографий, показывающих события, людей, места и здания.

Рис. 1. Одна из фотографий, помещенных на сайте «Potóż nat zidentyfikować materiały archiwalne», из собрания Главного совета благосостояния в Варшаве (1916–1921) из Архива новых актов в Варшаве, с надписью «Неизвестное место». Это фотография церкви св. апостолов Петра и Павла в Калише (1877–1928), но до сих пор никто из пользователей ее не узнал. Это является следствием непопулярности сайта среди пользователей и некомпетентности сотрудников Архива новых актов

В Польше оцифровку фотографий обычно проводят архивы, музеи, университеты, институты и государственные библиотеки, а также местные органы власти, общественные и частные учреждения. Гегемон — национальный цифровой архив (далее — НЦА). В нем более 15 млн фотографий с 1840-х гг. до наших дней. 219 655 обработанных фотографий выложено в свободном доступе на собственной цифровой платформе НЦА. Этот архив также является администратором веб-сайта государственных архивов «Szukaj w archiwach» с самой большой коллекцией оцифрованных объектов культурного наследия в Польше. Сайт имеет русскоязычную версию. Он публикует описания и цифровые копии архивных материалов 100 учреждений (включая НЦА). В настоящее время на сайте доступно более 38 млн отсканированных копий фотографий, но без статистики по категориям материалов. В общедоступном списке из 125 фондов и коллекций НЦА можно найти самую важную информацию об архивных документах, хранящихся в НЦА.

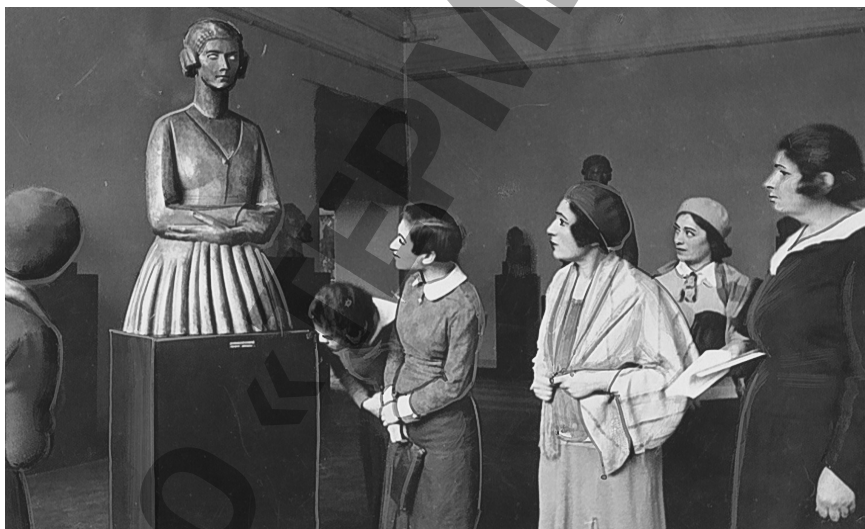

Рис. 2. Фотография из НЦА. Представляет выставку польского искусства в Москве в 1933 г. На фото изображены женщины, восхищающиеся скульптурой «Американка» авторства известного польского скульптора Ксаверия Дуниковского. Фото взято из фонда самой великой довоенной пресс-группы «Ilustrowany Kurier Codzienny», которая обладала собственным фотоагентством «Światowid». В НЦА хранится 188 828 единиц из этого фонда

Основным источником знаний и стандартов о том, как осуществляется оцифровка архивных материалов в государственных архивах, являются стандарты оцифровки архивных ресурсов государственных архивов, описанные в распоряжении № 14 главного директора государственных архивов от 31 августа 2015 г. о дигитализации архивных ресурсов государственных архивов. Документ определяет правила организации дигитализации, подготовки архивных материалов, создания каталогов и номенклатуры цифровых файлов, проверки качества, обработки цифровых копий, конверсии цифровых копий на микрофильмы, представления к пользованию этими копиями, учета, идентификации и обеспечения сохранности цифровых копий. Прилагаются, в частности, параметры оцифровки архивных материалов — минимальные требования к мастер-копиям, рекомендации по калибровке и профилированию оборудования для оцифровки и управления цветом, критерии оценки состояния архивных материалов перед оцифровкой и правила добавления элементов, идентифицирующих цифровую копию. Используя эти стандарты, архивариус в НЦА может разрабатывать, описывать, проверять и вводить от 300 до 800 изображений в месяц (несколько тысяч в год). Начальник отдела сбора фотографий НЦА отметил, что если ежегодное увеличение отсканированных и описанных фотографий в базе данных составит около 20 тысяч, то публикация 15 млн фотографий займет 750 лет [5, с. 30].

Кроме архивов, крупнейшим государственным учреждением, предоставляющим оцифрованные материалы через веб-сайт, является Национальная библиотека в Варшаве (далее — НБВ), www.polona.pl. Представляет 30 тысяч отлично разработанных фотографий.

Рис. 3. Фотография из ресурсов НБВ. Фото Новодевичьего монастыря в Москве, сделанное ок. 1890 г. Печать фотографии на альбуминовой бумаге (покрытой солью, растворенной в правильно приготовленном растворе альбумина — основного компонента белков куриного яйца)

Подобным же образом, как в архивах и цифровых библиотеках, разрабатываются и обеспечиваются технологии оцифровки фотографий в музеях. Музей истории фотографии Валерия Ржевского в Кракове предоставляет почти 60 тысяч фотографий, цифровой Национальный музей в Варшаве — почти 5 тысяч фотографий, а сайт, собирающий памятники музеев Малопольских (www.kultura.malopolska.pl), почти 3 тысячи фотографий. Все цифровые копии, упоминаемые выше, являются публичным достоянием, т. е. авторские права отменяются. Однако при их использовании следует уважать личные права автора на те фотодокументы, которые не подлежат передаче и имеют ограничения. Тем не менее в соответствии с этим принципом цифровые копии можно воспроизводить, распространять и изменять даже в коммерческих целях без необходимости получения разрешения со стороны хранилища.

Самая большая коллекция оцифрованных фотографий, принадлежащих НПО, находится в Центре KARTA в Варшаве. Его архивный ресурс в настоящее время насчитывает 300 млн объектов в виде негативов, позитивов и цифровых файлов, в том числе размещенных в Интернете (www.foto.karta.org.pl) — 70 тысяч, однако это лишь

миниатюры, в отличие от репозиторий государственных учреждений, которые предоставляют доступ к сканированным копиям в качестве, подходящем для публикации. В Центре KARTA хранятся богатые коллекции фотографий: 1) со времен Второй Речи Посполитой (межвоенный период), включая восточные окраины; 2) Второй мировой войны (оккупированной Польши и поляков за границами), лиц репрессированных в СССР; 3) общественной жизни в коммунистической Польше, оппозиции в то время, военного положения и политических преобразований в Польше и странах Центральной и Восточной Европы. Ресурсы Центра KARTA охватывают м. п. Архив Восточный (1901–1956). Разработанную в этом Центре базу данных, содержащую 1,5 млн биографических заметок и документации репрессированных в Советском Союзе лиц, передали в Институт национальной памяти.

Рис. 4. Фото из ресурсов Польского института и музея им. Г. Сикорского в Лондоне представлено общественной организацией «Центр KARTA», изображающее формирование Польской Армии в СССР (май 1942 г., Джалал-Абад, Киргизстан) — христианская служба для солдат, под крышей веранды алтарь, в саду стоит бюст Сталина. Фото инж. Островски

Крупнейший общественный архив XX в. в Польше также хранится в Центре KARTA. Центр создал бесплатную программу для поиска, описания и обмена архивными материалами общественных коллек-

ций в Интернете — Открытую систему архивирования, в которой 500 негосударственных организаций предоставляют свои коллекции. Открытая система архивирования — это аппликация, подготовленная для людей, не имеющих архивных знаний, и в то же время позволяющая профессионально разрабатывать коллекции на основе стандартов Международного совета архивов.

76,5 % организаций, которые ведут общественные архивы (ассоциации и фонды), имеют фотографии [1, с. 15]. На сайте <https://osa.archiwa.org> выложено около 10 тысяч фотографий, в том числе и таких, которые взяты из сети общественных архивов, действующих при 110 библиотеках в сельских административных центрах, которые создали цифровые архивы местной традиции [2. 12]. Благодаря деятельности этих библиотек было сохранено более 50 тысяч архивных материалов по местной истории.

Рис. 5. Фотография выложена в свободном доступе цифровым архивом местной традиции, существующим при Городской публичной библиотеке в Грубешове. Фото происходит из коллекции семьи Дю Шато (Du Chateau). Первое десятилетие XX в., город Сольвычегодск в России, место ссылки политических арестантов. На фото изображены люди на коньках, стоящие на замерзшем озере и держащиеся за руки. Среди них стоит Констанция Дю Шато, которая с двумя детьми приехала к мужу Петру Дю Шато, сосланному в 1907–1908 гг. за антиправительственную деятельность в Сольвычегодск. Фотография предоставлена Барбарой Робинс

Общественные архивы не в состоянии удовлетворить требованиям вышеупомянутого распоряжения главного директора государственных архивов относительно оцифровки архивных ресурсов. Поэтому они разработали свои стандарты для разработки коллекций фотографий. Первым этапом является определение содержания коллекции с точки зрения тематики и физического состояния. Далее устанавливается фондовая принадлежность. Коллекции фотографий чаще всего структурированы по содержанию, хронологически или смешано (содержательно-хронологически). Систематизация заключается в придании фотографиям внутри тематических групп правильного порядка и правильного расположения в отделах и самих отделах в коллекции. Инвентаризация включает в себя подготовку описания инвентарных единиц, которыми могут быть: группа фотографий (тема), фотоальбом, а также отдельная фотография. Во время инвентаризации единицам присваивается сигнатура (номер), содержащая как числовые, так и буквенные элементы. Описание фотографий включает вопросы по существу (имена людей на фотографии и другие данные об этих лицах, собственные имена объектов на фотографии, подробные предметные определения, дату фотографии, фотостудию, имя автора фотографии, авторские права) и технические данные [6, с. 99–106].

В дополнение к цифровому копированию важны словесные метаданные (описания, тематические и материальные представления) как элемент поисковой среды [3, с. 108–111; 4; 7; 9, с. 24–94]. Самая большая проблема, с которой сталкивается пользователь, это ошибки администратора, связанные с вводом описаний объектов. Неправильные описания обычно вызваны отсутствием надлежащего исследования объектов. В этом случае расширенные параметры фильтра поиска становятся ограниченными. Решением этих проблем может быть разработка методов автоматического распознавания изображений и поиска изображений (обратный поиск), которые следует рассматривать не как альтернативу метаданным, а как дополнение [10–11]. В последнее время по поводу введения распоряжения Европейского парламента и Совета (ЕС) 2016/679 от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц в связи с обработкой личных данных (RODO) также

возникли проблемы с защитой личных данных, широко распространенные в общественных и государственных архивах.

Оцифровка влияет на культурное, художественное и историческое пространство и, прежде всего, на документационное пространство, но эффекты оцифровки фотографии отличаются от официальных документов, которые позволяют проводить исследования и расширять знания в области науки или государственного управления. В дополнение к познавательным ценностям оцифровка фотографий открывает возможности для коммерциализации культуры, например, на рынке публикаций или туризма.

Проблемы оцифровки и использования фотоматериалов, как видим, очень разнообразны. Преобладают практические проблемы, связанные с неравномерным финансированием учреждений, занимающихся оцифровкой. Эта ситуация создает двойную параметризацию материалов. Также не существует обязательного единого образного юридического толкования, связанного с авторским правом и защитой личных данных. Такое толкование способствовало бы более широкому распространению и коммерциализации цифровых копий. В свою очередь теория оцифровки в значительной степени опирается на отечественный опыт, в небольшой степени пользуется моделями, процессами и решениями, разработанными за рубежом [8].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Archiwa społeczne w Polsce. Stan obecny i perspektywy. — Warszawa, 2016.
2. Cyfrowe Archiwa Tradycji Lokalnej w Polsce. Przewodnik, red. A. Wanczerz-Gluza. — Warszawa, 2014.
3. Januszko-Szakiel A. Archiwistyka cyfrowa: długoterminowa ochrona dziedzictwa nauki i kultury. — Warszawa, 2017.
4. Miller M., Wornbard M. Fotografie w zbiorach cyfrowych — problemy z opracowaniem formalnym i rzeczowym na przykładzie Biblioteki Cyfrowej Politechniki Warszawskiej // Przegląd Biblioteczny. — 2009 — Z. 2. — S. 201–218.
5. Narodowe Archiwum Cyfrowe: wizja, projekt, ludzie // red. P. Dudek, A. Kowalska. — Warszawa, 2010.

6. Pankowska-Dowgiało M., Opracowanie zbiorów fotograficznych // Archiwistyka społeczna / pod red. K. Ziętał. — Warszawa, 2012. — S. 98–107.
7. Polańska A. Zbiory fotograficzne przechowywane w Bibliotece i Archiwum Akademii Sztuk Pięknych w Gdańsku — historia przypadków związanych z ochroną i opracowaniem cyfrowych kopii oraz udostępnianiem ich w Internecie // Nowa Biblioteka. Usługi // Technologie Informacyjne i Media. — 2018. — Nr. 4. — S. 73–85.
8. Sobczak A. Między tradycyjnym a wirtualnym archiwum. Narodziny cyfrowej tożsamości archiwów w Niemczech. — Warszawa, 2014.
9. Standardy w procesie digitalizacji obiektów dziedzictwa kulturowego / pod red. G. Płoszajskiego. — Warszawa, 2008.
10. Stępień K. Wyszukiwanie obrazów i wyszukiwanie obrazem w przestrzeni internetowej // Biblioteka, Książka, Informacja i Internet / pod red. Z. Osińskiego, R. Malesy i S. D. Kotuły. — Lublin, 2015. — S. 47–59.
11. Stępień K., Woźniak-Kasperek J., Fotografia w bibliotece i w sieci: dwa podejścia do reprezentacji i wyszukiwania // Zagadnienia Informatyki Naukowej. — Vol. 56/2018. — Nr. 2. — S. 36–51.
12. Turska M. Cyfrowe archiwa tradycji lokalnej // Biblioteka. — 16. — 2012. — S. 307–318.

000 «ТЕП»

ПРОБЛЕМА ТРАКТОВКИ ПОНЯТИЯ «НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ»

Кюнг Павел Алексеевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, аудиовизуальных и научно-технических архивов Российского государственного гуманитарного университета, заместитель директора Российского государственного архива научно-технической документации

Москва, Российская Федерация

e-mail: pkung@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу историографии понятия «научно-техническая документация».

Ключевые слова: архив, научно-техническая документация, научно-технический архив.

THE PROBLEM OF INTERPRETATION OF THE TERM «SCIENTIFIC AND TECHNICAL DOCUMENTATION»

Kyung Pavel Alekseevich

PhD in history, Associate Professor of the Department of Documentation,

Audiovisual and Scientific and Technical Archives of the Russian State

University for the Humanities, Deputy Director of the Russian State

Archive of Scientific and Technical Documentation

Moscow, Russian Federation

e-mail: pkung@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the historiography of the concept «scientific and technical documentation».

Keywords: archive, scientific and technical documentation, scientific and technical archive.

Само понятие «научно-техническая документация» возникло в первой половине 1960 гг. Его появление было связано с разработкой Постановления Совета министров СССР от 21 мая 1964 г. № 431 «О централизации хранения научно-технической документации и организации широкого использования ее». Ранее в архивоведческой литературе использовался термин «технические документы» [1] и «технические архивы» [2].

Так, в пункте 6 Постановления Совета министров СССР от 25 июля 1963 г. № 829 «О мерах по улучшению архивного дела в СССР» поручалось «Главному архивному управлению при Совете министров СССР, Госплану СССР, Совету народного хозяйства СССР, Государственному комитету по координации научно-исследовательских работ СССР, Госстрою СССР, Академии наук СССР, Государственному комитету по приборостроению, средствам автоматизации и системам управления при Госплане СССР в шестимесячный срок подготовить и представить в Совет министров СССР предложения о централизации хранения и методах широкого использования научно-технической документации, образующейся в результате деятельности научно-исследовательских институтов, проектных и конструкторских организаций» [3].

Характерно, что в обоих документах понятие «научно-техническая документация» по существу не раскрывается. Дается указание, что она образуется в деятельности научно-исследовательских, проектных и конструкторских организаций.

В 1965 г. Госкомитетом Совета министров СССР по науке и технике и ГАУ при Совете министров СССР было утверждено Положение о порядке и сроках передачи всесоюзными и центральными отраслевыми органами научно-технической информации, научно-исследовательских, проектных и конструкторских организаций документации, имеющей историческое значение, Центральному государственному архиву научно-технической документации СССР. В нем понятие НТД раскрывалось через виды документации: проектно-планировочные материалы, чертежи и другие технически документы, научная документация.

Таким образом, с самого появления понятия «научно-техническая документация» проявилась его нечеткость. С одной стороны, это документация, создаваемая в рамках определенных видов деятельности, с другой, — перечисление определенных видов документации ставит вопрос о документах, созданных в рамках такой деятельности, но не перечисленных.

Впервые понятие «научно-техническая документация» подробно было критически проанализировано В. М. Жигуновым [4]. Он обратил внимание, что приведенные в законодательных актах понятия

не учитывают комплексности научно-технических работ, предполагающих появление смешанных массивов документов, а также то, что научно-техническая деятельность ведется большим количеством учреждений, нежели было перечислено [5].

В Кратком словаре архивной терминологии [6] научно-техническая документация опять же определяется через другие понятия как «обобщающее название технической и научно-исследовательской документации в области техники, промышленности, строительства, транспорта, связи и технических наук». Интересно, что в словаре содержится определение технических документов — «обобщающее название документов, отражающих результат строительного и технологического проектирования, конструирования, инженерных изысканий и других работ по строительству зданий и сооружений и изготовлению изделий промышленного производства», но отсутствует определение научно-исследовательской документации.

В классическом учебном пособии «Научно-технические архивы» А. А. Кузин указывает, что понятие «научно-техническая документация» сосуществует на момент написания работы с понятием «техническая документация» и постепенно его вытесняет. По его мнению, это связано с тем, что «в недалеком будущем вообще не будет техники без науки, и поэтому будет создаваться и использоваться только научно-техническая документация» [7]. И здесь же автор предполагает, что если чертеж возник в результате научного исследования, то должен классифицироваться как научно-технический документ. Можно обратить внимание, что Кузин замечает главное противоречие определения. Технические документы, основным из которых является чертеж, могли появиться как в ходе проведения конструкторских работ, так и в ходе научного исследования. Следовательно, их отнесение к видам документации происходит исходя из их предназначения. В результате автор приходит к выводу о необходимости приоритетного анализа технических документальных материалов, относя к ним и документы, возникающие при «документировании научной мысли, научных исследований» [8]. Этот подход был раскритикован В. М. Жигуновым, по мнению которого «документирование научно-технической деятельности — особый процесс, характерный

только для сферы научного творчества», и его важной составляющей является сложность регламентации, поэтому общие требования были сформированы (на момент написания статьи) только к отчету по НИР [9]. Необходимо отметить, что ситуация на настоящий момент существенных изменений не претерпела. Действительно, в отличие от систем технологической, конструкторской и т. п. документации научно-исследовательская документация практически не стандартизирована. Как обратил внимание Жигунов, в процессе научного творчества образуются самые различные документы, включая организационно-распорядительные, конструкторские, технологические и т. д. При этом, по его справедливому замечанию, нет необходимости жесткого и формального разделения этих видов документов в рамках научной работы [10].

Основным выводом автора стало, что понятие НТД включает в себя два укрупненных понятия: научно-исследовательская и техническая документация.

В методических рекомендациях по отбору НТД на государственное хранение, разработанных ВНИИДАД в 1976 г., авторы (Т. В. Домрачева, В. М. Жигунов, Т. Н. Мусатова, Л. А. Правосудова, С. П. Стрекопытов, В. А. Шутова) довольно своеобразно подошли к определению НТД. В работе указано, что под НТД понимается научная и техническая документация в процессе научной и практической деятельности. При этом она представляет собой лишь часть целостной системы документации, фиксирующей информацию о деятельности человека в сфере научно-технических исследований и внедрении их в производства. В эту систему входят помимо НТД управленческая, кино-, фото- и другие виды документации. В свою очередь сама НТД состоит из самостоятельных систем: научно-исследовательской (научной), конструкторской, технологической, проектной, геологической, геодезической, картографической, метеорологической, патентной, а также документации рационализации и изобретательству [11].

Последовательная регламентация систем научно-технической документации начинается с 1970-х гг. В 1971 г. вводится Единая система конструкторской документации, с 1975 г. — Единая система технологической документации.

Жигунов возвращался к проблеме осмысления понятия НТД и в 2000-е гг. Тогда он опять же подчеркивал ее разделение на научную и техническую документацию. Последняя, на его взгляд, расширилась в постсоветские годы за счет градостроительной, землеустроительной, лесоустроительной, инвестиционной документации, а также техническими и учетно-техническими документами БТИ. Также он обратил внимание на возможность выделения из технических документов экономической документации и производственно-технической документации, обеспечивающей производство, эксплуатацию и ремонт промышленных изделий. В связи со сложностью вычленения подобных групп документации автор приходит к необходимости отталкиваться при определении НТД от объекта [12].

Таким образом, можно констатировать системность определения «научно-техническая документация». Анализ историографии показывает, что попытки ее определения через составные части не дают позитивного результата.

На мой взгляд, наиболее полное определение научно-технической документации использовано в «Основных правилах работы с научно-технической документацией в государственных архивах Российской Федерации», в силу ряда причин так и не ставших нормативным документом, — обобщающее понятие научно-исследовательской, научно-технической и технической документации на различных носителях информации, фиксирующей процесс и результаты научных исследований и прикладных разработок, а также направления и методы их внедрения в различные отрасли экономики. Данное определение демонстрирует собирательный характер понятия НТД. К ней в данном документе относятся: научно-исследовательские, конструкторские, технологические, патентные, программные, геолого-геодезические, маркшейдерские, изыскательские, картографические, метеорологические, градостроительные, земле- и лесоустроительные документы, проектные документы для строительства и на автоматизированные системы, учетно-техническая документация и ряд других [13]. Каждая из них представляет, по существу, отдельную систему документации, регулируемую системами стандартов на НТД — СИБИД, ЕСКД, ЕСТД, ЕСПД, СПДС и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Симонова Е. Р. Организация использования научно-технической документации в государственных архивах: Теоретические и методические аспекты: автореферат дис. ... к. и. н. / ВНИИ документоведения и архивного дела. — М., 1997. — 19 с.

2. Кузин А. А. Технические архивы. — М., 1956.

3. КонсультантПлюс.

4. Жигунов В. М. Некоторые терминологические вопросы научно-технической документации // Труды ВНИИДАД. Т. VII. Ч. I. — М., 1978. — С. 132–144; Жигунов В. М. Некоторые актуальные вопросы терминологии и теории экспертизы ценности НТД // Вопросы теории и методологии архивоведения. — М., 1976. — С. 85–91.

5. Жигунов В. М. Некоторые терминологические вопросы научно-технической документации // Труды ВНИИДАД. Т. VII. Ч. I. — М., 1978. — С. 134–135.

6. Краткий словарь архивной терминологии. — М., 1968.

7. Кузин А. А., Преображенская А. А. и др. Научно-технические архивы: учеб. пособие / под ред. К. Б. Гельман-Виноградова. — М., 1975. — С. 7.

8. Кузин А. А., Филипов Н. Г. Техническое документирование: учебное пособие. — М., 1973. — С. 21.

9. Жигунов В. М. Некоторые терминологические вопросы научно-технической документации // Труды ВНИИДАД. Т. VII. Ч. I. — М., 1978. — С. 140.

10. Жигунов В. М. Некоторые терминологические вопросы научно-технической документации // Труды ВНИИДАД. Т. VII. Ч. I. — М., 1978. — С. 140–141.

11. Основы отбора на государственное хранение научно-технической документации: методическое пособие. — М., 1976. — С. 7–9.

12. Жигунов В. М. К стратегии формирования АФ РФ в части научной и технической документации на различных носителях информации // Проблема 2001: архивное образование в научно-технической и экономической реальности современной России: Доклады и сообщения на круглом столе 27 апреля 2001 г. — М., 2002. — С. 91–94.

13. Основные правила работы с научно-технической документацией в государственных архивах Российской Федерации. Одобрены решением Коллегии Росархива от 26 марта 2003 г.

ЦИФРОВЫЕ ВИДЕОМАТЕРИАЛЫ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РОЛЕВОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Славко Маргарита Андреевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Выборгского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
e-mail: melihin@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу такому виду исторического источника по исследованию общественного ролевого движения в России, как цифровые видеоматериалы. Автором дается общая характеристика цифровых видеоматериалов, создаваемых в рамках ролевого движения, описываются основные разновидности, ставятся задачи источниковедческого характера. Делаются выводы о необходимости введения цифровых видеоматериалов в разряд исторических источников.

Ключевые слова: цифровые видеоматериалы, движение ролевых игр живого действия, исторические источники, общественные объединения.

DIGITAL VIDEO MATERIALS AS SOURCE FOR THE STUDY OF PUBLIC ROLE MOVEMENT IN RUSSIA

Slavko Margarita Andreevna

PhD in history, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of the Vyborg branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Moscow, Russian Federation
e-mail: melihin@yandex.ru

Abstract. The work is devoted to one of the most important problems of using electronic documents — the task of convertibility of information from one medium to another, or in conditions of changing technological formats. The author considers issues related to the transformation of the document in the framework of the challenges of the digital society.

Keywords: electronic documents, information conversion, historical experience, digital society.

Для проведения исследования современных общественных явлений необходимо широко привлекать не только традиционные источники, но и новые формы фиксации информации, которые тесно связаны с возможностями информационных технологий. Одной из таких категорий являются цифровые видеоматериалы. На данном этапе цифровые видеоматериалы широко используются для фиксации, передачи и распространения различной информации как с помощью специальных платформ, так и в социальных сетях. Этому способствует как простота фиксации происходящего на видео, поскольку это входит в функцию даже простых телефонов, так и предпочтения населения, особенно молодежи, в потреблении информации именно в видеоформате.

Особенно интересен анализ цифровых видеоматериалов в рамках исследований неформальных общественных объединений. Одним из таких объединений, существующим в России с 1990 г., является движение ролевых игр живого действия. Данное движение существует в России с конца 1980 — начала 1990-х гг., обладает массовым характером и творческой направленностью и представлено во всех регионах нашей страны и за рубежом.

В рамках движения ролевых игр создается широкий пласт видеоматериалов. Творческая направленность данного общественного объединения требовала различных способов реализации его участников, в том числе и съемки видео. Поэтому видеоматериалы, как способ фиксации информации, возникли в ролевом движении уже на самом раннем этапе его развития. Участники ролевого сообщества в своей деятельности всегда активно использовали новые технические средства и возможности, поэтому уже в начале 2000-х гг. видеоматериалы стали создаваться в цифровом виде и распространяться на электронных носителях. На данном этапе можно сказать, что большинство видеоисточников по ролевым играм живого действия являются источниками цифрового происхождения.

Первыми видеоматериалами ролевиков стали видеозаписи с полигонных ролевых игр. Видеозаписи с игр начали создаваться, как толь-

ко участники получили доступ к средствам фиксации. Уже на первых играх отдельные моменты записывались на кинокамеры без звука. Но массового распространения они не получили, в том числе из-за сложности копирования и воспроизведения. Довольно скоро появились портативные видеокамеры, позволившие широко распространять видеопленки благодаря простоте копирования и воспроизведения. Возникают первые ролевые кинооператоры — люди, которые ездят на игры для того, чтобы вести видеохронику. Уже в начале 2000-х гг. видеокамеры аналогового типа стали заменяться цифровыми, а видео распространяться не на видеокассетах, а на CD-дисках.

Видеозаписи с игр обычно содержат отдельные моменты игры, которые увидел оператор [1]. Обязательно боевые взаимодействия — сражения, штурмы, поединки. Сколько-то игровых событий — диалоги, сцены, конфликты и т. д. Просто красивые картинки, пейзажи, быт, антураж, доигровая подготовка. Все зависит от количества операторов, их активности, умения и возможностей. Обычно людей, снимающих фотографии (статичные картинки), значительно больше, чем видеооператоров, т. к. видео сложнее обрабатывать, выкладывать, хранить и распространять. Кроме того, в современной культуре длинные видеоматериалы хуже воспринимаются аудиторией. Для этого из всего объема видеоматериалов делаются нарезки и видеоклипы. Нарезка — это отдельные сцены, не более 10–15 минут, с оригинальным звуковым сопровождением или набор кратких моментов, последовательно расположенных и создающих определенное впечатление [2]. Нарезка с музыкальным сопровождением называется клипом.

Клип — это сочетание видеоряда и звукового музыкального сопровождения. Клипы начали создаваться примерно в середине 1990-х гг., когда появились технические возможности. В качестве примера ранних клипов можно представить клип XI-95 на песню ролевого автора-исполнителя Скади. Клип смонтирован из видеоматериалов, заснятых операторами Фангорн-видео на аналоговую камеру [3]. Пик популярности клипов пришелся на конец 2000-х — начало 2010-х гг. Сейчас популярность клипов спала, т. к. многие сервисы блокируют контент в связи с нарушением авторских прав авторов песни, что ограничивает клипмейкеров только ролевыми авторами.

Еще одна группа материалов по ролевому движению — это записи с конвентов. Конвенты — это мероприятия, проводимые ролевиками, которые сочетают в себе элементы фестиваля, турнира и конференции. Конвенты включают в себя концерты и выступления как ролевых авторов-песенников (менестрелей), так и творческих коллективов (музыкальных и театральных); турнирную программу, куда входят соревнования по владению различных типов оружия, принятых на ролевых играх; балы и мастер-классы по танцам; рекламу игр следующего сезона; семинарскую программу по целому ряду направлений — методике подготовки и проведения ролевой игры живого действия, фантастике и литературе, школе игрока, этнографии, творчеству Дж. Р. Толкина и т. д. Кроме того, конвент — это возможность живого общения, обмена опытом, непосредственного взаимодействия, которое остается актуальным даже сейчас, в эпоху коммуникативных возможностей интернет-платформ.

Если в 1990-х — начале 2000-х гг. на видео фиксировали в основном зрелищные события — концерты, турниры, балы, то к концу 2000-х гг. появилась возможность снимать и семинары, чтобы фиксировать выступления по наиболее актуальным для ролевиков вопросам. Сейчас практика видеофиксации семинаров и последующего их выкладывания на интернет-ресурсы применяется довольно часто, хотя и не носит системный характер. У организаторов конвентов обычно не хватает финансов и возможностей, чтобы организовать централизованную съемку всех семинарских потоков. Видеозаписью занимаются отдельные энтузиасты, благодаря которым сохраняется уникальная часть ролевого знания [4].

Привлечение на свои мероприятия участников требует рекламы и продвижения, поэтому отдельным направлением можно выделить рекламные видеоматериалы. Например, реклама Международного конвента фантастики и ролевых игр «Зиланткон», ежегодно проводимого в Казани, начиная с 1991 г. Данная реклама основывается на видеозаписях, сделанных во время «Зиланткона» 1998 г. [5]. Снимаются рекламные ролевых игр и других мероприятий.

Отдельно стоит выделить записи концертов ролевых исполнителей (менестрелей) и их отдельных песен. Некоторые исполнители

выкладывают подобные материалы на своих страницах или группах в социальных сетях. Например, в группе, посвященной творчеству ролевого менестреля Людмилы Смеркович (Скади), не только выложены клипы на ее песни, но и регулярно публикуются видеозаписи ее выступлений [6]. В последние годы появились авторы, которые сразу выкладывают свое творчество на интернет-платформы. К таким относится сатирический дуэт «Поем мы — стыдно вам», который поднимает наиболее острые темы ролевых игр, особенно Центрального региона [7].

Цифровые видеоматериалы могут носить информационный характер. Часто это ролики, которые снимают организаторы игры живого действия (мастера) для разъяснения важных моментов правил. Это делается для облегчения понимания игроками основ взаимодействия на игре, т. к. для современного человека среднего возраста посмотреть ролик зачастую проще, чем прочитать текст [8]. Тематические ролики могут сниматься и от имени игроков и быть посвящены отдельным аспектам игры или ролевым играм в целом. В ролике «Обзор полигонных ролевых игр тысячников на примере ПРИ „Железный трон“ 2018 (РПГ на местности)» показывается и рассказывается, что такое ролевая игра, чем она характеризуется, из каких этапов состоит, описываются опыт и впечатления [9]. Автор не просто делится своим хобби, он снимает ролик для аудитории, не относящейся к ролевому сообществу, с целью информирования и распространения знаний о ролевых играх.

В 2019 г. нами была выявлена новая разновидность видеоматериалов — видеотчет о ролевой игре. Отчеты являются традиционным документов, где излагаются впечатления о прошедшей игре, причем могут создаваться как игроками, так и мастерами. Традиционно отчеты всегда фиксировались в текстовом виде, и отчет в форме видеоматериала может как стать явлением разового характера, так и перерасти в новую общепринятую форму [10].

Традиционно видеоматериалы выкладывались на тематических ресурсах или сайтах их авторов. Однако последнее десятилетие существует устойчивая тенденция выкладывать их сразу на платформу YouTube. Данная платформа позволяет хранить и распространять видеоматериалы, облегчает их поиск, расширяет аудиторию. Боль-

шинство цифровых видеоматериалов по ролевому движению находится в открытом доступе, но слабо индексируются, что затрудняет их выявление по ключевым словам через поисковые системы.

Проблемы с сохранностью цифровых видеоматериалов проявляются меньше, чем у других видов источников, например, текстовых. Возможно, это связано с тем, что создатели и распространители видеоматериалов ценят их выше, а поэтому и больше внимания уделяют месту хранения. Еще одной причиной предположительно может быть большая надежность видеохостингов, по сравнению с обычными. Однако цифровых видеоматериалов касаются те же проблемы, что и к другим источникам цифрового происхождения. Например, сайт «Фангорн-видео» на данный момент не работает, и в доступе находятся только материалы, когда-то выложенные на YouTube.

Еще одним вопросом является датирование цифровых видеоматериалов. Дата их создания и дата, когда они были выложены на очередной ресурс, может не совпадать. Например, клипы Фангорн-видео были выложены на YouTube в конце 2000-х гг., хотя создавались во второй половине 1990-х гг. Выявление даты видеоматериалов последнего десятилетия пока что не настолько затруднено, но сложно предсказать, как данная проблема проявится в будущем.

Чем проще создавать видеоматериалы, тем больше они будут задействованы в жизни ролевого движения. И тем чаще придется привлекать их ученым в качестве источников для исследования. Необходимо шире раскрывать их возможности, описывать, классифицировать. Применять различные методы обработки содержащейся в них информации. Рассматривать возможность интерактивных научных публикаций для просмотра иллюстративного материала. Необходима классификация, описание и анализ цифровых видеоматериалов как исторического источника, что ставит новые задачи перед историками, документоведами и архивистами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ПРИ «Черный отряд» 2019. Часть 1. Хроники Торгового дома Вера из Роз. Прогулка по Веслу. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=35oi3u7YlwQ>.

2. Черный отряд-2019 (финальный парад). Съемка Фангорн-видео. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=7Ez_6ojBggw&t=2s.

3. ХИ 1995. Съемка Фангорн-видео, песня Скади. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=j8Tz6XhjaD8>.

4. Ролевые игры в арабском мире. Доклад Рида Валида Мустафы (Палестина) на Зилантконе 2019 // Бредни престарелого ролевика. — URL: https://rojkov.livejournal.com/271595.html?utm_source=vksharing&utm_medium=social.

5. Зилант98, Фангорн-видео. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=НоajsP5w560>.

6. Скади. Стихи, фото, песни, видео, концерты. — URL: <https://vk.com/skadiland>.

7. Внутренние ХИ. Поем мы — стыдно вам. — URL: https://vk.com/video-168768509_456239017.

8. ТК3W правила для чайников. Ранение и смерть. — URL: https://vk.com/im?peers=c226&sel=29478162&z=video-127976268_456239024%2F8ae80e5749672e7da0.

9. Обзор полигонных ролевых игр тысячников на примере ПРИ «Железный трон» 2018 (РПГ на местности). — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Xwj2dkeQjm4>.

10. Ролевая игра «Ведьмак». Отчет файтера. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xSyNGQxvsN0>.

«ХРАНИТЬ НЕЛЬЗЯ УНИЧТОЖИТЬ»: ПОИСК И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ФОНОДОКУМЕНТОВ ВСЕСОЮЗНОГО РАДИО ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В 1960-Е ГГ.

Жукова Мария Михайловна

Старший преподаватель кафедры документоведения, аудиовизуальных и научно-технических архивов факультета документоведения и технотронных архивов

Российского государственного гуманитарного университета

Москва, Российская Федерация

e-mail: m.m.zhukova@mail.ru

Аннотация. В статье представлена история поиска, восстановления и изучения фонодокументов Всесоюзного радио периода Великой Отечественной войны в 1960-е гг. в связи с подготовкой в СССР к 20-летию Победы в ВОВ. Рассмотрены технические особенности звукозаписи на радио в 1940-е гг., причины забвения фонодокументов периода ВОВ и возрождения интереса к ним со стороны творческих работников радио, телевидения и кинематографа.

Ключевые слова: радиовещание, Великая Отечественная война, звукозапись, фонодокумент.

KEEP OR DESTROY: SEARCH AND RESTORATION OF RADIO SOUND RECORDS OF WORLD WAR II IN THE MIDDLE 1960

Zhukova Maria Mikhailovna

Senior lecturer, Department of Documentation, Audiovisual and

Scientific and Technical Archives of the

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russian Federation

e-mail: m.m.zhukova@mail.ru

Abstract. The article is about history of searching and restoration of sound records of the Soviet broadcasting made during World War II. The author focuses on such aspects as technology of mechanic sound record, losses among archive sound records because of their underestimating after war, preparation to the 20-th anniversary of the Victory Day in 1965 in USSR.

Keywords: broadcasting, World War II, sound records, sound archives.

Изучение истории архивов и архивных коллекций документов представляет безусловный интерес как с точки зрения источниковедческого анализа документов, так и с точки зрения истории идеологии, властных институтов общества, государственных учреждений.

Статья посвящена истории поиска, обнаружения, восстановления и изучения фонодокументов Всесоюзного радио периода Великой Отечественной войны, которые были преданы забвению после войны и не привлекали внимания архивистов и историков до начала 1960-х гг. Созданные на радио фонодокументы являлись продуктом не только творчества, но и официальной идеологии, поэтому их послевоенная судьба напрямую зависела от трансформации идеологии, изменений в системе ценностей советского общества.

Коллекция фонодокументов советского радио периода ВОВ изначально не была многочисленной, поскольку радиовещание до внедрения магнитной звукозаписи работало в основном в условиях прямого эфира. Звукозапись на радио в годы войны применялась эпизодически, что не способствовало формированию репрезентативной коллекции фонодокументов: несовершенство механической и оптико-фотографической систем записи не позволяло записывать и монтировать к эфиру весь объем программ; звукозапись применялась для внестудийной фиксации звуковых фрагментов (важных событий, боевых рассказов, звуков боя) и студийной записи выступлений политических деятелей, представителей науки, культуры [1]. Магнитная запись, более совершенная с точки зрения сотрудников радио, т. к. являлась оперативной, экономичной и позволяла осуществлять монтаж записанного материала, в годы войны была внедрена только на Ленинградском радио [2]. Таким образом, уровень развития техники звукозаписи не способствовал накоплению массива радиопрограмм в архивах Всесоюзного радио.

Помимо объективных причин — несовершенства звукозаписи и нерегулярного ее использования для записи программ — на состав фонодокументов периода войны повлияли и субъективные факторы, а именно: намеренное уничтожение документов и ненадлежащее их хранение после войны из-за того, что их очевидная для наших современников ценность была поставлена под сомнение в 1940–1950-е гг.

По окончании войны на советском радио была внедрена магнитная

звукозапись как более совершенная система записи звука для нужд радиовещания, постепенно сотрудники радио отказались от использования устаревшего оборудования механической и оптико-фотографической записи (шоринофоны, грамстолы, аппараты «Престо») после того, как студии радиокомитета были оснащены трофейными немецкими и первыми магнитофонами советского производства.

Для дальнейшего использования архивных радиопрограмм, созданных до внедрения магнитной звукозаписи, необходимо было осуществить перезапись фонодокументов с носителей устаревших форматов на магнитную ленту. Таким образом, при перезаписи была проведена своеобразная экспертиза ценности фонодокументов, и наиболее ценные документы, выполненные на шоринофонах, тонфолях и тонфильмах, были сохранены путем перезаписи. Это были преимущественно выступления государственных и партийных деятелей, а также радиопередачи, которые предполагалось использовать в эфире неоднократно, например, радиоспектакли. При этом большинство радиопередач без перезаписи были переданы на хранение в отдел фонодокументов ЦГАКФФД СССР. Среди поступивших на хранение в архив документов были репортажи военных лет, боевые эпизоды, записи событий на фронте и в тылу и другие фонодокументы, которые уже не представляли ценности для радиовещания послевоенного периода.

Дело в том, что радиопередачи о войне утратили ценность в качестве источника для наполнения эфира и монтажа новых программ: в 1947 г. указом Президиума Верховного Совета СССР выходной день с 9 мая был перенесен на 1 января [3], выходной день 3 сентября в честь победы над Японией был просто отменен [4], поэтому регулярная подготовка праздничных радиопрограмм к годовщинам Победы была отменена. Радио как оперативное СМИ должно было освещать быстрое восстановление хозяйства страны после войны и перестраиваться на работу в условиях начавшейся «холодной войны» и контрпропаганды с иностранными радиостанциями, которые после войны начали вещание на русском языке [5]. Другими словами, фонодокументы 1941–1945-х гг. не были уничтожены, но их обрекли на медленное угасание в забвении, поскольку вплоть до 1960-х гг. к ним никто не проявлял интереса.

Судьбу данных фонодокументов изменила подготовка к 20-летию Победы в Великой Отечественной войне. В 1965 г. власти решили вернуть в советский официальный календарь 9 мая как выходной день [6] и развернуть широкомасштабные торжества по случаю юбилея Победы, подготовка к которому началась еще до принятия соответствующего указа. В 1964 г. для монтажа новой аудиовизуальной продукции, посвященной войне (художественных и документальных фильмов, телерадиопередач, грампластинок), творческие работники радио приступили к поиску фонодокументов периода войны, поскольку в рабочих фонотеках радио записей 1941–1945-х гг. было крайне мало [7]. В ходе данной работы было установлено, что за прошедшие с момента передачи документов на государственное хранение годы коллекция звукозаписей в ЦГАКФД СССР пришла в плачевное состояние: часть записей не уцелела во время хранения, рассыпалась, покособилась, раскрошилась (носители механической и оптико-фонографической записи были хрупкими и ломкими), часть фонодокументов сохранилась, но не имела качественной текстовой сопроводительной документации, из-за этого содержание звукозаписей с трудом поддавалось расшифровке, что препятствовало использованию этих документов.

Помимо технического состояния фонодокументов и низкого качества научно-справочного аппарата возникла также проблема поиска аутентичного оборудования: в середине 1960-х гг., когда наиболее распространенной системой звукозаписи была магнитная, в Гостелерадио СССР и в архивах, хранящих фонодокументы, уже не было работающих шоринофонов, аппаратов «Престо» и другой аппаратуры образца 1930–1940-х гг., которая была необходима для прослушивания и перезаписи обнаруженных звукозаписей периода ВОВ. Поиск аутентичной техники пришлось вести по всему СССР (в музеях, местных радиокомитетах, у коллекционеров), и только после ее доставки в Москву фонодокументы удалось воспроизвести и перезаписать на магнитную ленту для дальнейшего использования.

Наряду с недооценкой и ненадлежащим хранением имело место и целенаправленное уничтожение документов: в ходе «ленинградского дела» в фонотеке Ленинградского радиокомитета была произведена чистка с целью уничтожения фонодокументов периода блокады,

т. к. на них были записаны голоса руководителей городского и областного партийных комитетов, которые были репрессированы в 1949–1952 гг.

Немногочисленность сохранившихся фонодокументов Ленинградского радио (их общее звучание — всего 4 часа 18 минут 9 секунд [8]) удивила исследователей, изучавших их в 1960-е гг., однако тогда в качестве причины плохой сохранности назвали именно использование магнитной звукозаписи в комитете: имея ограниченный запас магнитной ленты, сотрудники Ленинградского радио были вынуждены повторно использовать ленту для записи, после того как ранее записанный материал был использован в эфире. Истинные причины плохой сохранности документов были установлены значительно позже, когда ветераны Ленинградского радио рассказали о том, как им удалось спасти часть фонодокументов от чистки, пряча их в коробках с другими названиями или унося тайком домой [9].

В силу описанных причин на сегодняшний день звуковое наследие периода ВОВ является фрагментарным и не поддается полной атрибуции, среди звукозаписей преобладают выступления партийных и государственных деятелей, ученых, писателей, которые после войны были своевременно перезаписаны на магнитную ленту. Подлинных репортажей, боевых рассказов, свидетельств рядовых участников войны сохранилось очень мало. Многие записи не поддаются точной датировке, зачастую невозможно установить имена выступающих. Переоценка фонодокументов периода войны, которая произошла в 1960-е гг., их интенсивное использование на радио, телевидении и в кино при общей плохой сохранности и атрибуции фонодокументов постепенно привели к появлению ошибочной атрибуции и мифологизации истории звукозаписей: до сих пор общим заблуждением является приписывание репортажа о церемонии подписания Акта о капитуляции Германии ленинградскому журналисту Л. Е. Маграчеву, а фонодокументы с записью сводок Совинформбюро, прочитанных Ю. Б. Левитаном, даже в профессиональной среде рассматриваются как аутентичные записи 1941–1945 гг., хотя они были записаны в 1960–1970-е гг.

Таким образом, коллекция фонодокументов Всесоюзного радио периода войны по-прежнему остается интересным и перспективным объектом для исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Жукова М. М. Кинофотофонодокументы по истории церемонии подписания Акта о безоговорочной капитуляции Германии 8 мая 1945 г.: проблемы поиска и изучения // Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. — 2017. — № 1 (7). — С. 108–116.

2. Васильева Т. В., Ковтун В. Г., Осинский В. Г. Позывные мужества. Опыт Ленинградского блокадного радио. — СПб.: Специальная литература, 2009. — С. 29.

3. Об объявлении 1 января нерабочим днем: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 декабря 1947 г. — <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?rnd=36D2F6BE65706D85FCDE5704292FBE7F&req=doc&base=ESU&n=45946&dst=100004&fld=134&REFFIELD=134&REFDST=100005&REFDOC=36032&REFBASE=ESU&stat=refcode%3D10679%3Bdstident%3D100004%3Bindex%3D10#2knownbjbck> (дата обращения: 12 ноября 2019 г.).

4. Об изменении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 сентября 1945 года: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1947 г. — <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=42678#013471475433009594> (дата обращения: 12 ноября 2019 г.).

5. Коляда В. А. Есть звуки, их значение... — М.: РГГУ, 2008. — С. 97–98.

6. Об объявлении 9 мая нерабочим днем: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1965 г. — <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?rnd=36D2F6BE65706D85FCDE5704292FBE7F&req=doc&base=ESU&n=11904&REFFIELD=134&REFDST=100004&REFDOC=36032&REFBASE=ESU&stat=refcode%3D16876%3Bindex%3D9#25bbeld6vdt> (дата обращения: 12 ноября 2019 г.).

7. Куденко О. Подвиг народа. — М.: Искусство, 1971. — С. 37.

8. Шидов Л. А. Голоса, зазвучавшие вновь: записки звукоархивиста. — М.: Просвещение, 1987. — С. 105.

9. Радио. Блокада. Ленинград: сборник статей и воспоминаний. — СПб.: Специальная литература, 2005. — С. 142.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ЛАБОРАТОРИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОХРАННОСТИ ДОКУМЕНТОВ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Исакова Елена Валерьевна

Главный хранитель фондов

Санкт-Петербургского государственного казенного учреждения

«Центральный государственный исторический архив

Санкт-Петербурга»

Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: e.isakova@ak.gov.spb.ru

Аннотация. В статье дана краткая общая характеристика физического состояния документов в фондах Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга. Обозначены актуальные проблемы консервации документов на бумажной основе. Описан опыт взаимодействия архива и лабораторий обеспечения сохранности документов, и намечены перспективы развития этого сотрудничества.

Ключевые слова: архивные документы, обеспечение сохранности, реставрация, консервация, дезинфекция.

AN INTERACTION OF THE CENTRAL STATE HISTORICAL ARCHIVE OF SAINT PETERSBURG WITH THE DOCUMENT PRESERVATION LABORATORIES: ACTUAL PROBLEMS AND PROSPECTS

Isakova Elena Valer'evna

Chief custodian of funds of the Central State Historical Archive of

Saint Petersburg

Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: e.isakova@ak.gov.spb.ru

Abstract. The article contains a brief general description of the physical condition of archival documents in the Central State Historical Archive of Saint Petersburg. The author reveals actual problems of conservation of paper archival documents, represents interaction experience of the Central

State Historical Archive with the document preservation laboratories, outlines prospects of the partnership.

Keywords: archival documents, preservation, restoration, conservation, disinfection.

В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб) хранится почти 2 млн дел в 1983 фондах учреждений, предприятий и организаций Санкт-Петербурга и Петербургской губернии дореволюционного периода. Самые ранние документы относятся к первой четверти XVIII в., большая же часть создана во второй половине XIX — начале XX вв. Основным материальным носителем информации является бумага, документы на пергамене единичны. Поскольку возраст документов — от 100 до 300 лет, виды и качество бумаги разнообразны: встречается как высокосортная тряпичная, так и древесная низкого качества, папиросная бумага, бумажные и тканевые кальки, газеты. Материалы записи информации также разнообразны: железо-галловые и синтетические чернила, тушь, карандаш, акварель. Имеется значительное количество машинописных и типографских документов. Многообразие видов бумажных носителей и материалов записи обуславливает разную устойчивость к старению и долговечность хранимых документов, требует постоянного мониторинга состояния фондов и применения дифференцированного подхода при отборе документов для выполнения стабилизации и реставрации.

Профилактические консервационные мероприятия и реставрация являются одними из важнейших направлений деятельности архива по обеспечению сохранности документов. Основные сведения для оценки общего физического состояния фондов и отбора дел, нуждающихся в срочной или отложенной специальной обработке, дает ежегодная плановая проверка наличия и состояния документов. Полученные данные позволяют прогнозировать изменения состояния фондов, оценивать скорость и масштаб процессов старения и разрушения документов, планировать консервационные работы и устанавливать приоритеты. При подготовке дел к выдаче по заказам пользователей также происходит выявление документов, нуждающихся в реставрации, дезинфекции.

На сегодняшний день около 20 % находящихся на хранении дел нуждаются в реставрационно-восстановительных мероприятиях, более 35 % — в дезинфекционной обработке. Такое состояние документов объясняется прежде всего обстоятельствами их поступления в архив, тем, что до передачи на постоянное государственное хранение архивы многих фондообразователей хранились в неблагоприятных условиях, подвергались воздействию огня, воды, биологических вредителей. Например, в дни Февральской революции при поджоге здания Петроградского окружного суда почти полностью сгорели документы суда, прокуратуры и нотариального архива; подверглись разгрому полицейские участки разных частей города, где также погибло много документов. Из немногих, которые удалось спасти, впоследствии были сформированы фонд Петроградского окружного суда (Ф. 225), объединенный архивный фонд нотариального архива Петроградского окружного суда и нотариальных контор (Ф. 780), коллекция «Полицейские дома частей Петрограда» (Ф. 1700). По понятным причинам значительная часть документов этих фондов находится в неудовлетворительном физическом состоянии. Огромный ущерб документам ликвидированных дореволюционных административно-полицейских, судебных, сословных, церковных и других учреждений, хранившимся в непригодных помещениях, нанесло сентябрьское наводнение 1924 г. Для предотвращения дальнейшей гибели документов в распоряжение архивной службы города были переданы здания бывшего архива Государственного контроля и Коломенского отделения городского ломбарда, куда поступали документы часто в неразобранном виде и крайне плохом физическом состоянии. В августе 1936 г. эти архивохранилища вошли в состав Ленинградского областного исторического архива, ныне — ЦГИА СПб. К сожалению, и в дальнейшем условия хранения документов не всегда соответствовали нормативным.

Среди наблюдаемых повреждений документов преобладают связанные с воздействием и последствиями воздействия воды: деформация отдельных листов и книжного блока в целом, сильная деструкция бумаги, сцементирование, затеки, расплывание и выцветание текста, пигментация бумаги, поражение плесневыми грибами.

Наряду с внешними негативными факторами на сохранность документов влияет процесс естественного старения материалов основы и записи информации. При этом документы, созданные в первой четверти XX в. на бумаге низкого качества с использованием таких технических средств, как печатная машинка или гектограф, имеют меньшую долговечность и, зачастую, находятся в более плохом состоянии, чем документы, созданные на два века раньше.

Ежегодно более 36 тысяч листов документов ЦГИА СПб реставрируется в двух лабораториях города: лаборатории обеспечения сохранности документов, подведомственной Архивному комитету Санкт-Петербурга (далее — ЛОСД), и лаборатории микрофильмирования и реставрации документов РГИА. Основной объем работ выполняет ЛОСД. Оценивая взаимодействие ЦГИА СПб и этой лаборатории на протяжении последних лет, можно говорить о существенных позитивных изменениях: наблюдается постепенное увеличение объемов реставрации, расширение ассортимента оказываемых ЛОСД услуг, повышение качества работ. Это связано, прежде всего, с переездом лаборатории в новое здание. Улучшение материально-технической базы и кадровых ресурсов ЛОСД, возможность внедрения новых методов и технологий создали благоприятные условия для развития сотрудничества архива и лаборатории.

До 2015 г. ЛОСД реставрировала для ЦГИА СПб 20 тысяч листов архивных документов в год, причем 55 % приходилось на реставрацию третьей категории сложности, а реставрация первой категории не выполнялась. С 2016 г. не только увеличился объем реставрационных работ, но и произошли качественные изменения: стала выполняться реставрация первой категории сложности. В 2019 г. на реставрацию в ЛОСД передано 36 тысяч листов, что на 80 % больше, чем в 2015 г., причем количество листов, для которых проводится реставрация первой категории, выросло с 3 до 7 тысяч, и в структуре заказов реставрация первой-второй категории составляет 52 %.

В тоже время архив получил возможность направлять в ЛОСД документы, пораженные плесневыми грибами, на дезинфекционную обработку. Ранее полистная дезинфекция документов проводилась в лаборатории РГИА, и только после этого документы передава-

лись в ЛОСД для проведения дальнейших работ по улучшению их состояния. Сегодня сотрудники сектора биологического контроля и дезинфекции ЛОСД не только выполняют микробиологический анализ и, в случае необходимости, обработку документов, но также регулярно проводят обследования воздуха, поверхностей стеллажей и стен в архивохранилищах ЦГИА СПб.

Данное направление деятельности лаборатории требует дальнейшего развития. Например, при анализе проб не определяется вид микромицетов, и все документы обрабатываются водным раствором метатина. Еще одна актуальная для архива проблема: в настоящее время поверхностную очистку и биоцидную обработку документов ЛОСД проводит только в комплексе других восстановительных мероприятий. Пока мы не имеем возможности направлять туда документы только на гигиеническую или дезинфекционную обработку без дальнейшего реставрационного вмешательства. В тоже время опыт многолетнего сотрудничества ЦГИА СПб с лабораторией РГИА показывает, что проведение санитарно-гигиенической обработки, механической очистки поверхности документов в соответствии с принятыми методами реставрации или, при необходимости, дезинфекции в 85 % случаев оказывается достаточным мероприятием для улучшения состояния документов, замедления процессов их старения и разрушения. Ежегодно в лаборатории РГИА проводится очистка от пыли, грязи, плесневых налетов, других поверхностных загрязнений и ручная дезинфекция более 15 тысяч листов документов ЦГИА СПб. После возвращения в архив дела, помещенные в новые папки, отправляются на места постоянного хранения, и только 15 % (наиболее разрушенные документы) в дальнейшем подвергаются реставрации в ЛОСД.

Нередко архив сталкивается с необходимостью решения таких сложных реставрационных задач, как укрепление сильно разрушенных бумажных и тканевых калек с архитектурной графикой, дезинфекционная обработка и восстановление картографических документов большого формата с ослабленной и сильно загрязненной бумагой, нестойким к водной обработке изображением и текстом, стабилизация фотографий, реставрация руинированных документов

и др. Особенно остро проблема реставрации таких документов встает, когда они затребованы пользователями, но не могут быть выданы в читальный зал по причине неудовлетворительного физического состояния. Их восстановление выполняется в лаборатории РГИА: в этом году на сложную реставрацию передано 829 листов формата А4 и более 1200 дм² крупноформатных документов.

Кроме того, архив ищет новых партнеров для сотрудничества в сфере обеспечения сохранности документов. В 2019 г. мы заключили договор с Федеральным центром консервации библиотечных фондов РНБ на оказание услуг по реставрации атласа Санкт-Петербурга, входящего в Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации. Рукописный атлас создан в 1798 г., представляет собой альбом размером 50х40х10 см и является уникальным образцом русского картографического искусства конца XVIII в. В составе атласа — 158 планов, отражающих административно-полицейское деление Санкт-Петербурга на 11 частей. На данный момент выполнены все предварительные исследования бумаги, проклейки, микробиологический анализ, и завершается реставрация графических листов, входящих в состав атласа.

Несмотря на систематическое проведение реставрационно-восстановительных работ, количество документов, нуждающихся в улучшении физического состояния, намного превышает как возможности лабораторий, так и финансовые возможности архива. В перспективе с учетом фактора естественного старения документов потребность в реставрации будет расти. В связи с этим важнейшее значение имеют установление приоритетов при отборе документов для проведения консервационных мероприятий и использование альтернативных реставрации способов замедления процессов старения и разрушения документов, сохранения документной информации.

Одним из предлагаемых ЛОСД методов консервации документов на бумажной основе является инкапсулирование. Первым нашим опытом стало инкапсулирование документов из коллекции листовок и документов, собранных государственным музеем революции (Ф. 2047). В конверты из полиэфирной пленки, запаянные с трех сторон, были помещены листовки и воззвания разных политических

партий и фракций Государственной думы 1903–1907 гг., выполненные на низкосортной бумаге и находящиеся в весьма ветхом состоянии.

Основными критериями отбора документов для проведения реставрации являются ценность документной информации, низкая потенциальная долговечность, востребованность документа. Необходимость в приоритетном порядке включать в заказы на реставрацию документы, в выдаче которых было отказано по причине неудовлетворительного физического состояния, вносит существенные коррективы в план. Эти дела не относятся к категории особо ценных, поскольку подлинники особо ценных дел, за редким исключением, в читальный зал не заказываются: пользователи работают с микрофотокопиями.

Возможность создания электронной копии (конечно, только если состояние материальной основы документа допускает проведение оцифровки) и предоставление ее пользователю для работы вместо подлинника обеспечивает достаточно оперативное решение проблемы отказов. В целом же формирование электронного фонда пользования позволяет рассматривать реставрацию как крайнюю меру, и во многих случаях ограничиваться такими консервационными мероприятиями, как соблюдение нормативных условий хранения документов и исключение подлинника из использования. Трудно переоценить значение оцифровки для сохранения документной информации. И, наконец, создание электронного фонда пользования снимает необходимость решения такой проблемы, как восстановление оригинального переплета дел, содержащих от 500 до 1,5 тысяч листов, или их разделение на части.

Практика разделения дел на части ранее применялась, в частности, в отношении дел из интенсивно используемого фонда Петроградской духовной консистории (Ф. 19) — метрических книг и исповедных росписей. Толщина книжного блока некоторых единиц хранения — более 30 см. Созданные в церковном делопроизводстве в служебных целях книги не обладают выдающимися эстетическими свойствами. Их переплеты не отличаются особыми художественными характеристиками. По этой причине в процессе бытования книг в архиве основным принципом их использования нередко становился приоритет доступности информации над сохранением материального

носителя. До создания электронного фонда пользования на дела фонда в читальный зал и сотрудникам архива для исполнения запросов выдавались подлинники, причем настолько часто, что в некоторых делах можно видеть по два-три листа использования. Конечно, работать с книгой такого объема непросто. Частое обращение к ней ведет к механическим повреждениям: отрыву крышек переплета от блока, утрате каптала, отрыву отдельных тетрадей, разрывам листов. Желанием уберечь документы от такого рода повреждений, а также техническими возможностями ЛОСД и объяснялось решение о разделении дел на части при переплете. Повреждались или утрачивались шнуры и печати — важные элементы метрических книг как правового источника, нуждающегося в защите от фальсификации. Во многих книгах в результате выборки чистых листов из книжного блока с целью уменьшить его толщину нарушены скрепы — еще один элемент защиты информации. Разделение на части не только изменяло внешний вид книги, вело к частичной утрате нетекстовой информации, но и требовало внесения изменений в учетные документы. В тоже время физико-химическое состояние бумажной основы большей части метрических книг и исповедных росписей фонда удовлетворительное, что при применении мер превентивной защиты, и самое главное, изъятии подлинников из обращения позволяет, следуя принципу невмешательства, отказаться от проведения реставрационных работ. В настоящее время все имеющиеся на хранении (более 15 тысяч единиц) в ЦГИА СПб метрические книги различных конфессий оцифрованы, и ведется работа по созданию электронного фонда пользования исповедных росписей.

Оцифровка документов осуществляется, в основном, силами самого архива и ГУП «Санкт-Петербургский информационно-аналитический центр», но ЛОСД также принимает участие в этой работе, сканируя микрофото пленку, созданную в процессе страхового копирования особо ценных документов.

Выявление документов, требующих реставрации, дезинфекции, переплета, нередко остается диагностикой без лечения. Хранители вынуждены делать выбор, применять принцип жесткого отбора документов для проведения специальной обработки, понимая,

что часть документов в процессе естественного старения, которое ускорилось под воздействием различных неблагоприятных факторов, будет утрачена. Тем важнее рационально использовать возможности реставрации и превентивной консервации для увеличения потенциальной долговечности подлинников, а также формировать не только страховой фонд, но и электронный фонд пользования для сохранения информационной составляющей архивных документов.

ООО

«ТЕРМИКА.РФ»

РАЗДЕЛ V

**СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ В КОНТЕКСТЕ
ИСТОРИИ СТРАНЫ**

SECTION V

**FAMILY HISTORY IN THE CONTEXT
OF THE COUNTRY'S HISTORY**

ИСТОРИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ В XX В. В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ

Мазур Людмила Николаевна

Доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой документоведения,
архивоведения и истории государственного
управления Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: lmaz@mail.ru

Аннотация. В статье приведен обзор массовых статистических источников по истории крестьянской семьи, проанализирован их состав и степень сохранности в архивах. Рассмотрены проблемы комплектования документов органов статистики, в том числе реализация принципов полноты, комплексности, преемственности. Предложены рекомендации по совершенствованию процедур экспертизы ценности применительно к документальным массивам организаций, имеющих сложную структуру, выходящую за рамки делопроизводственных практик. К числу последних относятся, в частности, управления статистики. Особое внимание обращено на необходимость передачи на постоянное хранение первичных форм статистических обследований, которые в наибольшей степени соответствуют требованиям системности, достоверности и полноты.

Ключевые слова: история семьи, крестьянская семья, статистические источники, переписи населения, бюджетные обследования, комплектование архивных документов, экспертиза ценности документов.

THE HISTORY OF THE PEASANT FAMILY IN XX CENTURY IN ARCHIVAL DOCUMENTS

Mazur Lyudmila Nikolaevna

Doctor of Historical Sciences,
Professor, Head of the Department of Documentation, Archives and
History of the State Management, Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Yekaterinburg, Russian Federation

e-mail: lmaz@mail.ru

Abstract. The article provides an overview of mass statistical sources on the history of the peasant family, analyzes their composition and the degree of preservation in the archives. The problems of completing the documents of statistical bodies, including the implementation of the principles of completeness, complexity, continuity, are considered. Recommendations on improvement of procedures of examination of value in relation to documentary arrays of the organizations having the difficult structure going beyond office practices are offered. The latter include, in particular, statistical Offices. Particular attention is paid to the need to transfer to permanent storage of primary forms of statistical surveys, which are the most.

Keywords: family history, peasant family, statistical sources, population censuses, budget surveys, acquisition of archival documents, examination of the value of documents.

Изучая историю крестьянской семьи, в первую очередь необходимо определиться с источниковой базой, а также с методикой использования источников для получения научно значимых результатов. Проблема непростая, тем более если иметь в виду, что история семьи имеет несколько измерений, в контексте которых может быть выстроена стратегия исследования:

1) историко-демографическое измерение, ориентированное на статистический анализ основных закономерностей формирования и развития семейных структур, их типологии, а также внутрисемейных процессов — рождаемости, брачности, разводимости;

2) родосведческое измерение (генеалогия семьи), направленное на реконструкцию истории конкретных семей (состав семьи, поколенная роспись);

3) социальное измерение (социальная история семьи), связанное с изучением семьи как социального института, ее проблем, перспектив развития, исторических вариантов эволюции.

Каждое из направлений опирается на свою историографическую традицию, источники и методы и развивается достаточно автономно, несмотря на ярко выраженный междисциплинарный характер объекта

исследования — семьи. Демография семьи исследуется преимущественно на основе переписей населения и материалов текущего учета движения населения. Как научное направление она получила развитие в 1960-е гг. и достигла весьма серьезных результатов в изучении проблем динамики численности семьи, ее структуры, детности, типологии [1].

Родоведческие исследования стали особо популярными в постсоветский период, хотя получили развитие еще до революции. Они опираются на разнородную источниковую базу — это документы личного происхождения (письма, воспоминания, фотографии, хранящиеся в семейных архивах, семейные предания), а также материалы текущего демографического учета населения (церковного и/или гражданского) и других систем учета и регистрации (похозяйственные, домовые книги, миграционный учет и пр.) [2].

Третье направление — социальная история семьи — сложилось в 1970-е гг. Его развитие было тесно связано с формированием в СССР социологии семьи как самостоятельной научной дисциплины. Социальная история семьи опирается на использование широкого круга источников, преимущественно нарративных — это законодательные акты, мемуарная литература, художественные произведения, публицистика, периодическая печать и пр. [3].

Каждое из направлений успешно дополняет друг друга, занимая свои исследовательские ниши: демография семьи рисует общую статистическую картину, социология уточняет механизмы и модели эволюции семьи, ее роль в жизни общества, родоведение, помимо своей непосредственной задачи — составления поколенных росписей — позволяет проанализировать влияние семейных сетей на брачные стратегии, процессы формирования кланов, изучить механизмы влияния семьи на экономические, культурные и политические процессы в обществе.

Обзор статистических массовых источников по истории крестьянской семьи

Источники по истории семьи можно условно разделить на четыре категории: статистические источники (материалы переписи населения; бюджетные обследования и материалы единовременного обследования); материалы учета; специальные переписи и эго-доку-

менты. Центральное место в этом списке занимают статистические источники, а также материалы учета (см. схему).

Схема. Классификация массовых источников по истории крестьянской семьи

Статистические источники позволяют провести количественный анализ демографических процессов (бракосочетаемости, разводимости, рождаемости, смертности), которые определяют особенности семейных практик и влияют на структуру семьи и ее трансформации. Среди них выделяются материалы переписей населения, которые проводились в России с конца XIX в. и отражают не только демографические параметры населения, но и его семейной организации. Перепись населения представляет собой сложную организационную процедуру учетного характера, конечной целью которой выступает сбор и регистрация сведений о каждом человеке на основе опросных технологий. Регистрация информации проводится с использованием стандартных переписных листов (индивидуальных и списковых — семейных, хозяйственных), включающих ряд вопросов в соответствии с программой переписи. Они формируют массив первичной информации. Помимо переписных листов в результате обработки первичных сведений создавались вторичные документы, в которых были представлены сводные и сгруппированные данные по административным единицам и стране в целом.

Первая перепись населения состоялась в Российской империи в 1897 г. В ходе переписи использовались переписные листы трех видов,

разработанные для различных социальных категорий — крестьян, горожан, владельцев усадеб и хуторов. Единицей наблюдения выступало хозяйство (в городе — квартира), на которое составлялся переписной лист. В него были включены 14 вопросов: 1) фамилия, имя, отчество или прозвище; 2) пол; 3) отношение к главе семьи и главе хозяйства; 4) возраст; 5) семейное положение; 6) сословие, состояние или звание; 7) место рождения; 8) место приписки; 9) обыкновенное место жительства; 10) отметка об отсутствии; 11) вероисповедание; 12) родной язык; 13) умение читать; 14) занятие — ремесло, промысел, должность или служба (отдельно — главное и вспомогательное). Таким образом, переписные листы первой переписи позволяют нам реконструировать не только социально-демографический портрет российского подданного, но и его семью с учетом внутрисемейных отношений [4].

Первой Всесоюзной переписью населения стала перепись 1926 г. В качестве основной переписной формы был разработан личный листок, заполняемый на одного человека. Он состоял из 15 вопросов, большинство которых имело подвопросы (пол, возраст, народность, родной язык, место рождения и продолжительность проживания в данном месте, семейное состояние, грамотность и занятия). Личная форма была введена для упрощения разработки результатов переписи, в дальнейшем она стала основным инструментом регистрации информации, сужая их потенциал для изучения семьи. В ходе переписи 1926 г. этот недостаток компенсировался составлением семейной карты, которая содержала более 20 вопросов. В ней учитывался состав семьи с выделением супружеских пар и их детей, продолжительность брака и жилищные условия. Благодаря собранным данным появились первые исследования по демографии семьи, отразившие состояние семейных процессов в изучаемый период [5].

В довоенный период были проведены еще две переписи населения — 1937 и 1939 гг., в программе которых закрепилась тенденция, наметившаяся в 1920-е гг.: происходит окончательный отказ от семейного принципа регистрации; существенно упрощается программа переписи. Число вопросов в индивидуальном переписном листе 1937 г. было сокращено до 14 и включало, помимо фамилии и имени, указание на пол, возраст, национальность, родной язык, религию,

гражданство, грамотность, учебное заведение (класс или курс), род деятельности, место работы, общественную группу, состояние в браке. Таким образом, социальные характеристики опрашиваемых были сведены к минимуму, в том числе по семье [6].

По ряду причин результаты переписи 1937 г. были признаны дефектными и их надолго скрыли для общественности, а в 1939 г. проводилась внеплановая перепись населения, которая призвана была дать более точные результаты. В индивидуальном листе было выделено 16 вопросов, среди которых указывалось отношение к главе семьи, пол, возраст, состояние в браке, национальность, родной язык, гражданство, грамотность, название учебного заведения и уровень обучения (только для тех, кто учится), окончание высшей или средней школы, занятие или иной источник средств существования, место работы, общественная группа. С точки зрения изучения семьи программа переписи 1939 г. давала более разнообразный материал, однако ее результаты из-за войны оказались невостребованными, а программа разработки очень ограниченной. Полные итоги переписи были опубликованы только в начале 1990-х гг. [7].

В послевоенный период в СССР было проведено несколько переписей — в 1959, 1970, 1979, 1989 гг., программа которых была в целом сопоставимой с переписью 1939 г. В 1959 г. опросный лист включал 15 вопросов, ставших уже традиционными, в том числе отношение к главе семьи, возраст, состояние в браке, национальность, родной язык и др. Особенностью переписи 1959 г. было использование выборочного метода при разработке материалов о семье: был рассчитан средний размер семьи по социальным группам, проведены группировки по числу членов семьи, полу главы семьи, его социальному статусу, что позволяет охарактеризовать общую семейную структуру населения по стране в целом и отдельным регионам и проследить динамику ее изменения в сравнении с 1939 г. [8].

Таким образом, в послевоенный период изучение семьи было сведено к нескольким вопросам переписного бланка: отношение к главе семьи и семейное состояние. В таком виде они присутствовали во всех последующих переписях (1970, 1979, 1989). Отличие состояло в характере фиксируемой информации. Так, в переписях

1959 и 1970 гг. вопрос о состоянии в браке предполагал лишь ответы «да» или «нет». В 1979 г. перечень вариантов был расширен: состоит в браке; никогда не состоял в браке; вдов; разведен; разошелся. Эти сведения анализировались с учетом пола, категорий населения (сельское или городское) и позволяли более глубоко изучить процессы формирования семьи и ее стабильности. Кроме того, в переписном бланке 1979 г. содержались вопросы о возрасте детей, их количестве, в том числе живущих с матерью, вне семьи, а также умерших [9]. В переписных бланках 1989 г. вопрос «отношение к главе семьи» был заменен на «отношение к члену семьи, записанному первым», а также, помимо основных вопросов, были включены сведения о количестве детей у женщин [10]. Таким образом, в послевоенный период изучение семьи ограничивалось проблемами брака и рождаемости.

В постсоветский период в России было проведено две переписи населения (2002 и 2010 гг.), которые имели некоторые отличия от советских. Особенностью переписи 2002 г. стало то, что единицей наблюдения вновь стало домохозяйство, были расширены вопросы по образованию, источникам средств существования и брачному состоянию населения [11]. Для проведения переписи были разработаны две переписные формы: списочная (бланк на несколько человек, относящихся к домохозяйству) и индивидуальная (бланк на одного человека). Программа переписи включала 25 вопросов для постоянных жителей страны, из них 18 вопросов относятся к населению и 7 вопросов — к домохозяйству. В индивидуальном переписном листе отмечалось также родственное отношение к тому, кто первым был записан, что позволяет выйти на проблемы изучения демографической структуры домохозяйства.

В ходе переписи 2002 г., помимо основной программы, было проведено два дополнительных выборочных исследования: 25 % населения было опрошено по проблемам занятости; население, состоящее в браке (5 % от 25-процентной выборки), отвечало на вопросы о дате вступления в первый брак и о том, в каком по счету браке они состоят, указывали, когда и как прекратился первый брак, а также о времени вступления в последующие браки. Замужние женщины опрашивались о каждом рожденном ребенке (порядковый номер ребенка, пол, дата рождения, дата смерти, если ребенок умер; если ребенок прожи-

вает отдельно от матери — год, с которого он не входит в состав данного домохозяйства), а также у замужних женщин в возрасте 15–44 лет выяснялось, сколько детей они хотели бы иметь, включая уже имеющихся. Таким образом, в программе дополнительной переписи основной акцент делался на изучении процессов рождаемости и детности семьи как наиболее важных для разработки демографической политики [12].

При проведении переписи 2010 г. сохранился подход к регистрации, основанный на выделении домохозяйства. Для регистрации использовались три бланка: личный бланк содержал 25 вопросов и заполнялся на лиц, постоянно проживающих в помещении; бланк П содержал вопросы, характеризующие жилищные условия каждого домохозяйства; бланк В был предназначен для опроса лиц, временно находящихся на территории России на момент переписи населения (т. е. мигрантов).

В 2010 г. в личный листок впервые с 1926 г. был введен дополнительный блок из 5 вопросов для лиц, состоявших в браке. Они были направлены на получение информации о дате вступления в первый брак, количестве браков, числе рожденных детей (для женщин), дате рождения первого ребенка и планируемом числе детей. Таким образом, переписи населения вновь обратились к изучению семьи в ее репродуктивном, количественном измерении.

Материалы переписей населения были частично опубликованы и переданы на архивное хранение, но не в полном объеме. Из-за нехватки площадей архивы сразу отказались брать на постоянное хранение первичные бланки и отдали предпочтение статразработочным формам. Сводки и группировочные таблицы региональных статистических управлений были сданы в областные архивы, сводные данные по республикам и укрупненным регионам — в Центральный архив (сейчас РГАЭ). Таким образом, от переписей населения, проведенных в XX в., сохранились преимущественно вторичные документы. Первичные бланки, содержащие номинативные данные, практически не сохранились. Хотя встречаются исключения. Так, например, в Государственном архиве Свердловской области в фонде областного статуправления были обнаружены переписные бланки по некото-

рым городам за 1959 г., в фонде 1812 сохранились поселенные списки и посемейные карты переписи 1926 г. [13]. Е. А. Брюхановой была проведена масштабная работа по выявлению первичных материалов переписи 1897 г. в архивах Сибири и Дальнего Востока [14].

Опыт архивных исследований Е. А. Брюхановой, как и анализ фондов Государственного архива Свердловской области, свидетельствует о плодотворности сквозного поиска, в результате которого могут быть выявлены пусть неполные комплексы первичных источников (переписных бланков), информационный потенциал которых способен существенно дополнить опубликованные и неопубликованные агрегированные материалы переписей и, опираясь на современные компьютерные технологии, ввести их в научный оборот.

В целом материалы переписей населения, будучи одним из основных источников для статистического анализа историко-демографических процессов, весьма ограниченно воспроизводили состояние семьи, поскольку использовали принцип индивидуальной регистрации, а сам перечень вопросов оставался очень ограниченным. Более системную информацию по структуре, типологии, функциям семьи содержат комплексы статистических источников, связанные с проведением бюджетных обследований. Бюджетные материалы неоднократно использовались историками для изучения проблем материального благосостояния крестьянских, рабочих семей [15].

Методы организации и проведения бюджетных обследований получили развитие в Российской империи в конце XIX в. благодаря деятельности земств. После революции 1917 г. они были возобновлены и первоначально носили единовременный характер, проводились гнездовым способом, охватывая, преимущественно, крестьянские хозяйства. Начиная с 1932 г., в СССР была создана постоянная бюджетная сеть, которая включала приблизительно 0,01 % от населения страны. В 1969 г. она насчитывала около 62 тысяч семей, изучаемых в режиме мониторинга. Семьи отбирались в соответствии с принципами типической выборки: в каждом регионе с учетом численности его населения определялся размер бюджетной сети, которая включала три категории семей: колхозников; рабочих; инженерно-технических работников, включая врачей и учителей. Например, в Свердловской

области в 1960-е гг. обследовалось около 2000 семей, в том числе 400 семей колхозников, 1000 — рабочих, 660 — инженерно-технических работников. Таким образом, на основе бюджетов возможно изучение семейных структур и поведения с учетом их социальной стратификации. В середине 1990-х гг. бюджетные обследования в России перешли в другой режим, вместо мониторинга стали проводить единовременные обследования, и, соответственно, постоянная бюджетная сеть была ликвидирована.

С точки зрения документирования результаты бюджетного обследования фиксировались в первичных формах: до проведения коллективизации на каждое обследуемое хозяйство заполнялся бланк «Бюджет крестьянского хозяйства в ... году»; в 1930-е гг. первичная информация заносилась в четыре формы; в 1950-е гг. число опросных форм сократилось до трех, а в 1960-е гг. — до двух. В 1960–1980-е гг. ежемесячно на каждую семью заполнялась статистическая форма 1 «Бюджет семьи», кроме того, первичная информация заносилась в форму 2 — контрольную тетрадь «Статистика по бюджетам», которая представляла собой годовую сводку помесечных записей.

Характеристике семьи и ее состава была посвящена отдельная таблица бланка «Бюджет семьи». В ней списком отмечалась следующая информация: имя и отчество члена семьи (записывали по возрасту — сначала старших, потом — младших); отношение к главе семьи (сам глава, сын, дочь, мать, сестра и пр.); возраст каждого; все изменения в составе (рождение, приезд, отъезд, брак, смерть и пр.); сколько дней жил дома; сколько дней отсутствовал, причины отсутствия (работа, учеба, отпуск, командировка и пр.); работа за время проживания дома (где работает, какую работу выполняет), в том числе работа в подсобном хозяйстве, по найму, учеба и пр. Аналогичная информация содержится в контрольной тетради «Статистика по бюджетам», но в укрупненном виде (помесечные данные сведены в таблице по годам). Особенностью контрольной тетради является наличие информации о жилищных условиях, а также структуре приусадебного хозяйства, в том числе об использовании земли (огородничестве, садоводстве), содержании и разведении скота и птицы, промыслах.

Ежегодно сведения, отмеченные в первичных статистических формах, обрабатывались органами статистики и оформлялись в виде аналитических отчетов, сохранившихся, преимущественно, в фондах РГАЭ. Более разнообразные комплексы документов сохранились в региональных архивах. Наиболее полно представлены сводные формы, но встречаются и комплексы первичных документов, чаще за 1920-е гг., а также за 1960–1980-е гг. Материалы бюджетных обследований 1930–1940-х гг. представлены преимущественно вторичными статразработочными формами.

Архивные проблемы изучения истории крестьянской семьи в XX в.

В настоящее время основным трендом изучения истории семьи является изучение массовых архивных источников с использованием компьютерных технологий, которые позволяют реконструировать семейные процессы во всем их разнообразии и полноте и перейти к построению количественных моделей, уточняющих и развивающих теоретические положения исторической демографии. Эти тенденции сталкиваются с практикой комплектования архивных фондов статистических органов и выдвигают на передний план вопрос о необходимости пересмотра принципов экспертизы ценности для документов статистических органов и других источников комплектования, ценность документов которых особенно велика.

Массовые источники выступают, с одной стороны, традиционным видом документов, которые хранятся в архиве. К ним относятся такие раритеты, как писцовые книги, рекрутские сказки, формулярные списки и пр., составляющие культурное достояние каждого исторического архива. Однако применительно к XX в. в условиях роста документопотоков объем такого рода документов существенно возрастает, и передача их на хранение в полном объеме рассматривается архивами как задача нереальная и нерациональная. Так, в частности, произошло с материалами переписей населения: на хранение в архив передавались нормативные и сводные документы с обобщенными результатами итогов переписи (инструкциями, статразработочными таблицами), а первичные переписные бланки уничтожались.

И только в условиях микрокомпьютерной революции с утвержд-

дением идеологии «больших данных» стало очевидным, что из всего массива сохранившихся в результате проведения переписей населения документов наибольший интерес вызывают именно первичные статистические формы. Причем это касается не только опросных бланков переписей населения, но и других видов статистических документов — первичных форм бюджетных обследований, одновременных выборочных исследований и т. д. Их преимущества очевидны — они отличаются большим информационным потенциалом, позволяют реализовать различные схемы обработки первичных данных и решать более сложные исследовательские задачи вплоть до моделирования явлений и процессов. Они наиболее достоверны, поскольку зависят только от надежности процедур сбора информации и не подвержены угрозам математических погрешностей расчетного характера. Они позволяют дифференцировать информационный массив и провести раздельную обработку с учетом задач исследования.

Таким образом, новая информационная среда диктует новые требования к комплектованию массовых источников для архивного хранения. К ним можно отнести принципы полноты, комплексности, сопоставимости, а также преемственности.

Принцип полноты предполагает отбор таких видов документов, которые наиболее полно отражают объект исследования, а это в первую очередь первичные формы, с помощью которых статистическими органами осуществляется сбор информации. Они содержат наиболее богатую и системную информацию.

Принцип комплексности нацелен на выделение из всего массива имеющихся документов — первичных, вторичных, итоговых — таких комплексов, которые могут составить основу для исторического исследования. Эти комплексы должны быть репрезентативными по отношению ко всему массиву и отвечать критериям случайности. Речь идет о формировании на стадии комплектования такой выборки, которая будет достаточной для использования в историческом исследовании.

Например, в ГАСО сохранился комплекс опросных анкет переписи 1959 г. (около 100 000), характеризующих городское население области. Данная выборка позволяет составить БД по жителям разных катего-

рий городов — административных центров областного и районного уровней, но данные по сельской местности оказались утерянными. Сложная ситуация сложилась с документами бюджетной статистики. При изучении массива сохранившихся документов оказалось, что первичные формы бюджетных обследований сохранились за 1928–1929 г., затем за 1961–1965 гг. комплектовались частично месячные бланки опросов, а также 221 контрольная тетрадь «Статистика по бюджетам» за 1963 г. (из 400), за период 1968–1992 гг. сохранился объемный массив документов бюджетной статистики с включением первичных форм, но не формирующий комплекс, достаточный для сравнительного исследования. В фонде представлены наборы месячных бланков по отдельным районам, либо комплекс форм (месячные бланки и контрольная тетрадь) по отдельной семье, либо совокупность контрольных тетрадей, но без первой основной части. В результате за 1970–1980-е гг. не удалось выделить комплекс документов, на основе которого можно было бы составить базу данных, чтобы сравнить ее с 1928 и 1963 гг. В итоге, несмотря на то, что в архиве хранятся тысячи документов, использовать их в историческом исследовании не представляется возможным, поскольку они не отвечают критерию комплексности.

Принцип преемственности непосредственно связан с принципом комплексности и предполагает соблюдение единой методики отбора документов за разные годы. На практике сталкиваешься с ситуацией, что за один год был передан на хранение в архив один комплекс документов, на следующий год — другой, и далее отбор документов для комплектования фонда мог меняться до бесконечности, не позволяя провести динамическое исследование, т. е. сформировать сопоставимые массивы и получить, соответственно, в результате обработки сопоставимую информацию для изучения эволюции крестьянской семьи в ее количественном и качественном измерении.

Назрела необходимость разработки отдельных инструкций к комплектованию сложно структурированных фондов организаций, к которым относятся органы статистики. Их деятельность носит научно-организационный характер, и состав документов, передаваемых на хранение, существенно шире обычных органи-

заций — источников комплектования. Чтобы провести экспертизу ценности документов мало типового перечня, нужна качественная оценка содержания с учетом современных тенденций развития исторической науки. А это могут сделать только историки, работающие в направлении количественной истории.

Отсутствие четких рекомендаций по комплектованию фонда органа статистики документами, относящимися к категории массовых источников, отрицательно влияет не только на возможность проведения исторических исследований, но и на практику архивной работы. Формируются дела, которые невозможно использовать, это значит, что они будут лежать мертвым грузом на полках, физически занимая архивные площади и затрудняя поиски нужной документации.

В целом при проведении экспертизы ценности документов, поступающих на постоянное хранение, нужно возрождать традиции конца XIX в. — времени создания ученых архивных комиссий, в состав которых входили исследователи и специалисты-историки. Это тем более актуально, что современный стандарт подготовки архивистов не обеспечивает освоение студентами компетенций. Специальность «историк-архивист» осталась в прошлом, а вместе с ней и сотрудники, готовые реализовать задачи экспертизы при работе с особо сложными комплексами документов.

Выводы

Поднятая в статье проблема о соответствии архивных фондов современным тенденциям исторической науки, для которой характерно переключение внимания с изучения политической истории на анализ несобытийной истории, в том числе на изучение проблем и реконструкцию повседневности прошлого, антропологическое измерение истории, является отражением кризисной ситуации в архивном деле. Как и 300 лет назад, когда был принят Генеральный регламент, архивы преимущественно выступают информационным ресурсом государственного управления. Функции сохранения исторической памяти еще только начинают осваиваться архивным сообществом. Но для того, чтобы ее реализовать в полной мере, архивы должны сохранять документальные свидетельства, необходимые

не только органам управления, государственным организациям и предприятиям, но и обществу в целом, обычному человеку. Один из путей решения этой задачи — формирование личных фондов — активно реализуется в архивах. Другой путь — привлечение экспертов-историков к формированию архивных коллекций — требует осмысления и разработки. Только на основе сотрудничества историков и архивистов на всех стадиях работы с архивными документами — при их комплектовании, хранении, использовании, возможен шаг вперед по пути превращения архивов из мест хранения документов в информационный центр — место памяти.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например: Герасимова И. А. Структура семьи. — М., 1976; Ружже В. Л., Елисеева И. И., Кадибур Т. С. Структура и функции семейных групп. — М., 1983; Васильева Э. К. Семья и ее функции. — М., 1975; Брачность, рождаемость, семья за три века / под ред. А. Г. Вишневского. — М., 1979; Волков А. Г. Семья — объект демографии. — М.: Мысль, 1986; Урланис Б. Ц. История одного поколения (Социально-демографический очерк). — М., 1968; Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. — М., 1974; Ласлетт П. Семья и домохозяйство: исторический подход // Брак, семья, рождаемость за три века. — М., 1977 и др.

2. См., например: Савелов Л. М. Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте. Воспроизведение издания 1909 г. — М., 1994; Аксенов А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в. (Из истории формирования русской буржуазии). — М., 1988 и др.

3. См., например: Левин Б. М., Петрович М. Б. Экономическая функция семьи. — М., 1984; Семья и народное благосостояние в развитии социалистическом обществе. — М., 1985; Здравомыслова О. М., Арутюнян М. Ю. Российская семья: стратегии выживания // Семья в России. — 1995. — № 3–4; Антонов А. И. Микросоциология семьи: методология исследования структур и процессов. — М., 1997; Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. — М., 2005; Гаврилов С. Н. Историческое изменение институтов семьи и брака. — М.,

2009. — URL: <http://www.bibliotekar.ru/gavrov-2/index.htm>; Проблемы быта, брака и семьи. — Вильнюс, 1970; Кузьмин А. И. Семья на Урале (демографические аспекты выбора жизненного пути). — Екатеринбург, 1993; Мацковский М. С. Социология семьи: проблемы теории, методологии и методики. — М., 1989 и др.

4. См. подробнее: Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. — М., 1979; Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. — М., 1979; Литвак К. Б. Перепись населения 1897 года о крестьянстве России (Источниковедческий аспект) // История СССР. — 1990. — № 1.

5. Воробьев Н. И. Семья в Нерехте (К вопросу об анализе семьи) // Вестник статистики. — 1925. — № 1–3.

6. См. подробнее: Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. — М., 1996; Лившиц Ф. Д. Перепись населения 1937 года // Демографические процессы в СССР. — М., 1990.

7. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. — М., 1939 Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / под ред. Ю. А. Полякова. — М., 1992; Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза: 1922–1991. — М., 1993.

8. См. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. — М., 1962.

9. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. В 7 т. — М., 1972–1974.

10. Численность населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. — М., 1990.

11. Основные итоги микропереписи населения 1994 г. М., 1995; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. В 14 т. — М., 2004–2005.

12. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. В 14 т. — М., 2004–2005.

13. ГАСО. Ф. 1813. Оп. 12. Д. 5 и др.

14. Брюханова Е. А. Перепись 1897 г.: обретение «утраченных» материалов и их предварительный анализ // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. — 2019. — Т. 21. — № 3 (190). — С. 152–167.

15. См. подробнее: Мазур Л. Н. Бюджеты колхозников как источник по социально-экономической структуре крестьянства Среднего Ура-

ла в I половине 60-х годов. Дисс. ... к. и. н. — Екатеринбург, 1992; Она же. Крестьянская семья на Среднем Урале в первой половине 1960-х гг.: Опыт реконструкции по материалам бюджетных обследований колхозников // Проблемы отечественной и зарубежной истории, теории и методики обучения истории. Сборник научных статей. — Екатеринбург, 2002. — С. 130–144; Бокарев Ю. П. Крестьянское хозяйство и развитие промышленности Советской России в середине 20-х гг. XX в. // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. — М., 1977; Он же. Методика изучения крестьянских бюджетов 20-х гг. // Источниковедение истории советского общества. Вып. 3. — М., 1978; Кадочникова Л. М. Бюджетные обследования как источник изучения уровня жизни рабочих Тюменской области (конец 60-х — первая половина 70-х гг. XX в.). Дисс. ... к. и. н. — Екатеринбург, 1998 и др.

ООО

«ТЕРМИН»

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ: НАУЧНАЯ ЦЕННОСТЬ И СПЕЦИФИКА РАБОТЫ С НИМИ

Лёвин Сергей Владимирович

Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
истории России и Московского региона
Московского государственного
областного университета
Москва, Российская Федерация
e-mail: serg.lewin@yandex.ru

Аннотация. Любое историческое исследование немислимо без источников, в том числе личного происхождения. В статье принята попытка определить научную ценность документов личного происхождения, хранящихся в архивах, выявить специфику работы с ними. Автор, рассмотрев широкий круг разнообразных эго-источников, приходит к выводу, что это крайне важная группа источников, но подходить к работе с ними следует с позиций критического анализа.

Ключевые слова: анализ, архив, документ, информация, фонд.

ARCHIVE DOCUMENTS OF PERSONAL ORIGIN: SCIENTIFIC VALUE AND THE SPECIFIC CHARACTER OF WORK WITH THEM

Lyovin Sergei Vladimirovich

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor at the
Department of the History of Russia and the Moscow Region,
Moscow Region State University
Moscow, Russian Federation
e-mail: serg.lewin@yandex.ru

Abstract. Any historical research is unthinkable without resources including ones of personal origin. The paper makes an attempt to define the scientific value of documents of personal origin which are kept in archives, and to explain the specific character of work with them. Having observed a wide range of various ego- sources, the author comes to the conclusion that it is a most important group of sources, but one should deal with it from the position of critical analysis.

Keywords: analysis, archive, document, information, fond.

Без источников немислимо сколь-нибудь серьезное исследование по истории. Без них теряет смысл и становится невозможной сама историческая наука. Сам по себе источник еще не представляет для исследователя той ценности, какую он будет иметь после его интерпретации и анализа. Его информационная наполненность различна; одни содержат некую общую информацию, другие — конкретную. Но именно от исследователя зависит: заговорит источник или нет. Поверхностный, неумелый анализ документов неизбежно приведет к искажению исторических событий, явлений, процессов.

Существует несколько классификаций исторических источников, но все они предполагают наличие двух категорий — материалов официального и личного происхождения. Работа с каждой категорией имеет свою специфику и сложность. Традиционно считается, что документы официального происхождения отличаются большей объективностью содержащейся в них информации. Но это далеко не так. Документы, в которых отражены статистико-экономические показатели, например, сельскохозяйственных переписей, советских пятилеток, ряд других источников главным образом социально-экономической направленности, содержащих обширный объем цифровых данных, являются достаточно субъективными источниками, поскольку могли быть подвергнуты корректировке в интересах правительственной политики. Безусловно, субъективными принято считать источники личного происхождения. Как справедливо заметил советский историк Л. А. Дербов, «любой исторический источник, на котором всегда есть отпечаток взглядов и вкусов его составителя, не полностью, неадекватно отражает историческую действительность, события и явления прошлого» [1, с. 76]. Относительно общепринятым является следующее определение источника личного происхождения: «Источник личного происхождения — группа видов исторических источников, функцией которых является установление межличностной коммуникации в эволюционном и коэксистенциальном целом и автокоммуникации» [2, с. 466].

Работа с эго-источниками имеет свои трудности и особенности. Конечно, прежде всего — это достоверность и объективность содержащейся в них информации. Не менее важным представляются сведения

об авторе (или авторах) источника. Нередко документ оказывается без датировки, и установить ее бывает очень сложно. Имена собственные порой настолько искажены, что найти человека под таким именем очень трудно или вообще не представляется возможным. Нельзя, на мой взгляд, обойти вниманием и навешивание политических ярлыков. К примеру, в большинстве воспоминаний сторонников советской власти о повстанческом движении в годы гражданской войны повстанцы именуются не иначе как «бандиты», «разбойники», «грабители».

Воспоминаниям не присуща свежесть восприятия, и, следовательно, более точное описание того или иного события, многие детали могут быть размытыми или совсем забыты автором, что представляется вполне закономерным, поскольку мемуарные свидетельства, по справедливому замечанию И. Д. Ковальченко, «помимо отражения действительности их автором, являются результатом и его практической деятельности, его самовыражения» [3, с. 116]. Несомненно, эго-источник будет отражать в той или иной мере позицию автора. Однако у них есть и свои плюсы, если они изначально не предназначались для сторонних читателей, то события в них освещаются более систематично, откровенно, нередко в эмоциональном окрасе. Такие воспоминания и хранятся, как правило, в региональных, муниципальных и семейных архивах. Логично предположить, что информация, содержащаяся в источнике личного происхождения, предназначенного к печати и хранящегося в архиве, может существенно различаться. Так, опубликованная переписка государственного, военного деятеля, ученого в подавляющем большинстве случаев не будет содержать резких негативных оценок своего окружения, современников, упоминаний подробностей их личной жизни. Это предопределено как фактом того, что данный источник будет опубликован и с ним ознакомятся, так и этикой при подготовке его к печати. В эго-источниках, изначально предназначенных к печати, события, в которых в неприглядном свете предстал бы тот или иной персонаж, могут быть сильно искажены или вообще пропущены. Если речь идет о событиях совсем недавнего времени, то это может оказаться здравствующий человек, который предстанет перед обществом, своими родными и близкими в отрицательном ракурсе.

Думается, источники личного происхождения условно можно разделить на две группы по исторической значимости их авторов. До недавнего времени историки обращались, в основном, к документам, авторами которых являлись, как правило, известные исторические личности. Лишь в последние годы в научный оборот стали вводиться материалы регионального значения, составителями которых были местные деятели или же просто очевидцы, современники событий, оставившие свои воспоминания о них. Многие из этих документов содержат информацию не менее, а по некоторым событиям, более значимую, чем материалы общероссийского значения. Особенно это заметно на примере источников по истории Гражданской войны. Воспоминания, дневники, записные книжки, письма видных деятелей тех лет исследователям хорошо известны и проработаны, а вот документы, хранящиеся в областных, и особенно в районных муниципальных архивах, практически не изучены. В качестве примера можно привести архив Балашовского муниципального образования Саратовской области. Он содержит богатейший материал, в том числе и документы личного происхождения, по истории Гражданской войны, повстанческого движения, причем не только в Балашовском уезде и Нижнем Поволжье, но и по стране в целом. В силу своего географического положения уездный город Балашов имел важное военно-стратегическое значение как для белых, так и для красных. Войска А. И. Деникина дважды его захватывали, и оба раза красные отбивали. Овладев городом, А. И. Деникин смог бы выйти еще к одному уездному городу Саратовской губернии — Вольску и здесь соединиться с войсками А. И. Колчака, взяв тем самым в кольцо Центральный регион, контролировавшийся большевиками. Балашов в 1919 г. посетили: нарком по военным делам РСФСР Л. Д. Троцкий, председатель Высшей военной инспекции Н. И. Подвойский, председатель Всероссийского центрального исполнительного комитета М. И. Калинин, член Реввоенсовета Южного фронта И. Т. Смилга и другие видные советские партийные и военные деятели. Здесь состоялся первый судебный процесс над красным командармом 2-й конной армии Ф. К. Мироновым. Эти события нашли свое отражение в воспоминаниях местных большевиков и обывателей.

Воспоминания и письма последних представляют для исследователя особую ценность, поскольку написаны сравнительно беспристрастными очевидцами тех событий, а потому содержат более объективные оценки происшедшего. Данные источники еще не введены широко в научный оборот как из-за отсутствия к ним интереса со стороны историков, так и из-за разбросанности по местам хранения. Далеко не все они находятся в муниципальном архиве; значительная, если не большая часть содержится в фондах районных, сельских и даже школьных историко-краеведческих музеев. Некоторое их количество отложилось и в семейных архивах местных жителей. И здесь встает вопрос о степени сохранности документов. Отнюдь не во всех муниципальных архивах, музеях есть необходимые условия для их хранения. Местные архивы часто располагаются в зданиях, не обладающих достаточной площадью для хранения документов да и не приспособленных для этого. Техническое состояние зданий оставляет желать много лучшего, прорыв систем отопления из-за изношенности труб стал обыденным явлением. В результате таких чрезвычайных происшествий портятся, а иногда и уничтожаются документы. Чаще всего муниципальные архивы являются филиалами областных архивохранилищ, которые в силу финансовых затруднений не могут содержать их на балансе и отказываются от них. Так случилось с двумя филиалами из трех Государственного архива Саратовской области [4]. Местные администрации зачастую не имеют ресурсов для содержания архивов. В результате архив оказывается никому не нужным, многие материалы просто пропадают. Работники таких архивов нередко не обладают необходимыми профессиональными навыками, нарушают условия хранения документов, порядок их использования. Кадровая проблема весьма характерна для большинства муниципальных архивов. Как правило, в них работают сотрудники уже пожилого возраста, поскольку предлагаемая заработная плата сотрудника архива не является конкурентоспособной и привлекательной для молодых специалистов.

Страдают от неправильного хранения материалы личного происхождения, которые хранятся в семейных архивах. Со временем они приходят в негодность и уничтожаются. Так, у одной из житель-

ниц села Подгорное Романовского района Саратовской области воспоминания ее деда, участника гражданской войны, хранились на бельевом шкафу. В результате такого хранения 16 страниц из 22 пришли в полную негодность, ценный и интересный источник был утрачен.

Между тем эго-источники, хранящиеся в муниципальных архивохранилищах, музейных фондах и семейных архивах, представляют большую научную ценность для историков, работающих в русле микроистории, новой культурной истории, по проблемам истории своей малой родины, истории повседневности, которая, по образному выражению А. С. Ходнева, до недавнего времени «находилась на обочине основной дороги исследования историков» [5, с. 467]. К ним, думается, нельзя подходить с тем же мерилом, что и к источникам личного происхождения, хранящимся в центральных и даже областных архивах.

По уровню информационной наполненности документы из музейного фонда, школьного или семейного архива не менее, а некоторые и более значимы, чем документы центральных и областных архивов. Отдельные материалы, хранящиеся в районных, муниципальных архивах, фондах местных историко-краеведческих музеев, дают ключ к пониманию того или иного события истории общероссийского масштаба. Это хорошо иллюстрируют, например, воспоминания 90-летней жительницы села Ключи Балашовского уезда Саратовской губернии Устиньи Кочетковой, записанные ее внуком в начале 80-х гг. XIX в. о дворянской семье Норовых, чьим именем и являлось село. Они касаются судеб двух братьев Норовых — Авраама, ставшего министром народного просвещения при Николае I, и Василия, ставшего на всю жизнь личным врагом императора. Почему так случилось? Как явствует из воспоминаний Устиньи Кочетковой, Василий «был взят ко двору» в качестве пажа для игр с тогда еще цесаревичем Николаем. Во время игры в солдатики между ними произошел конфликт; в ответ на щипки со стороны великого князя, проигрывавшего в игре, Василий осмелился дать ему сдачи... Не в меру смелый паж был немедленно отправлен домой, но будущий император этого ему не простил и преследовал своего обидчика до конца его жизни [6, с. 47–51].

Трудность работы с источниками личного происхождения, хранящимися в муниципальных архивах, фондах районных, сельских, школьных музеев, в семейных архивах, состоит в том, что проверить (подтвердить или опровергнуть) содержащуюся в них информацию посредством обращения к другим источникам, например, официального происхождения, крайне сложно, если вообще возможно. Таковых попросту нет. Так, балашовский большевик Н. А. Неудахин в своих мемуарах оценивает численность «зеленых» (как называли уклонявшихся от мобилизации в Красную армию в окрестных лесах летом 1919 г.) в 5000 бойцов, не давая при этом никаких ссылок на источник. Подтвердить эту цифру по официальным документам не удалось; в них попросту нет данных о численности зеленых в Балашовском уезде. Другой активный участник гражданской войны, командир красноармейского отряда, охранявшего железнодорожную станцию Балашова, Д. В. Романов упоминает о девяти эшелонах с легионерами чехословацкого корпуса, которые одновременно сосредоточились на станции. Но ее пропускная способность всегда составляла шесть путей.

Сложность работы с такими источниками заключается и в том, что одно и то же событие у очевидцев, участников описывается по-разному. Таковыми, например, являются мемуарные свидетельства о приезде в город Балашов Л. Д. Троцкого и попытке покушения на него во время выступления, о содержании в местной тюрьме Ф. К. Миронова и суде над ним.

Работая с архивными материалами личного происхождения, следует не забывать, с какой целью составлялся тот или иной документ. Очевидно, воспоминания, мемуары, написанные для себя, будут отличаться по освещению и трактовке событий, характеристикам их участников от воспоминаний и мемуарных свидетельств, составленных по заказу. Логично предположить, что участник гражданской или ветеран Великой Отечественной войны, работая над своими воспоминаниями для школьного или сельского, районного музеев, осветят те или иные события, охарактеризуют тех или иных их участников иначе, чем сделали бы это, составляя воспоминания для чтения в кругу семьи.

Особенностью работы с источниками личного происхождения можно считать искушение исследователя перед их эмоциональным аспектом. Важно не поддаваться эмоциональной составляющей документа, остаться в рамках его непредвзятого, объективного научного анализа.

В целом источники личного происхождения составляют, безусловно, одну из важнейших групп исторических документов, позволяющих проникать в глубинные тайны нашей истории. Думается, значительным шагом вперед в деле изучения архивных источников личного происхождения должна стать их регулярная публикация по тематическому принципу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дербов Л. А. Введение в изучение истории: учебное пособие. — М.: Высшая школа, 1981. — 184 с.

2. Данилевский И. И., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учебное пособие. — М.: Изд-во «Открытое общество», 1998. — 701 с.

3. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. — М.: Наука, 1987. — 440 с.

4. Государственный архив Саратовской области. — URL: <http://saratov.rusarchives.ru/gaso.html> (дата обращения: 10 августа 2019 г.).

5. Ходнев А. С. Новая культурная история и «новая история досуга» // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / под ред. Л. П. Репиной. 2-е изд. — М.: Изд-во ЛКИ, 2012. — С. 462–473.

6. Левин С. В. В. С. Норов — декабрист без «декабря» // Известия Саратовского университета. Новая серия. — Т. 8. Серия История. Международные отношения. — Саратов, 2008. — Вып. 1. — С. 47–51.

**АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О РОЛИ ЧЛЕНОВ
ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МИНИСТЕРСТВА ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА
ПО СОЗДАНИЮ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИХ РЕЗИДЕНЦИЙ**

Ефимов Андрей Александрович

Кандидат исторических наук, научный сотрудник

Научно-исторического архива

Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук

Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: aaefimov5@gmail.com

Аннотация. В статье представлен обзор материалов отечественных архивов, содержащих данные об участии августейших особ из рода Романовых, в первую очередь великих князей, в возведении великокняжеских резиденций. При этом автор, не ограничиваясь перечислением фондов, представляет общую характеристику различных групп документов.

Ключевые слова: великий князь, архивный фонд, резиденция, Министерство императорского двора, строительство.

**ARCHIVE MATERIALS CONCERNING THE ROLE
OF THE MEMBERS OF THE EMPERORS' KIN IN
THE ACTIVITY OF THE MINISTRY OF THE IMPERIAL
COURT TO BUILD GRAND DUCAL RESIDENCES**

Efimov Andrey Alexandrovich

Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Scientific and

Historical Archive of the

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences

Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: aaefimov5@gmail.com

Abstract. The article provides an overview of the materials of the Russian archives containing data on the participation of the august members from the Romanov clan, primarily the Grand Dukes, in the construction of grand-princely residences. Moreover, the author, not limited to the enumeration of funds, presents a general description of various groups of documents.

Keywords: grand duke, archival fund, a residence, the Ministry of the Imperial Court, construction.

Одним из центральных государственных учреждений, активно участвовавших в формировании архитектурного облика столицы, ее пригородов и целого ряда городов и городков Российской империи, было Министерство императорского двора (МИДв). По заказу и под наблюдением Придворного ведомства были возведены ансамбли императорских и великокняжеских резиденций, ставшие неотъемлемой частью Санкт-Петербурга и его пригородов, различных регионов России и ряда других стран, входивших в XIX в. в состав Российской империи (Украины, Грузии, Польши). Однако при изучении истории их возникновения построенные здания зачастую представляются исследователями как результат творчества какого-либо архитектора. Такой подход привел к образованию заметной историографической лакуны, поскольку архитектурно-градостроительная деятельность Министерства императорского двора — это целый комплекс вопросов, включающий в себя систему нормативно-правовых актов, регулировавших строительство; появление и эволюцию органов управления этой областью; взаимоотношения с контрагентами (чиновниками других ведомств, архитекторами, поставщиками, подрядчиками), сам процесс строительства. Также немаловажным является вопрос взаимодействия и взаимоотношений членов императорской фамилии с чиновниками Министерства императорского двора на этапе подготовки к строительству и непосредственного возведения комплексов великокняжеских дворцов. Не менее важно изучить и взаимодействие между членами царской семьи, в первую очередь великими князьями, для которых строились многочисленные резиденции, и императорами. Обе эти проблемы можно объединить как исследование внутренних взаимоотношений высшей элиты Российской империи, представителей династии Романовых, и их взаимодействия с бюрократической элитой, представленной чиновниками Министерства императорского двора, созданного и работавшего для финансового обеспечения и обслуживания в первую очередь членов императорской фамилии, в такой особой области деятельности Придворного ведомства.

В том или ином виде они неоднократно привлекали внимание исследователей. Специально он рассматривается в работе А. С. Лосевой «„Себя как в зеркале я вижу...“: царские резиденции глазами заказчиков» [1] и статье Е. А. Борисовой «К вопросу о взаимоотношениях архитектора и заказчика в России во второй половине XIX в.» [2], затрагивается в книге В. А. Резвина «Архитекторы и власть» [3]. Однако в большинстве своем формируемое авторами представление о роли великих князей в строительстве остается неполным. В первую очередь по причине фокусировки на линии «член императорской фамилии — архитектор», когда основное внимание уделяется влиянию художественного вкуса августейших заказчиков на экстерьер и интерьер будущих резиденций; а также из-за искусственной ограниченности источниковой базы, поскольку многие авторы не привлекают архивные документы. При этом вне поля зрения зачастую остаются проблемы участия членов императорской фамилии (через пожелания и указания) в подготовке проектно-сметной документации, приготовлениях к строительству, проведении самих строительных работ и принятии решения о поощрении тех или иных лиц, трудившихся для возведения дворцовых комплексов (как архитекторов и их помощников, так и подрядчиков и поставщиков).

При изучении данной темы исследователь работает с самым широким спектром архивных материалов, включающим такие типы письменных исторических источников, как:

- 1) актовые материалы;
- 2) делопроизводственная документация;
- 3) статистические источники;
- 4) документы личного происхождения (мемуары, дневники, письма).

Применительно к последней группе необходимо сразу же сделать замечание о содержательной части этих документов и их значении для исследования вопросов роли, влияния и меры участия августейших особ в возведении великокняжеских резиденций. В материалах личного происхождения (дневниках, ежедневных журналах, письмах) как неофициальных рассмотрению организационных, административных и финансовых вопросов придается отнюдь не первостепенное

значение, и поиск сведений о строительстве того или иного дворца требует внимательного ознакомления с текстами дел.

Основная часть документов по рассматриваемой теме хранится в двух государственных архивах: Российском государственном историческом архиве (РГИА, Санкт-Петербург) и Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ, Москва). Значительную часть источников составляют материалы учреждений, подчинявшихся Министерству императорского двора. Они сконцентрированы в Российском государственном историческом архиве. Эти фонды содержат значительный объем документов, которые можно классифицировать как делопроизводственные материалы, проектно-сметную документацию и финансовые документы. История строительства великокняжеских резиденций была исследована на основании, прежде всего, материалов фонда Главного управления уделов (№ 515), Кабинета Его императорского величества (№ 468) и Строительной конторы Министерства императорского двора (№ 480). Привлечение этих документов вызвано тем обстоятельством, что именно из Департамента уделов, входившего в состав министерства, выделялись средства на строительство великокняжеских резиденций, тогда как общее административное руководство строительными работами с 1826 по 1856 г. и с 1856 до начала 1880-х гг. последовательно осуществляли строительные комиссии Кабинета Его императорского величества и Строительная контора Министерства императорского двора.

Кроме того, изучение хода строительства великокняжеских дворцов, возведенных Придворным ведомством на территории Санкт-Петербурга, его пригородов и регионов Российской империи, и роли в этом процессе августейших заказчиков невозможно без рассмотрения документов контор дворов великих князей и великих княгинь. Однако из значительного числа подобных фондов, хранящихся в РГИА, документы о строительстве дворцов есть лишь в нескольких, а именно: Управляющего делами великого князя Павла Александровича (№ 526), Конторы двора великой княжны Марии Павловны (№ 528), Управляющего делами великого князя Михаила Михайловича (№ 546) и Придворной конторы великого князя Михаила Николаевича (№ 547). История крымских резиденций нашла свое

отражение также в документах Конторы двора великого князя Александра Михайловича (№ 521), Конторы двора великого князя Георгия Михайловича (№ 530), Управления делами великого князя Дмитрия Константиновича (№ 532).

Равным образом в контексте изучения неформальных контактов членов императорской фамилии и чиновников Министерства императорского двора и Департамента уделов среди фондов РГИА интерес представляют личные фонды высших чинов Придворного ведомства. В первую очередь речь идет о фондах Российского государственного исторического архива № 919 «Воронцовы-Дашковы», № 1021 «Перовские», № 1 075 «Философов Алексей Илларионович», № 1614 «Адлерберги», № 1669 «Фредерикс Владимир Борисович», в составе которых представлены материалы переписки членов императорской фамилии с попечителем великих князей Николая и Михаила Николаевичей А. И. Философовым, попечителем великих князей Александра и Владимира Александровичей графом Б. А. Перовским, сыном министра императорского двора (в 1852–1870 гг.) графа В. Ф. Адлерберга, также министром императорского двора (в 1870–1881 гг.) графом А. В. Адлербергом, а также министрами императорского двора графом И. И. Воронцовым-Дашковым и бароном В. Б. Фредериксом.

Обращаясь к многочисленным личным фондам членов императорской фамилии, хранящимся в Государственном архиве Российской Федерации, предварительно стоит сделать важное замечание, что наиболее интересными в данном случае представляются именно документы великих князей, в числе которых стоит выделить фонды Николая Николаевича-старшего (№ 646), Михаила Николаевича (№ 649), Владимира Александровича (№ 652), Павла Александровича (№ 644) и Сергея Александровича (№ 648).

Помимо рассмотренных выше материалов двух федеральных архивов, отдельные фонды, материалы которых могут быть задействованы при изучении вопросов взаимодействия членов императорской фамилии с чиновниками придворного ведомства, находятся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (№ 58 «Воронцовы-Дашковы»), Российском государственном архиве литературы и искусства (№ 2349 «Виельгорские»), Институте русской литературы

(Пушкинский дом) РАН (№ 50 «Виельгорские») и отделе рукописей Российской национальной библиотеки.

В заключение стоит упомянуть и о фондах Государственного архива Республики Крым «Управление имения Ай-Тодор великого князя А. М. Романова» (№ 326), «Романов А. М.» (№ 532), «Воронцовы-Дашковы» (№ 534).

Подробное предметное изучение указанных в настоящей статье архивных материалов позволит комплексно осветить малоизученную сторону деятельности Министерства императорского двора, связанную с характером взаимоотношений между младшими членами императорского дома (братьями и сестрами, детьми и внуками императора) и чиновниками Придворного ведомства, руководившего и непосредственно осуществлявшего работы по возведению в различных регионах Российской империи великокняжеских резиденций в 1826–1917 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лосева А. С. «Себя как в зеркале я вижу...»: царские резиденции глазами заказчиков. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. — 138 с.

2. Борисова Е. А. К вопросу о взаимоотношениях архитектора и заказчика в России во второй половине XIX в. // Художественные проблемы русской культуры второй половины XIX века. — М.: Наука, 1994. — С. 234–298.

3. Резвин В. А. Архитекторы и власть. — М.: Искусство–XXI век, 2013. — 311 с.

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА В ИСТОРИИ РОССИИ XX В.

Будченко Лидия Ивановна

Кандидат юридических наук, директор

Государственного казенного учреждения Волгоградской области
«Центр документации новейшей истории Волгоградской области»

Волгоград, Российская Федерация

e-mail: gu_cdnivo@inbox.ru

Филиппова Антонина Петровна

Главный специалист отдела использования документов и социально-
правовой информации

Государственного казенного учреждения Волгоградской области
«Центр документации новейшей истории Волгоградской области»,

Волгоград, Российская Федерация

e-mail: gu_cdnivo@inbox.ru

Аннотация. В «Коллекции воспоминаний ветеранов партии и комсомола, войны и труда», хранящейся в ГКУВО «ЦДНИВО», собран богатейший материал о событиях, происходивших на территории нашего края в Гражданскую войну, в период Великой Отечественной войны и в послевоенные годы. Это воспоминания их непосредственных свидетелей и участников, в том числе и жительниц нашего города, края. Их судьбы — судьбы женщин советской эпохи. Одна из них отражена в воспоминаниях Евдокии Ивановны Благовещенской.

Ключевые слова: революция, Гражданская война, Великая Отечественная война, Сталинград, Благовещенская Евдокия Ивановна.

THE FATE OF MAN IN THE HISTORY OF RUSSIA OF THE XX CENTURY

Budchenko Lidiya Ivanovna

PhD in law, Director of the Government State Institution of the
Volograd Region «Center for Documentation of the Contemporary
History of the Volgograd Region»

Volograd, Russian Federation

e-mail: gu_cdnivo@inbox.ru

Filippova Antonina Petrovna

Chief Specialist of the Department of Using of Documents and Social and Legal Information of the Government State Institution of the Volgograd Region «Center for Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region»

Volgograd, Russian Federation

e-mail: gu_cdnivo@inbox.ru

Abstract. In the «Collection of memoirs of veterans of the party and Komsomol, war and labor», stored in GKUVO «CDNIVO», collected a rich material about the events that took place on the territory of our region in the Civil war, during the great Patriotic war and in the postwar years. These are the memories of their direct witnesses and participants, including residents of our city, the region. Their fates are the fates of women of the Soviet era. One of them is reflected in the memoirs of Evdokia Ivanovna Blagoveshchenskaya.

Keywords: revolution, Civil war, The Great Patriotic War, Stalingrad, Blagoveshchenskaya Evdokia Ivanovna.

История нашей страны насчитывает много великих и трагических периодов. Самый драматический из них — XX век. Век больших перемен, происходивших в России (СССР), век чудовищных по масштабам войн, калечивших и кардинально менявших судьбы людей. Судьба любого человека неразрывно связана с судьбой страны. Значит, история страны — история граждан этой страны. Эта — одна из многих.

Евдокия Ивановна Благовещенская родилась в августе 1887 г. в многодетной семье в слободе Николаевской Царевского уезда Астраханской (с 1919 г. — Царицынской) губернии, расположенной на левом берегу Волги (в 190 километрах выше современного Волгограда). Окончила 3 класса. Батрачила с 10 лет. С 16 — участвовала в работе марксистского кружка, в который пришла вслед за отцом, в митингах и стачках. Училась на курсах революционных пропагандистов в Камышине. Вышла замуж за своего политического единомышленника Дмитрия Григорьевича Филимонова, сына грузчика лесопильного завода.

В 1911 г. ее отец Иван Иванович Твердохлебов был сослан в Сибирь, муж призван на службу в 141 полк, размещенный в Царицыне, где его

арестовали за агитацию среди солдат. 2 марта 1917 г. он был освобожден из тюрьмы солдатами Царицынского гарнизона. В том же 1917 г. председатель исполкома Царицынского совета Я. Ерман направил его в распоряжение Николаевского РКП(б) и в сентябре 1917 г. Евдокия становится членом Николаевского отряда Красной гвардии, в его рядах участвует в боевых действиях в деревне Николаевке и Камышине.

В первых числах декабря 1917 г. в Камышин прибыли два Оренбургских запасных казачьих полка, во второй половине декабря к Камышину подошли и донские казачьи части... В январе 1918 г., когда в Николаевке насчитывалось уже 5 рот Красной гвардии, было принято решение разоружить офицеров запасного полка и другие военные подразделения старой армии. В конце января красногвардейский отряд захватил в Камышине поезд с оружием и боеприпасами, а в доме одного офицера — денежную кассу.

Она вспоминала: «Муж и два красногвардейца вернулись в Николаевку смертельно уставшие. В полночь в квартиру ворвались. Очнувшись от сна, муж хотел встать и не смог: офицер нанес удар прямо в лицо, кровь брызнула, облила спящего рядом ребенка Мужчин связали и увели». Больше живой она его не видела. Была арестована и она. Из ее рук вырвали дочурку, швырнули в угол, а ей, как и мужчинам, скрутили руки, привезли на очную ставку с арестованными. Евдокия Ивановна вспоминала: «Это было ужасное зрелище. Арестованные лежали на полу в земской больнице. Они были окровавлены и изуродованы до неузнаваемости». Сорвав с ее головы шарф, офицер хлестал им по лицу: «Где оружие? Где деньги? Мы вам покажем!» Она молчала. Страшно болела голова, по щекам и губам ползли солоноватые струйки крови. Позже вспоминала, что не плакала, но «душа исходила слезами». В протоколе допроса, который ее заставили подписать, было записано, что за разграбление поезда и хищение кассы арестован атаман «красной банды Филимонов и 11 его соучастников. На допросе отвечать отказались. Подлежат казни». Она поставила свою подпись рядом с подписью мужа. Ее отволокли в камеру. Почти всю ночь за стеной шел пьяный разгул. Под утро — тишина. Часовой открыл окошко в камере и прошептал: «Они все спят. Беги, дочка». Чья-то рука увлекла ее за собой, она оказалась на улице. За углом наготове стояли

сани. Она увидела своих товарищей и поняла: побег — дело их рук. Ее спрятали в надежном месте, но она хотела отдать последний долг мужу и товарищам, которые, по слухам, были казнены в Камышине. И вместе со свекровью отправилась туда. Казненные лежали на полу в часовой. Женщины с трудом протиснулись сквозь толпу. Только мгновение видела она окровавленного мужа: сердце вывернуто из груди, на лице вырезана пятиконечная звезда. Ей стало дурно. И в это время раздался возглас: «Взять беглянку!» Несколько человек бросились к ней, но на этот раз им достался только ворот ее пальто. Кто-то набросил на нее плащ, схватил в охапку, вынес из толпы, положил в сани. Придя в себя, она увидела, что сани несутся по Волге. Ее спасителями оказались старый друг отца Варваровский и красногвардеец Слипченко. От них она узнала, что за ними была погоня, которой преградил путь командир красногвардейского отряда Благовещенский. Домой она не вернулась. Ушла в партизанский красногвардейский отряд, попросив знакомых приютить дочь.

В 1918–1920 гг. находилась в партизанском отряде, была сотрудницей Николаевской ЧК по борьбе с контрреволюцией, разведчицей, принимала участие в разгроме белых в Заволжской части нынешней Волгоградской области.

Вспоминая события Гражданской войны, Евдокия Ивановна рассказывала и о встрече в Царицыне с К. Е. Ворошиловым: «Летом 1918 г. связь с Астраханью, Камышином и Царицыном прекратилась. Наша разведка пробивалась окольными путями в Царицын. В поисках своего командира мы направились в штаб обороны. Там увидели К. Е. Ворошилова. Он вел беседу с бойцами во дворе, за стеной штаба. Расспросил нас, помог, приказал накормить и распорядился, чтобы дали еды на дорогу».

29 июля 1919 г. белые взяли Камышин. Офицеры заставили арестованных коммунистов рыть могилу, на краю которой всех расстреляли.

Осенью белые снова хозяйничали в Камышине, устроив террор над жителями и армией. Из Камышина белые прорвались в Николаевку. 66 человек были расстреляны у стен военкомата под душераздирающие крики родных. Имена некоторых из них есть в ее воспоминаниях. Она рассказывает и о тех, кто был спасен при активном

участии особой разведки Царицынского губернского чрезвычайного комитета (губчека) и разведки Николаевского ЧК. За боевые заслуги Николаевская ЧК наградила ее огнестрельным оружием.

В ее биографии — борьба с торгашами и спекулянтами, засевавшими в госучреждениях, ранение на Северном фронте, возвращение по ранению домой, работа заместителем начальника снабжения в продразверстке. Когда ее начальник ушел на фронт, Евдокия Ивановна, приняв от него документы и печать, до его возвращения обслуживала Царицынские, Камышинские, Николаевские военные части, больницы и крестьянское население.

Она стала солдатом революции. Ее молодость прошла в боях и опасностях, а испытаний, выпавших на ее долю, хватило бы с лихвой на несколько судеб.

Погиб ее отец И. И. Твердохлебов, был казнен ее первый муж Филимонов, погибли его брат, два ее дяди, братья и второй муж, комиссар Благовещенский. Она сама на фронте получила ранение.

С 1921 г. жила в Царицыне. Евдокия Ивановна так вспоминала об этом времени: «Сколько было вдов, сирот и калек! По улицам, на набережной сидели и лежали беспризорные дети. Приемник был переполнен. Дети были истощены, оборваны, многие в одежде из грубой верблюжьей шерсти, надетой на тело без рубашонок. Их одежда и волосы на голове, как серебром, были усыпаны насекомыми, а тела покрыты струпьями». Работая, она забывала свое горе. Организовала детский дом. Чистые, накормленные и ухоженные дети, маленькие называли ее мамой. Организовывала школы по ликвидации неграмотности, красные уголки. Вошла в чрезвычайную тройку Союза рабпрос (Союз работников просвещения) по борьбе с безработицей и изысканием для этого средств. Вспоминала, что они организовывали артели, коллективы для возвращавшихся с фронта красноармейцев, сельской и городской бедноты. Инвалиды были заняты разной работой: изготовлением детских игрушек, веревок, корзин, чисткой обуви.

Из Сталинграда ее командировали в Краснодарский край (Новороссийск, Сочи). Работа была тяжелой и опасной. Она писала: «Когда в Сочи брали под детдом дворец Екатерины II, к нам применили

оружие. Не раз обстреливали из-за вагонов в Новороссийске». В Краснодаре на нее было совершено покушение. Была ранена. Возвратилась в Сталинград.

И вновь работа с детьми: их распределяли на работу по специальностям, выводили из детских домов в общежитие. Она продолжала учиться, окончила заочную московскую школу марксизма-ленинизма и туризма, стала инструктором краевого совета. Проводила семинары, организовывала экскурсии, санитарные курсы, курсы политграмоты и кооперативные трехгодичные. Работала кассиром-инкассатором коммунального треста, бухгалтером-казначеем Автодора и Дортранса, одновременно состояла в секциях горсовета НКВД (Народного комиссариата внутренних дел). Перешла ввиду болезни на инвалидность. Но продолжала оставаться в гуще общественной жизни Сталинграда. Была избрана председателем комитета ветеранов партии (далее — КП) — пенсионеров, старых большевиков при Ерманском исполкоме, где организовала подсобное хозяйство КП: сад, бахчи, огороды. Ее назначили директором подсобного хозяйства. И, как она отмечала, урожай был хороший.

С началом Великой Отечественной войны, вступив в народное ополчение, прошла подготовку на курсах химической обороны и активно участвовала в работе группы самозащиты при Ерманском районном совете Осоавиахима. Будучи уполномоченной от исполкома, охраняла центр города, выставляла посты и ночью сама проверяла их, в том числе и на улице Республиканской у дома № 7, в котором жила.

Надвигалось лето 1942 г. Ежедневно до 15 тысяч человек выходили на укрепление внутреннего рубежа обороны. Евдокия Ивановна вспоминала: «Наш отряд народного ополчения вел борьбу с вражеской авиацией. Тушили пожары, спасали население, обеспечивали продуктами питания детей и стариков».

Навсегда в ее память врезался день начала массированной бомбардировки Сталинграда вражеской авиацией. Она пишет: «Мне не забыть тот день. Я ушла в военный магазин, который находился во дворе военкомата, за продуктами. В это время завывали серены — тревога». Увидев зарево в центре Сталинграда на улице Республиканской, бросилась бежать на свой пост, к своему дому, где спала,

оставленная под ее присмотром, полутороговаялая внучка.

Дочь в это время работала на заводе «Баррикады», зять был старшим мастером листопрокатного цеха на заводе «Красный Октябрь». Внуков было пятеро. Трое находились в бомбоубежище, один ребенок оставался в яслях и одна внучка — дома.

Пригибаясь к земле от разрывов, прячась за постройками, что есть духу бежала она домой. Перенесла ребенка в проходную комнату, заслонила его собой и стала ждать момента, чтобы спуститься с ним в бомбоубежище. Раздался удар, посыпались осколки, треснула стена, двери раскрылись, ее ударила и отбросила взрывная волна. Стена, возле которой стояла детская кроватка, рухнула.

Городским советом и военным руководством Сталинграда было принято решение об эвакуации детей рабочих, оставшихся на заводе. Провести эвакуацию поручили ей. Для детей выделили автобус. Вместе с другими эвакуировалась и ее дочь с пятью детьми. Выехали лишь с заплечными котомками.

Евдокия Ивановна вспоминала: «Чтобы переправиться на левый берег, пришлось пережить немало ужасов. Несколько составов поездов скопились у переправы. Мы стояли день и ночь под обстрелом... В центре горели постройки, горела и наша квартира... Куда ни взглянешь, кругом слезы, крики, раздирающие душу. При переправе тоже бомбили, несколько вагонов от нашего поезда разбились, были потоплены дети и взрослые. Наш поезд двигался медленно: то вперед, то назад к Сталинграду... Мы подбирали раненых бойцов и оказывали им помощь. Наш поезд за Волгой немец преследовал. Отступая под обстрелом, зенитчики сбивали не одного стервятника. Во время бомбежек была одна команда: покинуть вагоны. Ложились врассыпную, прикипали к земле. К нашему поезду прицепили еще несколько вагонов с ранеными бойцами. Пока железнодорожники исправляли пути, стояли в степи не одни сутки. Кончались продукты и вода в цистерне. Плакали дети, просили пить, есть, в вагонах темно и душно. Под обстрелом бегали на бахчи, приносили арбузы, дыни или тыквы и раздавали по вагонам.

В Петропавловском вновь бомбили. Спасались в лесу. На станции Эльтон два вагона вышли из строя... В Палласовке тоже не было

покою. Немец бил по станции и селению. Из вагонов все бежали к речке, только тяжелобольные оставались на местах. Детей укладывали возле поезда на земле, прикрыв их головы кое-какой одежкой. Немец на бредущем бил по народу. Зенитчики сбили два самолета противника... Дней пять простояли в Палласовке, потом направились в Западный Казахстан. Приказ выполнили, бойцов сдали в госпиталь в Западном Казахстане».

По прибытии в Уральск Евдокия Ивановна была назначена в заготовительную часть. Ей было поручено заведывание пятью складами овощей, зернохранилищем, пекарней, сушильным цехом овощей, а еще стать начальником строительства «дамбы для предотвращения подтопления складов в половодье». Работать приходилось с раннего утра до поздней ночи. Постоянно стояли 30–20 фургонов колхозников. Грузили зерно и везли для переработки, стояли трехтонки и однотонные машины — это воинские части увозили продукты для армии. У нее не было ни охранников ни сторожей. Ей приходилось самой бегать с трехметровым щупом по складам, проверяя годность хлеба и проса, чтобы зерно не загорелось. По необходимости еще и проталивать склады, а во время половодья стоять по пояс во льду. Она вспоминала, что снежные заносы были большими. Люди ходили по крышам построек. Позже в Уральске ей было поручено заведовать прачечной, которая обслуживала обмундированием и прочим снабжением 32 авиационные эскадрильи и другие части. Потом работала на Ленинградском военном заводе. Людей не хватало, приходилось при выпуске готовой продукции и отправке стоять на посту вахтером две смены с винтовкой. Сопровождала на фронт железнодорожный состав с запасными частями, который под Винницей бомбили немецкие самолеты. Была контужена, ранена. Один из осколков так и остался в ней.

Наполненная событиями биография Е. И. Благовещенской ярко отражает основной путь женщин в революцию — за мужской частью семьи. Она напоминает, что Гражданская война стала первым случаем массового участия в войне женщин в России, однако в них все же ощущается стремление создать образ, уже навеянный революционно-биографической литературой советского периода, сформирова-

ровавшей женский тип революционной героики. В воспоминаниях о событиях 1920–1930-х гг. и Сталинградской битвы не только отражены эти важнейшие периоды в жизни города и страны, но и четко представлено непосредственное участие нашей героини во всем происходившем.

В свои 86 лет, когда они были написаны, Евдокия Ивановна, персональный пенсионер Республиканского значения, вела большую работу по военно-патриотическому воспитанию, оставаясь человеком с активной жизненной позицией и удивительной судьбой, рожденным бурными событиями XX в. в России. Ее воспоминания — прежде всего свидетельства. Важность такого рода записей, сделанных просто грамотными рядовыми людьми, была отмечена еще А. С. Пушкиным, видевшим в них закрепление исторической памяти общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 149. Оп. 3. Д. 26. 79 л.

**АРХИВЫ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ: ПИСЬМА
А. И. КОНОВАЛОВА И В. М. ЗЕНЗИНОВА
В ФОНДЕ А. Ф. КЕРЕНСКОГО 1939–1948 ГГ.**

Леонтьева Ольга Геннадьевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры архивоведения,
историографии и документоведения

Тверского государственного университета

Тверь, Российская Федерация

e-mail: Leonteva.OG@tversu.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам изучения эпистолярного наследия русских эмигрантов — Россике. В частности, в статье изложены результаты изучения писем А. Ф. Коновалова и В. М. Зензинова к А. Ф. Керенскому за 1939—1949 гг. Особое внимание автором было уделено изучению содержания переписки. В письмах затронуты не только проблемы политического характера и изложены мнения авторов по вопросам расстановки сил в Европе после Второй мировой войны, но и дана характеристика военного и послевоенного быта русских эмигрантов во Франции и США. В письмах изложены мнения русского зарубежья о возможном послевоенном сотрудничестве с Советским Союзом.

Ключевые слова: Русские эмигранты, частные письма русских эмигрантов, фонд А. Ф. Керенского, послевоенный быт русских эмигрантов, русская эмиграция во Второй мировой войне.

**ARCHIVES OF RUSSIAN EMIGRANTS: LETTERS
OF A. I. KONOVALOV AND V. M. ZENZINOV IN
THE FUND OF A. F. KERENSKY 1939–1948**

Leontieva Olga Gennadievna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department
of Documentation and Archival Studies,

Tver State University

Tver, Russian Federation

e-mail: Leonteva.OG@tversu.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the epistolary heritage of Russian emigrants — Rossika. In particular, the article presents the

results of studying the letters of A. F. Konovalov and V. M. Zenzinov to A. F. Kerensky for 1939–1949. Special attention was paid to the study of the content of correspondence. The letters touched not only on political issues and set out the authors views on the balance of power in Europe after the World War II, but also gave a description of the pre-war and postwar life of Russian immigrants in France and the United States. The letters set out the views of the Russian Diaspora on possible post-war cooperation with the Soviet Union.

Keywords: Russian emigrants, private letters of Russian emigrants, the fund of A. F. Kerensky, postwar life of Russian emigrants, Russian emigration in the World War II.

Интерес исследователей к архивам русских эмигрантов, покинувших Россию в 1917–1923 гг. вследствие событий октября 1917 г., остается неизменным. Основная причина такого внимания — значимость для истории, культуры, науки нашей страны личностей, составивших эти архивы. К таким знаковым фигурам принадлежит и Александр Федорович Керенский, архив которого находится в Соединенных Штатах Америки. Документы А. Ф. Керенского разделены на две части и хранятся в Гуверовском институте революции, войны и мира (Калифорния, США) и Центре гуманитарных исследований Г. Рэнсома (Техас, США). Состав, содержание и структура документных комплексов были проанализированы и описаны в нескольких публикациях [1], но информационные ресурсы архивов А. Ф. Керенского далеко не исчерпаны. И в первую очередь это относится к переписке. Именно письма и дневники с их способностью отражать жизненную повседневность, сохранять детали способны передать реальность событий, продемонстрировать эмоциональный фон происходившего, донести различные мнения об одних и тех же фактах.

В фонде А. Ф. Керенского [2], находящемся на хранении в Центре гуманитарных исследований Техасского государственного университета (Остин), переписка составляет большую часть документного комплекса. Корреспондентами А. Ф. Керенского выступили 44 человека, среди которых были политики, писатели, ученые, журналисты — все, кто после отъезда из России остался в европейских государ-

ствах и вел постоянную переписку с Александром Федоровичем большей частью на бытовые темы. Политические и партийные вопросы в сохранившихся письмах обсуждаются гораздо реже. Такая ситуация, вероятно, сложилась из-за разделения документов между двумя исследовательскими центрами. Гуверовский институт отобрал документы, отражающие политическую деятельность А. Ф. Керенского, Техасский государственный университет купил все, что осталось, сохранив массив писем, посвященных повседневной жизни их авторов.

Интересны все авторы писем, но в 2020 г. исполняется 140 лет со дня рождения В. М. Зензинова и 145 лет со дня рождения А. И. Коновалова, двух наиболее активных корреспондентов А. Ф. Керенского, что привело к решению обратиться к письмам именно этих авторов.

А. И. Коновалов (1875–1948), занимавший в период правления Временного правительства пост министра торговли и промышленности, в начале 1918 г. эмигрировал во Францию. В эмиграции работал в общественном комитете помощи русским беженцам, являясь членом партии конституционных демократов (кадетов), занимал пост председателя правления редакции газеты «Последние новости», издаваемой П. Н. Милюковым. В 1941 г. А. И. Коновалов уехал в Соединенные Штаты Америки, где оставался до окончания Второй мировой войны. Вернулся он в Париж в 1947 г., о чем очень сожалел. В письме от 17 ноября 1947 г. [2, коробка 31, д. 117] к А. Ф. Керенскому написал: «Боже! Зачем я сюда приехал, чтобы видеть все это!» Умер И. А. Коновалов во Франции 28 января 1949 г. от инсульта, о чем А. Ф. Керенскому сообщил сын Александра Ивановича [2, коробка 31, д. 117].

В фонде А. Ф. Керенского сохранилась переписка с А. И. Коноваловым за август 1940 — декабрь 1948 г., большинство писем относится к 1943–1948 гг., за этот период сохранилось 79 писем на русском, французском и английском языках. Тематика писем весьма ограничена, по сути — это описание переезда Александра Ивановича из Франции в США и обратно. Можно выделить две основные темы его писем: экономическое положение во Франции после войны и экономическое положение русских эмигрантов во время оккупации Франции.

Владимир Михайлович Зензинов, как принято говорить, был профессиональным революционером. Он состоял в партии социали-

стов-революционеров (эсеров) и до 1917 г. принимал активное участие в деятельности партии, его последняя сибирская ссылка продлилась с 1910 по 1914 г. В 1917 г. он был избран членом исполкома Петроградского совета, в ноябре 1917 г. по поручению ЦК партии эсеров переехал в Самару. В ноябре 1918 г. Владимир Михайлович был выслан адмиралом Колчаком в Китай, откуда через Японию прибыл в Париж в январе 1919 г. В эмиграции занимался политической и журналистской работой. В 1940 г. вслед за А. Ф. Керенским переехал в США, где прожил до своей смерти в 1953 г.

Сохранилось 29 писем Владимира Михайловича к А. Ф. Керенскому за 1939–1946 гг. Этот комплекс можно условно разделить на две группы: письма В. М. Зензинова к А. Ф. Керенскому и письма других авторов, пересланные В. М. Зензиновым А. Ф. Керенскому. Письма самого Вячеслава Михайловича составляют группу из 12 штук, датируемых 1939–1946 гг., большая часть из них относится к 1939–1941 гг. Авторами остальных 17 писем являются третьи лица, писавшие В. М. Зензинову. Эти письма Владимир Михайлович по какой-то причине переслал А. Ф. Керенскому. По сравнению с письмами А. И. Коновалова тематика писем Владимира Михайловича разнообразна, в них содержится информация о политической ситуации в Европе, положении в Советской России, русской эмиграции новой волны. В то же время в письмах В. М. Зензинова и А. И. Коновалова прослеживаются общие темы: помощь беженцам, посещение В. А. Маклаковым советского посольства в 1945 г., встреча с А. И. Деникиным, ситуация во Франции во время и после войны.

Значительную часть переписки А. И. Коновалова и А. Ф. Керенского 1940–1941 гг. занимает вопрос о ситуации во Франции и положении русской эмиграции. А. И. Коновалов сыграл значительную роль в организации помощи эмигрантам по выезду из Франции после ее оккупации Германией в 1940 г. В письмах не только содержались просьбы поддержать соотечественников при получении въездной визы в США, но давалась краткая биография людей, характеристика их положения и причин отъезда из Франции. Наиболее выразительными были письмо от 20 августа 1940 г. с призывом о помощи и дублирующее его письмо от 26 августа этого же года [2, коробка 59, д. 208].

Александр Иванович писал [2, коробка 59, д. 208], что эмигранты потеряли свою вторую родину — Францию, последние события лишили их дома, обратили в беженцев, привели к крайней нужде; в оккупированной части Франции в домах русских эмигрантов прошли обыски, была конфискована собственность и закрыты эмигрантские газеты и общественные организации, изъяты библиотеки. Тургеневскую библиотеку пытались спасти через советское консульство, были вывезены собрания М. А. Осоргина, польская библиотека А. Мицкевича, Славянская библиотека Общества иезуитов. Положение в неоккупированной зоне было немногим лучше. Судя по письмам А. И. Коновалова, эмигранты испытывали крайнюю нужду, люди были морально и физически ослаблены, даже не могли «самостоятельно добыть себе продукты» [2, коробка 59, д. 208]. Его вывод звучит весьма пессимистично — «русская интеллигенция исчезла» [2, коробка 59, д. 208], надежду на спасение он видел только в переезде в Соединенные Штаты Америки.

К сожалению, в отношении самого Александра Ивановича надежды не оправдались, его переезд в США в 1941 г. не принес желаемого благополучия. Фактически, все письма 1943–1944 гг. посвящены теме поиска работы. Поиски эти продолжались не один год, только в письме от 1 августа 1943 г. [2, коробка 31, д. 117] он написал, что нашел работу, охарактеризовал ее как механическую, но дающую заработок, что позволило ему вернуться к творческой работе, к написанию статей. Письма 1944 г. также касаются работы, судя по всему, она его не устраивала. 10 мая 1944 г. Александр Иванович писал: «...работаю для прокорма, для души абсолютно нет ничего» [2, коробка 31, д. 117]. Очевидно, такая ситуация подтолкнула его к принятию решения о возвращении в Европу. В письме от 16 сентября 1944 г. он написал, что все больше задумывается о целесообразности пребывания в Америке и сделал вывод — «не жилец я в Америке» [2, коробка 31, д. 117], а в октябре 1944 г. он заговорил о переезде во Францию. Свое решение Александр Иванович объяснил следующим образом: «сюда надо бы приехать молодым, здесь воспитаться, чтобы усвоить уклад жизни», его «мысли все больше и больше несутся в Европу». Основной причиной возвращения во Францию было нестабильное экономическое положение семьи в США [2, коробка 31, д. 117].

Возвращение во Францию в 1944 г. приносит новые разочарования. Положение в послевоенной Франции, испытывающей экономические и политические трудности, еще более нестабильно, чем в Соединенных Штатах. Письма 1945–1948 гг. полны горечи и разочарования. Он писал о сложностях быта, болезнях, «чудовищных ценах». В письмах 1946 г. Александр Иванович сообщал об инфляции, росте безработицы, демонстрациях. В мае 1947 г. он констатировал: «Во Франции — невозможно дорого и безумно скверно. Прямо тошно! Я потерял свое расположение к этой стране. Все прогнило сверху и донизу. Морали нет, она исчезла. Люди изменились до невероятности. Нужна смена поколений, чтобы положение изменилось» [2, коробка 31, д. 117].

Новая волна экономических сложностей привела к перемене взглядов А. И. Коновалова на американский период жизни, он обратился к вопросу возвращения в Америку. В письме к А. Ф. Керенскому он написал: «...дружески прошу, умоляю Вас не помышлять перемещаться из Америки с целью покинуть Америку навсегда» [2, коробка 31, д. 117]. К сожалению, ни в Соединенные Штаты, ни в Великобританию к сыну из ставшей ему чуждой Франции Александр Иванович уехать не успел. Вероятно, причиной тягостных размышлений и уныния, наполнивших его письма, была невозможность пожилого человека найти занятие для себя, крушение надежды на возвращение в Петербург, ощущение ненужности. В одном из писем он подвел итоги: «...быть может, удастся закончить свои дни в Париже: на Петербург я больше, к большому своему горю, ни малейшей надежды не имею» [2, коробка 31, д. 117].

Письма В. М. Зензинова, в первую очередь, посвящены политическим и организационно-партийным вопросам, он мало писал о быте, о своей работе в США. Можно выделить небольшую группу писем 1943 г., в которых Владимир Михайлович рассказывал о чтении им в Городском колледже (Нью-Йорк) лекций по современной географии России для американских солдат, состоявшейся лекции в обществе «Горизонт», проведенном анализе советских учебников [2, коробка 36, д. 133]. Признавая достаточно высоким уровень советских учебников, В. М. Зензинов отметил «много хвастовства и бахвальства».

Информация из писем 1939 г. касалась исключительно партийной деятельности В. М. Зензинова. Большое место в переписке занимала тема возрождения газеты «Новая Россия», которой в связи с начавшимися советско-финляндской и Второй мировой войнами отводилась роль информационного центра, в планах было создание информационного бюро [2, коробка 36, д. 133].

Владимир Михайлович писал Керенскому о необходимости издания на французском и английском языках сборника идеологического характера, «посвященного разработке целей войны и организации мира после войны» [2, коробка 36, д. 133]. Содержание сборника должно было включать четыре темы: организация мирового хозяйства после войны, построение социализма на новых началах, национальный вопрос, демократия и диктатура (опыт большевизма).

Письма этого периода полны ожидания поражения Советского Союза и свержения советской власти внешними силами. В письме от 5 января 1940 г. Владимир Михайлович даже предлагал Керенскому вернуться в Европу для организации партийной работы. Дальнейший ход военных действий не позволил В. М. Зензинову воплотить в жизнь даже часть своих планов. Владимир Михайлович в 1940 г. покидает Финляндию, куда он выехал для работы с советскими военнопленными в декабре 1939 г., и переезжает в США [2, коробка 36, д. 133].

В письмах обоих авторов, адресованных А. Ф. Керенскому в 1945 г., особое место занимало обсуждение темы посещения некоторыми представителями политической эмиграции, в первую очередь В. А. Маклаковым, советского посольства в феврале 1945 г. А. И. Коновалов по этому вопросу сохранял сдержанную позицию, считая присутствие В. А. Маклакова на встрече с советским послом продолжением идеи кадетов о признании русским народом советской власти собственной властью. Следовательно, контакты с этой властью были допустимы и позволяли получить определенную информацию о России, а значит, с точки зрения А. И. Коновалова, В. А. Маклаковым двигало любопытство [2, коробка 31, д. 117].

Иная позиция была высказана в письмах, адресованных В. М. Зензинову и пересланных им А. Ф. Керенскому. П. Берлин назвал встречу Маклакова с советским послом «недалновидностью, обыватель-

щиной и глупостью» [2, коробка 36, д. 133]. В письме А. Альперина и А. Титова от 15 июня 1945 г. встреча с послом А. Е. Богомоловым была подробно описана, вероятно, по просьбе В. М. Зензинова. Основная мысль письма сводилась к отрицанию возможного сотрудничества политической эмиграции с советской властью. Авторы писали, что они не являлись делегацией и никого не представляли. Помимо оправданий, в письме имеется интересное описание завтрака, состоявшегося во время приема. Авторы написали: «что касается беспокоящего Вас завтрака, то такового не было, но т. к. беседа тянулась от 12 до начала третьего часа, то нам было предложено рябиновка, портвейн и по бутерброду с икрой... Рябиновка и портвейн, а равно и икра были первоклассного качества» [2, коробка 36, д. 133]. В письме также говорилось о провозглашении послом тоста «за советский народ, за Красную армию, за ее вождя маршала Сталина», но тост эмигрантами поддержан не был. В собственном письме А. Ф. Керенскому В. М. Зензинов писал, что поведение В. А. Маклакова выглядело просто странным, а относиться к получению советских паспортов некоторыми эмигрантами следовало философски.

В письмах А. И. Коновалова и В. М. Зензинова упоминается еще одна знаковая фигура эмиграции — А. И. Деникин. А. И. Коновалов пишет о встрече с генералом как о безрезультатной, поскольку, по его мнению, у генерала не было определенных планов [2, коробка 31, д. 117].

На В. М. Зензинова генерал Деникин произвел благоприятное впечатление, о чем он написал А. Ф. Керенскому: «Я впервые был в личном общении с ним, и он произвел на меня лучшее впечатление — либеральный и честный, немного провинциальный русский генерал» [2, коробка 36, д. 133].

Положение во Франции интересовало В. М. Зензинова исключительно с политической точки зрения, о бытовой стороне жизни речь в письмах не шла. Главное волнение русских эмиграционных кругов в Соединенных Штатах вызывал вопрос о возможном приходе к власти во Франции коммунистов. Этот вопрос обсуждался и во Франции. 6 марта 1945 г. А. И. Коновалов написал А. Ф. Керенскому, что приход к власти коммунистов возможен только при военной помощи со стороны Советского Союза, но «Сталин, связанный Ялтинскими

соглашениями, не может оказать реальную помощь, например, в виде войск, подтянутых к границе» [2, коробка 31, д. 117].

В. М. Зензинов имел схожее мнение, о чем писал в одном из писем: «Из Франции приходят дурные вести — как в политическом отношении, так и в продовольственном. Обстановка если не ухудшается, то, несомненно, осложняется, но многие здесь думают, что опасения о приходе к власти коммунистов, о чем имеются даже намеки в последних письмах Вас. Ал. [Маклаков], сильно преувеличены» [2, коробка 36, д. 133].

В своих письмах и А. И. Коновалов, и В. М. Зензинов не могли обойти тему России. Позиция эмиграции по отношению к советской власти к концу Второй мировой войны несколько смягчилась в связи с той ролью, которую сыграл Советский Союз в освобождении Европы, часть эмиграции допускала возможность сотрудничества с советской властью, однако уже в 1946 г. мнения о советской политической системе значительно изменились, поскольку стали известными преступления режима против своих граждан. А. И. Коновалов в письме к А. Ф. Керенскому в декабре 1945 г. упоминал о «мрачном отношении к СССР» из-за раскрытия действий сталинских «троек» и «пятерок» [2, коробка 31, д. 117].

В письмах, отправленных В. М. Зензиновым А. Ф. Керенскому, приводились многочисленные факты неправомερных действий власти по отношению к советским гражданам. Сведения, как писал В. М. Зензинов, были получены от «перебежчиков», в первую очередь военных, не пожелавших вернуться в Россию и дезертировавших из Красной армии. Например, приводились свидетельства моряков, совершавших рейсы в Охотском море между Владивостоком, Сахалином на пароходах НКВД [2, коробка 36, д. 133].

А. Ф. Керенскому было переслано письмо М. М. Тер-Погосьяна, в котором он писал о положении в России: «...страна живет в условиях отсутствия ширпотреба, раздетая, разутая... условия жизни русских рабочих не были столь тяжелы, как сейчас» [2, коробка 36, д. 133].

В письмах В. М. Зензинова приводились свидетельства и о действиях НКВД на территориях, занятых советской армией, например, в Чехии. М. М. Тер-Погосьян писал, что «НКВД действовал в Праге

как подлинный хозяин, пропали без вести 300 русских эмигрантов. Всех собранных русских эмигрантов в Баварии (в том числе бежавших из Чехии) американцы транспортировали в советский лагерь, откуда все должны быть отправлены в Россию» [2, коробка 36, д. 133]. Свидетельства и факты результатов проводимой советским руководством внешней и внутренней политики способствовали полному отказу всей эмиграции от каких-либо отношений с советским государством.

Представленные в фонде А. Ф. Керенского письма А. И. Коновалова и В. М. Зензинова, естественно, не могут создать исчерпывающей картины событий, происходивших в 1939–1948 гг. Данный информационный комплекс лишь дополняет эту картину. Тем не менее эти письма могут рассматриваться как ценный источник информации по нескольким причинам. Во-первых, содержащаяся в них информация мобильна, она соответствует времени свершения факта или события. Во-вторых, она отражает не только конкретный факт, но и его интерпретацию современниками. В-третьих, информация содержит описание деталей событий, что позволяет составить более полную картину события. В-четвертых, частные письма, выражая мнение авторов, позволяют лучше понять позицию корреспондентов, составить их характеристику на основе их же собственных утверждений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Быкова Л. А. Архив А. Ф. Керенского в Центре гуманитарных исследований Техасского университета // Отечественные архивы. — 2001. — № 3; Новиков Г. Н. Об архиве А. Ф. Керенского в Техасе // Новая и новейшая история. — 1993. — № 1; Леонтьева О. Г. Письма русских эмигрантов А. Ф. Керенскому в Центре гуманитарных исследований Техасского университета // Отечественные архивы. — 2009. — № 1.

2. Harry Ransom Humanity Research Center (HRHRC). Alexander Kerensky's papers. Коробка 31. Д. 117; там же. Коробка 36. Д. 133; коробка 59. Д. 208.

ПИСЬМА ИНЖЕНЕРА-ГИДРОТЕХНИКА ПРОФЕССОРА А. С. АКСАМИТНОГО (1884–1931)

Чичуга Марина Алексеевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения,
аудиовизуальных и научно-технических архивов

Российского государственного гуманитарного университета

Москва, Российская Федерация

e-mail: marinachichuga@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению эпистолярного наследия А. С. Аксамитного, раскрывающего неизвестные страницы жизни и деятельности русского инженера, профессора, главного инженера Беломорско-Балтийского канала.

Ключевые слова: А. С. Аксамитный, письма, эпистолярное наследие, личный фонд.

LETTERS FROM A HYDRAULIC ENGINEER PROFESSOR A. S. AKSAMITOV (1884–1931)

Chichuga Marina Alekseevna

PhD in history, Associate Professor of the Department of Documentary Studies, Audiovisual and Scientific and Technical Archives of the Historical and Archival Institute of the Russian State University for the Humanities

Moscow, Russian Federation

e-mail: marinachichuga@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the epistolary heritage of A. S. Aksamitny, revealing unknown pages of the life and work of a Russian engineer, professor, chief engineer of the White Sea-Baltic Canal.

Keywords: A. S. Aksamitny, letters, epistolary heritage, Aksamitny's papers.

Документы профессора, автора одного из проектов строительства Волго-Донского канала, главного инженера Беломорско-Балтийского канала Анатолия Сергеевича Аксамитного (1884–1931) были переданы в Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ) его дочерью О. А. Аксамитной в 1970–1983-е гг. и ранее не были предметом специального изучения [1]. Каких-либо опубликованных пол-

ных биографических данных об этом человеке, разделившем в конце 1930-х гг. участь многих представителей научной интеллигенции (в 1931 г. он был репрессирован), автору статьи обнаружить не удалось. Тем важнее обратиться к фонду А. С. Аксамитного и через его личностное восприятие окружающего мира, переписку с близкими вдалеке от дома узнать о нем больше, чем могут рассказать официальные документы.

Фонд включает в себя две описи с общим количеством 107 единиц хранения, сформированных из 5582 документов. Помимо биографических, творческих, служебных документов, многочисленных фотографий, альбомов, книг, брошюр и газет здесь хранится немало источников эпистолярного жанра. Основную их часть составляет обширная переписка членов семьи Аксамитных. Среди документов есть те, которые принадлежат перу Анатолия Аксамитного. Это несколько писем Толи Аксамитного бабушке и дедушке — Федору Васильевичу и Софье Александровне Беспальчевым (1892–1904); письма, адресованные матери Варваре Федоровне (1923–1931); к жене Наталье Васильевне Аксамитной (1906–1931) и к дочерям — Ольге и Ирине (1913–1931).

Родился А. С. Аксамитный в 1884 г. в Ромны Полтавской губернии. В 1902 г. окончил Минское реальное училище, после чего поступил в Институт инженеров путей сообщения в Петербурге. В личном фонде сохранилось несколько писем, написанных аккуратным детским почерком. В одном из них маленький Толя рассказывает про свой ночной кошмар, в другом — про успехи в школе.

«Милая бабушка я сегодня ночью упал с кровати и сонный валялся на полу и в это время мне приснился страшный сон и я начал кричать и мама испугалась и тоже начала кричать. А за стеной еврей испугался и думал что к нам лезут воры и хотел ити спасать нас но услышал что все утихло и успокоился и заснул. Целую Вас и дедушку. Толя. Минск» [2].

Чаще всего эти письма повествуют о текущих, сиюминутных делах, о буднях и незамысловатых событиях, которые происходили в жизни молодого человека: «Дорогая бабушка. Напишите пожалуйста накопили ли вы китайское просо. Ко мне ходит учитель, мне очень нравится. Наш Пуска не здоров и Бабенко прописал ему

касторку. Посмотрите пожалуйста в моем комодике в ящике... листики от календаря... Целую Вас и Дедусику. Толя. Минск. И пришлите пожалуйста мне листики от календарика. Забыл» [3].

Тогда юноша, конечно же, не мог предположить, что именно они (письма) на долгие годы станут для него единственным каналом связи с домом, способом общения с близкими ему людьми. Писем, адресованных непосредственно Аксамитному, в фонде крайне мало — это, прежде всего, послания дочери Ольги к отцу. Однозначный ответ на это обстоятельство пока дать трудно. Что писали мать и жена Аксамитного в ответ, как разделяли тревогу и переживания сына и мужа, были ли они изъяты во время ареста Анатолия Сергеевича? И почему в семье сохранились письма отправителя, нашего героя, к женской половине — оттого ли, что были бережно сокрыты от посторонних глаз?

Согласно «Общей сводке данных жизнеописания» рабочий стаж А. С. Аксамитного по специальности начался в 1903 г. и составил 22 года; по гидротехнической специальности «с 1907 г. в течение 17 лет, причем с 1910 г. на самостоятельных работах» [4]. Обучение в институте включало в себя практические работы. За годы учебы Аксамитный прошел путь от студента-практиканта чертежника до младшего техника изыскательной партии по обследованию рек Чулым, Вырь и Ухта; проводил гидрометрические работы, устраивал водомерные посты.

В 1910 г. Аксамитный входил в состав дорожного отряда Амурской экспедиции, а в 1911 г., будучи на должности исполняющего обязанности младшего инженера исследований Камско-Тобольского водного пути, руководил «изыскательной партией по съемке р. Чусовой» [5]. По окончании института в 1913 г. был направлен в свою первую заграничную командировку для осмотра «ряда водных путей и гидротехнических сооружений».

Как уже отмечалось, учеба для Анатолия Аксамитного сопровождалась прохождением практики вдали от дома. Письма в это время еще наполнены юношеским романтизмом, в них присутствует описание природы, эмоций, которые вызывает у автора увиденное. Все это он старается передать на бумаге, донести чувства до своей

жены Натальи. Читая письма этого периода, невольно начинаешь погружаться в заочную связь мужа и жены, в их коммуникацию. Нельзя не согласиться с профессором Б. С. Илизаровым, который в одной из своих работ тонко подмечает и точно указывает на тайну, содержащуюся в самой письменности: «В письменности, и особенно в эпистолярном жанре, есть тайна... тайна послания, тайна плененного письменностью Слова» [6].

Среди писем часто попадаются открытки. Вот строчки 1907 г. На карточке указано место и дата: Пермь. Челябинск. 14 июня 1907 г. «Пошли чудные виды. Подъезжали к Азии через Урал. Путешествие приятное... Дышу живительным воздухом леса» [7].

Иногда строки поражают своей художественностью, поэтичностью, вниманием к деталям. Вот одни из них: «Все видно и ветерком обдувает. Кругом ширь реки в зеленой кайме леса оторочена желтой полосой песков. Часов в восемь заходило солнце и прямо нельзя было оторваться от поверхности, которая окрашивалась во много красок с дивными нежными тонами самых разных оттенков и переливов. Пароход оставляет за собой темно-синий след, по краям и на горизонте сливающихся с одной стороны с розоватой с другой стороны с серой водными полосами — все удивительно спокойно. Когда проходили вблизи берега, то к своему речному воздуху прибавился аромат хвои или березы. Такой природой любуемся и не можем глаз оторвать так это прекрасно и такое сильное впечатление производит на человека, попавшего в эту спокойную ширь и гладь совсем из другой жизни» [8].

Письма передают надежды и чаяния молодого специалиста на скорейшее возвращение домой. Он планировал поступить в институт и получить работу «хоть на зиму в Питере», выбирал место учебы в Харькове — лишь бы оказаться как можно ближе к своей семье. С одной стороны, от сложностей, имевшихся в работе, он «испытывал опасения упасть духом», с другой — работа же его и спасала. «Большим подспорьем в этом отношении является то обстоятельство, что целый день сильно занят и в большой компании» [9]. Часто Аксамитный пишет жене о том, что письма вселяли в него радость: «День, когда я получил письма, был для меня настоящим праздником, так сильно я стасковался без всяких известий. Но знаешь, когда я прочел

все твои письма, то как мне скучно стало и тоскливо, как захотелось туда в Россию, как здесь говорят» [10].

Письма из заграничной командировки (из Берлина, Эссена, Касселя, Гановера и других городов) отличаются не только повествованием, но и внешними особенностями. Они реже написаны карандашом и все больше черными или синими чернилами преимущественно на почтовых карточках с видами вокзалов и городских достопримечательностей. Вот отрывок из письма из Эссена: «Специально утром был на старом кладбище, кото. здесь находится в самом городе... очень красивые памятники на могиле Круппов. Город небольшой, но очень населенный, фабрика Круппа представляет из себя совершенно отдельный свой город» [11]. Аксамитного поражало огромное количество фабрик и заводов «в огне от зарева и массы электрических фонарей» и угнетал дым фабрик. Он описывал погоду, т. к. от нее зависела его работа («удалось все же посмотреть работу экскаваторов и сделать записи» [12]); осматривал каналы, планировал изучить «кирпичную облицовку и возможность применить ее»; отмечал, что «здесь построено много экономнее»; жаловался на «отчаянный насморк», который прошел от принятого аспирина, «видно простудный был» [13]. При этом почти в каждом письме звучала просьба к жене присылать хоть несколько слов каждый день. Причина проста: «меня это поддерживает очень» [14].

Письма последующих периодов жизнедеятельности Аксамитного — это предмет дальнейшего изучения с обязательной их публикацией. На этом этапе работа с эпистолярным наследием личного фонда инженера-гидротехника Анатолия Сергеевича Аксамитного еще требует своего продолжения, анализа, внимательного вчитывания, разбора почерка. Особенно это касается писем последних двух лет его жизни (1930–1931), времени, когда Аксамитный находился под следствием. «Хотелось бы о многом прочесть и придуманном поговорить с тобой, но это уже за пределами моей возможности и самому даже страшно, когда проходят дни, в которых не скажешь ни слова. Но к пустому разговору настолько не тянет, что я рад, что один, да и отвыкаешь, видимо, от обычной обстановки. Поэтому я так рад книгам и занятию, которые дают очень много, помимо того,

что время проходит. Идет оно скоро ужасно и быстро уносит наши дни. Постоянно думаю о тебе, конечно, приходится все больше перебирать все больше прошлое...» [15].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Российский государственный архив экономики. Ф. 111.
2. Там же. Оп. 1. Д. 26. Л. 7.
3. Там же. Л. 11.
4. Там же. Д. 72. Л. 12.
5. Там же. Л. 2.
6. Илизаров Б. С. Народный архив. Живые голоса эпохи. — М., 2014. — С. 11, 13.
7. РГАЭ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 28. Л. 6.
8. Там же. Л. 17.
9. Там же. Л. 13.
10. Там же.
11. Там же. Л. 68.
12. Там же. Л. 72 об.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же. Л. 146.

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ХРАМА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ В МОСКВЕ 1839–1883 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНОГО ФОНДА С. В. ДМИТРИЕВА В РГБ)

Антонова Оксана Евгеньевна

Кандидат исторических наук, старший преподаватель
Историко-архивного института Российского государственного
гуманитарного университета
Москва, Российская Федерация
e-mail: ksenia_antonova1@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены документы личного фонда архитектора С. В. Дмитриева, находящиеся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки, раскрывающие малоизвестные страницы в жизни и деятельности архитектора храма Христа Спасителя.

Ключевые слова: храм Христа Спасителя, К. Тон, строительство, переписка, художники.

DOCUMENTS ON THE HISTORY OF THE CONSTRUCTION OF THE CATHEDRAL OF CHRIST THE SAVIOUR IN MOSCOW 1839–1883 (ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE PERSONAL FUND OF S. V. DMITRIEV IN TREIN RSL)

Antonova Oksana Evgen'evna

Candidate of Historical Sciences, Senior lecturer of the Institute for History and Archives of the Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation
e-mail: ksenia_antonova1@mail.ru

Abstract. the article documents the personal Fund of the architect S. V. Dmitriev, finding in the manuscript Department of the Russian state library, revealing little-known pages in the life and work of architect for construction of the Temple of Christ the Savior.

Keywords: Church of Christ the Savior, K. Tone, construction, correspondence, artists.

В отделе рукописей Российской государственной библиотеки находится фонд русского архитектора Семена Васильевича Дмитриева

ева (1831–1893), в котором содержится 577 единиц хранения в 9 картонах. Фонд (Ф. 90) был систематизирован в 1955 г. специалистом отдела рукописей В. М. Федоровой. Большую часть фонда составляет переписка с отечественными и зарубежными архитекторами, художниками и другими лицами о строительстве храма Христа Спасителя. Сосредоточенные в фонде документы раскрывают историю создания памятника архитектуры, воздвигнутого по проекту архитектора К. А. Тона. После его смерти дальнейшие работы велись под руководством С. В. Дмитриева.

Информация о жизни и деятельности академика архитектуры Семена Васильевича Дмитриева в справочной литературе практически отсутствует, однако, следует отметить, что он оставил яркий след в истории Москвы. Биография С. В. Дмитриева очень хорошо изложена самим автором в письме к архитектору А. И. Резанову от 6 января 1876 г. [1].

Семен Васильевич родился 3 февраля 1831 г. в Москве. Учился в Московском дворцовом архитектурном училище, затем в Императорской Академии художеств. В это время, как пишет сам Дмитриев, «начиная с 1848 г., с небольшим перерывом, все проекты были самостоятельными, т. к. работал под руководством видных архитекторов П. П. Буренина, Я. И. Реймерса» [2]. В 1852 г. был удостоен звания классного художника архитектуры. В 1853–1867 гг. состоял рисовальщиком при Комиссии для построения храма Христа Спасителя. В 1859 г. получил звание академика архитектуры. В 1866–1873 гг. служил архитектором Московского учебного округа. В 1868 г. Дмитриев был удостоен звания почетного вольного общника Императорской Академии художеств. Свою деятельность в области архитектурного дела С. В. Дмитриев оценивает так: «Самостоятельные мои работы были пустыми — мелочь, о которых не стоит и упоминать, я по большей части не доводил до конца — причина тому были — добыча денег, способность к усиленной быстрой работе, дурное воспитание и т. д. Эти добродетели мешали всякой возможности что-либо сделать путевое и быть самому путевым человеком» [3]. Но в продолжение этого С. В. Дмитриев дает подробный список своих работ, который «покажет не только рисунки и постройки, но и деньги, какие за них получал» [4]. Будучи помощником академика Императорской Акаде-

мии художеств Рихтера Федора Федоровича, занимался подробными обмерами и изготовлением чертежей с храмов, среди которых: Дмитриевский собор в Владимире; Моленная палата Андрея Боголюбского в Боголюбском монастыре; церковь св. Георгия в Юрьеве-Польском; Горицкий монастырь в Переяславле-Залесском; часовня близ того же города; царские двери в церкви Иоанна Богослова близ Ростова; древние здания Кремлевского дворца в Москве; храм Василия Блаженного; Успенский собор; колокольня Ивана Великого; ворота Крутицкого монастыря; царские двери и крыльцо в Саввинском монастыре; собор Воскресенского монастыря; церковь в селе Дьякове и церкви Николая Чудотворца на Берсеневке; Николы Явленного; Гребневской Богоматери и св. Ирины при доме Нарышкиных, — всего на 53 таблицах [5]. Выполненные им чертежи ряда памятников вошли в изданные с 1851 по 1856 г. тетради под именем Ф. Ф. Рихтера «Памятники древнего русского зодчества, снятые с натуры и представленные в планах, фасадах и разрезах с замечательнейшими деталями каменной высебки и живописи» [6] с пояснительными текстами И. Е. Забелина. За этот труд Рихтер был высочайше одарен бриллиантовым перстнем [7]. В процессе деятельности С. В. Дмитриевым были созданы несколько проектов, которые воплощены в жизнь, к ним следует отнести: доходный дом Хомякова (1870, ул. Кузнецкий Мост, д. 6, средняя часть); Пассаж К. С. Попова по проекту архитектора А. И. Резанова (1877, ул. Кузнецкий Мост, д. 12); особняк К. С. Попова по проекту архитектора А. И. Резанова (1877, Смоленский б-р, д. 26); надстройку колокольни церкви Покрова Пресвятой Богородицы (1878, Волоколамск); перестройку доходного дома (1893, ул. Кузнецкий Мост, д. 7) [8].

С 1870 г. был внештатным, а с 1874 г. штатным помощником главного архитектора Комиссии для построения храма Христа Спасителя при Каменском и впоследствии фактически руководил отделкой храма на последнем этапе.

Именно так Дмитриев изложил свой трудовой и творческий путь до 1876 г., определив его как «краткий официальный и неофициальный формальный список» [9].

В 1883–1888 гг. С. В. Дмитриев работал архитектором храма Христа Спасителя. Идея создания этого памятника архитектуры возникла

по завершении наполеоновского нашествия 1812 г., правительством страны было принято решение о строительстве храма в честь ознаменования великой победы в Отечественной войне. 12 октября 1817 г., через пять лет после ухода французов из Москвы, состоялась торжественная закладка храма Христа Спасителя на Воробьевых горах, между Смоленской и Калужской дорогами по проекту архитектора А. Л. Витберга. Однако вскоре у строителей возникли проблемы. После смерти Александра I новый император России Николай I приказал приостановить все работы. 10 апреля 1832 г. Николай I утвердил новый проект храма, разработанный архитектором Константином Тоном. Император учредил особую комиссию по постройке нового храма и лично избрал место для него — на берегу реки Москвы, неподалеку от Кремля. Алексеевский монастырь — памятник XVII в. — и церковь Всех Святых по его повелению были разрушены, монастырь в 1836 г. перевели в Красное Село. Торжественная закладка храма Христа Спасителя состоялась в сентябре 1839 г. Строительство продолжалось до 1855 г., когда на главном куполе храма водрузили крест. В результате получился грандиозный по размерам пятиглавый храм центрического типа с хорошо уравновешенным соотношением массивного объема, огромной центральной главы и угловых башен-колоколен. План собора имел правильную форму равноконечного креста. В интерьере еще один внутренний вписанный равноконечный крест позволил целиком высвободить центральный объем, не загромождая его опорами, и создать круговую обходную галерею. В общей сложности работы по созданию памятника продолжались 44 года. В работе принимали участие видные архитекторы и художники. Еще более масштабные работы развернулись в интерьере храма. Его стены были украшены фризами, набранными из разноцветного мрамора, порфира и яшмы, а полы — орнаментальной мраморной инкрустацией. К выполнению настенной живописи привлекли лучших русских художников академического направления. Над росписью храма Христа Спасителя трудились Ф. А. Бруни, В. П. Верещагин, В. И. Суриков, В. М. Васнецов, К. Е. Маковский, Г. И. Семирадский и др., об этом свидетельствует обширная переписка С. В. Дмитриева с отечественными художниками.

Как уже отмечалось, большую часть архивного фонда составляет переписка. Одним из многочисленных корреспондентов Дмитриева был Александр Иванович Резанов, архитектор, академик архитектуры с 1850 г., профессор Императорской Академии художеств с 1852 г. и ее ректор в период 1871–1887 гг. А. И. Резанов, будучи одним из талантливых учеников К. А. Тона, принимал участие в строительстве московского храма Христа Спасителя. 20 ноября 1873 г. А. И. Резанов был назначен товарищем архитектора по строительству храма, тогда и произошло знакомство двух выдающихся русских зодчих, добрые отношения которых сохранились до конца жизни [10].

Росписью внутри храма занимались выдающие русские мастера. Здесь следует отметить шесть полотен евангельской тематики, написанных для храма Христа Спасителя (они чудом уцелели во время уничтожения храма), автором которых является Василий Верещагин, однофамилец и тезка великого баталиста. В. П. Верещагин как раз был академиком и выпускником Петербургской Академии художеств и ее преподавателем в звании профессора исторической и портретной живописи. Для храма Христа Спасителя он подготовил не только картины с изображениями Христа (образ Христа был главным в храме, посвященном его имени), но и ряд икон, которые, к сожалению, погибли. Художник написал шесть полотен, представляющих единый цикл: «Моление о чаше», «Се человек», «Несение креста», «Распятие», «Снятие с креста», «Положение во гроб». Как следует из личной переписки С. В. Дмитриева и В. П. Верещагина, предполагалось создать еще одно полотно «Дева Днесь», но оно художнику давалось с трудом. В личном письме от 6 мая 1879 г. Василий Петрович сетовал, что никак не может приступить к написанию данного холста, «не зная как подступиться к работе» [11].

Впервые в истории русского храмового зодчества было решено открыть прямо в храме музей — Музей Отечественной войны 1812 года. В стены круговой галереи вмонтировали мраморные доски с текстами манифестов Александра I, описанием сражений, перечислением отличившихся полков, именами погибших и награжденных, о чем свидетельствуют архивные документы фонда.

Таким образом, следует отметить, что документы личного фонда архитектора С. В. Дмитриева дают возможность раскрыть малоизвестные страницы не только биографии русского зодчего, но и в строительстве памятника героям Отечественной войны 1812 г. — храма Христа Спасителя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 90. К. 1. Д. 12. Л. 4–6.
2. Там же. Л. 4.
3. Там же.
4. Там же. Л. 5.
5. Там же.
6. Рихтер Ф. Ф. Памятники древнего русского зодчества, снятые с натуры и представленные в планах, фасадах, разрезах с замечательными деталями украшений каменной высебки и живописи. — М., 1854.
7. Забытый зодчий Ф. Ф. Рихтер. К 190-летию со дня рождения / Труды ГИМ. Вып. 117. — М., 2000.
8. Кириченко Е. И. «Памятники древнего русского зодчества...» Ф. Ф. Рихтера в контексте русской культуры XIX в. // Забытый зодчий Ф. Ф. Рихтер... — С. 33–46.
9. ОР РГБ. Ф. 90. К. 1. Д. 12. Л. 5.
10. Там же. К. 1. Д. 4.
11. Там же. К. 4. Д. 40. Л. 3.

ИНСТИТУТ СЕМЬИ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ РОДА САМОЙЛОВЫХ-МАСЛОВЫХ

Самойлов Василий Дмитриевич

Доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры
гражданско-правовых дисциплин ЧУОО ВО «Институт экономики
и культуры»

Москва, Российская Федерация

e-mail: vas.samoylow2016@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены правовые основы государственного регулирования института семьи Самойловых-Масловых в контексте семейно-демографической политики России, а также архивные и письменные документы, в которых отражены реальные факты (фотографии, письма), кратко ориентирующие научно-педагогических работников и исследователей по социально-экономическим аспектам государственной политики на подлинные источники.

Ключевые слова: отец, мать, институт семьи, дети, Отечество.

THE INSTITUTION OF FAMILY IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF THE GENUS SAMOILOV-MASLOVA

Samoylov Vasily Dmitrievich

Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Civil Law
Disciplines of the CHUO VO «Institute of Economics and Culture»

Moscow, Russian Federation

e-mail: vas.samoylow2016@yandex.ru

Abstract. The article presents the legal foundations for state regulation of family institution Samoilov-Maslova in the context of family-demographic policy of Russia, as well as the archival and written documents which reflect the real facts (photographs, letters), briefly orienting scientific and pedagogical workers and researchers on socio-economic aspects of public policy on genuine sources.

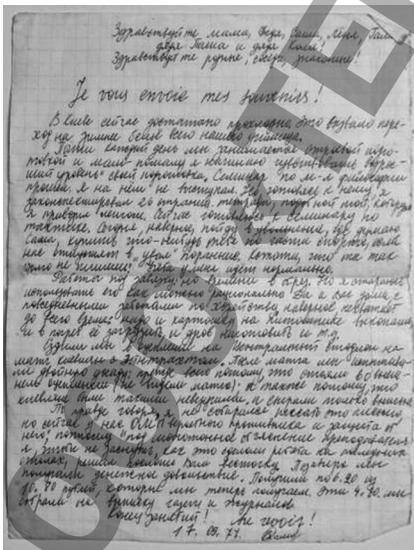
Keywords: father, mother, family Institute, children, Fatherland.

Основу конституционно-правового статуса института семьи Самойловых-Масловых в России составляет материнство (статья 38 Конституции Российской Федерации). «Мама, прежде чем написать это волшебное слово в своей нетопленной гостиничной комнатенке, я долго согревался его теплом. Какая великая сила заложена в нем! Какую нежность, ласковость и любовь вобрало оно! Сколько уже принесло оно нам исцеления и счастья! Мама! Мама! Отдается оно в каждом сыновьем или дочернем сердце, когда радостно нам, когда больно — всегда, чтобы мы не испытывали, произнося его! Мама! Мама! Нет любви надежнее материнской, она вечна! Она до тех пор, пока живы мы сами. Пусть она не так ослепительна по воздействию на наши сердца. Главные ее качества вечность, надежность; бескорыстное самопожертвование во имя блага сыновьего и дочернего. Я — за материнскую любовь, за чистую, светлую, вечную сыновью и дочернюю благодарственную ответную любовь к своим матерям. Жаль, что только расстояния, годы, беды и горести, сложнейшие жизненные испытания, выпадающие на нашу долю, поворачивают нас лицом к самой дорогой святости — к матери. Меня к моей родной маме — Самойловой Лидии Дмитриевне, Героине СССР. Ноябрь 1987 г. КазССР, г. Панфилов» [1–4].

«Здравствуйте дорогие мои родные! Поздравьте меня с поступлением в КВОКУ! Последний экзамен по математике (устно) сдал на 4, хотя отвечал на 5. В итоге набрал 21,5 балла, при проходном балле 20. Правда, при поступлении в училище у меня произошел каверзный случай: в начале меня зачислили, потом сказали нет. Но когда я узнал у начальника (лейтенанта Белоусова), то моя фамилия была в спи-

ске зачисленных. Среди друзей остались: Юрка Серветник, Витька Перепылькин, Мишка Белоголовкин. Остальные отчислены. После мандатной комиссии я зашел на почту и взял первое от вас письмо. Рад сообщенным мне новостям. Как вы сами понимаете, разряд мне не нужен. Я, Юрка и Мишка — поступаем на французскую кафедру — только трое из нашей роты. Уже съезжаются суворовцы. В этом году их будет много. Все у меня идет нормально. Сегодня подъем был в 7 часов — это единственный пока случай станет обычным. Я уже привык к военной службе. Когда мы шли на обед, наш новый комроты назвал нас, впервые, не абитуриентами, а курсантами. На днях получим обмундирование. У нас в роте два мастера спорта: Бароба — по фехтованию, Корольков по классической борьбе, у которого целая куча грамот и штук двадцать памятных медалей. Он чемпион СССР по юниорам (вес 75 кг). Мама, вышли мне рублей 15 — деньги на исходе. Теперь они будут требоваться редко, разве что на мороженое, т. к. кормят нас здесь отлично, но все же они не мешают. Сегодня из нашей роты осталось около 35 человек из 180. А теперь посмотрите, какой был конкурс. Передавайте привет всем родным, близким, знакомым. Желаю быстрее кончить ремонт. Да, вы не написали, как у нас обстоят дела с сеном. На этом до свидания. Ваш Василий. 30/VII-76 г.» [2, 4].

«Здравствуйте мама, Федя, Саша, Леня, Галя, дядя Паша и дядя Коля! Здравствуйте родные, соседи, знакомые! Je vous envoie mes souvenirs! В Киеве сейчас достаточно прохладно. Это вызвало переход на зимнее белье всего нашего училища. Почти каждый день мы занимаемся строевой подготовкой, и мало-помалу я начинаю чувствовать возросший уровень своей подготовки. Семинар по м-л философии прошел. Я на нем не выступал. Но, готовясь к нему, я законспектиро-

вал 26 страниц тетради, подобно той, которую я привозил летом. Сейчас готовлюсь к семинару по тактике. Сегодня, наверное, пойду в увольнение, где думаю, Саша, купить тебе что-нибудь по части спорта, если насотпустят, „увал“ пораньше. Кстати, что ты так долго не пишешь? Учеба у меня идет нормально. Работы под завязку, но времени в обрез. Но я стараюсь использовать его как можно рационально. Да, а вам дома, с повседневными заботами по хозяйству, наверное, не хватает до всего времени: надо и картошку на питомнике выкопать, и в погреб ее загрузить, и дров наготовить и т. д. Ездили мы в оцепление на Центральный стадион, на матч киевлян с Эйнтрахтом. После матча мы испытывали двойную досаду: прежде всего потому, что стояли во внешнем оцеплении (не видели матча); а также потому, что киевляне были такими невезучими, и сыграли только вничью. По правде говоря, я не собирался писать это письмо, но сейчас у нас „ОМП вероятного противника и защита от него“, поэтому под монотонное объяснение преподавателя я, чтобы не заснуть, как это сделали ребята на последних столах, решил послать Вам весточку. Позавчера мы получали денежное довольствие. Получили по 6.20 из 10.80 рублей, которые мы теперь получаем. Эти 4.60 мы собрали на выписку газет и журналов. Конец занятий! Au revour! 17.9.77.» (подпись) [2–4].

«Семейный юбилейный праздник мамы 70-ти выстраданных лет! Ей сама жизнь вручает орден Славы, мамы любимей нашей в мире нет! Искорки глаз, как в детстве, лечат души детей и внуков, близких и родных, если судьба нас пеленает туже, с тобой ее не делим на двоих.

Янтарный взгляд сам зрит без суесловья торжественно — божественно лучист, и пусть не все мы высшего сословья, любой перед тобой, родная, чист естественною, собственной стезею, такой, что эти стены дали рост. И явь удач, и неудач слезою еще твоей нас жалует. Так прост, мама, твой антураж колпнянский может с виду. Но знаем мы и, что греха таить, ангельский дух претит душе славянской, Москва слезам не верит. Как же быть? А выход есть всегда, большой и малый: Самойловым

в середине не к лицу. Юг для меня в Москве — свиданье с мамой. Бывая здесь, порой хожу к отцу. И вот твой юбилей позвал в дорогу, любимая, с 70-м Днем! Ей-ей, я помолюсь сегодня Богу, еще с тобой всюнощную споем! Мам, здравия, удачи, счастья дому!» (1 августа 2002 г.) [3–4].

«Материнская ласка не знает конца, хоть не вечны все мы под Луной. Но не пить нам водицы с родного лица, что рассержено горькой слезой. На ладошке на каждой твоей по пять пальцев, не схожих друг с другом, четверых ты родила нас сыновей, а потом и сестрицу — подругу. Не все золото то, что блестит. Кто умеет ждать счастья — дождетя. Если Истина в ухо звенит, то тебя вскоре правда коснется. Слишком рано стучится в дверь, кто печальную весть

приносит. Потому ты ему не верь — пусть несчастье он не возносит. У тебя юбилейный июль. В нем восьмерка пятерку кружит. С юбилеем тебя, мамуль, твоя жизнь и со счастьем дружит. Растворь огорченья слезой, продолжая свой путь по жизни. Будь довольна своей судьбой на колпнянской земле Отчизны!» (4 июль 2017 г.) [4].

«Я был рожден в послевоенной, гордясь Советскою страной. С 70-й юбилейной, победной нашей высотой! Мой дед комэском в Первой конной, при двух Георгиях с Войны. Их не носил, хотя законно сражался против немчуры. Он Финскую прошел с боями, вернувшись живым в село. И вновь с фашистскими ордами. За Поныри медаль его. Громил врагов до Кенигсберга, за что медалью награжден. Наград его мешочек с верхом я вскрыл и был им „поощрен“. Отец готовился сражаться. „...В системе Максима я рос“. Но только он на фронт собрался, конец Войны застать пришлось. Погибших, пленных миллионы, такой ценой далась Война. Против Квантунской эшелоны. Парад Победы. Воздана военному искусству слава! С сотен штандартов сброшен блеск. И пленных фрицев шли оравы, чтоб воздвигать наш Днепрогэс. Благодали меня немцы за то, что выжили в Войне. Хоть с ними не едино-

верцы, у пленных тоже жизнь в цене. Войска Европу оставляли, исток Второй той мировой. Нас в Магдебурге провожали немцы, рыдая, со слезой. Британско-рейнская осталась, три корпуса армейских США. Гвардейской танковой досталось под Богучаром не шиша. Политикам уметь бы править, слабо обучены они. В речах ошибки не исправить, что были до, после Войны. Россия ждет Парад Победы в 70-й юбилей! Пускай потомки помнят беды, павших и умерших людей. В моем строю парадном были: Киев, затем Алма-Ата, в Москве парады восхитили, величественна красота и мощь России боевая! Эх, как Суворов бы уметь! Тевтонцев, пруссаков бивали, смогли Парижем овладеть. Роты готовятся к параду пред бюстом Фрунзе ВУНЦ „ОВА“, а по Донецку залпы „Градов“, война там рушит города. Парад Победы. Смерти, слезы, курантов бой, оркестров мощь. Над обелисками березы, чтобы утрат боль превозмочь. Самойловскому слава роду, деду с винтовкой на коне! Слава советскому народу, кто победил фашизм в Войне! В свою страну не пустим беды, готовые к сраженью, в бой. С 70-м Днем Победы в самой кровавейшей из войн!» (13 февраля 2015 г.).

Родословная Самойловых-Масловых

Слева направо: Павлов В. А., Самойлов В. П., Селезнев В. Д.; сверху — Нина Павловна и Валентина Павловна

Ветвь отца. Дед Павел Илларионович Самойлов — участник четырех войн: Первой мировой войны (два Георгиевских креста), Гражданской войны (командир эскадрона 1-й Конармии С. М. Буденного), Финской войны, Великой Отечественной войны с 7 февраля 1943 г. до взятия Кенигсберга. Его жена Татьяна Яковлевна Ревякина

(Самойлова). Дети от первого брака Татьяны Яковлевны Ревякиной: Мария Александровна Ревякина, Клавдия Александровна Ревякина. Совместные дети:

— Валентина Павловна Селезнева, ее муж Виктор Дмитриевич Селезнев (участник Великой Отечественной войны), их дети: Михаил (его сын Виктор, дочь Елена), Татьяна, Надежда, Владимир (его дочери:

Оксана, Мария и Кристина, сын Виктор);

— Нина Павловна Павлова, ее муж Павлов Владимир Александрович, их дети: Любовь (ее дочь Аня, сын Александр), Сергей (его сыновья: Артем, Антон и Андрей);

— Иван Павлович Самойлов, его жена Валентина Петровна, их дочери: Елена (ее дочь Татьяна) и Светлана (ее сыновья Павел и Дмитрий);

— Дмитрий Павлович Самойлов, его жена Лидия Дмитриевна Самойлова (Маслова), их дети: Федор (его дочь Лидия, сын Дмитрий), Василий (его сыновья Дмитрий и Александр), Александр (его сын Михаил), Леонид (его дочь Елена), Галина [3–4].

Ветвь матери. Дед Дмитрий Иванович Маслов, его жена Анна Григорьевна Маслова (Малыгина). Их дети: Александра Дмитриевна, Мария Дмитриевна, Николай Дмитриевич — участник Великой Отечественной войны, Валентина Дмитриевна Орлова (Маслова). Ее дети: Михаил, Александр (его дочери Наташа и Анна, сын Федор), Анна. Лидия Дмитриевна Самойлова (Маслова). Ее дети: Федор, Василий, Александр, Леонид, Галина. Павел Дмитриевич Маслов, его дочь Ирина [2–4].

*Дед
с сестрой
Марией*

*Семья Масловых, слева направо сидят — дядя Николай,
бабушка Анна Григорьевна, дядя Павел; стоят — тети
Александра, Мария и Валентина, мама Лидия Дмитриевна*

О подвиге деда по отцовскому роду Павла Илларионовича Самойлова автор располагает данными Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО)⁵.

⁵ Дата рождения: 22 января 1896 г. Место рождения: Орловская обл., Колпнянский р-н, деревня 1-е Дровосечное. В/ч 1021 сп. 307, сд. ЗГВ. Кто наградил — 1021 сп. Награда — медаль «За отвагу». Дата подвига: 18 февраля 1945 г. Архив ЦАМО: фонд № 33, опись № 687572, дело № 1495.

Песня. «День лесника. Из далекого детства слышу взволнованный голос отца. Рощи-посадки оставил в наследство, выбрав стезею судьбу дерева. Старый дневник хранит записи будней. В парке твоём уж деревья в обхват. В день лесника детство с юностью будут сквозь листопад выходить на парад. Метлы, корзины, питомник, покосы и по неделям скитанья в лесах. Помню рассветов тяжелые росы, тучек фигурки на небесах. День лесника. В бездорожье двуколка. Сани по снегу с мороза скрипят. Оба патрона в служебной двустовлке: после Войны волчьей стаи не спят. Вновь в сентябре воскресенье лесное. Память листочки в петлицах хранит. День лесника, как наследство родное, песней отца мелодично звучит» (16 июля 2007 г.) [3–4].

Вывод: в научно-поэтической статье для научной общественности, профессорско-преподавательского состава и всех читателей представлены конституционно-правовые основы государственного регулирования сферы демографии применительно к институту семьи в России, прежде всего, в области формирования и реализации семейно-демографической политики. В связи с этим кратко представлен институт семьи Самойловых-Масловых, с которым автор связан своими кровными родственными узами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Самойлов В. Д. Высшее образование офицеров: проблемы и пути их решения // Военная мысль. — 2003. — № 5. — С. 60–63.
2. Самойлов В. Д. Андрогогические основы педагогики и психологии в системе высшего образования России: учебник. — М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2015. — 295 с.
3. Самойлов В. Д. Юбилейная исповедь. 2-е изд., — М.: МИЭМП, 2009. — 240 с.
4. Самойлов В. Д. Институт семьи России (Самойловы-Масловы): монография. — М.: ООО РПК «Ваш формат», 2019. — 190 с.

РАЗДЕЛ VI

**ИСТОРИЯ ПОДМОСКОВЬЯ
В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ (К 90-ЛЕТИЮ
МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

SECTION VI

**HISTORY OF THE MOSCOW REGION IN
ARCHIVAL DOCUMENTS (TO THE 90-TH
ANNIVERSARY OF THE MOSCOW REGION)**

ПРОБЛЕМЫ ДОСТОВЕРНОСТИ СТАТИСТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ В ИЗУЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПОРЕФОРМЕННЫХ ГОРОДОВ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПО ДОКУМЕНТАМ ЦГА МОСКВЫ)

Соца Лилия Нисоновна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры
отечественной и всеобщей истории
Государственного образовательного учреждения высшего
образования Московской области «Государственный
социально-гуманитарный университет»
Коломна, Российская Федерация
e-mail: livaso@list.ru

Аннотация. В настоящей статье рассмотрена роль статистических источников (опубликованных и неопубликованных) в исторических исследованиях регионального характера, посвященных развитию губерний, городов, посадов России во второй половине XIX — начале XX в. На примере изучения провинциального города прослежены изменения в развитии промышленности, ремесла и торговли уездной Коломны в сравнении с аналогичными показателями других городов Московской губернии (Серпухова и Богородска, Вереи, Рузы, Волоколамска, Можайска и др.).

Ключевые слова: Московская губерния, провинциальный город, городская промышленность, торговля, ремесло.

STATISTICAL RELIABILITY PROBLEM MATERIALS IN STUDYING THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF POST- REFORM CITIES MOSCOW GOVERNMENT (ACCORDING TO THE DOCUMENTS OF THE TSA OF MOSCOW)

Soza Lilia Nisonovna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of National and World History of the State
Educational Institution of Higher Education of the Moscow
region «State
Social and Humanitarian University»

Kolomna, Russian Federation
e-mail: livaso@list.ru

Abstract. In the present article the role of statistical sources (published and unpublished) in the historical studies of regional character, devoted to the development of provinces, cities, townships of Russia in the second half of XIX — early XX century. on the example of the study of the provincial city the changes in the development of industry, crafts and trade of the district of Kolomna in comparison with similar indicators of other cities of the Moscow province (Serpukhov and Bogorodsk, Vereya, Ruza, Volokolamsk, Mozhaisk, etc.) are traced.

Keywords: Moscow province, provincial city, city industry, trade, craft.

Исследование социально-исторических процессов, происходивших в российских регионах в XIX — начале XX вв., предполагает использование комплекса сведений, содержащихся в статистических материалах — территориальных (губернских, уездных) и отраслевых (в сферах промышленности, сельского хозяйства, транспорта, торговли). На примере изучения Коломны, уездного города пореформенного времени, изложенные выше общие положения будут проиллюстрированы и конкретизированы.

В качестве источников изучения экономики пореформенной Коломны нами были привлечены как опубликованные, так и архивные источники. Среди изданных — ряд сборников Центрального и губернского статистического комитетов: «Экономическое состояние городских поселений Европейской России» (СПб., 1863), «Города России» в 1904 и 1910 гг., «Памятные книжки» Московской губернии, «Обзоры Московской губернии» за 1871–1914 гг., «Статистические ежегодники Московской губернии». Важная статистическая информация была почерпнута из неопубликованных материалов, хранящихся в фондах Коломенского уездного полицейского управления (ф. 492) и Московского губернского статистического комитета (ф. 199) Центрального государственного архива Москвы. Анализ указанного комплекса источников позволил детально рассмотреть эволюцию промышленности, ремесла и торговли пореформенной Коломны более чем за полвека в контексте модернизационных процессов, характерных для Московской губернии в целом.

Напомним, что значительная часть самодеятельного населения городов губернии традиционно занималась ремеслом. Но изучение мелкого городского производства связано с трудностями источникового характера: в статистике своего времени оно представлено лишь частично, и немалая часть заведений, по точному замечанию П. Г. Рындзюнского, растворяется в показателях промышленности первого типа [1]. Одним из средств разрешения этой коллизии является обращение к первичным учетным статистическим материалам. Информацию о ремесленном производстве в Коломне и численности занятых в нем жителей содержат документы местной административно-полицейской власти. Ежегодные отчеты Коломенского уездного полицейского управления включали среди прочих «Таблицы о числе ремесленников г. Коломны». Использование этих сведений, сверенных и дополненных данными Московского губернского статистического комитета, и опубликованных справочных материалов дало возможность составить целостное представление о существовавших в Коломне ремеслах и их изменениях пореформенное время. Анализу подверглись учетно-статистические сведения за следующие годы: 1861, 1877, 1884, 1897 и 1909 (формирование такого хронологического ряда объясняется большей полнотой исходной информации в сравнении с другими отчетными годами).

Установлено, что:

а) относительные показатели занятости в ремесле в целом и его отдельных специальностях не являлись постоянными и зависели от конъюнктуры рынка товаров и услуг;

б) в долговременном плане наблюдалось возрастание количества и доли занимающихся ремеслом горожан.

Ремесленные занятия населения Коломны были многообразны и насчитывали около 70 специальностей. В отчетах Коломенского уездного исправника выделены несколько групп ремесленников, связанных:

- 1) с изготовлением предметов пищи;
- 2) изготовлением предметов одежды;
- 3) приготовлением предметов домохозяйства;
- 4) оказанием прочих услуг.

Что касается роста числа ремесленников, то здесь показательны следующие данные: если в 1866 г. полицейским исправником было зафиксировано 944 ремесленника, включая мастеров, рабочих и учеников, что составляло 6 % населения, то к 1871 г. их число увеличилось вдвое, составив 2060 человек, т. е. 10 % населения. В конце 1880-х гг. лиц, занятых в ремесле, было учтено 2660, что соответствовало 13 % населения [2].

Однако такого рода процессы отнюдь не были прямолинейны: тенденция уменьшения числа ремесленников обозначилась в начале 1890-х гг., а к исходу десятилетия (1897) к участвовавшим в этом виде производства причисляли всего 6 % горожан (1406 человек). Причиной сокращения лиц, занятых в ремесле, послужил промышленный подъем второй половины 1890-х гг., выразившийся в Коломне бурным развитием крупных фабричных заведений. Отрицательная динамика наблюдалась и позднее — в начале 1900-х гг.; правда, к исходу первого десятилетия XX в. произошла зафиксированная статистикой смена векторов: на 1909 г. в городе числилось 1950 лиц, занятых в ремесле, и их доля составляла 9 % жителей.

Аналогичные показатели статистики других уездных городов Московской губернии свидетельствуют, что в промышленном Серпухове учтено незначительное количество ремесленников (7 %), что связано с развитием в городе крупных бумаготкацких производств. В аграрных же Можайске, Волоколамске, Звенигороде отмечалось характерное для городов с такой хозяйственной функцией наименьшее число ремесленников — 145, 127, 93 (соответственно, доля в числе жителей невелика 3–4,5 %). Единственным аграрным городом с высокими показателями (около 8 %) была Верея, где число занятых в ремесленном производстве достигло 450 человек [3].

Для определения состояния городской промышленности (характера производства, количества рабочих на предприятиях, годового объема производства) целесообразно использовать следующие издания: «Указатель заводов и фабрик Европейской России» (СПб., 1894), «Адресная книга фабрично-заводской и ремесленной промышленности всей России» (СПб., 1905–1908), «Торговля и промышленность Европейской России по районам» (СПб., 1911) и др.

Особую ценность представляет «Сборник статистических сведений по Московской губернии. Санитарное исследование фабрик и заводов Коломенского уезда» с подробнейшими сведениями о производственном и санитарном состоянии предприятий Коломны (сост. Е. М. Дементьев), а также «Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики» (под ред. В. Орлова), где содержатся сведения о состоянии торговой и промышленно-ремесленной деятельности уездных городов Московской губернии, и «Нормы для оценок городских недвижимых имуществ по закону 8 июня 1893 года» [4]. Несомненно, полезны и данные местной статистики (донесения в Московский статистический комитет Коломенского уездного исправника). При обращении к указанным источникам обнаруживаются некоторые отличия в статистических показателях, а именно: местная полицейская власть в лице коломенского уездного исправника и губернские статистики учитывали (в разряде «фабрики и заводы») наряду с крупными и небольшие производства ремесленного типа (число рабочих менее 5–10 человек). Со своей стороны, правительственная статистика вносила в перечень фабрик и заводов только предприятия с числом рабочих не менее 16 человек, и имевшие паровой двигатель, что нашло отражение в законодательстве, в частности, в «Положении о пошлинах за право торговли и других промыслов».

На противоречия фабричного учета обращал внимание известный статистик В. Орлов. В статистическом сборнике Московской губернии за 1883 г. он указывал, «что приводимые сведения о числе промышленных заведений не вполне точны, благодаря хотя бы тому обстоятельству, что чрезвычайно вообще трудно провести грань, где начинаются ремесленные заведения и где они кончаются и начинается господство домашней формы производства...» [5]. Критически оценивал фабрично-заводскую статистику В. И. Ленин, который отмечал, что понятие «фабрика» здесь применяется «самым хаотичным образом», и именно губернские отчеты зачисляют в число фабрик десятки тысяч мелких сельскохозяйственных и кустарных заведений [6]. Вместе с тем приведенные критические замечания не отменяют полезности кропотливой работы статистиков конца

XIX — начала XX вв. Собранные ими сведения требуют критического отбора, сопоставления с другими источниками (в том числе архивными), выявления критериев учета и систематизации первичного статистического материала. Соблюдение этих правил позволяет в полной мере использовать имеющуюся статистическую информацию для достижения поставленных исследовательских целей.

Анализ статистических материалов показал, что на протяжении пореформенного времени в коломенской промышленности происходили количественные и качественные изменения, выразившиеся в укрупнении производств и резком увеличении промышленных показателей в целом. В 1866 г. производственный оборот 30 предприятий Коломны составлял 365 724 рубля, общее количество рабочих определялось в 627 человек. Во второй половине 1870-х гг. происходит заметное увеличение численности рабочих — на 40 % (с 1221 человека в 1871 г. до 1763 в 1875 г.) и оборотных сумм — на 26 % (с 502 926 рублей в 1871 г. до 684 787 рублей в 1875 г.). В городе появились новые производства — канатное, механическое (металлообработка), рогожное, водочное, пиво- и медоваренное; заметно увеличилось число солодовенных заводов. Общая стагнация экономики России 1880-х гг. отразилась и на состоянии промышленности Коломны. В отчете коломенского уездного исправника за 1884 г. констатировалось, что «промышленность в городе замечательно падает». Данные статистики подтверждают это наблюдение. Уменьшение объемов производства и количества рабочих на предприятиях прослеживаются еще с 1878 г.: к 1880 г. обороты сократились в 2 раза (до 323 600 рублей), а число рабочих — в 1,5 (до 745 человек). После глубокого кризиса, со второй половины 1890-х гг. промышленность города вступила в стадию интенсивного роста. Статистические материалы являются тому подтверждением: к 1896 г. действовавшие в городе 30 заводов и фабрик (всего 1567 рабочих) производили продукцию на 644 800 рублей — четырехкратный рост по отношению к кризисному 1889 г. [7]. На рубеже XIX и XX вв. в России разразился самый значительный в ее истории индустриальный кризис. Сказался он и на коломенской промышленности, где уже в 1900 г. обороты предприятий сократились до 429 600 рублей, т. е. в 1,8 раза по отношению к 1898 г. Это было связано, в первую очередь, с уменьшением в 3,5 раза производственной

деятельности шелкопрядильных и ткацких предприятий (в 1900 г. их годовой оборот составил 138 800 рублей). Однако уже с 1905 г. статистика вновь зафиксировала положительную динамику производственных показателей предприятий города. Промышленный подъем 1910-х гг. положительно отразился на состоянии предприятий Коломны. Их годовой оборот в 1912 г. составил 1 858 495 рублей, а в 1914 г. — 1 825 430 рублей [8].

Несмотря на положительную динамику, показатели промышленности Коломны по-прежнему продолжали уступать: Серпухову в 20 раз (оборот 40,5 млн рублей), Подольску в 7 раз (14 млн рублей), Богородску в 3,5 раза (6,8 млн рублей). В результате Коломна входила в состав четверки индустриальных городов-лидеров столичной губернии наряду с Серпуховым, Подольском и Богородском. В свою очередь коломенская промышленность качественно и количественно отличалась от производств в аграрных и торговых городах (Верее, Дмитрове, Звенигороде, Клину, Можайске и др.), оставшихся на мануфактурной стадии и ориентированных, в основном, на переработку сельскохозяйственной продукции.

Коломна в середине XIX в. была важнейшим торговым центром губернии, а совокупный объем оборотов коломенской внутренней и внешней торговли достигал 6 млн рублей. Торговые обороты Серпухова составляли 3 млн рублей, Клина — 100 тысяч рублей, Вереи — 190 тысяч рублей, Можайска, Дмитрова и Волоколамска — 90 тысяч рублей, Подольска — 75 тысяч рублей, Рузы — 50 тысяч рублей, Богородска — 20 тысяч рублей [9].

Губернская статистика дает представление о развитии лавочной торговли по уездным городам, в том числе и в Коломне. Здесь в 1869 г. было учтено 398 лавок, из которых 311 частных, 42 общественные, 42 церковные и монастырские (заметим, в Серпухове — 266, Можайске — 200, Дмитрове — 117, Клину — 133). Торговля в Коломне, в отличие от других городов, велась по преимуществу в каменных лавках (учтено 340 каменных и 58 деревянных), поскольку торг осуществлялся в основном на центральных улицах [10].

По данным местной статистики, в начале XX в. подавляющее большинство городских торговцев происходило из купцов, мещан

и крестьян. Самую большую сословную группу среди торгующих предпринимателей Коломны составляли мещане — 56 %. Увеличение их доли в сравнении с показателями середины XIX в. связано с сокращением численности купеческого сословия и введением в 1898 г. «Положения о государственном промысловом налоге» (СПб., 1899).

Таким образом, анализ приведенных выше данных свидетельствует, что статистические материалы XIX — начала XX вв. являются важнейшим источником изучения динамики экономических и социальных изменений, происходивших в российской провинции эпохи пореформенной индустриализации. И хотя статистическая информация по большей части опубликована, это не отменяет полезности (в источниковедческом и конкретно-историческом контексте) обращения и к архивным фондам, где имеются первичные учетные материалы или данные. Особенно это важно для исследований локального плана — по истории городов, посадов, сел, подразумевающих аналитическую обработку всей совокупности статистического комплекса с целью извлечения местных показателей и их последующего сравнения для формирований представлений о специфике развития как отдельных небольших территорий, так и крупных регионов России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в. — М.: Наука, 1983. — С. 169.
2. ЦГА Москвы. Ф. 199. Оп. 2. Д. 39. Л. 6; Ф. 492. Оп. 2. Д. 52. Л. 30; Д. 28. Л. 53; Д. 67. Л. 24-25.
3. ЦГА Москвы. Ф. 199. Оп. 2. Д. 62. Л. 1-34.
4. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 7. В. 3. — М., 1883; Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарной статистики. Т. 3. Вып. XIII // Санитарное исследование фабрик и заводов Коломенского уезда Е. М. Дементьева. — М., 1885; Нормы для оценок недвижимых имуществ по закону 8 июня 1893 г. — М., 1898. — 84 с.
5. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 7. В. 3. — М., 1883. — С. 10.

6. Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. — М., 1953. — С. 406, 409.
7. ЦГА Москвы. Ф. 199. Оп. 2. Д. 35. Л. 2–8; Ф. 492. Оп. 2. Д. 67. Л. 34 об.
8. Обзор Московской губернии за 1900 г. — М. 1901; Ведомость № 2; Список фабрик и заводов Российской империи. — СПб., 1912. — 304 с.
9. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Московская губерния. Т. 6. Ч. 1. — СПб., 1853. — С. 231–232.
10. ЦГА Москвы. Ф. 492. Оп. 2. Д. 67. Л. 298. Л. 25–31.

ООО «ТЕРМИКА»

СПРАВОЧНИКИ ПО ЗВЕНИГОРОДСКОМУ И ПОДОЛЬСКОМУ УЕЗДАМ: ОПЫТ СТРУКТУРИЗАЦИИ И АТРИБУТИРОВАНИЯ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Максимова Татьяна Викторовна

Независимый исследователь
Москва, Российская Федерация
e-mail: genealogy.msk@yandex.ru

Аннотация. В статье обосновывается необходимость создания научно-справочного аппарата для исследований в области краеведения и генеалогии. Показан опыт составления справочников по двум уездам Московской губернии. Дана краткая информация по методологии их составления.

Ключевые слова: генеалогия, архив, краеведение, Московская губерния, научно-справочный аппарат, историческая география, исторические базы данных.

REFERENCE BOOKS FOR ZVENYGOROD AND PODOLSK DISTRICT: EXPERIENCE OF STRUCTURIZATION AND ATTRIBUTION OF GENEALOGICAL SOURCES

Maksimova Tatyana Viktorovna

Independent Researcher
Moscow, Russian Federation
e-mail: genealogy.msk@yandex.ru

Abstract. The article substantiates the need to create a finding aid for research in the local history and genealogy. The experience of compiling reference books on two counties of the Moscow province is shown. Brief information on the methodology of their preparation is given.

Keywords: genealogy, archives, local history, Moscow province, finding aids, historical geography, historical database.

Мой проект по созданию справочников для генеалогических и краеведческих исследований начался весной 2019 г. Он стал продолжением работы по составлению собственной родословной и следствием тех трудностей, с которыми я столкнулась в архивах.

Для генеалогов Московская губерния — регион с благоприятным прогнозом исследований. В архивах сохранилось много документов, которые позволяют большинству родословных, независимо от сословия, проследить до конца XVII в. При хорошей сохранности документов врагами исследователей становятся плохая их доступность и недостаточность научно-справочного аппарата. Своим проектом я пыталась решить вторую проблему.

Недостаточность научно-справочного аппарата для генеалогических исследований обусловлена следующими моментами:

- отсутствует простой способ узнать, какие документы сохранились по нужному населенному пункту, где хранятся и сколько стоит обращение за ними;
- отсутствуют в свободном доступе справочники населенных мест, в которых собрана информация в динамике до 1917 г. (есть несколько справочников на определенные даты, но нет единой системы по совмещению данных);
- отсутствуют подробные справочники по территориальному делению Российской империи до 1917 г., изданные справочники в лучшем случае показывают уездное и волостное деление на конкретный год, но нет справочников по делению до 1852 г.;
- отсутствуют справочники по приходскому делению в динамике, по многим регионам нет справочников даже в статике (на 1917 г. или другой год);
- отсутствуют справочники по владельцам населенных пунктов и усадеб;
- отсутствуют справочники с источниками генеалогической информации по конкретному региону, информация о некоторых источниках передается из уст в уста;
- информация о наличии таких справочников в закрытом научном обороте недоступна рядовым исследователям, а с каждым годом их процент среди посетителей архивов растет;
- существующий в архивах научно-справочный аппарат на 90 % доступен только в читальных залах архивов, есть картотеки и базы данных, которые до сих пор недоступны исследователям напрямую (доступны только через архивные запросы);

- часто встречаются ошибки в архивных описях и справочниках;
- нет доступной информации по генеалогическим источникам, хранящимся в музеях, библиотеках, церквях, краеведческих объединениях, личных коллекциях.

Для проведения же генеалогических исследований необходимо знать следующие сведения по населенному пункту, в котором жили предки:

1. Территориальная принадлежность к губернии, уезду, волости, сельскому обществу, стану, области, району, сельсовету и др. в течение всего периода, по которому сохранились архивные документы. Эта принадлежность могла кардинально меняться, поэтому сведения нужны в динамике.

2. К каким приходам относился населенный пункт, также в динамике.

3. Кому принадлежали крестьяне населенного пункта, также в динамике.

4. Под какими названиями фигурировал населенный пункт в разные годы.

5. Какие документы генеалогического характера сохранились по этому региону и где они находятся. В первую очередь — это метрические книги, исповедные росписи, ревизские сказки и бланки других переписей, похозяйственные книги, списки избирателей и др. Эти документы могут быть обнаружены в федеральных, региональных, муниципальных архивах, а также в музеях, церквях и частных коллекциях.

Работа над справочниками строилась по принципу потребностей, выявленных на личном опыте. Сначала данные для построения собственной родословной искались методом проб и ошибок, а потом выработывалась структура справочника, которая свела бы эти проблемы к минимуму, если бы такой справочник существовал к началу моего исследования. Так сложились три части справочника по каждому уезду.

Часть 1. «Населенные пункты» — информация обо всех населенных пунктах уезда, упоминания о которых найдены в документах XVII–XX вв., и информация о сохранившихся ревизских сказках.

Часть 2. «Приходы» — информация обо всех приходах, существовавших на данной территории в этот же период, о составе прихода и сохранившихся метрических книгах.

Часть 3. «Архивные источники» — информация о местах хранения иных архивных источников, которые могут быть полезны исследователям. В перспективе планируется также внести ссылки на сохранившиеся картографические материалы.

Я веду работу над справочниками по двум уездам Московской губернии — Звенигородскому и Подольскому, и базовая исследовательская работа уже выполнена. Хочу поделиться некоторыми моментами, которые могут быть полезны другим исследователям, которые будут делать аналогичные проекты.

Индексация данных. Основным единицам информации необходимо на начальном этапе работы присвоить коды. Такие коды обязательно должны быть у каждого населенного пункта и прихода, желательно и у других единиц. Это облегчает поиск, сравнение и систематизацию объектов.

Две главных проблемы. Помимо проблем с доступностью информации, на пути составителя справочника встают два главных врага — «тезки» и переименования. Исследователь имеет перед собой большой массив данных, рассортированных по названиям населенного пункта, но зачастую остальные сведения не позволяют однозначно идентифицировать объект. Это происходит вследствие многократного повторения одного топонима в границах уезда, а также того, что один населенный пункт носил много названий одновременно или последовательно. Для точной идентификации объекта чаще всего использовались в совокупности или по отдельности следующие данные:

- принадлежность к приходу;
- волость;
- владелец или указание «казенная», «дворцовая» и т. п.;
- количество дворов на определенный год;
- географические указатели — расстояние до уездного города, а также река или ручей, на которых расположен населенный пункт и др.

В большинстве случаев составитель имеет на каждый объект только по одной-две разнящиеся характеристики (остальные в источнике

просто не затронуты), и сравнивать и искать соответствия приходится вручную. Для этого нужно иметь перед глазами всю картину, и использование электронных баз данных для сбора такой информации становится невозможным. В базе данных пользователь видит выборку по критериям и поля, настроенные только для отображения. Но в каждом случае поля, по которым делается вывод о принадлежности единицы информации к тому или иному населенному пункту, разные. В одном случае это может быть отсутствие ранее внесенной информации о количестве дворов на 1862 г. по справочнику населенных пунктов, в другом — фамилия владельца, в третьем — совпадение расстояния до города или тракт, на котором стоит деревня и т. д. В пределах уезда может быть 5–7 топонимов-тезок, а с часто употребляемыми наименованиями — и более 10. Отобразить все поля всех деревень на одном экране не получится.

В качестве примера таких сложных случаев могу привести две Христорожественские церкви села Рождествено на реке Истре — сел с таким названием и такими церквями в Звенигородском уезде оказалось две. А в 10 км от одной из них, практически на берегу современного Истринского водохранилища, еще и Рождествено-Соколово.

Под названием «села Никольского Звенигородского уезда» в разных архивных источниках фигурируют села Дарьино-Никольское, Никольское-Надовражна, Никольское-Вяземы, Никольское-Головково, Никольское-Кляпово, Никольское-Малинки, Никольское-Размыслово, Никольское-Урюпино, Дядинково (ранее Никольское).

Это порождает хаос, который может быть обнаружен только при такой систематизации данных, которую я выполнила.

Два массива данных. Для того, чтобы иметь возможность идентифицировать населенные пункты, работа с данными ведется одновременно на двух массивах:

1. Сортировка по приходам. Сюда вносятся сведения о динамике изменения приходов из исповедных росписей (что удобнее) и/или метрических книг (что менее удобно, но зачастую является единственным вариантом). Сюда же вносятся сведения о населенных пунктах прихода, подчерпнутые из другой церковной литературы. В дальнейшем эта сортировка трансформировалась у меня в справоч-

ник «Приходы», но многие сведения были перенесены в справочник «Населенные пункты», после того как привязка к приходу позволила привязать объект географически.

2. Сортировка по волостям. В этой базе населенные пункты отсортированы по волостям, и сюда вносится информация из источников нецерковного характера. Например, из «Списков населенных мест» или из ревизских сказок. Этот массив стал основой для справочника «Населенные пункты». Он же помог уточнить состав приходов для справочника «Приходы» в части переименованных деревень, фигурировавших вначале в исповедных росписях под одним названием, а с определенного момента — совсем под другим, разнокоренным.

Сбор информации в эти массивы идет параллельно. Информация из одного уточняет данные из другого, и именно это позволяет точно идентифицировать объекты. Работа с одним массивом даст результат, несравнимый по точности и полноте, а трудозатраты будут больше.

Инструмент для сборки. Поскольку использование базы было неудобным (см. выше), формирование справочников осуществлялась в программах Word и Excel.

Электронные таблицы удобно использовать для составления списков архивных документов, т. к. они позволяют вносить отдельные атрибуты документов в разные столбцы, а потом соединять и дополнять эти сведения в любом порядке. Также электронные таблицы удобны для копирования повторяющейся информации или внесения информации исходя из определенных условий. В остальных случаях использовался текстовый редактор.

Последовательная хронология. Необходимым условием для точной идентификации объектов является последовательное движение от 1917 г. вглубь веков (в отношении исторических данных) и в современность (для привязки к существующим населенным пунктам).

Проблема автономных источников. По описанным регионам ранее проводилась серьезная исследовательская работа краеведов, издано много книг на основе архивных материалов, в том числе из РГАДА. Но общей проблемой для многих книг является недостаточное использование ссылок на номера и страницы дел, из-за чего опубликованные работы нельзя использовать для справочников.

Места хранения документов. В процессе составления справочников было выявлено, что метрические книги одного прихода могут физически находиться в разных архивах, а внутри одного архива в разных фондах, даже если с исторической точки зрения они однородны. Сотрудники архивов не имеют достаточных знаний и полномочий, чтобы пересортировать эти документы. Так, в архиве Москвы в фонде 608 «Звенигородское духовное правление» были обнаружены метрические книги не только Звенигородского уезда, но и Бронницкого, Клинского, Московского, Подольского, Рузского и Серпуховского уездов, что сделало эти документы фактически недоступными пользователям. Для того чтобы правильно рассортировывать храмы по духовным правлениям и уездам, нужны соответствующие справочники. Ввиду грядущей информатизации архивов появление таких справочников особо важно, т. к. документы будут заноситься в базу данных с определенными атрибутами. И очень важно, чтобы ошибки бумажного архива не были перенесены в электронные каталоги.

Проблема хаотичного изменения территориального деления. Существенной проблемой для исследователей является частое изменение территориального деления, привязка документов генеалогического характера к этому делению и отсутствие сквозных (межфондовых) географических указателей по единицам территориального деления. Например, Никитский уезд, который существовал в Московской губернии только в 1781–1796 гг. Для рядового исследователя совершенно не очевидно, что за этот период нужно искать документы не по Подольскому уезду, а по Никитскому. Эту хаотичность необходимо учитывать при составлении аналогичных бумажных и электронных справочников, и закладывать в них двухмерность территориальной принадлежности (год — принадлежность). А значит в справочнике должна быть заложена возможность не просто внести «уезд — Подольский», а «уезд: с 1781 по 1796 г. — Никитский, с 1797 по 1801 г. — Серпуховской, с 1802 по 1929 г. — Подольский». Аналогично с волостями, станами, районами, сельсоветами и др.

Отсутствие стандартов и рекомендаций. Над аналогичными проектами работают волонтеры во многих регионах России. Опыт показывает, что волонтеры могут справиться с такой задачей лучше,

т. к. обычно они хорошо знают архивные фонды генеалогического характера и разбираются в топонимике региона. Однако архивы лишь наблюдают со стороны за этой деятельностью. Составители же заинтересованы, чтобы их работа в дальнейшем стала частью научно-справочного аппарата электронного архива. Но для этого нам нужны технические характеристики, стандарты, рекомендации, требования, какая-то информация, как оформить свои базы данных, чтобы они стали частью архивной инфраструктуры.

Отсутствие геоинформационной системы. Для эффективной работы над подобными справочниками необходима геоинформационная система, позволяющая размещать информацию на карте в исторических слоях. В настоящее время рядовым пользователям такая система недоступна. Для минимальных задач приходится пользоваться системой GoogleMaps. Например, в рамках проекта в этой системе были выполнены карты приходов. Но эти карты не имеют временной шкалы и, соответственно, показывают информацию в статике. Многие приходы исчезли в начале XVII в. и во время войны 1812 г., а отобразить эти и другие изменения на карте невозможно.

В заключение хочу пригласить специалистов, занимающихся историей этого региона, к сотрудничеству. Несмотря на то, что проделан огромный объем работ, впереди еще много задач.

Также обращаю внимание на то, что полученные данные хорошо структурированы для дальнейшей обработки и использования в базах данных и геоинформационных системах.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Текущая версия справочника на сайте www.maximovy.ru.
2. Группа в Facebook: <https://www.facebook.com/groups/genealogy.club>.

РОЛЬ НИЗОВЫХ ПРОФСОЮЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ЛИКВИДАЦИИ НЕГРАМОТНОСТИ 1920–1930 ГГ. ПО ДОКУМЕНТАМ МОАЦ

Суржик Ольга Сергеевна

Кандидат исторических наук, заведующий отделом использования документов Московского областного архивного центра
Москва, Российская Федерация
e-mail: olga-surzik@yandex.ru

Аннотация. В статье отражена практика воплощения Декрета СНК РСФСР о ликвидации безграмотности среди населения от 26 декабря 1919 г. и XVI съезда ВКП(б) 1930 г., объявившего ликвидацию неграмотности боевой задачей партии, на материале низовых профсоюзных организаций Московской области.

Ключевые слова: ликвидация неграмотности, история повседневности, микроистория, архив, популяризация архивного наследия, история Подмоскovie.

THE ROLE OF LOCAL TRADE UNION ORGANIZATIONS THE MOSCOW REGION IN THE ERADICATION OF ILLITERACY OF THE 1920–1930 ACCORDING TO THE DOCUMENTS OF THE MOSCOW REGIONAL ARCHIVE CENTER

Surzhik Olga Sergeevna

Candidate of Historical Sciences, Head of Department of Documents
Usage of the Moscow Regional Archive Centre
Moscow, Russian Federation
e-mail: olga-surzik@yandex.ru

Abstract. The article reflects the practice of realization of the Decree of CNS of the RSFSR on the eradication of illiteracy among the population from 26 December 1919 and XVI Congress of the CPSU(B) 1930, declared the eradication of illiteracy fighting task of the party, according to the materials of the local trade Union organizations of the Moscow region.

Keywords: illiteracy, history of everyday life, microhistory, archive, popularization of archival heritage, history of Moscow region.

26 декабря 1919 г. был принят Декрет СНК РСФСР о ликвидации безграмотности среди населения. В 1920 г. СНК издал Декрет об учреждении Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности (ВЧК ликбез). Профсоюзные организации всех уровней активно принялись за осуществление данного проекта.

В Московском областном архивном центре хранятся документы низовых профсоюзных организаций, содержащие множество неисследованного материала по истории повседневности Московского региона. Ликвидация неграмотности являлась одним из приоритетных направлений деятельности местных профорганизаций в 1920–1930-е гг. В 1920–1921 гг. учащиеся школы ликвидации неграмотности освобождались на два часа в день для посещения школы ликбеза три раза в неделю, это время оплачивалось им как сверхурочная работа. Несообщение о пропуске занятий в школе ликбеза приравнивалось к укрывательству труддезертиров [1].

Пункты ликбеза организовывались возле общежитий и квартир. Грамотные призывались к шефству над неграмотными. Подчеркивалась необходимость учитывать местные условия, пожелания рабочих. Выделенные ликвидаторы в период агитационной кампании должны были ознакомиться со своими группами, изучить каждого учащегося и таким путем возбудить интерес к предстоящей учебе. Проекты ликвидации неграмотности реализовывались масштабно, с привлечением обществ «Долой неграмотность» (ОДН), членов Горсовета, кооперативов, работников просвещения, клубов, библиотек, которым вменялось в обязанность «отображать кампанию за учебу посредством плакатов, лозунгов, но не с абстрактными призывами, а с конкретными данными, которые бы соответствующим образом направляли настроение рабочих» [2]. При проведении кампании по ликвидации неграмотности применялись методы соцсоревнования. Низовые профсоюзные организации обязывались предоставлять в Московский областной совет профсоюзов (МОСПС) материалы по ликвидации неграмотности [3]. Безграмотность и отсталость расценивались как пособничество политическому врагу.

Ликвидаторов обеспечивали продуктами и освобождали «от всякой иной общественной нагрузки» [4]. Для охвата неграмот-

ных и малограмотных создавались ударные бригады обученных рабочих, организовывались детские комнаты для чад малограмотных работниц, обучающимся в ликпунктах выдавались продукты. Выпуски окончивших курсы предписывалось проводить торжественно, вручались соответствующие свидетельства об окончании курсов. При выпуске из школ по ликвидации неграмотности в Пушкино выпускникам дарили книги, организовывали киносеансы, их фотографировали. Вводились и другие поощрительные меры для привлечения к обучению неграмотных и малограмотных, им выдавали по стакану чая, бутерброду, трамвайные талоны, билеты на зрелища. Бывало, что за непосещение налагались штрафы, прогульщики занятий подвергались исключению из профсоюзов и увольнению с работы. Требовалось организовать показательные суды над лицами и организациями, недооценивающими политическое значение ликвидации неграмотности [5]. «Во избежание рецидивов», утраты полученных навыков чтения и письма предполагалось принять меры по привлечению выпускников ликпунктов на общеобразовательные курсы [6]. Культармейцы в виде премии получали знамя, денежные пособия на организацию детских учреждений, сочинения Ленина, Сталина, Маркса, Плеханова, «Большую советскую энциклопедию», грамоты [7].

Объяснительная записка к трехлетнему плану ликвидации неграмотности и малограмотности в Московской области обязывала ликвидировать неграмотность среди взрослых от 16 до 50 лет и подростков 12–15 лет, индустриальных, сельскохозяйственных, лесных рабочих, членов колхозов и совхозов, батраков, национальных меньшинств, включая рецидив и отсеив прошлых годов. Из 18 млн неграмотных в СССР на Московскую область приходилось более 800 тысяч человек, что объяснялось низким культурным уровнем и «тяжелым наследием старого капстроля», недостатком охвата начальной школой детей. Большинство грамотных были городскими жителями мужского пола. Неграмотные после года обучения квалифицировались как малограмотные и отправлялись в школу малограмотных, предусматривались также кружки и курсы самообразования, заочное обучение. Иногда в документах встречается определение «остромало-

грамотные». Подчеркивалось, что среди национальных меньшинств грамотность высока. Процент неграмотных новобранцев в СССР, согласно статистике профорганизаций, составлял 12,4 %, тогда как «в ряде капиталистических стран (Германия, Голландия) он равнялся нулю, либо был низок». Отмечалась невозможность «охватить школами переростков 12–15 лет», поэтому предлагалось «втягивание» подростков в сеть ликбеза. Нередко отсев обучающихся происходил из-за материально-бытовых условий, случались рецидивы, которые объяснялись недостатком «мероприятий по закреплению знаний» — недостаточным распространением книг, газет, политического просвещения, плохо поставленной культработой [8]. В отчете о работе Соболево-Щелковской вечерней школы за 1924–1925 учебный год отражены темы агитационных бесед: «Неграмотная мать в деле воспитания», «Ленин — освободитель женщин и всего угнетенного человечества» [9].

XVI съезд ВКП(б) объявил ликвидацию неграмотности боевой задачей партии, чтобы приобщить новых грамотных к социалистическому строительству. Так политика ликбеза получила поддержку на самом высоком политическом уровне. Все советские, кооперативные, профсоюзные и общественные организации обязывались принимать в этом активное участие. Московский областной совет общества «Долой неграмотность» обратился с призывом оказать помощь делу борьбы с неграмотностью — вступить в ряды юристов [10].

Требование ликвидации неграмотности выдвигалось в контексте антирелигиозной кампании — отвержения религиозных предрассудков, которые ставились в один ряд с шовинизмом и антисемитизмом. Однако антирелигиозная кампания наталкивалась на сопротивление рабочих и крестьян. Ячейки Союза воинствующих безбожников (далее – СВБ) разваливались, несмотря на обязательную работу в праздничные дни, вылазки рабочих в красные уголки с целью вербовки в СВБ, раздачу антирелигиозной литературы, кино- и радиопропаганду, передачу церковей под клубы, запрет «приема попов» на общих собраниях, требование уничтожения икон, устройство лекций, катков, карнавалов в канун религиозных праздников. Многие антирелигиозные вечера были сорваны, т. к. «попы» приспособились к новым условиям.

бливались и находили новые формы для проповеди [1]. В докладной записке упробюро в окрпрофсовет отмечаются «сильные религиозные настроения среди населения». «Попытка закрытия Тихвинской церкви показала, что и значительная часть рабочих не отрешились от предрассудков» [12]. Не помогла и «коренная ломка быта, связанная с переходом на непрерывное производство (ликвидация воскресных дней и религиозных праздников, различные дни отдыха для отдельных групп рабочих, большее развитие сменных работ и т. д.)» [13, 14].

Несмотря на провозглашение классового антагонизма, в документах критиковались черты бедноты и батрачества — религиозность, низкий культурный уровень и политическая отсталость, «усиление спецедействия» и антисемитизм [15]. Кроме того, ликвидация неграмотности должна была способствовать уничтожению кулачества как класса [16]. Однако нередко исполнителями боевой задачи партии становились классово чуждые элементы. Так, материал обследования ликбезработы в деревне Липки свидетельствует, что «занятия происходят в поповском доме. Попадья, она же руководит ликбезом, очень активная, раньше культурбота не велась» [17]. Бригада горнорабочих сетовала: «Неблагополучно обстоит дело с подбором ликвидаторов. Есть дочки помещиков., жена попа... Все эти руководители слабо развиты политически, а отсюда политико-воспитательная работа остается позади» [18]. В другом случае в качестве ликвидатора упоминается дочь священника. Случалось, что в избах-читальнях пели религиозные песни. Занятия срывались по вине учащихся и в религиозные праздники [19]. Власти пытались заменить церковные праздники светскими. Во время совпадения Пасхальной недели с празднованием Первого мая требовалось провести агитационную работу для привлечения возможно большего количества людей на демонстрацию и в клуб. От антирелигиозной пропаганды предписывалось воздержаться. Особое внимание предлагалось обратить на агитацию среди женщин [20].

На межсоюзных культсовещаниях активисты профдвижения не уставали разоблачать тактику классового врага — вредительство, разжигание межнациональной розни, «голое культурничество», увлечение развлекательными мероприятиями, отсутствие постановки антирелигиозной работы, проявление враждебного рабочему

классу антисемитизма, а в отдельных случаях прикрывание его, аполитичность, «отсталые рваческие настроения» среди отдельных групп рабочих. Ликвидацию неграмотности предлагали превратить в «массовый культурный поход». Участники культсовещания выражали требование осмотреть книжные фонды библиотек и изъять оттуда идеологически невыдержанную литературу [21].

Проверяющие рабочие бригады фиксировали хулиганство и частые срывы занятий на курсах ликвидации неграмотности. «Проломили стул, довели учительницу до истерики и в заключение сорвали занятие» [22]. «Бывали случаи, что хулиганы мешали заниматься (по окончании занятий дверь оказывалась запертой крестом с кладбища)» [23]. Малая активность населения в отношении ликвидации неграмотности объяснялась профработниками местной агитацией кулачества и зажиточного крестьянства в районах с 10 % населения, относящегося к лишенцам.

Нередко ликбезработа наталкивалась на активное сопротивление со стороны населения, которое отказывалось заниматься с ликвидаторами даже на дому [24]. В селах Глебово и Федоровское был поставлен вопрос о том, чтобы не принимать на торфоразработку неграмотных сезонниц. Эти меры оказались действенными, хотя сезонницам учиться мешали дети. Профсоюзные организации пытались решить проблему неприятия населением ликбезпроекта путем массовой агитации и пропаганды. Общий план начала работ по ликвидации неграмотности взрослого населения в 1929–1930 учебном году свидетельствует о проведении дня «За грамоту и учебу» в Московской области и Москве. «Только грамотные родители могут воспитать нас сознательными гражданами», — значилось в документе [25].

Второй ступенью общего рабочего образования стала школа малограмотных, третьей — общеобразовательные предметные кружки. В кружке изучался, как правило, один предмет — русский язык, математика, физика, химия, черчение, технология, кооперация. Курсы работали три-четыре раза в неделю. Четвертой ступенью являлись курсы профдвижения, а пятой — рабочие университеты [26].

Целью занятий предметных кружков по русскому языку определялось следующее: научить участника кружка «читать не только

бегло и выразительно, но и сознательно: с пониманием каждого слова, каждой фразы, с пониманием главной и второстепенной мыслей автора... и чтобы само чтение вызывали у участника кружка те или иные мысли по поводу прочитанного... Лучше прочитать одну книгу, но как следует; лучше усвоить немного, но знать твердо... Навыки грамотного письма участники кружка должны устанавливать сами путем наблюдения над примерами и решения задач, данных в задании, и правильность сделанных ими выводов проверять по рекомендованному справочнику. И только в этом случае, не пользуясь готовым правилом, а самостоятельно сделав вывод из наблюдений, участники кружка приобретут твердые навыки грамотного письма... Следует списывать внимательно, не торопясь, т. к. в этом случае списывание также способствует развитию четкого разборчивого письма» [27]. Отмечалась необходимость избегания отвлеченности знаний [28]. Таким образом, в рекомендациях можно проследить сохранение традиции дореволюционного образования, предполагавшей осмысление получаемой информации, твердое закреплении полученных навыков и связь программ обучения с условиями и потребностями быта обучаемых [29; 30]. Это направление одержало победу в противоборстве с новаторскими, более дехристианизированными подходами, опирающимися на приоритет «постоянно изменяющихся и совершенствующихся машин и процессов производства» [31].

Итак, постепенно уходя из сферы политической, профсоюзные организации в своей деятельности концентрировались на вопросах организации труда и быта людей. Для их решения ликвидация неграмотности имела немалое значение. Однако, несмотря на привлечение неграмотных трудящихся к учебе «хлебом и зрелищами» и запугивание наказаниями за отказ от обучения, такая политика далеко не всегда встречала понимание среди населения. Причины этого коренились не только в тяжелых материально-бытовых условиях, но и в чуждости идейных установок, на которых базировалась кампания по ликвидации неграмотности в 1920–1930-е гг., духовным ценностям народа. Не случайно именно носители традиционного мировоззрения в лице представителей духовного и помещичьего сословия нередко находили большее признание обучаемых. Это осоз-

навалось и представителями продвижения, старавшимися отойти от агрессивной антирелигиозной пропаганды и использовать дореволюционный опыт распространения грамотности среди населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Московский областной архивный центр. Ф. 43. Оп. 1. Д. 193. Л. 48.
2. Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 868. Л. 2–2 об.
3. См. там же. Л. 4.
4. См. там же. Ф. 178. Оп. 1. Д. 246. Л. 19.
5. См. там же. Д. 245. Л. 1–4.
6. См. там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 87. Л. 23–24.
7. См. там же. Л. 51–51 об.
8. См. там же. Л. 26–29.
9. См. там же. Ф. 163. Оп. 2. Д. 1568. Л. 28, 28 об., 29 об., 31.
10. См. там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 87. Л. 89–90.
11. См. там же. Ф. 306. Оп. 1. Д. 23. Л. 22–24.
12. Там же. Л. 46.
13. Там же.
14. О нормализующем влиянии власти на досуговую сферу советской повседневности см.: Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. — М.: Новое литературное обозрение, 2018. — С. 270–276.
15. См.: МОАЦ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 868. Л. 14.
16. См. там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 87. Л. 5–6.
17. Там же. Л. 137 об.
18. Там же. Л. 141.
19. Там же. Л. 146.
20. См. там же. Ф. 131. Оп. 1. Д. 809. Л. 2–2 об.
21. См. там же. Ф. 306. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–2.
22. Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 87. Л. 141 об.
23. Там же. Л. 144 об.
24. См. там же. Ф. 125. Оп. 1. Д. 378. Л. 36–40.
25. Там же. Ф. 306. Оп. 1. Д. 23. Л. 76–76 об.
26. См. там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 2397. Л. 136–142.
27. Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 87. Л. 144 об.

28. См. там же. Ф. 167. Оп. 1. Д. 503. Л. 159.

29. См.: Ушинский К. Д. Труд в его психическом и воспитательном значении // К. Д. Ушинский. Педагогические сочинения. В 6 т. Т. 2. — М., 1988. — С. 74.

30. См.: Победоносцев К. П. Об университетском преподавании // Тайный правитель России. — М., 2000. — С. 411–414.

31. Крупская Н. К. Народное образование и демократия. — Берлин, 1921. — С. 11.

ВОЕННАЯ ПРОПАГАНДА 1920–1930 ГГ. ПО МАТЕРИАЛАМ МОАЦ

Бочаров Владимир Юрьевич

Директор лаборатории микрофильмирования
Московского областного архивного центра
мкр. Мамонтовка, Пушкино, Московская область,
Российская Федерация
e-mail: vocharov.vl@mail.ru

Аннотация. В статье отражены особенности военной пропаганды 1920–1930 гг. на примере архивных документов МОАЦ.

Ключевые слова: пропаганда, Красная армия, спортивные кружки, допризывник.

MILITARY PROPAGANDA OF THE 1920–1930 ACCORDING TO THE MATERIALS OF MOATS

Bocharov Vladimir Yur'evich

Director of the Microfilm Laboratory of the Moscow Regional Archival
Center
district Mamontovka, Pushkino, Moscow region, Russian Federation
e-mail: vocharov.vl@mail.ru

Abstract. The article reflects the features of military propaganda 1920–1930 years of archival documents MOAC.

Keywords: propaganda, Red Army, sports clubs, youth of premilitary age.

С окончанием гражданской войны население могло вернуться к мирной жизни. Но мир в обществе не наступил. Советская власть призвала население готовиться к новым сражениям, продолжала насаждать в обществе идеологию и практику классово-борьбы. Государственная пропаганда твердила о мировой революции, в которой Советской России предстояло оказывать поддержку, в том числе и военную, братьям по классу. Перспектива войны против капиталистических государств рассматривалась как неизбежность политической доктрины текущего момента. Военная пропаганда — понятие сложное и противоречивое. Пропаганда, берущая свое название от латинского propaganda

(подлежащее распространению), понимается как целенаправленное и политически мотивированное, убеждающее воздействие на сознание отдельных людей и общественных групп с целью формирования их поведения в желательном направлении. Следует добавить, что термин «пропаганда» может относиться к ложной информации, предназначенной для того, чтобы укрепить сознание людей, которые верят в силу слова пропагандиста. Пропагандисту было необходимо донести свои идеи до широких масс, повести их за собой. В 1920–1930 гг. молодое советское государство жило трудно.

Внутреннюю и внешнюю политику государства определял лозунг: «Социалистическое отечество в опасности!» В сложной геополитической обстановке советское государство, защищая свои национальные интересы и безопасность, было вынуждено вести подготовку к обороне страны от агрессии Запада и Востока и в короткие сроки создавать современную промышленность и сильную армию.

Военная политика советского государства в это время составляла одну из приоритетных направлений деятельности руководства страны. Несмотря на материальные трудности и политическую напряженность жизни советского народа в те годы, его морально-политический потенциал был довольно высоким. Большинство советских людей и солдат Красной армии по праву гордились своей страной. Работа идеологических органов способствовала созданию глубокой уверенности советских граждан в том, что враг будет разгромлен «малой кровью, могучим ударом», что воевать придется на чужой территории до полной победы над врагом.

Основой морального потенциала народа и армии был советский патриотизм, вера в превосходство социализма как экономической и политической системы. Важную роль в поддержании этого потенциала играла и жесткая государственная, идеологическая и воинская дисциплина. Основными источниками военной пропаганды являлись печатные издания (листовки, газеты, журналы, плакаты). Но ситуация осложнялась тем, что на 1920 г. из населения в возрасте от 9 до 49 лет читать умело только 31,9 %. По этому плакат как средство агитации самым активным образом использовался в военной пропаганде. Плакат был прост для восприятия неграмотным человеком.

Следует отметить, что большинство дореволюционных художников стали сотрудничать с новой властью. В первую очередь абстракционисты В. В. Кандинский и К. С. Малевич, художники «Бубнового валета» П. П. Кончаловский, И. И. Машков, А. В. Лентулов, участники объединения «Голубая роза» И. И. Кузнецов, М. С. Сарьян, передвижники и русские импрессионисты А. А. Рылов, К. Ф. Юон и мирискусники Е. Е. Лансере, М. В. Добужинский [1].

Стоит вспомнить, что на раннем этапе агитационно-пропагандистские структуры большевиков были связаны с армией. Первой такой структурой был организационно-агитационный отдел, который возник 7 февраля 1918 г. Этот отдел входил в управленческий аппарат действующей армии — Всероссийскую коллегию по формированию РККА. В апреле 1918 г. было образовано Всероссийское бюро военных комиссаров. Организационно-агитационный отдел расформированной коллегии вошел в это бюро.

Агитационно-пропагандистская работа большевиков велась с размахом на многих направлениях. Одним из приоритетных направлений была работа в клубах, во всевозможных кружках, агитационно-просветительских пунктах, библиотеках и т. д. На IX съезде РКП(б) было вновь озвучено предложение о создании агитационно-пропагандистского отдела, которое воплотилось в жизнь в июне 1920 г. Агитационно-пропагандистский отдел взял на себя задачу по координированию работы различных ведомств, в том числе политуправления Красной армии. Деятельность его была связана с работой Наркомпроса, и, в первую очередь, с Главполитпросветом, который стал руководящим центром для всех структур, включая и структуры политуправления Красной армии. Сам же Главполитпросвет был подчинен Реввоенсовету — задания РВС являлись для него обязательными. Председателем Главполитпросвета стала Н. К. Крупская. Она создала по всей стране сеть подчиняемых Главполитпросвету местных политпросветов, подключая для выполнения поставленных задач комсомольские организации, культурно-просветительные отделы профсоюзов, политотделы Красной армии.

Для военной пропаганды широко использовались СМИ, кинематограф. Были использованы материалы фронтовых съемок. Д. Ветров

смонтировал большой документальный фильм в 13 частях «История Гражданской войны». П. Ермолов снял вступление Красной армии в Казань, Одессу, Баку. Были смонтированы кинохроники «Чехословацкий фронт», «Кавказский фронт» и др., художественные фильмы — «Красные дьяволята», «Красные партизаны», «Красный тыл», «Мишка против Юденича», «Чудотворец» и др. Если в 1923 г. вышли на экран 12 советских кинокартин, то в 1925 г. — 70. На этой основе развивалось и крепло военное кино.

Использовалась граммофонная запись как форма агитации и пропаганды. Она прекрасно подходила для работы агитатора среди неграмотных крестьян. Кроме записей политических выступлений большевиков выпускались записи революционных песен и маршей.

Наряду с кино и граммофонной записью важным средством военной пропаганды являлось радио, которое использовалось для распространения важнейших материалов и сообщений на партийном и государственном уровне. Именно радио становилось средством приобщения к знаниям миллионов неграмотных и малограмотных людей.

Проза, поэзия, драматургия являлись мощным идейным орудием партии, вдохновляющим трудящихся на самоотверженный труд и укрепление обороны Родины. Герой литературы 1920–1930 гг. — человек, рожденный Великой Октябрьской социалистической революцией, мужественный защитник ее завоеваний. Эти темы звучали в таких литературных произведениях, как «Тихий Дон», «Поднятая целина» М. Шолохова, «Хождение по мукам» А. Толстого, «Как закалялась сталь» Н. Островского и др.

Литературные кабинеты, литературные кружки использовались в качестве воспитательного агитационного тоталитарного искусства. Они являлись инструментом идеологического коридора для трудящихся масс правящей партии нового государства. Литературный материал представляет историко-политическую, литературную ценность как первоисточник по формированию человека-личности, переориентированного на идеологическую доктрину партократии. Для формирования нового сознания нужна была новая идеология, которая не только контролировала творческое начало рабочего и колхозника, но и определяла будущее поколений в единой концепции

с интересами коммунистической партии. Поэтому повсеместно на заводах и фабриках создавались различные литературные кружки, уводящие трудящихся в контролируемые идеологические коридоры культуры. Они живо реагировали на политические события в стране, пропагандируя в своей поэзии определенную направленность партии.

Оборона страны — одна из главных направляющих поэта литкабинета К. Константинова, который в своем стихотворении «Рассказ конармейца» показывает романтизм прошлых побед:

Мы теперь хозяевами стали
На морях, на суше, в облаках,
Нас ведет вперед товарищ СТАЛИН
И тверда у партии рука [2].

Стоит вспомнить, что все политические процессы в стране, а именно борьба с внутренними врагами, резонировалась в поэзии молодых поэтов. Заводской поэт Ж. Бараз написал стихотворение на смерть С. М. Кирова:

В штабе революции — Смольном,
Враг, крадучись тихо по стене,
Выстрелил, и стало больно,
Стало больно молодой стране [3].

Тут же поэт А. Стрелецкий пишет стихотворение на смерть Кирова:
Все же жизнь идет победным маршем,
Пусть знамена наклонились вниз,
Лучшим тебе памятником нашим
Будет выстроенный Коммунизм [4].

Не стоит забывать и о клубной работе. Она была одним из основных способов взаимодействия большевиков с социально активным населением. Клубы создавались повсеместно: в городе, деревне, на предприятиях. Действовали комсомольские клубы, профсоюзные клубы, студенческие клубы, женские клубы и т. д. Через клубы происходила работа с активной молодежью, которую большевики вовлекали в свои ряды.

Основной упор был сделан на молодое поколение, которое формировалось под влиянием пропагандистов и агитаторов, целенаправленно претворяющих политику партии в жизнь, закладывая в умы молодежи

идеологию военного коммунизма. Молодое поколение, проходившее стадию социализации в такой атмосфере, впитывало в себя готовность к силовому решению социально-политических и межличностных конфликтов, нетерпимость к оппонентам, агрессивность по отношению к внутренним и внешним врагам. Милитаризация общества проводилась большевиками с момента захвата власти. В решениях руководящих партийных и комсомольских органов во второй половине 1920-х гг. постоянно подчеркивалась необходимость «особое внимание уделить военизации молодежи...» В апреле 1926 г. ВКП(б) потребовала развернуть многогранную работу по милитаризации населения, в которой выделялись такие направления, как организация военного обучения всего населения, пропаганда готовности к войне через СМИ и радио, вовлечение населения в добровольные оборонные общества, военное воспитание в школах, в том числе включение в школьные программы и учебники соответствующих разделов.

Особенно массовой стала военная пропаганда в 1927 г., когда были разорваны дипломатические отношения с Англией. 11 января 1927 г. отмечалось, что «последние события международной политики подтверждают, что Советский Союз имеет лишь временную мирную передышку...» В плане повышения готовности к войне ВКП(б) потребовала усилить военную пропаганду, оживить работу оборонных обществ. По всей стране проходили митинги, на которых граждане заявляли о своей готовности дать отпор английским и любым другим империалистам, собирали деньги в фонд «Наш ответ Чемберлену». В июле 1927 г. вопрос о военизации комсомола был предметом специального обсуждения. Наряду с общими мерами по усилению военной пропаганды и оборонной работы, было решено организовывать в городах и других населенных пунктах массовые военные мероприятия (парады, соревнования, военные игры и т. д.).

Вопросы военной пропаганды постоянно находились в центре внимания средств массовой информации. СМИ активно обрабатывали сознание населения в милитаристском духе, пропагандируя необходимость подготовки к войне с мировым капитализмом. Для формирования в обществе ощущения постоянной военной угрозы после конфликта на Китайско-Восточной железной дороге, руководящими

органами было принято решение опубликовать в газетах списки погибших и провести массовые мероприятия, посвященные их памяти.

Наиболее массовой оборонной организацией являлось Общество содействия обороне, авиации и химической защиты населения — Осоавиахим. Более половины численности Осоавиахима составляла молодежь. Согласно постановлению руководящих органов комсомола, принятого в 1928 г., в Осоавиахим должны были вступить 100 % комсомольцев, включая девушек.

Ярким свидетельством милитаризации общества, культура военной силы стала массовая организация тиров для обучения всего населения стрельбе из винтовки. Значек «Ворошиловский стрелок» был гордостью юношей и девушек. Поэт литкабинета Е. Хохлов не остался в стороне, посвятил популярной теме свое стихотворение под названием «Ворошиловский значок»:

В этот день я особенно весел,
И румянец не сходит со щек,
В этот день я на грудь повесил
Ворошиловский значок [5].

Тир соображались повсюду: в местах отдыха, на предприятиях, в школах, вузах. Проводились массовые соревнования по стрельбе, причем не только в комфортных условиях тира, но и с выездом в поле, в обстановке, приближенной к военной. «Несмотря на раздробленность коллективов в н/Союзе и при наличии не всегда благоприятных условий для работы, / отсутствие помещения, тиров и материальных средств, отсутствие достаточного кадра подготовленных работников/, мы все же к настоящему времени в области военной пропаганды достигли больших результатов. По имеющимся сведениям по н/Союзу организовано 629 различных военных кружков и охвачено свыше 16 тысяч человек, что составляет 10,5 % членов н/Союза, втянутых в военную работу» [6].

Обращалось особое внимание на работу среди молодежи как главного резерва армии. Перед государственными и общественными организациями ставилась задача настойчивее пропагандировать службу в Красной армии, разъясняя молодежи особенности армейской жизни, связанные с необходимостью дисциплины, ограничени-

ями свободы, лишениями и трудностями армейского быта. Военная пропаганда, работа по военизации молодежи давала свои результаты в повышении психологической готовности молодых людей к участию в военных действиях.

Не оставалось в стороне и женское население. Тема военной подготовки женщин была актуальна, она была связана с пропагандой борьбы за равноправие женщин, за овладение мужскими профессиями. Военная подготовка советских женщин стала одним из важных направлений военной пропаганды в 1920–1930 гг. Женщины обучались стрельбе, проходили медицинскую подготовку, занимались парашютным и планерным спортом, их учили приемам химической защиты. Все эти виды военной подготовки активно пропагандировались на страницах изданий для женщин. Женщины ставили рекорды, что подчеркивало их равноправное положение. Женщины служили в армии (летчицами, радистками, медработниками) — это тоже символ равенства, овладение мужской профессией. Постоянное присутствие военной темы в печати, предназначенной для женщин, наравне с рассказами о любви, о женской доле, о профессиональном становлении и пр., делали войну как бы непременной частью жизни советской женщины.

Эпитетом выглядит стихотворение С. Бесфамильного «Парашутистка»:

Вот стоит она в комбинезоне
С нетерпением глядит вперед,
Где на мраморном синем фоне
Опускается самолет [7].

Особое внимание уделялось допризывной подготовке. Для оказания помощи военкоматам в постановке на учет военнообязанных, их допризывной подготовке, организации призыва, мобилизации, организации противовоздушной обороны по решению XVIII съезда ВКП(б) в ЦК компартий союзных республик, в крайкомах, обкомах, райкомах создавались военные отделы.

«Усложнившееся международное положение, возросшая опасность войны, необходимость всемерного укрепления и подготовки Красной армии — все это придает вопросам призыва 1905 г. особо важное значение» [8].

Составной частью подготовки населения к отпору агрессора стали военная пропаганда и развитие физкультуры и спорта — важного средства воспитания выносливости, воли, настойчивости, дисциплинированности, чувства коллективизма.

В качестве способов решения задач по повышению обороноспособности страны рассматривались как воспитание патриотизма, так и внедрение в общественное сознание образа врага. Советская военная пропаганда в деле повышения обороноспособности страны добилась значительных успехов, прежде всего, благодаря своей многогранности в воспитании патриотизма. Молодое поколение, сформировавшееся в 1920-х гг. с готовностью к вооруженному насилию против реальных и мнимых врагов, в дальнейшем стало одной из надежных опор сталинского репрессивного режима. Главной целью военной пропаганды было создание нового человека — человека, добровольно подчинившего свои интересы интересам общества, готового пожертвовать своей жизнью в любой момент по приказу вождя народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лежень Е. Е. Плакат как средство политической агитации в 1917–1930-е годы.
2. МОАЦ. Ф. 273. Оп. 1. Д. 258. С. 9.
3. МОАЦ. Ф. 273. Оп. 1. Д. 258. С. 17.
4. МОАЦ. Ф. 273. Оп. 1. Д. 258. С. 18.
5. МОАЦ. Ф. 273. Оп. 1. Д. 258. С. 11.
6. МОАЦ. Ф. 125. Оп. 1. Д. 138. С. 105.
7. МОАЦ. Ф. 273. Оп. 1. Д. 258. С. 33.
8. МОАЦ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 96. С. 326.
9. Алферова. И. В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма (первое десятилетие советской власти. 1917–1927 гг.): Дисс. ... д. и. н. — СПб., 2011.
10. Штолькина Н. Хочу стать хорошим летчиком // Работница. — 1939. — № 23. — С. 8.
11. Шестакова Е. Как ставить военную пропаганду // Коммунистка. — 1927. — № 9. — С. 38.

ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1919–1920 УЧЕБНОМ ГОДУ. ОБЗОР ФОНДА МОСКОВСКОГО ОТДЕЛА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (ЦГАМО)

Шевченко Валерий Анатольевич

Кандидат исторических наук,
главный археограф отдела публикации и использования документов
Центрального государственного архива Московской области
Москва, Российская Федерация
e-mail: valeri-shevchenk@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе документов фонда Московского отдела народного образования (ГКУ МО ЦГАМО) рассматривается состояние школьного образования в Московской губернии в 1919–1920 учебном году. Отчеты заведующих уездными отделами народного образования характеризуют сложное положение с организацией школьного обучения на местах в условиях продолжающейся Гражданской войны.

Ключевые слова: Московская губерния, уездные отделы народного образования, школы, учителя.

SCHOOLING IN THE MOSCOW PROVINCE IN 1919–1920 SCHOOL YEAR (ACCORDING TO THE DOCUMENTS OF CENTRAL STATE ARCHIVES OF THE MOSCOW REGION)

Shevchenko Valery Anatolyevich

PhD in history, Chief Archeographer
of the Department of Publications and Use of Documents of the
Central State Archives of the Moscow Region
Moscow, Russian Federation
e-mail: valeri-shevchenk@yandex.ru

Abstract. In the article on the basis of documents of the Moscow Province Department of Public Education highlights the state of schooling in the Moscow Province in the 1919–1920 school year. Reports of the Heads of county departments of public education characterize the difficult situation with the organization of schooling in regions in the context of the ongoing Civil war.

Keywords: Moscow province, county departments of public education, schools, teachers.

Историю развития народного образования в Московской губернии в первые годы советской власти наиболее полно можно изучить по документам отдела народного образования Моссовета (далее — МОНО). Фонд МОНО (Ф. 966) хранится в Центральном государственном архиве Московской области и насчитывает 5478 единиц хранения за 1918–1929 гг.

Отчеты заведующих уездными отделами народного образования за 1918–1919 учебный год характеризуют сложное положение с организацией школьного обучения на местах в условиях продолжающейся Гражданской войны.

Школьная статистика свидетельствует, что на тот момент находились возможности для развития преимущественно начального образования. Из 74 школ Верейского уезда числилось лишь 3 школы II ступени и 1 специальная, остальные — I ступени. В Дмитровском уезде по состоянию на июль 1920 г. было 112 школ I ступени с общим числом учащихся 8167 человек и всего 5 школ II ступени с числом учащихся 527 человек [1].

Экономическая разруха, низкий качественный уровень управленческих и педагогических кадров сказывались на стабильности функционирования учебных заведений. Например, в Рузском уезде в течение 1918–1919 учебного года из 102 школ уезда 5 не работали по причине отсутствия преподавательских кадров, 5 были открыты с опозданием и 2 преждевременно закрыты по той же причине [2].

В осенне-зимний период большинство школ Павловского Посада функционировало неравномерно из-за отсутствия топлива или ремонта отопительной системы. Не работали школы и в пасхальные недели апреля 1920 г. С наступлением теплого времени года в старших группах повысился процент отсутствующих учеников: начиналась огородная страда [3].

Отсутствие детской обуви также влияло на посещаемость. В Рузском уезде с населения была собрана шерсть на 1200 пар детской обуви, которой предполагалось снабжать учеников из бедных семей [4].

Проблемы с помещениями существенно тормозили учебный процесс. Многие школы размещались в случайных, в том числе наемных помещениях. Денег на капитальный ремонт зданий не было [5]. Шко-

лы не ремонтировались по меньшей мере с 1916 г. Местные органы советской власти не располагали техническими и материальными средствами для осуществления даже мелкого ремонта [6].

Снабжение школ учебниками и учебными пособиями было недостаточным. Школы Коломенского уезда получили в 1919–1920 учебном году 2220 учебников по русскому языку, 1525 — по математике, 266 — по истории, 134 — по географии, 90 — по естествознанию, 11 — по физике [7]. Школьники Верейского уезда по причине недостаточного количества новых учебных пособий довольствовались старыми учебниками [8].

Питание учащихся в местностях, где не производились сельскохозяйственные продукты, осуществлялось в столовых. Например, 36 столовых Московского уезда обслужили 22 493 ребенка [9]. В Богородском уезде ученики сами принимали участие в приготовлении завтраков и питались в школах [10].

Дефицит профессиональных кадров понижал качество образования. Вследствие отсутствия продовольствия учителя оставляли рабочие места. Вакансии замещали неподготовленные люди. Из 545 учительских комплектов в Бронницком уезде не было заполнено 120 [11]. В Московском уезде в течение учебного года нехватка преподавателей доходила до 175 человек [12].

Нарушение трудовой дисциплины, участвовавшие случаи самовольного оставления рабочих мест учителями вынуждали уездные отделы народного образования принимать соответствующие меры. Можайскому уездному отделу пришлось повторно выпустить циркуляр об отпусках школьных работников. Волостным отделам и школьным советам предписывалось «строго следить за тем, чтобы школьные работники самовольно не покидали школы». Необходимо было получить письменное разрешение с указанием причины отпуска. Школьный совет имел право предоставлять отпуск только на сутки, волостные отделы — на трое суток. Отпуск свыше трех суток разрешал исключительно уездный отдел и только по уважительным причинам или по служебным делам.

Командировки за пределы уезда выдавались уездным отделом. Впрочем, в «чрезвычайно важных случаях» командировку можно

было оформить в волостном отделе, о чем сообщалось уездному отделу. Ежемесячно волостные отделы отправляли в уезд сведения из «книги отпусков школьных работников». Виновных в неисполнении постановления уездного отдела привлекали к принудительным работам [13].

Несмотря на трудности периода военного коммунизма, нехватку профессиональных педагогических кадров, советской власти удалось на местах сохранить сеть начальных школ и заложить основы для создания новой массовой школы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Центральный государственный архив Московской области (далее — ЦГАМО). Ф. 966. Оп. 1. Д. 9. Л. 13, 27.
2. Там же. Л. 76 об., 77.
3. Там же. Л. 86–86 об.
4. Там же. Л. 77.
5. ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 1. Д. 9. Л. 55, 77 об., 94 об.
6. Там же. Л. 97 об.
7. Там же. Л. 41 об.
8. Там же. Л. 12.
9. ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 1. Д. 9. Л. 55 об.
10. Там же. Л. 3.
11. Там же. Л. 6.
12. Там же. Л. 54.
13. ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 1. Д. 9. Л. 59.

РАЗДЕЛ VII

УЧАСТНИКИ ДИСКУССИЙ

SECTION VII

CONFERENCE PARTICIPANT

ООО «ТЕРМИКА.РУ»

ПЕЧАТНЫЕ ДОСКИ ДИНАСТИИ НГУЕН — ВСЕМИРНОЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ

Доан Тхи Хоа

Кандидат исторических наук, заведующий отделом по научной работе и послевузовскому образованию Ханойского университета внутренних дел Ханой, Вьетнам

Аннотация. В докладе раскрываются малоизвестные аспекты хранения в архивах Вьетнама документов на печатных досках. Такие документы периода династии Нгуен являются не только крайне редкими и особенными в государственных архивах Вьетнама, но также и всемирным документальным наследием как по содержанию, так и по технике изготовления. Каждый документ на печатной доске — это не только подлинный исторический документ, но и уникальное произведение искусства. Глубоко осознавая значимость этих коллекций документов, правительство Вьетнама уделяет большое внимание охране, сохранению и пропагандированию их ценности. Государственный архивный центр № 4, где хранятся эти коллекции, обеспечивает нормативные требования к обеспечению сохранности документов, в том числе с использованием современных информационных технологий.

Ключевые слова: Вьетнам, документ, сохранность документов, печатные доски.

PRINTED BOARDS OF THE NGUYEN DYNASTY — WORLD DOCUMENTARY HERITAGE

Doan Thi Hoa

Candidate of Historical Sciences, Head of the Department for research and postgraduate education Hanoi University of internal Affairs Hanoi, Vietnam

Abstract. The report reveals little-known aspects of storing documents on printed boards in the archives of Vietnam. Such documents from the Nguyen dynasty are not only extremely rare and special in the state archives of Vietnam, but also a world-wide documentary heritage, both in content and in production techniques. Each document on the printed Board is not only

a historical original document, but also a unique work of art. Deeply aware of the importance of these collections of documents, the government of Vietnam pays great attention to the protection, preservation and promotion of their value. The state archive center № 4, where these collections are stored, provides regulatory requirements for ensuring the preservation of documents, including using modern information technologies.

Keywords: Vietnam, document the preservation of documents, printed boards.

Вьетнам — страна с более поздней и более медленно развивающейся базой архивного дела по сравнению со многими странами мира. Исторически сложилось так, что архивы Вьетнама стали привлекать внимание только после того, как Вьетнам обрел независимость в 1945 г., когда родилась Демократическая Республика Вьетнам, завершился период французского колониализма (1858–1945) и период феодализма. Однако затем 30 лет двух вьетнамских войн с Францией и Америкой (1945–1975) стали еще одной причиной, повлиявшей на развитие архивного дела во Вьетнаме.

В настоящее время система архивов Вьетнама активно развивается. В 2011 г. принят закон «Об архивах», который обозначил новый шаг в развитии архивного дела страны. Все архивные документы Вьетнама, независимо от времени, происхождения и методов обработки, определяются как принадлежащие Государственному архивному фонду Вьетнама (ГАФВ). Во Вьетнаме существуют две архивные системы: партийная (Коммунистическая партия Вьетнама) и государственная архивная система. Это положение закреплено в законе об архивах 2011 г. Высшим государственным руководящим органом партийной архивной системы является Управление архивов при канцелярии Центрального комитета партии. В государственной архивной системе управление архивной работой осуществляет Государственный департамент делопроизводства и архивного дела как структурное подразделение Министерства внутренних дел.

Вьетнам имеет четыре государственных архивных центра, которые хранят архивные документы примерно с начала XIX в. по настоящее время. Кроме того, собственные системы хранения архивных

документов созданы в большинстве государственных учреждений. В министерствах, ведомствах, соответствующих уровню министерств, и учреждениях, подчиняющихся правительству, созданы архивно-канцелярские отделы. На уровне провинций и городов центрального подчинения создаются провинциальные и городские архивные отделы при департаментах внутренних дел. На районном уровне также необходимо иметь архивиста, отвечающего за архивное дело на местах.

В результате более чем тысячелетней зависимости от Китая и почти вековой зависимости от Франции, а затем освободительной войны против Франции и Соединенных Штатов Америки, продолжавшейся 30 лет, архивные документы Вьетнама существуют на разных языках: китайском, французском, английском и на куокнгы. В настоящее время Вьетнам выделил отдельный государственный архивный центр (Государственный архивный центр № 1) для сохранения архивных документов до 1945 г., где большинство документов составлено на китайском и французском языках.

В Государственном архивном фонде Вьетнама есть особенно редкий вид архивных документов — печатные доски. К настоящему времени во Вьетнаме имелось три коллекции печатных досок, которые были признаны ЮНЕСКО всемирным документальным наследием: печатные доски династии Нгуен, печатные доски пагоды Винь Нгием и печатные доски школы Фук Зянг (провинция Хатинь). Причем коллекция печатных досок династии Нгуен была первой признана ЮНЕСКО объектом Всемирного наследия 31 июля 2009 г. в рамках программы «Память мира» в Азии и Тихоокеанском регионе. Данный доклад будет посвящен современным проблемам сохранения и пропагандирования ценности этой особенной коллекции архивных документов Вьетнама.

История коллекции печатных досок династии Нгуен

Династия Нгуен существовала в общей сложности 143 года и стала последней династией во вьетнамской истории, она возникла после воцарения короля Зя Лонга в 1802 г. и прекратилась полностью, когда император Бао Дай отрекся от престола в 1945 г. Правление династии

Нгуен было ознаменовано множеством взлетов и падений в истории Вьетнама, особенное событие — вторжение Франции в середине XIX в. Конец правления династии Нгуен также стал окончанием французского колониального господства во Вьетнаме в августе 1945 г. благодаря успеху Августовской революции 1945 г.

Период правления династии Нгуен также стал временем, когда начала развиваться работа с архивными документами Вьетнама. В период правления короля Минь Манга (1820–1841) в развитии архивного дела произошел кардинальный поворот, возникло специализированное архивное учреждение. В 1820 г. было создано Национальное историческое учреждение с целью записи и документирования истории королевских династий, составления национальной истории и монографий по различным отраслям знаний. Коллекции исторических государственных документов были составлены национальным историческим учреждением на основе древних книг и материалов, созданных в ходе деятельности династии и органов власти различного уровня — от центральных до местных, таких как указы, ордонансы, эдикты королевского дома, которые были изданы для претворения в жизнь; проекты, доклады королю, прошения на высочайшее имя, книги записей различных учреждений и местных органов, которые были одобрены королем — оригиналы этих текстов называются «жемчужные документы». По закону «жемчужные документы» передавались в кабинет министров, в котором визированные императорские повеления копировались в двух экземплярах; по завершении копирования кабинет отправлял одну копию в Национальное историческое учреждение для составления книг.

Из-за необходимости широко распространять общественные нормы, законы, которые требовали повиновения подданных, а также записывать исторические события и передаваемые из уст в уста славные дела королей и лордов, династия Нгуен давала в ксилографическую печать (оттиск с гравюры на дереве) множество исторических книг и литературных произведений, что и привело к рождению особого типа документов — документов на печатных досках. Большинство документов на печатных досках династии Нгуен было создано в период деятельности Национального исторического учреждения.

Техника изготовления документов на печатных досках

Процесс изготовления печатных досок при династии Нгуен проходил тщательно, на него тратилось много времени и сил. Прежде всего, король должен был обнародовать указ, разрешающий составление книги, после чего редакционный орган подавал прошение о разрешении короля изучить «жемчужный документ» для составления чернового проекта. После завершения черновой проект книги должен был быть проверен, пересмотрен и дополнен, а затем четко скопирован в соответствии с оригиналом. После чего редакционный орган составлял ходатайство об издании, прилагаемое к черновому проекту книги, и подавал королю на утверждение. Только после того, как король рассмотрит его и одобрит личным автографом, рукопись передавалась самым талантливым мастерам для вырезания клише на драгоценной древесине и последующей печати. Процесс печати книг находился под строгим надзором уполномоченных должностных лиц. Печатные доски после вырезания преподносились должностными лицами королю с прошением разрешить печатать книгу. Каждая книга была выгравирована и напечатана по приказу короля.

Выбор древесины и изготовление досок для создания страниц книги осуществлялись очень тщательно. Выбранные материалы и сырье должны гарантированно быть долговечными, хорошо впитывать и выделять чернила. Древесина, которую выбирали для печатных досок при династии Нгуен, обычно представляла собой эбеновое дерево или яблоню, благодаря их гладкой, легкой древесине в них редко образуются трещины, они меньше деформируются. Как только выбиралась древесина, затем выбирались ее части с достаточной площадью для изготовления досок и их распила на дощечки-блоки. Полученные блоки замачивались в воде, в течение одного — шести месяцев, чтобы смола в древесине полностью растворилась. После замачивания доски вынимали и размещали в месте, защищенном от прямого солнечного света, продуваемом ветром, что позволяло им высохнуть естественным путем. После вымачивания и сушки доски редко давали трещины, они были удобны для гравировки, легко впитывали и выделяли чернила. После того как доска-блок для вырезания высыхала, обе ее стороны шлифовали ровно и гладко, вырезали изображение, как можно более

похожее на гравировку для печати, затем наносили растительное масло на поверхность и вырезали знаки, буквы.

Исторически сложилось так, что Вьетнам находился под тысячелетним господством Китая, и в этой связи испытал глубокое влияние китайской культуры. В течение длительного исторического периода официальным языком документов государственного управления и официальных исторических документов был китайский. Именно поэтому языком серии материалов на печатных досках династии Нгуен в основном является китайский, а также частично письменность тьы-ном, являющаяся вариантом старинного вьетнамского языка, созданного на основе китайских иероглифов для записи вьетнамских слов. Число людей, изучавших и владевших китайскими иероглифами и тьы-ном, было незначительно, главным образом это были члены королевского дома, мандарины и аристократы, поэтому выбор писца документа был непростым.

Для изготовления документов на печатных досках кроме тщательно продуманного подбора древесины также было необходимо выбрать хорошего каллиграфа и высокоискусного мастера-резчика по дереву. Образцы знаков, изображений записывались на бумаге, затем переворачивались и приклеивались к печатной доске, чтобы отпечатались на дереве, следовательно слово, напечатанное на дереве, является обратным его изображением. Резчик вырезал знаки-буквы, следуя очертаниям отпечатка на дереве. Кроме выбора мастеров-каллиграфов, Национальное историческое учреждение также должно было привлечь лучших резчиков со всей страны. Резьба по дереву выполнялась полностью ручным способом. Каждый китайский иероглиф и иероглиф на тьы-ном вырезан на дереве четко и искусно. Именно поэтому каждая печатная доска является не только страницей драгоценного документа, но и уникальным произведением искусства.

После вырезания слова-иероглифа на поверхности доски наступает черед печатания книги. Чернила наносят на поверхность изображения, прикладывают к бумаге, и на бумаге отпечатывается изображение. После окончания печати все листы собирают, сворачивают вдвое и складывают в порядке страниц, режут по нужному размеру в соответствии с размером книги, а затем переплетают книгу. Пишут название и поряд-

ковый номер книги, чтобы полностью завершить ее изготовление. Такие книги делали для использования с заранее определенными целями.

Содержание материалов на печатных досках династии Нгуен

Содержание печатных досок-блоков династии Нгуен богато и разнообразно, оно отражает все аспекты жизни вьетнамского общества во времена феодализма, такие как: история, география, социальное и политическое положение, военное дело, законодательство, культура и образование, религия, идеология, философия, поэзия, языкознание и письменность. Согласно информации на веб-сайте Департамента государственных документов и архивов Вьетнама коллекция печатных досок династии Нгуен ныне насчитывает 152 наименования книг в количестве 1953 экземпляров. В частности:

- по истории: 30 книг в 836 экземплярах;
- по географии: 2 книги в 20 экземплярах;
- о социально-политическом положении: 5 книг в 16 экземплярах;
- по военному делу: 5 книг в 151 экземпляре;
- по законодательству: 12 книг в 500 экземплярах;
- о культуре и образовании: 31 книга в 93 экземплярах;
- по идеологии, философии и религии: 13 книг в 22 экземплярах;
- о поэзии: 39 книг в 265 экземплярах;
- по языкознанию и письменности: 14 книг в 50 экземплярах.

Печатные доски династии Нгуен — это особый и очень редкий вид архивных документов, ценный исторический источник во многих аспектах, который отражает подлинную политическую, экономическую, культурную и социальную жизнь Вьетнама по многим темам, является надежным источником для исследований, для изучения Вьетнама в эпоху новой истории. Именно из-за этих важных характеристик, в том числе и в период правления династии Нгуен, печатные доски считались национальной драгоценностью. К ним имели доступ только высокопоставленные, компетентные и ответственные лица, работавшие в Национальном историческом учреждении. Печатные доски династии Нгуен являются не только ценнейшим источником для изучения документальной истории вьетнамского народа, но и также объектом историко-культурного наследия страны.

Работа по сохранению документов на печатных досках во Вьетнаме в настоящее время

В настоящее время весь блок документов на печатных досках династии Нгуен объемом 34 619 дощечек-блоков, что соответствует 55 320 поверхностям резной древесины, хранится в Государственном архивном центре № 4 под управлением Государственного департамента делопроизводства и архивного дела Вьетнама при Министерстве внутренних дел. Государственный архивный центр № 4 расположен в Далате провинции Ламдонг. В Далате умеренный горный климат, круглый год прохладно: среднемесячная температура колеблется между 15,8 и 19,3 °С, в самые жаркие месяцы средняя температура не превышает 20 °С, в самые холодные месяцы среднемесячная температура не опускается ниже 14 °С.

Относительная влажность воздуха в Далате является самой высокой в августе (около 91 %) и минимальной в марте (около 77 %). Как правило, в сезон дождей (с мая по октябрь) средняя годовая относительная влажность воздуха в Далате составляет 87–91 %, но в сухой сезон этот показатель составляет всего около 77–85 %.

Такой стабильный климат в Далате вполне соответствует требованиям сохранности печатных досок. Государственный архивный центр № 4 Вьетнама построил специализированное здание для хранения печатных досок. Обследование состояния воздуха внутри показывает, что влажность при хранении составляет 70 %, а температура равна 21 °С (при условии, что в хранилище не задействованы вентилятор и осушитель), а содержание влаги в древесине составляло 13,15 %, эти полученные параметры идентичны показателям равновесного баланса.

Документы-доски хранятся в помещении в соответствии с естественной вентиляцией, без охлаждения воздуха, используется только вентилятор кондиционера. Сотрудники архива регулярно проверяют температуру и влажность в хранилище, гарантируя поддержание постоянной температуры в диапазоне 22–25 °С; содержание влаги колеблется от 56 % до 66 %. Это специализированное здание архива для хранения документов на печатных досках полностью оснащено необходимым оборудованием, таким как кондиционеры, осушители, система автоматической противопожарной защиты и т. п.

Также для документов на печатных досках применяется строгий

режим хранения. Кроме поддержания температуры и влажности Государственный архивный центр № 4 также обеспечивает защиту документов от воздействия солнечного света и ультрафиолетового излучения. В Центре приняты меры для того, чтобы ограничить попадание лучей солнца или сильного излучения, ограничено время, в течение которого свет попадает на реликвии. Печатные доски хранятся вдали от окон, источников люминесцентного света, приняты меры по предотвращению нанесения вреда насекомыми и плесенью, сохраняются в чистоте сами печатные доски и окружающая среда, проводятся периодические проверки хранилища (раз в три-шесть месяцев). Проводится санитарная обработка материалов один раз в год. Если какие-либо материалы покрываются плесенью, то сотрудники центра их очень тщательно и осторожно очищают. С 2009 г. сотрудники центра проводят очистку плесени и остатков чернил вручную. При работе с деревянными блоками печатных досок сотрудники архива всегда соблюдают осторожность и надевают перчатки.

Проблема сохранения и пропагандирования ценности материалов на печатных досках династии Нгуен

Благодаря общей ценности информационного содержания и специфике технической обработки, ЮНЕСКО признала печатные доски династии Нгуен всемирным документальным наследием. В силу их ценности правительство Вьетнама уделяет большое внимание сохранению и пропагандированию ценности документов этого типа.

Проблема сохранения документов решается по двум направлениям. Во-первых, Государственный архивный центр № 4 ужесточил требования к обеспечению сохранности документов: разработаны научные корректировки режима хранения, установлено соответствующее стандартам оборудование; проведено копирование и оцифровка оригиналов досок для создания страхового фонда, а также для изучения и использования документов без прямого контакта с оригиналом документа. В 1993 г. правительство Вьетнама утвердило Государственному департаменту делопроизводства и архивного дела проект «Неотложное спасение „жемчужных документов“ и печатных досок» в период 1993–2000 гг. Результаты проекта:

— сделаны отпечатки с 55 188 поверхностей печатных досок. Проведена классификация, систематизация отпечатков по коллекциям книг и по каждой книге в коллекции;

— оцифрованы все 55 318 листов отпечатков и собраны на компакт-дисках CD-ROM (каждый набор компакт-дисков изготовлен в трех экземплярах — два комплекта для страхования оригиналов и один для использования, просмотра);

— создано прикладное программное обеспечение для использования документов печатных досок, которое отвечает требованиям защиты, поиска и использования (можно читать непосредственно на устройстве, можно увеличивать или уменьшать масштаб по желанию читателей) и т. д.

Относительно оригиналов материалов на печатных досках. В настоящее время Государственный архивный центр № 4 разработал программное обеспечение для считывания информации с печатных досок и создал модели по вопросам популяризации и использования архивных источников. Программное обеспечение для управления и использования оригинальных материалов с печатных досок отвечает следующим требуемым аспектам:

— система управления базами данных, инструменты управления и интеллектуальный анализ данных обеспечивают единообразие в системе хранения информации;

— пользователям предоставлена возможность управлять документами и использовать их через систему онлайн-поиска быстро, точно и без дублирования при обеспечении требований безопасности;

— точный поиск данных, соответствующий характеристикам деревянного блока;

— возможность поиска информации по нескольким параметрам, удовлетворение разнообразных потребностей управленческого персонала, операторов по распространению и предоставлению сервисов;

— выполняются все требования к вводу и выдаче данных, что позволяет печатать различные формы и образцы, отвечающие требованиям управления и сервиса по использованию;

— от данного программного обеспечения также требовалось, чтобы оно было сделано открытым, чтобы его можно было совершенствовать в будущем.

В настоящее время правительство Вьетнама продолжает осуществлять политику сохранения и популяризации ценности печатных досок династии Нгуен. С одной стороны, реликвии сохраняются в соответствии с существующими нормами, все больше применяются информационные технологии в деле управления и использования печатных досок. С другой стороны, проводится большая работа по продвижению и пропаганде среди наших соотечественников в стране и друзей за границей значения этого особенного типа документа. 3 февраля 2016 г. премьер-министр Вьетнама утвердил проект «Сохранение и пропагандирование ценности печатных досок династии Нгуен — всемирного документального наследия». Проект будет реализован в 2016–2025 гг. Он имеет следующие цели:

— усилить меры по безопасному сохранению печатных досок, уменьшить повреждение документов в целях долгосрочного сохранения документов;

— усилить пропаганду и информированность о ценности печатных досок династии Нгуен через обновление и расширение форм этой деятельности для ознакомления общественности в стране и за рубежом через доступ и осознание ценности, содержания и значения этих документов.

Очевидно, что это поможет ученым в проведении исторических исследований, таких, например, как составление и издание печатных материалов и публикаций, проведение выставок, изготовление копий, создание документальных фильмов, проведение научных конференций и семинаров, использование материалов о печатных досках в учебных заведениях, прежде всего, в процессе подготовки архивистов.

Заключение

Таким образом, архивные документы Вьетнама на печатных досках периода династии Нгуен являются не только крайне редкими и особенными в государственных архивах Вьетнама, но также и всемирным документальным наследием как по содержанию, так и по технике изготовления. Каждый документ на печатной доске — это не только подлинный исторический документ, но и уникальное произведение искусства. Глубоко осознавая значимость этих коллек-

ций документов, правительство Вьетнама уделяет большое внимание их сохранению и пропагандированию их ценности. Государственный архивный центр № 4, где хранятся эти коллекции материалов, в настоящее время является не только местом, куда стремятся исследователи, но также и экскурсионной целью посетителей Далата — одного из туристических центров современного Вьетнама, где экскурсанты могут познакомиться с особенными реликвиями — свидетельствами древней истории Вьетнама.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Cục Văn thư và Lưu trữ Nhà nước. Châu bản, mộc bản Triều Nguyễn Việt Nam — Di sản tư liệu thế giới về chủ quyền biển đảo Việt Nam, Tạp chí Văn thư- Lưu trữ Việt Nam, số 11/2017. — Tr. 41–49. — Департамент государственных документов и архивов. «Жемчужные документы», печатные доски династии Нгуен Вьетнама — всемирное документальное наследие о суверенитете на вьетнамскими островами // Журнал «Делопроизводство и архив Вьетнама». — 2017. — № 11. — С. 41–49.

2. Kỷ yếu Hội thảo khoa học: «Chia sẻ kinh nghiệm bảo quản tài liệu mộc bản tại các nước châu Á. Trung tâm lưu trữ quốc gia IV, Đà Lạt, tháng 11/2017 — Материалы научной конференции «Обмен опытом в области сохранения архивных документов на деревянной основе в странах Азии». — Далат: Государственный архивный центр № 4, 2017.

3. Nguyễn Hữu Sử (Viện nghiên cứu tôn giáo — Viện Hàn Lâm khoa học xã hội Việt Nam). Nghiên cứu quy trình khắc in mộc bản truyền thống ở Việt Nam//Kỷ yếu Hội thảo khoa học: “Chia sẻ kinh nghiệm bảo quản tài liệu mộc bản tại các nước châu Á. Trung tâm lưu trữ quốc gia IV, Đà Lạt, tháng 11/2017. — Tr. 29–38. — Нгуен Хыу Шы. Исследование традиционного процесса вырезания и печати изображений с помощью печатных досок во Вьетнаме: Материалы научной конференции «Обмен опытом в области сохранения архивных документов на деревянной основе в странах Азии». — Далат: Государственный архивный центр № 4, 2017. — С. 29–38.

4. Ngô Xuân Hùng (Giám đốc Trung tâm lưu trữ quốc gia IV). Giới thiệu Đề án «Bảo quản và phát huy giá trị tài liệu mộc bản Triều Nguyễn — Di sản tư liệu thế giới» // Kỷ yếu Hội thảo khoa học: «Chia sẻ kinh nghiệm bảo quản tài liệu mộc bản tại các nước châu Á. Trung tâm lưu trữ quốc

gia IV, Đà Lạt, tháng 11/2017. Tr. 50–58. — Нго Суан Хунг. Презентация проекта «Сохранение и пропагандирование ценности печатных досок династии Нгуен — всемирного документального наследия» // Материалы научной конференции «Обмен опытом в области сохранения архивных документов на деревянной основе в странах Азии». — Далат: Государственный архивный центр № 4, 2017. — С. 50–58.

5. Vũ Mạnh Tường, Phạm Văn Chương. (Viện Công nghiệp gỗ — Trường Đại học Lâm nghiệp). Điều kiện môi trường bảo quản tài liệu mộc bản Triều Nguyễn. — Бу Мань Тьонг, Фам Ван Тьонг. Условия окружающей среды для сохранения печатных досок династии Нгуен: Материалы научной конференции: «Обмен опытом в области сохранения архивных документов на деревянной основе в странах Азии». — Далат: Государственный архивный центр №4, 2017. — С. 58–70.

6. Phạm Thị Huệ (Nguyên giám đốc Trung tâm Lưu trữ quốc gia IV) Tổng quan về tài liệu Mộc bản Triều Nguyễn bảo quản tại Trung tâm Lưu trữ quốc gia IV và việc ứng dụng công nghệ thông tin trong quản lý và khai thác tài liệu; <http://www.hannom.org.vn/detail.asp?param=1482&Catid=597>. — Фам Тхи Хюэ. Обзор печатных досок династии Нгуен, зарегистрированных в Государственном архивном центре № 4, и применение информационных технологий в управлении документами и их использовании. — <http://www.hannom.org.vn/detail.asp?param=1482&Catid=597>.

7. Phạm Thị Huệ (nguyên giám đốc Trung tâm Lưu trữ quốc gia IV) Công tác bảo quản tài liệu mộc bản tại Việt Nam — Những vấn đề đặt ra đối với việc bảo quản tài liệu mộc bản Triều Nguyễn. Фам Тхи Хюэ. Работа по сохранению архивных документов на деревянной основе во Вьетнаме — деятельность по сохранению печатных досок династии Нгуен: Материалы научной конференции «Обмен опытом в области сохранения архивных документов на деревянной основе в странах Азии». — Далат: Государственный архивный центр № 4, 2017. — С. 97–102.

8. <http://webdulichhue.com/van-hoa-hue/moc-ban-trieu-nguyen-disan-tu-lieu-the-gioi.html>; <http://www.archives.gov.vn/KGMBTN>; <http://www.vietnamtourism.com/disan/index.php?catid=32>; https://en.wikipedia.org/wiki/Ch%E1%BB%AF_N%C3%B4m.

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ АРХИВНОГО ДЕЛА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ВО ВЬЕТНАМЕ И ПЕРСПЕКТИВНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО С РОССИЙСКИМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ГУМАНИТАРНЫМ УНИВЕРСИТЕТОМ

Ву Тхи Фунг

Кандидат исторических наук, доцент,
факультет архивов и офисного администрирования
Университета социальных и гуманитарных наук при Ханойском
государственном университете
Ханой, Вьетнам

Аннотация. В статье проанализированы требования, основания, основы и некоторые решения для подготовки человеческих ресурсов, удовлетворяющих требованиям цифровых архивов во Вьетнаме, и перспективы сотрудничества с различными профильными учебными заведениями, в том числе с Российским государственным гуманитарным университетом, в области подготовки кадров в области цифровых архивов.

Ключевые слова: подготовка, человеческие ресурсы, цифровые архивы, Вьетнам.

SPECIALISTS UPGRADE PROBLEMS OF ARCHIVAL AFFAIRS AT THE MODERN STAGE IN VIETNAM AND PROMISING COOPERATION WITH THE RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

Wu Thi Fung

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Faculty of Archives
and Office Administration of the University of Social Sciences and
Humanities at Hanoi State University
Hanoi, Vietnam

Abstract. The article analyzes the requirements, grounds, foundations and some solutions for training human resources that meet the requirements of digital archives in Vietnam and the prospects for cooperation with countries, including the Russian state University for the Humanities, in the field of training in digital archives.

Keywords: training, human resources, digital archives, Vietnam.

В настоящее время развитие электронного правительства является неизбежной тенденцией, популярной моделью многих стран, включая Вьетнам. В 2015 г. правительство Вьетнама приняло первую резолюцию по этому вопросу и подчеркнуло: «Необходимо содействовать развитию электронного правительства, повысить качество и эффективность работы государственных органов, лучше и лучше обслуживать людей и бизнес». В последнее время, руководя активным внедрением электронного правительства, премьер-министр настоятельно просил использовать электронные документы в ходе взаимодействия учреждений государственной административной системы и подчеркивал: главные офисы правительства, министерства и ведомства должны быть ведущими учреждениями по реализации безбумажной технологии обработки документов во Вьетнаме.

В соответствии с тенденцией развития электронного правительства, большинство существующих бумажных документов преобразуют в электронные документы, будут сформированы базы данных и электронные записи, которые необходимо архивировать. Кроме того, в настоящее время многие государственные органы во Вьетнаме внедряют оцифровку архивных документов для удовлетворения потребностей в поиске информации и сокращении складских помещений и средств хранения бумажных документов. Это неизбежная тенденция. Поэтому, для того чтобы соответствовать новой тенденции, новым требованиям, необходимы высококвалифицированные специалисты, способные осуществлять управление и обслуживание потребностей в использовании электронных документов в учреждениях, организациях и на предприятиях.

Недавние исследования показали, что кадры и государственные служащие, занимающиеся архивами и делопроизводством в учреждениях и организациях, не соответствуют требованиям к управлению документами при реализации электронного правительства и административной реформы. Результаты опроса об уровне удовлетворения требований к управлению документами в контексте электронного правительства в государственных органах, проведенного в 2017 г. Центром по науке и технике архивов и делопроизводства, показали, что самым большим ограничением нынешних кадров и государ-

ственных служащих, занимающихся архивами и делопроизводством, являются навыки в области информационных технологий. Напротив, обученные ИТ-специалисты не владеют принципами и практикой архивирования и делопроизводства. Между тем для управления документами и электронными архивами необходима координация между этими двумя объектами при проектировании и поддержании работы системы управления. Это одна из причин неадекватности в управлении электронными документами в государственных органах в настоящее время. Результаты опроса по созданию и управлению электронными документами в государственных учреждениях, проведенного в 2017 г. Центром по науке и технике архивов и делопроизводства, также показали, что большая часть программного обеспечения не имеет функции интеграции документов в записи, а другие функции хранения, такие как сбор, определение сроков хранения, эксплуатации, использования, уничтожения устаревших документов и т. п., остаются нерешенными. В этом контексте человеческие ресурсы, занимающиеся архивами и делопроизводством в государственных органах во Вьетнаме, которые являются продуктами программ обучения для бумажной государственной службы, осуществляя канцелярские и архивные операции, зависят полностью от информации на бумаге. Результаты исследований Ле Ван Ханг (2012) и Ле Куан (2016) подтверждают, что текущие человеческие ресурсы не соответствуют требованиям, предъявляемым к управлению и реализации канцелярских и архивных операций в сетевой среде.

В настоящее время и в ближайшем будущем решение проблемы управления электронными архивами определено как одна из ключевых задач Министерства внутренних дел и Государственного бюро архивов и делопроизводства в контексте построения и эксплуатации электронного правительства и цифрового правительства во Вьетнаме. Именно поэтому в 2019 г. Государственному бюро архивов и делопроизводства было поручено разработать и внедрить проект управления электронными документами в государственных органах. Проект подразумевает преобразование традиционных архивов в электронные, подготовка кадров, способных работать с цифровым архивом, определяется в проекте как одна из основных задач.

Главный вопрос заключается в определении целей, объектов и содержания обучения. В проекте управления электронными документами в 2019 г. были определены следующие цели и объекты подготовки человеческих ресурсов.

Подготовка квалифицированных человеческих ресурсов для управления и выполнения профессиональных операций по цифровым архивам, удовлетворяющих требованиям учреждений и организаций в контексте внедрения электронного правительства во Вьетнаме. Стратегия обучения человеческих ресурсов будет сосредоточена на следующих темах:

а) «Управленческий персонал, в том числе ответственный за государственное управление архивами в целом и цифровыми архивами, в частности в Министерстве внутренних дел, Государственном бюро архивов и делопроизводства»;

б) «Должностные лица и государственные служащие, управляющие архивным делом в министерствах, центральных ведомствах и народных комитетах на всех уровнях»;

в) «Должностные лица и государственные служащие, работающие в государственных и исторических архивных центрах в провинциях»;

г) «Профессиональные должностные лица и государственные служащие, непосредственно выполняющие операции по делопроизводству и цифровым архивам в учреждениях и организациях»;

д) «Другие профессиональные должностные лица и государственные служащие, ответственные и связанные с делопроизводством и архивами»;

е) «Поколение кадров и государственных служащих, занимающихся делопроизводством и архивным делом в будущем».

С учетом вышеперечисленных целей и задач содержание обучения фокусируется на следующих основных вопросах:

а) электронные документы и электронные архивы (процесс формирования, идентификационные характеристики, ценность и т. п.);

б) цели, принципы и требования к управлению электронными документами;

в) процессы операций и методы управления электронными документами;

г) процессы операций и методы эксплуатации и использования электронных документов.

Все вышеперечисленное содержание обучения может быть спроектировано в виде модулей. Каждый модуль включает в себя разные модули. Уровень детализации будет зависеть от вида, срока и программы обучения.

В целях предоставления человеческих ресурсов для удовлетворения требований развития цифровых архивов и реализации проекта управления электронными документами Государственное бюро архивов и делопроизводства в сотрудничестве с архивными учебными заведениями предлагает следующие решения.

Решение 1. Определение требований к человеческим ресурсам для развития цифровых архивов.

Для разработки стратегии и плана обучения органы власти должны определить конкретные требования к персоналу для внедрения и реализации цифровых архивов, в том числе:

- а) количество;
- б) профессиональная квалификация;
- в) компьютерные навыки и знание иностранных языков;
- г) профессиональная этика;
- д) другие требования (если такие имеются).

Каждое из вышеперечисленных требований должно быть подробно описано с четкими критериями для того, чтобы учебные заведения имели основания для определения целей, содержания программы, а организации, использующие человеческие ресурсы, имели основания для найма и организации работы, оценки результатов и т. д.

Решение 2. Обследование, оценка текущего состояния человеческих ресурсов.

Оценка текущего состояния действующих человеческих ресурсов учреждений и организаций в соответствии с требованиями развития цифровых архивов определит факторы, которые будут соответствовать всем требованиям, факторы, которые частично соответствовали требованиям, и факторы, которые еще удовлетворили. Это обследование будет проводиться во всех государственных органах по архивам и органам архивного управления (от центрального до местного

уровней), чтобы обеспечить практическую основу для разработки и планирования обучения, а также для разумной и точной оценки затрат на обучение.

Решение 3. Краткосрочное обучение за рубежом работе с цифровыми архивами.

Для того чтобы иметь экспертов, которые смогут консультировать и помогать государству и Министерству внутренних дел направлять поставленные задачи для цифровых архивов, срочное решение состоит в том, чтобы отправить кадры за границу на краткосрочное обучение по цифровым архивам. С другой стороны, в настоящее время во Вьетнаме отсутствует очная форма обучения по программам подготовки студентов, специализирующихся на цифровых архивах, поэтому для того, чтобы открыть программы обучения в очной форме для долгосрочных целей, необходима команда экспертов для обучения преподавателей.

Для реализации этого решения государство должно запланировать отправку ряда кадров с высокой профессиональной квалификацией, степенью магистра или выше, удовлетворяющих требованиям к знанию иностранных языков и компьютерным навыкам, в развитые страны на обучение по краткосрочной программе по цифровым архивам. Срок обучения может составлять от трех до шести месяцев или одного год. Эти люди находятся в ведомости заработной платы Министерства внутренних дел, Государственного бюро архивов и делопроизводства или являются преподавателями учебных заведений, обучающихся по архивам (высшее образование). После окончания учебы они вернутся и проконсультируют правительство, Министерство внутренних дел, Государственное бюро архивов и делопроизводства по вопросам внедрения и использования цифровых архивов, и сами они будут инструктировать кадры архивов Вьетнама, участвовать в подготовке преподавателей, участвовать в обучении и руководстве студентов в учебных заведениях, обучающихся по архивам.

Решение 4. Краткосрочное совместное обучение с представителями зарубежных стран.

Наряду с решением 3 также необходимо пригласить иностранных специалистов по цифровым архивам во Вьетнам для проведения

краткосрочных курсов обучения для вьетнамских сотрудников архивов. Это также немедленное решение, но для долгосрочных целей. В настоящее время многие страны мира, такие как Россия, США, Германия, Великобритания, Австралия, Корея и т. п., реализовали и достигли определенных успехов во внедрении электронного правительства и цифровых архивов. Приглашение экспертов из этих стран поможет вьетнамским сотрудникам архивов получить доступ к передовым методам и обновить новые требования. Приглашая иностранных экспертов для проведения краткосрочных курсов, Вьетнам будет обучать на месте множество сотрудников архивов, которые смогут быстро решить поставленные задачи.

Решение 5. Создание профиля и учебной программы по цифровым архивам в очной форме.

Хотя решения 3 и 4 являются срочными и незамедлительными, создание профиля и учебной программы по цифровым архивам в очной форме направлено на достижение долгосрочной цели. За последние 50 лет (с 1960-х гг. по настоящее время) при практической поддержке стран, включая Советский Союз (бывший) и Российскую Федерацию (нынешнюю), Вьетнам является одной из немногих стран Восточной и Юго-Восточной Азии, которая самостоятельно обучала персонал архивов. В результате, помимо некоторых сотрудников архивов, прошедших обучение за границей (включая бывший Советский Союз и некоторые другие страны), до сих пор Вьетнам самостоятельно подготовил тысячи сотрудников архивов. Система обучения архивному делу во Вьетнаме также имеет все степени: от среднего образования до степени кандидата наук. Это важная основа для реализации долгосрочных учебных решений. В ближайшем будущем (в ближайшие три-пять лет), когда электронное правительство будет широко распространено, а электронные транзакции и документы станут популярными, Вьетнам будет нуждаться в больших человеческих ресурсах, специализирующихся на цифровых архивах. Именно поэтому обучение использованию цифровых архивов в очной форме является самым основным и важным решением. Это решение должно состоять из двух шагов.

Шаг 1. Создание специальности «Цифровые архивы» в учебных программах высшего образования по архивам.

В настоящее время в учебные программы высшего образования по архивам все университеты включили дисциплину «Электронные архивы». Однако, если это просто дисциплина, разрешенное количество часов очень скромное (от 30 до 45 часов), поэтому невозможно подготовить высокоспециализированные кадры.

Таким образом, когда еще не создан и открыт независимый профиль обучения, мы считаем, что университеты должны создать специальность «Цифровые архивы». Студенты будут учиться в течение 2 или 2,5 лет, чтобы получить базовые знания и общие знания об архивах. С начала третьего курса они будут зарегистрированы или отобраны для изучения специальности «Цифровые архивы». Со сроком от 1,5 до 2 лет студенты будут углубленно обучаться по специальности «Цифровые архивы». Таким образом, после окончания университета студенты смогут удовлетворить все требования учреждений и организаций. Конкретные программы будут разработаны в соответствии с каждой формой и уровнем подготовки.

Этот вариант вполне осуществим, потому что процедурных барьеров не так много. Учебным заведениям нужно только представить компетентным органам подготовленный проект учебного плана и определенное количество квалифицированных преподавателей для реализации проекта.

Шаг 2. Создание независимого профиля обучения по цифровым архивам.

Для реализации вышеуказанного решения государству необходимо разрешить учебным заведениям высшего образования создать независимый профиль обучения по цифровым архивам. В последние годы Вьетнам обучал и предоставлял специалистов для работы в архивах с документами на бумажных носителях. Между тем цифровые архивы требуют, чтобы учащиеся обладали междисциплинарными знаниями, включая обществознание и технологические науки (информационные технологии). В цифровых архивах требуются учащиеся, которые нуждаются в междисциплинарных знаниях, включая общественные науки, информационные технологии. Таким образом, в долгосрочной перспективе учебным заведениям, занимающимся обучением специалистов по работе

с архивами, необходимо проводить исследования, создавать проект и предлагать функциональные министерства для того, чтобы позволили открыть новый профиль обучения цифровым архивам. Став независимым профилем, программа обучения будет иметь время, необходимое для реализации многих дисциплин, что обеспечит базовые и глубокие знания.

Решение 6. Переподготовка государственных служащих и кадров по цифровым архивам.

Наряду с немедленными и долгосрочными решениями переподготовке государственных служащих, кадров и людей, занимающихся архивами и делопроизводством, по всей стране для повышения профессиональной квалификации в области работы с цифровыми архивами, должно регулярно уделяться внимание. В настоящее время некоторые учреждения и предприятия организуют короткие учебные курсы (от трех до пяти дней) по делопроизводству и архивам, включая содержание, связанное с цифровыми архивами. Тем не менее за такой срок обучающиеся очень мало знакомятся с цифровыми архивами. Обладая такими небольшими знаниями, государственные служащие и кадры, занимающиеся архивами и делопроизводством, имеют только представление, но не могут выполнять сложные задачи, поставленные перед цифровыми архивами в будущем.

Таким образом, учреждениям необходимо организовать множество учебных курсов для переподготовки и повышения профессиональной квалификации по цифровым архивам для государственных служащих, кадров и людей, занимающихся архивами и делопроизводством, по всей стране. Эти учебные курсы должны проводиться от пяти до десяти дней с практикой и обсуждением или фактическим посещением в некоторых учреждениях. Программы обучения и переподготовки должны быть сформулированы в общих рамках, чтобы учреждения имели основания для применения, осуществления и оценки компетентными органами.

Возможность и перспективы сотрудничества с Российским государственным гуманитарным университетом в области подготовки человеческих ресурсов для удовлетворения требований цифровых архивов во Вьетнаме.

Для реализации вышеуказанных решений Вьетнам должен сотрудничать и обращаться за помощью к странам, которые сильно развились в области цифровых архивов, особенно к Российской Федерации.

За прошедшие годы Советский Союз (бывший) и Российская Федерация (нынешняя) помогли Вьетнаму подготовить сотни студентов, аспирантов и стажеров в области архивов. Большинство из них проходило обучение в бывшем Московском историко-архивном институте (ныне Российский государственный гуманитарный университет). Вернувшись на родину, эти люди стали менеджерами и были задействованы в архивных учреждениях. Однако в последнее время количество студентов и аспирантов, изучающих работу в архивах, обучающихся в России, имеет тенденцию к снижению. Большинство людей, которые обучались раньше, уже вышли на пенсию, поэтому нужна новая команда, чтобы их заменить.

Между тем цифровые архивы являются процветающей отраслью в Российской Федерации. Российский государственный гуманитарный университет имеет команду отличных преподавателей в области цифровых архивов. Таким образом, потребность в подготовке кадров для удовлетворения требований развития цифровых архивов во Вьетнаме откроет возможности для сотрудничества между Вьетнамом и Российской Федерацией в целом и между университетами, обучающими архивированию во Вьетнаме, и Российским государственным гуманитарным университетом в частности.

Принимая участие в этой научной конференции, мы надеемся, что в ближайшее время Российский государственный гуманитарный университет будет сотрудничать и делиться опытом в обучении человеческих ресурсов в области цифровых архивов с Вьетнамом (в том числе с Университетом социальных и гуманитарных наук при Ханойском государственном университете) через некоторые следующие формы:

— прием краткосрочных стажеров по цифровым архивам (от трех месяцев до одного года);

— направление экспертов для обучения и консультирования по вопросам подготовки кадров для удовлетворения требований развития цифровых архивов; сотрудничество в организации и принятия участия в научных семинарах по цифровым архивам во Вьетнаме;

- обмен опытом с Вьетнамом в открытии профиля и специальности и создания программ обучения кадров работе с цифровым архивом;
- участие в обучении и переподготовке для углубления знаний о цифровых архивах для кадров и государственных служащих Вьетнама по приглашению органов власти;
- обмен информацией, документами и исследованиями по цифровым архивам.

Учитывая долгую историю взаимодействия и сотрудничества наших стран, мы надеемся, что в ближайшее время сотрудничество в области обучения человеческих ресурсов по цифровым архивам между Вьетнамом и Российской Федерацией, а также между Российским государственным гуманитарным университетом и Университетом социальных и гуманитарных наук при Ханойском государственном университете будет все больше развиваться и достигать многих хороших результатов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ле Ван Нанг. Исследование стандартов данных при создании, использовании и хранении метаданных в электронных архивах. Научная тема на уровне министерства, код темы 14. — 2012.
2. Ле Куан. Рамки лидерского потенциала для управления государственной администрацией во Вьетнаме. — Ханой: Издательство «Ханойский государственный университет». — 2016.
3. Резолюция Правительства от 14 октября 2015 г. № 36а/NQ-CP «О построении электронного правительства».
4. Проект «Управление электронными документами в государственных органах» Государственного бюро архивов и делопроизводства (2019).

ВЛИЯНИЕ БЫВШЕГО СОВЕТСКОГО И РОССИЙСКОГО АРХИВОВЕДЕНИЯ НА РАЗВИТИЕ ВЬЕТНАМСКОГО АРХИВОВЕДЕНИЯ

Нгуен Ван Тхам

Доктор наук, профессор

Ханой, Вьетнам

Аннотация. В статье рассматривается вопрос международной интеграции, взаимоотношения российских и вьетнамских архивов.

Ключевые слова: Российский государственный гуманитарный университет, Россия, Вьетнам, архивоведение, международная интеграция.

INFLUENCE OF THE FORMER SOVIET ARCHIVAL SCIENCE AND RUSSIAN ARCHIVAL STUDY ON DEVELOPMENT OF VIETNAMESE ARCHIVAL

Nguyen Van Tham

Doctor of Science, Professor

Hanoi, Vietnam

Abstract. The article deals with the issue of international integration and the relationship between Russian and Vietnamese archives

Keywords: Russian state University for the Humanities, Russia, Vietnam, archive studies, international integration.

Мы живем в эпоху, когда культурные обмены между народами становятся все более открытыми, тем более что международная интеграция постоянно укрепляется во многих аспектах. Это была неизбежная часть истории, правило общественного развития, которое сотни лет назад открыли Маркс и Энгельс. Однажды они написали: «Вместо прежней изоляции местностей и этнических групп, которые все еще самостоятельны, мы видим развитие народных отношений и общей зависимости между народами. Если материальное производство было таким, тогда умственное производство было не меньше. Плоды духовной деятельности каждого народа становятся общим достоянием народов. Узкий и националистический характер больше не может существовать» [1].

Историческая реальность показывает, что отношения между народами всегда развивались и переплетались во многих аспектах и становятся все более распространенным явлением. В развитии человеческой истории материальные и духовные продукты нации рождаются как их собственные, но в то же время как их вклад в общий продукт человечества. Вот почему прогрессивные народы не только очень заботятся об охране созданного ими наследия, но и не забывают о наследии других народов, особенно культурном наследии. Культура нации может быть более развитой, поглощая культурную квинтэссенцию многих других наций. И прогрессивное человечество также имеет право требовать вклада каждого народа в общую культуру человечества.

Учитывая значение культурного актива, созданного деятельностью человека для его различных нужд, архивы в основном принадлежат каждой этнической группе. Однако во многих случаях есть общие ценности, которые многие этнические группы могут использовать вместе. Наборы международных морских карт, составленные западными навигаторами, в настоящее время хранятся в архивах некоторых стран, поэтому морское развитие началось еще в Англии, Нидерландах, Португалии. Недавно, например, Вьетнам использовал их для защиты своего суверенитета над морем и островами. История вьетнамского революционного движения отражена в фондах бывших советских, российских и французских архивов. С учетом всего вышесказанного мы можем утверждать, что влияние хранения одной страны на другую в текущую эпоху соответствует нормальным законам культурного обмена. В период растущей международной интеграции основа для построения новых отношений между странами огромна, и взаимное влияние между архивами обучения, естественно, будет все больше и больше.

В частности, отношения и влияние между бывшими советскими архивами и сегодняшними российскими архивами и вьетнамскими архивами представляют собой особый случай, имеющий давнюю традицию из-за бывшего Советского Союза и Федерального союза. Сегодня Россия и Вьетнам — две братские страны, которые во многих отношениях имеют тесные связи. Благодаря всесторонней помощи

бывшего Советского Союза во Вьетнаме за прошедшее время постепенно сформировалось и развивалось архивоведение.

После Октябрьской революции в России советские архивы, следуя традиции предыдущих российских архивов, прошли интенсивный процесс развития и создали революционный архив с системой, обеспечивающей потребности государственного строительства и исторической науки. Из-за своей позиции бывшие советские архивы и сегодняшние российские архивы оказали большое влияние на архивы многих стран, включая вьетнамские архивы. Для Вьетнама проявления этого влияния очень разнообразны. Вот некоторые конкретные выражения.

Самое важное влияние бывших советских архивов и архивов Российской Федерации сегодня на вьетнамские архивы связано с теоретическим познанием. Эта осведомленность охватывает многие аспекты, прежде всего, концепцию архивов и их всеобъемлющих ценностей. В 1945 г. было официально объявлено о создании суверенной Демократической Республики Вьетнам, и в одном из первых посланий президента нового государства Хо Ши Мина, подписанном в 1946 г. министрам, говорится, что архивы имеют особую ценность с точки зрения национального строительства. Но по разным причинам эта ценность не полностью реализована. Обратившись к теоретической системе советских и российских архивов, вьетнамские архивисты и общие эксперты научились анализировать ценность архивов разными способами. Различные отношения, то, как они рассматриваются с функциональной точки зрения, с точки зрения теории информации, теории истории и некоторых других смежных наук.

На вьетнамские архивы также явно влияют советско-вьетнамские архивы и современная Россия с точки зрения методологических принципов и профессиональных методов организации Государственного архивного фонда и конкретных архивов, в которых сосредоточены документы, имеющие историческое, научное, социальное, экономическое, политическое значение, отражающие материальную и духовную жизнь страны и являющиеся неотъемлемой частью историко-культурного наследия Вьетнама. В течение многих лет принцип централизованного управления едиными архивами, исторические принципы,

всеобъемлющие принципы, политические принципы, инициированные советскими архивистами, также были восприняты и успешно применены во вьетнамской практике. Монографии советских архивистов изучались для практического применения во Вьетнаме. Теоретические вопросы, решенные с советскими архивистами, были исследованы и представлены в монографиях, университетских учебных планах, опубликованы и широко используются во Вьетнаме [2].

В процессе реализации на практике вьетнамские эксперты также получили необходимое развитие, чтобы соответствовать условиям Вьетнама, особенно после того, как Вьетнам преобразовал экономику в рамках этого механизма. Рынок заменил прежний централизованный механизм управления субсидиями. Например:

— принципы и методы классификации архивов и определения ценности документов, которые были применены для соответствия организационной структуре и эксплуатационным характеристикам учреждений и организаций во Вьетнаме;

— теория сохранения архивов также применялась и развивалась, чтобы соответствовать особенностям страны в тропиках с высокой влажностью. В результате опыта, полученного во время войны с Соединенными Штатами Америки, были выработаны новые методы сохранности архивов;

— недавно вьетнамские эксперты исследовали и применили результаты исследований других стран, в том числе Российской Федерации, в области электронного хранения, для включения предметов в программу обучения по архивоведению, обучения в университете и аспирантуре [3]; в то же время они также добавили ряд новых теорий о предоставлении государственных услуг в области хранения, управления рисками и маркетинга архивных документов и архивной информации. Данные виды услуг не рассматривались в советских архивах [4].

Вьетнамские архивисты находились под влиянием советских архивистов и архивистов современной России, когда связывали архивные науки со многими другими областями, такими как источниковедение, документоведение, культура, наука управления, юриспруденция и др. С такой всеобъемлющей точки зрения вьетнамские архивы углубили рассмотрение многих аспектов традиционных архивов, извлекая их

из опыта работы советских архивистов. Эти взгляды были высказаны во многих научных работах, опубликованных в научных журналах об архивировании во Вьетнаме [5].

После воздействия теории архивоведения один из важных признаков отношений между советско-вьетнамскими архивами — это подготовка специалистов в области архивного дела. Сотни архивистов, прошедших обучение в Советском Союзе, ранее вернулись к работе во многих архивах во Вьетнаме. Они были эффективны в том, чтобы продолжать передавать студентам, сотрудникам отрасли полученные знания. Многие стали лидерами в архивах партии Вьетнама. Многие люди становятся ведущими учеными в архивоведении, и за прошедшее время они внесли достойный вклад в развитие системы архивов во Вьетнаме. Сами они создали систему документов, широко используемых при подготовке и переподготовке для тысяч архивистов, работающих в архивах Вьетнама. Тем самым они углубили теорию архивоведения, которую они узнали из советских архивов. Как правило, взаимодействие архивов стран посредством научного представительства каждой страны делает статус архивов более высоким, о чем свидетельствует участие архивистов разных государств в международных научно-практических конференциях [6].

Еще один аспект того, что бывшие советские и российские архивы сейчас имеют непосредственное влияние на вьетнамские архивы, — это обмен архивами между двумя странами. Национальный архив Вьетнама неоднократно дополнялся советскими архивами и архивами редких документов, связанных с вьетнамским революционным движением, с жизнью и деятельностью президента Хо Ши Мина. Ярким примером служат документы о строительстве гидроэлектростанции Хоа Бинь, мавзолея Хо Ши Мина и др., сосредоточенные в российских архивах. Приведенные выше данные ясно показывают, что архивы являются культурным наследием во многих случаях не только людей, но и всего человечества.

В настоящее время в условиях глобализации отношения и взаимодействие в области архивов между Вьетнамом и другими странами, включая Российскую Федерацию, будут продолжать активно расти, изучение влияния советско-вьетнамских архивов и современной

Российской Федерации на вьетнамские архивы будет иметь большое значение для нынешних и будущих отношений. Эта проблема, безусловно, требует многочисленных исследований. Наша статья — это только начало. Мы рассчитываем на вклад коллег из России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Маркс, Энгельс: Антология. Т. 1. — Ханой: Издательство «Истина», 1989. — С. 545–546.

2. Ву Дуонг Хоан, Нгуен Ван Тхам. Архивное дело во Вьетнаме. — Издательство общественных наук. — Н., 1983; Дао Суан Чук, Нгуен Ван Хам, Вуонг Динь Куен, Нгуен Ван Тхам. Теория и практика архивных работ. Издательство Университета профессионального образования, 1990 и т. д.

3. В программы подготовки бакалавров и аспирантов по архивам в Университете социальных и гуманитарных наук (Вьетнамский национальный университет, Ханой) они включили новые предметы, такие как: «хранение электронных документов», «Смерть, управление рисками при хранении»; «Маркетинг в хостинге» (подробнее на сайте: ussh.vnu.edu.vn).

4. В последнее время во Вьетнаме был проведен ряд исследований по этим вопросам. Например: «Управление рисками при хранении через реальность во Вьетнаме» (докторская диссертация Тран Тхань Тунг); «Организация маркетинговой деятельности в Национальном архивном центре» (кандидатская диссертация Тран Фуонг Хоа, защищенная в 2018 г. в Ханойском национальном университете).

5. См., например: Нгуен Ван Тхам. Историковедение и теория экспертизы документов в текущий период // Журнал «Архив». — 1981. — № 3 + 4/12; Нгуен Ван Тхам. Некоторые проблемы с системой документов и текстовой информацией в процессе управления // Журнал «Архив». — 1982. — Архивы 1/3 и т. д.

6. См. также: Отчеты о девятой конференции архивов социалистического руководства во Вьетнаме в 1985 г. Архивы шрифтов Департамент государственных архивов и архивов.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ООО «ТЕРМИКА.РУ»

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ООО «ТЕРМИКА.РУ»

Научное издание

**ДОКУМЕНТ. АРХИВ.
ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО**

Материалы IV Международной
научно-практической конференции

Москва, Российский государственный
гуманитарный университет, 3 октября 2019 г.

Пушкино, Московский областной
архивный центр, 4 октября 2019 г.

Подписано в печать 17.09.2020

Формат 60x90 1/16. Гарнитура «Minion Pro»

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 30,75. Тираж 90 экз.

Заказ № 157454

ООО «ТЕРМИКА.РУ», 2020